МАРТЪ. 1896.

Russkoe Bogatstvo

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1896.

Printed in Germany

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты*:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Щедринъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер., 1 р. 25 к.

Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Уральскіе разсказы. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Морскіе силуэты. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Сѣрошевскій. Якутскіе разсказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

П. Добротворскій. Разсказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

VII.

Новые ученики. — Луньковъ.

Въ новомъ номерѣ завелись у меня, кромѣ Буренковыхъ, еще и другіе ученики: Маразгали, Петинъ, Ногайцевъ и Луньковъ. Образовалась настоящая школа, которой по временамъ я и не радъ былъ. Послѣдніе трое спеціально для ученья перепросились изъ другихъ номеровъ въ нашъ, кипя, повидимому, одинаковымъ рвеніемъ къ наукѣ. Петинъ умѣлъ, впрочемъ, и на волѣ еще читать и писать довольно порядочно; онъ сочинялъ даже стишки и теперь мечталъ только о «высшемъ образованіи». Къ сожалѣнію, большому самолюбію не соотвѣтствовали ни размѣры ума, ни способности. Петинъ, подобно Сокольцеву, имѣлъ на плечахъ больше тридцати лѣтъ каторги (которую онъ къ тому же только что начиналъ) и среди незнающихъ его людей пользовался славой «громилы». Уличное прозвище Сохатый, данное ему за высокій ростъ, было извѣстно почти всей Сибири. Однако, слава эта была дутая, совершенно незаслуженная. Прежде всего у Петина не было никакой самостоятельности характера. Постоянно находясь подъ вліяніемъ какого-нибудь «поддувалы», въ товариществѣ онъ точно отваживался на самые дерзкіе поступки, вродѣ неоднократныхъ побѣговъ среди бѣлаго дня изъ-подъ самаго строгаго караула; но, предоставленный самому себѣ, одинъ, онъ велъ себя на волѣ самымъ нелѣпымъ и ребячески-наивнымъ образомъ, шелъ тотчасъ же домой, гдѣ всѣ его искали («къ матери за нитками» — шутили про него арестанты) и, конечно, попадался въ руки полиціи. Обладая широкимъ горломъ, здоровымъ кулакомъ и страстно желая играть въ тюрьмѣ роль заправскаго Ивана и коновода, онъ имѣлъ въ сущности нравъ теленка, былъ довольно недалекъ, вялъ и сонливъ, и потому всегда и во всемъ шелъ въ хвостѣ другихъ. «Настоящіе» арестанты, къ которымъ онъ льнулъ, цѣнили его невысоко и часто въ глаза звали «дешевкой». Въ ученьи Петинъ оказался точь въ точь такимъ же, какъ и въ жизни. Ему хотѣлось сразу все обнять; къ упорному труду и медленному движенію впередъ, шагъ за шагомъ, онъ чув-

ствовалъ положительное отвращеніе. Прочесть мало-мальски толстую книгу для него былъ непосильный подвигъ. Тѣмъ не менѣе, самъ онъ былъ чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія и на другихъ учениковъ, начавшихъ съ азовъ, но, благодаря способностямъ и усидчивости, угрожавшихъ вскорѣ догнать и опередить его, глядѣлъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Между прочимъ, съ Луньковымъ, другимъ моимъ ученикомъ, у него шла постоянная война и соперничество, начавшіяся еще въ дорогѣ. Луньковъ былъ совсѣмъ молодой паренекъ, на видъ лѣтъ 23, маленькаго роста, безусый, нѣсколько сутулый, но хорошенькій, какъ дѣвушка, шустрый въ движеніяхъ и бойкій на языкъ. Это былъ своеобразный субъектъ, жестоко ненавидимый такими Иванами, какъ Петинъ. Дѣло въ томъ, что Луньковъ, подобно Михайлѣ Буренкову, презиралъ арестантовъ и отвергалъ всѣ обычаи тюремной жизни, разъ они шли въ разрѣзъ съ его личной пользой и взглядами. Но Михаилъ былъ скрытенъ и только въ исключительныхъ случаяхъ проявлялъ свой индивидуализмъ и личныя воззрѣнія на вещи; напротивъ, Луньковъ, несмотря на свою крошечную фигурку и небольшую физическую силу, отличался откровенностью и вредной для себя говорливостью. Безбоязненно рѣзалъ онъ каждому въ глаза то, что думалъ, не останавливаясь ни передъ угрозами, ни передъ затрещинами и не отступая передъ рукопашными схватками съ самыми первыми силачами и хватами. Эта невыгодная для самого себя смѣлость какъ-то странно соединялась въ немъ съ трезвостью и практичностью, которыя несомнѣнно были основною чертою его ума и характера; во многихъ отношеніяхъ Луньковъ былъ то, что называется изъ молодыхъ да ранній. Въ другой тюрьмѣ его, конечно, забили бы и онъ принужденъ былъ бы смириться; но въ Шелайской всѣ были острижены подъ одну гребенку, и великаны и карлики, и глупые и умные; самый послѣдній парашникъ имѣлъ у насъ такой же голосъ, какъ и самый первый глотъ и храпъ, что было, конечно, большимъ достоинствомъ Шелайскаго режима. Со злобой глядѣлъ Петинъ на своего пигмея-соперника, дѣлавшаго быстрые успѣхи въ ученьи и хвастливо утверждавшаго, что скоро онъ оставитъ его позади. Петинъ, съ гордостью называвшій себя и Михайлу Буренкова «старшими учениками», а всѣхъ остальныхъ «младшими», ни за что не хотѣлъ этого допустить. Забавны бывали ихъ стычки за вечерними занятіями.

— Пошелъ, болванъ, прочь, теперь старшій ученикъ станетъ заниматься!—рычалъ Сохатый, сверкая своими телячьими глазами.

— Я тебя, братъ, не боюсь, чего ты рычишь? — пищалъ маленькій Луньковъ, немного отодвигаясь: — мѣста всѣмъ хватитъ, садись. Только безъ пользы тебѣ наука.

— Какъ это безъ пользы? Знаешь-ли ты, болванъ, что такое имя существительное?

— Я въ свое время узнаю, не безпокойся. А вотъ какъ ты-то, старшій ученикъ, вчера «свѣтлый» черезъ *е* написалъ?

— Оселъ! описка была. Сволочь тюремная, трепачъ, мараказина!

— Петинъ, зачѣмъ вы ругаетесь?—вмѣшивался я въ споръ:— это ужъ нехорошо.

— Ничего, Иванъ Николаевичъ,—спокойно отвѣчалъ Луньковъ,— пущай ругается. Его брань у меня на вороту не повиснетъ. Тѣмъ болѣе я хорошо знаю, что самъ онъ вѣчный тюремный житель, а я такихъ не уважаю. Это вѣдь у дураковъ только громкимъ считается его имя: Со-ха-тый! А я знаю, чѣмъ онъ и дышетъ даже, этотъ Сохатый.

— Чѣмъ я дышу? Говори.

— Дешевизной ты дышешь, вотъ чѣмъ.

— Какой дешевизной, болванъ?

— Такой. Я вѣдь хорошо знаю, что ты на волѣ дѣлалъ, изъ-за чего въ каторгу пришелъ.

— А ты изъ-за чего? Ты что дѣлалъ? Ты хвосторѣзомъ былъ. Ты въ Красноярскѣ съ дохлыхъ лошадей шкуры снималъ.

— Случалось, и снималъ, не таюсь. Только дѣвушекъ я не насильничалъ, не хваталъ въ охапку и не волокъ въ кусты. Въ дорогѣ я партіонныхъ денегъ не проигрывалъ, какъ другіе прочіе.

Чѣмъ дальше, тѣмъ жарче разгорался споръ и кончался иногда потасовкой. Побитый Луньковъ плакалъ со злости, но смириться не хотѣлъ передъ нахаломъ Петинымъ. Впрочемъ, у послѣдняго даже для нахальства и озорства не хватало на долгое время энергіи и терпѣнія. Скоро онъ впадалъ въ свою обычную апатію, спалъ по цѣлымъ суткамъ и надолго забрасывалъ всякое ученье и самолюбивыя мечты. Такое настроеніе овладѣвало имъ послѣ каждой крупной ссоры. Тогда въ камерѣ водворялись миръ и спокойствіе. Никифоръ давно примирился съ мыслью, что братъ обогналъ его, и прежнихъ сценъ ревности уже не устраивалъ. Все ученье его ограничивалось теперь однимъ чтеніемъ. Объ успѣхахъ Маразгали и о томъ, что успѣхи эти остановились, благодаря незнанію русскихъ словъ, и онъ охладѣлъ къ грамотѣ, я уже разсказывалъ. Что касается Ногайцева, тотъ оказался изрядной тупицей, не обѣщавшей пойти дальше чтенія по складамъ. Своеобразной любознательностью отличался, между прочимъ, этотъ сонный и ожирѣлый мозгъ.

— А что, Иванъ Миколаевичъ, бываютъ прокуроры изъ хохловъ? обращался онъ вдругъ ко мнѣ съ вопросомъ, встрѣтивъ на клочкѣ найденной гдѣ-нибудь печатной бумаги слово «хохолъ».

Или еще:

— Иванъ Миколаевичъ! вотъ тутъ сказано, что въ Россіи царствовалъ Алексѣй, а въ Китаѣ была въ это время династія... Православное это имя династія, или нѣтъ?

Подобно гоголевскому Петрушкѣ, онъ съ равнымъ наслажденіемъ читалъ всѣ книги и бумажки, какія только попадались ему въ руки.

При подобномъ характерѣ моихъ учениковъ не мудрено, что главное вниманіе я сосредоточилъ на Михаилѣ Буренковѣ и на усердномъ и способномъ Луньковѣ. Любопытно мнѣ было также познакомиться съ прошлымъ послѣдняго изъ нихъ и съ его внутреннимъ міромъ. Благодаря говорливости Лунькова, вечера наши превратились вскорѣ въ настоящія судбища. Я былъ слѣдователемъ, Чирокъ моимъ помощникомъ, Сокольцевъ, землякъ Лунькова (тоже воронежскій уроженецъ), свидѣтелемъ, Петинъ прокуроромъ, а вся прочая камера—публикой, живо интересовавшейся малѣйшими подробностями преній. Оказывалось, что, несмотря на свою молодость, Луньковъ былъ уже рецидивистъ.

— Только я дурно попалъ, Иванъ Николаевичъ, этотъ второй разъ въ каторгу, съ грустью разсказывалъ Луньковъ.

— Какъ, то есть, дурно?

— Да такъ, что за пустяки, безо всякаго интересу.

— Какъ за пустяки! Вѣдь вы, говорятъ, человѣка убили?

— Что же изъ того, что убилъ. Я изъ-за его, изъ-за сволочи, по крайней мѣрѣ тринадцать лѣтъ долженъ въ каторгѣ мучиться, однихъ испытуемыхъ пять лѣтъ *); а онъ-то теперь спитъ, ему ничего...

— Разскажите, Луньковъ, какъ все это дѣло вышло.

— Я, Иванъ Николаевичъ, не скажу, что въ первый разъ изъ Расеи задаромъ въ Сибирь пришелъ. Тогда дѣйствительно, по глупости по своей, отъ отца отбился, съ людьми такими связался... Ну, а что теперь—такъ совсѣмъ ни за что пропалъ, увѣряю васъ! Изъ-за карахтеру своего, конечно. Сердце у меня, сами можете видѣть, нетерпѣливое; я не стерплю, чтобъ какой-нибудь храпъ (многозначительный взглядъ въ сторону Петина) жизнь свою надо мной куражилъ. Пущай лучше онъ меня убьетъ, или я его!.. Я въ Енисейской губерніи, поселенцемъ будучи, мелочью торговалъ. Накупишь, знаете, разнаго дешеваго товару, ситцу, бусъ, иголокъ, серегъ, колецъ и ходишь съ коробомъ по деревнямъ, отъ бабочекъ хлѣбъ себѣ зарабатываешь. Вотъ однажды и обращается ко мнѣ этотъ... убившій... то есть убитый: «Позволь мнѣ, Коля, походить вмѣстѣ съ тобой, торговать поучиться. Я хоть и старый человѣкъ, а въ дѣлахъ этихъ ничего не смыслю».—А я, надо вамъ сказать, мало и зналъ-то его до тѣхъ поръ, и, признаться, не по душѣ онъ мнѣ былъ: взоръ такой нехорошій, угрюмый... Однако думаю себѣ: мнѣ-то что? Дорога не моя—Божья. — Иди, говорю, коли хочешь. Я въ понедѣльникъ отправляюсь.—А это было въ субботу. Въ понедѣльникъ рано утромъ онъ приходитъ ко мнѣ тоже съ коробомъ за плечами. Пошли мы, и такъ съ недѣлю ходили вмѣстѣ. Онъ идетъ за мной и молчитъ все больше. А иногда начнетъ ворчать

---

*) Рецидивистамъ испытуемые сроки назначаются самимъ судомъ, болѣе обыкновенныхъ сроковъ. *Прим. авт.*

про себя, что неладно идемъ, не той дорогой, какой слѣдуетъ. Я вниманія не беру, скажу только развѣ: «Мы, дяденька, не связаны; не нравится тебѣ—своей дорогой иди». Онъ и замолчитъ. При мнѣ, къ тому же, всегда въ дорогѣ левольвертъ. Безъ него я не ходилъ. Наканунѣ убивства ночевали мы у одной знакомой вдовы. Утромъ пробудились, я завтракать себѣ заказываю; сажусь ѣсть и его приглашаю, убитаго. Онъ отказывается:—«не хочу, говоритъ».—«Чего ты, дѣдушка, пасмурный такой»,—спрашиваетъ его хозяйка.—«Ничего, говоритъ, такъ. Сонъ я чудной видѣлъ: будто снѣгъ большой выпалъ, и на дорогѣ, по которой я шелъ, бревна лежали»—«Да,—отвѣчала хозяйка,—сонъ не то чтобы изъ пріятныхъ».—Вотъ какъ сейчасъ, Иванъ Николаевичъ, я эти слова ея слышу:—«сонъ не то чтобы, говоритъ, изъ пріятныхъ». И къ чему ему такой сонъ въ ту ночь приснился? Неужели душа его чуяла что-нибудь такое?

— Ну, разсказывайте дальше.

— А въ эту ночь, точно, снѣгъ глубокій выпалъ, чуть не по колѣно. Вотъ отправились мы въ путь-дорогу. Я впереди, какъ всегда, онъ сзади. Не успѣли за поскотину выйти, онъ заспорилъ.—«Куда ты, говоритъ, идешь?»—Я говорю: на Лѣсное.—«Дуракъ, Лѣсное не на этой совсѣмъ дорогѣ лежитъ, а вотъ на той»—и показываетъ мнѣ чуть видную тропочку, по которой мужики по дрова въ лѣсъ ѣздятъ.—«Иди, говорю, туда, а я своей дорогой пойду». Онъ хвать меня за коробъ: «ты что, говоритъ, все грубишь? Я наскучилъ этимъ». Я обернулся:—«Отстань, говорю, отъ меня, не вводи въ грѣхъ. Я тоже тобой наскучилъ. Мы, значитъ, не товарищи больше. Ступай отъ меня». И хочу идти. Онъ изъ себя выпрягся, дорогу мнѣ загораживаетъ:—«Иди, говоритъ, куда старшіе велятъ». Тогда я вынимаю левольвертъ:—«Вотъ кто у меня старшій! Прочь съ дороги, тварь этакая!» Онъ замахнулся было палкой, но тутъ я стрѣлилъ... Гляжу—онъ и шлепнулся на земь: пуля прямо въ лѣвый сосокъ угодила... Пощупалъ я его—мертвый. Отволокъ въ сторону отъ дороги, засыпалъ малость снѣгомъ и пошелъ дальше. Только съ горки спущаюсь, знакомый мужикъ навстрѣчу ѣдетъ: «Что тутъ, Луньковъ, за выстрѣлъ ровно былъ?» «Ничего я, говорю, не слыхалъ; видно, послышалось тебѣ». Пошелъ дальше—еще нѣсколько мужиковъ встрѣчаю. Сердце у меня такъ и кипѣло, кровью обливалось. Ну, думаю, теперь пропалъ! Надо скрыться!—Продалъ поскорѣй коробъ, взялъ чужой паспортъ и укатилъ верстъ за сто отъ того мѣста. Только паспортъ-то этотъ и погубилъ меня: человѣкъ не надежный далъ... Арестовали меня, привезли въ волость. Повели въ помѣщенье, гдѣ мертвецъ лежалъ.—«Тотъ-ли это, спрашиваютъ, котораго ты убилъ?» Я посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него... Лежитъ, какъ живой: борода съ сѣдинкой, и на груди ранночка махонькая... Взялъ я его за бороду и къ свѣту этакъ повернулъ. Еще посмотрѣлъ, посмотрѣлъ... Да какъ размахнусь вдругъ ногой, да какъ хвачу его въ подбородокъ носкомъ: «за одно ужъ

пропадать мнѣ за тебя, сволочь!» Ну, тутъ схватили меня, увели, протоколъ состановили.

— Зачѣмъ же вы, Луньковъ, такую гадость сдѣлали? Убили ни за что, да и надъ мертвымъ еще надругались?

— Съ сердцемъ, Иванъ Николаевичъ, ничего не подѣлаешь. Я и до сихъ поръ, какъ вспомню объ немъ, задрожу весь. Разъ во снѣ онъ привидѣлся мнѣ... одинъ только разъ за всѣ два года... Приходитъ, стоитъ и глядитъ на меня... «Ты зачѣмъ, спрашиваю, пришелъ?» Онъ молчитъ, только бородой на меня трясетъ — этакъ упрекаетъ ровно. «А, говорю, подлецъ, ты еще смѣяться надо мной?» Схватываю топоръ и за нимъ. Онъ прочь. Какъ убѣжалъ, съ тѣхъ поръ и не приходилъ больше. Меня вѣдь за поруганіе-то, Иванъ Николаевичъ, и осудили больше такъ строго; а то развѣ-бъ дали тринадцать лѣтъ при полномъ сознаніи?

— Ну, а теперь я скажу свое мнѣніе,—начиналъ Чирокъ по окончаніи разсказа.—Все ты врешь. Не такъ убилъ ты старичонку, а за коробъ убилъ.

— Да, за коробъ, какъ же! При немъ, какъ подняли его, все такъ и нашли, въ томъ самомъ видѣ, какъ было: и коробъ съ товаромъ, и денегъ 4 рубля 90 копѣекъ.

— Сказывай! Я тебя знаю...

— Много ты знаешь! Я тебѣ свидѣтелей представлю изъ красноярскихъ же, и въ Алгачахъ и въ Александровскомъ централѣ. Да чего далеко ходить? Здѣсь же вонъ у Степки Челдончика спроси.

— Я тоже красноярскій,—вскрикивалъ вдругъ Петинъ,—тоже свидѣтелемъ могу быть. Конечно, за коробъ убилъ старика.

— Тебя я отвожу,—спокойно возражалъ ему Луньковъ,—ты мнѣ врагъ. Ты можешь еще и новое убивство на меня открыть.

Всѣ разразились хохотомъ. У Петина не хватало пороху продолжать свое лжесвидѣтельство.

— А раньше за что вы попали въ Сибирь?—допрашивалъ я Лунькова.

— Раньше, Иванъ Николаевичъ, за дѣло,—отвѣчалъ онъ, глубоко вздыхая,—тамъ все таки я себя, а не судьбу долженъ винить.

— Ну, разсказывай, землячокъ, толкомъ,—замѣчалъ Сокольцевъ,—тутъ я ужъ не дамъ тебѣ соврать. Какъ разъ въ ту пору я съ Кары сорвался и на уличку въ воронежскій замокъ приведенъ былъ.

— Чего мнѣ врать,—грустно отвѣчалъ Луньковъ,—коли врать, такъ и не говорить лучше.

— Вы и въ первый разъ, Луньковъ, за убійство судились?

— Зачѣмъ, Иванъ Николаевичъ! Такъ за шалости, за разныя...

— Какъ! ты смѣешь отпираться, болванъ?—грозно кидался къ нему Петинъ, вытаращивъ глаза и стиснувъ кулаки,—а не самъ ли ты сказывалъ при мнѣ въ шестомъ нумерѣ, что дѣвчонку убилъ?

— Этого я не считаю,—хладнокровно отвѣчалъ нашъ обвиняе-

мый,—это была малолѣтняя шалость, объ ней нечего поминать. За нее я не судился.

— Все-таки... Какъ вы убили ее?

— Желѣзиной... поддоской нечаянно по виску ударилъ... Да на что вамъ знать такіе пустяки, Иванъ Николаевичъ?

— Какъ же ты говоришь, болванъ, нечаянно, а самъ сказывалъ, что дѣло было подъ мостомъ? Откудова-жъ поддоска у тебя взялась?

— Не съ тобой разговариваютъ, глотъ красноярскій! Много будешь знать, скоро состаришься.

— Я теперь знаю, за что онъ убилъ дѣвчонку,—вмѣшивался опять Чирокъ,—онъ изнасильничать ее хотѣлъ, а она не давалась.

— Да, какъ же! Мнѣ тринадцать лѣтъ всего было, а ей десять. Много ты узналъ!

Видя, что Луньковъ не хочетъ почему-то разсказывать этого дѣла, я ограничивался вопросомъ, отчего онъ за него не судился, и получилъ отвѣтъ, что убійство не было открыто, и что самый трупъ дѣвочки найденъ былъ зиму спустя.

— Ну, ладно. Разскажите, за что вы судились въ первый разъ.

— Видите-ли, Иванъ Николаевичъ, я по духовной части займовался...

— Какъ по духовной?! Вѣдь вы говорили, что отецъ вашъ извощикъ былъ?

Дружный смѣхъ всей камеры былъ мнѣ отвѣтомъ. Самъ Луньковъ захихикалъ.

— То есть, я по церквамъ ходилъ...

— Богу молиться,—договорилъ Сокольцевъ,—нашъ Воронежъ, сами знаете, съ древности весьма богатъ храмами и благочестіемъ славится.

Всѣ опять засмѣялись. Я понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Только надо, Иванъ Николаевичъ, съ краю обсказать вамъ мою жизнь,—продолжалъ Луньковъ, принимая опять серьезный и даже грустный видъ.—Отецъ мой ссыпкой зерна займовался, а также биржу держалъ. Сначала одинъ старшій братъ съ сѣдоками ѣздилъ. Онъ началъ баловаться. На счетъ вина, значитъ, и бабенокъ. Ему по злобѣ разъ хвосты у коней отрѣзали. Отецъ шибко побилъ его за это. Вдругорядь пришли къ нему знакомыя барышни, попросили покатать ихъ. А конямъ только что кровь открывали. Братъ взялъ и поѣхалъ. Кони распарились, пошла кровь, и такъ двѣ самыхъ лучшихъ у отца лошади пали. Ухъ, какъ билъ тогда отецъ брата, ажно вспомнить страшно. Приковалъ его цѣпью за руки къ бревну, привѣсилъ бревно къ потолку, гдѣ зыбка вѣшается, и цѣлыхъ три часа супонью стегалъ. Отдохнетъ и опять бить принимается. Онъ до смерти убилъ бы его, кабы матря сосѣдей не позвала на помощь. Ну, однако, братъ не исправился. Съ другимъ извощикомъ ограбилъ одного господина, сто цѣлковыхъ денегъ отобрали, часы золо-

тые, шубу и сапоги хорошіе, а самого живого отпустили. На другой день стрема по городу началась, но уличить ихъ не могли. Только отецъ вскорѣ узналъ по часамъ, что братъ это сдѣлалъ. Сначала онъ въ полицію хотѣлъ ихъ нести, да матря отговорила. Жестоко онъ избилъ опять брата, еще жесточе прежняго. Послѣ того, выздоровѣвъ, братъ ушелъ отъ отца и сталъ съ любовницей кабачокъ держать. Тутъ онъ и совсѣмъ запутался; на Сахалинъ вскорѣ ушелъ... Тогда я сталъ на биржу ѣздить. Матря въ это время померла, и отецъ на другой женился. Дома хуже жить стало и я тоже зачалъ баловаться. Биржа, сами знаете, Иванъ Николаевичъ, хуже всякаго другого ремесла можетъ развратить человѣка... Безпрестанно господъ возишь по вокзаламъ, гостинницамъ и трактирамъ; видишь, какъ люди веселятся, хорошо пьютъ, ѣдятъ, много денегъ имѣютъ. Ну, конечно, и самъ начинаешь утаивать отъ хозяина деньги, винцо попивать, съ дѣвочками гулять... Кромѣ того, всякаго сорта народъ видишь. Разъ у меня на пролеткѣ убивство случилось.

— Какъ такъ убійство?

— Такъ. Знакомый мѣщанинъ Улитинъ съ одной барышней на мнѣ ѣхалъ; оба, конечно, подгулямши. Зачали ссориться, спорить о чемъ-то. Дѣло ночью было. Онъ хвать мой же ключъ изъ ящика да бацъ ее по виску. Изъ нея и духъ вонъ!

— Что-жъ вы сдѣлали? Въ полицію представили?

— Знакомаго-то? Что вы, Иванъ Николаевичъ! Я благородно поступилъ. Отвезли мы ее за кирпичные сараи и спустили тамъ въ помойную яму...

— Хорошо благородство! Это ужъ третья душа, значитъ, на вашей совѣсти?

— Что вы, Иванъ Николаевичъ! Да я-то при чемъ же тутъ? Мое дѣло совсѣмъ тутъ постороннее было.

— А много крови натекло къ тебѣ въ пролетку-то?—полюбопытствовалъ зачѣмъ-то Чирокъ.

— Ни одной капли. Только ключъ въ кровѣ былъ.

— Ну, вотъ и врешь, путаешь. Коли ключъ въ кровѣ былъ, обвязательно вся пролетка была залита кровью.

Начался по этому поводу споръ въ камерѣ. Эксперты по этой части были всѣ опытные... Большинство поддерживало Чирка; но Луньковъ упорно стоялъ на своемъ, утверждая, что дѣвушка была закутана шалью, и кровь изъ-подъ нея не вышла наружу. Съ трудомъ убѣдилъ я спорщиковъ прекратить этотъ нелюбопытный для меня споръ и вернуться къ разсказу.

«Баловство» Лунькова все шло дальше и дальше; отецъ началъ и его учить, какъ брата, и въ одинъ прекрасный день семнадцатилѣтнимъ мальчишкой онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и попалъ въ шайку нѣкоего «Степана Ивановича», знаменитаго воронежскаго жулика, отъ котораго Луньковъ и до сихъ поръ былъ

въ восторгѣ. Степанъ Ивановичъ занимался, главнымъ образомъ, «по духовной части». Въ первую же ночь, въ которую Лунькова посвятили въ эту часть, ему пришлось быть свидѣтелемъ убійства. Когда отпирали у церкви замокъ, одному изъ товарищей прищемили въ дверяхъ руку, и онъ заоралъ не своимъ голосомъ: тогда Степанъ Ивановичъ угомонилъ его на вѣки ломомъ по головѣ, а трупъ стащилъ въ рѣчку. Нѣсколько дней спустя та же шайка совершила грабежъ съ убійствомъ, догнавъ за городомъ двухъ проѣзжихъ купцовъ. Луньковъ былъ при этомъ кучеромъ, а Степанъ Ивановичъ, съ нѣкіимъ Ѳедоромъ и еще третьимъ товарищемъ, стрѣляли изъ револьверовъ, и на этомъ основаніи Луньковъ отрицалъ свою виновность въ этомъ убійствѣ.

— Что вы, Иванъ Николаевичъ, помилуйте! Какое-же тутъ было мое преступленіе? Я не стрѣлялъ, кушаками я не давилъ... Я только лошадьми правилъ... Не донесъ я, конечно, это правда; такъ вѣдь это по нашему не вина, а заслуга.

Когда Луньковъ говорилъ подобныя вещи своимъ тоненькимъ пѣвучимъ голосомъ, серьезно и даже печально, то нельзя было рѣшить, своего ли это рода наивность и недомысліе, или же верхъ развращенности и лицемѣрія.

Отобранный у одного изъ убитыхъ паспортъ Степанъ Ивановичъ далъ Лунькову, и по этому-то виду онъ и судился впослѣдствіи. А настоящая его фамилія была, будто бы, не Луньковъ, а другая.

Утомительно было бы пересказывать всѣ жульническія похожденія, въ которыхъ Луньковъ участвовалъ втеченіе пяти мѣсяцевъ своей свободной жизни. Своеобразный міръ, своеобразные идеалы и понятія о чести и товариществѣ. Въ одномъ селѣ подъ Ельцомъ какая-то женщина «подвела» ихъ шайку, состоявшую изъ Степана Ивановича, Ѳедора и самого Лунькова, подъ богатаго мужика, на котораго имѣла зубъ, сообщивъ имъ, что въ одномъ изъ трехъ амбарчиковъ около его дома стоитъ сундучокъ съ деньгами. Они дѣйствительно нашли въ указанномъ мѣстѣ три тысячи рублей и въ одну ночь «отжарили» оттуда босикомъ сорокъ пять верстъ. Остановились у развалинъ какого-то погреба, за городомъ. Луньковъ съ Ѳедоромъ остались отдыхать, а Степанъ Ивановичъ отправился въ городъ за покупками. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся пьяный съ четырьмя новыми товарищами, изъ которыхъ одинъ былъ завѣдомый шпіонъ. Всѣ семеро отправились въ притонъ разврата и тамъ въ нѣсколько дней прокутили двѣ тысячи. Затѣмъ начали думать, какъ бы отвязаться отъ шпіона. Хотѣли даже «пришить» его, но предпочли дать денегъ и отослать съ какими-то порученіями. Шпіонъ на время скрылся. Тогда хозяйка притона указала имъ на церковь, въ которой можно было поживиться. Ночью церковь посѣтили, но въ разсчетахъ ошиблись, добывъ всего сорокъ рублей и вещей на сотню. Въ то же утро нагрянула по-

лиція. У Өедора нашли при обыскѣ воздухъ въ карманѣ... Началась провѣрка документовъ. У всѣхъ оказались подлинные; только въ документѣ Лунькова откопали четыре прежнихъ подсудности, о которыхъ онъ и не зналъ даже. Благодаря этимъ-то чужимъ грѣхамъ, онъ и пошелъ, будто бы, на поселеніе, тогда какъ товарищи его отдѣлались простой высидкой.

— А за что же ты, землячокъ, годомъ раньше сидѣлъ въ тюрьмѣ?—спросилъ вдругъ Сокольцевъ, все время о чемъ-то думавшій.

— Когда раньше?—вспыхнулъ Луньковъ.

— Да тогда. Вѣдь въ это-то время, про которое ты сказываешь, меня ужъ не было въ Воронежѣ. Я опять въ каторгу шелъ.

— Какъ такъ? Ну, значитъ... ты и не видалъ меня въ воронежской тюрьмѣ, обознался. Я раньше не сидѣлъ.

— Какъ не сидѣлъ! Еще отпираться станешь! Не обознался я. Да и ты же первый узналъ меня.

— Го-го-го-го-го! Попался, голубчикъ! закричала камера, радуясь тому, что Лунькова, наконецъ, уличили.

— Положимъ, я точно... сидѣлъ одно время... мѣсяца съ полтора... такъ это за пустяки, завертѣлся Луньковъ.

— Ну, однако.

— Говори, болванъ! зарычалъ Сохатый.

— Сказывай, землячокъ, сказывай. Самъ же ты хвалился, что коли врать, такъ лучше и совсѣмъ ничего не говорить.

— Это я по дѣлу брата сидѣлъ... То есть, нѣтъ, по дѣлу Карла Ивановича.

— Да вѣдь Карлъ Ивановичъ за почту обвинялся, а брата твой за попа. Я хорошо вѣдь знаю.

— Да... тутъ... Только Карлъ Ивановичъ оправданъ былъ въ этомъ дѣлѣ.

Наконецъ, общими усиліями Сокольцева, Чирка, Петина и моими, Лунькова такъ припёрли къ стѣнѣ, что онъ разсказалъ намъ слѣдующее. Онъ у отца еще жилъ, когда совершено было дерзкое покушеніе на грабежъ почты съ сорока пятью тысячами денегъ: два почтальона были убиты на мѣстѣ, а ямщикъ успѣлъ скрыться съ почтой. Подозрѣніе пало на арестованныхъ вскорѣ по другимъ дѣламъ «Карла Ивановича» и брата Лунькова съ шайкой. Два мѣсяца просидѣлъ подъ арестомъ и младшій Луньковъ, нашъ знакомецъ. Ямщикъ показывалъ, что «маленькій» сидѣлъ во время нападенія и кричалъ: «не вяжите ихъ, бейте на смерть!» Прокуратура подозрѣвала, что этотъ «маленькій» и былъ младшій Луньковъ. Но во время слѣдствія онъ держалъ себя, какъ настоящій невинный ни въ чемъ ребенокъ; кромѣ того товарищъ прокурора сдѣлалъ, по словамъ разсказчика, крупнѣйшую ошибку, назвавъ ямщику по фамиліямъ тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ убійствѣ. Благодаря этому, все обвиненіе рушилось, и дѣло было прекращено.

Разсказывая это, Луньковъ не думалъ, однако, сознаваться, что «маленькій» былъ онъ самъ, хотя Чирокъ и говорилъ прямо:

— Да вѣстимо, онъ! Онъ, гадъ!

— Вы дурно жили,—сказалъ я однажды Лунькову.

— Чѣмъ же дурно, Иванъ Николаевичъ? — возразилъ онъ: — вотъ, если бы я голоднымъ ходилъ, оборваннымъ, подъ окнами просилъ, тогда можно бы сказать: дурно. А то я жилъ, слава Богу.

Меня разсердило такое циничное оправданіе.

— Еще и Бога поминаете!

— Онъ проститъ, Иванъ Николаевичъ. Въ Писаніи сказано вѣдь,—вотъ я надавно читалъ: «ежели Богъ захочетъ, ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣческой». Мнѣ жестоко врѣзались эти слова въ память. Какой же, слѣдовательно, грѣхъ, что я убилъ? Значитъ, такъ Господь хотѣлъ. Вы не серчайте на меня, Иванъ Николаевичъ. Я вижу, что вы серчаете... Что же! Я правду вамъ говорю... А другіе лицемѣрятъ передъ вами, скрываютъ, что они такое есть, и вы любите такихъ двуличныхъ... А вотъ я объ одномъ тужу, Иванъ Николаевичъ. Какъ жилъ я въ Сибири передъ убивствомъ, мнѣ одна бабочка предлогъ дѣлала: «Увези меня, Коля! Возьмемъ у мужа пятьсотъ рублей и уѣдемъ». Увезъ бы я ее до Перми, сдалъ бы кому-нибудь съ рукъ на руки и поѣхалъ бы себѣ дальше... Вотъ объ этомъ я, дѣйствительно, тужу немного.

— А что бы вы стали дѣлать, Луньковъ, если бы васъ сейчасъ же вотъ на волю отпустить? Вернулись бы вы домой?

— Конечно, вернулся бы. У меня вѣдь чистое мѣсто. Прямо на свое родное имя могъ бы заявиться.

— Къ отцу?

— Нѣтъ, раньше бы я... Въ Ельцѣ къ одному... въ гости бы зашелъ.

— Догадываюсь, въ какіе, должно быть, гости!

— Да какъ же, Иванъ Николаевичъ! Совѣстно было бы къ отцу безъ денегъ придти, съ пустыми руками.

Маленькій резонеръ, нисколько не таясь и даже кичась еще своей откровенностью, говорилъ мнѣ прямо, что за сто, за двѣсти цѣлковыхъ онъ не колебался бы убить человѣка.

— А если-бъ Миколаичъ пошелъ съ тобою бродяжить, спросилъ его однажды Чирокъ: пришилъ бы ты его?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! подошелъ бы я къ Ивану Николаевичу по вольной жизни, попросилъ бы у нихъ деньжонокъ, они и такъ бы не отказали.

— Ну, а коли отказалъ бы?

— Конечно, не зарекаюсь... А только, ежели они обучатъ меня грамотѣ, тогда за что же убивать?

Я смѣялся вмѣстѣ со всѣми, слушая эти рѣчи, но въ душѣ ужасался и не зналъ, что думать объ этомъ странномъ субъектѣ, почти еще мальчикѣ, имѣющемъ столько хорошихъ задатковъ и въ

то же время такъ безконечно, такъ безнадежно испорченномъ и погибшемъ. Главное, что въ немъ привлекало меня, была неустрашимость, съ которою онъ, маленькій и слабый, какъ ребенокъ, воевалъ съ тюремными Геркулесами-Иванами, рѣжа имъ въ глаза матку-правду. Если вѣрить словамъ Лунькова, то въ бытность на волѣ онъ страшно идеализировалъ арестантовъ.

— Я думалъ, Иванъ Николаевичъ, что коли религія у нихъ одна, такъ и душа должна быть одна, что они твердо стоятъ другъ за дружку въ несчастіи.

— Т. е. какая такая религія?

— Такая, что всѣ вѣдь мошенники, по одному дѣлу суждены... А на дѣлѣ я увидѣлъ, что всѣ они дешевыя твари. Сегодня ты напоилъ его чаемъ—и ты первый у него другъ; а завтра не напоилъ—и онъ тебя на чемъ свѣтъ клянетъ ужъ! Самый, Иванъ Николаевичъ, дешевый и продажный народъ. Всѣ ихъ законы и уставы гроша мѣднаго не стоятъ. И рѣшилъ я съ этихъ поръ не уважать имъ, во всемъ наперекоръ идти. Никакой жалости не имѣю я къ этимъ тварямъ бездушнымъ. Къ тому только хорошъ я, кто ко мнѣ хорошъ; того только пожалѣю, кто меня пожалѣетъ. И не того боюсь я, Иванъ Николаевичъ, что съ сердцемъ своимъ отъ начальства погибну, а того, что своему же брату когда-нибудь кишки выпущу, или самъ отъ его руки пропаду. Знаю, что и меня тоже ненавидятъ глоты и храпы эти разные; да я не боюсь ихъ. Пущай убьютъ—я не погонюсь за жизнью. Я, можетъ быть, даже радъ буду, коли меня кто на смерть полыснетъ. Пущай! Во злѣ пропадать не страшно. Вотъ отъ суда петлю заслужить — этого я не желалъ бы, точно не желалъ бы... Неохота еще съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться! Кабы петли-то не боялся, развѣ сталъ бы терпѣть? Давно-бъ ужъ одного, а не то и двоихъ пришилъ.

— Значитъ, очень вамъ жить хочется Луньковъ?

— Конечно, охота, Иванъ Николаевичъ. Много-ль я и свѣта-то еще Божьяго видѣлъ? Ну, а все же, если-бъ знать навѣрное, что года черезъ два мнѣ помереть Богомъ назначено, не сталъ бы я тогда ждать... Не подорожилъ бы этими двумя годами... Такое-бъ дѣльце одно сдѣлалъ, что лѣтъ пятьдесятъ, а то и сто, пожалуй, помнили-бъ меня! Имя бы громкое пріобрѣлъ!

— Что-жъ бы вы такое сдѣлали?

— Не стоитъ зря говорить, Иванъ Николаевичъ. Одно только скажу вамъ: не на *той* половинѣ дѣло мое было бы (Луньковъ кивнулъ головой на дверную форточку), а на *этой*, здѣсь вотъ (онъ загадочно постучалъ пальцемъ по столу). Потому *ту* половину я не такъ виню. Тамъ я даже совсѣмъ никакого зла не имѣю; а вотъ *здѣсь*... Здѣсь я больше вины нахожу!

Никогда не хотѣлъ Луньковъ объяснить мнѣ всѣхъ причинъ своей ненависти къ арестантской массѣ; я могъ только догадываться по нѣкоторымъ его намекамъ, что въ числѣ многихъ дру-

гихъ обидъ онъ не могъ забыть и простить несправедливаго обвиненія его однимъ изъ тюремныхъ главарей въ одномъ низкомъ порокѣ, кладущемъ въ глазахъ арестантовъ неизгладимое клеймо позора на каждаго, уличеннаго въ немъ. На свое несчастье, Луньковъ, какъ я говорилъ уже, имѣлъ моложавое и женственно-смазливое личико, и обвиненіе это имѣло правдоподобность въ глазахъ развращенной шпанки. Къ жертвамъ этого омерзительнаго порока каторга не знаетъ вообще ни пощады, ни состраданія, и, напротивъ, къ тѣмъ, которые пользуются ихъ слабостью (а въ этомъ рѣдкій изъ арестантовъ неповиненъ), къ палачамъ, относится не только съ снисходительностью, но и съ уваженіемъ.

— Въ тюрьмѣ я долженъ терпѣть, Иванъ Николаевичъ,—говорилъ Луньковъ: постараюсь все стерпѣть; но когда вырвусь на волю, — двоихъ, а не то и троихъ безпремѣнно прихлопну. Вотъ честное мое слово—прихлопну. И даже нацѣжу сначала изъ него чашку крови и выпью, а потомъ уже прикончу стервину!

Къ отдѣльнымъ лицамъ изъ тѣхъ же арестантовъ Луньковъ относился не только безъ злобы, но даже съ какой-то сантиментальной нѣжностью. Нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ подобно ему въ сторонѣ отъ общей тюремной жизни, особенно одинъ больной старичокъ-землякъ, были даже закадычными его пріятелями. Долгое время чрезвычайно страннымъ и непонятнымъ казалось мнѣ: какъ при подобной враждѣ къ тюремнымъ законамъ и обычаямъ Луньковъ былъ одной изъ самыхъ усердныхъ и самоотверженныхъ «сестеръ милосердія» по отношенію ко всѣмъ, сидящимъ въ карцерѣ? Никто съ большей смѣлостью и неутомимостью не слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они рѣшительно ни въ чемъ не нуждались, и никто съ большей ловкостью не передавалъ имъ все, что нужно, при самыхъ зоркихъ и хитрыхъ надзирателяхъ. Яшка Тарбаганъ лѣзъ, бывало, на удалую, а Луньковъ дѣлалъ свое дѣло артистически, точно самъ любуясь и играя своимъ искусствомъ... Но вскорѣ я замѣтилъ однако, что и къ этой дѣятельности его поощряло чувство той же ненависти и того же презрѣнія къ арестантскимъ мнѣніямъ, рѣшеніямъ. Онъ заботился рѣшительно обо всѣхъ, кого только садили въ карцеръ, не дѣлая никакого различія между тѣми, кого артель любила и кого ненавидѣла. Такъ однажды посаженъ былъ въ карцеръ вольнокомандецъ, котораго всѣ называли шпіономъ и которому рѣшено было ничего не подавать. Луньковъ демонстративно ухаживалъ за нимъ больше, чѣмъ когда либо и за кѣмъ либо.

— Потому, Иванъ Николаевичъ, я это дѣлаю,—объяснилъ онъ мнѣ свое поведеніе,—что я ничего не знаю: правильно или ложно говоритъ объ немъ кобылка. Для меня они всѣ равны. Много я насмотрѣлся въ тюрьмахъ, какъ совершенно безвинныхъ людей Богъ знаетъ въ чемъ обвиняли и убивали даже! Его начальство наказываетъ; зачѣмъ же еще и я, такой же, какъ онъ, несчастный, стану его мучить?..

При всѣхъ противорѣчіяхъ и путаницѣ мыслей, которыя поражали въ разсужденіяхъ и взглядахъ Лунькова, въ немъ таилось ядро чего-то очень хорошаго, честнаго, самостоятельнаго, ядро, быть можетъ, едва замѣтное подъ темной скорлупою испорченности и невѣжества, но придававшее ему всетаки симпатичный обликъ, дѣлавшее его отраднымъ исключеніемъ среди дѣйствительно дешевой и безнадежно развращенной шпанки.

Большинство арестантовъ страшно ненавидѣло и бранило Шелайскій рудникъ; Луньковъ, напротивъ, былъ одинъ изъ немногихъ, которые хвалили его. Онъ былъ доволенъ именно тѣмъ, чѣмъ Петины, Сокольцевы и Семеновы возмущались: тѣмъ, что въ немъ было строго, что каждый членъ артели имѣлъ равный со всѣми голосъ, и потому воровства общаго имущества не происходило, и пища была лучше, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ. Картъ онъ также не любилъ и предпочиталъ имъ книжку.

Таковъ былъ второй изъ моихъ любимыхъ учениковъ. Пошло ли ему въ прокъ ученье? И какъ вообще судить о подобномъ человѣкѣ? Ставлю знаки вопроса, такъ какъ самъ я не въ силахъ дать на нихъ какой либо опредѣленный отвѣтъ.

VIII.

Сахалинскія треволненія.

Съ приближеніемъ весны пошли по каторжнымъ тюрьмамъ темные слухи о предстоящей выборкѣ на островъ Сахалинъ. Арестанты глухо волновались. Одни страшились, какъ смертной казни, одного имени этого ужаснаго острова; для другихъ, напротивъ, оно являлось символомъ тайной надежды на воскресеніе!.. Говорили, будто высылкѣ на этотъ разъ подлежали всѣ бродяги, непомнящіе родства, всѣ судившіеся во второй разъ, всѣ бѣгавшіе съ каторги, наконецъ всѣ провинившіеся въ чемъ-нибудь въ тюрьмѣ. Категоріи эти обнимали собой огромную часть тюремнаго населенія, и понятно, что всѣ съ трепетомъ ожидали рѣшенія своей участи. О томъ, что такое собственно Сахалинъ, этотъ знаменитый Соколиный островъ, никто съ положительностью ничего не зналъ. Одни утверждали, что это—живой гробъ, изъ котораго нѣтъ возврата назадъ; о каторжныхъ работахъ въ каменноугольныхъ копяхъ, гдѣ приходится ползать на колѣняхъ по горло въ водѣ, передавались ужасы... Другіе, наоборотъ, смѣялись надъ подобными страхами и рисовали Сахалинъ чѣмъ-то вродѣ земного Эльдорадо: тамъ, по ихъ словамъ, самыхъ долгосрочныхъ немедленно отпускали на волю, на всѣ четыре стороны; казенныхъ работъ почти не было; арестантамъ давались орудія труда, скотъ и даже деньги на обзаведеніе хозяйствомъ; этого мало: каждому предоставлялось выбирать въ качествѣ жены любую изъ выстроеннаго шеренгой десятка каторжанокъ... Для тѣхъ же,

кому и всѣхъ этихъ благъ казалось мало, всегда, будто бы, была возможность побѣга. Назывались въ подтвержденіе десятки фамилій зерентуйскихъ, алгачинскихъ и карійскихъ арестантовъ, бѣгавшихъ якобы съ Сахалина и очень его одобрявшихъ. Никто не зналъ въ концѣ концовъ, кому и чему вѣрить, и каждый вѣрилъ тому, чему хотѣлось въ тайнѣ души вѣрить. Малосрочные каторжане, а также забайкальскіе уроженцы, мечтавшіе вернуться по окончаніи срока на родину, само собой разумѣется, больше всѣхъ трусили Сахалина и впадали въ уныніе при каждомъ возобновленіи слуховъ о скорой выборкѣ. Безнадежно долгосрочные, напротивъ, мечтали попасть въ списокъ высылаемыхъ: они готовы были отправиться хотя бы даже *за* Сахалинъ, на самый край свѣта, лишь бы только вырваться изъ стѣнъ Шелайской тюрьмы, которая большинству ихъ казалась хуже самой смерти. «Перемѣнить участь», перемѣнить цѣною чего бы то ни было и какимъ бы ни было образомъ — было ихъ первой и самой завѣтной мечтою, не дававшей ни сна, ни покоя. Объ отдаленномъ будущемъ никто изъ этихъ мечтателей не любилъ и не умѣлъ задумываться. Сахалинъ, если бы даже онъ оказался и ужасной вещью, представлялся столь же далекимъ, какъ и существованіе за гробомъ, а между тѣмъ на пути туда рисовалась воображенію раздольная этапная жизнь съ майданами и картежной игрою, съ массой новыхъ тюремъ, черезъ которыя надо проходить, со множествомъ новаго народа. встрѣчами со старыми знакомцами и товарищами и — кто знаетъ? — быть можетъ, счастливыми случайностями, которыя опять вынесутъ мертваго человѣка на свѣтъ Божій... Особенно разгорались мечты долгосрочныхъ, имѣвшихъ при себѣ женъ. Среди арестантовъ вообще господствовало мнѣніе, не знаю, вѣрное или невѣрное, что не только на Сахалинѣ, но и въ большинствѣ другихъ каторжныхъ пунктовъ, семейныхъ не держатъ въ тюрьмѣ даже и втеченіе испытуемаго срока, а почти немедленно выпускаютъ въ вольную команду, въ виду того, что семейные очень рѣдко бѣгаютъ. Въ Шелайскомъ рудникѣ такого обычая, во всякомъ случаѣ, не было: Шестиглазый относился къ женатымъ такъ же строго, какъ и къ холостымъ. Свиданіе съ женами давалось имъ одинъ разъ въ недѣлю подъ строгимъ наблюденіемъ надзирателей; ничего съѣстнаго передавать съ воли не позволялось (кромѣ того, что можно было съѣсть во время свиданія), и никто не имѣлъ надежды выйти на свободу раньше окончанія испытуемаго и исправляющагося срока.

— И не мечтайте объ этомъ,—грозно заявилъ однажды штабсъ-капитанъ Лучезаровъ во время вечерней повѣрки: — для меня вы всѣ равны, и никого раньше законнаго срока я не выпущу. А если я не выпущу, то и самъ Богъ не поможетъ вамъ выйти за эти стѣны!

Между тѣмъ, испытуемые сроки у большинства шелайскихъ семейныхъ были безнадежно-большіе, и понятно, какъ всѣ они должны были рваться вонъ изъ когтей Шестиглазаго, если питали увѣрен-

ность, что другія тюремныя начальства относятся къ женатымъ арестантамъ мягче. Положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно внушало невольное состраданіе. Такъ молодой еще полякъ Мусялъ пришелъ на двадцать лѣтъ за убійство вотчима своей жены, который вывелъ его изъ терпѣнія рядомъ многолѣтнихъ несправедливостей, обмановъ и придирокъ. Мусялъ былъ простой польскій крестьянинъ, умственной своей первобытностью и нравственной неиспорченностью сильно напоминавшій нашего русскаго Шемелина. Если вѣрить разсказу Мусяла (а не вѣрить не было причинъ—такъ былъ онъ простъ и похожъ на дѣйствительность), то большинство русскихъ арестантовъ безъ колебаній и немедленно сдѣлали бы то, что онъ сдѣлалъ лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самаго ослинаго терпѣнія: такъ были возмутительны поступки тестя. Сама Юзефа, жена Мусяла, побуждала мужа отомстить обидчику. Когда Яна осудили за убійство, она отправилась за нимъ и въ каторгу, оставивъ маленькихъ дѣтей у родныхъ. Въ дорогѣ уже родилась у нихъ еще одна дочь, хорошенькая Кася, которую я видалъ иногда во время свиданій. Такому человѣку, какъ Мусялъ, нравственно вполнѣ еще уцѣлѣвшему, дѣйствительно глубоко привязанному къ семьѣ и женѣ и отчасти изъ любви къ нимъ и совершившему свое преступленіе, можно было отъ души пожелать скорѣйшаго выхода на волю. Онъ много страдалъ, и на глазахъ моихъ въ его отношеніяхъ съ женою совершалась ужасная драма. Янъ былъ недалекъ и ревнивъ; а красивая и здоровая Юзефа представляла такой лакомый кусокъ не только для арестантовъ-вольнокомандцевъ, но и для казаковъ и для самихъ надзирателей, что противъ счастья молодой четы неизбѣжно долженъ былъ начаться цѣлый рядъ самыхъ темныхъ интригъ и подвоховъ. Десятки соблазнительныхъ предложеній преслѣдовали Юзефу, и только крестьянская неиспорченность и католическая набожность спасли ее: рѣдкая бы русская женщина выдержала такой искусъ, какой выпалъ ей на долю. Одинъ грязный слухъ за другимъ зарождался за стѣнами тюрьмы и черезъ уста злобной кобылки, всегда жадной до чужихъ страданій, доходилъ до ушей мужа. Долгое время онъ только смѣялся, вѣря въ свою жену, какъ въ святую. Клеветники и сплетники всячески изощряли свое воображеніе и остроуміе: то говорили, что Юзефа живетъ съ урядникомъ, то съ однимъ изъ надзирателей, то указывали на какого-то купца. Передавались самыя реальныя подробности, выдумывались самыя правдоподобныя сцены и подслушанные якобы разговоры... Подозрѣніе начало, наконецъ, свивать гнѣздо въ сердцѣ Яна... Въ довершеніе бѣды, на одномъ изъ свиданій надзиратель, давно уже точившій зубы на отвергшую его ухаживанья Юзефу, перехватилъ у нея какую-то незначущую записку, будто бы переданную мужемъ, и Шестиглазый, въ наказаніе, лишилъ ихъ на пять мѣсяцевъ свиданія. Того только и нужно было врагамъ. Клевета сдѣлалась еще беззастѣнчивѣе и дерзче, а несчастный Янъ лишенъ былъ даже

возможности провѣрять ее, и съ этихъ поръ ревность охватила его пожаромъ. Напрасно немногіе доброжелатели пытались его успокоить и убѣдить не вѣрить арестантскимъ слухамъ и выдумкамъ: онъ самъ превратился теперь въ обвинителя и открыто и громко поносилъ жену такими словами, за которыя прежде разбилъ бы голову тому, отъ кого бы ихъ услышалъ. Встрѣчаясь иногда съ нею за тюрьмой, онъ металъ на нее свирѣпые взгляды и изъ-подъ конвоя осыпалъ грубою бранью. Ни въ чемъ неповинная Юзефа долгое время недоумѣвала и лишь горько плакала въ отвѣтъ на незаслуженныя оскорбленія; но вскорѣ тоже озлилась и на брань стала отвѣчать бранью. Кобылка, присутствуя при такихъ супружескихъ сценахъ, радостно хохотала, какъ бы торжествуя свою побѣду. Кончилось тѣмъ, что по истеченіи пяти мѣсяцевъ, когда прошелъ наложенный срокъ наказанія, Юзефа сама не стала ходить къ мужу на свиданія. Семейный миръ и счастье, казалось, навсегда были разрушены: Юзефа собиралась уже ѣхать съ маленькой Касей въ Россію...

Простая случайность предупредила это несчастіе. Шелайскій рудникъ посѣтилъ завѣдующій нерчинской каторгой, и совершенно для всѣхъ неожиданно Мусялъ обратился къ нему съ описаніемъ своего горестнаго положенія. Несмотря на комизмъ полурусской рѣчи Мусяла, описаніе это вышло такъ сильно и трогательно, что завѣдующій, справившись тутъ же у Лучезарова о его поведеніи и узнавъ, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ кончается его испытуемый срокъ, приказалъ немедленно выпустить его изъ тюрьмы. Кобылка проводила его на волю насмѣшками и зловѣщими пророчествами о прибыли, которая тамъ его ожидаетъ...

Но всѣ пророчества эти, къ счастію, оказались вздоромъ; недоразумѣнія разъяснились при личномъ свиданіи къ обоюдному удовольствію, и молодая чета стала жить въ прежнемъ мирѣ и согласіи.

Портной Булановъ, имѣвшій многочисленную семью на рукахъ, меньше всѣхъ женатыхъ внушалъ къ себѣ сожалѣнія. Это была поистинѣ гнусная личность, лицемѣрная, себялюбивая, съ ушками всегда на макушкѣ, съ хитрыми бѣгающими глазками и сладенькой улыбкой на губахъ. Жилъ онъ у себя дома вполнѣ безбѣдно, ни въ чемъ не нуждаясь, и все-таки пришелъ въ каторгу за убійство трехъ душъ съ цѣлью грабежа. Съ ужасающимъ цинизмомъ разсказывалъ онъ подробности этого злодѣйства, не говоря, впрочемъ, прямо, что въ немъ участвовалъ; но это видно было по его хитрой усмѣшкѣ, по холодному блеску острыхъ глазокъ.

— Я безъ вины попалъ въ работу,—пѣлъ въ такихъ случаяхъ лукавый мордвинъ: — я вѣдь въ несознаніи осужденъ навѣчно.

Портной онъ былъ хорошій; онъ обшивалъ все мѣстное начальство, включая и самого Лучезарова, и заработокъ имѣлъ изрядный; жена его была, повидимому, практичная особа и тоже умѣла добывать деньжонки. Тѣмъ не менѣе Булановъ всѣми силами души

рвался вонъ изъ Шелайскаго рудника и постоянно мечталъ о «переводкѣ»: онъ пробылъ въ каторгѣ всего лишь два года, и впереди ему оставалось еще девять лѣтъ одного тюремнаго срока!..

Но никто изъ семейныхъ не велъ свою «линію» такъ упорно и послѣдовательно, какъ Дюдинъ, имѣвшій на шеѣ пятнадцать лѣтъ одного испытуемаго срока (какъ рецидивистъ-вѣчникъ). Сама природа, казалось, благопріятствовала этому человѣку, надѣливъ его способностью работать языкомъ до собственнаго умопомраченія. Несчастный былъ тотъ, кто обнаруживалъ хоть малѣйшую охоту поговорить съ нимъ: тогда ужъ разсказовъ его невозможно было переслушать! Дюдинъ былъ уже пожилой человѣкъ и отличался внѣшней солидарностью и благообразіемъ. Случайно проживъ три года въ Германіи (въ качествѣ лакея), научился онъ безобразнѣйшимъ образомъ говорить по-нѣмецки; зналъ рѣшительно всѣ мастерства и ремесла на свѣтѣ, и матеріаловъ для разговоровъ находилъ безконечное количество. Говорилъ онъ при этомъ всегда съ странными вывертами и оборотами рѣчи, въ которыхъ видѣлась претензія блеснуть образованностью и европейскимъ лоскомъ. Такъ, по его словамъ, онъ «покушалъ разъ свою жизнь на австрійскаго подданнаго барона Розенвальда»; всѣ господа, у которыхъ онъ жилъ въ Россіи и за-границей, всегда были съ нимъ «въ симпатичныхъ отношеніяхъ»; «апогеевы столбы» также принадлежали Дюдину. Именами бароновъ, князей и графовъ, съ которыми онъ былъ знакомъ, онъ такъ и сыпалъ, какъ бисеромъ, въ глаза своимъ собесѣдникамъ. Понятно, что арестанты страшно его не любили, и рѣдкій день не выходило у Дюдина съ кѣмъ нибудь брани, ссоры и даже драки.

— Дюдинъ опять нашелъ приключеніе!—говорила кобылка, заслышавъ гдѣ нибудь заведенный имъ шумъ.

Тогда какъ другіе семейные всячески лебезили передъ начальствомъ и «ударяли къ нему язычкомъ», Дюдинъ, который тоже, разумѣется, не прочь былъ отъ этого, вскорѣ умудрился вооружить противъ себя и всѣхъ надзирателей своей неугомонной вздорностью, неумолкаемой болтовней и страстью къ «волынкамъ». Вѣчно онъ попадался въ какомъ нибудь «приключеніи»: то незаконно проносилъ въ тюрьму со свиданія колоба и шаньги на дежурствѣ «хорошаго» подворотнаго надзирателя и вслѣдъ затѣмъ попадался съ ними на глаза внутреннему «нехорошему» дежурному, подводя тѣмъ подъ бѣду перваго; то заводилъ споръ и даже мордобой съ кухонниками или прачками; то, наконецъ, распускалъ какую нибудь сплетню про надзирательскихъ женъ, доходившую до свѣдѣнія послѣднихъ и производившую суматоху за стѣнами тюрьмы... Никакія взысканія, ни лишенія свиданія не могли исправить этого вздорнаго человѣка. Рѣшительно на каждой вечерней повѣркѣ онъ заводилъ съ Шестиглазымъ безконечныя пренія, обращаясь то съ просьбой, то съ жалобой, а то и просто съ какой нибудь чепухой. Даже ве-

ликолѣпіе браваго штабсъ-капитана не было для него достаточнымъ пугаломъ, и тотъ сталъ, наконецъ, отмахиваться руками и ногами, еще издали завидѣвъ Дюдина, не успѣвшаго разинуть ротъ, чтобы начать свои словоизверженія... Кончилось тѣмъ, что Лучезаровъ самъ сталъ хлопотать о переводѣ Дюдина въ другую тюрьму.

Въ совершенно другомъ положеніи находились малосрочные: для этихъ былъ полный разсчетъ отбыть свое наказаніе даже въ строгой Шелайской тюрьмѣ, лишь бы послѣ того быть поселенными въ Забайкальской области, а не на страшномъ Сахалинѣ. Изъ бродягъ, непомнящихъ родства, былъ у насъ одинъ забайкальскій крестьянинъ, бѣглый солдатикъ, осужденный безъ «качества», за одно скрытіе родословія; срокъ его четырехлѣтней каторги кончался этимъ же лѣтомъ, и его могли тѣмъ не менѣе отправить на Сахалинъ. Понятно, какъ трепеталъ онъ въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшатся слухи о выборкѣ. Говорили, что съ Кары, изъ Зерентуйскаго, Алгачинскаго и другихъ большихъ рудниковъ «замели» рѣшительно все здоровое населеніе, оставивъ на мѣстѣ только калѣкъ да богодуловъ; что отправляли на Сахалинъ даже тѣхъ, кому кончился уже срокъ каторги, но не успѣло придти назначеніе волости.

Но былъ въ Шелайскомъ рудникѣ одинъ человѣкъ, который больше всѣхъ трусилъ; онъ поблѣднѣлъ, осунулся, весь съежился и скорчился, точно надѣялся, что въ такомъ видѣ его не замѣтятъ и оставятъ въ покоѣ. Это былъ никто иной, какъ нашъ старый знакомецъ и пріятель Кузьма Чирокъ. Онъ крѣпко помнилъ свою исторію съ бараномъ-собакой, и хоть утверждалъ, что побѣгъ его не былъ внесенъ въ статейный списокъ, какъ простая отлучка, но въ глубинѣ души не былъ въ этомъ увѣренъ. Бѣдный Чирокъ лишился даже сна и аппетита. А злые шутники, подмѣтивъ вскорѣ его тревогу, воспользовались ею и начали безъ конца и на всѣ лады донимать его.

— Угодишь теперь къ своей Лукейкѣ, безпремѣнно угодишь! жужжали ему день и ночь въ уши.

— Чего печалишься, дружокъ? Тамъ сестрица тебя и зятекъ ждутъ.

— Пошелъ ко всѣмъ дьяволамъ, творенье паршивое, гадъ!

— Да чего же ты лаешься, Кузьма Александрычъ? Аль въ счастье свое не вѣришь? Такъ это дѣло навѣрняка можно обставить. У насъ грамотные есть. Никишка, сочини прошеніе, что вотъ-молъ Кузьма Чирокъ, находясь восемь лѣтъ въ тяжкой разлукѣ съ единокровной сестрицей своей Лукерьей Александровной, проситъ нижающе ваше превосходительство или какъ тамъ... соединить его вновь! А потому желаетъ отправиться на островъ Сахалинъ, гдѣ она пребыванье имѣетъ съ супругомъ своимъ Семеномъ Пелевинымъ и дѣтками. Садись, братъ, я диктовку тебѣ сорудую.

— Да! Никишкѣ и написать... Нашелъ грамотея,—пренебрежительно ворчалъ Чирокъ, съ безпокойствомъ слѣдя, однако, затѣмъ,

какъ полуграмотный Буренковъ важно усаживался за столъ, раскладывалъ передъ собой бумагу и завастривалъ крошечный обломокъ карандаша.

— Да вотъ и напишу!—подзадоривалъ его Никифоръ, бойко начиная выводить какіе-то удивительные іероглифы: — Прошеніе. А тому слѣдуютъ пунхты. Сестра Лукерья. Островъ Соколиный. Подписался Кузьма Чирокъ. Готово!

И онъ начиналъ торжественно складывать мнимое прошеніе. Тутъ Чирокъ не выдерживалъ.

— О, гады!—вскрикивалъ онъ:—они еще и въ самъ-дѣлѣ подведутъ подъ плети!

Онъ соскакивалъ съ мѣста и кидался къ Никифору отнимать бумагу. Но тотъ успѣвалъ вырваться и, пробѣжавъ по нарамъ черезъ головы и ноги лежавшихъ на нихъ арестантовъ, бросался за дверь и выбѣгалъ на дворъ, преслѣдуемый по пятамъ Чиркомъ. Нѣсколько разъ обѣгали они вокругъ тюрьмы. Легконогій Никишка, бывшій къ тому же босикомъ и въ одномъ бѣльѣ (не взирая на лежавшій еще на дворѣ снѣгъ), летѣлъ, какъ вѣтеръ; но и неуклюжій на видъ Чирокъ, одѣтый въ тяжелые сапоги и бушлатъ, оказывался тоже замѣчательнымъ бѣгуномъ. Раза два или три онъ почти настигалъ Никифора, но тотъ ухитрялся каждый разъ увернуться въ сторону и, наконецъ, совсѣмъ убѣжалъ отъ запыхавшагося и сопѣвшаго, какъ паровикъ, Чирка. Минуты черезъ двѣ Буренковъ самъ къ нему подходилъ.

— Куда дѣлъ прошеніе, гадъ? Давай!—приставалъ къ нему все еще тяжело дышавшій Чирокъ, кашляя, бранясь и отплевываясь.

— Подъ ворота бросилъ,—отвѣчалъ Никишка:—пущай надзиратели подымутъ.

— Врешь?!—вскрикивалъ Чирокъ не то шутливо, не то и въ самомъ дѣлѣ испуганно и начиналъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранить и даже тузить помирающаго со смѣху Никифора. Шутки эти и забавный страхъ Чирка передъ Сахалиномъ стали извѣстны вскорѣ и надзирателямъ, и одинъ изъ нихъ вошелъ разъ въ нашу камеру и съ серьезнымъ видомъ прочелъ только что полученный будто бы списокъ арестантовъ, назначенныхъ къ отправкѣ на Сахалинъ: въ томъ числѣ былъ и Кузьма Чирокъ. Послѣдній поблѣднѣлъ, задрожалъ весь и разинулъ ротъ. Шутка заходила уже слишкомъ далеко, и кто-то, сжалившись, поспѣшилъ засмѣяться и объяснить Чирку, что противъ него составленъ заговоръ. Негодованію его не было предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новымъ восторгамъ кобылки.

Въ одинъ прекрасный мартовскій день точно электрическая искра пробѣжала по тюрьмѣ: прошелъ слухъ, что получился, наконецъ, списокъ тринадцати человѣкъ, подлежавшихъ отправкѣ на Сахалинъ изъ Шелайскаго рудника. Все сразу затихло, всѣ какъ бы ушли въ глубь себя, изрѣдка только и потихоньку сообщая другъ другу догадки, кто бы могли быть эти тринадцать человѣкъ—

по мнѣнію однихъ, несчастливцевъ, по мнѣнію другихъ — фартовцевъ. Въ этотъ день насилу дождались вечерней повѣрки. Можно бы было услышать полетъ мухи — такъ было тихо, когда Лучезаровъ, явившійся самъ на повѣрку, громогласно объявилъ послѣ молитвы, что ровно черезъ недѣлю отсылаются на Сахалинъ всѣ уроженцы Забайкальской области, въ числѣ тринадцати человѣкъ, между прочимъ и братья Буренковы. Одинъ только Дюдинъ какимъ то образомъ затесался въ эту же категорію, хотя вовсе и не принадлежалъ къ ней.

Объявленіе это было для всѣхъ точно ударомъ грома съ безоблачно-яснаго неба. У однихъ вырвался изъ груди глубокій вздохъ облегченія, у другихъ почти крикъ ужаса, у третьихъ — проклятіе досады и разочарованія.

— Господинъ начальникъ! Вѣдь мы семейные,—заговорилъ жалобно Никифоръ: — жены, дѣтишки маленькія... Къ тому же ихъ нѣтъ при насъ... Да и срокъ совсѣмъ къ концу подходитъ.

— А насъ какъ же нѣтъ? Мы вѣдь просились!—загалдѣли долгосрочные.

— Молчать! Что за манера говорить всѣмъ разомъ? Ждите, когда начальникъ самъ объяснитъ вамъ. Въ нынѣшнемъ году нѣтъ требованій на Сахалинъ изъ другихъ категорій. Повѣрьте, что я самъ былъ бы радъ отдѣлаться отъ многихъ изъ васъ. Я посылалъ списокъ всѣхъ артистовъ, которые не ко двору въ моей тюрьмѣ, но, къ сожалѣнію, пока берутъ одного только Дюдина. Что касается малосрочныхъ и семейныхъ, вродѣ Буренковыхъ, то положеніе ихъ дѣйствительно печальное. Но ничего не подѣлаешь: законъ! Надо покориться. Я тутъ не при чемъ. Одно могу вамъ посовѣтовать: телеграфируйте немедленно женамъ, чтобы онѣ собирались въ путь. Въ Усть-Карѣ вамъ придется, вѣроятно, долго сидѣть, и онѣ могутъ васъ догнать.

— А если хлопотать, господинъ начальникъ,—робко заговорили малосрочные:—если телеграмму отбить господину губернатору... Дѣтишки малыя, жены больныя... Можетъ быть, снизойдутъ, оставятъ.

— Напрасно деньги потратите. Законъ не можетъ быть отмѣненъ: уроженцы Забайкальской области должны быть поселяемы на Сахалинѣ.

— Все-таки попробовать бы, господинъ начальникъ.

Лучезаровъ пожалъ плечами.

— Пробуйте, пожалуй. Надзиратели, разводите арестантовъ по камерамъ.

Въ нашемъ номерѣ не спали въ этотъ вечеръ до глубокой полночи. Чирокъ предавался безумной радости: со всѣми заигрывалъ, возился и ядовито подсмѣивался надъ тѣми, которые другимъ яму копали, подметныя письма и прошенія сочиняли и вдругъ сами въ бѣду попали. Никифоръ и Михайла были убиты и молчаливы. Петинъ, Ногайцевъ и Сокольцевъ, мечтавшіе о Сахалинѣ,

раньше всѣхъ утѣшились и начали строить другіе планы отбиться отъ Шестиглазаго и его тюрьмы.

На другой день Буренковы отправили въ Троицкосавскъ телеграмму своимъ женамъ. Двое другихъ изъ назначенныхъ къ отправкѣ послали по телеграфу же прошеніе губернатору. Не знаю, посылалъ-ли Лучезаровъ это прошеніе, только четыре дня спустя онъ объявилъ имъ, что получился отказъ, и нужно собираться въ дорогу. Буренковы сильно волновались, долго не получая изъ дому отвѣта. Никифоръ прямо заявилъ, что если жена почему-либо откажется за нимъ ѣхать, тогда онъ пропащій человѣкъ.

— Съ дороги безпремѣнно бѣгу и заявлюсь къ ей. А! скажу, сволочь, ты думала, что отправила меня на Сахалинъ, такъ и отвязалась? На вольной волюшкѣ хотѣла пожить? Нѣтъ, шалишь. Я — вотъ онъ. Меня и цѣпь удержать не смогла. Я, вѣдь, братцы, и въ самъ-дѣлѣ... Коли ужъ рѣшусь на что, такъ я духовой парень! Ничего тогда не боюсь — ни людей, ни самого Бога. Коли приду да замѣчу, что въ ей невѣрность али тамъ баловство какое, такъ я много разговариватъ не стану: живо и голову ей, подлой, прочь! Знай нашихъ, Соколинцевъ! Ну, а ее побью — и ребятишекъ тоже побью. Не далъ Богъ отцу талану, не коптите и вы свѣтъ бѣлый, не будьте такими же несчастными.

— Полно вамъ вздоръ нести, Никифоръ, возражалъ я: вѣдь вы сами не вѣрите тому, что говорите. Хорошо знаете, что жена вѣрна вамъ и пойдетъ за вами въ огонь и въ воду.

— Это вѣрно, положимъ... Оно нужно бы такъ думать, Миколаичъ, что пойдетъ... Только все же и сумлѣніе иной разъ беретъ. Завтра вѣдь пятый ужъ день, какъ телеграмма отбита, а отвѣта нѣтъ.

— Ничего, придетъ еще. Разскажите-ка лучше, какъ вы поженились? Отцы васъ сосватали или какъ?

— Мы убѣгомъ, Миколаичъ... У насъ это часто бываетъ, у семейскихъ. Вѣстимо, отцы раньше согласіе свое даютъ, а тоже много случается — и безъ согласія. Вотъ мы къ примѣру... Помнишь, ты романы намъ разные читалъ и разсказывалъ? Такъ ты думаешь, поди, что это въ вашемъ только быту любовь тамъ разная водится, а мы, простые мужики, какъ скотина живемъ? Нѣтъ, и у насъ то же самое бываетъ. Я про себя вотъ, коли хочешь, разскажу.

IX.

Романъ Никифора. — Отправка.

— Наши двѣ семьи, моя, отцовская, и Настькина, женина, страшеннѣйшую вражду промежъ себя имѣли, — такъ началъ Никифоръ свой романъ. — Отцы-то и матери видѣть другъ дружку спокойно не могли, зубами скрежетали. Не могу обсказать хоро-

шенько, изъ-за чего въ началѣ у ихъ пошло, я еще махонькій о ту пору былъ. Только и мы, конечно, ребятишки, большимъ подражали. Я Настьку-то не разъ, признаться, колачивалъ... Словлю гдѣ-нибудь одну ее—и сейчасъ въ волосья ей, а то пескомъ всю обсыплю. Только она, бывало, никогда не заплачетъ, развѣ со злости ужъ, что защититься нѣтъ силы... Дерется тоже, кусается, стервенокъ, разалѣется вся... Ну, только въ окончаніе всего я, разумѣется, накладу ей. Жалиться она тоже не любила; никогда, бывало, отцу-матери не скажетъ, что я побилъ ее, потому мнѣ тогда все-жъ бы и мои старики спуску не дали, даромъ что со взрослыми во враждѣ были. И боялась же меня Настька: завидитъ, бывало, издали — и на убѣгъ... Бѣжитъ, бѣжитъ, падаетъ, подымается, опятъ во всѣ лопатки жаритъ... Я маленькій-то варваръ вѣдь былъ, вотъ у Михайлы спроси. Онъ помнитъ. Онъ самъ меня не однова за уши диралъ. Ну, вѣстимо, какъ подросли мы оба съ Настькой, драться перестали—совѣстно ужъ было... И Настька бѣгать отъ меня не стала; только пройдетъ мимо—глазомъ, бывало, не моргнетъ, не поглядитъ на меня. Ровно незнакомые. Какъ царевна какая, мимо идетъ. Съ другими подростками, товарищами моими, и шутки всякія шутитъ и любезничаетъ (подростки тоже вѣдь, какъ взрослые, себя держатъ, особливо дѣвки), а меня ровно и нѣтъ для нея. Я инова скажу что-нибудь, мелкимъ бѣсомъ подъѣду... Ни-ни! Развѣ глазомъ только обожжетъ, ненавистливо таково поглядитъ! Сталъ и я тогда въ амбицію вламываться, озлился. Разъ (мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ было; на дворѣ весна стояла) я на конѣ верхомъ ѣхалъ, а Настька съ матерью на встрѣчу въ гости куда-то шли. День былъ праздничный; онѣ нарядныя такія, расфуфыренныя... А на улкѣ грязи было, грязи — не приведи Богъ, потонуть можно. Какъ закипитъ во мнѣ злость. Какъ пріударю я коня плетью да мимо ихъ: всѣхъ съ ногъ до головы грязью залѣпилъ! Дѣвушки кругомъ, ребятишки, парни смѣхъ подняли... Настькина мать кричитъ: «Ловите, держите разбойника!»—Гдѣ тутъ? Меня и слѣдъ давно простылъ. Послѣ того долго мы не встрѣчались. Самому мнѣ какъ-то совѣстно стало: завижу гдѣ — и въ сторону ворочу. А коли неминуче гдѣ-нибудь встрѣнемся, среди хоровода, въ молодяжникѣ, такъ я стараюсь ужъ и не глядѣть на нее, съ другими дѣвушками любезничаю. А только пала она съ той поры мнѣ на сердце... Бравая была дѣвка, нечего говорить. Вотъ Михайла знаетъ, не дастъ соврать... Даже говорить смѣшно: сплю, бывало, а самъ во снѣ ее вижу, обнимаю, словами пріятными называю... Вотъ ей-богу, не вру! А по утру встану—сердитый, на свѣтъ бы бѣлый не глядѣлъ. Ну, словомъ, буква въ букву со мной такъ выходило, какъ въ тѣхъ романахъ, которые ты читалъ намъ, Миколаичъ... Вотъ оно что любовь-то значитъ! Сталъ я, прямо надо сказать, сохнуть по Настькѣ. Думаю: видно, приходится покориться ей, прощенья, что-ли, просить; можетъ, и согласится она

замужъ за меня пойтить. А потомъ опять сумлѣніе найдетъ: шибко ужъ, думается, злобится она на меня, забыть не можетъ, какъ дѣвчонкой еще забижалъ я ее и какъ при всемъ народѣ осрамилъ— грязью обрызгалъ. Она на память крѣпкая, не даромъ гордости въ ей столько, никогда не жалилась на меня, какъ маленькая была, даже плакала рѣдко. Разъ возвращался я домой съ охоты. За утками весной ходилъ. Бреду по берегу рѣчки, по-за кустами, гляжу— Настька бѣлье на плоту колотитъ. Забилось во мнѣ, признаться, сердце... Закрутилъ усъ (а и усъ-то только что пробиваться зачалъ), поправилъ ружье на плечѣ и подхожу прямо къ ей.—Здравствуй, говорю, Настасья!.. Въ первый разъ за всю жизнь такъ къ ей обращаюсь. Она какъ испужается (не замѣтила вишь, какъ я подходилъ) и валекъ даже изъ рукъ выронила...

— Ой, говоритъ, какъ ты испужалъ меня, Никифоръ!

И губы прикусила, что невзначай имя мое сорвалось. Замолчала, стала бѣлье выкручивать Я остановился подлѣ.

— Ты, спрашиваю. шибко серчаешь на меня, Настя?

Она не отвѣчаетъ.

— Видитъ Богъ, говорю. каюсь передъ тобой, за все каюсь... (Говорю. а у самого глотку будто перехватилъ кто)—прости, Настасьюшка!

Она не глядитъ, бѣлье продолжаетъ выкручивать.

— Чего, говоритъ. мнѣ серчать? Дороги у насъ разныя, дѣлить намъ нечего.

— Неужто таки нечего? спрашиваю:—ты вотъ говоришь, не серчаешь, а сама даже и не смотришь на меня.

Она взглянула—и засмѣялась. Такъ засмѣялась, что и во мнѣ ровно все засмѣялось, ровно солнышко взошло на душѣ—такъ свѣтло стало.

— Узоровъ на тебѣ, говоритъ, не написано; чего мнѣ глядѣть?

Насмѣлѣлъ я, еще ближе подошелъ.

— Вотъ что, говорю, Настя, я безъ тебя жить не могу. Пойдешь за меня?

Она еще пуще разсмѣялась.

— Вотъ что выдумалъ! Маленькую билъ, забижалъ, недавно еще при всемъ народѣ срамилъ, а теперь сватаетъ! Что-жъ, шибко ты любить меня сталъ бы?

И руки въ боки подперла, глядитъ на меня—огнемъ жжетъ, а сама хохочетъ. Свѣта я тутъ Божьяго не взвидѣлъ, схватилъ ее за руку, обнять хотѣлъ... Она прочь меня оттолкнула, осерчала, ажъ потемнѣла вся...

— Ты что это, говоритъ, обо мнѣ въ голову забралъ? Гулящей меня, што-ли, считаешь? Такъ знай же, говоритъ, Микишка: не видать тебѣ меня, какъ ушей своихъ! Никогда не владать тебѣ мной! Ни за что въ свѣтѣ не обмануть меня!

— А не боишься, спрашиваю, что я убью тебя? Сейчасъ вотъ убью и себя и тебя?

И ружье съ плеча сымаю.

— Стрѣляй, говоритъ, не боюсь я, хоть сейчасъ стрѣляй!

Сама руки на крестъ сложила и стоитъ. Ажно заплакалъ я, не вытерпѣлъ и убѣжалъ домой. Ушелъ я тогда на пріискъ. Все лѣто такъ чертомелилъ, что не знаю, какъ у меня спина не треснула. Мнѣ съ ребятами пофартило: много мы золота намыли. Въ полтора какихъ-нибудь мѣсяца на мою только долю съ тысячу рублей пришлось,—и зачалъ я гулять. Пилъ безъ просыпу, буянилъ, распутничалъ, деньги, какъ щепки, швырялъ во всѣ стороны. Отъ лавокъ до кабака дорогу ситцами дорогими выстилалъ: не хочу, молъ, по грязи идти!.. Дошли слухи до нашего мѣста: «Микишка, молъ, совсѣмъ пропалъ, замотался». А я нарочно еще всѣмъ робятамъ, которые домой шли, наказывалъ: «кланяйтесь, молъ, всѣмъ роднымъ и знакомымъ, прощенья у всѣхъ друзьевъ и товарищевъ просите, коли зло какое на мнѣ помнятъ! Больше меня не увидятъ. Не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ долько деньги послѣднія догуляю».

— Да и въ самомъ дѣлѣ, братцы, дурныя мысли въ башкѣ ходили. Просыпаюсь разъ утромъ посередь улицы, оборванный, грязный, въ кровѣ весь, чортъ чортомъ... Въ карманѣ хоть шаромъ покати, и кошелька даже нѣтъ. Босикомъ; головушка трещитъ. Ну, теперь, думаю, пора: камень теперь на шею, да и въ Чикой-батюшку!.. Сижу это посереди дороги, думаю. Ранымъ-рано. На улицѣ ни души. Солнышко изъ-за сопки встаетъ. Радошно таково, свѣтло въ мірѣ Божьемъ... И вспомнилась мнѣ Настька опять... Будто слова ея слышу: «какъ ты испужалъ меня, Никифоръ!» Вижу будто, какъ она глянула на меня, разсмѣялась...

— Эхма! думаю... Прежде чѣмъ помереть, пойду еще хоть глазкомъ однимъ погляжу на нее, прощусь. Какъ былъ, въ томъ самомъ видѣ всталъ на ноги и въ одинъ день безъ малаго шестьдесятъ верстъ пѣшкомъ откаталъ. Прихожу въ село — ужъ вечеръ на дворѣ, всѣ спать полегли. Я прямо въ ихъ огородъ залѣзъ и къ окну Настькиной горницы подхожу. Смотрю—окно раскрыто, и сама она въ одной сорочкѣ у окна сидитъ. Я, какъ привидѣніе, чортъ чортомъ, въ пыли весь, въ грязѣ, съ ногами въ крови, и появляюсь передъ ей... Она было айкнуть хотѣла, прочь отъ меня; да я за руку изловился.

— Не кричи, говорю, родная, не пужайся, я проститься только пришелъ. Ты видѣть меня, злодѣя, не можешь, а я изсохъ по тебѣ и жить безъ тебя не хочу... Взглянуть только въ останній разъ пришелъ... Камень на шею—и въ воду... Прощай!

И хочу уходить. А она ужъ, гляжу, сама меня не пущаетъ...

— Стой, шепчетъ мнѣ, я тебѣ всю правду истинную скажу.

Я сама безъ тебя пропадаю... Думала, тебя ужъ и на свѣтѣ нѣтъ изъ-за меня, постылой, и тоже жизни рѣшиться хотѣла!

— Ой-ли? Значитъ, пойдешь за меня?

— Хочь сейчасъ на край свѣта! Я съ той поры еще, Микишка, объ тебѣ одномъ думаю, какъ ты меня дѣвчонкой колачивалъ и забижалъ.

Того же разу и порѣшили мы уходомъ обвѣнчаться, потому родители наши не дали бы согласія. Такъ и сдѣлали, вотъ Михайла помнитъ. А потомъ, какъ дѣло обдѣлано было, и старики, глядишь, смягчились. Тѣмъ и вражда прежняя кончилась, изъ-за насъ съ Настькой помирились. Вотъ времячко-то счастливое было, Миколаичъ! Я, знаешь, для того вѣдь больше и писать-то хотѣлъ обучиться, чтобъ жизнь свою тебѣ описать!

Никифоръ говорилъ все это въ сильномъ волненіи, расхаживая большими шагами по камерѣ, съ заложенными за спину руками и съ огнемъ въ голубыхъ глазахъ. Какая-то благородная вспышка освѣщала все лицо его, отѣненное длинными бѣлокурыми усами, и выпрямляла высокую костлявую фигуру...

— Вишь ты, гадъ, въ бабу какъ врѣзался! насмѣшливо замѣтилъ Чирокъ, внимательно слушавшій разсказъ Буранкова: еще описать ему нужно... Что тутъ описывать? Дуракъ ты былъ — вотъ и все: изъ-за дѣвки топиться вздумалъ! не зналъ ты еще, чѣмъ онѣ дышутъ, твари!

Сокольцевъ, Желѣзный Котъ и другіе подхватили слова Чирка и стали развивать ихъ, разсѣевая мало по-малу очарованіе простого и вмѣстѣ трогательнаго романа, разсказаннаго Никифоромъ. Но послѣдній, казалось, не обращалъ вниманія на циничныя замѣчанія и шутки товарищей и, въ глубокомъ раздумьи, продолжалъ ходить по камерѣ. И я съ невольной грустью размышлялъ о томъ, какъ несчастно сложилась судьба этого человѣка, отъ природы столь прямого и симпатичнаго.

— Вотъ видите, Никифоръ, сказалъ я ему въ утѣшеніе,—какъ грѣшно вамъ думать нехорошія вещи о своей женѣ, развѣ можно сомнѣваться, что такая женщина никогда не измѣнитъ?

— Никишка, вѣстимо, зря объ своей бабѣ ботаетъ, подтвердилъ и Михайла: Настасья женщина вовсе отдѣльная. А вотъ моя баба— это точно змѣя подколодная. Она, я знаю, откажется ѣхать. И дуракъ я былъ, что деньги согласился на телеграмму бросить. Она, небось, рада радехонька, что меня теперь на Сахалинъ упрутъ: оттуда, молъ, ужъ не сорвется!.. Ну, да и я тоже печалиться объ ей шибко не стану, кланяться не буду!

— А вы развѣ, Михайла, не такъ жену свою брали, какъ Никифоръ?

Михайла тихо засмѣялся. Никифоръ отвѣчалъ за него.

— Его силкомъ мать женила. Онъ съ другой раньше жилъ. За

нимъ тоже вѣдь всѣ дѣвки увивались, потому и молодецъ былъ и жилъ справно.

— Почему же онъ думаетъ, что жена откажется за нимъ ѣхать? Вѣдь она-то не силой за него шла?

— Коли прежде не поѣхала, отвѣчалъ самъ Михайла, теперь тѣмъ болѣ не поѣдетъ. Сахалинъ! Невѣдомая земля! Тамъ вѣдь люди съ собачьими головами живутъ, наскажутъ ей старухи разныя: на что тебѣ ѣхать за имъ, за варваромъ? Тамъ солнышко Божье не свѣтитъ, круглыя сутки ночь стоитъ. Не силой, говорите, замужъ шла? Ха! такъ тогда вѣдь у меня деньги были, руки не связанныя, да и въ лицѣ-то кровь играла... А теперь я на старика, безъ малаго, похожу ужъ, а ей-то на волѣ-то, на хлѣбахъ моихъ даровыхъ, плясать еще, пожалуй, охота...

— Это правду Михайла говоритъ, подтвердилъ и Никифоръ: бабы вѣдь какой народъ? съ глазъ ты у нихъ долой — и изъ ума вонъ. А тутъ еще старухи эти проклятыя отговаривать зачнутъ. Ты еще не знаешь, Миколаичъ, нашихъ старухъ. Вѣдьмы вѣдьмами— только что хвоста развѣ нѣтъ... Вотъ и за свою Настьку я поэтому же боюсь. Хоть бы Михайлину жену взять: если сама она не надумаетъ ѣхать, то ужъ обязательно и мою отговаривать станетъ, чтобъ одной людей не совѣстно было!

Я переводилъ разговоръ на то, какъ Буренковы пойдутъ дорогой, какъ на Сахалинѣ жить станутъ. У Никифора безполезно, впрочемъ, было бы спрашивать объ этомъ: онъ былъ человѣкъ момента, обстоятельствъ и посторонних вліяній, и если бы даже онъ клясться и божиться началъ, что мошенничать больше не будетъ, то слова его не имѣли бы для меня ровно никакого значенія. Я могъ одного только желать для него отъ всей души, чтобы условія новой его жизни сложились по возможности благопріятно для честнаго существованія, и первымъ изъ такихъ благопріятныхъ условій было бы, по моему мнѣнію, забота о семьѣ и общая жизнь съ нею. Никифоръ самъ хорошо сознавалъ, что онъ человѣкъ минуты и въ тѣ же дни передъ раставаньемъ разсказалъ о себѣ одинъ смѣшной и крайне характерный анекдотъ.

— Шли мы разъ съ Михайлой съ пріисковъ и подошли къ широкой рѣчкѣ, у которой однако бродъ былъ. Я первый разулся, раздѣлся и говорю Михайлѣ: «Я тебя такъ на спинѣ перенесу, не раздѣвайся». Сурьезно это говорю ему, думаю: перенесу и впрямь. Онъ сдуру-то повѣрилъ да и залѣзъ мнѣ на плечи. Вотъ отошелъ я отъ берега шаговъ тридцать, на самое глубокое мѣсто забрелъ, да и раздумалъ. «Знаешь, говорю, что? Я присталъ».—Ну, ничего, говоритъ, какъ-нибудь дотащишь.—«Нѣтъ, говорю, присталъ, не понесу далѣ. Сяду». Да и зачалъ садиться въ воду... Какъ онъ закричитъ: — Сдурѣлъ ты, Микишка, што-ли?—А я знай себѣ сажусь. Выскочилъ изъ подъ его, да и на убѣгъ. Онъ дьяволъ дьяволомъ вылѣзаетъ со дна: вода съ одежи рѣкой течетъ! Хохотъ на

берегу! Съ тѣхъ поръ и говоритъ про меня Михайла, что мысли у меня на тридцать шаговъ только держатся.

Слова Михайлы имѣли большій вѣсъ и значеніе, и мнѣ не казалось, напримѣръ, въ его устахъ пустымъ ботаньемъ, когда онъ разсказывалъ, что больше изъ злобы, чѣмъ изъ корысти началъ мошенничать. По его словамъ, онъ былъ уже женатымъ человѣкомъ, когда родная мать, поощряемая враждебно относившимся къ нему дядей, настояла, чтобъ міръ публично наказалъ его розгами. Большихъ провинностей за нимъ въ то время не числилось; но дядя убѣдилъ глупую старуху, что сынъ можетъ въ конецъ разбаловаться, если распустить вожжи. Съ негодованіемъ, сохранившимся еще и теперь, по прошествіи пятнадцати лѣтъ, разсказывалъ Михайла, какъ позорно наказали его при всемъ народѣ и какъ хотѣлъ онъ потомъ убить и дядю и мать; какъ послѣдняя сама потомъ раскаялась въ своемъ поступкѣ, но было уже поздно: онъ ожесточился и пустился во всѣ тяжкія... Злоба противъ односельчанъ, нанесшихъ ему и послѣ того не мало обидъ, была такъ сильна въ Михайлѣ, что въ случаѣ неудачно сложившейся на поселеніи жизни онъ обѣщался бѣжать и по свойски расправиться съ ними.

— У меня на двое теперь мысли въ головѣ расходятся, отвѣчалъ онъ обыкновенно на мои вопросы: съ одной стороны въ мошенничествѣ я вкусу большого не нашелъ. Это я прямо говорю, что не нашелъ, и отстать отъ этихъ пустяковъ мнѣ не трудно. Микишка вотъ хорошо меня знаетъ: коли я что рѣшу, такъ то я сдѣла́ю. Люди, товарищи—это ничто меня отклонить не въ силахъ. Но съ другой стороны я и то еще думаю: дѣло мое къ старости клонится, и коли буду я одинъ однешенекъ, для кого и для чего я жить стану? Особливо, ежели еще и жить плохо будетъ? Такъ что обѣщать вѣрнаго ничего не могу. Посмотрю—увижу, что нибудь рѣшу и тогда напишу вамъ.

Относительно переписки у насъ придумана была цѣлая конспирація. Писемъ Буренковыхъ, адресованныхъ прямо на мое имя, Лучезаровъ ни въ какомъ случаѣ не передалъ бы: по инструкціи арестанты имѣютъ право переписываться только съ ближайшими родственниками. Въ виду этого мы условились сообщаться между собой кругосвѣтнымъ путемъ: Михайла долженъ былъ писать въ Россію къ моей матери, адресъ которой я записалъ ему въ евангеліе.

Только на пятый день ожиданія получился, наконецъ, отвѣтъ отъ жены. Михайла оставался по нездоровью въ тюрьмѣ, и мы съ Никифоромъ, вернувшись изъ рудника, застали его разбирающимъ уже въ десятый разъ полученную телеграмму. Ядовито усмѣхнувшись, онъ подалъ мнѣ бумагу и я прочелъ въ ней буквально слѣдующее: «Родные, не погнѣвайтесь, дѣтей жалко ѣхать».

У меня болѣзненно сжалось сердце и въ первую минуту не нашлось ни одного слова въ утѣшеніе. Никифоръ сразу упалъ ду-

хомъ и пришелъ въ самое отчаянное настроеніе. На другой день уныніе смѣнилось въ немъ порывомъ безшабашной веселости и чисто арестантскаго молодечества. Онъ закручивалъ свой длинный усъ, ступалъ прямо и какъ-то особенно «по гулевански», и съ губъ его то и дѣло срывались слова: «Мы, соколинцы»... О женѣ онъ старался не заговаривать, а о бабахъ вообще отзывался съ безконечнымъ презрѣніемъ. Но я отлично зналъ, что и это его настроеніе не больше, какъ минутный порывъ, и, давъ пройти ему и остыть, уже наканунѣ отправки, попытался внушить ему, что изъ телеграммы ничего дурного, говорящаго о прямой измѣнѣ жены, не видно; что положеніе ея, какъ матери, дѣйствительно ужасно затруднительно: необходимо было большое геройство, равное почти отчаянности,—только что получивъ как съ неба сваливщуюся телеграмму объ отправкѣ на Сахалинъ, немедленно же забрать маленькихъ дѣтей и покатить съ ними въ невѣдомый путь. Я указывалъ Никифору, что подробное, написанное мной, письмо, которое жена его на дняхъ уже должна была получить, дастъ ей возможность лучше обсудить и обдумать эту поѣздку, и увѣрялъ, что въ Усть-Карѣ онъ непремѣнно получитъ болѣе благопріятный отвѣтъ. Слова мои были дѣйствительно животворнымъ бальзамомъ для наболѣвшаго сердца Никифора, и онъ опять повеселѣлъ; Михайла отнесся къ нимъ, повидимому, скептически, хотя и не спорилъ. Тотъ и другой дали мнѣ честное слово не пытаться бѣжать, по крайней мѣрѣ, втеченіе года и дождаться того времени, когда окончательно выяснятся ихъ семейныя дѣла.

Что касается отношеній братьевъ другъ къ другу, то вѣтренный Никифоръ, размягченный несчастіемъ, одинаково обрушившимся на него и на Михайлу, казалось, и забылъ даже о своей прежней враждѣ съ нимъ: имя Михайлы почти не сходило съ его языка; въ каждомъ словѣ и взглядѣ онъ выражалъ къ нему чисто-братскую нѣжность, и посторонній зритель могъ бы подумать, что между ними и не пробѣгало никогда черной кошки, что ихъ дружбы и водой не разольешь; повидимому, ему и въ голову даже не приходило усомниться въ томъ, что они будутъ идти дорогой, какъ братья и товарищи. Для этой цѣли онъ заготовлялъ всякаго рода мѣшки, сумочки, котомки и такъ много суетился, какъ-будто на попеченіи его находилась цѣлая семья съ самымъ сложнымъ и запутаннымъ хозяйствомъ. Но не то держалъ, видно, на умѣ Михайла, и на всѣ экспансивныя и сентиментальныя выходки Никифора упорно отмалчивался. Замѣтивъ это, я отозвалъ его въ сторону и спросилъ, почему онъ какъ-будто сердится на Никифора.

— Не сержусь я, Иванъ Миколаичъ, отвѣчалъ Михайла, а только я твердо рѣшилъ: не пойду съ Никишкой въ товарищахъ.

— Какъ такъ? Съ чего это?

— Съ того. Я хорошо знаю и свой и его характеръ. На два дня его хорошества хватитъ—не больше. Станетъ онъ, какъ прежде,

съ гулеванами разными знаться, въ картишки играть, пойдутъ у насъ свары, злоба, а я этого смерть не люблю. Такъ лучше же съ самаго начала не обманывать другъ дружки, идти розно.

Долго, очень долго пришлось мнѣ уламывать Михайлу предать забвенію всѣ прошлыя размолвки, счеты и обиды и, въ виду общаго несчастія, сдѣлать еще одинъ, послѣдній уже, опытъ общей жизни съ Никифоромъ. Очевидно, только изъ желанія доставить удовольствіе мнѣ, передъ которымъ онъ считалъ себя въ неоплатномъ долгу, согласился онъ, наконецъ, поступить еще разъ такъ, какъ я убѣждалъ. Никифоръ такъ и не узналъ объ этой нашей бесѣдѣ. Его я тоже, впрочемъ, уговаривалъ слушаться во всемъ старшаго брата и ни за что не расходиться врозь.

Наконецъ 25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія, въ ясный солнечный день Соколинцы отправились въ походъ, провожаемые до воротъ рѣшительно всей тюрьмой и напутствуемые добрыми пожеланіями. Я отъ души расцѣловался съ Буренковыми...

Къ сожалѣнію, я такъ и не знаю ничего объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Мать моя никогда не получала никакихъ писемъ отъ Михайлы. Арестанты объясняли это тѣмъ, что онъ, вѣроятно, убѣжалъ съ дороги. Нѣкоторые утверждали даже, что слыхали объ этомъ; передавались такія даже подробности, будто въ Сахалинской партіи была попытка огромнаго побѣга «на ура», и Никифоръ Буренковъ въ числѣ многихъ другихъ былъ убитъ, а Михайла успѣлъ скрыться... Правду или ложь разсказывала кобылка—какъ узнать и провѣрить? Привыкнувъ скептически относиться къ арестантскимъ слухамъ, я предпочитаю поставить точку на этомъ мѣстѣ разсказа.

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЦЫ.

Романъ.

XII.

Спиридонъ Поликарповичъ былъ крайне недоволенъ дѣлами «Огненной земли». Несмотря на то, что онъ не жалѣлъ «ни трудовъ, ни усилій», заработки этого почтеннаго учрежденія уменьшались съ каждымъ днемъ. Ко всѣмъ увеселеніямъ публика начала питать постыдное равнодушіе, превративъ полутемныя аллеи сада въ арену любовныхъ свиданій и очищенія кармановъ. На сценѣ «драматическая труппа» ломала фарсъ, который смотрѣла кучка въ 20, 30 человѣкъ, а на аллеяхъ сидѣли и прогуливались парочки, обмѣнивавшіяся громкими поцѣлуями, или раздавался звукъ затрещины и слышался надорванный вопль: «держи!» Лиллипуты умалились совершенно, и изъ двѣнадцати должны были превратиться по меньшей мѣрѣ въ 6-ти вершковыхъ человѣчковъ вслѣдствіе хроническаго недоѣданья. Тяжело было слышать ихъ пискливое, голодное пѣнье, тяжело было смотрѣть на ихъ полинявшіе, изпосившіеся костюмы. Мальчишка, стоявшій у входа въ балаганъ и долженствовавшій сзывать почтенную публику, тщетно потрясалъ колокольчикомъ, тщетно взывалъ въ темноту: «пожалуйте, сейчасъ начинаемъ!»—въ балаганчикъ никто не заглядывалъ. Человѣкъ, показывавшій въ своемъ балаганчикѣ «необыкновенный букетъ», ожесточился окончательно и сидѣлъ на табуреткѣ при входѣ, сверкая злыми глазами, подобно загнанному собаками звѣрю. Кое-какъ влачила существованіе «стрѣльба въ цѣль» и то только потому, что дѣвица, сидѣвшая въ «стрѣльбѣ», была очень мила и настойчива въ предложеніи «пострѣлять». Силомѣръ также, несмотря на то, что былъ испорченъ съ перваго же дня своего появленія, все еще ухалъ и стучалъ поминутно, мѣшая незначительной кучкѣ публики слушать куплеты. «Молоко, булки, горячія сосиски и папиросы» оказались не въ силахъ бороться съ хроническимъ отсутствіемъ потребителя и въ одинъ прескверный день исчезли безслѣдно.

Видя, какъ по ниткамъ расползается затѣянное имъ дѣло, Спиридонъ Поликарповичъ пригласилъ однажды къ себѣ «въ контору» репортера Ватрушкина. Сіяющее, жирное лицо Хрисанфа Терентьича просіяло еще больше и даже начало испускать изъ себя нѣкоторое подобіе лучей, когда онъ увидѣлъ въ конторѣ два прибора съ приличной, по размѣрамъ, бутылкой «русскаго добра».

— Садись, Хрисанфъ Терентьичъ! — пригласилъ Поросенковъ, — потолкуемъ! Давненько что-то тебя не было видно! Здоровъ-ли сердцемъ?

— Здоровъ и сердцемъ, и животомъ! — отвѣчалъ Ватрушкинъ, хлопая себя по круглому брюшку,—что мнѣ дѣлается?

— Такъ, такъ! (Поросенковъ побарабанилъ по столу) Оно точно! Что вамъ дѣлается, писателямъ! Живете себѣ безъ заботъ, безъ хлопотъ! Да, что же закуски? Скажи, чтобы подавали!

Щупленькій старичокъ съ сѣдыми бачками,—пріятель Никиты Ивановича,—принесъ подносъ съ закусками, гдѣ были и икра, и рѣдиска, и любимый Ватрушкинымъ балыкъ, поставилъ на столъ и отошелъ въ сторону.

— Ступай себѣ, Порфирій! — приказалъ хозяинъ, — надо будетъ—позову!

Порфирій моргнулъ слезящимися глазками и, ступая на носки, мягко вышелъ изъ конторы.

— Прошу, Хрисанфъ Терентьичъ! — указалъ хозяинъ на столъ, — распорядись!

Ватрушкинъ «распорядился»: налилъ рюмку водки (Поросенковъ ничего не пилъ), залпомъ выпилъ, налилъ другую, продѣлалъ съ нею то же самое, и только тогда принялся за балыкъ.

— Ты икорки попробуй! Икорка больно хороша! — предложилъ Спиридонъ Поликарповичъ.

— Доберемся и до икорки! — сказалъ Ватрушкинъ, наливая третью рюмку водки,— будь здоровъ!

— Спасибо!

Покончивъ и съ водкой и съ закуской, Ватрушкинъ отвалился на спинку стула, выпятилъ животъ и принялся его гладить. Теперь лицо его представляло нѣкоторое подобіе солнечнаго диска въ туманное утро, до того оно было кругло и мѣдно-красно.

— Пивка? — спросилъ Поросенковъ, подвигая гостю бутылку «Старой Баваріи».

— Да! — прохрипѣлъ Ватрушкинъ, — съ балыка пить хочется!

Онъ налилъ себѣ пива, отхлебнулъ, закурилъ папиросу и пытливо посмотрѣлъ на Поросенкова.

— А у тебя что-то есть на душѣ, Спиридонъ Поликарповичъ!—сказалъ онъ.

— Есть!

— То-то! Я вижу! Отъ меня, братъ, не скроешь! Нѣ-ѣ-ѣтъ! Мраченъ ты, какъ чортъ знаетъ что, и видъ у тебя какой-то ошпаренный!

— Будешь ошпаренный съ такихъ дѣловъ! — вздохнулъ Поросенковъ, — дѣла, Хрисанфъ Терентьичъ, больно не казисты!

— Съ заведеніемъ что-ли?

— Вотъ, вотъ! Съ нимъ самымъ! Назвали мы его «Огненная земля», да какъ бы мнѣ на этой «огненной»-то не прогорѣть!

— Ну? Неужели?

— Вѣрно говорю!

— А!

«Во саду-ли, въ огородѣ»!..—запѣлъ Ватрушкинъ и налилъ себѣ пива.

— Гостей точно кто вымелъ! Правда! Я ужъ и то думаю: не къ сосѣду-ли всѣ перетянулись?

— Къ какому сосѣду?

— А въ эту... «Эльдораду»!

— «Новое Эльдорàдо»? Помилуй, братъ, какой онъ тебѣ сосѣдъ! На другомъ концѣ города! Составъ увеселеній у васъ одинъ и тотъ же!

— Ну кто жъ его знаетъ! «Составъ»-то, точно, тотъ же, да про сосѣда-то въ газетахъ пишутъ, а про меня ни гу-гу!

Ватрушкинъ поперхнулся.

— Что это, муха, что-ли попала!—пробормоталъ онъ, ужъ что-то очень усердно заглядывая въ стаканъ.

— И что это имъ далась эта «Эльдорада»?—продолжалъ Поросенковъ, пытливо посматривая на репортера шельмовскими, бѣгающими глазками, — названіе, что-ли понравилось (Ватрушкинъ презрительно махнулъ рукой, дескать: «пустяки!») или что иное! А по моему, по мужицки, что Эльдорадо, что мое заведеніе,—все одно! Тамъ представленія, и у меня представленія, тамъ акробаты, и у меня акробаты, тамъ куплеты, и у меня! У меня-то вонъ еще прибавка: русская деревня!

— Русская деревня! — вздохнулъ Ватрушкинъ неодобрительно покачалъ головой и запѣлъ: «дѣвица гуляла»...

— Что, не нравится?—подхватилъ Поросенковъ,—знаю, что не одобряешь, да что заведешь дѣлать, коли только на нее и ходятъ! Не будетъ «деревни», тогда, братъ, аминь,—закрывай лавочку!

— Ну, положимъ!—усомнился Ватрушкинъ,—въ «Эльдорадо» «деревни» нѣтъ, а самъ говоришь, дѣла дѣлаютъ!

— Пишутъ! Оттого!—уныло развелъ руками Поросенковъ, и снова его шельмовскіе глазки забѣгали по лицу репортера,— я ужъ къ тебѣ съ просьбой, Хрисанфъ Терентьичъ, будь другъ, помоги! Напиши что ни есть!

— Да вѣдь писалъ!

— Разъ только и было! Объ открытіи! Напиши еще! Поблагодарю, за мной не пропадетъ!

— Ну, видишь-ли что, Спиридонъ Поликарповичъ (Ватрушкинъ заложилъ палецъ въ жилетный карманъ и протянулъ коротенькія ножки), сердись, не сердись, а долженъ сказать правду: объ твоемъ заведеніи писать того... не ловко!

— Отчего такъ, Хрисанфъ Терентьичъ?

— Неловко, братъ, неловко!—поднялъ брови Ватрушкинъ,— публика, братъ, у тебя больно яманистая!

— Вотъ такъ фунтъ!—воскликнулъ Поросенковъ, — удружилъ, Хрисанфъ Терентьичъ, удружилъ! Чѣмъ же она яманистая, публика-то?

— Да у тебя, братъ, что ни гость,—ни дать, ни взять— мазурикъ.

— Т-э-экъ-съ!—протянулъ Поросенковъ и потупился.

— Какія-то дѣвчонки-подростки болтаются! — продолжалъ Ватрушкинъ, — а это, какъ хочешь, подозрительно! Потомъ... объ «деревнѣ» говорили. А на прошлой-то недѣлѣ что было? «Деревенскій» у гостя часы срѣзалъ. Ты, братъ, Спиридонъ Поликарповичъ, съ своимъ заведеніемъ въ «хронику происшествій» попалъ! Вотъ оно что!

— Темновато, ну и балуются!—смущенно замѣтилъ Поросенковъ,—вотъ, на-дняхъ, лектричество на тѣ аллеи проведемъ. Освѣтимъ!

— Освѣти, Спиридонъ Поликарповичъ, освѣти, слѣдуетъ!

— Э-эхъ!—тяжело вздохнулъ Поросенковъ, — ты думаешь дешевка эта штука... лектричество то?

— Во-первыхъ: э-лектричество, а не лектричество! — приподнялъ брови Ватрушкинъ, — а во-вторыхъ: хочешь имѣть публику,—подтянись! Мазуриковъ да дѣвчонокъ не пускай!

— А дьяволъ ихъ разберетъ!

— Не дьяволъ, а ты! Дьяволу тутъ дѣлать нечего! — все въ томъ же наставительномъ тонѣ продолжалъ Ватрушкинъ,— вотъ когда пообчистишься, да освѣтишься, да прислугу настоящую подберешь... примѣрно, какъ Порфирій! Это настоящій, форменный слуга!

— Порфирій! — воскликнулъ Поросенковъ, — найди-ка такихъ! Порфирій только пропащій человѣкъ... изъ-за семейныхъ дѣлъ пропащій, а онъ, братъ, не въ такихъ мѣстахъ служилъ!

— Ну, братъ, не онъ первый, не онъ послѣдній! — спокойно возразилъ Ватрушкинъ, — такихъ, братъ, пропащихъ,

у-ухъ, какъ много по Петербургу шляется! Нечего зубы-то заговаривать! Такъ, вотъ, я и говорю: когда ты все сіе учинишь, тогда, отчего же, тогда и написать можно! Ты знаешь, наша газета сочувствуетъ развлеченіямъ для народа, но чтобы это было прилично! А у тебя Богъ знаетъ что!

— Знамо, не «Аркадія»!

— Эхъ!—съ досадой воскликнулъ Ватрушкинъ,—«Аркадія» и прочіе, тѣ же, братъ, кабаки. Но кабакъ — кабаку рознь. Тамъ—чистый, а у тебя грязный, можно сказать, грязнѣйшій!

— Хрисанфъ Терентьичъ! Да гдѣ чистоты-то набраться! За такую-то цѣну! Вѣдь цѣна-то народная! А гдѣ народъ — тамъ и грязь!

— А ты постарайся, чтобы ее, все-таки, было поменьше! Потомъ, не мѣшало бы тебѣ немножко разнообразить репертуаръ!

— Какъ же это разно...обра-зить?—удивился Поросенковъ.

— Что нибудь новое ввести! А то заладили свою «русскую деревню»! Ну, что это такое?

— Далась тебѣ эта «русская деревня»!

— Безобразіе, братъ, порядочное безобразіе! — покачалъ головой Ватрушкинъ, и задумался: — какъ разнообразить! Конечно, объ этомъ нужно подумать! Нужно мозгами-то пошевеливать, добрѣйшій Спиридонъ Поликарпычъ!

— Шевели не шевели—ничего не придумаешь!

— Поищи, понюхай! Нѣтъ-ли какихъ нибудь младенцевъ-виртуозовъ, да побольше, чтобы можно было оркестрикъ состряпать,—глядь и новинка!

— Чудо природы есть одно! — унылымъ тономъ заявилъ Поросенковъ,—дешево дается,—да ужъ не знаю!

— Какое чудо?—поморщился Ватрушкинъ.

— Человѣкъ безъ рукъ... ногами на гитарѣ играетъ.

— Ну, это... стара штука!—махнулъ рукою Ватрушкинъ,— на это публику не поддѣнешь! Да. вотъ что: чуть было не забылъ! Скажи-ка ты своему антрепренеру, отчего онъ «Тетушкинъ чепецъ» не ставитъ?

— А что такое?

— Что? Эхъ, Спиридонъ, Спиридонъ! Гончая ты собака, а нюху у тебя нѣтъ! «Чепецъ» то этотъ кто написалъ?

— А шутъ его знаетъ кто!

— То-то «шутъ»! Написалъ-то его Костюковъ, а Костюковъ рецензентъ. Вонъ его «Чепецъ» въ «Новомъ Эльдорадо» каждый день жарятъ, за то онъ и хвалитъ: труппу, режиссера, содержателя сада. Недавно даже лакеевъ похвалилъ! Право! «Прислуга», говоритъ, «вѣжливая, обходительная»... а прислуга тамъ не лучше твоей!

— Вонъ оно что!—протянулъ Поросенковъ.

— Да! вонъ оно что!—въ тонъ ему отвѣчалъ Ватрушкинъ,

покачиваясь на стулѣ и дымя папиросой,—скажи ему, антрепренеру-то, смотри, не забудь!

— Ну, и народецъ!—пробормоталъ какъ бы про себя Спиридонъ Поликарповичъ.

— Ха, ха, ха!—разразился Ватрушкинъ, смотря ему прямо въ глаза,—эхъ, Спиридонъ, Спиридонъ! Жалко мнѣ тебя, право жалко! Развѣ ужъ удружить по-пріятельски? А! Сказать штуку?

Лицо Поросенкова просвѣтлѣло и шельмовскіе глазки снова бойко забѣгали по сторонамъ.

— Постой, постой!.. Не ровенъ часъ!..

Онъ всталъ, вышелъ за дверь, постоялъ тамъ, оглядѣлся, потомъ заперъ дверь на задвижку и снова сѣлъ на свое мѣсто, въ то время какъ Ватрушкинъ напѣвалъ вполголоса: «Она ростомъ невеличка, собою круглоличка»...

— Сперва скажи мнѣ откровенно: новости никакой не слышалъ?—спросилъ Ватрушкинъ.

— Новости! Какой новости?

— Ну, по вашей, по увеселительной части. Т. е., понимаешь, что гдѣ нибудь тамъ, у какого нибудь твоего конкуррента новинка готовится.

— Новинка!

Поросенковъ близко, близко подвинулся къ репортеру и впился въ него разгорѣвшимися глазами.

— Ну, значитъ, не слыхалъ!—рѣшилъ Ватрушкинъ,—такъ! А предварительно дай-ка ты мнѣ взаймы двадцать рублей.

— Двадцать! Не могу, Хрисанфъ Терентьичъ, ей-Богу не могу! Вѣришь ли...

— Довольно!—остановилъ его Ватрушкинъ,—не можешь?

— Хрисанфъ Терентьичъ! Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, пятнадцать рублей всего!

— Давай пятнадцать! Пять будутъ за тобой!

— Э-эхъ!—тяжело вздохнулъ Поросенковъ и полѣзъ за бумажникомъ.

— Я тебѣ тамъ что-то еще долженъ? Сочтемся,—небрежно заявилъ Ватрушкинъ.

— Сочтемся!—вздохнулъ Поросенковъ и протянулъ три истрепанныя, засаленныя бумажки.

Ватрушкинъ скомкалъ ихъ и сунулъ въ карманъ панталонъ.

— Ну, слушай!—сказалъ онъ,—довелось мнѣ узнать по секрету, по секрету, замѣть, что Опойковъ хочетъ пригласить для «Эльдорадо» борца.

Поросенковъ сразу огасъ и даже какъ-то умалился въ ростѣ. Вся его фигура представляла высочайшую степень разочарованія.

— Бор-ца!—протянулъ онъ,—а я думалъ что другое.

— Спиридонъ!—поднялъ брови Ватрушкинъ,—знаешь, я тебя когда нибудь да брошу, и перестану вовсе ходить! За твою неосмысленность брошу! Ты, оказывается, просто нестоющій человѣкъ! Пропадай совсѣмъ со своей «Огненной Землей», честное слово пальцемъ не пошевелю!

— Ну, ну, полно, Хрисанфъ Терентьичъ! Не сердись! Почто сердиться! Борца, говоришь, да поможетъ ли борецъ-то?

Ватрушкинъ молча, насупившись, тянулъ пиво.

— Хрисанфъ Терентьичъ... почто сердиться! Растолкуй ты мнѣ лучше... Господи! За что такъ! Я, кажись, къ тебѣ всей душой! Ну, полно, Хрисанфъ Терентьичъ! Винца не желаешь ли, а?

— Винцо твое дрянь, кислятина! Не желаю!—отрѣзалъ Ватрушкинъ,—а сердиться мнѣ на тебя, дѣйствительно, нечего, потому что ты неосмысленный человѣкъ! «Во саду-ли въ огородѣ»...

— Неосмысленный, вѣрно твое слово! А ты мнѣ вдолбни, вдолбни мнѣ хорошенько!—сказалъ Поросенковъ и сдѣлалъ подобающій жестъ.

— Другіе сами понимаютъ, а тебѣ вдалбливать нужно! Эхъ, Спиридонъ, Спиридонъ!—покачалъ головою Ватрушкинъ и широкая улыбка разлилась по его круглому, мѣднокрасному лицу,—Опойкова-то, вонъ, никто не учитъ, и Пфейфера не учитъ никто, сами понимаютъ.

— Какъ? Нешто и Пфейферъ?

— Нѣтъ! Я такъ къ слову! О борцѣ надумалъ Опойковъ, и соображенія у него вѣрныя! Зимою циркъ только борцами и торговалъ, на борцовъ публика только и ходила, отчего не возобновить эту штуку лѣтомъ? Это во-первыхъ,—загнулъ палецъ Ватрушкинъ,—а во-вторыхъ, я тебѣ скажу нѣчто изъ психологіи народовъ, или скажемъ проще: публики!

— Изпси... Это что же такое?—удивился Поросенковъ.

— Это то, чего ты не понимаешь и до скончанія живота своего не поймешь! Ну, ладно! Я это тебѣ какъ нибудь проще! Слушай! Если ты начнешь приглядываться къ человѣку и изучать, чѣмъ больше онъ интересуется, въ смыслѣ развлеченій, конечно, то увидишь, что его больше всего интересуетъ борьба...

— Борцы, значитъ?—перебилъ Поросенковъ.

— Спиридонъ, молчи! Молчи и слушай, а слушая—поучайся! Человѣка больше всего интересуетъ борьба, въ чемъ и какъ бы она ни проявлялась. Въ пьесѣ—зритель ищетъ борьбы страстей, характеровъ... ну, а...

Ватрушкинъ остановился и пытливо посмотрѣлъ на внимательно слушавшаго Спиридона Поликарповича.

— Ты этого не понимаешь?—сказалъ онъ,—по лицу, по твоему напряженному лицу вижу, что не понимаешь. Но для меня это не важно! Для меня важно, что ты видишь, какъ я говорю серьезно, съ убѣжденіемъ, значитъ то, что я тебѣ предлагаю, не вздоръ, не праздная выдумка! Ну, идемъ дальше! И такъ, въ пьесѣ зритель ищетъ борьбы, въ разныхъ садовыхъ представленіяхъ, вродѣ акробатическихъ штукъ, хожденій по канату, лазанья въ огонь — всюду огромный интересъ представляетъ борьба, преодолѣніе человѣка или стихіи, или природы. Съ глубокихъ временъ у всѣхъ народовъ существовала борьба, люди или боролись другъ съ другомъ, или съ звѣрьми, какъ это было въ Греціи и Римѣ, а нынѣ въ Испаніи, гдѣ существуетъ бой быковъ, или заставляли бороться между собой звѣрей и животныхъ, даже птицъ, какъ было, да и есть у насъ, въ видѣ пѣтушиныхъ боевъ.

— Вѣрно, вѣрно!—оживленно воскликнулъ Поросенковъ.

— Покорно благодарю!—иронически поклонился Ватрушкинъ,—теперь обратите, Спиридонъ Поликарповичъ, ваше просвѣщенное вниманіе на время, переживаемое нами! Прелюбопытное, я вамъ скажу, время! Повидимому никакихъ такихъ напастей вродѣ труса, глада, нашествія иноплеменныхъ нѣтъ, а человѣчество волнуется, и волнуется преимущественно, какъ и слѣдовало ожидать, лучшая его часть,—молодежь. Но чѣмъ оно волнуется? Спортомъ, милѣйшій Спиридонъ Поликарповичъ, спортомъ! Ее интересуетъ не духовная, а физическая сторона человѣческаго развитія. То глядишь какой нибудь джентльменъ сядетъ одинъ въ лодочку да и махнетъ черезъ Атлантическій океанъ, другой возьметъ палочку и давай колесить по земному шару, третій сядетъ на велосипедъ и давай считать десятки и сотни верстъ, а тамъ соберется несмѣтная толпа и все больше не старыхъ людей и смотрятъ какъ какой нибудь «Лиллипутъ» обгоняетъ «Мортимера» или одинъ борецъ укладываетъ на спину другого. И хорошо, если Лиллипутъ сломаетъ ногу и его тутъ же пристрѣлятъ. Кровь любитъ человѣкъ, она его волнуетъ, да! Сюда, конечно, примѣшивается и азартъ, который есть та же борьба, уже внутренняя — человѣка съ самимъ собою. Старики играютъ въ винтъ, молодежь — въ тотализаторъ и смотритъ велосипедныя состязанія и борьбу для которыхъ скоро наступитъ тоже свой тотализаторъ. Такъ вотъ, просвѣщеннѣйшій Спиридонъ Поликарповичъ, поняли ли вы къ чему я все это говорилъ? А говорилъ я это къ тому, чтобы указать вамъ, въ полномъ смыслѣ слова, «публичному» человѣку тотъ способъ, посредствомъ котораго вы можете не только спасти отъ прогара, но даже поднять доходность вашего заведенія. Ну, а теперь: dixi et animam levavi!

— Это что же такое?—спросилъ Поросенковъ, слушавшій

все время въ состояніи какого-то полугипноза, съ опущенными не только головой, но и обѣими руками.

— А это значитъ: пора домой! Засидѣлся!

— Хрисанфъ Терентьичъ!—прочувствованнымъ тономъ воскликнулъ Поросенковъ,—нельзя такъ! Бутылочку винца?

Онъ пошелъ къ двери, бормоча: «вотъ говоритъ человѣкъ! Господи, откуда что берется!»

— Постой, Спиридонъ!—крикнулъ ему Ватрушкинъ,—вина не хочу! Ужъ сказалъ!

— Чего же, Хрисанфъ Терентьичъ?

— Ничего! Пойду домой!

— Хрисанфъ Терентьичъ, нельзя такъ!—остановилъ его за рукавъ Поросенковъ,—какъ же я-то?

— Какъ ты?—удивился Ватрушкинъ.

— Какъ же я-то? Насчетъ, значитъ, борца? Способовъ у меня нѣтъ!

— Способовъ? — разсмѣялся Ватрушкинъ,—способъ тутъ одинъ! (Онъ хлопнулъ себя по боковому карману). Тряхни истинникомъ, не то что одного, пятерыхъ борцовъ заполучишь!

— Знаю, Хрисанфъ Терентьичъ, знаю я это... а всетаки... откуда? Опойковъ-то гдѣ досталъ? Выписалъ?

— Конечно выписалъ! И тебѣ совѣтую! Такъ будетъ лучше У тебя есть коммиссіонеръ?

— Въ Гамбургѣ есть! Еврей одинъ.

— Ну, и отлично! Опойковъ тоже изъ Гамбурга выписываетъ, и хочетъ состязаніе на призъ объявить. И ты также сдѣлай! И знаешь ли, отлично это будетъ! Вдругъ въ одинъ день въ двухъ садахъ борцы! Публика ошалѣетъ, не будетъ знать куда броситься! Люблю, чортъ возьми, такіе карамболяжи!

— Тебѣ, что!—унылымъ тономъ произнесъ Поросенковъ,—тебѣ, Хрисанфъ Терентьичъ вездѣ хлѣбъ! Вотъ намъ то каково! А вдругъ онъ заломитъ?

— Торгуйся!

— Какъ я съ нимъ черезъ коммиссіонера буду торговаться! Что спроситъ, то и плати!

— Ну, и плати! Теперь на ихъ улицѣ праздникъ! А ты рискуй, и плати,—безъ риска ничего не подѣлаешь!

— Э-эхъ! Что вѣрно,—то вѣрно! — согласился Поросенковъ,—такъ что же,—состязаніе, что ли, объявить?

— Всенепремѣнно.

— И афишечку позаманчивѣе?

— Обязательно!

— А афишечку то ты мнѣ состряпаешь?

— Изволь! Только этой цѣна будетъ другая!

— Что же такъ?

— Потому, надъ нею нужно будетъ голову поломать!

— Ну, ладно, ужъ сговоримся, Хрисанфъ Терентьичъ! Авось не обидишь!

— «Кто, тебя, Китъ Китычъ, обидитъ»!

— Кто? А вотъ чуется мнѣ, что какъ будто ты меня, Хрисанфъ Терентьичъ, обидѣлъ!

— Ой ли? Когда же это?

— Весною!

— Ну?

— Вѣрное слово!

— Какъ же это я тебя обидѣлъ? Скажи!

Ватрушкинъ даже снова присѣлъ на стулъ и началъ барабанить пальцами по столу, напѣвая: «она ростомъ невеличка, собой круглоличка».

— Допрежъ того скажи мнѣ, Хрисанфъ Терентьичъ, какъ есть правду, не таись, ты писалъ объ «Эльдорадѣ»?

— Чудакъ! Я же тебѣ сказалъ, что Костюковъ!

— Костюковъ—особь статья! Костюковъ теперь пишетъ, а раньше, весною, когда было открытіе? Ворота еще похвалилъ... «въ русскомъ», говоритъ, «вкусѣ», и все такое? Ты, Хрисанфъ Терентьичъ?

— А хотя бы и я!—сказалъ Ватрушкинъ, всталъ и началъ надѣвать довольно потертое пальто, — эко! Придумалъ обиду! Да ты что, на подрядъ меня снялъ, что ли?—внезапно повернулся онъ лицомъ къ Поросенкову,—рыломъ братъ не вышелъ!

— Хрисанфъ Терентьичъ!—кинулся за нимъ тотъ,—Хрисанфъ Терентьичъ, я пошутилъ! Вѣдь это я такъ!..

— Ну, и я тоже «такъ»!—отвѣчалъ Ватрушкинъ и, не оборачиваясь, вышелъ за дверь.

Поросенковъ подумалъ, подумалъ и бросился за нимъ.

XIII.

— Анюта, да усмири ты ихъ, ради Бога! Не даютъ сосредоточиться!

Двое бѣгавшихъ по комнатѣ и стучавшихъ дверью ребятишекъ въ возрастѣ 5-и и 7-и лѣтъ получили отъ худощавой, съ сильною желтизною въ лицѣ, женщины по подзатыльнику и, хныча, разошлись по угламъ. У женщины былъ еще грудной ребенокъ на рукахъ.

— Ахъ ты бѣдняга!—поднялъ голову отъ стола Хрисанфъ Терентьичъ,—ну, дай ручку, дай мнѣ свою свою маленькую ручку!

Онъ взялъ худую, изъ синя блѣдную ручку больного ребенка и поцѣловалъ.

— Оставь его, Хрисанфъ Терентьичъ! Начнетъ на руки проситься!—сказала жена.

— Правда, мнѣ некогда!—нахмурился Ватрушкинъ, надѣлъ очки и подвинулъ къ себѣ листъ бумаги, но тотчасъ снова поднялъ голову:—была въ больницѣ?

— Была! Да что толку. Дали, вонъ, какую то микстуру.

— Давай, давай микстуру!—сказалъ Ватрушкинъ, вооружаясь перомъ.

— Даю, а пользы нѣтъ никакой! Да вотъ еще что: ванны велѣлъ дѣлать.

— Ванны?—Ватрушкинъ только что началъ сосредоточиваться надъ листкомъ бумаги,—ванны... тоже очень хорошо.

— А гдѣ она, ванна то?

Хрисанфъ Терентьичъ поднялъ голову и черезъ очки посмотрѣлъ на жену.

— Удивительное дѣло,—сказалъ онъ,—смотрю на тебя, и ты мнѣ въ какомъ то туманѣ кажешься,—посмотрю па бумагу, все ясно! Да! Такъ ты насчетъ ванны? Знаешь, что, Анюта, ванну нужно купить!

— Купи!

— Гм! Нужно, непремѣнно нужно купить! Вотъ получу за работу...

— Ты бы ужъ кстати и сапожонки Петькѣ купилъ!

— Гм! Развѣ плохи?

— Всѣ въ дырьяхъ. Помни, нужно булочнику долгъ отдать. Онъ ужъ никакъ жаловаться собирается!

— Отдамъ!

— Васькѣ на штанишки хоть бумазеи купить.

— Ладно! Ну, а что же ты о себѣ не говоришь? Тебѣ не въ чемъ на улицу выйти!

— Ну, что ужъ я!

— Эхъ, Анюта, Анюта!—(Ватрушкинъ вынулъ изъ кармана платокъ и высморкался).—Ну, хорошо, ступай себѣ! Дай мнѣ сосредоточиться!

Жена вышла, притворивъ за собою двери. Хрисанфъ Терентьичъ склонилъ голову надъ столомъ и задумался. Было тихо, только изъ кухни доносился сдержанный, ноющій плачъ больного ребенка. Тускло горѣла на столѣ дешевая керосиновая лампа, и при ея жалкомъ свѣтѣ маленькая комнатка съ продавленнымъ клеенчатымъ диваномъ, парою отжившихъ свой вѣкъ стульевъ, запыленной, оборванной занавѣской на единственномъ окнѣ,—смотрѣла еще бѣднѣе. Тихій шумъ гдѣ-то, по близости, вывелъ Хрисанфа Терентьича изъ задумчивости. Онъ поднялъ голову и, черезъ очки, взглянулъ въ уголъ. Петя и Вася стояли рядомъ, держась за руки, и перешептывались.

— А вотъ вы гдѣ, плуты!—сказалъ Хрисанфъ Терентьичъ.

Въ тонѣ его слышались ласковыя нотки. Мальчуганы переглянулись, какъ бы ободряя другъ друга.

— Вотъ вы гдѣ! — повторилъ Хрисанфъ Терентьичъ, направляясь въ уголъ,—что вы тутъ дѣлаете? А?

— Мы стоимъ!—отвѣчалъ старшій, Петя.

— Папа, можно стоять?—спросилъ Вася.

— А шумѣть не будете?

Хрисанфъ Терентьичъ поочереди гладилъ ихъ головы.

— Не будемъ! Мы будемъ смотрѣть!

— Что же вы будете смотрѣть?

— Какъ ты работаешь!

— Какъ ты работаешь!—повторилъ Вася.

— Ну, не надолго васъ хватитъ!—разсмѣялся Хрисанфъ Терентьичъ,—чѣмъ такъ стоять,—садитесь на диванъ и смотрите картинки! Вотъ вамъ!

Онъ взялъ съ этажерки книгу въ разорванномъ, засаленномъ переплетѣ и бросилъ ее на диванъ.

— Ну, сидите смирно, не шумите, не деритесь!—продолжалъ онъ, подсаживая на диванъ Васю и раскрывая первую страницу, — мама укладываетъ Борю, и нужно, чтобы было тихо! Поняли?

— Поняли!—отвѣчалъ Петя.

Но книга съ картинками давно уже была извѣстна обоимъ и не интересовала ихъ. Большинство картинокъ было перерисовано и дополнено смѣлымъ карандашомъ Пети: къ стоявшей одиноко лошади были пририсованы не только телѣга, но и что-то похожее на мужика, довольно странно сидѣвшаго въ телѣгѣ и державшаго надъ головой кнутъ втрое больше его самого, а охотничья собака, дѣлавшая стойку, была прикована цѣпью,—въ которой каждое звено было съ голову собаки,—къ будкѣ, хотя и съ крышей, но только четырьмя кривыми палочками вмѣсто стѣнъ.

Дѣтямъ гораздо интереснѣе было слѣдить за работой отца. Перелистовавъ книгу собственно для очищенія совѣсти, они стали смотрѣть, что дѣлаетъ ихъ папа. Сперва папа долго ерзалъ на стулѣ, стараясь, по возможности, удобнѣе устроить свой животъ, кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, обтиралъ платкомъ лысину, поправлялъ очки. Потомъ онъ взялъ перо и на большомъ листѣ бумаги сталъ писать. Попишетъ немного, улыбнется и опять попишетъ, потомъ задумается, поводитъ по лбу кончикомъ пера (это было очень смѣшно и мальчики съ трудомъ сдерживались, чтобы не засмѣяться), опять попишетъ. Въ одну изъ такихъ минутъ папа скорчилъ преуморительную гримасу и прищелкнулъ языкомъ, въ другую онъ громко сказалъ:—Нате, ѣшьте, канальи! Облопаетесь! — Словно приготовилъ кому нибудь вкусное кушанье.

Все это было очень интересно и смѣшно, но мальчики не смѣялись, боясь быть изгнанными изъ кабинета.

А писалъ Хрисанфъ Терентьичъ слѣдующее:

Новость! Садъ «Огненная земля»! Новость!

«Сегодня, въ бенефисъ администратора сада С. П. Поросенкова имѣетъ быть необыкновенное представленіе по новой программѣ: Дебютъ знаменитаго и перваго въ Европѣ атлета-силача, г-на Фиргельдта, не имѣющаго въ мірѣ равнаго себѣ по силѣ, имѣющаго, какъ атлетъ, первый рекордъ, награжденнаго отъ высокихъ особъ Европы золотыми медалями и дипломами. Между прочими удивительными номерами своего репертуара, г. Фиргельдтъ исполнитъ никѣмъ невиданный и неисполнявшійся: онъ подниметъ оркестръ полковыхъ музыкантовъ въ 18 человѣкъ!! Сенсаціонная новость!!

Разнохарактерный дивертиссементъ:

Дебютъ знаменитой и неподражаемой эквилибристки на проволокѣ, выступающей первый разъ въ Россіи, г-жи Полентини. (Фуроръ!) Хоръ русскихъ пѣвицъ въ національныхъ костюмахъ подъ управленіемъ г-жи Кокуркиной исполнитъ новые номера программы. Новыя акробатическія упражненія извѣстнаго въ Европѣ семейства Пфенигъ. Знаменитая лирическая пѣвица Миртова, по желанію публики, исполнитъ любимые ею романсы: «Пара гнѣдыхъ» и «Прости». Небывалая новость! Феноменъ! Чудо природы! Человѣкъ безъ рукъ. Рожденный безъ рукъ и будучи 22-хъ лѣтъ, крестьянинъ Пензенской губерніи Тарасъ Завертаевъ ногами съиграетъ на гитарѣ «Камаринскую» и др. пьесы своего переложенія. Любимцы публики, гг. Занозинъ и Погремушкинъ исполнятъ новые куплеты: «Бывало» и мн. др. Большой хоръ пѣсенниковъ, пѣсенницъ, гармонистовъ и гармонистокъ съ извѣстнымъ, премированнымъ плясуномъ Кострюкинымъ исполнитъ характерный, національный дивертиссементъ подъ названіемъ «Русская деревня». Въ заключеніе г. Фиргельдтъ вызываетъ желающихъ съ нимъ бороться на призъ въ 300 рублей, которые хранятся у администратора сада и будутъ выданы побѣдителю немедленно.

Анонсъ! Завтра 10 іюля второй дебютъ г-жи Полентини, и борьба».

Написавши все это и внимательно перечитавъ, Хрисанфъ Терентьичъ самодовольно потеръ руки, снялъ съ носа очки и положилъ ихъ на столъ.

— Э, да мои сынки умники!—воскликнулъ онъ, смотря въ сторону дивана,—сидятъ и не шелохнутся, какъ куколки! Вотъ это люблю! Вотъ за это молодцы! А теперь можно немножко и подурачиться, только тихонько, чтобы Борю не разбудить! Ну-ко, раздвиньтесь!

Штука, которую Хрисанфъ Терентьичъ намѣревался пред-

принять, была хорошо знакома мальчикамъ; оба тотчасъ забрались на конецъ дивана и смотрѣли на отца съ такимъ живымъ выраженіемъ восторга въ глазахъ, съ какимъ хорошо дрессированная собака смотритъ на охотника, когда тотъ берется за ружье.

Хрисанфъ Терентьичъ всталъ изъ-за стола, прошелся по комнатѣ, потомъ остановился посерединѣ и запѣлъ тихонько, воркующимъ баскомъ:

Протекала рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ...

Онъ провелъ рукою снизу вверхъ и обратно, показывая, какой это долженъ быть мостъ.

На мосту овечка,
У овечки—хвостъ!

Хрисанфъ Терентьичъ помахалъ кистью руки сзади пиджака, показывая, какой у овечки хвостъ, потомъ воскликнулъ:

— Ein, zwei, drei!

И съ необыкновенной въ его годы и при его тучности легкостью, съ размаха опрокинулся спиною на сидѣнье дивана.

Дѣти только этого и ждали и бросились на шароподобный животъ отца. Началась возня. Хрисанфъ Терентьичъ вертѣлъ ребятишекъ на своемъ животѣ, какъ на глобусѣ, то одного, то другого плашмя вскидывалъ на воздухъ, сбрасывалъ на диванъ, поднималъ на ладони и бросалъ на животъ, наконецъ задралъ кверху свои коротенькія ножки и усадилъ обоихъ мальчиковъ на пятки. Вся возня происходила въ тишинѣ: слышно было только пыхтѣнье отца и учащенное дыханіе дѣтей.

— Ну, довольно! — прохрипѣлъ Хрисанфъ Терентьичъ,— всякому овощу свое время! Пустите!

Движеніемъ плечъ онъ сбросилъ съ себя повисшихъ ребятишекъ и принялся ходить по комнатѣ. Остатки волосъ на обоихъ вискахъ были взъерошены, галстухъ развязался и висѣлъ, какъ тряпка, грудь крахмальной рубашки, смятая, топорщилась изъ подъ жилета. Лицо Хрисанфа Терентьича было красно и потъ крупными каплями выступилъ на лоснившійся лобъ.

— Ну-съ! Теперь за работу!—сказалъ онъ, присаживаясь къ столу.

Дѣти притихли и снова принялись за свои наблюденія. На этотъ разъ папа не ерзалъ больше на стулѣ, не кряхтѣлъ и не водилъ по лбу кончикомъ пера, а какъ сѣлъ, такъ и сталъ писать быстро, быстро, поглядывая иногда на исписанный раньше листъ и лукаво ухмыляясь.

Подъ его бойкимъ перомъ явилось слѣдующее:

Грандіозная новость! Садъ «Новое Эльдорадо», Грандіозная новость!

Сегодня небывалое представленіе по новой программѣ:

Дебютъ перваго въ мірѣ силача-борца изъ Вѣны, г-на Штрумпфа, никогда не имѣвшаго соперниковъ, члена вѣнскаго королевскаго гимнастическаго общества, награжденнаго множествомъ медалей и дипломами первыхъ гимнастическихъ клубовъ. Между прочими необыкновенными номерами г. Штрумпфъ исполнитъ одинъ, приводившій въ изумленіе всю Европу: онъ будетъ держать на груди двухъ живыхъ лошадей! Небывалая новость!!

Разнообразный дивертиссементъ.

Дебютъ чуда XIX вѣка—малолѣтнихъ куплетистовъ—брата и сестры Зюссъ. Шансонетная пѣвица—звѣзда г-жа Пендеписъ. Хоръ малороссійскихъ пѣвицъ подъ управленіемъ г-на Тпрункенко исполнитъ новые номера пѣнія. Въ первый разъ г. Хватовъ вызываетъ желающихъ пробѣжать по доскѣ, положенной на козлы на высотѣ 1½ аршинъ, раньше, чѣмъ онъ пробѣжитъ по канату на высотѣ 100 ф. Побѣдителю призъ: серебряные карманные часы. Знаменитая лирическая пѣвица Чинарова исполнитъ новые романсы. Русская пляска. Извѣстный премированный плясунъ Чушкинъ вызываетъ желающаго на состязаніе съ нимъ въ русской пляскѣ. Состязаніе продолжится 15 минутъ. Въ заключеніе французская борьба между г. Штрумпфомъ и русскимъ силачемъ-атлетомъ Барсуковымъ. Г. Барсуковъ въ первый разъ выступаетъ въ борьбу съ европейской знаменитостію, но, надѣясь на свои колоссальныя силы, предполагаетъ остаться побѣдителемъ. Борьба на призъ 300 рублей.

Анонсъ! Завтра 10 іюня второй дебютъ малолѣтнихъ куплетистовъ Зюссъ и борьба».

Написавъ послѣднюю строчку, Хрисанфъ Терентьичъ тщательно сложилъ оба листа и заперъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола.

— Ну, вотъ и готово!—сказалъ онъ себѣ,—теперь не грѣхъ и чайку напиться! А, какъ вы думаете, ребята? Постойте-ка я посмотрю, что дѣлаетъ мама...

Онъ пріоткрылъ дверь въ сосѣднюю съ кабинетомъ крошечную спальню и осторожно заглянулъ. Утомленная болѣзнью ребенка мать спала поперекъ кровати, придерживая рукою уснувшаго, тяжело дышавшаго Борю.

— Тсс! — шепнулъ Хрисанфъ Терентьичъ дѣтямъ, — мама уснула, и Боря тоже! Пойдемте на кухню ставить самоваръ.

И онъ тихонько, словно крадучись, прошмыгнулъ на кухню, освѣщенную жестяною керосиновою лампочкой.

— Петя! сказалъ отецъ, вынимая кошелекъ и отсчитывая мѣдью 15 коп.,—поди въ булочную и купи булочекъ. Знаешь какихъ?

— Знаю!—бойко отвѣчалъ Петя, забирая деньги,—мнѣ розанъ, Васькѣ съ макомъ, а Борѣ сухариковъ.

— Ну, вотъ вотъ! Постой, что же ты? Безъ фуражки?

Но Петя былъ уже за дверью и мчался по лѣстницѣ внизъ.

Хрисанфъ Терентьичъ принялся ставить самоваръ: налилъ воды, накололъ лучинъ и, зажегши, спустилъ ихъ въ трубу. Гдѣ то въ уголку нашелся чугунчикъ съ угольями, Хрисанфъ Терентьичъ началъ класть уголья въ самоваръ, запачкалъ пальцы и когда ему нужно было найдти самоварную крышку, а та нигдѣ не оказывалась, и онъ, въ раздумьи провелъ пальцемъ по переносью, то вымазалъ сажей не только носъ, но и часть щеки.

Въ такомъ, нѣсколько карикатурномъ видѣ, онъ собралъ посуду на столъ, туда же внесъ вскипѣвшій, разбурлившійся самоваръ, заварилъ чай и принялся будить жену.

— Что это ты, Господи!—испугалась та.

— Ничего, мамочка, ничего! Чай пора пить! Я ужъ заварилъ. Петя булокъ принесъ. Сладко уснула? Замаялась, бѣдная!

— Просто въ себя не могу придти!

— Знаю, знаю, мамочка! Господи! Что же дѣлать, голубушка? Потерпи! Я бы не сталъ тебя будить, да боюсь дѣтей однихъ оставить. Не натворили бы чего. А мнѣ, ты знаешь, нужно въ редакцію! Что это? Никакъ звонили? Кого это Богъ принесъ?

Позвонившій былъ Порфирій изъ «Огненной земли». Онъ пришелъ по порученію Спиридона Поликарповича за афишей.

Хрисанфъ Терентьичъ отворилъ ему дверь съ возможнымъ при такихъ обстоятельствахъ соблюденіемъ собственнаго достоинства. Это было бы еще ничего, да такъ бы оно и было понято Порфиріемъ, если бы не растерзанный видъ Хрисанфа Терентьича, а въ особенности его внушительный носъ, выпачканный въ сажѣ.

Порфирій какъ только взглянулъ на репортера, чуть не покатился со смѣха, но какъ человѣкъ немолодой, солидный и дипломатически тонкій,—ограничился чуть замѣтной улыбкой.

— Спиридонъ Поликарповичъ прислали за афишей!—сказалъ онъ.

— За афишей? Готова, готова, любезный! Можешь получить!

Хрисанфъ Терентьичъ сходилъ въ кабинетъ и вернулся съ конвертомъ.

— Вотъ, передай, и кланяйся!

— Слушаю-съ!—сказалъ Порфирій взялъ конвертъ, но вмѣсто того, чтобы уйдти, началъ какъ то странно мяться на одномъ мѣстѣ.

— Да, такъ кланяйся, смотри!—еще разъ сказалъ Хрисанфъ Терентьичъ.

— Слушаю-съ! повторилъ Порфирій,—извините, Хрисанфъ Терентьичъ, у меня къ вамъ дѣльце есть.

— Какое дѣло? Мнѣ некогда! Я иду сейчасъ въ редакцію!—многозначительно приподнялъ онъ брови и сдѣлалъ надменное лицо.

— Извините, Хрисанфъ Терентьичъ, мнѣ всего на минутку!

— Гм! Ну, пройди сюда!

Хрисанфъ Терентьичъ провелъ его въ кабинетъ, заперъ дверь и усѣлся за письменный столъ, прямо въ свѣтъ лампы.

— Какое же такое дѣло?

— Извините, Хрисанфъ Терентьичъ, дѣло то оно, собственно, не мое-съ, а какъ бы хозяйское... въ интересахъ хозяина-съ... Хрисанфъ Терентьичъ, вы изволили чуточку запачкаться!

— Гдѣ? страшно переполошился Ватрушкинъ, инстикнтивно провелъ рукою по носу и еще больше размазалъ сажу.

— Вотъ здѣсь, около носу-съ! Самая малость! Вы ужъ потрудитесь платочкомъ-съ!

Хрисанфъ Терентьичъ вытеръ платкомъ переносицу и, странное дѣло, сдѣлался послѣ этого какъ будто еще надменнѣе.

— Ну, да ,ну такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ.

— Позвольте вамъ объяснить!—выступилъ Порфирій изъ полумрака остальной части комнаты, — потому что это, собственно, въ интересахъ хозяина...

— Ну, да, я ужъ это слышалъ! «Въ интересахъ хозяина», да «въ интересахъ хозяина»... Я то тутъ при чемъ? Говори, пожалуйста, толкомъ, и поскорѣе! Мнѣ некогда!

— Сію минуту-съ!.. Извините, пожалуйста! Я, собственно, къ тому, что Спиридонъ Поликарповичъ выписали для борьбы нѣмца-съ... а у насъ, въ нашемъ же заведеніи есть свой атлетъ-съ, и даже, можно сказать необыкновенной силы-съ человѣкъ.

— Какой такой атлетъ? Что ты городишь?—воскликнулъ Ватрушкинъ и подозрительно покосился на старика.

— Ничего не горожу-съ! Помилуйте!—какъ будто немножко обидѣлся Порфирій, я вамъ сущую правду докладываю-съ! Можете на мѣстѣ разузнать! Конечно, онъ въ низкомъ званіи состоитъ, будемъ такъ говорить: слуга—но силы человѣкъ непомѣрной-съ!

— Да кто же это такой?—все еще недоумѣвалъ Ватрушкинъ.

— Нашъ слуга, изъ нашего, значитъ, заведенія,—Полоротовъ... Капитономъ звать-съ!

— Не знаю такого человѣка и никогда не видалъ! Да ты отъ меня чего же хочешь!—уже съ явнымъ раздраженіемъ, прислушивась къ звону чайной посуды въ сосѣдней комнатѣ, воскликнулъ Хрисанфъ Терентьичъ.

— Виноватъ-съ, Хрисанфъ Терентьичъ! Хотѣлось бы, въ интересахъ хозяина, довести до свѣдѣнія, что вотъ, молъ, у насъ свой есть! Чѣмъ нѣмцу деньги платить. А Капитонъ этотъ большое желаніе имѣетъ сразиться-съ!

— Такъ это что же? Ты хочешь, чтобы я Спиридону Поликарповичу сказалъ? А ты то самъ?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Помилуйте, Хрисанфъ Терентьичъ! Я человѣкъ низкаго званія, мое дѣло: «подай, прими» и больше ничего! Никакой словесности отъ меня не требуется! Ужъ будьте такъ любезны, доложите хозяину-съ!

— Хорошо, я ему скажу!—подчеркнулъ послѣднее слово Ватрушкинъ — только я все понять не могу! Какой то слуга хочетъ бороться... Чепуха какая то!

— Отнюдь не чепуха-съ!—воскликнулъ Порфирій и даже приложилъ къ сердцу пятерню,—онъ, Капитонъ то есть, человѣка на ладони поднимаетъ! Сейчасъ умереть!

— Человѣкъ человѣку рознь!—пробормоталъ Ватрушкинъ,—иной человѣкъ ничего не стоитъ, два пуда вѣсу въ немъ!

— Хрисанфъ Терентьичъ!—воскликнулъ Порфирій,—и два пуда цифра значительная, а онъ поднялъ нашего кухоннаго мужика-съ, въ немъ вѣсу четыре съ половиной! Мы вѣшали!

— Ну, да мнѣ до этого дѣла нѣтъ!—Хорошо, я скажу! Я скажу Спиридону Поликарповичу! повторилъ Ватрушкинъ, какъ бы давая этимъ понять, что аудіенція можетъ считаться оконченной.

Порфирій такъ и понялъ и поспѣшилъ откланяться.

Затворивъ за нимъ дверь, Хрисанфъ Терентьичъ сѣлъ за столъ и, окруженный семьей, съ большимъ апетитомъ принялся уничтожать оставшуюся отъ обѣда, вываренную до подобія мочалки говядину.

— Ты долго пробудешь въ редакціи?—спросила жена.

— А что?

— Купилъ бы мыла на обратномъ пути, если лавки не будутъ закрыты.

— Нѣтъ ужъ я лучше куплю, идучи туда. Не знаю, можетъ быть придется засидѣться, а можетъ и пошлетъ куда,—кто его знаетъ!

— Все то тебя посылаютъ! Прошлый разъ убійство случилось,—ночью пришли, разбудили!

— Что будешь дѣлать, мамочка! Наша служба такая—отвѣчалъ Хрисанфъ Терентьичъ, глотая горячій чай.

— Служба! Это у тебя только такая служба! До старости дожилъ, а все на побѣгушкахъ! Вонъ Зальцъ какъ устроился!

— А какъ?

— Ну, будто не знаешь? Намедни приходилъ Люняевъ, разсказывалъ.

— Мамочка, нужно тебѣ сказать, что этотъ Лючяевъ—порядочный враль! Ну, да все равно! Что же онъ разсказывалъ?

— Все о Зальцѣ! Въ трехъ изданіяхъ репортеромъ числится, а самъ почти никуда не ходитъ. Сидитъ дома, да разбираетъ что ему другіе приносятъ. У него просто вродѣ конторы! Люди ему приносятъ отчеты, получаютъ по двѣ копѣйки со строки, а онъ этотъ матеріалъ обдѣлываетъ и беретъ съ издателей по пятачку.

— Слышалъ я объ этомъ, недовольнымъ тономъ замѣтилъ Хрисанфъ Терентьичъ.

— И ты бы могъ такъ! Чѣмъ ты хуже Зальца?

— Я то хуже? горделиво усмѣхнулся Ватрушкинъ, —низко же ты меня цѣнишь, мамочка! Только это правда! Я съ Зальцемъ конкуррировать не могу, потому что онъ—еврей!

— Ну, еврей! Ну что же изъ этого!

— Этимъ все сказано! махнулъ рукою Хрисанфъ Терентьичъ всталъ и вышелъ въ переднюю.

«А что этимъ сказано? Ничего не сказано!» уныло думалось Ватрушкину, когда онъ плелся по неосвѣщеннымъ, душнымъ еще отъ лѣтняго зноя улицамъ въ редакцію, помѣщавшуюся въ другомъ концѣ города,—ничего, любезный другъ, Хрисанфъ Терентьичъ, не сказано! Еврей ли онъ, нѣмецъ, русскій—все равно! А что ты былъ, есть и останешься неудачникомъ,—это вѣрно! Это, другъ любезный, вѣрно!»

И потянулись въ головѣ Хрисанфа Терентьича воспоминанія по поводу своей неудачливости. Чего-чего онъ только ни дѣлалъ, чтобы улучшить и положеніе свое, и отношенія къ себѣ издателей, и ничего изъ этого не выходило. Словно онъ стоялъ передъ дверью, желалъ ее отворить и, не зная, какъ нужно обойтись съ мудренымъ запоромъ,—билъ въ нее кулаками. Пробовалъ онъ и систему Зальца,—да недавалась она ему, — не умѣлъ онъ эксплоатировать, и намѣченныя жертвы ускользали отъ него безъ поврежденія. Пускался онъ и не на такія штуки, пробовалъ писать за деньги, бралъ взятки, унижался, даже подличалъ, даже былъ случай маленькаго шантажа, о которомъ Хрисанфъ Терентьичъ вспоминалъ всегда съ нѣкоторымъ безпокойствомъ,—и все это ни на іоту не улучшало его положенія,—онъ постоянно продавалъ за чечевичную похлебку если не первородство, то, во всякомъ случаѣ, сознаніе собственнаго достоинства.

Въ душѣ Хрисанфъ Терентьичъ считалъ себя самымъ настоящимъ неудачникомъ, но это сознаніе было такъ тяжело, такъ больно, что онъ рѣдко признавался въ своей неудачности даже самому себѣ; передъ женою и знакомыми онъ старался держаться съ возможнымъ достоинствомъ, отыскивая причину своихъ неудачъ въ разныхъ побочныхъ обстоятельствахъ. Это

былъ жалкій и, въ сущности, робкій человѣкъ, всѣми силами боровшійся за свое мизерное существованіе и всю жизнь разыгрывавшій роль смѣлаго, дерзновеннаго хапуги и дѣльца.

XIV.

Ловко составленная афиша и публикаціи въ газетахъ сдѣлали все, чего отъ нихъ требовалось: привлекли въ «Огненную землю» множество публики. Составъ этой публики былъ тотъ же, преимущественно «сѣренькій», но количество возросло до небывалыхъ размѣровъ. Уже съ пяти часовъ народу въ садъ набралось больше, чѣмъ его бывало въ праздничные дни,—а къ девяти часамъ у кассы стояла цѣлая кучка жаждавшихъ увидѣть столь краснорѣчиво атестованнаго въ афишахъ атлета. Кассирши, съ непривычки къ такому наплыву, даже растерялись; ихъ миловидныя, въ широкихъ новомодныхъ шляпахъ, личики приняли тревожно-озабоченное выраженіе, ихъ маленькія ручки дрожали, отсчитывая сдачу и пряча въ ящикъ кредитки разныхъ наименованій.

Запустивъ обѣ руки въ карманы пальто, Спиридонъ Поликарповичъ весело погуливалъ по саду, заходилъ въ пивную залу, биткомъ набитую гостями, въ буфетъ, тоже работавшій на славу, раза два зашелъ справиться въ кассовыя будочки и чувствовалъ себя, единственный разъ съ тѣхъ поръ какъ открылась «Огненная земля»,—настоящимъ хозяиномъ.

Даже мысли объ издержкахъ на проведеніе электричества въ заднюю аллею сада не портили прекраснаго настроенія его духа. Положимъ, электричество, какъ и предполагалъ Поросенковъ, стало не дешево, но если бы дѣла такъ шли всегда, какъ сегодня—расходы въ короткое время можно было бы наверстать сторицею.

«Правъ Ватрушкинъ! — думалъ Спиридонъ Поликарповичъ,—нечего сжиматься! Сунулся въ такое дѣло,—нужно рисковать. Въ другой разъ—наука,—поостерегусь, а ужъ теперь пятиться нечего. Хоть бы расходы вернуть! Пойдетъ такъ хорошо, — верну, ей Богу верну, и не токмо верну, а даже и дѣтишкамъ на молочишко останется. Ай да Ватрушкинъ! Молодчина, можно сказать: молодчина! Да вонъ онъ никакъ самъ?»

Дѣйствительно, по главной аллеѣ, сѣменя коротенькими ножками и выставивъ брюшко, подвигался Хрисанфъ Терентьичъ.

— Здравствуй, носъ красный! Только что объ тебѣ думалъ! — весело привѣтствовалъ его Поросенковъ, протягивая обѣ руки.

Хрисанфъ Терентьичъ слабо пожалъ руку. Видъ у него былъ крайне невеселый и даже какъ будто нѣсколько обиженный.

— Оно и видно, что думалъ, — сказалъ онъ.

— А что? Что то ты, Хрисанфъ Терентьичъ, какъ будто не въ себѣ? Здоровъ ли сердцемъ?

— Я то сердцемъ здоровъ, а вотъ здоровъ ли ты этимъ?— ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ Ватрушкинъ, — или ужъ очень заважничалъ, что деньги съ меня сталъ брать?

— Какія деньги? Что ты, окстись!

— Вотъ те на! Зачѣмъ съ меня твои дуры тридцать копѣекъ взяли?

— Какія дуры? Ахъ ты, Господи! — понялъ наконецъ Поросенковъ, — это кассирши, что ли? Да развѣ я тебѣ не далъ билетовъ?

— Никакихъ ты мнѣ билетовъ не давалъ, да и не нужны они мнѣ! Я, слава Богу, вездѣ безъ билетовъ хожу! У меня вотъ билетъ,—редакціонный бланкъ.

— Ахъ, вотъ дѣла то! Ты бы имъ бланку то и показалъ!

— Много онѣ понимаютъ! Да я еще не вездѣ и показывать то стану! Выдумалъ тоже! Этотъ бланкъ показывается на закрытыхъ собраніяхъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, а не въ кабакахъ.

— Ну, ужъ и кабакъ! Полно, Хрисанфъ Терентьичъ, не сердись, не ругайся! Я тебѣ почетный выдамъ!

— Начихать мнѣ на твой почетный! По русски говорю тебѣ, что я безъ билетовъ привыкъ ходить! А мнѣ твои дѣвчонки только нервы разстроили!

— Невры мы сейчасъ поправимъ! Пойдемъ ко въ кабинетикъ. Борца жду! Угостить нужно! Ну, да не сердись, пойдемъ! Полно тебѣ!

Еще при входѣ въ садъ, Хрисанфъ Терентьичъ почувствовалъ въ желудкѣ нѣкоторое урчаніе, служившее несомнѣннымъ признакомъ того, что отъ скуднаго домашняго обѣда не осталось ничего и этотъ властелинъ человѣческаго тѣла требуетъ новыхъ жертвъ съ приличнымъ, его званію, возліяніемъ; теперь же, какъ только Поросенковъ упомянулъ объ угощеніи, у Хрисанфа Терентьича такъ засосало подъ ложечкой, что онъ не могъ удержаться на высотѣ обиженнаго достоинства и малодушно сдался.

— Пойдемъ, пожалуй!—сказалъ Ватрушкинъ,—мнѣ хоть и не особенно хочется ѣсть, а выпить чего нибудь можно! Такъ ты, смотри же, не забудь сказать своимъ дѣвчонкамъ!

— Ладно ужъ, ладно! Господи помилуй, какой ты у насъ обидчивый! Прошу!

Поросенковъ открылъ дверь «кабинета», — небольшой комнатки съ досчатыми, не оклеенными обоями, стѣнами и, за исключеніемъ стола и нѣсколькихъ стульевъ, ничѣмъ не обставленной, и пропустилъ Ватрушкина впередъ.

На столѣ, покрытомъ скатертью, была сервирована закуска, стояли бутылки съ водкой и виномъ и четыре прибора.

— Это что же? Ты кого ждешь?—спросилъ Хрисанфъ Терентьичъ.

— Говорилъ вѣдь, что борца жду, а онъ не одинъ, — съ секретаремъ!—отвѣчалъ Поросенковъ.

— Ну, трое васъ, а четвертый?

— А четвертый — ты!

— Ой ли? Развѣ ты зналъ, что я приду?

— Не зналъ, а думалъ:—авось придетъ, не оставитъ меня грѣшнаго нѣмцамъ на съѣденіе. Вѣдь ихъ двое, а я одинъ! Теперь, по крайности, стѣна на стѣну!

— Такъ что же? Мы такъ все и будемъ сидѣть и ждать?

— Зачѣмъ? Закусимъ, пока, по малости!

— По малости? Эхъ, Спиридонъ, Спиридонъ! — покачалъ Ватрушкинъ головою,—все то мнѣ тебя учить приходится! До чего не понятливъ!

— Ну, вотъ! Опять не потрафилъ!

— Не потрафилъ то ты теперь, братъ, самому себѣ! Наливай ко, да подвинь, что у тебя тамъ... балыкъ, что-ли! Самъ себѣ чуть-чуть гадость не устроилъ! — сквозь прожевываемые куски говорилъ Хрисанфъ Терентьичъ,—да ты ѣшь, ѣшь, чего глаза выпучилъ! Налей-ко еще! Тамъ что? Лососина? Давай ее сюда! Ну теперь—«внимай моимъ словамъ, Людмила!» или какъ тамъ... чортъ, забылъ! Ты кто такой здѣсь? Хозяинъ, администраторъ, такъ?

— Такъ!

— Наливай, наливай, не церемонься! За мною задержки не будетъ! Ну, хорошо, хозяинъ! А кого ты ждешь? Наемщика? Такъ я говорю?

— Оно... положимъ... какъ будто...

— Не «какъ будто», а такъ оно и есть! И хорошъ же ты будешь, какъ придетъ нѣмецъ, а ты вскочишь какъ лакей, который караулилъ закуску, подбѣжишь, пожалуй еще пальто снимешь и начнешь юлить около: «пожалуйста, присядьте, пожалуйста выпейте, закусите чѣмъ Богъ послалъ, неугодно ли того, не хотите ли этого?» А? хорошъ, говорю, будешь?

— Вѣжливость братъ, нужна, ты не говори! погрозилъ пальцемъ Поросенковъ,—особливо съ нѣмцами! Знаешь, какая это нація? Изо всѣхъ націй самая гордая!

— Тьфу, фалалѣй! — плюнулъ Хрисанфъ Терентьичъ, — развѣ я тебѣ что о вѣжливости говорю? Будь вѣжливъ, но не будь хамомъ, вотъ оно что! Покажи видъ, что ты вовсе и не ждалъ этого нѣмца, что у тебя и намѣренія даже не было его ждать, а что ты просто сидишь и закусываешь съ добрымъ пріятелемъ, и больше ничего! Пришелъ нѣмецъ въ садъ, рас-

порядился ты его сюда привести,—отлично! Здравствуйте, молъ, очень пріятно. Кстати... замѣть: *кстати*, не хотите ли закусить, подкрѣпиться передъ выходомъ на сцену? «Человѣкъ, два прибора!» Вотъ какъ ведутъ себя люди съ тактомъ! Понялъ?

— Эхъ! досадливо почесался Поросенковъ,—вотъ что значитъ человѣкъ съ понятіемъ! Вѣрно ты говоришь, Хрисанфъ Терентьичъ.

— Ну, а два прибора мы велимъ сейчасъ убрать! Не ровенъ часъ—явится! Порфирій!

Порфирій безшумно вошелъ въ кабинетъ.

— Возьми сейчасъ эти два прибора и держи ихъ тамъ, у себя, на готовѣ!—приказалъ Ватрушкинъ.

Порфирій собралъ въ груду тарелки, ножи и вилки и выразительно покосился на Хрисанфа Терентьича. Тотъ ему также выразительно подмигнулъ, дескать: «знаю! Твое дѣло впереди!»

— Зачѣмъ ты приборы то велишь убрать?—спросилъ Поросенковъ, когда дверь за Порфиріемъ закрылась.

— Зачѣмъ? О, Спиридонъ, Спиридонъ! Затѣмъ, другъ мой неразумный, чтобы твой нѣмецъ не могъ догадаться, что ты тутъ сидишь для него, да еще устроилъ ему этакую помпу! Вотъ зачѣмъ, ангелъ мой! Никакой помпы, понимаешь,—никакой! съ энергичнымъ жестомъ отрицанія продолжалъ Хрисанфъ Терентьичъ, — довольно того, что, по твоему приказу, его ждутъ и приведутъ сюда. Это вѣжливо, это по европейски, а хамства не нужно! Ну, и довольно объ этомъ. Теперь мы будемъ сидѣть, кушать, понимаешь *кушать*, а не закусывать, и болтать, что намъ придетъ въ голову.

— Вѣрно!—окрыленный внезапнымъ просвѣтлѣніемъ, воскликнулъ Поросенковъ,—Порфирій, подавай!

— Ну, наконецъ то уразумѣлъ! — сказалъ Ватрушкинъ и потянулся къ водкѣ.

Порфирій внесъ никеллированную, подъ крышкой, кострюлечку, два горячихъ растегая, подливку и, поставивъ на столъ, удалился. Хрисанфъ Терентьичъ снялъ крышку, вытянулъ носъ, рукою помахалъ къ себѣ паръ изъ кострюли и его широкое, лоснящееся лицо разцвѣтилось улыбкой.

— Селянка? Умно! Хотя врядъ ли нѣмецъ станетъ ее ѣсть! сказалъ онъ, тщательно запихивая подъ горло край салфетки и вооружаясь разливательной ложкой, — ну-ко, давай свою тарелку!

— Да у меня что то и ѣсть охота пропала!

— Оттого и пропала, что ты не пьешь, не возбуждаешь аппетита! Селянка, кажется, хороша! Хозяйская! подмигнулъ Ватрушкинъ, плеснувъ ложку въ тарелку Поросенкова и наполнивъ до краевъ свою тарелку,—ну, будь здоровъ! Со свиданіемъ!

Онъ выпилъ еще рюмку и основательно принялся за уничтоженіе селянки.

— Ну, что, каковъ сборъ? — спросилъ онъ.

— Сборъ хорошъ, а былъ бы лучше! — отвѣчалъ Поросенковъ.

— Это почему?

— А потому, что половина публики въ «Эльдорадѣ». И угораздило же его, чорта, въ одинъ день со мною борьбу назначить! До еще какую афишу загнулъ!

— Вотъ вамъ человѣчество! — воскликнулъ Ватрушкинъ, бросая ложку и простирая руку въ пространство, какъ бы призывая стѣны кабинета въ нѣмые свидѣтели изобличенія «человѣчества», — не угодно ли! О чемъ ты говоришь, другъ милый Спиридонъ Поликарповичъ, на что жалуешься? Во первыхъ, Опойковъ гораздо раньше тебя придумалъ этихъ самыхъ атлетовъ, во вторыхъ, я же тебѣ открылъ его тайну, и въ третьихъ ты, всетаки, съ публикой, значитъ въ барышахъ.

— Я вѣдь ничего и не говорю, Хрисанфъ Терентьичъ, Господи помилуй! Словъ нѣтъ, я тебѣ многимъ благодаренъ, а только, конечно, такъ, къ слову.

— Да слова то твои пустячныя! Ѣшь ко, вотъ, лучше!

Поросенковъ только что взялся за ложку, какъ въ дверяхъ показалось встревоженное лицо Порфирія.

— Идутъ-съ! — объявилъ онъ шопотомъ.

— Кто «идутъ»? — спросилъ Ватрушкинъ.

— Эти самые... нѣмцы-съ!

— Ну и Господь съ ними, пусть идутъ! Придутъ, такъ проводишь, — спокойно отвѣчалъ Хрисанфъ Терентьичъ.

Его невозмутимый тонъ подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ на Поросенкова, который въ моментъ появленія Порфирія бросилъ ложку и сдѣлалъ движеніе на стулѣ, какъ бы намѣреваясь встать; теперь онъ сидѣлъ относительно спокойно, но не могъ удержаться, чтобы не поглядывать на репортера.

Порфирій отворилъ дверь и пропустилъ въ кабинетъ двухъ мужчинъ. Вошедшій первымъ былъ средняго роста, широкоплечій, плотный человѣкъ съ коротко остриженными волосами, закрученными кверху бѣлесоватыми усами и маленькими бачками у самыхъ ушей. На видъ ему было лѣтъ 30, 32; производилъ онъ впечатлѣніе человѣка довольно самомнительнаго и туповатаго; слѣдовавшій сзади былъ маленькій, тощій человѣкъ съ черными бородкой и усами и такими же бѣгающими глазками, съ виду похожій на итальянца.

Спиридонъ Поликарповичъ всталъ на встрѣчу вошедшимъ и, протянувъ руку блондину, отроекмендовался:

— Поросенковъ.

— Людвигъ Фиргельдтъ — сказалъ блондинъ, протягивая руку.

— Присядьте, пожалуйста! — засуетился Поросенковъ, — позвольте познакомить...

Онъ повернулся къ Хрисанфу Терентьичу, но тотъ его предупредилъ, подавъ руку борцу.

— Ватрушкинъ, журналистъ!—сказалъ онъ.

На лицѣ Фиргельдта заиграла пріятная и даже нѣсколько заискивающая улыбка.

— Es gereicht mir zu grosser Genugthung die Bekanntschaft eines Repräsentanten der Presse zu machen! — сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку Ватрушкина.

На лицахъ Ватрушкина и Поросенкова изобразилось недоумѣлое смущеніе.

— Г. Фиргельдту очень пріятно познакомиться съ представителемъ печати! — подскочилъ «итальянецъ», — позвольте рекомендоваться: Фуксъ, секретарь г. Фиргельдта.

Произошло взаимное рукопожатіе.

— Г. Фиргельдтъ... г. Фуксъ! Садитесь, пожалуйста! Не угодно-ли закусить! Пожалуйста! — засуетился Поросенковъ,— Порфирій, два прибора!

— Ich danke Ihnen, aber ich pflege vor der Vorstellung nichts zu essen!—сказалъ Фиргельдтъ.

— Г. Фиргельдтъ воздерживается отъ кушанья передъ спектаклемъ!—поторопился перевести Фуксъ.

— О, да, да!—подтвердилъ киваньемъ головы борецъ.

— Ну, а вы закусите?—обратился Поросенковъ къ Фуксу.

— Пожалуй... немножко!—сказалъ тотъ, бросивъ плотоядный взглядъ на закуску.

Порфирій поставилъ передъ нимъ приборъ и принесъ кострюлечку съ селянкой. Поросенковъ налилъ большую рюмку водки.

— Не хотите-ли вина, г. Фиргельдтъ?—спросилъ онъ.

— Es sei denn ein Gläschen Madeira!—отвѣчалъ тотъ.

— Мадеры? — подхватилъ Поросенковъ, — Порфирій, дай мадеры!

Порфирій принесъ бутылку, и когда ставилъ ее на столъ, скосилъ презрительный взглядъ на нѣмца. Онъ уже составилъ о немъ свое особое мнѣніе и нельзя сказать, чтобы въ пользу борца. «Такъ себѣ борецъ! Ростъ не важный да и сложеніе не ахти какое!—Одно только, что нѣмецъ!».

Онъ отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на груди и тяжело вздохнулъ.

Положеніе трапезовавшихъ, за исключеніемъ Фукса, основательно уничтожавшаго селянку, было не изъ особенно удобныхъ и пріятныхъ. Хрисанфъ Терентьичъ и Поросенковъ ѣли дичь, поглядывая на борца и не зная съ чего бы начать разговоръ. Ватрушкинъ часто подливалъ въ свой стаканъ вина и

пилъ больше, чѣмъ слѣдовало, видимо стараясь пріободриться, Поросенковъ вина не пилъ, но страшно краснѣлъ и сопѣлъ такъ, какъ будто поднималъ какія тяжести. Фиргельдтъ сидѣлъ въ спокойной позѣ человѣка, знающаго себѣ цѣну, нѣсколько откинувшись назадъ и выставивъ правую ногу. Взглядъ его блуждалъ по голымъ стѣнамъ кабинета, скользилъ по лицу Поросенкова и съ нѣкоторымъ вниманіемъ останавливался только на Хрисанфѣ Терентьичѣ.

— Sie arbeiten an der Zeitung Novo Wrema? — спросилъ борецъ.

— Г. Фиргельдтъ спрашиваетъ, не изволите-ли вы писать въ Новомъ Времени?—перевелъ Фуксъ, какъ бы мимоходомъ опрокидывая въ ротъ рюмку мадеры и принимаясь за рябчика.

— Я понялъ, понялъ! —мотнулъ головой Ватрушкинъ, почему-то страшно покраснѣвъ,—я не говорю по нѣмецки... т. е. говорю очень мало, но я все понимаю. Нѣтъ, я работаю въ «Столичныхъ Извѣстіяхъ». Это небольшая газета, но у ней до 40,000 подписчиковъ.

— Sie werden, vermutlich, über mein Debut referiren? Ueben Sie Nachsicht mit einem Künstler, der zum ersten Male in Ihrem schönen Vaterlande ist. Seien Sie nicht zu strenge! — сказалъ нѣмецъ.

Фуксъ сидѣлъ съ набитымъ рябчикомъ ртомъ и не перевелъ этой фразы, но Хрисанфъ Терентьичъ верхнимъ чутьемъ угадалъ смыслъ и, съ достоинствомъ покачавъ головою, сказалъ:

— Гутъ, гутъ! Зеенъ зи руихъ!

Но тутъ нѣмецъ такъ быстро что-то залопоталъ, такъ стремительно подвинулся къ Ватрушкину, началъ показывать ему болтавшіяся на цѣпочкѣ, въ видѣ брелоковъ, какія-то огромныя изъ сомнительнаго металла медали, вытащилъ изъ кармана пиджака сложенный вчетверо листъ бумаги, развернулъ, показалъ изображенный красивымъ почеркомъ текстъ, ткнулъ толстымъ пальцемъ въ подписи, сказалъ: «о!», ткнулъ въ печать съ изображеніемъ какой-то чепухи, —словомъ, совершилъ такой неожиданный натискъ на Хрисанфа Терентьича, что послѣдній невольно подался назадъ и вытаращилъ на борца осоловѣлые, недоумѣвающіе глаза.

— Г. Фиргельдтъ, — пришелъ на помощь секретарь, — желаетъ вамъ сообщить, если вамъ угодно будетъ знать, —подробности о его дѣятельности, какъ атлета, что онъ (тутъ секретарь слегка закрылъ глаза, какъ это дѣлаютъ люди, которымъ приходится передавать хорошо заученное Богъ вѣсть который разъ, и продолжалъ монотоннымъ голосомъ), Лудвигъ-Іоганнъ Фиргельдтъ родился въ Гамбургѣ въ 1862 году, на-

чалъ атлетическія упражненія будучи 17 лѣтъ въ клубѣ Гамбургскихъ гимнастовъ. Его первая публичная борьба происходила лѣтомъ въ 1890 году. Искусство борца онъ показывалъ неоднократно въ американскомъ театрѣ въ Берлинѣ, затѣмъ участвовалъ во французской борьбѣ въ Альтонѣ, въ театрѣ «Флора», и въ 1893 году совершилъ турнэ по Шлезвигъ-Гольштейну, гдѣ работалъ съ гирями, а въ 1894 году участвовалъ на состязаніи борцовъ въ Швейцаріи, гдѣ былъ увѣнчанъ первымъ призомъ,—лавровымъ вѣнкомъ и получилъ отъ ферейна аттестатъ. Кромѣ того, г. Фиргельдтъ имѣетъ почетныя медали отъ гамбургскаго клуба гимнастовъ-любителей и отъ содержателя театра «Флора».

Всю эту рѣчь, сказанную безъ запинки и не переводя духа, Фуксъ заключилъ большой рюмкой мадеры и закусилъ солидной, по своимъ размѣрамъ, грушей.

Хрисанфъ Терентьичъ тоже не терялъ времени даромъ. Моментально у него очутилась въ рукахъ сильно истрепанная, засаленная записная книжка, въ которую онъ съ проворствомъ опытнаго репортера и занесъ необходимыя для него данныя.

Затѣмъ, г. Фиргельдтъ, подъ предлогомъ того, что ему необходимо освоиться съ садомъ и сценой, осмотрѣть уборную, привести въ порядокъ костюмъ и немного отдохнуть, откланялся и вышелъ, имѣя позади себя секретаря, послѣдовавшаго, однако, не совсѣмъ охотно за своимъ принципаломъ. Поросенковъ тотчасъ же прикомандировалъ къ нимъ Порфирія.

Оставшись одни, пріятели многозначительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что, Хрисанфъ Терентьичъ, какъ?—вопросилъ Поросенковъ.

— Что «какъ»? Что ты не побѣжалъ за нимъ сзади, чего я, по правдѣ сказать, опасался, это отлично! А затѣмъ все въ порядкѣ.

— Значитъ, борецъ-то онъ настоящій?

— Ну, вотъ еще! Придетъ же человѣку въ голову!

— Документы-то въ исправности?—допытывался Поросенковъ,—по нѣмецки писаны... кто ихъ знаетъ!

— Брось, Спиридонъ Поликарповичъ! А вотъ что скажи мнѣ лучше: сколько ты ему платишь?

— Двѣсти пятьдесятъ за выходъ!

— Ну, это напрасно! Они теперь дешевле стали!

— А какъ дешевле?

— Рублей за полтораста, говорятъ, можно достать!

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—заволновался Поросенковъ,—всегда вотъ такъ переплатишь! Эхъ, Хрисанфъ Терентьичъ, что же ты мнѣ раньше не сказалъ!

— А ты со мною совѣтовался?—строго вопросилъ Ватрушкинъ.

— Да когда тутъ было совѣтоваться, Господи помилуй, спѣшить надо было!

— Поспѣшилъ и людей насмѣшилъ! Ну, да не бѣда! Должно опять мнѣ придется тебя выручать!

— Ой-ли? Какъ же такъ? Надумалъ, нешто, что? Да ты пей, Хрисанфъ Терентьичъ! Мадерцы?

— Ладно, ладно! Не юли! Купеческая повадка! Съ мадерцой подъѣхалъ! Знаемъ мы васъ! Ты за афишу-то сколько намѣренъ отвалить?

— По старой цѣнѣ, Хрисанфъ Терентьичъ?

— По старой и не думай! И впередъ знай: отнынѣ я меньше красненькой не беру! Шабашъ!

— Эхъ, Господи!—вздохнулъ Поросенковъ.

— А за ту афишу, которую я тебѣ составлю, ты мнѣ дашь три красненькихъ, вотъ мы и будемъ въ разсчетѣ!

— Это что же, съ новинкой будетъ афиша-то?

— Да, съ новинкой!

— Ну-ка, ну-ка... какая?

— Вотъ то-то! Сидишь ты тутъ у себя, въ саду, и не видишь, что у тебя подъ носомъ. Прозѣвалъ бы и свою новинку, кабы не я. Я Порфирія разспросилъ, обо всемъ дознался...

— Чудно ты что-то говоришь, Хрисанфъ Терентьевичъ.

— А вотъ тебѣ и «чудно». Зови-ко Порфирія. Постой, впрочемъ, я его самъ позову.

И не давши Поросенкову какъ слѣдуетъ придти въ себя, Хрисанфъ Терентьевичъ вышелъ изъ кабинета. Порфирій стоялъ у дверей.

— Поди-ко сюда!—поманилъ его Ватрушкинъ,—слушай! Кажется, твоего мужика можно будетъ пристроить, только ты какъ нибудь дѣла не испорть. Что знаешь,—скажи хозяину, а въ остальномъ помалкивай, на меня ссылайся и повторяй, что я буду говорить. «Хрисанфъ, молъ, Терентьичъ, лучше знаютъ!» Понялъ?

— Помилуйте, Хрисанфъ Терентьичъ, какъ не понять!

— Ну, то-то! Пойдемъ теперь!

Ватрушкинъ вошелъ въ кабинетъ и развалился на стулѣ. Передъ нимъ уже стояла налитая въ его отсутствіе Поросенковымъ рюмка мадеры. Порфирій остановился у притолки.

— Порфирій!—громко позвалъ его Ватрушкинъ,—подойди сюда и скажи хозяину, что это за человѣкъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ?

— Человѣкъ этотъ...—началъ Порфирій, обратившись къ Поросенкову и смотря на него робкими, слезящимися глазами,—есть услужающій... слуга... въ здѣшнемъ саду-съ...

— Ну, это мы знаемъ!—перебилъ его Ватрушкинъ,—чѣмъ же онъ замѣчателенъ?

— Онъ замѣчателенъ... что необыкновенной силы человѣкъ!

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, три пуда одной рукой поднимаетъ, какъ ничего...

— Что? Три пуда?—воскликнулъ Поросенковъ,—ой, врешь!

— Нѣтъ-съ, не вру, Спиридонъ Поликарповичъ, самъ видѣлъ! Еще видѣлъ, какъ онъ на ладони человѣка держалъ-съ!

— А въ этомъ человѣкѣ было четыре пуда съ лишнимъ? Вѣдь такъ?—спросилъ Ватрушкинъ.

— Да-съ! Четыре съ половиною!—подтвердилъ Порфирій.

— И этотъ человѣкъ, котораго зовутъ Капитономъ Полоротовымъ, охотно готовъ показать публично свою силу. Не такъ ли?

— Такъ-съ, Хрисанфъ Терентьичъ! Вы лучше знаете-съ!—вспомнилъ наставленіе Порфирій.

— Онъ даже согласился бы и бороться! Даже чувствуетъ къ борьбѣ большое призваніе! Вѣрно?

— Совершенно вѣрно-съ!—подтвердилъ Порфирій,—хоть сейчасъ спросите его, т. е. самого!

— Хорошо! Ступай, ты намъ пока не нуженъ! Да вотъ что: не пускай сюда никого... даже своихъ! Слышишь?—приказалъ Ватрушкинъ.

— Слушаю-съ!—поклонился Порфирій и вышелъ, плотно притворивъ за собою дверь.

— Ну, что ты теперь скажешь, Спиридонъ Поликарповичъ?—обратился Ватрушкинъ къ сидѣвшему съ вытаращенными глазами Поросенкову.

— Что же я скажу?—развелъ тотъ руками,—словно бы какъ я ничего не понимаю!

— Ничего не понимаешь? Такъ! Ну, слушай же, что я тебѣ скажу. Капитонъ этотъ—кладъ. Выпустишь его изъ рукъ, самъ на себя пеняй, другого такого не достанешь! Ты читалъ сегодняшнюю афишу Опойкова? У него есть русскій борецъ, Барсуковъ, и знаешь, сколько онъ этому Барсукову за выходъ платитъ? Не меньше, братъ, сколько ты своему нѣмцу. А почему? Потому что публика этихъ фокусниковъ, заграничныхъ борцовъ видала-перевидала, а нашихъ нѣтъ, наши только наростаютъ и ихъ мало, ужасно мало, а спросъ большой! Вотъ ты и будешь имѣть своего борца!

— Помилуй, Хрисанфъ Терентьичъ, какой онъ борецъ, Капитонъ этотъ твой, просто мужикъ!—воскликнулъ Поросенковъ.

— Спиридонъ!—сказалъ Ватрушкинъ, поднимая ножъ и

балансируя имъ передъ глазами Поросенкова, — что это? Ножъ?

— Ну, ножъ! Опять ты, Хрисанфъ Терентьичъ, свою хиромантію затѣялъ! Экой человѣкъ какой!

— Ножъ? Прекрасно!—невозмутимо продолжалъ Ватрушкинъ,—а раньше это былъ просто кусокъ стали! Понялъ? Вотъ и Капитонъ, та же сталь, сырой матеріалъ! Былъ бы матеріалъ, а ужъ сдѣлать-то изъ него штучку можно! Да его въ недѣлю, двѣ, этотъ же самый твой Фиргальдъ борцомъ сдѣлаетъ!

— Сдѣлать-то, можетъ, и сдѣлаетъ, а сколько слупитъ.

— Не давайся живымъ въ руки, торгуйся! Съ ними торговаться можно!

— Да поторгуешься съ ними, какъ же! Вонъ онъ сколько съ меня содралъ!

— Содралъ тамъ, у себя! Ты вѣдь съ нимъ переговоры черезъ агента велъ, а у него былъ свой агентъ. Твой агентъ и его агентъ взяли лапку и подѣлили между собою! Это ужъ такъ водится! Ты его на сколько выходовъ нанялъ?

— На три.

— Всего? Чего же ты пюнишь! Кончится ангажементъ, смотри, какой покладливый нѣмецъ станетъ! А не захочетъ давать уроковъ, шуть съ нимъ! Къ другому обратись! Мало ли ихъ! Да я тебѣ черезъ доктора К. такого учителя найду, не твоему нѣмцу чета!

— Вѣрно?—усомнился Поросенковъ.

— Вѣрнѣе смерти!—заключилъ Хрисанфъ Терентьичъ и налилъ новую рюмку мадеры;—у доктора К. собираются почти всѣ сколько нибудь выдающіеся силачи. Докторъ самъ любитъ гимнастику, самъ хорошій гимнастъ и позволяетъ заниматься у себя въ приспособленномъ для этой цѣли кабинетѣ. Ты посмотри-ко кто у него только ни занимается гимнастикой! Есть и изъ высшаго общества графы, князья, есть и профессіональные борцы, но до нихъ ему дѣла нѣтъ. Входъ открытъ всѣмъ, конечно, по знакомству! Я немного знакомъ съ докторомъ, т. е. лечился у него... да онъ меня, конечно, помнитъ! И такъ, въ крайнемъ случаѣ, т. е. если бы твой нѣмецъ не согласился, учителя мы найдемъ. Гораздо важнѣе вотъ какое обстоятельство.

Хрисанфъ Терентьичъ поднялъ рюмку на свѣтъ, посмотрѣлъ однимъ прищуреннымъ глазомъ, потомъ другимъ, потомъ поднесъ рюмку къ губамъ, почмокалъ, сморщился, однако отпилъ до половины и сказалъ:

— Прошлый разъ была лучше!

У Поросенкова шельмовскіе глазки забѣгали, какъ мышенята въ ловушкѣ.

— Не знаю, Хрисанфъ Терентьевичъ,—отвѣчалъ онъ,—мадера въ ту же цѣну! Въ ту же цѣну мадера!

Ватрушкинъ медленно и внушительно погрозилъ ему пальцемъ. Поросенковъ только потупился.

— По настоящему,—началъ Хрисанфъ Терентьичъ, цѣдя слова,—не слѣдовало бы тебѣ все это разъяснять, вотъ оно что! Ну, да что будешь дѣлать, сердцемъ-то ужъ я больно мягокъ! Такъ видишь ли въ чемъ штука: мужика этого нужно всѣми силами тутъ у себя удержать, чтобы онъ какъ нибудь въ другое мѣсто не ушелъ! Для этого ты долженъ принять свои мѣры, но опять таки не очень крутыя, иначе онъ уйдетъ, вѣдь нынче, не забудь, крѣпостныхъ нѣтъ.

— Хрисанфъ Терентьичъ, да стоитъ ли мужикъ-то? И опять какія же такія мѣры?—вопросилъ Поросенковъ.

— А вотъ мы сейчасъ попробуемъ однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ убить! Узнаешь, чего мужикъ стоитъ, и какъ его къ здѣшнему мѣсту привязать. У тебя сегодня Фиргельдтъ вызываетъ желающихъ бороться? И даже, кажется, призъ назначенъ?

— Да, назначенъ!—словно нехотя отвѣчалъ Поросенковъ.

— Знаемъ, знаемъ мы ваши фокусы!—покачалъ головою Ватрушкинъ,—знаемъ, какъ вы фальшивые призы, по согласію съ борцами, назначаете, ну да не въ томъ дѣло! А нужно вотъ что: нужно этого мужика выпустить на борьбу.

— Какъ? Сегодня же?

— Непремѣнно сегодня! Риска для тебя тутъ нѣтъ никакого, Фиргельдтъ, если согласился, обязанъ бороться! Пусть думаетъ, что изъ публики. А тебѣ что? Во всякомъ случаѣ мужику, будь онъ сильнѣе чорта, нѣмца не побороть, слѣдовательно можетъ произойти одно изъ двухъ: или нѣмецъ его повалитъ, чего собственно и слѣдуетъ ожидать, или, если мужикъ упрется, борьба кончится ни въ чью. Въ первомъ случаѣ ты воленъ дѣлать съ мужикомъ, что хочешь: прогнать, оставить въ лакеяхъ или сдѣлать его «статистомъ борьбы», во второмъ, т. е. если мужикъ выдержитъ, значитъ онъ силенъ и способенъ къ изученію борьбы, и вотъ тебѣ русскій борецъ готовъ! Понялъ?

— Понялъ-то я понялъ, Хрисанфъ Терентьичъ, а какъ же мнѣ его тогда удержать?

— Жалованье назначь ему хорошее... подарокъ сдѣлай... мало ли какъ! Не мнѣ тебя учить! Да онъ навѣрно останется, потому что будетъ польщенъ, что въ твоемъ именно саду боролся въ первый разъ и съ успѣхомъ. У него тутъ своя публика образуется, и ему отъ нея уходить не резонъ! Не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, Хрисанфъ Терентьичъ!

— А если вѣрно, такъ нечего время по пусту терять! (Ватрушкинъ взглянулъ на часы). Теперь Фиргельдтъ принялся за свои фокусы, а ты вели-ко Порфирію привести этого доморощеннаго силача, распроси его хорошенько, позови парикмахера и пусть онъ его чуточку гримируетъ, ну побрѣетъ что ли, да вели ему лучше всего надѣть русскую, красную рубаху и шаровары, понимаешь, чтобы въ немъ бывшаго услужающаго не признали, а пусть думаютъ, что, дескать, съ воли пришелъ этакой русскій молодецъ... Публика русскую рубаху страсть какъ любитъ, а твоя публика въ особенности!

— А что Хрисанфъ Терентьичъ!—воскликнулъ Поросенковъ,—я и самъ думалъ насчетъ тоись русской рубахи! Какъ мысли-то сошлись, пра-а-во!

Хрисанфъ Терентьичъ сумрачно и строго, чему не мало способствовала допитая до дна бутылка мадеры, посмотрѣлъ на Поросенкова, тяжело поднялся со стула и хриплымъ голосомъ воззвалъ:

— Порфирій!

— Что прикажете?

Порфирій стоялъ подлѣ и искательно, даже съ нѣкоторымъ подобострастіемъ въ слезящихся глазахъ, смотрѣлъ на репортера.

— Пальто!

Порфирій схватилъ висѣвшее на стѣнкѣ въ уголку пальто и распялилъ его за спиною Ватрушкина.

— Хрисанфъ Терентьичъ! Такъ какъ же?—вопросилъ Поросенковъ.

— Какъ сказалъ, такъ и сдѣлай! Времени совѣтую не терять!—сказалъ Ватрушкинъ, натягивая измызганныя, съ прогрызенными кончиками пальцевъ лайковыя перчатки.

— Инъ быть по твоему!—воскликнулъ Поросенковъ,—Порфирій; поди-ка, приведи сюда твоего... какъ его... земляка, что ли?

XV.

Капитонъ стоялъ у своего столика въ правомъ павильонѣ и скучающими глазами смотрѣлъ на сцену, гдѣ шелъ какой-то водевиль «съ потасовкой». Какъ ни старались актеры громко произносить свои реплики (комикъ даже охрипъ и кричалъ пѣтухомъ), слова почти не долетали до павильона, застрявая въ огромной толпѣ экспансивныхъ зрителей, во всеуслышаніе дѣлавшихъ болѣе или менѣе остроумныя примѣчанія не только къ каждому положенію дѣйствующихъ лицъ, но даже къ каждому ихъ слову. Кромѣ того сильно расхолаживали впечатлѣніе ежеминутно бухавшій силомѣръ, звуки гармоники, бабьи

взвизгиванья, доносившіеся отъ карусель, и бѣготня мальчишекъ, явившихся въ садъ, по всей вѣроятности, черезъ сосѣднюю стѣну. Порою маленькіе оборванцы въ подраженіе тому, что они видѣли въ разныхъ садахъ, затѣвали между собою борьбу, очень быстро переходившую въ драку, и тогда публика,—повернувшись спиною къ сценѣ, — принималась съ интересомъ слѣдить за исходомъ.

Тутъ же, въ полутьмѣ, почти подъ ногами толпы фабричныхъ, мелкихъ служащихъ, мелочныхъ торговцевъ и прикащиковъ, шныряли дѣвочки-подростки въ легонькихъ тальмочкахъ, въ которыя онѣ усиливались прятать иззябшія руки, и въ ситцевыхъ платочкахъ на головахъ. Очевидно, Спиридонъ Поликарповичъ не внялъ мудрымъ совѣтамъ Ватрушкина, а можетъ быть и внялъ, да ничего не могъ ни предпринять, ни устранить, не зная путей, черезъ которые эти подростки проникали въ садъ. Такъ на коркѣ стараго, заплѣсневѣлаго сыра вдругъ появляются десятки и сотни жучковъ, отлично освоившихся съ малѣйшимъ бугоркомъ, съ ничтожнѣйшей впадиной, щелочкой корки, такъ въ глухой степи на разлагающемся трупѣ верблюда, въ числѣ разныхъ жучковъ и скорпіоновъ мѣстнаго происхожденія, копошится своими коротенькими лапками и наша старая знакомая, домашняя муха. Какъ она попала сюда? Какъ попали въ «Огненную землю», эту дикую страну, разгоряченную страстями ея временныхъ обитателей, пропитанную специфическимъ запахомъ голоднаго разврата, одурманенную испареніями алкоголя, какъ попали сюда эти дочери дворниковъ, швейцаровъ, почтальоновъ, вахтеровъ и прочихъ суровыхъ служакъ унтеръ-офицерскаго званія? И у кого же это могъ явиться *спросъ*, вызвавшій такого рода *предложеніе*? Но исторіи «Огненныхъ земель» и «Эльдорадъ» также темны, какъ отдаленныя, примыкающія къ забору аллеи этихъ веселыхъ учрежденій!..

— Здраствуйте!

Капитонъ вздрогнулъ, услышавъ знакомый голосъ. Передъ нимъ, внизу, на аллеѣ стояла Сашенька и, задорно поднявъ голову въ черномъ, вязанномъ платкѣ, смотрѣла на него своими ясными, голубыми глазами.

— Вотъ такъ такъ! Не слышитъ и не видитъ ничего! Ровно столбъ какой! — продолжала Сашенька, поднимаясь въ павильонъ по четыремъ колеблющимся ступенькамъ и протягивая Капитону руку.

— Здраствуйте, Александра Васильевна! — пробормоталъ тотъ, несмѣло пожимая руку,—какъ ваше здоровьице?

— Здоровьице мое ничего! — отвѣчала Сашенька, спуская платокъ съ головы и поправляя въ косѣ длинную черепаховую шпильку въ видѣ стрѣлы,—а вотъ съ вами что?

— А что-съ?

— Какъ же? Вамъ говорятъ: «здраствуйте!» а онъ стоитъ все равно какъ этотъ столбъ! Должно быть оттого, что вамъ, бѣдному, приходится стоять, да еще у этого столба, — вы и остолбенѣли.

— Насмѣшки все строите, Александра Васильевна!—прошепталъ Капитонъ, блѣднѣя.

— Насмѣшки? Ну, да! Какъ же надъ вами не смѣяться?

— За что же?

— За что? — (Сашенька пристально посмотрѣла ему въ глаза)—а хотя бы за то, что вы такой представительный мужчина, и трусъ! Мужчина, можно сказать, на отличку, а душа заячья! Ха, ха!

— Нешто я трусъ?

— *Нешто* я не правду?—разсмѣялась Сашенька,—конечно, трусъ!

Капитонъ прикоснулся ко лбу холодной какъ ледъ рукою.

— Неправда, Александра Васильевна!—сказалъ онъ рѣзко,— кавалера будете ждать?

— Кавалера?—нарочно большіе глаза раскрыла Сашенька,— вотъ еще! Съ чего вы взяли! Просто хочу смотрѣть атлета! Отсюда видно!

— Я сейчасъ... портерцу!—выпалилъ вдругъ Капитонъ, и исчезъ.

Сашенька спустила платокъ совсѣмъ на плечи и откинулась къ спинкѣ стула.

Тамъ, внизу, на площадкѣ сада, примыкавшей къ театру, и въ аллеяхъ, освѣщенныхъ немногими электрическими фонарями, съ глухимъ гудѣньемъ человѣческихъ голосовъ двигалась темная масса публики. Порою выдѣлялась колеблющаяся фигура какого нибудь пьянаго въ картузѣ и съ громкимъ восклицаніемъ снова исчезала въ водоворотѣ толпы. Выкликались имена,—мужскія и женскія, вырывался рѣзкій, звенящій смѣхъ, заглушавшійся настойчивымъ, почти властнымъ звономъ колокольчика, которымъ безпрестанно потрясалъ прилично одѣтый мальчикъ, стоявшій при входѣ въ балаганъ, гдѣ давали представленіе лилипуты. Съ появленіемъ публики въ «Огненной землѣ» возникли и лилипуты; отъ этой толпы, не знавшей куда себя дѣвать и что съ собою дѣлать, стало и имъ перепадать кое-что.

Сашенька долго смотрѣла въ толпу, замѣчая знакомыхъ. Дѣвушка была весело настроена; она чувствовала, что съ улучшеніемъ дѣлъ «Огненной земли»—улучшаются и ея дѣла. Тутъ была одна общая нить связывавшая Сашеньку съ «заведеніемъ», и курсы благосостоянія одного и другой находились въ одинаковой зависимости отъ степени расположенія къ нимъ «гг. посѣтителей». Сегодня ихъ было достаточно, и между ними много

знакомыхъ! Вотъ прошелъ «г. Ивановъ»... Сашенька отлично знала, что эта фамилія—псевдонимъ, и что имъ прикрывается всегда безукоризненно одѣтый свѣтскій молодой человѣкъ въ золотомъ пенснэ, ѣздившій на своихъ лошадяхъ, посѣщавшій, съ компаніей такихъ же молодыхъ людей, какъ онъ самъ, субботнія представленія въ циркѣ. Какое ей дѣло, какъ бы онъ тамъ въ дѣйствительности ни назывался? Все равно, этотъ преждевременно облысѣвшій молодой человѣкъ, на улицѣ отличавшійся манерами джентльмена, а дома, у нея, выказывавшій изумительную грубость, нахальство и презрѣніе къ женщинѣ—былъ ей противенъ. А это—Боря студентъ, т. е. бывшій студентъ. Да это все равно! Несмотря на то, что мундиръ замѣнилъ пиджакъ и студенческую фуражку—сильно поношенный котелокъ, несмотря на то, что въ обрюзгшей, расплывшейся, обросшей огромною бородою, физіономіи трудно было узнать прежнее, миловидное личико нѣжнаго, бѣлокураго юноши,—Боря—остался прежнимъ Борей. Милый студентъ! Сколько выпито, сколько брошено денегъ на вѣтеръ! Была даже какъ будто любовь! Все прошло!

Широкая, смуглая рука легла на перила павильона. Сашенька взглянула внизъ и встрѣтила огненный взглядъ большихъ, черныхъ глазъ. Передъ ней стоялъ смуглый брюнетъ въ фуражкѣ и пальто, подъ которымъ виднѣлась синяя, рабочая блуза.

— Вася!.. Василій Михайловичъ... вы?..

Сашенька остановила на немъ серьезный, встревоженный взглядъ.

— Ну, да, я! Небось, не съ того свѣта пришелъ!—усмѣхнулся брюнетъ.

— Оттуда такіе и не приходятъ!—попробовала разсмѣяться Сашенька.

— Само собой! Ермолина видаешь?

— Встрѣчаемся!

— Передай!

Сашенька вдругъ ощутила въ рукѣ клочокъ бумажки, и тотчасъ же, инстинктивно, спрятала этотъ клочокъ въ карманъ.

— Хорошо!—прошептала она и осторожно оглянулась.

— Смотри же!—шепнулъ брюнетъ, крѣпко пожалъ ея руку своей широкой, сильной рукой и исчезъ.

Сашенька задумалась... Нанесло этого Василія Михайловича... Да и Ермолинъ... тоже... Съ ними еще влопаешься! Вонъ прошлую осень на «ткацкой» шумъ вышелъ... Говорятъ Ермолинская затѣя! И чего добиваются люди? А наша сестра: не хватаетъ тридцати копѣекъ на день,—гулять иди!

— Пожалуйте, Александра Васильевна!

Поставивъ одну бутылку портеру на столъ, Капитонъ откупоривалъ другую.

— Что это вы? Зачѣмъ?—заговорила Сашенька.

— Отъ насъ угощеніе! Хочу угостить васъ!

— Зачѣмъ вы тратитесь! Вотъ еще!

— Кушайте, пожалуйста!

— А вы? Что же я буду одна!

— Я ужъ... выпилъ!

Сашенька подняла глаза на Капитона. Лицо его было красно, возбужденно, движенія быстры, порывисты... «Выпилъ, да не мало!»—подумала Сашенька и сказала:

— Съ чего же вы это раскутились? Жалованье, что ли, получили?

— Какая наша получка!—махнулъ рукою Капитонъ,—кушайте, пожалуйста!

Сашенька отпила изъ стакана и начала смотрѣть на сцену, гдѣ подвизалась лирическая пѣвица Миртова. Капитонъ стоялъ совсѣмъ близко, сзади; его горячее дыханіе касалось затылка молодой дѣвушки.

Пѣвица кончила пѣть и на сценѣ появился «феноменъ» — Тарасъ Завертаевъ, небольшого роста, тщедушный юноша въ розовой шелковой рубахѣ, плюшевой безрукавкѣ и босикомъ.

— Какіе есть несчастные люди!—сказала Сашенька.

Капитонъ глубоко вздохнулъ.

Тарасъ Завертаевъ вскинулъ ногами на гитару и бойко заигралъ «Камаринскую». Слегка опьяненная двумя, выпитыми залпомъ, стаканами портера, Сашенька въ тактъ музыкѣ качала головой,—потомъ вдругъ откинулась на стулъ и почувствовала за спиной руки Капитона. Онъ ихъ не отнялъ и Сашенькѣ казалось, что онѣ такъ горячи, что жгутъ ея спину, и ей это было пріятно. Она вообще чувствовала себя прекрасно! Ахъ, если бы всѣ кавалеры были такъ спокойны и безмолвны, какъ этотъ влюбленный въ нее дуракъ! Не нужно бы было съ ними говорить, занимать ихъ, притворяться, что тебѣ съ ними весело, сиди, пей и думай про себя что хочешь.

Тарасъ Завертаевъ кончилъ. Публика апплодировала, требовала повторенія. Человѣкъ безъ рукъ снова взмостился на сидѣнье, сцѣпилъ гитару ногами и заигралъ. Въ павильонѣ, гдѣ сидѣла Сашенька, произошло движеніе, загремѣли стулья, раздались восклицанія: — «человѣкъ, чаю... пару пива... графинчикъ водки!» Всѣ мѣста моментально были заняты публикой, приготовившейся смотрѣть упражненія Фиргельдта. Стало даже тѣсно. Было много «дамъ». Какой то толстый провинціалъ съ двумя тоже толстыми и пожилыми дамами усѣлся за сосѣдній съ Сашенькинымъ столикъ. Капитонъ долженъ былъ имъ служить. Онъ отнялъ руки отъ спинки стула, на которомъ сидѣла Сашенька, быстро сходилъ за чаемъ и поставилъ его на столикъ толстаго господина. У Сашеньки попросилъ позволенія

присѣсть за ея столъ какой то солдатъ. Соблазненный видомъ портера, онъ спросилъ у Капитона того же; Капитонъ нехотя подалъ ему двѣ полбутылки.

Музыка заиграла что то бравурное. На сцену, гдѣ уже находились разной величины гири, какіе то шесты и проч., вышелъ Фиргельдтъ. На немъ было трико оранжеваго цвѣта, отлично обрисовывавшее выпуклыя формы; онъ сдѣлалъ себѣ прическу капуль и закрутилъ кверху усы.

— Ахъ, какой мужчина! — воскликнула Сашенька и подалась впередъ.

— Что же особеннаго, Александра Васильевна?—раздался позади ея голосъ Капитона.

— А сложеніе то какое? Посмотрите!

— Сложеніе обыкновенное!

— Это вы... ввѣрно! — отозвался солдатъ, оказавшійся изрядно выпившимъ,—сложеніе т. е... самое обнаковенное... Раздѣнься кто хошь!.. А дамамъ, точно, интересно... потому не въ привычку!..

— Пожалуйста! Съ вами не говорятъ!—замѣтила Сашенька, окинувъ солдата горделивымъ взглядомъ.

— Извините, мадамъ!—сократился солдатъ, поставилъ локти на столикъ и сунулъ носъ въ обшлагъ.

— Смотрите, смотрите... вонъ онъ какую страшную гирю поднялъ!—шепнула Сашенька,—вотъ молодецъ!

Капитонъ перегнулся черезъ ея стулъ, и ихъ лица оказались близкими одно къ другому. Лицо дѣвушки пылало, блестящіе глаза съ напряженіемъ вглядывались въ фигуру атлета. Тяжелое, неровное дыханіе поднимало грудь Сашеньки. Капитонъ любовался ею, заглядывая ей въ глаза, голова его клонилась все ниже и ниже, одна рука скользнула со спинки стула, очутилась около таліи и уже готовилась коснуться ея...

— Вотъ я такихъ люблю... силачей!—шепнула Сашенька,— а на другихъ и глаза бы мои не смотрѣли...

— И на меня, значитъ?—задыхавшимся шепотомъ спросилъ Капитонъ.

— А чѣмъ вы лучше другихъ? Вотъ еще новость! Оставьте, пожалуйста!—воскликнула она, отбрасывая его руку отъ таліи.

— Сашенька, ангелочекъ! Любовь моя!

Словно желѣзными тисками Капитонъ обхватилъ ея талію.

— Любовь? Это еще что за новости! Слышите, оставьте, не то закричу! Вотъ еще навязался!.. Лѣшій!

Капитонъ вдругъ поблѣднѣлъ и поднялся.

— Ладно же!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Тяжелая гиря грохнула о помостъ. Фиргельдтъ раскланивался.

— Браво, браво! Фиргельдтъ, ура!—кричала публика, размахивая платками и шляпами.

— Борьбу! Покажь борьбу!—выдѣлился одинокій пьяный голосъ.

Капитонъ стоялъ у колонки, блѣдный, совершенно трезвый, изподлобья смотрѣлъ на Сашеньку и до крови кусалъ губы.

Вдругъ онъ увидѣлъ Порфирія, и плечами и локтями съ трудомъ пробиравшагося черезъ сплошную толпу возбужденныхъ зрителей и еще издали усиленно махавшаго ему платкомъ. Въ одинъ прыжокъ Капитонъ очутился въ саду.

— Иди... скорѣй... къ хозяину!—еле переводя духъ, крикнулъ Порфирій.

— А что, Порфирій Ильичъ?

— Иди, иди!—толкнулъ его въ спину Порфирій,—еще спрашиваетъ!—ворчалъ онъ, поспѣшая сзади,—зовутъ, стало быть надо!

— Худое что, Порфирій Ильичъ?

— Дурень! Хуже того не будетъ! Смотри, Капитонъ, меня старика не забудь! Я для тебя старался, самъ знаешь!

— Порфирій Ильичъ, да неужто? — обернулся тотъ.

— Иди, иди, знай!—снова толкнулъ его въ спину Порфирій,—хозяинъ хочетъ опросъ сдѣлать! Можетъ и не годишься!

— Порфирій Ильичъ?

— Да иди ты! Ишь, не своротить, дьявола!

Отъ окна кабинета, задрапированнаго спущенной шторой, на дорожку сада ложилась яркая широкая полоса свѣта. На шторѣ, подобно китайской тѣни, обрисовывался огромный силуэтъ человѣческой головы.

— Сидитъ... ждетъ! — шепнулъ Порфирій, — ну, маршъ за мной

Капитонъ переступилъ порогъ навѣса; сердце его билось и трепетало, какъ птица, пойманная въ клѣтку.

— Господи, благослови!—услышалъ его шопотъ Порфирій.

. . . .

— Милостивыя государыни и милостивые государи!—такъ началъ выступившій на сцену по окончаніи упражненій Фиргельдта, распорядитель, — маленькій, щупленькій человѣкъ семитическаго типа съ большою наклонностью къ гортанному произношенію рѣчи, — Г. Фиргельдтъ публично вызывалъ желающихъ съ нимъ бороться. Одинъ изъ публики высказалъ желаніи бороться съ г. Фиргельдтомъ...

Ревъ тысячной толпы, въ которомъ слышались крики: «браво, ура, валяй его», и еще что то, прервалъ рѣчь распорядителя и долго не давалъ ему продолжать начатое. Только сидѣвшіе ближе къ сценѣ съ трудомъ могли понять, что борьба будетъ швейцарская, на поясахъ и продлится 10 минутъ.

Побѣдитель получитъ обѣщанный призъ, — и публика, — добавилъ подогрѣтый возбужденіемъ толпы распорядитель,—получитъ, такимъ образомъ, сюрпризъ.

Однако, этотъ «сюрпризъ» стоилъ не малыхъ хлопотъ и Поросенкову, и распорядителю, и всѣмъ заинтересованнымъ въ немъ сторонамъ. Началось съ того, что Фиргельдтъ наотрѣзъ отказался бороться, даже безъ объясненія причинъ. Когда же ему сказали, что онъ самъ вызвалъ желающихъ изъ публики, что объ этомъ объявлено въ афишахъ, и что обманутая публика можетъ сдѣлать скандалъ, атлетъ сослался на усталость. Ему предложили отдохнуть. Тогда онъ пожелалъ увидѣть противника. Къ нему подвели обритаго, одѣтаго въ красную рубаху и шаровары, порядкомъ оробѣвшаго Капитона. Смекнувъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ профессіональнымъ борцомъ, Фиргельдтъ успокоился, перешелъ изъ приподнятаго топа въ благодушный, началъ шутить, подалъ руку Капитону, похлопалъ его по груди, по плечу, по ляжкамъ и, хотя посредствомъ такихъ охватываній убѣдился въ солидной мускулатурѣ противника, но теперь онъ его уже не боялся.

— Sie wollten sich über mich lustig machen, diese Russen!—сказалъ онъ секретарю,—desto schlimmer für sie!

И, сложивъ обѣ мощныя руки на груди, презрительно посматривая на всѣхъ, онъ ходилъ гоголемъ за кулисами.

— Какъ бы нѣмецъ не объегорилъ насъ!—шепнулъ распорядителю испуганный внезапной перемѣной въ атлетѣ Спиридонъ Поликарповичъ.

— Чѣмъ же объегоритъ-то?

— Мало-ли! Кто его знаетъ! Онъ бы моего человѣка не изуродовалъ. Пойдутъ спросы, дознаются, что я ему велѣлъ...

— Да вы и не велѣли вовсе! Онъ самъ захотѣлъ! И какъ онъ его изуродуетъ на швейцарской борьбѣ?

— А шутъ его знаетъ! На русскую, небось, не пошелъ.

— Ахъ, это все равно!—съ ужимкой воскликнулъ распорядитель.

— Какъ все равно? Вы знаете эту борьбу, что-ли?

— Конечно, знаю!

— Такъ вы и будьте судьею!

— Ну и буду! Что вы думаете: не буду? Хе!

— Нужно бы еще судій пригласить! Можетъ въ публикѣ найдутся?

— Извѣстно, найдутся! Ахъ, не бойтесь пожалуйста! Пригласимъ судій... колокольчикъ на столъ... все, все устроимъ! Не безпокойтесь пожалуйста! Сидите себѣ въ ложѣ и смотрите! Хе!

Но Поросенковъ продолжалъ волноваться. Онъ зазвалъ Капитона въ одну изъ уборныхъ (гдѣ и происходилъ процессъ

превращенія того въ «борца-любителя») и началъ ему внушать:

— Ты, смотри, братъ, не очень того... старайся! Какъ увидишь — не выгораетъ дѣло, — шутъ съ нимъ, брось нѣмца! Пусть онъ тебя валитъ. Отъ меня все равно пятишницу на чай получишь.

— Спиридонъ Поликарповичъ, за что же, помилуйте! — обидѣлся Капитонъ,—зачѣмъ я нѣмцу дамъ надъ собою куражиться! Насъ и въ полку учили не сдавать!

— Мало-ли что! Тутъ правила, знаешь ты это. На подножку никакъ невозможно, и подъ микитки — ни-ни! Помни!

— Знаю, Спиридонъ Поликарповичъ, сказывали! Зачѣмъ на подножку? Я на подлости не согласенъ! А только я долженъ стараться, чтобы, значитъ, по правиламъ.

— Старайся не старайся, а гдѣ тебѣ его одолѣть! Онъ, братъ, разныя Европы объѣздилъ... медали имѣетъ... а изъ себя-то какой здоровенный!

— Спиридонъ Поликарповичъ, позвольте вамъ изъяснить: онъ, нѣмецъ-то, почитай голый, оттого и кажется здоровенный, а я въ рубахѣ, портахъ... сапоги опять. Дозвольте снять и въ ихнюю одежду облачиться?

— Ни-ни!--испуганно замахалъ руками Поросенковъ, — и не думай! Я тебя тогда и на борьбу не выпущу! Ты долженъ быть въ національномъ костюмѣ!

— Какъ вамъ будетъ угодно!—покорно согласился Капитонъ.

Поросенковъ ушелъ въ ложу, но и тамъ чувствовалъ себя скверно. Главное,— не было подлѣ Ватрушкина, который сдѣлался для него просто необходимымъ человѣкомъ.

«И гдѣ это онъ шляется? — съ досадой думалъ Спиридонъ Поликарповичъ,—все, поди, по садамъ магарычи наколачиваетъ!

Единственно, что утѣшало немного Поросенкова, — это страшный наплывъ публики въ мѣста передъ сценой. Прежде, бывало, сидятъ десятка два зрителей постоянныхъ, а остальные безплатные, напущены «для видимости», а теперь и платныхъ некуда дѣвать. Всѣ запасныя скамейки въ ходъ пошли, у кассовой будочки публика стѣною стоитъ,—мѣстъ требуетъ.

Военный оркестръ съигралъ какой-то маршъ, и занавѣсъ поднялся. Въ глубинѣ сцены дѣйствительно стоялъ длинный, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, и виднѣлся колокольчикъ. Вышелъ распорядитель и, повторивъ условія борьбы, пригласилъ судій изъ публики. Тотчасъ же съ разныхъ концовъ поднялось нѣсколько человѣкъ; распорядитель указалъ имъ, какъ пройти на сцену. «Судьи», въ числѣ которыхъ многіе были въ картузахъ и «національномъ костюмѣ», взошли на

сцену и разсѣлись вокругъ стола. Между ними наиболѣе представительный и благородный по внѣшности, — въ котелкѣ и новомодномъ пальто, — былъ хозяинъ посудной лавки изъ сосѣдняго съ «Огненной землею» дома. Конечно, онъ и занялъ предсѣдательское мѣсто.

Съ правой и съ лѣвой стороны сцены вышли борцы. Появленіе рослаго, красиваго мужика въ красной рубахѣ было встрѣчено публикой съ энтузіазмомъ.

На обоихъ борцахъ были надѣты пояса, собственно не столько швейцарскаго, сколько русскаго изобрѣтенія: съ двумя кожаными поручнями, приходившимися около бедеръ, пояса эти были крѣпко затянуты пряжкой, испробованы и борцы подошли къ авансценѣ.

Обмѣнявшись рукопожатіями, каждый ухватился за поручни противника и борьба началась. Фиргельдтъ попробовалъ взять быстрымъ натискомъ и неожиданностью, но къ великому смущенію не могъ сразу поднять противника. Не будучи знакомъ съ борьбою, Капитонъ рѣшилъ только сопротивляться, но самое сопротивленіе опытному и ловкому борцу, какимъ былъ Фиргельдтъ, стоило ему не малыхъ усилій. Съ непривычки онъ почти задыхался. Осѣкшись на первомъ пріемѣ, Фиргельдтъ разозлился: лицо его сдѣлалось краснымъ, жилы на шеѣ и на лбу вздулись. Въ душѣ онъ не могъ себѣ простить, что согласился бороться съ неучемъ. Чортъ знаетъ, чѣмъ могло все это кончиться! Фиргельдтъ уже не разсчитывалъ поднять противника силою, оставалось воспользоваться знаніемъ и ловкостью. Но кто могъ поручиться за каждую слѣдующую минуту? А вдругъ этому русскому медвѣдю вздумается его поднять, сдавить и что тогда? Злила его также и публика, поощрявшая криками почти каждое ихъ движеніе.

— Бѣлый, не сдавай!—кричали въ толпѣ.

— Напри, напри, красный! Вотъ такъ! Вотъ еще!

И вдругъ вся эта тысячная толпа издала торжествующій ревъ... Капитонъ приподнялъ Фиргельдта и, какъ лодочку на каруселяхъ, раза два «покаталъ» вокругъ себя. Одна минута и всѣ ждали, что онъ сильнымъ движеніемъ опрокинетъ противника на спину, но Фиргельдтъ уперся ногами въ полъ и шансы обоихъ сравнялись. Опять плечо въ плечо, съ широко раздвинутыми ногами, тяжело переступая, тяжело дыша, противники заходили по сценѣ.

Вдругъ хозяинъ посудной лавки съ колокольчикомъ въ рукѣ приподнялся за столомъ и началъ усиленно звонить.

Противники тотчасъ расцѣпились и отошли. Мѣсто ихъ занялъ распорядитель, который объявилъ, что срокъ борьбы истекъ и она окончилась «ни въ чью». Публика осталась недовольной, но Спиридонъ Поликарповичъ былъ въ восторгѣ.

Онъ самъ не помнилъ, какъ очутился за сценой, тотчасъ же приказалъ распорядителю выдать «молодцу» обѣщанные пять рублей и дошелъ до такого забвенія хозяйскаго достоинства, что даже пожалъ руку Капитона.

Впрочемъ, жалъ ему руку не онъ одинъ: Капитона окружала цѣлая кучка мужчинъ, поздравлявшихъ его съ «успѣхомъ». Тутъ были просто зрители и любители атлетическихъ упражненій, и люди, мнившіе себя силачами, и даже одинъ профессіональный атлетъ. Между ними выдѣлялся особенной юркостью благообразный господинъ безъ усовъ, съ небольшими бачками, съ массивной золотою цѣпочкой на жилетѣ. Онъ все юлилъ передъ Капитономъ, все собирался ему сказать, и даже шепнулъ что то, отъ чего Капитонъ пришелъ въ большое смущеніе, но какъ только Поросенковъ примѣтилъ этого навязчиваго господина, такъ тотчасъ же взялъ Капитона за руку и увелъ въ уборную, приказавъ попавшемуся на глаза плотнику пригласить туда же распорядителя.

— Ну, братъ, поздравляю!—воскликнулъ Поросенковъ,—молодца, право слово, молодца! Какъ ты его приподнялъ! Ловко!

— Фиргельдъ жалуется, что борьба была кратковременна! Онъ говоритъ, что еще черезъ пять минутъ онъ былъ бы побѣдителемъ!—сказалъ вошедшій распорядитель.

— Ну, и пусть его жалуется! А мнѣ наплевать!—заявилъ Поросенковъ, — хочетъ, пускай завтра борется! Выйдешь съ нимъ на борьбу, Капитоша?

— Сколько угодно, Спиридонъ Поликарповичъ!—тряхнулъ волосами Капитонъ,—я его не боюсь! Потому я его повадку съ однова узналъ...

— Ой ли? — въ восторгѣ воскликнулъ Поросенковъ,—ну и молодецъ же ты, парень!

— На другую борьбу не пойду, а на эту сколько угодно!

— Такъ, такъ! А только тебѣ нужно и другую изучить! Непремѣнно нужно! Будешь у меня жить, я тебѣ учителя представлю!

— Отчего не жить!—какъ то неохотно согласился Капитонъ.

Спиридонъ Поликарповичъ пытливо воззрился на него; выраженіе безпокойства промелькнуло въ его шельмовскихъ глазкахъ.

— Ну, и отлично! Жалованьемъ я тебя не обижу! Не обижу, не бойся! Теперь ступай себѣ, отдохни, нечего тебѣ за столикомъ стоять, а завтра утречкомъ мы поговоримъ.

Капитонъ вышелъ. Поросенковъ таинственно поманилъ къ себѣ распорядителя и усадилъ рядомъ.

— Вотъ что, Осипъ Абрамовичъ,—началъ онъ,—мужикъ то оказался шельмоватый! Какъ бы намъ его прикрутить?

— Какъ прикрутить?

— Да такъ, обвязать какъ ни на есть, чтобы онъ, шельмецъ, отъ насъ не сбѣжалъ. Сбѣжитъ, вѣдь! Какъ пить дать, сбѣжитъ!

— Какъ же? Ужъ я не знаю? Условіе, что ли, заключить?

— Во, во!—воскликнулъ Поросенковъ,—не условіе, Осипъ Абрамовичъ, а контрактъ, какъ есть форменный контрактъ, на законной бумагѣ, да покрѣпче его, покрѣпче! закрутилъ онъ кулаками.

— Это ужъ нужно къ адвокату обратиться!

— Зачѣмъ къ адвокату? А Ватрушкинъ на что! Ватрушкинъ у меня лучше всякаго адвоката. Къ нему нужно спосылать сегодня же чтобы онъ завтра раненько тутъ былъ. И бумагу бы прихватилъ, какая требуется!

— Хорошо, я пошлю. Поздно уже, вотъ что!

— Ничего, ничего, что поздно! Пошлите, пожалуйста, Осипъ Абрамовичъ, да пошлите человѣка потолковѣе!

— Хорошо, хорошо, не безпокойтесь! Хе!

Капитонъ вышелъ въ садъ. Публика расходилась, хотя и не совсѣмъ удовлетворенная, но до нѣкоторой степени насладившаяся зрѣлищемъ борьбы. Оркестръ еще игралъ, но въ саду оставалось очень мало народу, и то въ павильонахъ, за столиками. Капитонъ нарочно прошелъ мимо своего павильона. Сашенька сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, и не одна; съ нею былъ «г. Ивановъ». Они пили лимонадъ съ коньякомъ. Сашенька смѣялась, закидывая голову назадъ и изъ подъ черной косынки обнаруживая замѣчательно бѣлую, нѣжную шею. Кавалеръ покровительственно смотрѣлъ на нее черезъ пенснэ и тянулъ изъ бокала.

Капитонъ прошелъ очень близко отъ нихъ. И, странное дѣло: въ то время, когда онъ, пріостановившись на секунду, смотрѣлъ на хохочущую Сашеньку и думалъ, что она не узнала его въ одномъ изъ боровшихся, что ей даже и не интересно было знать, онъ ли это тотъ, который былъ въ красной рубахѣ, что ей до него нѣтъ никакого дѣла, онъ вдругъ почувствовалъ, что и она ему теперь совершенно чужда, что ему также до нея нѣтъ никакого дѣла.

И онъ спокойно прошелъ мимо. На поворотѣ аллеи ему показалось, что кто то слѣдитъ за нимъ. Онъ обернулся. Человѣкъ въ котелкѣ, шедшій позади, показался ему похожимъ на того благообразнаго господина съ бачками, который юлилъ около него за сценой.

— Тс! Послушайте!—шепнулъ благообразный господинъ.

Капитонъ остановился. Господинъ въ одну минуту подцѣпилъ его подъ руку.

— Послушайте, поѣдемте закусить къ «Бель-вю»! Мнѣ

очень нужно сказать вамъ нѣсколько словъ! Для вашей же пользы, понимаете! Для вашей пользы!

— Помилуйте! Какъ же я такъ?

— Ахъ, это пустяки! Мы сядемъ въ отдѣльный кабинетъ!— воскликнулъ господинъ, быстрымъ взглядомъ окинувъ Капитона,—пожалуйста, не безпокойтесь! Повторяю вамъ, вы ничего не потеряете, только выиграете Для вашей пользы!.. Понимаете?

Они дошли до выхода изъ сада и господинъ съ бачками, все продолжая держать Капитона подъ руку, крикнулъ извощика.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

К. Баранцевичъ.

«Распространеніе университетскаго образованія» въ Англіи, Америкѣ и Россіи *).

Я не знаю, нужно ли объяснять большинству русскихъ читателей, что значитъ «распространеніе университетскаго образованія» въ ковычкахъ. Наша печать не разъ уже возвращалась къ великому движенію, охватившему въ послѣднія два десятилѣтія Англію и Америку и извѣстному подъ спеціальнымъ названіемъ «University Extension». Всѣ знаютъ, что смыслъ этого движенія заключается въ демократизаціи высшей школы, въ стремленіи приблизить университетъ къ народу и сдѣлать образованіе, пріобрѣтавшееся до сихъ поръ только извѣстными общественными слоями, въ опредѣленномъ возрастѣ и преимущественно для профессіональныхъ цѣлей, достояніемъ всего народа и задачей цѣлой жизни, ея необходимымъ составнымъ элементонъ, наряду съ театромъ, музыкой и т. п. Менѣе извѣстно то, какими способами достигаетъ движеніе University Extension предположенныхъ имъ цѣлей. Можетъ быть, поэтому до сихъ поръ не было сдѣлано и попытки обсудить пе-

---

*) Aspects of modern study, being University Extension addresses (by Lord Playfair, Canon Browne, Mr. Goschen, Mr. john Morley, sir James Paget, prof. Max Müller, the duke of Argyll, the bishop of Durham, and prof. Jebb) Lond. 1894. *W. T. Harris*—University and School Extension, Syracuse, 1890. University Extension Congress. London 1894. Report of the proccedings, including the reports of the expert commitees submitted to and adopted by the congress. Циркуляры, бюллетеии и силлабусы University of the State of New Jork, Extension department, Albany N. Y. (Библіографическій списокъ ихъ см. въ циркулярѣ № 27). Различныя изданія Шотоквы и Кембриджскаго синдиката для устройства Local Lectures. Лекція T. I. Lawrence на 4-мъ лѣтнемъ съѣздѣ въ Кембриджѣ, см. Report of the fourth summer meeting July 29—angust 26, 1893. Послѣдніе американскіе Reports of the Commisioner of Educalton. Болѣе старый матеріалъ по англійскому University Extension разработанъ въ обстоятельныхъ статьяхъ *А. С. Окольскаго*. Реформа англійскихъ университетовъ въ XIX столѣтіи, Русская Мысль 1892, №№ 1, 2, 4, 5. См. также корреспонденцію изъ Лондона, напечатанную въ № 1 «Недѣли» за 1895 г. Американскому University Extension посвящена особая глава въ только что вышедшей книгѣ *Д. П.* „Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ". Спб. 1895 (стр. 159—182).

чатно, въ какой степени эти способы, уже испытанные въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, могутъ оказаться пригодными для Россіи. Настоящій моментъ, когда вопросы самообразованія начинаютъ серьезно интересовать значительную часть русскаго общества, кажется намъ самымъ подходящимъ для того, чтобы остановить вниманіе читателей на образовательныхъ пріемахъ University Extension и на вопросѣ объ ихъ приложимости у насъ.

«Книгопечатаніе пустило въ народный оборотъ книгу; теперь остается вслѣдъ за книгой послать учителя». Въ этой формулѣ историческая миссія и основной пріемъ University Extension очерчены чрезвычайно мѣтко. Можно согласиться съ руководителями движенія, что «распространеніе университетскаго образованія» призвано «довершить ту реформу общественнаго просвѣщенія, первый шагъ къ которой положенъ изобрѣтеніемъ Гуттенберга», и что средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть утилизація для народа тѣхъ усовершенствованныхъ способовъ высшаго образованія, которые и послѣ изобрѣтенія Гуттенберга продолжали составлять монополію высшей школы. Нѣсколько историческихъ справокъ, — часто приводимыхъ сторонниками University Extension — могутъ оказаться не безполезными для выясненія этой исторической параллели. Смыслъ ея тотъ, что какъ старый средневѣковый университетъ потерялъ свое привиллегированное положеніе съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, такъ новый университетъ долженъ подѣлиться съ народомъ своими преимуществами посредствомъ University Extension. До изобрѣтенія книгопечатанія единственнымъ способомъ распространенія образованія была устная передача. Книгъ не было, и не было возможности ихъ пріобрѣсти. Даже очень богатые люди могли купить не болѣе дюжины книгъ; людямъ средняго достатка и бѣднякамъ не оставалось другого средства пріобрѣтать книги, какъ дѣлать книги самимъ. При такихъ условіяхъ возникали въ Европѣ древнѣйшіе университеты: естественно, что и вся форма университетскаго преподаванія прямо приспособлена была къ удовлетворенію потребности въ книгѣ. Въ университетѣ можно было услыхать самыя цѣнныя книги: люди съ учеными степенями диктовали ихъ медленно и отчетливо, такъ что каждый студентъ могъ записать для себя точную копію такой книги. Потомъ онъ могъ отправиться къ другому преподавателю, въ другой университетъ; каждый преподаватель диктовалъ ему свою книгу,—и въ результатѣ у студента составлялся драгоцѣнный складъ мало кому доступной премудрости. Конечно, вся эта премудрость давала очень своеобразное направленіе знанію. Знали не предметъ, а свою книгу; были великіе ученые, которые наизусть выучили всего Аристотеля или Платона, и въ то же время провалились бы на самомъ снисходительномъ экзаменѣ изъ философіи.

Естественно, что аудиторіи старинныхъ университетовъ, игравшихъ заразъ роль типографій и книжныхъ лавокъ, были огромны.

Юридическія лекціи въ Болоньѣ привлекали до 20,000 студентовъ; въ Парижъ 500 лѣтъ тому назадъ стекалось до 50,000—на 7,000 больше, чѣмъ было въ 1881 году во всѣхъ 26 факультетахъ всей Франціи. Оксфордъ во время Рожера Бэкона привлекалъ столько слушателей, сколько теперь вмѣщаютъ 25 наиболѣе богатыхъ студентами университетовъ Германіи. Отливъ былъ произведенъ распространеніемъ книгопечатанія: въ 1500 г. въ Оксфордѣ было втрое меньше (5,000) студентовъ, чѣмъ за сто лѣтъ раньше (15,000); а теперь число ихъ еще вдвое упало (2,600).

Университеты, конечно, не были упразднены изобрѣтеніемъ Гуттенберга. Но задача ихъ должна была кореннымъ образомъ измѣниться. Знаніе могло теперь пріобрѣтаться вездѣ, такъ какъ книга стала доступна всѣмъ. Не было уже смысла диктовать ее съ каѳедры, хотя старый цеховой обычай и уцѣлѣлъ до нашего времени. Жизнь требовала, во всякомъ случаѣ, чтобы университетъ взялъ на себя примѣненіе *улучшенныхъ* способовъ передачи знанія: его новѣйшей задачей сдѣлалось живое руководство занимающимися, ознакомленіе ихъ съ методомъ усвоенія и разработки науки, доставленіе пособій, наконецъ, провѣрка знаній и формальная оцѣнка ихъ передъ обществомъ—путемъ экзаменовъ и дипломовъ. Эти-то новые способы пріобрѣтенія высшаго образованія, считавшіеся до сихъ поръ неотъемлемою принадлежностью университета, University Extension стремится сдѣлать достояніемъ лицъ, чуждыхъ университету. И непосредственное руководство занятіями, и живой обмѣнъ мыслей между руководителями и студентами, и доставленіе пособій, и даже производство оффиціальныхъ экзаменовъ — все это становится доступнымъ для народной аудиторіи точно также, какъ для университетской. Этимъ путемъ является, дѣйствительно, возможность раздвинуть стѣны университета далеко за предѣлы университетскихъ зданій и привести университетъ въ соприкосновеніе съ такими уголками страны, съ такими слоями общества, которые никогда не могли бы сами придти къ университету. Стремленіе къ пріобрѣтенію высшаго образованія, такимъ образомъ, снова принимаетъ тотъ народный характеръ, которымъ оно отличалось въ эпоху основанія первыхъ европейскихъ университетовъ. И правительства все болѣе приходятъ къ сознанію небходимости признать «распространеніе университетскаго образованія» одною изъ нормальныхъ составныхъ частей системы народнаго просвѣщенія.

Характеристикѣ пріемовъ University Extension необходимо предпослать хотя бы краткій историческій очеркъ этого движенія. Очеркъ этотъ покажетъ намъ, какими разнообразными путями «распространеніе университетскаго образованія» приходило къ установленію однѣхъ и тѣхъ же нормъ. Родиной движенія слѣдуетъ признать Англію; его началомъ — первую половину семидесятыхъ годовъ. University Extension явилось въ Англіи плодомъ соединенныхъ усилій общества и университета; въ послѣдніе годы ему

пришло на помощь земство (county councils), а въ настоящее время обсуждается вопросъ о долѣ участія, какое можетъ принять въ движеніи правительство. Университетъ сдѣлалъ «первый и самый важный шагъ», установивъ «мѣстные экзамены» въ различныхъ частяхъ Англіи для не-студентовъ. Вслѣдъ за установленіемъ экзаменовъ естественно явился вопросъ: не можетъ-ли университетъ не только экзаменовать, но и учить? Публичныя лекціи въ провинціи давно уже не были рѣдкостью для Англіи. Но дѣло шло не о томъ, чтобы читать простыя публичныя лекціи. «Преподаваніе должно было сохранить университетскій характеръ», замѣчаетъ одинъ изъ иниціаторовъ движенія, вспоминая о его началѣ. «Это долженъ былъ быть не рядъ популярныхъ лекцій, въ которыхъ съ послѣдними словами, произнесенными лекторомъ съ каѳедры, кончается его задача. Образцомъ должны были послужить занятія въ университетской аудиторіи, т. е. лекціи серьезнаго характера, научно-обоснованныя и сообщающія точныя свѣдѣнія по извѣстному спеціальному вопросу, причемъ лекторъ принимаетъ мѣры, чтобы удостовѣриться, насколько слушатели за нимъ слѣдили и въ какой степени они себѣ усвоили тѣ вопросы, на которыхъ онъ останавливался. Предполагалось, что аудиторія должна работать такъ же усердно, какъ самъ лекторъ. Отъ популярной лекціи, какъ бы она ни была талантлива, такое чтеніе отличается не только количественно, но и качественно. Популярная лекція хороша на своемъ мѣстѣ, для многолюдной аудиторіи; университетскія лекціи въ провинціи съ самаго начала преслѣдовали совершенно иную задачу. Сами по себѣ онѣ часто далеко не такъ привлекательны, какъ популярныя лекціи, не такъ хорошо обработаны и неспособны привлечь такую многочисленную публику. Ихъ цѣль—сообщить солидныя познанія на научной основѣ,—и для занимающихся онѣ болѣе полезны, хотя и менѣе блестящи. Это то, въ чемъ нуждаются желающіе серьезно учиться; для такихъ эти лекціи и предназначаются».

Вотъ что предлагалъ университетъ, въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей, заинтересовавшихся «распространеніемъ университетскаго образованія» въ обществѣ. Въ первый разъ предложеніе подобнаго рода сдѣлано было кембриджскимъ профессоромъ Джемсомъ Стюартомъ въ 1867 году, въ отвѣтъ на приглашеніе одного женскаго педагогическаго общества на сѣверѣ Англіи прочесть имъ курсъ педагогики. Проф. Стюартъ полагалъ, что педагогическіе пріемы лучше всего изучать на практикѣ, и выразилъ готовность показать, какъ онъ преподаетъ астрономію. Систему отдѣльныхъ лекцій онъ находилъ недостигающей цѣли и предложилъ прочесть небольшой курсъ изъ 8-ми лекцій. Эти-то лекціи Стюарта, повторенныя передъ учителями въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Шеффильдѣ и Лидсѣ, послужиили основой для выработки тѣхъ педагогическихъ пріемовъ University Extension, о которыхъ намъ придется говорить ниже. Спросъ на лекціи университетскаго типа

быстро возрасталъ, провинціальныя педагогическія общества наперерывъ обращались къ кембриджскому университету съ просьбами снабжать ихъ лекторами и выработать планъ высшаго образованія, соотвѣтствующій потребностямъ членовъ этихъ обществъ. «По тщательномъ разсужденіи, университетъ въ 1872 году назначилъ комитетъ («синдикатъ») для изысканія наилучшаго способа разрѣшенія вопроса; затѣмъ этотъ комитетъ уполномоченъ былъ втеченіе двухъ лѣтъ произвести опытъ устройства лекцій и классовъ въ нѣсколькихъ многолюдныхъ центрахъ и опытъ провѣрки результатовъ этихъ занятій съ помощью экзаменовъ. Результаты оказались удовлетворительными; синдикатъ сдѣланъ былъ постояннымъ учрежденіемъ и уполномоченъ устраивать курсы лекцій и классовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя найдетъ подходящими и гдѣ покрытіе необходимыхъ расходовъ будетъ гарантировано изъ мѣстныхъ источниковъ. Дѣятельность синдиката расширялась очень быстро. Въ первыя же 9 лѣтъ лекціи были устроены болѣе чѣмъ въ 60-ти городахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, благодаря участію какого-нибудь мѣстнаго учрежденія или при помощи вновь устроеннаго колледжа, чтеніе лекцій по типу University Extension сдѣлалось постояннымъ; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ синдикату пришлось прекратить попытки устройства лекцій, за неимѣніемъ достаточной поддержки со стороны мѣстнаго общества. Въ итогѣ, съ 23—29 курсовъ 1873—1874 гг. количество лекцій, устроенныхъ кембриджскимъ синдикатомъ, поднялось до 329 въ 1891—1892 гг. Но эта высокая цифра объясняется временнымъ устройствомъ техническихъ лекцій для земствъ *), въ 1893—1894 гг. она упала до болѣе или менѣе постояннаго размѣра 136.

За Кембриджемъ пять лѣтъ спустя (1878) послѣдовалъ Оксфордъ. Но найдя поле дѣйствія уже занятымъ, Оксфордъ на первыхъ порахъ далеко не могъ достигнуть того же успѣха, какъ Кембриджъ. Тогда оксфордскіе руководители движенія направили свою дѣятельность нѣсколько въ другую сторону. Кембриджъ предлагалъ дорогіе и тяжеловѣсные (по 12 лекцій) курсы для крупныхъ центровъ. Оксфордъ съ 1885 г. сталъ устраивать короткіе курсы или даже одиночныя лекціи и съ этими лекціями обращался къ менѣе значительнымъ, даже деревенскимъ поселеніямъ, не имѣвшимъ возможности ни собрать аудиторіи, ни оплатить издержекъ, необходимыхъ для нормальнаго кембриджскаго курса. Съ этихъ поръ и въ Оксфордѣ движеніе быстро пошло впередъ. «Результаты вполнѣ оправдали» оксфордскую систему короткихъ курсовъ; эта система «на практикѣ сдѣлала доступнымъ распространеніе университетскаго образованія для каждаго англійскаго мѣстечка». Позже мы увидимъ, что обѣ системы подѣлились взаимными достоинствами.

---

*) См. объ этомъ въ моей статьѣ «Лѣтній университетъ въ Англіи» *Міръ Божій*, 1894 г., № 5.

Въ самомъ Лондонѣ до послѣдняго времени не было «университета» въ смыслѣ учрежденія, въ которомъ бы читались лекціи. Вмѣсто университета здѣсь выступило въ роли представителя University Extension особое «Лондонское общество для распространенія университетскаго образованія», поставившее своей задачей устраивать занятія по типу University Extension въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ. Основанное въ 1875 г., оно не мало сдѣлало для объединенія различныхъ педагогическихъ учрежденій столицы и университетовъ подъ общимъ знаменемъ University Extension. Въ «совѣтѣ» общества засѣдаютъ представители главныхъ педагогическихъ учрежденій; «соединенное университетское бюро», въ составъ котораго входятъ по три члена отъ университетовъ Оксфордскаго, Кембриджскаго и Лондонскаго, назначаетъ лекторовъ и экзаменаторовъ и наблюдаетъ за преподаваніемъ совмѣстно съ «совѣтомъ».

Если Англія выработала для University Extension форму провинціальныхъ лекцій университетскаго типа, то Америкѣ принадлежитъ честь созданія другихъ формъ «распространенія университетскаго образованія»: именно, лѣтнихъ съѣздовъ и руководства занятіями по перепискѣ. Годъ спустя послѣ той осени 1873 года, въ которую кембриджскіе профессора прочли свои первыя университетскія лекціи въ Ноттингэмѣ, Дерби и Лейстерѣ, состоялся въ Америкѣ первый лѣтній съѣздъ въ Шотоквѣ. Движеніе началось здѣсь отъ церкви,—какъ въ Англіи оно началось отъ университета. Шотоква—небольшой городокъ, расположенный въ живописной мѣстности, на полъ-дорогѣ изъ Нью-Іорка въ Чикаго. Городокъ этотъ выросъ вслѣдствіе университетскаго движенія и населенъ исключительно учащими и учащимися. Въ своей извѣстной книгѣ *) проф. Янжулъ нарисовалъ яркую картину того оживленія, которое охватываетъ Шотокву во время ежегоднаго лѣтняго съѣзда учащихся—въ іюлѣ и въ августѣ. Въ началѣ движенія, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Шотоквѣ не существовало еще никакихъ педагогическихъ учрежденій и никакихъ приспособленій для удобнаго и пріятнаго препровожденія времени. Двое иниціаторовъ движенія, Льюисъ Миллеръ и (впослѣдствіи епископъ) Джонъ Винсендъ, устраивая лѣтній съѣздъ 1874 года, преслѣдовали спеціальную и очень ограниченную цѣль. Они желали поднять педагогическій уровень преподавателей въ воскресныхъ школахъ. Средствомъ для достиженія этой цѣли они считали, съ одной стороны, преподаваніе педагогики, съ другой,—серьезное изученіе библейской литературы. Успѣхъ перваго съѣзда поощрилъ иниціаторовъ къ устройству подобныхъ съѣздовъ и въ послѣдующіе годы. Въ программу занятій введены были мало по малу и другія области знанія; продолжительность съѣзда была увеличена съ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, помимо лѣтнихъ съѣздовъ, Шотоква ввела у себя другіе способы распро-

---

*) Въ поискахъ лучшаго будущаго.

страненія высшаго образованія. Въ 1878 году основанъ былъ «литературный и научный кружокъ Шотоквы», поставившій своей задачей помочь самообразованію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ кружковъ посредствомъ письменныхъ сношеній. Съ этою цѣлью «литературный и научный кружокъ» выработалъ четырехгодичную программу домашняго чтенія по исторіи, литературѣ, точнымъ наукамъ и искусству. По каждому изъ этихъ предметовъ спеціалистами были указаны книги для чтенія. Самое чтеніе распредѣлено было по мѣсяцамъ и недѣлямъ; всѣ нужныя поясненія и указанія для очередного чтенія каждаго мѣсяца дѣлались въ особомъ, спеціально для этой цѣли предназначенномъ журналѣ (The Chautauquan).

Новыя формы, выработанныя Америкой, скоро перенесены были въ Англію. Оксфордъ съ 1888 года началъ устраивать лѣтніе съѣзды для слушанія лекцій, въ подражаніе Шотоквѣ; а два года спустя къ нему присоединился и Кембриджъ, не ограничившійся, притомъ, однимъ чтеніемъ лекцій, а предложившій студентамъ своихъ серьезныхъ зимнихъ курсовъ и лѣтнія занятія въ лабораторіяхъ. Было заимствовано у Шотоквы и руководство домашнимъ чтеніемъ по перепискѣ: для этой цѣли возникъ въ Лондонѣ особый «національный союзъ домашняго чтенія» (National home reading union), выработавшій рядъ параллельныхъ курсовъ для «спеціальнаго», «общаго» и «юношескаго» (или скорѣе, дѣтскаго) чтенія. Указанія по каждому изъ этихъ трехъ курсовъ дѣлаются, по примѣру Шотоквы, въ особомъ ежемѣсячномъ журналѣ.

Въ свою очередь, и Америка воспользовалась типомъ провинціальныхъ лекцій, выработаннымъ Англіей. Первыми піонерами англійскаго движенія были здѣсь лекторы, составившіе себѣ извѣстность и пріобрѣтшіе опытность въ Англіи. Зимой 1887—1888 г. д-ръ Бемисъ прочелъ въ публичной библіотекѣ города Буффало первый систематическій курсъ лекцій по способу University Extension. Это было чисто частное предпріятіе: д-ръ Бемисъ не былъ уполномоченнымъ какого-бы то ни было общественнаго или правительственнаго учрежденія. Однако же, лекціи имѣли большой успѣхъ, заинтересовали американскую публику и Шотоква была первымъ учрежденіемъ, поспѣшившимъ усвоить себѣ новую форму распространенія высшаго образованія. Съ 1889 г. Шотоква начинаетъ снабжать своими лекторами всевозможныя мѣстныя ассоціаціи, публичныя библіотеки, рабочіе союзы, научные клубы и тому подобныя учрежденія, обращавшіяся къ ея содѣйствію. Пріемы чтенія лекцій во всѣхъ существенныхъ чертахъ были заимствованы изъ Англіи.

Но рѣшительнымъ шагомъ, упрочившимъ будущность американскаго University Extension, было основаніе въ Филадельфіи частнаго общества распространенія университетскаго образованія. Дѣло устроено было съ чисто американской быстротою. Въ февралѣ 1890 г. д-ръ Пепперъ, provost пенсильванскаго университета, собралъ въ своей квартирѣ небольшой кружокъ лицъ, чтобы обсудить

способы содѣйствія новому движенію. Весной того же года результаты этого обсужденія были изложены публично д-ромъ Эдемсомъ изъ Балтимора передъ обширной аудиторіей, состоявшей изъ интеллигентной публики, а 1 іюня былъ уже готовъ предварительный проектъ организаціи «Филадельфійскаго общества». Въ ноябрѣ состоялся въ Филадельфіи новый митингъ, привлекшій общественное вниманіе къ предпріятію Филадельфійскаго общества; а въ слѣдующемъ зимнемъ сезонѣ возбужденный въ публикѣ интересъ выразился устройствомъ болѣе чѣмъ 40 курсовъ съ аудиторіей больше чѣмъ въ 60 тысячъ человѣкъ. Главнымъ виновникомъ такого быстраго успѣха общества былъ приглашенный изъ Англіи талантливый лекторъ Мультонъ (Кембриджъ). Его чтенія о древней и новой литературѣ (Эврипидъ, Фаустъ Гете, Мильтонъ, Шекспиръ) привлекали цѣлыя толпы слушателей. Въ Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Балтиморѣ и Вашингтонѣ онъ повсюду встрѣчалъ самый восторженный пріемъ — и вездѣ распространялъ точныя свѣдѣнія объ англійскихъ пріемахъ University Extension, поясняя эти пріемы примѣромъ собственныхъ лекцій. Мультонъ сдѣлался, такимъ образомъ, «настоящимъ апостоломъ University Extension въ Соединенныхъ Штатахъ». Въ нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря его пропагандѣ, распространеніе университетскаго образованія стало въ Америкѣ на твердую почву и пріобрѣло множество ревностныхъ сторонниковъ. Необычайный успѣхъ движенія побудилъ Филадельфійское общество уже 23 декабря 1890 г. принять новое названіе «Американскаго общества для распространенія университетскаго образованія». Такимъ образомъ, мѣстное общество превратилось въ національное.

Шотоква и Американское общество до послѣдняго времени оставались главными центрами распространенія университетскаго образованія. Но параллельно съ развитіемъ University Extension въ этихъ центрахъ—и совершенно независимо отъ нихъ—подобныя же попытки были сдѣланы цѣлымъ рядомъ педагогическихъ организацій въ Америкѣ; и нѣкоторымъ изъ этихъ второстепенныхъ центровъ предстоитъ блестящая роль въ дальнѣйшемъ развитіи движенія. Прежде всего надо замѣтить, что въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, широкое распространеніе простыхъ публичныхъ лекцій задолго предшествовало новому движенію. Отъ обыкновенныхъ лекцій многія педагогическія учрежденія Америки постепенно и незамѣтно переходятъ къ настоящему University Extension. Въ числѣ такихъ учрежденій важную роль съиграли въ распространеніи движенія американскіе «лицеи», выставившіе цѣлый рядъ блестящихъ лекторовъ, а также учительскіе и сельско-хозяйственные («фермерскіе») общества и съѣзды, приглашавшіе для чтенія лекцій университетскихъ профессоровъ. На всемъ «западѣ» Соединенныхъ Штатовъ и до сихъ поръ эти учрежденія продолжаютъ играть свою подготовительную роль къ введенію настоящаго University Extension. Но на востокѣ на первый планъ уже съ семидесятыхъ годовъ стали вы-

двигаться, въ роли организаторовъ публичныхъ лекцій, университеты. Университетъ Джона Гопкинса въ Балтиморѣ съ самаго своего открытія въ 1876 г. началъ устраивать систематическіе курсы публичныхъ лекцій. Не употребляя фирмы University Extension, университетъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствовалъ въ духѣ этого движенія. Хотя публичныя лекціи читались въ самомъ городѣ, въ аудиторіяхъ университета, тѣмъ не менѣе, съ помощью печатныхъ изданій, вліяніе этихъ лекцій распространялось на весь штатъ Мерилендъ, и даже за предѣлами штата. Зимой 1887 г. университетъ Гопкинса началъ вводить у себя пріемы англійскаго University Extension. Для устройства лекцій въ провинціи университетъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными обществами религіознаго и педагогическаго характера, съ рабочими союзами и т. п. Между прочимъ, при чтеніи лекцій сдѣлана была здѣсь оригинальная попытка примѣнить кооперативный принципъ. Двѣнадцать лекторовъ читали совмѣстный курсъ въ 12 лекцій: каждый лекторъ взялъ на себя одну изъ лекцій курса и повторялъ ее во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были устроены чтенія.

Но самый важный шагъ впередъ въ развитіи University Extension — не только для Америки, но и для всего свѣта — сдѣланъ былъ университетомъ штата Нью-Іорка. Университетъ этотъ не есть учебное заведеніе, а высшая инстанція для завѣдыванія всѣми высшими учебными заведеніями, библіотеками, музеями и др. учрежденіями штата, служащими дѣлу высшаго образованія. Въ вѣдомствѣ университета состоитъ 410 различныхъ учрежденій. Этотъ характеръ «университета штата Нью-Іорка», какъ учрежденія контролирующаго и экзаменующаго, былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для того, чтобы ввести въ его рамки новое движеніе. Экзамены и безъ того производились университетомъ для всякаго желающаго, гдѣ бы онъ ни пріобрѣлъ необходимыя для экзамена познанія. Ничего не могло быть естественнѣе, какъ причислить къ числу учрежденій, контролируемыхъ «университетомъ», — и организацію провинціальныхъ лекцій по университетскому типу. Вопросъ объ отношеніи университета къ University Extension поднятъ былъ уже въ 1888 году и обсуждался на «конвокаціяхъ» *) двухъ слѣдующихъ годовъ. Комитетъ, назначенный для обсужденія этого вопроса въ 1890 г., высказался за участіе университета въ University Extension, съ той только оговоркой, что уровень университетскаго образованія и экзаменныхъ требованій для кліентовъ University Extension не долженъ быть понижаемъ. Послѣ того, въ февралѣ 1891 г., регенты постановили къ числу четырехъ прежде существовавшихъ

*) Годичное собраніе «регентовъ» университета и представителей подвѣдомственныхъ ему учрежденій. «Регенты» (включая губернатора, намѣстника, секретаря штата и завѣдующаго народнымъ просвѣщеніемъ) выбираются для текущаго завѣдованія университетскими учрежденіями — такимъ же способомъ, какъ сенаторы Соединенныхъ Штатовъ.

отдѣленій «университета» (правленіе, экзамены, библіотека и музей штата) присоединить пятое—специально для организаціи University Extension—и приступить къ устройству правительственной системы University Extension. Важность этого шага видна изъ послѣдующихъ мѣръ.

Вновь открытый комитетъ для распространенія университетскаго образованія принялъ на себя ходатайство передъ правительствомъ штата о признаніи University Extension частью правительственной системы образованія. Ходатайство университета увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Въ томъ же 1891 г. легислатура штата единогласно, безъ различія политическихъ и религіозныхъ партій, приняла «законъ объ University Extension». Мы приведемъ цѣликомъ этотъ законъ—первый во всемъ мірѣ—въ силу котораго «распространеніе университетскаго образованія» оффиціально признано частью правительственной системы. «Народъ штата Нью-Іорка, въ лицѣ своихъ представителей въ Сенатѣ и Собраніи, постановляетъ слѣдующее: § 1. Для содѣйствія распространенію и развитію болѣе легкихъ и удобныхъ способовъ образованія въ возможно болѣе широкихъ кругахъ народа,—взрослыхъ также, какъ и молодыхъ,—регенты университета Нью-Іорка уполномочиваются настоящимъ актомъ вступать въ сношенія съ мѣстными организаціями и ассоціаціями этого штата, гдѣ только явится потребность въ такомъ образованіи, и содѣйствовать въ этомъ отношеніи указаніемъ надлежащихъ пріемовъ, выборомъ подходящихъ для преподаванія лицъ, производствомъ экзаменовъ, выдачей удостовѣреній и всякими иными средствами, способствующими дѣлу образованія. § 2. Сумма въ 10,000 долларовъ или столько изъ нея, сколько потребуется, должна быть выдана изъ средствъ казначейства, не получившихъ другого назначенія, на выполненіе цѣлей, указанныхъ въ настоящемъ актѣ... Но никакая доля этой суммы не можетъ быть истрачена на уплату за услуги или издержки лицъ, назначенныхъ или приглашенныхъ въ качествѣ лекторовъ и преподавателей для осуществленія цѣлей этого акта, такъ какъ, по намѣренію этого акта, подобныя издержки должны ложиться на мѣстныя организаціи, получающія отъ него пользу». Послѣднее распоряженіе закона имѣетъ цѣлью устранить опасенія, которыя постоянно являлись въ Америкѣ, такъ же, какъ и въ Англіи, какъ только рѣчь заходила о государственной помощи. Правительство не хочетъ предупреждать частной иниціативы. Оно приходитъ на помощь только тогда и тамъ, гдѣ потребность въ самообразованіи засвидѣтельствована готовностью принести матеріальныя жертвы. За покрытіемъ издержекъ на лектора, помѣщеніе и т. п., для центральной организаціи все еще остается очень значительная роль. Университетъ употребляетъ всѣ мѣры для пропаганды движенія: для этой цѣли онъ издаетъ листки, даетъ справки, дѣлаетъ указанія относительно первыхъ шаговъ мѣстной организаціи, предлагаетъ даже своихъ спикеровъ для мѣстныхъ митинговъ,

посвященныхъ пропагандѣ University Extension. Затѣмъ, центральный комитетъ посредничаетъ между лекторами и мѣстными организаціями, указываетъ лучшихъ лекторовъ. Далѣе, онъ снабжаетъ лекторовъ всѣми пособіями, нужными для успѣшнаго прохожденія курса, а также доставляетъ мѣстнымъ центрамъ небольшія библіотечки избранныхъ книгъ для чтенія во время курсовъ. Наконецъ, университетъ посылаетъ своихъ экзаменаторовъ и выдаетъ законныя свидѣтельства, дающія права всякому участнику University Extension, въ перспективѣ, на полученіе ученой степени.

Мы не будемъ перечислять множество другихъ американскихъ центровъ, присоединившихъ свои усилія къ только-что упомянутымъ для развитія англійскаго University Extension. Во всѣхъ ихъ настоящій англійскій типъ усвоивается не раньше 1889—90 гг. Изъ центровъ, которымъ несомнѣнно предстоитъ крупная роль въ дальнѣйшемъ развитіи движенія, кромѣ Шотоквы и Филадельфійскаго общества, кромѣ университетовъ Гопкинса и ньюіоркскаго, нельзя не упомянуть еще новаго университета въ Чикаго съ его спеціальнымъ отдѣленіемъ для University Extension и университета въ Миннесотѣ, при которомъ также существуетъ особый комитетъ для распространенія университетскаго образованія.

Обращаемся теперь къ изображенію того способа преподаванія, который получилъ спеціальное названіе University Extension. Прежде всего, мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ, въ какой степени этому образованію приличествуетъ названіе «университетскаго». По поводу этого вопроса велась и до сихъ поръ ведется ожесточенная борьба, какъ между самими руководителями движенія, такъ и между сторонниками и противниками University Extension вообще. Иниціаторы движенія, несомнѣнно, имѣли въ виду удержать распространяемое ими образованіе на уровнѣ высшей школы. Но, по мѣрѣ расширенія движенія, становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что придется поступиться чѣмъ-нибудь однимъ: или сохранить глубину и серьезность преподаванія и въ такомъ случаѣ отказаться отъ широкаго распространенія University Extension въ массахъ, — или же захватить возможно большій кругъ публики, но за то пожертвовать глубиной и серьезностью чтеній. Пока движеніе ограничивалось Англіей, тенденція — *сохранить* «университетскій» характеръ лекцій *сохранялась*; но въ Америкѣ, гдѣ движеніе началось независимо отъ университетовъ, преподаваніе сразу приняло болѣе общедоступный характеръ и, вѣроятно, сохранитъ его, несмотря на послѣдующія старанія представителей университета удержать University Extension на уровнѣ высшей школы. «Я долженъ сказать»,— говорилъ на послѣднемъ лондонскомъ конгрессѣ University Extension проф. Ботлеръ изъ Чикаго,—«что въ Америкѣ главной побудительной причиной для распространенія университетскаго образованія служитъ вовсе не желаніе продѣлать, не бывши въ университетѣ, ту же работу, которая производится въ университетскихъ аудито-

ріяхъ и, такимъ образомъ, добиться университетскаго диплома. Главнымъ побужденіемъ къ занятіямъ служитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ каждомъ населенномъ мѣстечкѣ найдется нѣсколько интеллигентныхъ молодыхъ или пожилыхъ людей, которые пожелаютъ расширить и укрѣпить свои свѣдѣнія въ литературѣ, исторіи, точныхъ наукахъ. Помимо этого стремленія къ самообразованію, подобныя лица дорожатъ возможностью ввести свою интеллектуальную жизнь въ опредѣленныя рамки и формы. О дипломѣ они не заботятся и объ экзаменахъ не думаютъ. Но они признаютъ, что опытные университетскіе преподаватели лучше всего могутъ руководить ими и дать имъ толчокъ, въ которомъ они нуждаются. Этотъ классъ людей и принимаетъ, главнымъ образомъ, въ разсчетъ американское University Extension». Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ чикагскаго профессора и упоминавшійся выше «апостолъ» американскаго движенія, англичанинъ Мультонъ подчеркиваетъ теперь, что University Extension не имѣетъ ничего общаго съ университетомъ и что существенныя черты его заключаются въ его полной свободѣ отъ школьной дисциплины, въ отсутствіи всякихъ ограниченій мѣстомъ, срокомъ ученія, возрастомъ, программой, словомъ—всего того, что необходимо связано со школьной организаціей образованія. Самообразованіе продолжается всю жизнь. Всякій начинаетъ, прерываетъ, принимается вновь и прекращаетъ, когда хочетъ, и идетъ такъ далеко, какъ хочетъ и можетъ.

Различные взгляды на задачи «распространенія университетскаго образованія» повели за собой и разницу въ употребленіи средствъ, свойственныхъ типу University Extension. Двѣ разновидности этого типа были выработаны уже, какъ мы видѣли раньше, въ двухъ главныхъ центрахъ, изъ которыхъ началось «распространеніе университетскаго образованія» въ Англіи. Кембриджъ стоитъ на точкѣ зрѣнія серьезныхъ, послѣдовательныхъ, систематическихъ занятій по образцу высшей школы. Поэтому, онъ предлагаетъ слушателямъ длинные курсы лекцій: типичный кембриджскій курсъ—12 лекцій. Напротивъ, Оксфордъ старается привлечь къ движенію занимательностью и разсчитываетъ скорѣе на любознательную, чѣмъ на серьезно заинтересованную публику. Поэтому, Оксфордъ до послѣдняго времени предлагалъ обыкновенно или короткіе курсы или одиночныя публичныя лекціи на общеинтересныя темы *). Америка выбрала въ этомъ отношеніи благоразумную середину. Типичнымъ курсомъ, установившимся въ Филадельфіи и Чикаго, сдѣлался курсъ въ 6 лекцій. Въ 1893—94 гг. изъ 105 курсовъ, устроенныхъ филадель-

---

*) Въ 1893—94 гг. кембриджскіе лекторы прочли 92 курса по 12 лекцій, 11 курсовъ по 10 лекцій и только 29 курсовъ (т. е. 22% общаго количества), меньше чѣмъ по 10 лекцій (преимущественно для земствъ, техническаго содержанія). Напротивъ, въ Оксфордѣ въ тотъ же сезонъ цѣлыхъ 149 курсовъ (т. е. 67%) состояли меньше, чѣмъ изъ 10 лекцій, и только 74 курса больше.

фійскимъ обществомъ, 103 были по 6 лекцій; въ Чикаго, въ томъ же сезонѣ, изъ 85 курсовъ — 79. Университетъ штата Нью-Іорка, какъ мы упоминали, съ самаго начала поставилъ задачей не понижать уровня университетскаго преподаванія. Поэтому, тамъ организуются почти исключительно курсы въ 10 лекцій. Въ 1893—94 гг. изъ 29 курсовъ—23 были по 10 лекцій, 2 по 12 и только остальные 4—по 6 лекцій; притомъ, они служили только или дополненіемъ или подготовкой къ десятичасовымъ курсамъ. Въ настоящее время между двумя противоположными взглядами на задачу University Extension, повидимому, устанавливается взаимное соглашеніе. На лондонскомъ конгрессѣ, посвятившемъ этому важному вопросу почти цѣликомъ одно изъ трехъ своихъ засѣданій, правда, снова противопоставлены были одно другому оба крайнія мнѣнія. Ветераны движенія изъ Кембриджа напоминали, что только подъ условіемъ серьезности преподаванія университетъ согласился принять участіе въ движеніи; съ другой стороны слышались утвержденія, что University Extension должно просвѣщать массы, а не плодить профессіональныхъ студентовъ, которыхъ и безъ того довольно, и для которыхъ существуютъ спеціальныя учрежденія. Между этими двумя взглядами, —что University Extension должно распространять *высшее* образованіе и что оно должно распространять образованіе въ *массахъ*,—конгрессъ принялъ однако же среднее мнѣніе, намѣченное въ подготовленномъ заранѣе докладѣ. Рѣшено было, что «популярная» и «строго-образовательная» сторона движенія не противорѣчатъ одна другой, а лишь взаимно дополняютъ другъ друга: руководители University Extension должны признать, что движеніе одновременно удовлетворяетъ *двумъ* цѣлямъ, и сообразно съ этимъ направлять свою дѣятельность. И длинные, и короткіе курсы, и даже одиночныя лекціи имѣютъ свое значеніе и достоинство: одни, пробуждая интересъ, другіе, поддерживая его, третьи, направляя къ достиженію болѣе или менѣе сложныхъ результатовъ.

Естественно, что тотъ же коренной вопросъ—cui bono—долженъ былъ возникнуть и при выработкѣ самаго способа преподаванія по типу University Extension. Въ данномъ случаѣ, однако же, вопросъ рѣшается не конгрессами, а тактомъ и опытностью отдѣльныхъ руководителей. На самомъ дѣлѣ, пріемы, практикуемые лекторами University Extension, настолько гибки, что, при нѣкоторомъ умѣньи допускаютъ одновременное достиженіе обѣихъ цѣлей: т. е. оказываются способными удовлетворить и обширную аудиторію любознательныхъ, и небольшое количество заинтересованныхъ и еще меньшее число серьезно работающихъ слушателей. Теперь мы и перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ пріемовъ.

Выше мы говорили уже, что, въ отличіе отъ обыкновенныхъ публичныхъ лекцій, лекторы University Extension читаютъ не для одного пріятнаго и полезнаго препровожденія времени. Какъ видно изъ только что сказаннаго, они не удовлетворяются даже и про-

стымъ возбужденіемъ въ слушателяхъ умственнаго интереса. Даже тѣ сторонники движенія, которые горячо стоятъ за допущеніе въ систему University Extension простыхъ популярныхъ лекцій, смотрятъ на нихъ только какъ на подготовительныя («миссіонерскія» или «піонерскія») къ введенію настоящаго типа University Extension. Таково, напр., назначеніе такъ наз. «народныхъ лекцій» въ Лондонѣ, предшествующихъ обыкновенно образованію новаго центра University Extension въ той или другой мѣстности столицы. Настоящій же смыслъ движенія, какъ не разъ уже подчеркивалось выше, состоитъ въ томъ, что лекторъ является живымъ руководителемъ болѣе или менѣе серьезныхъ и постоянныхъ занятій. Цѣль эта достигается присоединеніемъ къ публичной лекціи цѣлаго ряда вспомогательныхъ пріемовъ обученія и повѣрки. Сама лекція является въ этомъ ряду только какъ-бы предлогомъ для того, чтобы завязать непосредственныя отношенія между лекторомъ и слушателями. Правильное University Extension кромѣ лекцій должно обязательно совмѣщать въ себѣ четыре педагогическихъ пріема: 1) конспектъ, 2) классъ, 3) письменныя работы и 4) экзамены. *Конспектъ* или «*силлабусъ*» составляетъ первое необходимое условіе для того, чтобы вызвать со стороны слушателей болѣе активное отношеніе къ лекціи. Конспектъ этотъ печатается заблаговременно и раздается слушателямъ вмѣстѣ съ билетомъ на слушаніе лекцій или же продается по самой дешевой цѣнѣ. Для характеристики конспекта мы приведемъ содержаніе двухъ американскихъ силлабусовъ. Силлабусъ Джорджа Генри Хэдзона на 26 страничкахъ небольшого формата конспектируетъ слѣдующимъ образомъ содержаніе курса изъ десяти лекцій на тему: «зоологія съ современной точки зрѣнія животной біологіи».

Лекція 1. **Окружающая насъ жизнь въ связи съ жизнью внутри насъ.** Примѣры развитія науки. Факторы, замедляющіе развитіе науки. Научный методъ. Размѣры и степень вліянія природы на человѣка. Новыя требованія природы отъ человѣка.

Лекція 2. **Созидатели горъ и долинъ, жизни и тѣла.** Поиски центра жизни. Изученіе одноклѣточныхъ формъ жизни. Выводы.

Лекція 3. **Образованіе тѣла и морскихъ острововъ.** Образованіе Morula и Gastrula. Отдѣленіе Metazoa и Enterozoa отъ Protozoa. Изученіе кишечнополостныхъ (Coelenterata). Porifera или губки. Nematophora. Богатство животной жизни.

Лекція 4. **Естественный подборъ и естественные законы.** Факты и законы, на которыхъ основана теорія естественнаго подбора. Coelomata. Краткій систематическій очеркъ группы, называемой „червями". Естественный подборъ, какъ ключъ къ языку природы. Вліяніе животнаго на окружающую его среду.

Лекція 5. **Земля одѣвается цвѣтами.** Суставчатоногія (Arthropoda).

Лекція 6. **Отъ червей до рыбъ, дышащихъ легкими.** Очеркъ классификаціи для примѣра. Жизнь рыбъ. Филогеническій рядъ и его исторія. Географическое распредѣленіе рыбъ и его значеніе.

Лекція 7. **Отъ амфибій до птицъ: отъ звука до пѣсни.** Очеркъ классификаціи. Характеристика амфибій. Общая характеристика пресмыкающихся. Чему учатъ птицы? Дѣйствіе естественнаго подбора на птицахъ.

Лекція 8. **Млекопитающіе и перемѣна, внесенная ими въ природу.** Очеркъ классификаціи. Общая характеристика. Monotremata. Marsupalia. Законы географическаго распредѣленія. Placentalia. Edentata.

Лекція 9. **Факторы органической эволюціи.** Обзоръ основаній, приведенныхъ въ пользу естественнаго подбора. Эволюція при посредствѣ прямого уравновѣшенія. Наслѣдственность. Умственная эволюція животныхъ. Широта эволюціонной теоріи.

Лекція 10. **Изученіе человѣка.** Источники свѣдѣній о развитіи человѣка. Мѣсто человѣка въ животномъ царствѣ. Польза знанія того, что унаслѣдовано человѣкомъ отъ прошлаго. Надъ-органическія тѣла.

Надо прибавить, что подъ каждымъ изъ поименованныхъ заголовковъ, содержится въ силлабусѣ еще болѣе подробный конспектъ; напр., подъ пятью заголовками 9-й лекціи находимъ: 1) Элиминація или устраненіе посредствомъ препятствій къ воспроизведенію. Устраненіе случайное и посредствомъ подбора. Прямое и косвенное устраненіе. Цѣлесообразный подборъ. Выборъ при спариваніи. Другія формы. Вырожденіе. Прекращеніе устраненій. Скрещиваніе и отвычка. 2) Прямое вліяніе среды на структуру. Общія химическія и физическія причины. Дѣйствія тяготѣнія, теплоты, свѣта, влажности, климата и внѣшняго передвиженія. Дѣйствіе пищи. Видоизмѣненія, произведенныя постояннымъ функціонированіемъ — дѣйствіемъ привычки (включая усилія, напряженіе, треніе). Видоизмѣненія, производимыя отвычкой. Чему учитъ нога позвоночныхъ. Причины варіацій. Борьба внутри организма. Вліяніе положенія желтка на развитіе гаструлы. Замедленіе и ускореніе. Нео-ламаркіанство. 3) Передаются ли по наслѣдству пріобрѣтенныя свойства? Что такое пріобрѣтенныя свойства? Сложный характеръ наслѣдственности. 4) Инстинктъ. Отношеніе мозга къ разнообразію впечатлѣній среды. 5) Отъ теоріи туманностей чрезъ геологію и біологію до психологіи и соціологіи. Философія Герберта Спенсера.

Послѣ конспекта каждой лекціи слѣдуютъ ссылки на сочиненія, рекомендуемыя слушателямъ для самостоятельнаго знакомства съ предметомъ; большею частью, указаны не только книги, но и страницы. Число рекомендованныхъ книгъ, не считая журнальныхъ статей, доходитъ до 50-ти; количество страницъ, указанныхъ въ этихъ книгахъ, составляетъ нѣсколько сотъ по сюжету каждой лекціи. Наконецъ, при каждой лекціи дана тема для письменной работы.

Познакомимся съ другимъ конспектомъ, — однимъ изъ самыхъ обширныхъ (75 стр.),—пр. Мэса объ «Американской конституціи». Самый конспектъ, впрочемъ, и здѣсь умѣстился на 33 страницахъ, но составитель прибавилъ къ нему небольшую хрестоматію первоисточниковъ для исторіи конституціи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Лекція 1. **Эра государственнаго верховенства.** Развитіе соединенія по внутреннимъ вопросамъ (1775—1789), соотвѣтствовавшее, во время революціи, союзу противъ Англіи. Происхожденіе конфедераціи. Характеръ конфедераціи, какъ онъ выразился въ «пунктахъ». Недостатки пунктовъ (приложеніе А). Событія, относящіяся къ упадку конфедераціи.

Лекція 2. **Развитіе народнаго верховенства.** Эта форма союза есть вторая фаза внутренняго соединенія. Выраженія національнаго чувства. Война поглощаетъ вниманіе и о государственномъ устройствѣ мало заботятся. Нью-Іоркъ и Новая Англія поднимаются. Первыя дѣйствія Гамильтона. Первыя усилія Вашингтона создать сильное правительство. Торговые ин-

тересы указываютъ путь къ болѣе совершенному соединенію. Виргинія и Мэрилавдъ начинаютъ дѣйствовать. Конвентъ въ Аннаполисѣ (1786).

Лекція 3. **Конституціонный конвентъ.** Борьба государственнаго и народнаго верховенства за контроль надъ законодательствомъ. Главные члены конвента и ихъ подготовка. Источники политическихъ свѣдѣній. Прелиминаріи. Виргинскій планъ открываетъ занятія (прил. С.). Борьба за устройство законодательной власти.

Лекція 4. **Исполнительная и судебная власть.** Устройство исполнительной власти (прил. Д.). Національный судъ. Окончаніе занятій конвента. Конституція передъ континентальнымъ конгрессомъ.

Лекція 5. **Конституція передъ народомъ. Первые съѣзды для ратификаціи.** Необходимость ратификаціи. Способъ ратификаціи. Состояніе общественнаго настроенія. Способы и средства, употребленныя въ дѣло. Въ Пенсильваніи начинается споръ.

Лекція 6. **Великая борьба въ Массачусетсѣ, Виргиніи и Нью-Іоркѣ.** Конституція въ Массачусетсѣ. Менѣе значительныя столкновенія. Виргинія—поле битвы гигантовъ. Послѣдняя великая борьба была въ Нью-Іоркѣ.

Лекція 7. **Борьба за поправки.** Первыя поправки и билль о правахъ. Продолженіе борьбы за поправки. Результатъ и значеніе первыхъ 10 поправокъ. Общій итогъ всего движенія (1783—89).

Лекція 8. **Сходства и различія между американской и англійской конституціями.** Общая характеристика обѣихъ конституцій. Раздѣленіе и сочетаніе функцій, принципъ, на основаніи котораго американская конституція регулируетъ отношенія между различными отдѣлами государственной власти. Отношеніе между отдѣлами государственной власти измѣнилось въ англійской конституціи. Американская и англійская конституція основываются въ этомъ вопросѣ на противоположныхъ принципахъ. Конгрессъ и парламентъ. Палата представителей и палата общинъ.

Лекція 9. **Продолженіе.** Сенатъ и палата лордовъ. Президентъ и монархъ.

Лекція 10. **Американскій. и англійскій кабинеты.** Нерѣшенные вопросы въ Англіи и Америкѣ.

Насколько подробно развиваетъ силлабусъ эти заголовки, видно изъ того, что полный конспектъ каждой лекціи занимаетъ, среднимъ числомъ, по три страницы. Также какъ въ предыдущемъ силлабусѣ число рекомендованныхъ сочиненій (часто многотомныхъ) доходитъ до 50, а число указанныхъ для каждой лекціи страницъ считается сотнями.

Мы позволили себѣ остановиться на этихъ предметахъ, такъ какъ содержаніе силлабуса самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣляетъ характеръ всей остальной дѣятельности лектора. Чѣмъ силлабусъ подробнѣе и чѣмъ обстоятельнѣе его указанія для самостоятельнаго чтенія, тѣмъ болѣе выигрываетъ лекторъ въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ развязываетъ себѣ руки относительно содержанія своей публичной лекціи; съ другой—онъ привлекаетъ большее количество слушателей къ составленію «класса» и входитъ съ «классомъ» въ болѣе тѣсныя отношенія. Начиная свои чтенія, лекторъ имѣетъ передъ собой аудиторію, «столь же смѣшанную, какъ посѣтители англійской церкви». Лицомъ къ лицу съ этой аудиторіей лекторъ долженъ разрѣшить дилемму, уже извѣстную намъ изъ исторіи университетскаго движенія. Ему предстоитъ или разогнать эту аудиторію, стараясь удержать препода-

ваніе на высокомъ университетскомъ уровнѣ, или пожертвовать до нѣкоторой степени солидностью лекціи, чтобы увеличить ея привлекательность и удержать за собой свою публику. Силлабусъ даетъ возможность выйти изъ этой дилеммы, не жертвуя ни серьезностью, ни привлекательностью. Серьезная сторона дѣла, тяжеловѣсныя ссылки, факты, цитаты—все это можно съ удобствомъ перенести изъ лекціи въ силлабусъ. «Здѣсь»,—говоритъ извѣстный намъ своей опытностью и успѣхомъ своихъ чтеній лекторъ Мультонъ,—«можно изложить полно и систематически всю подготовительную работу; съ помощью ссылокъ на страницы рекомендуемыхъ книгъ силлабусъ въ 30—40 страницъ можно превратить въ цѣлый трактатъ». Дѣйствительно, занимающаяся часть аудиторіи возстановитъ работу лектора съ помощью его ссылокъ и съ помошью послѣдующихъ личныхъ сношеній; для остальной аудиторіи лекція останется тѣмъ, чѣмъ она только и можетъ быть, чтобы принести наибольшему количеству наибольшую пользу. Освободившись отъ обязанности сообщить въ возможно болѣе сжатомъ видѣ возможно большее количество полезныхъ свѣдѣній, лекторъ тѣмъ самымъ получитъ гораздо больше возможности возбудить у своихъ слушателей живой интересъ къ самостоятельному пріобрѣтенію этихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, роль «лекціи» и «класса» въ рукахъ опытныхъ сторонниковъ движенія раздвоится такъ же, какъ раздвоилась задача University Extension для его современныхъ руководителей; и, комбинируя тѣ средства, которыя болѣе подходятъ къ каждому изъ этихъ двухъ способовъ обученія, лекторъ можетъ одновременно достигнуть обѣихъ цѣлей—заинтересовать массу и дать положительныя знанія заинтересованнымъ. При такомъ различеніи цѣлей уже нѣтъ надобности, чтобы содержаніе лекціи вполнѣ покрывало конспектъ. «Выберите въ цѣломъ предметѣ десять или двѣнадцать темъ или точекъ зрѣнія», совѣтуетъ тотъ же Мультонъ, «и сосредоточьте свои усилія на томъ, чтобы эти избранные пункты запечатлѣть въ воображеніи слушателей; а предметъ, въ полномъ его составѣ, предоставьте силлабусу... Огромная разница между аудиторіей спеціалистовъ и вообще любознательныхъ слушателей заключается въ томъ, что первая можетъ слѣдить за абстрактнымъ изложеніемъ, тогда какъ послѣдняя нуждается въ конкретномъ. Такимъ образомъ, полезно въ каждой лекціи съ самаго начала исходить отъ дѣйствительныхъ фактовъ, конкретныхъ наблюденій, литературныхъ отрывковъ и т. д. Смѣшанная аудиторія можетъ вынести большое количество тонкостей, если только предварительно ея вниманіе фиксировано на чемъ нибудь осязательномъ или если затронуто ея чувство».

Такимъ образомъ, центръ тяжести, какъ и слѣдуетъ по самой сущности движенія, съ лекціи переносится на то, что за нею слѣдуетъ и ей предшествуетъ: на самостоятельное чтеніе и письменныя работы наиболѣе усердной части аудиторіи. Чтобы дать

время для этихъ занятій,—предлагаемыхъ, какъ мы видѣли изъ конспектовъ, далеко не въ ничтожномъ размѣрѣ,—самыя лекціи читаются по системѣ University Extension не подъ рядъ, а черезъ извѣстные промежутки, чаще всего черезъ недѣлю, иногда (какъ напр. въ филадельфійскомъ обществѣ) даже чрезъ двѣ недѣли. Съ такими перерывами нѣтъ возможности читать связный курсъ, но за то тѣмъ удобнѣе вести систематическія занятія. Въ недѣлю или двѣ серьезный студентъ успѣетъ перечитать указанныя въ силлабусѣ книги и сдѣлать предложенныя тамъ письменныя работы. Работы эти по почтѣ пересылаются лектору: оцѣнка ихъ и всѣ личныя объясненія производятся при слѣдующей лекціи. Для этой цѣли, т. е. для обсужденія письменныхъ работъ и для бесѣдъ по содержанію лекцій вообще, каждая лекція сопровождается «классомъ». Бесѣды въ «классѣ» ведутся безъ всякаго стѣсненія; чѣмъ онѣ оживленнѣе, тѣмъ лучше; у хорошихъ руководителей онѣ часто превращаются въ горячіе споры между студентами, причемъ самъ лекторъ играетъ роль посредника. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно больше дать высказаться тѣмъ, кому есть что сказать, и какъ можно меньше задѣвать самолюбіе студентовъ. «Всего лучше держаться правила, что одобреніе должно адресоваться къ отдѣльнымъ лицамъ, а критика, болѣе или менѣе рѣзкая, ко всему классу». Имена, при общемъ разборѣ работъ, во всякомъ случаѣ не называются; отдѣльный же разборъ каждой работы производится съ глаза на глазъ съ ея авторомъ.

Время для «класса» лекторъ назначаетъ или передъ лекціей, или послѣ нея, или же и передъ началомъ и послѣ конца Въ послѣднемъ случаѣ до лекціи обсуждаются письменныя работы и ведутся бесѣды по поводу предъидущей лекціи; послѣ же лекціи разъясняются вызванныя ею недоумѣнія и дѣлаются указанія для будущихъ письменныхъ работъ. Стремленіе раздѣлить двѣ задачи University Extension и спеціализировать средства для достиженія каждой сказалось и въ этой области. Какъ относительно «лекціи» замѣчается тенденція усилить ея популярный характеръ, такъ относительно «класса» видимъ противоположное стремленіе приблизить его къ типу университетскаго семинарія. Удѣлять «классу» обрывки времени до и послѣ «лекціи» кажется уже недостаточнымъ, и оставлять студентовъ безъ помощи руководителей на весь промежутокъ времени отъ одной лекціи до другой представляется неудобнымъ. Руководители движенія предлагаютъ одно изъ двухъ средствъ для устраненія этого неудобства. Слѣдуетъ или назначить особыхъ «лекторовъ-наблюдателей» за занятіями студентовъ, или того-же самаго лектора посылать въ мѣстный центръ въ промежутокъ между лекціями (особенно при двухнедѣльномъ промежуткѣ), чтобы устраивать съ небольшимъ кружкомъ «студентовъ» спеціальный «классъ», не стѣсняемый никакой лекціей. Какъ видимъ, «классъ» постепенно отдѣляется отъ лекціи, также какъ и лекція отдѣлялась

отъ класса. Высказывается по временамъ даже мысль, что два эти разныя дѣла могутъ быть поручаемы и разнымъ лицамъ. Конечно, не одни и тѣ же таланты нужны, чтобы заинтересовать обширную аудиторію и чтобы руководить съ успѣхомъ практическими занятіями «студентовъ». Фактически, нѣкоторые лекторы и теперь принимаютъ на себя обязательство вести одно изъ этихъ двухъ дѣлъ, не желая въ то же время браться за другое. Само собою разумѣется, что окончательное и полное раздѣленіе «лекціи» и «класса» лишило бы University Extension тѣхъ рессурсовъ, которые опытный и талантливый руководитель можетъ почерпнуть именно изъ совмѣщенія въ однѣхъ своихъ рукахъ того и другаго.

Намъ остается упомянуть теперь объ экзаменахъ и университетскихъ степеняхъ для кліентовъ University Extension. «Не скажу, чтобы я былъ особеннымъ поклонникомъ экзаменовъ»,—говорилъ на лондонскомъ конгрессѣ маркизъ Солсбери,—«но они удовлетворяютъ цѣли, которую нельзя игнорировать совершенно. До сихъ поръ они играли роль, главнымъ образомъ, оборонительнаго оружія. Университеты прибѣгли къ нимъ въ началѣ вѣка, какъ къ средству противъ возраставшей лѣности студентовъ; государство употребляетъ ихъ, какъ средство противъ страшнаго зла—частной протекціи». Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ экзамены въ системѣ University Extension. Экзаменами подчеркивается здѣсь равноцѣнность преподаванія по типу University Extension съ настоящимъ университетскимъ преподаваніемъ. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ экзамены есть оборонительное оружіе не въ рукахъ общества противъ студентовъ, а въ рукахъ студентовъ противъ общества. Какъ важна для самихъ кліентовъ University Extensoin эта объективная оцѣнка результатовъ ихъ занятій, видно отъ того, насколько силенъ еще въ самомъ обществѣ предразсудокъ, отличающій знаніе, удостовѣренное университетскимъ дипломомъ, отъ пріобрѣтеннаго какимъ бы то ни было другимъ способомъ. Въ глазахъ самыхъ интеллигентныхъ людей Англіи до сихъ поръ посягательство студентовъ University Extension на университетскій дипломъ представляется своего рода святотатствомъ. Для многихъ изъ нихъ знаменитый «Tripes» (треножникъ: латинскій, греческій и математика) остается по прежнему единственной возможной основой всякаго университетскаго образованія,—какъ онъ былъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. «Единственными предметами, которые преподавались въ университетѣ и по которымъ дѣлились ученыя степени,—*когда мы тамъ учились*,—были латинскій, греческій и математика; *а вы* эти предметы старательно исключаете изъ своихъ силлабусовъ: о какомъ же «университетскомъ» образованіи можете вы говорить»? Таково типичное умозаключеніе, постоянно подразумѣваемое въ разсужденіяхъ противниковъ University Extension; и даже его сторонники или люди, сочувственно настроенные по отношенію къ движенію, не могутъ удержаться, чтобы не высказать этого сооб-

раженія въ качествѣ почетныхъ гостей на митингахъ University Extension.

Естественно, что руководители движенія должны были принять всѣ возможныя мѣры, чтобы, пріобрѣтая для своихъ кліентовъ университетскія права и льготы, не раздражить настоящихъ университантовъ. Первой ступенью для полученія этихъ правъ служитъ экзаменъ изъ прослушаннаго курса. Въ роли экзаменатора является лицо, оффиціально уполномоченное университетомъ; экзаменуетъ *обязательно* не тотъ, кто читалъ лекціи. Къ экзамену допускаются только тѣ слушатели, которые, по удостовѣренію лектора, правильно подавали письменныя работы и удовлетворительно отвѣтили на извѣстную часть поставленныхъ вопросовъ. Пріѣзжій экзаменаторъ не имѣетъ никакихъ причинъ понижать уровень своихъ требованій. Онъ экзаменуетъ волонтеровъ University Extension такъ же строго, какъ экзаменовалъ бы изъ того же предмета настоящихъ студентовъ. Результаты оказываются весьма благопріятными: экзаменаторы признаютъ, что работа лучшихъ слушателей University Extension по качеству не только не уступаетъ работѣ настоящихъ студентовъ, но часто и превосходитъ ее. Это и совершенно естественно, если принять во вниманіе, что серьезно работающіе студенты University Extension набираются изъ несравненно болѣе обширнаго соціальнаго матеріала, чѣмъ воспитанники англійскихъ колледжей; что побужденіемъ къ работѣ служитъ для нихъ или прямой интересъ къ дѣлу, или желаніе выдѣлиться путемъ усиленной умственной работы, тогда какъ настоящіе студенты большею частью смотрятъ на пребываніе въ колледжѣ, какъ на обязательную повинность, которую необходимо отбыть передъ началомъ карьеры. Надо также имѣть въ виду и то, что улучшенные способы преподаванія въ системѣ University Extension дѣйствительно практикуются на дѣлѣ, что далеко не всегда можно сказать относительно университетовъ. Наконецъ, слушатели University Extension обыкновенно подвергаются экзаменамъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ чѣмъ студенты. Все это достаточно объясняетъ, почему университетскіе профессора, выступающіе въ качествѣ лекторовъ University Extension, часто бываютъ пріятно удивлены внимательностью и усердіемъ своихъ слушателей, а экзаменаторы находятъ ихъ болѣе развитыми, чѣмъ студентовъ. Лекторъ, правда, лишенъ удовольствія обратиться къ этого рода аудиторіи съ какой-нибудь греческой или латинской цитатой; но за то онъ можетъ смѣло разсчитывать, что его слушатели гораздо легче поймутъ и подхватятъ любой намекъ на родное настоящее и прошлое. «Такъ какъ я обращаюсь къ студентамъ University Extension, а не къ университетскимъ студентамъ», заявляетъ одинъ изъ старѣйшихъ кембриджскихъ профессоровъ на митингѣ University Extension,—«то я могу предположить у васъ знакомство съ англійской литературой».

Само собой разумѣется, что до экзамена доходитъ только отбор-

ная и очень немногочисленная часть первоначальной аудиторіи. Слѣдующая табличка показываетъ отношеніе занимающихся «студентовъ» къ общему количеству слушателей въ главныхъ центрахъ University Extension; кстати изъ нея видны и общіе цифровые результаты движенія (за 1892—93 годъ).

	Число курсовъ.	Число слушателей: Среднее на курсъ.	Общее.	Изъ нихъ: Занимались письменными работами:	Сдали экзаменъ изъ курса.
Оксфордъ	238	98	23.051	2.714 (11,8%)	1.295 (5,6%)
Кембриджъ	233	68	15.824	2.565 (16,2%)	1.730 (10,9%)
Лондонъ	136	98	13.374	1.958 (14,6%)	1.231 (9%)
Викторія	59	83	4.900	472 (9,6%)	—
Филадельфія	108	174	18.822	429 (2,3%)	388 (2%)
Чикаго	122	203	24.822	725 (2,9%)	486 (1,9%)
Нью-Іоркъ	34	108	3.667	223 (6%)	142 (3,9%)
Всего	930	112	104.460	9.086 (8,7%)	5.272 (5%)

Какъ видимъ, въ среднемъ выводѣ только одинъ изъ *двадцати* слушателей идетъ до конца, т. е. до сдачи экзамена изъ курса. Но это отношеніе дѣйствительныхъ «студентовъ» ко всему количеству слушателей сильно измѣняется, если возьмемъ отдѣльно Англію и Америку. Тогда какъ въ Англіи, при наиболѣе серьезной постановкѣ University Extension, наше отношеніе поднимается до одного «студента» на *десять* слушателей, въ Америкѣ оно спускается до одного изъ *пятидесяти*. Было бы, конечно, ошибочно заключать отсюда, что все дѣло въ болѣе или менѣе серьезной постановкѣ преподаванія. Самая эта постановка, какъ мы видѣли, измѣняется, смотря по тому, для кого предназначаются лекціи. Населеніе столицы и крупныхъ центровъ Англіи, для которыхъ работаетъ Кембриджъ, очевидно, можетъ дать достаточно матеріала для развитія серьезной стороны University Extension: для образованія менѣе численной, но за то и болѣе заинтересованной аудиторіи. Напротивъ, мелкія поселенія Англіи и Америка, какъ видно, нуждаются въ болѣе популярныхъ лекціяхъ, способныхъ собрать болѣе многочисленныхъ, но и менѣе склонныхъ къ самостоятельной работѣ слушателей *).

Какъ сказано выше, экзаменъ служитъ для «студентовъ» University Extension первымъ шагомъ къ пріобрѣтенію университескихъ правъ. Какъ скоро результаты ихъ занятій провѣрены уполномо-

---

*) Американскіе слушатели охотно участвуютъ, кромѣ лекціи, также и въ «классѣ»; но дальше этой первой ступени рѣшаются идти очень немногіе. По даннымъ Американскаго общества за 1890—91 гг. изъ присутствовавшихъ на лекціи—цѣлыхъ 63% принимали участіе въ «классѣ». Но изъ участвующихъ въ классѣ всего только $5^1/_2$% подавали письменныя работы. Дойдя до этой второй ступени, большая часть «студентовъ» шли уже и далѣе. Изъ подавшихъ работы 82% приступили къ экзамену и изъ нихъ 93% (т. е почти всѣ) выдержали его удовлетворительно.

ченнымъ отъ университета лицомъ, тѣмъ самымъ создается почва для приравненія ихъ труда работѣ настоящихъ студентовъ. Курсъ въ 12 лекцій, или два короткихъ курса по 6 лекцій, связанныхъ между собою по содержанію, являются основной единицей этого разсчета. Такой курсъ, съ недѣльными промежутками между лекціями, можетъ быть прослушанъ въ три мѣсяца; втеченіе учебнаго сезона можно выслушать два такихъ курса. Кембриджскій университетъ съ 1887 г. сталъ приравнивать три сезона занятій по типу University Extension (т. е. 6 длинныхъ курсовъ съ экзаменомъ послѣ каждаго) одному году занятій въ высшей школѣ. Получившій 6 экзаменаціонныхъ свидѣтельствъ по предметамъ одного и того же отдѣла знаній и два дополнительныхъ свидѣтельства по предметамъ другого отдѣла, получалъ право окончить курсъ въ Кембриджѣ вмѣсто трехъ лѣтъ втеченіе двухъ. Другими словами, успѣшныя занятія въ University Extension зачитывались въ треть дѣйствительнаго пребыванія (residence) въ университетѣ. Руководители движенія не разсчитывали, что многіе слушатели захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Но, и помимо нравственнаго значенія, какое должно было имѣть формальное приравненіе University Extension къ университетскому преподаванію, здѣсь была также и ближайшая практическая цѣль. Цѣлью этой было побудить мѣстные центры къ устройству—втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ—цѣлой серіи систематическихъ курсовъ, связанныхъ между собой извѣстнымъ планомъ. Только такіе центры могли быть «аффиліированы» университетомъ, такъ какъ только ихъ слушатели могли выполнить условія, требуемыя для университетскаго зачета *). Ту же цѣль—поощреніе центровъ къ устройству систематическаго ряда курсовъ—преслѣдовало и лондонское общество, введя у себя съ 1889 г., кромѣ простыхъ экзаменныхъ свидѣтельствъ, еще сезонныя (годичныя) свидѣтельства объ испытаніи изъ обоихъ курсовъ учебнаго сезона. Успѣхъ этой мѣры виденъ изъ того, что до нея (1887—1888) всего 7 центровъ изъ 32 устроили у себя курсы, систематически связанные съ курсами предыдущаго полугодія; тогда какъ теперь (1894) курсы обоихъ полугодій оказываются связанными уже въ 45 центрахъ изъ 55. Труднѣе, конечно, для центровъ—въ виду финансовой отвѣтственности—связывать себя трехгодичнымъ планомъ чтеній; но многіе центры пошли и на это. Для большинства слушателей право университетской аффиліаціи является, конечно,

---

*) Прибавимъ, что «аффиліированный» студентъ все-таки отличается отъ настоящаго студента тѣмъ, что не можетъ получить ученой степени (Bachelor of Arts или of Science). Сторонники движенія настойчиво требовали уравненія студентовъ и въ этомъ отношеніи, предлагая подвергать ихъ, въ случаѣ желанія получить степень, неизбѣжному дополнительному экзамену изъ математики и древнихъ языковъ. Въ новомъ лондонскомъ университетѣ, заводящемъ у себя особое отдѣленіе для University Extension, требованія эти должны получить нѣкоторое удовлетвореніе.

только идеаломъ, возвышающимъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества значеніе ихъ занятій. Но отдѣльныя личности добиваются осуществленія этого права. Въ 1892—93 гг. Кембриджъ выдалъ 4 свидѣтельства объ аффиліаціи, въ 1893-94—5 свидѣтельствъ.

Въ Америкѣ, не связанной традиціями и предразсудками старыхъ университетовъ, сближеніе студентовъ University Extension съ дѣйствительными студентами совершается быстрѣе и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Новый чикагскій университетъ признаетъ не только слушаніе лекцій по системѣ University Extension, но и занятія по перепискѣ замѣняющими до нѣкоторой степени личное пребываніе въ университетѣ. Затѣмъ, то и другое въ Чикаго не только сокращаетъ срокъ окончанія университетскаго курса, но и открываетъ, на-ряду съ нимъ, свободный путь къ пріобрѣтенію ученыхъ степеней. Цѣлая половина работы, нужной для пріобрѣтенія степени Bachelor of Arts, и треть работы нужной для достиженія высшихъ степеней, можетъ быть продѣлана внѣ университета, при посредствѣ странствующихъ лекторовъ или путемъ письменныхъ сношеній, которыя ведетъ съ желающими спеціально для того назначенный «департаментъ» университета. Въ первый годъ существованія университета (1892—93) 45 студентовъ воспользовались этимъ правомъ, въ 1893-94—уже 107 человѣкъ.

Читателю, пробѣжавшему предъидущія страницы, навѣрное, не разъ уже приходила въ голову мысль о полной противоположности тѣхъ условій, при которыхъ описываемое движеніе въ такое короткое время приняло такіе огромные размѣры въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, съ условіями нашей дѣйствительности. Можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ про себя вопросъ, которымъ мы теперь задаемся,—о приложимости всего, изображеннаго выше, у насъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, разъ поднятый, этотъ вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было удовлетвориться его суммарнымъ рѣшеніемъ. Постараемся поставить его обсужденіе въ такія рамки, въ которыхъ мы могли бы ждать отъ этого обсужденія какихъ-нибудь практическихъ результатовъ.

Прежде всего, конечно, болѣе чѣмъ преждевременно было бы заговаривать о томъ, какое содѣйствіе могло бы оказать подобному движенію правительство. Даже въ Англіи и Америкѣ, какъ мы видѣли раньше, правительственная помощь пришла тогда, когда движеніе окрѣпло и выяснилось: до этого же времени инициаторы движенія ничего такъ не боялись, какъ обращеніемъ къ государственной помощи «кристализовать движеніе въ такомъ фазисѣ, въ которомъ кристализація была бы разрушительна и въ которомъ все дѣло зависѣло отъ энтузіазма немногихъ лицъ». Столь же неумѣстно—и по тѣмъ же причинамъ—было бы обсуждать возможность содѣйствія движенію со стороны университетовъ. Мы разумѣемъ, конечно, университеты, какъ учрежденіе; со стороны учащаго пер-

сонала нашихъ университетовъ содѣйствіе можетъ быть, конечно, оказано огромное и незамѣнимое; но къ этому вопросу мы еще вернемся.

Устранивши вопросы о роли государства и о санкціи со стороны университетовъ, сохраняемъ-ли мы однако право разсуждать далѣе о приложимости у насъ University Extension въ его подлинномъ смыслѣ? Лишенное этихъ элементовъ, сохраняетъ-ли оно свойственныя ему существенныя черты? Относительно участія государства мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ; относительно санкціи университетовъ мы можемъ извлечь отвѣтъ изъ предъидущаго изложенія. Была, конечно, группа лицъ,—и притомъ стоявшихъ очень близко къ движенію въ его началѣ,—для которыхъ университетская санкція представлялась чѣмъ что неразрывно связаннымъ съ самою сущностью движенія. Но эта группа встрѣтилась на первыхъ порахъ съ сопротивленіемъ старой университетской рутины, а затѣмъ и съ требованіями болѣе обширной, привлеченной къ движенію публики. Старый университетъ долго и упорно отказывался принять подъ свою кровлю движеніе, въ которомъ не хотѣлъ признать родства съ тѣмъ движеніемъ, которому когда-то обязанъ былъ самымъ своимъ возникновеніемъ. Масса публики отплатила за этотъ педантизмъ и упорность стараго университета недовѣріемъ къ развернутому передъ ней знамени «университетской науки». Въ концѣ концовъ, примиреніе состоялось на чуждой старыхъ недоразумѣній почвѣ Новаго Свѣта. Въ тотъ самый моментъ, когда новое движеніе расположилось въ университетѣ, какъ у себя дома, за нимъ была признана и самостоятельная, независимая отъ университета цѣль, и спеціально выработанныя практикой для достиженія этой цѣли педагогическія средства. Такимъ образомъ, санкція университета потеряла теперь тотъ смыслъ, который она сообщала, въ глазахъ иниціаторовъ, движенію, получившему названіе «университетскаго». Если прежній взглядъ на движеніе и выразился въ словахъ одного оратора на лондонскомъ конгресѣ 1894 г., что University Extension должно раскинуть свою сѣть какъ можно шире, чтобы выловить самыхъ крупныхъ рыбинъ въ странѣ,—то новая и болѣе распространенная даже въ самой Англіи точка зрѣнія вѣрнѣе формулирована была въ заключительномъ резюме предсѣдателя: гораздо лучше накормить побольше мелкой рыбы, чѣмъ вылавливать крупную.

Итакъ, университетская санкція на самой родинѣ движенія не только не представляется болѣе его сущностью, но даже не считается и наилучшимъ средствомъ для достиженія этой сущности. Наша русская публика въ спорѣ между англійской и американской точкой зрѣнія на задачи University Extension, несомнѣнно, склонится на сторону послѣдней и не пожалѣетъ ни о возможности спеціализироваться съ помощью University Extension, ни объ экзаменахъ, ни о дипломахъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о приложимости University Extension въ Россіи сохраняетъ свой полный смыслъ и въ томъ случаѣ, если мы совершенно устранимъ отъ обсужденія вопросъ о какихъ-бы то ни было санкціяхъ. Подлежащимъ обсужденію остается вопросъ о томъ, какимъ образомъ могутъ быть примѣнены у насъ тѣ педагогическіе пріемы, которые составляютъ сущность движенія и объясняютъ быстрый успѣхъ его на его родинѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго раньше, пріемы эти сводятся къ двоякаго рода *руководству* занятіями: личному и письменному. Письменное руководство играло сравнительно второстепенную роль въ развитіи американскаго движенія и еще менѣе важную роль въ развитіи англійскаго движенія. Тѣмъ не менѣе, мы остановимся прежде всего на этомъ способѣ «распространенія университетскаго образованія», такъ какъ у насъ въ Россіи онъ является уже осуществленнымъ. Мы говоримъ о московской «коммиссіи по организаціи домашняго чтенія», образовавшейся при «учебномъ отдѣлѣ» общества распространенія техническихъ знаній и начавшей въ минувшемъ году свою дѣятельность по веденію письменныхъ сношеній съ читателями. Образцомъ при выработкѣ плана дѣятельности этой коммиссіи послужили Шотоква и англійскій «Союзъ домашняго чтенія». Мы не останавливались выше подробнѣе на устройствѣ этихъ заграничныхъ организацій домашняго чтенія именно потому, что эта часть американскаго и англійскаго движенія, такъ или иначе, уже усвоена Россіей. Здѣсь мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ первыми результатами, достигнутыми на пути «распространенія университетскаго образованія» въ Россіи. Для людей, склонныхъ къ скептицизму,—а таковыхъ въ нашемъ обществѣ, къ сожалѣнію, гораздо больше, чѣмъ склонныхъ къ увѣренности,—эти первые и, конечно, скромные итоги осуществленнаго уже дѣла послужатъ, можетъ быть, самымъ подходящимъ введеніемъ къ бесѣдѣ о томъ, что еще подлежитъ осуществленію.

Въ серединѣ истекшаго года *) коммиссія имѣла 269 подписчиковъ, т. е. лицъ уплатившихъ установленный коммиссіей трехрублевый взносъ и получившихъ право пользоваться ея указаніями при занятіяхъ по тому или другому отдѣлу «программъ домашняго чтенія», изданныхъ коммиссіей **). Къ концу года цифра эта увеличилась до 382. Сравнительно съ двадцатью тысячами экземпляровъ программъ, разошедшихся въ публикѣ втеченіе минувшаго года, это, конечно, очень скромная цифра. Нужно, однако, замѣтить, что для того, чтобы правильно оцѣнить размѣръ помощи, ока-

---

*) Приводимыя ниже статистическія данныя относятся къ 11 іюня и къ 11 ноября 1895 года.

**) Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія техническихъ знаній. Программы домашняго чтенія на 1 й годъ систематическаго курса (1895), изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Ц. 25 коп., съ перес. 35 к., налож. плат. 50 коп.

занной «программами» дѣлу «распространенія университетскаго образованія», къ цифрѣ дѣйствительныхъ подписчиковъ слѣдовало-бы присоединить также и тѣхъ лицъ, которыя занимаются по программамъ коммиссіи или пользуются ея указаніями, не входя съ коммиссіей въ правильныя и постоянныя сношенія. Число этихъ лицъ не поддается учету, но тѣмъ не менѣе по частнымъ свѣдѣніямъ коммиссіи, оно должно быть значительно, съ другой стороны, *очень* значительнымъ число серьезно занимающихся подъ руководствомъ коммиссіи и не могло быть по самому характеру занятій, рекомендуемыхъ коммиссіей. Нельзя было бы сказать, что коммиссія придала своимъ программамъ вполнѣ «университетскій» характеръ; но ея программы, въ цѣломъ, несомнѣнно, серьезнѣе и систематичнѣе проспектовъ для чтенія, издаваемыхъ Шотоквой и англійскимъ «союзомъ домашняго чтенія». Эти программы, дѣйствительно, «предполагаютъ въ читателѣ готовность сосредоточиться на извѣстномъ отдѣлѣ и посвятить его изученію болѣе или менѣе значительное время», какъ говорится въ предисловіи къ нимъ.

Вѣроятно, тотъ же самый характеръ программъ объясняетъ и распредѣленіе подписчиковъ между полами. Число женщинъ составляло и въ серединѣ, и въ концѣ года немного болѣе четверти общаго состава подписчиковъ (27%). И заграничный опытъ, и наблюденія популярныхъ лекторовъ въ Россіи заставляли бы ожидать какъ разъ обратнаго.

Болѣе соотвѣтствуетъ предположеніямъ коммиссіи распредѣленіе подписчиковъ по мѣсту жительства. Руководство коммиссіи предназначалось преимущественно для провинціи, какъ наиболѣе обдѣленной средствами высшаго образованія. Провинціи и принадлежитъ главный контингентъ подписчиковъ. Только 61 изъ нихъ живутъ въ Москвѣ и 14 въ Петербургѣ, всего около 20% всѣхъ подписчиковъ. Остальныя четыре пятыхъ разбросаны по всему пространству Россіи и Сибири *).

Что касается возраста, образованія и общественнаго положенія подписчиковъ, они такъ разнообразны, какъ и можно было этого

---

*) Въ томъ числѣ въ Нижегородской губ. 15, Екатеринославской и Воронежской по 14, Саратовской 13, Тверской 12, Таврической, Херсонской и Полтавской по 9, Донской и Смоленской 8, Уфимской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Новгородской, Костромской и Пермской по 7, Владимірской и Тифлисской по 6; Бакинской, Оренбурской, Волынской, Тамбовской, Томской по 5, Харьковской, Курской, Симбирской, Самарской, Псковской, Вятской, Рязанской, Могилевской, Люблинской, Лифляндской, Черноморскаго округа—по 4, Ярославской, Гродненской, Минской, Виленской, Курляндской, Пензенской—по 3, Витебской, Тобольской, Вологодской, Тульской, Калужской, Кубанской обл., Подольской, Сыръ-Дарьинской, Забайкальской, Ферганской, Бессарабской, Терской, Эстляндской—по 2, Ковенской, Сѣдлецкой, Варшавской, Петроковской, Олонецкой, Уральской, Ставропольской, Акмолинской, Закаспійской, Приморской, Кутаисской, Карской, Казанской, Иркутской, въ Финляндіи и Баденъ-Баденѣ—по 1.

ожидать въ такомъ важномъ вопросѣ, каково самообразованіе. Коммиссія разсчитывала съ помощью своихъ указаній привлечь возможно болѣе широкій кругъ читателей къ систематическому домашнему чтенію. Разсчетъ этотъ оправдался вполнѣ. Возрастъ подписчиковъ коммиссіи иллюстрируетъ то американское положеніе, что самообразованіе должно быть насущной потребностью и задачей цѣлой жизни. Младшему изъ читателей коммиссіи 15 лѣтъ, старшему—66. Наибольшее количество, почти четыре пятыхъ (78%) подписчиковъ, возрастъ которыхъ извѣстенъ, находятся въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ; внутри этого промежутка они распредѣляются по годамъ довольно равномѣрно, составляя въ среднемъ по 22 челов. на каждый годъ возраста. Моложе 18 лѣтъ (15—17 л.) только 6 лицъ; старше 30-ти—остальная пятая часть подписчиковъ *). Образованіе—большая часть подписчиковъ (55% мужчинъ и 72% женщинъ) имѣетъ среднее. Въ высшей школѣ кончили или продолжаютъ занятія всего 13% мужчинъ и 12% женщинъ. Приблизительно, таково же число подписчиковъ съ низшимъ или съ домашнимъ образованіемъ. Къ первой категоріи относится почти пятая часть подписчиковъ мужчинъ (19%, среди женщинъ нѣтъ съ низшимъ образованіемъ). Ко второй принадлежитъ изъ мужчинъ 11%, изъ женщинъ 15%.

Особенно интересны данныя о составѣ читателей коммиссіи по общественному положенію. Мы позволимъ себѣ сообщить здѣсь эти данныя во всѣхъ подробностяхъ. Въ числѣ подписчиковъ состоятъ:

1)	Учителей и учительницъ (въ томъ числѣ начальныхъ 63, среднихъ 6, домашнихъ и частныхъ 23).	92 (25%)
2)	Не имѣющихъ самостоятельнаго общественнаго положенія и живущихъ при родителяхъ (въ томъ числѣ и учащихся)	54 (15%)
3)	Бухгалтеровъ и конторщиковъ	41 (11%)
4)	Чиновниковъ	29 (8%)
5)	Торговцевъ	22 (6%)
6)	Военныхъ чиновъ	21 (6%)
7)	Служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ	13 (4%)
8)	Служащихъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ.	12 (3%)
9)	Замужнихъ женщинъ	10 (3%)
10)	Духовнаго званія	10 (3%)
11)	Медицинской профессіи (врачи, аптекаря, фельдшера и т. д.).	11 (3%)
12)	Писцовъ, письмоводителей, волостныхъ писарей . .	8 (2%)
13)	Землевладѣльцевъ и арендаторовъ имѣній. . . .	7 (2%)

*) Отъ 31 до 37 лѣтъ, среднимъ числомъ, по 7 человѣкъ на годъ. Отъ 38 до 46 лѣтъ, въ среднемъ, по 2 человѣка. Затѣмъ, трое по 50 лѣтъ, двое—по 52 и одинъ 66 лѣтъ.

14) Землемѣровъ и чертежниковъ	5
15) Служащихъ на фабрикахъ и заводахъ	3
16) Нотаріусовъ	2
17) Фабрикантовъ, управляющихъ заводомъ, управляющихъ банкомъ, завѣдующихъ конторой газеты, частныхъ повѣренныхъ, судебныхъ слѣдователей, полицеймейстеровъ, домовладѣльцевъ, наборщиковъ, граверовъ, кустарей-колесниковъ, каменьщиковъ, штейгеровъ, буфетчиковъ, фотографовъ, разныхъ служащихъ—по одному каждаго званія	17
18) Неизвѣстнаго званія	15
	382

Первое, что бросается въ глаза въ этой таблицѣ, это сравнительно малый процентъ учащейся молодежи, обратившейся къ содѣйствію коммиссіи. Само собою разумѣется, что было бы совершенно ошибочно заключать отсюда о незначительности ея интереса къ самообразованію. Напротивъ, давно уже русская молодежь не была одушевлена такимъ горячимъ стремленіемъ къ самообразованію, какъ именно въ эти послѣдніе годы. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что интересъ молодежи къ предпріятію коммиссіи былъ одною изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ это предпріятіе получило такую быструю и широкую извѣстность во всѣхъ уголкахъ Россіи. Но, сосредоточенная, главнымъ образомъ, въ столичныхъ центрахъ, эта молодежь имѣетъ множество способовъ удовлетворить своей потребности въ самообразованіи, и не обращаясь къ помощи коммиссіи. Съ другой стороны, и цѣли, которыя она съ полнымъ основаніемъ ставитъ для своихъ самообразовательныхъ занятій, далеко не всегда совпадаютъ съ цѣлями, преслѣдуемыми коммиссіей въ ея программахъ. Самообразовательная программа молодежи болѣе энциклопедична и болѣе приспособлена къ выясненію явленій современной общественной жизни. Она спѣшитъ оріентировать читателя среди насущныхъ вопросовъ дѣйствительности, съ которыми ему приходится сталкиваться ежедневно; и для достиженія этой цѣли она принуждена довольствоваться тѣми незначительными обрывками времени, которыя остаются у учащейся молодежи послѣ обязательныхъ занятій въ высшей школѣ, и той долей вниманія, которую можетъ удѣлить молодежь этой программѣ среди другихъ интересовъ окружающей ее студенческой и общественной жизни. Вотъ почему, распространяя въ провинціи свѣдѣнія о задачахъ и дѣятельности коммиссіи, молодежь просто служила хорошему и важному дѣлу,—но дѣлу, которое меньше касалось ея лично, чѣмъ заинтересованныхъ предпріятіемъ коммиссіи провинціаловъ. На самомъ дѣлѣ, для нихъ «программы» коммиссіи сохраняютъ свое полное значеніе. Ихъ, стоящихъ каждый при своемъ дѣлѣ, никто никуда не торопитъ; для нихъ именно задачи самообразованія изъ вопроса текущей минуты

превращаются въ дѣло цѣлой жизни. Нѣкоторые критики,—въ критикахъ московскихъ «программъ» не было недостатка,—думали привести задачи коммиссіи къ абсурду тѣмъ простымъ ариѳметическимъ разсчетомъ, что на усвоеніе «программъ» понадобится столько четырехлѣтнихъ сроковъ, сколько въ программахъ введено научныхъ отдѣловъ. Но, *если доказано*, что сколько-нибудь серьезное усвоеніе даннаго отдѣла требуетъ не менѣе четырехъ лѣтъ занятій въ часы досуга, то нѣтъ ничего ни смѣшного, ни невозможнаго въ томъ выводѣ, что читатель, желающій изучить на досугѣ, и тѣмъ не менѣе серьезно, одинъ за другимъ всѣ отдѣлы знаній—долженъ посвятить ихъ изученію досуги двадцати пяти лѣтъ своей жизни. Но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, коммиссіи не придется имѣть дѣло съ такимъ усерднымъ читателемъ. Раньше, чѣмъ началась дѣятельность коммиссія, можно было предполагать,—а теперь это предположеніе становится достовѣрнымъ фактомъ,—что типичнымъ читателемъ коммиссіи будетъ человѣкъ, вкусы и интересы котораго болѣе или менѣе сложились; человѣкъ, который не будетъ спрашивать коммиссію, что бы ему узнать и изучить, а спросить только, какимъ образомъ ему всего лучше изучить то, что его интересуетъ. Такому читателю коммиссія оказываетъ незамѣнимыя услуги. Представьте себѣ человѣка, проводящаго ежедневно полдня за своей конторкой, на которую дневной свѣтъ едва проникаетъ сквозь запыленныя стекла присутственнаго мѣста. Прикованный къ конторкѣ и къ своему письмоводству, этотъ человѣкъ не можетъ, однако, подавить въ себѣ природной наблюдательности, направленной у него на физико-химическія явленія. И вотъ онъ начинаетъ день за днемъ производить наблюденія надъ кристалическими осадками досаднаго стекла, застилающаго отъ него свѣтъ Божій. Химическихъ свѣдѣній у него недостаточно и не откуда пополнить недостающее. Но выходятъ въ свѣтъ «программы домашняго чтенія», и человѣкъ за конторкой вступаетъ въ письменное сношеніе съ коммиссіей, провѣряетъ свои наблюденія при помощи ея руководителей, пріобрѣтаетъ систематическія знанія,—и кто знаетъ, какъ далеко онъ пойдетъ, дисциплинировавши талантъ данный ему природой. Или другой примѣръ. Молодая дѣвушка прикована къ глухой деревнѣ необходимостью ухаживать за больнымъ отцомъ. Какъ всегда въ деревнѣ, она поневолѣ занимается леченьемъ; аптеки нѣтъ подъ руками и она знакомится съ лечебными травами народной медицины, научается ихъ узнавать и собирать; вмѣстѣ съ тѣмъ открываются у ней глаза на чудеса растительнаго царства и она своими силами старается проникнуть его тайны. Выходятъ «программы»; молодая дѣвушка входитъ въ сношенія съ коммиссіей по ботаническому отдѣлу,—и кто скажетъ, сколько нравственнаго удовлетворенія извлечетъ она и отъ какого чувства пустоты и одиночества избавится, почувствовавъ твердую и опытную руку, которая сниметъ передъ ней покровъ съ явленій, казавшихся ей знакомыми. Мы

взяли первые примѣры, пришедшіе намъ на память изъ переписки коммиссіи. Можно было бы привести ихъ и больше.

Человѣкъ, прикованный къ своему занятію или службѣ, но не находящій въ нихъ удовлетворенія всѣмъ своимъ умственнымъ запросамъ; человѣкъ, не довольствующійся слухами и словами о предметѣ и желающій вникнуть въ предметъ лично, но не знающій и не имѣющій возможности узнать, какъ это сдѣлать,—таковъ настоящій читатель коммиссіи. Если такіе люди *есть*, если ихъ много, то есть и дѣло, которому члены коммиссіи посвящаютъ свой трудъ, и трудъ этотъ важенъ и плодотворенъ.

Намъ остается сообщить, какъ распредѣляется интересъ читателей коммиссіи по организаціи домашняго чтенія между различными отдѣлами знаній. Наибольшее вниманіе привлекаютъ отдѣлы общественно-юридическихъ (118 подписчиковъ) и философскихъ (110 *) наукъ. За ними слѣдуютъ отдѣлы: историческій съ 74 читателями, литературный съ 55, физико-химическій съ 49, біологическій съ 29 и математическій съ 8 читателями. Несмотря на небольшую сравнительно цифру читателей коммиссіи, это распредѣленіе ихъ по отдѣламъ имѣетъ, несомнѣнно, всю цѣну голосованія, произведеннаго между серьезно заинтересованными въ самообразованіи людьми по вопросу о томъ, какое образовательное значеніе имѣютъ различные отдѣлы знаній.

Вопросъ о сравнительной цѣнности разныхъ областей знанія для цѣлей самообразованія возвращаетъ насъ къ затронутому выше вопросу объ энциклопедической программѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ подобной программѣ чувствуется самая настоятельная потребность. Несомнѣнно также и то, что «программы» коммиссіи *этой* потребности не могутъ—и не берутся—удовлетворить. Въ предисловіи къ программамъ мы находимъ признаніе, что съ разработки энциклопедической программы коммиссія предполагала начать свою дѣятельность; но въ виду трудности выполненія такой задачи — не отказалась, а только отложила ея выполненіе до того времени, когда пріобрѣтенный опытъ дастъ ей возможность приступить къ этому выполненію съ возможно большей основательностью. Заслугу и рискъ перваго опыта въ этомъ направленіи не замедлилъ принять на себя кружокъ петербургскихъ ученыхъ и педагоговъ, организовавшійся въ особый «отдѣлъ для содѣйствія самообразованію» при педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ. «Энциклопедическая программа, составленная отдѣломъ **), подверглась су-

---

*) Въ томъ числѣ 70 чел. подписались на программу А. С. Бѣлкина и 40 чел. на программу Н. Я. Грота.

**) Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И Семевскаго, М. И. Корелина и И. М. Сѣченова. Изданіе особаго отдѣла комитета педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1895. Первоначально программы эти были опубликованы въ VIII томѣ «Историческаго обозрѣнія».

ровой, но, какъ намъ кажется, несовсѣмъ справедливой критикѣ. Менѣе всего исчерпанъ былъ вопросъ, наиболѣе заслужившій обсужденія: вопросъ о томъ, насколько выполненіе соотвѣтствуетъ самой цѣли, поставленной отдѣломъ. На этомъ вопросѣ мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться, исключительно для того, чтобы выяснить трудныя стороны предпріятія и обсудить способы — преодолѣть эти трудности на случай повторенія петербургской попытки. Прежде всего, чѣмъ энциклопедичнѣе программа, тѣмъ болѣе она требуетъ при своемъ выполненіи личнаго руководства. Петербургскій кружокъ предположилъ «сноситься лично и письменно съ лицами, желающими пользоваться его указаніями и живущими какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи». Мы не знаемъ, въ какой степени осуществляется это предположеніе, но опасаемся, что значительнымъ препятствіемъ для сколько-нибудь широкаго развитія сношеній послужитъ отсутствіе въ петербургскомъ отдѣлѣ такой организаціи этихъ сношеній, какая существуетъ въ московской коммиссіи и при которой всякій занимающійся получаетъ *право* обращаться къ руководителямъ съ своими вопросами, а руководители принимаютъ на себя *обязанность* отвѣтить ему. Далѣе, самообразовательная, а тѣмъ болѣе энциклопедическая программа должна быть разработана такъ подробно, чтобы руководить каждымъ шагомъ занимающагося. Московскія программы прибѣгаютъ для этой цѣли къ помощи провѣрочныхъ вопросовъ, дающихъ читателю непрерывную нить и указывающихъ, на что онъ долженъ обратить свое вниманіе при чтеніи. Петербургская программа совсѣмъ не дѣлаетъ такихъ руководящихъ указаній; часто она ограничивается голымъ спискомъ книгъ, иногда прибавляетъ и списокъ вопросовъ, но за отсутствіемъ разработки вопросы эти имѣютъ видъ простыхъ заголовковъ, содержаніе которыхъ остается даже иной разъ секретомъ составителя.

Неорганизованность сношеній и неразработанность программъ составляютъ шагъ назадъ въ петербургскомъ предпріятіи сравнительно съ московскимъ. Осуществленіе самой идеи энциклопедической программы было бы крупнымъ шагомъ впередъ, если бы осуществленіе соотвѣтствовало идеѣ. Но, какъ намъ кажется, петербургская попытка не преодолѣла естественныхъ трудностей, связанныхъ съ самымъ существомъ поставленной задачи. Составители исходили изъ справедливой мысли, высказанной въ ихъ «объяснительной запискѣ», что энциклопедическая программа должна «имѣть въ виду не столько каждую науку, взятую въ отдѣльности, сколько всю область научнаго знанія». Но на практикѣ ихъ программа превратилась въ рядъ программъ по отдѣльнымъ наукамъ, и нѣкоторый общій порядокъ, который составители старались удержать, «соединяя эти отдѣльныя части въ одно цѣлое»,—свелся, въ концѣ концовъ, къ простому разсужденію объ отдѣльныхъ программахъ въ послѣдовательности, требуемой извѣстной классификаціей наукъ; и даже

эту послѣдовательность удалось выдержать лишь настолько, «насколько это было возможно, не передѣлывая отдѣльныхъ программъ», т. е. оставляя ихъ въ томъ «видѣ»,—далеко неоднообразномъ даже и по внѣшности,—въ какомъ онѣ вышли изъ подъ пера составителей-спеціалистовъ. Естественно, что каждый изъ этихъ составителей, при всемъ желаніи составить «энциклопедическую» программу своего отдѣла, не могъ этого сдѣлать. Онъ выдѣлялъ то, что казалось ему наиболѣе важнымъ и существеннымъ въ его предметѣ, но онъ не могъ рѣшить основной вопросъ всякой «энциклопедической» программы: какое положеніе этотъ предметъ долженъ занимать въ ряду другихъ, и какъ относится важное и существенное въ данномъ отдѣлѣ къ тому, что должно быть признано важнымъ и существеннымъ для достиженія идеала энциклопедическаго образованія. Въ результатѣ и оказалось, «что, при всемъ стремленіи къ тому, чтобы количество необходимыхъ для самообразованія книгъ не превышало извѣстной нормы, — такихъ книгъ получилось не мало»; оказалось и то, что «на выполненіе всей энциклопедической программы должно потребоваться не мало времени, но и сами составители затруднились бы сказать, сколько времени на это потребовалось бы». Другими словами, вмѣсто энциклопедической программы получился рядъ программъ по отдѣльнымъ наукамъ. Сравнительно съ московскими программами онѣ значительно сокращены и упрощены; но и эти упрощенія иногда кажущіяся, вытекающія изъ недостатка разработки слишкомъ суммарныхъ заголовковъ петербургскихъ программъ. Тотъ же недостатокъ разработки повелъ за собой трудность и даже невозможность опредѣлить, сколько времени потребуется на выполненіе программъ отъ средняго читателя при среднемъ досугѣ. Вполнѣ сознавая, что времени потребуется «не мало», составители заранѣе примиряются съ тѣмъ, что энциклопедическая программа не будетъ выполняться ни цѣликомъ, ни въ той послѣдовательности, какая намѣчена составителями, т. е., что она не удовлетворитъ той главной цѣли, для которой предназначается.

Несомнѣнно, что и при этихъ условіяхъ петербургскія программы окажутъ свою долю пользы; сколько намъ извѣстно, среди учащейся молодежи эти программы получили значительное распространеніе и употребляются именно такъ, какъ предвидѣли составители, т. е. по частямъ. Но это не такое употребленіе, для котораго должна служить настоящая энциклопедическая программа. Единство и цѣльность,—два качества, болѣе всего недостающія петербургской программѣ,—должны составлять основную черту энциклопедической программы, такая программа должна быть предназначена для выполненія *цѣликомъ*, и, слѣдовательно, должны быть, приняты мѣры для того, чтобы такое выполненіе было практически осуществимо. Въ подобной постановкѣ дѣла нѣтъ ничего невозможнаго: нужно только помнить, что энциклопедическая программа не имѣетъ ни-

чего общаго съ суммой важнѣйшихъ знаній по отдѣльнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что эту мысль раздѣляли и составители петербургской программы, но имъ не удалось довести ее до конца.

То, что можетъ сообщить энциклопедической программѣ единство и цѣльность и освободить ее отъ подчиненія точкамъ зрѣнія отдѣльныхъ наукъ,—это точно и ясно опредѣленная *цѣль* подобной программы. Тутъ мы встрѣчаемся съ новой трудностью, которую предстоитъ разрѣшить всякой энциклопедической программѣ. Дѣло въ томъ, что программа не можетъ преслѣдовать за-разъ *нѣсколько* цѣлей, не рискуя потерпѣть такую же неудачу, какую потерпѣла, по нашему мнѣнію, программа петербургскаго «отдѣла». Но она не можетъ и установить *одну* цѣль, обязательную для всѣхъ, не рискуя оставить безъ удовлетворенія болѣе или менѣе значительной группы читателей. Единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ этого затрудненія было бы признать, что должно существовать столько энциклопедическихъ программъ, сколько можно представить себѣ различныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ самообразованіемъ. Практическое приложеніе этого вывода могло бы значительно облегчить дѣло составленія энциклопедическихъ программъ. Мы видѣли, что статистика московской коммиссіи подчеркиваетъ, — о чемъ, впрочемъ, можно было бы догадаться и безъ этой статистики, — двѣ наиболѣе распространенныя самообразовательныя тенденціи. Мы видѣли, что три пятыхъ читателей коммиссіи почти поровну дѣлятся между двумя отдѣлами общественно-юридическихъ и философскихъ наукъ. Эта значитъ, что путемъ самообразованія русскіе читатели стремятся достигнуть одной изъ двухъ цѣлей: или подготовки къ практической дѣятельности, или составленія цѣльнаго теоретическаго міросозерцанія. Можно съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ доказывать, что одно должно вытекать изъ другого, но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что въ практикѣ самообразованія это двѣ различныя цѣли, которыя должны и достигаться различными средствами. Каждой изъ этихъ цѣлей должна, по нашему мнѣнію, соотвѣтствовать особая «энциклопедическая программа». Содержаніе каждой программы должно состоять не изъ ряда программъ по отдѣльнымъ наукамъ, а изъ ряда вопросовъ, логически вытекающихъ изъ поставленной цѣли. Содержаніе отдѣльныхъ наукъ можетъ служить только матеріаломъ, изъ котораго составителю должно быть предоставлено право сдѣлать цѣлесообразный выборъ. При такомъ выборѣ стремиться сохранить въ программѣ полноту и равномѣрность всѣхъ отдѣловъ знанія—было бы самой ошибочной политикой; результатомъ этой политики было бы сокращеніе до невозможности всѣхъ частей программы, полное ея обезличеніе и совершенная непригодность ни для какой цѣли. Составители петербургскихъ программъ очень хорошо понимали это и потому выдѣлили для программы лишь наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя для самообразованія части своихъ предметовъ. Но какимъ

критеріемъ они руководились при этомъ отдѣленіи важнаго отъ неважнаго? Присмотрѣвшись внимательнѣе къ программамъ, нетрудно замѣтить, что критерій у каждаго былъ разный. Одинъ выдвигалъ впередъ извѣстные отдѣлы своей науки потому, что они лучше всего характеризуютъ ея методъ, другой выдѣлялъ наиболѣе общепонятное и общедоступное, третій подчеркивалъ то, что лучше всего иллюстрируетъ его собственную теорію, пятый—то, что лучше всего освѣщаетъ вопросы дня и т. д. Естественно, что въ итогѣ получилось очень много—и ничего цѣльнаго. Совсѣмъ иное было бы, если бы задача программы была съ самаго начала точно опредѣлена, если бы были обсуждены всѣ необходимыя для выполненія *этой* задачи средства и если бы *только* то, что относится прямо къ дѣлу, было введено въ программу. Мы увѣрены, что въ такомъ случаѣ интересъ къ программѣ возросъ бы въ той же мѣрѣ, какъ и ея осуществимость.

Здѣсь, однако же, неминуемо встрѣтить новое затрудненіе, и одно изъ самыхъ серьезныхъ. Подборъ матеріала для чтенія по энциклопедической программѣ гораздо труднѣе, чѣмъ подборъ чтенія по отдѣльнымъ наукамъ. Необходимость считаться съ наличными пособіями мы считаемъ одной изъ главныхъ причинъ неудачи петербургскихъ программъ. За отсутствіемъ спеціально приспособленныхъ къ энциклопедической программѣ и притомъ общедоступныхъ пособій, составителямъ программъ постоянно приходилось рекомендовать сочиненія, далеко выходящія за предѣлы задачъ, преслѣдуемыхъ программами; и притомъ, едва ли не большинство этихъ сочиненій оказываются или плохо переведенными, или распроданными, или не пускавшимися въ продажу, или, наконецъ, помѣщенными въ малодоступныхъ публикѣ ученыхъ изданіяхъ и провинціальныхъ брошюрахъ. Мало назвать книгу; надо дать ее читателю. Вотъ почему путь, избранный московской коммиссіей, т. е. составленіе и изданіе книгъ, приспособленныхъ къ программамъ, и доставка наиболѣе важныхъ пособій читателямъ — кажется намъ единственнымъ правильнымъ. То и другое тѣмъ болѣе необходимо для выполненія энциклопедической программы, чѣмъ обширнѣе кругъ читателей, для которыхъ она предназначается, и чѣмъ беднѣе выборъ существующихъ пособій, могущихъ послужить для выполненія такой программы.

Прибавимъ, что «энциклопедическая» программа не есть единственная разновидность «Программъ домашняго чтенія», въ которой чувствуется настоятельная потребность. Эта программа нужна, главнымъ образомъ, для той болѣе зрѣлой части молодежи, которая спѣшитъ жить и думать, которая уже умѣетъ понять важность цѣльнаго міровоззрѣнія и способна увлечься великими задачами современной общественности. Но кромѣ этой молодежи существуетъ и другая, болѣе юная, интересы которой тѣмъ необходимѣе защищать, чѣмъ менѣе способна она сама поднять въ ихъ защиту свой

голосъ. Эту молодость нужно прежде всего научить читать серьезную книгу и слушать серьезную рѣчь. Въ ней надо разбудить тотъ интересъ, который тянетъ къ книгѣ и лекціи; ей надо показать, какіе *живые* запросы существуютъ и удовлетворяются при помощи этихъ средствъ, назначеніе которыхъ ей непонятно. Собственно говоря, все это есть задача средней школы... Но и помимо средней школы и подростающаго поколѣнія, все большее и большее количество людей, лишенныхъ школьной подготовки, начинаетъ сознавать у насъ потребность въ умственной пищѣ, не зная, въ то же время, какъ насытить свой духовный голодъ. Надо признаться, что тотъ и другой классъ лицъ часто получали у насъ до сихъ поръ камни вмѣсто хлѣба. Наука и преподаваніе, книга и даже лекція рѣдко удостоиваютъ говорить съ ними ихъ языкомъ и разъяснять имъ то, что предполагается само собою разумѣющимся. Такимъ образомъ, между уровнемъ этихъ лицъ и тѣмъ уровнемъ, съ котораго начинается «распространеніе высшаго образованія», остается значительный пробѣлъ, пополнить который предоставляется собственнымъ усиліямъ читателей и слушателей. Другими словами, они оказываются предоставленными самимъ себѣ и лишенными всякой помощи, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наиболѣе въ ней нуждаются. Кому приходилось сталкиваться съ этимъ классомъ лицъ, тотъ знаетъ, какой значительный процентъ ихъ бросаетъ попытки самообразованія послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ усилій и разочарованій, и какъ часто при этомъ дѣло объясняется не недостаткомъ способностей и желанія, а просто неумѣніемъ подойти къ занятіямъ съ надлежащей стороны и невозможностью найти во время опытнаго руководителя. Стоитъ, между тѣмъ, предложить въ этотъ моментъ умѣлую помощь, чтобы превратить просыпающуюся потребность въ привычку и сдѣлать большинство колеблющихся на всю жизнь усердными приверженцами высшаго образованія.

Итакъ, интересы упомянутой группы стремящихся къ образованію заслуживаютъ самого серьезнаго вниманія со стороны организаторовъ «домашняго чтенія». Курсъ чтенія, который, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы предложить этой группѣ, не долженъ быть ни систематическимъ, ни энциклопедическимъ. Мы назвали бы такой курсъ «эпизодическимъ». Такъ какъ цѣль подобнаго курса заключается въ томъ, чтобы заинтересовать и научить читать серьезную книгу, то содержаніемъ его долженъ быть одинъ изъ тѣхъ животрепещущихъ вопросовъ, на размышленія о которомъ вызываетъ сама жизнь,—и притомъ жизнь наиболѣе близкая и доступная тому кругу лицъ, для которыхъ подобный курсъ предназначается. Задача курса будетъ достигнута, если занимающійся внесетъ въ книгу интересъ, почерпнутый изъ жизни, и придетъ къ заключенію, что книга научаетъ лучше думать о томъ, о чемъ приходится думать и безъ того. Разрушить стѣну между книгой и

жизнью—таково, по нашему мнѣнію, должно быть наиболѣе плодотворное назначеніе этого подготовительнаго курса. Очень важно при этомъ съ самаго начала заставить занимающагося размышлять самостоятельно и возбудить въ немъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Въ моемъ личномъ опытѣ я лучше всего достигалъ этого результата сопоставленіемъ двухъ или болѣе хорошихъ сочиненій, развивающихъ противоположныя мнѣнія по одному и тому же жизненному вопросу. Если занимающемуся приходится самому сдѣлать выборъ между двумя крайностями, въ каждой изъ которыхъ онъ не можетъ не признать доли истины, то самый процессъ размышленія становится увлекательнымъ, цѣль этого процесса наглядной, а результатъ осязательнымъ. Читатель незамѣтно поднимается на уровень книги, будучи, въ то же время, убѣжденъ, что книга спускается до его уровня; въ ней онъ начинаетъ видѣть ту же живую мысль, съ тѣми же несовершенствами и ошибками, какая движется въ немъ самомъ. Китайское почтеніе къ печатной бумагѣ будетъ, правда, этимъ путемъ безвозвратно разрушено; но жалѣть объ этомъ предоставимъ мандаринамъ науки.

Мы слишкомъ долго, можетъ быть, останавливались на русскихъ организаціяхъ домашняго чтенія; но насъ оправдываетъ то обстоятельство, что домашнее чтеніе является пока единственнымъ усвоеннымъ у насъ проводникомъ «распространенія университетскаго образованія». Мы только что видѣли, что и оно далеко еще не исчерпало всѣхъ доступныхъ ему рессурсовъ. Помимо разсмотрѣнной нами задачи выработки «энциклопедическихъ» и «эпизодическихъ» (или «пропедевтическихъ») программъ русскимъ организаціямъ домашняго чтенія предстоитъ осуществить немало и другихъ задачъ. О двухъ изъ нихъ мы позволимъ себѣ упомянуть здѣсь же. Мы замѣтили выше, что мало рекомендовать книгу, надо еще дать ее въ руки читателямъ. Московская коммиссія сдѣлала въ этомъ отношеніи все, что могла сдѣлать; но въ интересахъ читателя остается еще сдѣлать не мало. Читатель коммиссіи можетъ получить «необходимыя» пособія во временное пользованіе отъ комиссіи безъ залога, платя за это по 5 коп. съ рубля стоимости книгъ въ мѣсяцъ. Это—значительная льгота, но почтовые расходы, уплачиваемые читателемъ за пересылку книгъ къ нему и обратно, во многихъ случаяхъ отбиваютъ у читателей охоту ею пользоваться. Въ Англіи и отчасти въ Америкѣ и развилась въ послѣднее время система «странствующихъ библіотекъ», пересылаемыхъ центральной организаціей изъ одного областного центра въ другой. Но наши организаціи домашняго чтенія не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы устраивать такія библіотеки, а читатели, не составляющіе такихъ мѣстныхъ кружковъ, какіе сплочиваются вокругъ провинціальныхъ лекцій въ Англіи, не могли бы оплатить пользованія библіотеками. Единственный доступный для насъ способъ приблизить книгу къ читателю, это завести ее въ провин-

ціальныхъ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ. Судя по быстрой распродажѣ нѣкоторыхъ книгъ, рекомендованныхъ коммиссіей, и по большому, слѣдовательно, спросу на нихъ, интересы библіотекъ въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ интересами коммиссіи. На этой почвѣ можно было бы завязать сношенія съ провинціальными библіотеками; навѣрное, многіе изъ нихъ сдѣлались бы добровольными агентами коммиссіи, отчего выиграло бы и дальнѣйшее распространеніе интереса къ домашнему чтенію.

Другая задача, осуществленіе которой могло бы содѣйствовать дальнѣйшему успѣху русскихъ организацій домашняго чтенія, заключается въ созданіи собственныхъ періодическихъ органовъ. Въ Америкѣ и еще больше въ Англіи черезъ посредство такихъ органовъ производится значительная часть сношеній съ читателями. Преимущества, создаваемыя руководствомъ читателей при помощи печатныхъ органовъ, весьма значительны. Прежде всего, домашнее чтеніе вводится такимъ образомъ въ опредѣленныя рамки; занимающійся легче можетъ соразмѣрить свое время съ матеріаломъ, подлежащимъ усвоенію, не засидится слишкомъ долго на одной части программы въ ущербъ другой. Затрудненія, возникающія для многихъ читателей одновременно, могутъ обстоятельнѣе разрѣшаться въ печатныхъ статьяхъ, чѣмъ въ письменныхъ отвѣтахъ. Наконецъ, печатный органъ можетъ служить посредникомъ для лицъ, не вполнѣ подготовленныхъ къ занятіямъ программами, объяснять значеніе очередныхъ вопросовъ программы, подробнѣе характеризовать, дополнять и поправлять указанныя пособія и т. д. Всѣ эти, развиваемыя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ указанія и поясненія, могутъ вновь привлекать или поддерживать интересъ къ домашнему чтенію въ лицахъ, для которыхъ однѣ «Программы» окажутся недостаточными. Всѣ эти удобства настолько очевидны, что мы не сомнѣваемся, что устройство періодическихъ органовъ при коммиссіяхъ, домашняго чтенія есть только вопросъ времени. Размѣры подобныхъ органовъ, если они ограничатся прямой своей задачей, руководствомъ занятіями по «Программамъ», могутъ быть совершенно незначительны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходъ на нихъ и подписная цѣна совершенно ничтожны.

Перейдемъ теперь къ главному способу «распространенія университетскаго образованія»,—къ «лекціи» и «классу»,—и къ вопросу объ ихъ примѣненіи въ Россіи. Въ Англіи и Америкѣ лекціямъ по типу University Extension повсемѣстно предшествовали простыя публичныя лекціи. Мы видѣли, что въ своемъ стремленіи распространить движеніе какъ можно шире, руководители движенія пришли къ убѣжденію, что популярная лекція есть самое удобное начало, наиболѣе способное возбудить въ публикѣ интересъ къ болѣе серьезной сторонѣ University Extension.

Простыя популярныя лекціи должны, какъ намъ кажется, и у насъ съиграть свою подготовительную роль въ «распространеніи

университетскаго образованія». Наши столичные центры достаточно привыкли къ этой формѣ; но здѣсь она примѣняется почти исключительно, какъ средство благотворительности въ глазахъ устроителей и какъ способъ полезнаго и пріятнаго впечатлѣнія въ глазахъ участвующей въ благотвореніи публики. Ближайшая задача «распространенія университетскаго образованія» должна заключаться въ томъ, чтобы акклиматизировать публичныя лекціи въ провинціи и сообщить имъ болѣе поучительное содержаніе, не лишая ихъ, въ то же время, привлекательной формы. Собственно говоря, это двѣ стороны одной и той же задачи, такъ какъ само собою разумѣется, что въ провинціи публичныя лекціи будутъ исполнять не ту функцію, какую исполняютъ въ столицѣ, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ составѣ столичныхъ аудиторій. Посѣтителями публичной лекціи въ столицѣ является, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, т. е. люди, удовлетворяющіе инымъ способомъ своей потребности серьезныхъ научныхъ занятій. Въ провинціи этихъ «иныхъ способовъ» не существуетъ, и лекція поневолѣ принуждена будетъ восполнить ихъ недостатокъ. Такимъ образомъ, сама собой публичная лекція въ провинціи превращается изъ предмета развлеченія въ предметъ поученія. Вотъ почему, одиночныя лекціи, почти исключительно практикуемыя въ столицѣ, для провинціи не имѣютъ смысла. Самой подходящей формой для провинціи являются короткіе курсы въ нѣсколько лекцій.

Мы имѣемъ основаніе думать, что потребность въ такихъ курсахъ начинаетъ въ настоящее время сознаваться даже въ глухихъ губернскихъ центрахъ. Московская коммиссія по организаціи домашняго чтенія, поставившая устройство такихъ лекцій одною изъ своихъ задачъ, уже раньше формальнаго открытія своихъ дѣйствій получила предложенія устроить курсы лекцій въ четырехъ или пяти городахъ. Только случайныя и временныя обстоятельства заставили коммиссію ограничиться на первый разъ однимъ изъ этихъ городовъ. Петербургскій «отдѣлъ для содѣйствія самообразованію» смотритъ, повидимому, на лекціи, какъ на одинъ изъ способовъ личнаго руководства чтеніемъ и ограничиваетъ ихъ Петербургомъ. По существу, этотъ взглядъ совершенно соотвѣтствуетъ духу University Extension и остается только пожелать, чтобы и петербургская организація включила устройство провинціальныхъ лекцій въ число своихъ задачъ.

Участіе центральныхъ организацій въ устройствѣ провинціальныхъ лекцій нисколько не предрѣшаетъ вопроса о той долѣ участія, которая должна принадлежать здѣсь самой провинціи. Доля эта, особенно на первое время, должна быть весьма значительна. Самая иниціатива дѣла, по необходимости, должна исходить изъ мѣстнаго центра. Такими центрами съ удобствомъ могутъ явиться разнаго рода провинціальныя общества, преимущественно педагогическаго характера. Устройство публичныхъ лекцій, въ большин-

ствѣ случаевъ, входитъ въ число прямыхъ обязанностей провинціальныхъ обществъ по самому ихъ уставу. Этимъ естественно рѣшается вопросъ и о томъ, кто долженъ принимать на себя хлопоты по формальному разрѣшенію лекцій. Мы не можетъ не прибавить, впрочемъ, что, въ видахъ возможно широкаго распространенія дѣла, и центральныя организаціи должны озаботиться выясненіемъ своихъ правъ въ этомъ отношеніи. Въ крайнемъ случаѣ, формальную сторону дѣла можетъ взять на себя, конечно, и самъ лекторъ.

Главное препятствіе, могущее помѣшать распространенію провинціальныхъ лекцій, заключается, какъ намъ кажется, не въ недостаткѣ мѣстнаго почина, не въ матеріальной или формальной сторонѣ дѣла, а именно въ вопросѣ о томъ, гдѣ найти лекторовъ. Здѣсь-то и является необходимой самая энергичная помощь со стороны центральныхъ организацій. Весьма возможно, конечно, что кое-гдѣ въ составѣ педагогическаго персонала мѣстныхъ учебныхъ заведеній найдутся лица, обладающія достаточнымъ талантомъ и знаніемъ и достаточно одушевленныя высокой цѣлью движенія, чтобы горячо приняться за лекціи въ своемъ городѣ и вести ихъ съ полнымъ успѣхомъ. Наградой ихъ, мы увѣрены, будетъ такое нравственное удовлетвореніе, котораго вообще не даетъ жизнь провинціальнаго педагога. Но разсчитывать на такіе случаи, какъ на обыкновенные, къ сожалѣнію, нельзя. По нашему мнѣнію, центральныя организаціи должны задаться цѣлью составить штабъ лекторовъ, для которыхъ провинціальныя лекціи были бы спеціальнымъ и постояннымъ занятіемъ. Мы совершенно убѣждены въ томъ, что это дѣло вполнѣ возможное, и что при сколько нибудь значительномъ распространеніи провинціальныхъ лекцій оно, наконецъ, сдѣлается само собою, если только его не сдѣлаютъ раньше сознательныя усилія центральныхъ организацій. Контингентъ, изъ котораго могли бы вербоваться странствующіе лекторы, у насъ тотъ же, что и въ Англіи. Всякому, знакомому съ университетской жизнью, хорошо извѣстно, что съ каждымъ годомъ наши университеты выпускаютъ все больше и больше лицъ, одушевленныхъ любовью къ наукѣ, талантливыхъ и знающихъ, но не имѣющихъ возможности употребить свои таланты и знанія на пользу университетскаго преподаванія. «Надо», выражаясь словами Солсбери, «утилизировать этотъ дорогой товаръ», перепроизводимый университетами. Въ настоящее время участь этихъ университантовъ часто бываетъ весьма плачевна. Оставленные при каѳедрахъ и своими силами готовящіеся къ достиженію ученыхъ степеней, они цѣлыми годами поддерживаютъ въ себѣ священный огонь, забираются между тѣмъ дешевыми уроками, обзаводятся семьями и, въ концѣ концовъ, кто раньше, кто позже, приходятъ къ сознанію невозможности совмѣстить вѣрность своему призванію съ заботами о кускѣ хлѣба. Болѣе искусные заблаговременно отыскиваютъ себѣ другое занятіе поприбыльнѣе, болѣе совѣстливые и наивные кончаютъ горькимъ разочарованіемъ и апа-

тіей. Мы полагаемъ, что немалому количеству этихъ лицъ, проходящихъ свой стажъ на пути къ профессурѣ и задерживаемыхъ обстоятельствами на этомъ пути втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени,—чтеніе лекцій въ провинціи дало бы возможность продолжать любимыя занятія и, въ концѣ концовъ, достигнуть желанной цѣли. Русская наука, несомнѣнно, выиграла бы, совѣсть профессоровъ, зажигающихъ «священный огонь», была бы спокойна, а какъ быстро двинулось бы просвѣщеніе нашей провинціи, объ этомъ нечего и говорить.

Центральныя организаціи могли бы съиграть весьма важную роль, явившись посредниками между лицами, нуждающимися въ профессіональномъ заработкѣ, и провинціальной публикой, нуждающейся въ ихъ компетентныхъ услугахъ. Формой этого посредничества всего удобнѣе было бы принять ту, которая съ испытаннымъ успѣхомъ практикуется въ Англіи и Америкѣ. Центральная организація издаетъ ежегодно списки лекторовъ, готовыхъ читать курсы въ провинціяхъ. Передъ нами два такихъ списка, одинъ кембриджскій, другой ньюіоркскій. Кембриджскій списокъ (на 1894—95 гг.) перечисляетъ, по двумъ группамъ наукъ, фамиліи 64 лекторовъ, раздѣленныхъ на три класса: «штабные» лектора, числомъ 7, просто «лектора», числомъ 49, и «младшіе» лектора, числомъ 8. Первые берутъ за лекціи плату выше нормальной, послѣдніе — ниже нормальной. Передъ каждой фамиліей выставленъ годъ, когда лекторъ читалъ въ первый разъ. Какъ видно изъ этихъ цифръ, трое читаютъ съ 70-хъ годовъ, 13 съ 80 хъ, 30 съ начала 90-хъ, наконецъ 18 дебютируютъ въ первый разъ. При каждой фамиліи перечислены ученыя степени и мѣста преподаванія лекторовъ; напротивъ фамилій, въ параллельномъ столбцѣ, помѣщенъ списокъ предлагаемыхъ каждымъ курсовъ: у нѣкоторыхъ число ихъ доходитъ до десяти. Ньюіоркскій списокъ (на 1893 г.) сводитъ фамиліи лекторовъ (числомъ 69) въ таблицу: противъ фамилій въ первой рубрикѣ указано число лѣтъ, втеченіе которыхъ лекторъ занимается преподаваніемъ, во второй рубрикѣ — родъ занятій, которыя онъ предлагаетъ (простыя лекціи, сношенія по перепискѣ, нормальный типъ University Extension), въ третьей—названіе курсовъ. Затѣмъ слѣдуетъ алфавитный списокъ лекторовъ, съ краткимъ curriculum vitae при каждой фамиліи и съ болѣе или менѣе подробнымъ проспектомъ курса.

Можетъ быть, тѣ или другія частности англійскихъ и американскихъ списковъ не привьются къ нашимъ условіямъ, но самая идея періодическихъ опубликованій списковъ лекторовъ кажется намъ лучшей формой, въ какой можетъ быть осуществлено посредничество центральной организаціи между лекторамя и провинціальными центрами. Деликатный вопросъ о приглашеніи лекторовъ, имѣющихъ быть включенными въ списокъ, можетъ быть разрѣшенъ различными способами, и намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ здѣсь

подробно. Замѣтимъ только, что на первыхъ порахъ предложеній со стороны лекторовъ будетъ, вѣроятно, скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много. Поэтому со стороны центральной организаціи, которая займется этимъ дѣломъ, всего цѣлесообразнѣе будетъ обратиться съ вызовомъ къ подходящимъ лицамъ не одного только своего, но также и другихъ университетскихъ центровъ. Что въ провинціальныхъ университетахъ найдется не мало свѣжихъ преподавательскихъ силъ, готовыхъ выступить въ качествѣ провинціальныхъ лекторовъ, это показываетъ иниціатива, принятая на себя этими университетами при первыхъ слухахъ о возможности возобновленія женскихъ курсовъ. Мы встрѣтили въ составѣ лекторовъ, читавшихъ въ университетскихъ городахъ публичныя лекціи въ послѣдніе два года, довольно много лицъ, пробовавшихъ свои силы впервые. Появленіе этихъ новыхъ силъ и самыхъ этихъ лекцій показываетъ, что затронутый нами вопросъ назрѣваетъ со всѣхъ сторонъ. Мы не сомнѣваемся, что результатомъ обращенія центральной организаціи къ столичнымъ и провинціальнымъ преподавательскимъ силамъ будетъ образованіе постояннаго и болѣе или менѣе многочисленнаго «штаба» русскаго University Extension.

Мы имѣемъ въ виду, дѣйствительно, настоящее University Extension, даже и тогда, когда обсуждаемъ вопросъ о простыхъ публичныхъ лекціяхъ въ провинціи. Дѣло въ томъ, что сдѣлать этотъ первый шагъ, привить публичныя лекціи къ провинціи, гораздо труднѣе, чѣмъ отъ него перейти къ дальнѣйшимъ шагамъ, которые бы имѣли цѣлью приблизить лекціи къ выработанному Англіей и Америкой типу. Педагогическія преимущества этого послѣдняго типа настолько велики, а переходъ къ нему отъ простого курса публичныхъ лекцій настолько легокъ и естественъ, настолько, притомъ же, можетъ быть сдѣланъ постепеннымъ, что — мы не сомнѣваемся—достаточно знать о существованіи типа University Extension, чтобы попытаться примѣнить его. Ближайшимъ шагомъ, слѣдующимъ на этомъ пути за простой публичной лекціей, могло бы быть составленіе подробнаго конспекта. Такой конспектъ зачастую раздается въ видѣ афишекъ на нашихъ обычныхъ публичныхъ лекціяхъ. Стоитъ только составить его заранѣе, сдѣлать нѣсколько подробнѣе, снабдить указаніями на литературу, наконецъ, въ случаѣ желанія лектора, дополнить выдержками изъ источниковъ, иллюстраціями, словомъ, всѣмъ, что должно находиться передъ глазами слушателя для лучшаго усвоенія лекціи, стоитъ сдѣлать все это, и мы получимъ настоящій «силлабусъ». Распространенный во время въ провинціальномъ центрѣ, такой силлабусъ чрезвычайно усилитъ интересъ къ лекціямъ, увеличитъ аудиторію и сдѣлаетъ ее болѣе воспріимчивой и болѣе способной преодолѣть трудности предмета. Столь же естественъ и переходъ отъ лекціи къ бесѣдѣ по поводу ея содержанія. Ни одинъ профессоръ не откажетъ—или, по крайней мѣрѣ, не долженъ отказывать—въ такой бесѣдѣ своему сту-

денту. Нужно только ввести индивидуальныя бесѣды въ рамки «класса» и принять мѣры къ тому, чтобы «ледъ былъ проломленъ» между аудиторіей и лекторомъ. Отъ такта лектора зависитъ уничтожить застѣнчивость аудиторіи, одно изъ главныхъ препятствій къ свободной бесѣдѣ. Другое, тоже обычное, препятствіе—неподготовленность аудиторіи къ сюжету лекціи—до нѣкоторой степени устранятся уже введеніемъ «силлабуса». Но, чтобы устранить его вполнѣ, нужно дать наиболѣе серьезной части аудиторіи время прочитать къ каждой лекціи то, что указано въ конспектѣ. А для этого необходимо, чтобы лекціи одного и того же курса были отдѣлены одна отъ другой извѣстными промежутками. Это самое непривычное и самое крупное изъ всѣхъ нововведеній, превращающихъ обыкновенный курсъ лекцій въ преподаваніе по типу University Extension. Періодическіе пріѣзды лектора въ провинціальный центръ связаны съ увеличеніемъ путевыхъ издержекъ. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основаніе думать, что провинція не остановится передъ этимъ увеличеніемъ издержекъ, чтобы только дать желающимъ возможность серьезно заняться предметомъ курса подъ руководствомъ лектора. Во всякомъ случаѣ, это отступленіе отъ обычнаго типа является совершенно необходимымъ, если хотятъ, чтобы провинціальныя лекціи были не однимъ развлеченіемъ. Мы не будемъ останавливаться на введеніи послѣдней черты, характеризующей лекціи University Extension,—именно письменныхъ работъ. Будучи естественнымъ завершеніемъ предъидущихъ пріемовъ, письменныя работы, однако же, и на родинѣ University Extension исполняются очень небольшою частью аудиторіи. Дѣлать ихъ обсужденіе содержаніемъ «класса» можно только тогда, когда этимъ не нарушаются интересы остального большинства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такое превращеніе «класса» въ семинарій, несомнѣнно, окажется вполнѣ возможнымъ; въ другихъ же случаяхъ надо искать иного способа обсужденія письменныхъ работъ.

Экзаменъ по окончаніи курса у насъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой онъ имѣетъ въ Англіи и Америкѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго, однако, что и у насъ нѣкоторая часть аудиторіи захочетъ подвергнуться добровольному испытанію, исключительно какъ способу провѣрки пріобрѣтенныхъ познаній. Возможность такого желанія не слѣдуетъ игнорировать; но, конечно, въ составѣ подлежащихъ заимствованію чертъ University Extension экзамену будетъ принадлежать послѣднее мѣсто. Значеніе экзамена могло бы, конечно, измѣниться, если бы и русское University Extension вошло равноправнымъ элементомъ въ нашу систему педагогическихъ учрежденій. Но поднимать объ этомъ вопросъ теперь, когда самое введеніе University Extension остается однимъ проектомъ, было бы, конечно, преждевременно. Нашей задачей было показать своевременность и возможность осуществленія этого проекта. Въ какой степени онъ осуществится, — это зависитъ въ настоящее

время исключительно отъ энергіи общественной инициативы. Необходимость и широкое значеніе общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія только что были признаны такимъ компетентнымъ учрежденіемъ, какъ недавно закончившійся въ Москвѣ съѣздъ дѣятелей по профессіональному и техническому образованію. Почтенный предсѣдатель съѣзда, кн. В. М. Голицынъ, открывая засѣданіе съѣзда, справедливо подчеркнулъ важное значеніе той взаимной помощи, которую могутъ оказать другъ другу въ распространеніи образованія общество и государство. Въ «распространеніи университетскаго образованія» эта помощь можетъ ограничиться, на первый разъ, сочувственнымъ отношеніемъ къ проявленіямъ общественной инициативы.

П. Милюковъ.

НА ПОСТРОЙКѢ.

Изъ записной книжки.

I.

... Вскорѣ послѣ закладки зданія мужъ пришелъ сказать мнѣ, что у него на постройкѣ между рабочими появилась какая-то желудочная эпидемія и валитъ народъ. Докторовъ у насъ нельзя было достать, да и лѣчить рабочихъ такимъ способомъ было бы дорого. Мужъ просилъ меня примѣнить мои маленькія познанія по части медицины. Въ то время холерную аптеку легко было пріобрѣсти. Я нагрузилась подходящими медикаментами и отправилась въ баракъ. Рабочіе обѣдали за длинными сосновыми столами, занимавшими почти все свободное отъ наръ серединное пространство барака. Кто-то громко оповѣстилъ.

— Робя! Барыня-ртитетурша пришла.

Рабочіе побросали ложки и изъ учтивости вытерли рты рукавами рубахъ.

— Хлѣбъ да соль,—поздоровалась я.

— Милости просимъ откушать нашего хлѣба-соли, — отвѣтили кто постарше.

— Спасибо. Я уже кушала. А вотъ я къ вамъ, ребята, зачѣмъ пришла: мужъ сказалъ, у васъ народъ болѣетъ? Кто у васъ боленъ? надо лѣчиться... теперь время опасное... холера близко отъ насъ... всего за 500 верстъ... Лѣкарство будутъ даромъ давать, а лѣчить васъ я сама буду. Слышите?

Мнѣ отвѣтили мертвымъ молчаніемъ... Всѣ взоры были опущены, кое-кто принялся хлебать щи... Я удивилась.—Кто у васъ боленъ? Что жъ вы не говорите? — повторила я.

— Нѣтъ у насъ никакой болѣсти... Всѣ здоровы,—угрюмо и тихо отвѣтилъ мнѣ кто-то съ задняго стола.

— Не изволь безпокоиться, барыня: у насъ все, слава Богу, хорошо,—какъ эхо повторилъ кто-то около меня. Я поняла, что рабочіе мнѣ не довѣряютъ, лгутъ и потому растерялась.

— Вы меня совсѣмъ не понимаете. Зачѣмъ вы мнѣ врете,

что у васъ «все слава Богу»? Я знаю, что у васъ есть больные. Я насильно не стану лечить. Я васъ пожалѣла, пришла, а вы меня точно звѣря боитесь. Ну, и не надо. Обидѣли вы меня.—И я повернулась уходить, чуть не плача.

Рабочіе всполошились и по столамъ пронесся неясный говоръ. Бросивъ ѣду, ко мнѣ подошелъ высокій, сѣдой старикъ.

— Вотъ что, барыня... Ты на насъ не обиждайся... А только мы ужъ про эстихъ самыхъ докторовъ да докторицъ оченно наслышаны, а потому по нонѣшному времю и опасаемся...

— Да я вовсе и не докторица. Я не по настоящему лѣчить васъ хочу, а такъ, отъ своего ума что вамъ посовѣтовать; жалко, что вы въ рабочее время да на чужой сторонѣ хвораете.

— Не док-то-ри-ица. Вонъ оно что. Та-акъ-съ... А мы такъ и думали, что ты будешь фершалка али докторица... Стало проштрафились. Та-акъ-съ... А ты, значитъ, отъ своего ума, отъ доброй души... По Божески... Та-акъ-съ... Ну, на томъ благодарствуй... А это двиствительно, что у насъ народъ такъ и валитъ эта болѣсть... Все насчетъ живота и эта самая рвота одолѣваетъ... Того и гляди мереть зачнетъ народъ-то... Ужъ съ десятокъ выбыло изъ артели, на родину уѣхало... Таперя вотъ какъ мы слышали, что ты къ намъ придешь... мы товарищевъ-то и попрятали... Думали: докторица... Опасаемся. Наше дѣло темное... А таперя, коли изволишь, я те провожу: шибко, сердешные, животомъ маются.

Мы полѣзли на чердакъ. Тамъ, охая и корчась, лежали больные; въ какомъ видѣ? Я не могу передать... Спасаясь отъ меня, они съ вечера еще не выползали изъ своей вольной тюрьмы. Мнѣ чуть не сдѣлалось дурно.

Я попросила мужа отдѣлить мнѣ подъ больницу большой амбаръ съ сосновыми досками, гдѣ было такъ легко дышать, и при помощи рабочихъ перевела туда больныхъ; ихъ было девять человѣкъ. Старикъ-рабочій наклонялся къ каждому больному и тихо сообщалъ радостную вѣсть о томъ, что я не «докторица» и что буду лѣчить ихъ «отъ своего ума».

Вѣсть дѣйствовала благотворно, потому что угрюмыя, недовѣрчивыя лица больныхъ тотчасъ прояснялись при ея полученіи.

Когда я переодѣла больныхъ во все чистое, напоила лѣкарствомъ и, уходя, пообѣщала зайти вечеромъ—рабочіе проводили меня новымъ именемъ, которымъ звали уже и во все продолженіе нашего знакомства. Точно сговорившись, они наперерывъ прощались: «Прощай, мамашенька. Дай тебѣ Богъ здоровья».

II.

— Барыня, на постройкѣ у насъ не ладно. Господинъ архитекторъ васъ просятъ,—запыхавшись, доложилъ мнѣ сторожъ, прибѣжавшій съ мужниной постройки.

— Кто нибудь разбился?—быстро спросила я, мелькомъ взглянувъ на разстроенное лицо посланнаго и дрожащими руками сбирая бинты, компрессы, примочки. Хотя меня и привлекли за неимѣніемъ врача въ качествѣ доморощенной лѣкарши—я всегда, въ первый моментъ, пугалась того, что мнѣ нужно было увидѣть.

— Такъ точно, барыня: Апонасъ разбился. Тотъ старикъ, что еще позавчера приходилъ къ г. архитектору просить прибавки къ жалованью. Изъ себя такой потемнѣвшій и подслѣпый на глаза. Совсѣмъ лядащій стариченка.

Мы со сторожемъ побѣжали. Черезъ 10 минутъ мы входили въ баракъ, гдѣ, сбившись въ кучу, стояли рабочіе, подрядчикъ съ хитрой лисьей рожей, и видно было блѣдное, растерянное лицо архитектора. Онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ рабочій... упалъ по неосторожности со второго этажа... Доктора всѣ въ лагеряхъ,—мы не знаемъ что съ нимъ дѣлать; онъ, кажется, не дышетъ. Кто-то его, вонъ, керосиномъ вымазалъ».

Апонасъ лежалъ на голыхъ нарахъ, скрючившись и закинувъ на бокъ голову. Рубаха была на половину снята и виднѣлось ободранное на худыхъ ребрахъ тѣло, рдѣвшее отъ разъѣдавшаго его керосина. Кто проявилъ это варварское великодушіе—мнѣ такъ и не открыли. Вымывъ осторожно окровавленное тѣло, я прислушалась къ груди: сердце чуть билось, но дыханія почти не было слышно. Ребра были вдавлены въ двухъ мѣстахъ, но изломовъ я нигдѣ не прощупала.

— Ребята, тулупъ!—скомандовала я, высунувшись въ дверь барака. Толпа рабочихъ зашевелилась и разомъ явилось штукъ десять тулуповъ. Мы съ рабочими осторожно перенесли больного въ пустой амбаръ и, раздѣвъ до нага, уложили на кучу тулуповъ.

Толпа рабочихъ въ совершенномъ молчаніи послѣдовала за нами и окружила амбаръ. Ледъ, арника, свинцовая вода явились тотчасъ. Но, не смотря на всѣ мои усилія, больной не приходилъ въ себя. Я съ отчаяніемъ смотрѣла на этотъ еще живой трупъ.

— Не очнется. Ужъ гдѣ очнуться, коды онъ самое сердце отшибъ... Я съ имъ рядомъ работалъ... Подъ намъ три доски было—ну и стоять, ничего, было можно. А тутъ доска кудай-то занадобилась, ее и вытянули у насъ съ подъ ногъ. Я то слыхалъ, еще обернулся, говорю: «чего, ареды, досокъ

жалѣете,—мы не птицы: на воздухѣ не можемъ находиться». А Апонасъ-отъ глухъ маленько. Онъ не слыхалъ, что за имъ доску отняли, попятился отъ стѣны, руками-то махнулъ, что крыльямъ—да и внизъ. Тутъ я закричалъ и побѣгъ. А его ужъ подняли да понесли. На балкѣ поперегъ такъ и лежитъ. А самъ ужъ не пышитъ—безъ памяти...—шопотомъ разсказывалъ рабочій, назначенный мной въ помощники.

Вдругъ больной вздохнулъ съ легкимъ свистомъ и громко застоналъ. Грудь поднялась и задышала судорожно и быстро. Съ каждымъ дыханіемъ вылеталъ глухой, раздирающій стонъ. Рабочіе-помощники стояли съ выпученными глазами, и рукавами смахивали навертывавшіяся слезы. Я дала больному пріемъ успокоительнаго. Онъ на минуту пересталъ стонать и открылъ глаза.

— Живъ я?—прошепталъ онъ запекшимися губами.

— Живъ, живъ, живъ,—одновременно воскликнули я и два мои помощника, оба поспѣшно крестясь. Страшна крестьянину «напрасная» смерть, и чѣмъ спокойнѣе относится онъ къ смерти естественной, тѣмъ больше боится случайной, посылаемой Богомъ за тяжкіе грѣхи свои, либо родительскіе.

Апонасъ съ усиліемъ вглядѣлся въ меня своимъ помутившимся отъ страданія взглядомъ.

— Барыня... мамашенька. Умру я поди?—узнавъ меня, прошепталъ онъ.

— Не умрешь, родной. Я тебя отхожу: благо очнулся. Я теперь отъ тебя не отойду. Только не ворочайся и не разговаривай,—утѣшала я радостно, уже сама повѣривъ въ спасеніе. Но больной, очнувшись, пришелъ въ волненіе и заворочался, не смотря на мои просьбы. Стоны снова возобновились. Онъ заговорилъ:

— Барыня... мамашенька... Боюсь я, что помру... Прикажи переправить въ деревню тулупишко да сапожнишки... Жена тамъ у меня, ребятъ шестеро... Да что у подрядчика не забрано денегъ, 7-мь съ полтиной, вызволи, заступница, да передай Мотюхѣ... туто... парень съ нашей деревни. Пущай братьямъ моимъ передастъ. Да вели сказать: «Апонасъ, молъ, приказалъ крышу покрыть». Охъ, ахъ, сиротинушки...

Больной сморщился и закашлялся. На губахъ показалась кровь, нѣсколько капель ея упало на грудь. «Кажется, это травматическій плевритъ называется. И правда, все онъ отшибъ себѣ въ груди», съ горестью подумала я.

Вѣсть о томъ, что Апонасъ очнулся, быстро облетѣла всю постройку. Рабочіе, не дождавшись вечерней забастовки, побросали работу и полной артелью стояли вокругъ амбара. Гдѣ-то вдали слышался отвратительно-пискливый голосъ подрядчика, кипѣвшаго негодованіемъ за самовольную забастовку

рабочихъ на два часа раньше срока. Но стоголовая толпа стояла въ такомъ молчаніи, что я не знала объ ея присутствіи, пока молодой парень-рабочій не вошелъ ко мнѣ въ амбаръ и не проговорилъ, снимая шапку и кланяясь: «Дозволь, барыня, артели съ товарищемъ попрощаться... Никто, какъ Богъ...» Онъ еще разъ поклонился.

Я дозволила. Этотъ парень-ходатай только поутру шибко поссорился съ Апонасомъ изъ за расшивки и больно ударилъ старика въ ухо. Должно быть эта ссора мутила теперь совѣсть парня. Онъ первый подошелъ къ постели больного и, земно поклонившись, проговорилъ:

— Прости, ради Христа, Апонасъ, коли въ чемъ согрубилъ... А на счетъ расшивки... коли ежели Богъ приведетъ...

— Прости, родимый, и ты меня... Я... на тебя... не держу... сквозь стонъ отвѣтилъ больной.

Парень съ минутку постоялъ на колѣняхъ, поглядѣлъ на больного и, тряхнувъ волосами, ушелъ.

Въ раскрытую дверь одинъ за другимъ начали входить рабочіе и каждый изъ нихъ кланялся больному земно или въ поясъ и говорилъ: «Прости Христа ради, Апонасъ». И больной сквозь стоны и кашель неизмѣнно говорилъ: «Прости и ты меня, кормилецъ».

Я смотрѣла, какъ приливала и отливала волна угрюмыхъ, загорѣлыхъ лицъ и обнажались головы передъ скорбной постелью больного. А толпа все стояла молча, точно вѣяніе смерти коснулось ея и объединило однимъ чувствомъ страха передъ суровой судьбой, сегодня постигшей товарища, а завтра, быть можетъ, могущей обездолить семью каждаго изъ нихъ...

Къ ночи больному стало плохо: кровь струилась на грудь и онъ уже былъ безъ памяти. Призванный священникъ далъ больному глухую исповѣдь. Часа въ три ночи Апонасъ разомкнулъ запекшіяся уста. «Кр...ышу...покрыть», простоналъ онъ и отошелъ. Я поцѣловала грубую руку умершаго страдальца и вышла изъ амбара.

На бревнахъ, на камняхъ виднѣлись силуэты людей. Сквозь красноватыя облака свѣтила блѣдная луна. Артель рабочихъ не спала.

— Ребята, Апонасъ умеръ,—сказала я.

Темные силуэты перекрестились и тихо разбрелись по сторонамъ.

III.

Послѣ вечерняго шабаша постройка принимала интимно-домашній видъ. Рабочіе спѣшили умываться и пользоваться

часомъ-двумя вечерняго отдыха. Кто побогаче, да у кого не было за плечами семьи, «баловался» чайкомъ; кто, не удовольствовавшись скуднымъ ужиномъ, закусывалъ луковицей либо огурцомъ. Хотя послѣ ужина почти всѣ заваливались отдохнуть на нары, но скоро, обиженные блохами, выползали изъ барака и разбредались въ разныя стороны обширнаго двора постройки, заваленнаго горами бревенъ, досокъ, грудами кирпича и кучами песку.

Спустивъ съ одного плеча рваный тулупишко, на манеръ рыцарскаго плаща, рабочій бродитъ безъ цѣли, пока не облюбуетъ себѣ удобнаго мѣстечка на бревнахъ либо доскахъ, подальше отъ известковой пыли, и такъ, чтобъ молодой мѣсяцъ приходился по правую руку. Сядетъ, цыгарку закуритъ. Посидитъ, поглядитъ на небо, на мѣсяцъ; скучно ему;—онъ сплюнетъ и крикнетъ проходящему товарищу: «Чаво бродишь? Аль блоха укусила?»

— Выжила, паря, окаянная, прости Господи. Да и душно въ баракѣ-то. Оченно его сегодня солнышко натопило.

Второй мужикъ присаживается на бревнахъ и, вытащивъ пестрый лоскутный кисетъ съ табакомъ и глиняную трубку, закуриваетъ.

— А трубка не въ примѣръ способнѣе цыгарки, потому бумаги не нужно,—говоритъ первый.

— Это вѣрно,—подтверждаетъ обладатель трубки.

Мимо идутъ еще двое.

— Эва, побродимы. Ступайте къ намъ, у насъ вольготно,—зовутъ ихъ сидящіе на бревнахъ.

— Што не сѣсть—сядемъ...

Сидятъ четверо; курятъ, плюютъ.

— Ишь-ты. Все жанатый народъ собрался,—глубокомысленно замѣчаетъ одинъ.

— Худо, робя, безъ женокъ жить,—хлопнувъ себя по колѣну, говоритъ другой:—къ примѣру сказать: заплаты на порты положить некому... Грѣхъ, да и полно.

— Ну... кому какъ... Я объ своехъ бабахъ не скучаю, вставилъ рыжій мужикъ и разговорился.—Въ дому-то у меня не ладно, разсказывалъ онъ,—матка съ женой не ладятъ. Женку то безъ материной воли бралъ... Слюбившись мы съ ей были... Вота она таперя и мытаритъ надъ ей... Баба-то у меня больная. Спорчена што-ль, аль съ надрыву—ужъ не могу сказать. Хорошая баба была, тѣльная, видная; да вотъ со второго-же году что-й-то ей попритчилось... Може и съ надрыву... Было этто у насъ три коровы... Одна своя, да двѣ за женой привелъ... Моей-то бабѣ подошло время родить;—да и двѣ-то ейныя приданыя коровы были стельныя... Только это женѣ-то Богъ далъ младенца—и обѣхъ коровъ разразила

нечистая сила: въ одночасье отелились... Ну, приходитъ этто матка въ избу,—меня о ту пору дома не было, да мою бабу то и изругай худымъ словомъ: «такая, да сякая, коровъ-то отъ батьки въ приданое привела. Ступай, дои ихъ, богата невѣста, да убирай телятъ, я тебѣ не хожалка за имъ». Заплакала баба, соскочила съ печи, да еще младенца не помывши, пошла коровъ доить... Грѣхъ съ этими бабами... Съ того году ударило ее въ хворь и стравилась моя баба... Бью ее... а жалко... Хороша была. И робятъ болѣ у насъ не было вотъ ужъ девятый годъ.—Мужикъ кручинно повѣсилъ голову и задумался. Вспомнилъ, видно, то времячко, какъ слюбился со своей красивой молодой женой... «Одинъ грѣхъ съ этими бабами». И еще разъ горько вздохнулъ рыжій мужикъ.

— Извѣстно, съ надрыву. Нѣшто это порча. Я, вотъ, ономнясь слыхалъ, что и порчи то этой самой нѣтъ. Говорятъ, одна эта наша деревенская глупость; десятникъ сказывалъ,—говоритъ первый мужикъ...

— Н-ну... это наврядъ... Рази вотъ въ городахъ ее не допущаютъ; а въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ и церквы-то нѣту, какъ не быть порчѣ?—сомнѣвается третій мужикъ. Рыжій нехотя почесалъ въ затылкѣ:

— Нонѣ говорятъ... Старики-то что разсказываютъ... Моя бабка баяла, что нечистый-то ее въ закутѣ въ петлю сунулъ... И петлю самъ на гвоздь вздѣлъ... Да мужь ейный пришелъ въ ту пору, свиньямъ пойло давать, такъ жану-то изъ петли и вызволилъ... Кто-же его знаетъ? А все-жъ не всякому слуху вѣрь... Да къ ночи ротъ поменѣ раскрывай... Дѣло вѣрнѣй будетъ.

Всѣ замолчали и снова закурили кто трубку, кто «цыгарку».

— Ишь какъ вызвѣздило на небѣ то. Словно подъ праздникъ. И чего только у Бога нѣтъ,—еще разъ замѣчаетъ первый поселенецъ на бревнахъ.

Подъ навѣсомъ на корточкахъ сидятъ два молодыхъ еврея и, не смотря на темноту, играютъ въ карты. Играютъ молча, углубляясь... Вдругъ оба вразъ начинаютъ галдѣть и махать руками... Одинъ другому нащелкалъ носъ картами и опять спокойно продолжаютъ играть.

Около дверей барачной кухни собралась веселая компанія: молодой, красивый парень, сидя на пнѣ и заломивъ на бокъ рваную мѣховую шапку, играетъ на дешевой гармоникѣ и самъ ей подвываетъ неистовымъ голосомъ, а толстая, краснощекая Авдотья Тимофеевна, артельная «куфарка», лихо отплясываетъ.

«Барыня, барыня,
Чего тебѣ надобно».

«О...о...о!» И не выдержавъ душившаго его восторга, музыкантъ бросается обнимать бабу-плясунью и въ одну минуту получаетъ здоровую затрещину.

— На твое похабство что-ли, озорникъ, мужъ меня въ вашу артель отпустилъ? Держи руки при себѣ. Не на таковскую напалъ!

Трое зрителей залились хохотомъ, но всѣхъ громче хохоталъ отвергнутый поклонникъ.

Дальше на грудѣ досокъ сидятъ еще двое; одного зовутъ «Кривымъ попомъ», а другого «Безухимъ». Первый назывался такъ потому, что былъ попомъ какой-то раскольничьей секты; но почему мужика съ большими лопастыми ушами звали «Безухимъ», неизвѣстно.

Сидятъ и спорятъ. Безухій дразнитъ попа. Но попъ споко енъ, и видно, что не придурковатому безухому его разшевелить.

— Врешь ты, парень, у насъ не «скверна», а вольное согласіе. По вольному согласію и съ женами живемъ и вашего соблазна не имѣемъ. Хочь вы и крутитесь округъ аналою, а женъ своихъ хуже собакъ бьете... А въ Писаніи жена высоко поставлена и сказано есть: «да оставитъ домъ отца своего и матери и да прилѣпится къ женѣ своей». А вы своехъ женъ родителямъ въ надруганіе отдаете... А мы своехъ женъ почитаемъ и въ согласіи съ ними находимся,—степенно говоритъ попъ-рабочій, устремляя на собесѣдника острый взглядъ единственнаго глаза.

— Скверна, блудъ это ваше согласное житье, а не бракъ прозывается и жены не жены вамъ, а полюбовницы. Н-да— дразнился Безухій. По лицу Кривого попа пробѣжала тѣнь гнѣва и спряталась въ прищуренномъ глазу.

— Постой, паря... Больно-то своимъ святымъ житьемъ не хвастай... Ваша-то деревня отъ насъ всего 7-мь верстъ, а отъ вашей деревни барская усадьба рукой подать... Про вашу святость очення извѣстны... Въ отлучкахъ отъ женъ по два года бываете, а вамъ жены кажный годъ рожаютъ. Ты думалъ ваша деревня прикрыта? На чужой отъ ротокъ не накинешь платокъ. Съ кѣмъ твой-отъ двуродный братъ Вавило жилъ? Съ родной матерью? А сестра подросла, ее спортилъ, съ ей въ грѣхѣ сталъ жить. Мать съ дочерью лютыми ворогами сдѣлалъ... Про все то міру извѣстно... Какъ старая то Марья пришла къ Акулькѣ, къ дочери, да и говоритъ: «прощай, доченька любезная. Иду къ ракитѣ—давиться». А та ей: «веревку то, мамонька, не забудь.» А мать ей: «не забыла, доченька, съ твоего чердака взяла». А дочь ей рукой махнула—иди, молъ, давись. А ввечеру Марью то и нашли за огородами подъ ракитой. Веревку за вѣтки закинула, сама подъ дерево сѣла,

да и задавилась... А на колѣняхъ у ей нашли Акулькины платки новые, что ей Вавило съ ярманки привезъ—всѣ въ лепестья изодраны... Вотъ и вся ваша святость,—закончилъ попъ злорадно.

— Ну, што тутъ ворошить негодящее дѣло... Это ты вовсе и не къ разговору, — недовольно отвѣтилъ Безухій и пошелъ прочь. Кривой Попъ сверкнулъ ему въ слѣдъ своимъ огневымъ глазомъ и, надвинувъ на худыя плечи синюю чуйку, побрелъ къ бараку.

Сумерки, надвинувшись и сгустившись, превратились въ голубую лѣтнюю тьму и покрыли постройку. Изморенные душнымъ днемъ рабочіе не шли въ баракъ, а располагались на ночлегъ тамъ, гдѣ ихъ накрывала ночь, а усталость долгаго рабочаго дня подкашивала ноги.

IV.

Понедѣльникъ у насъ на постройкѣ былъ «тяжелый» день. Человѣкъ пять не шло на работу и валялось въ баракѣ съ головной болью—у двухъ-трехъ головы были разшиблены. Положишь компрессы, изругаешь тѣхъ, что съ похмѣлья валяются, и уйдешь въ досадѣ.

Одинъ разъ приходятъ уже къ вечеру воскресенья двое рабочихъ, просятъ къ нимъ въ баракъ пойти, товарища посмотрѣть. Прихожу. Лежитъ парень, голова грязной тряпицей завязана.

— Кажи голову.—Ничего не видать, жару нѣту, промываю голову при лунѣ и, помазавъ свинцовой мазью, ухожу. «Ничего, говорю, нѣтъ у него опаснаго. Видна только царапина. Завтра пройдетъ».

Ночью слышу у моего окна: стукъ, стукъ. «Кто тамъ»? спрашиваю.

— Да опять къ вашей милости, барыня: чтой-то у насъ съ товарищемъ не ладно. Боимся, чтобъ не померъ, отвѣчаютъ голоса рабочихъ. Я позволила себя будить ночью, если что случится въ баракѣ.

Пошли. Мечется парень на нарахъ въ жару, руками за голову держится. «Что за чудо»? думаю: «на головѣ всего только царапина въ полвершка а человѣкъ такъ мучается!»

Гдѣ-то раздобыли фонарь и зажгли.

— Вотъ что, мамашенька: я такъ полагаю, что у его хлѣбъ голову разворачиваетъ,—сказалъ мнѣ старикъ Ѳедулъ, державшій фонарь и принадлежности для перевязки.

— Какой хлѣбъ?—спросила я, при тускломъ свѣтѣ осматривая горячую и воспаленную голову.

— Да у парня-то больно большая дырка была въ головѣ; мы значитъ ее и заклепали чернымъ хлѣбомъ. Вотъ онъ ему должно и разворачиваетъ голову,—пояснилъ онъ.

Я только руками развела и ротъ разинула на моихъ умниковъ. Давай размачивать «заклепку» теплой водой и вытаскивать куски засохшаго чернаго хлѣба, уже смѣшавшагося съ кровью и гноемъ. Парень метался и стоналъ. Старикъ Ѳедулъ съ другимъ рабочимъ держали больного.

— Ну, ну, чего брыкаешься? Фонарь могишь вышибить... Вотъ поменѣ бы баловали—цѣлѣе бы были.

— Вишь ты какое дѣло! Знать, не ладно начинили-то мы,—глубокомысленно замѣтилъ другой помощникъ, глядя на мою работу. «Починка» дѣйствительно никуда не годилась и отъ «заплаты» можно было ожидать большей бѣды, чѣмъ отъ самой «дырки». На головѣ парня была большая рваная рана и въ серединѣ кожа была вырвана съ самой надкостницей и виднѣлась розовато-желтая кость черепа. Промывъ и сдѣлавъ перевязку раны, я должна была остаться дежурить у больного, такъ какъ онъ былъ въ сильномъ жару и слегка бредилъ.

— Ну, не дураки ли вы... живому человѣку хлѣбъ въ рану совать? Развѣ хлѣбъ съ тѣломъ сростись что ли можетъ? Только загрязнили, да расколупали рану,—съ сердцемъ попрекнула я рабочихъ.

— Н-да... Вышло плохо... А кажись бы съ чего? Божій даръ...—не смѣло оправдывался старикъ.

— Божій даръ! Ну-ко возьми да запихай себѣ кроху хлѣба въ глазъ... тутъ и ослѣпнешь. Ужъ удумалъ что сказать: «Божій даръ»,—наставительно сказалъ старику давешній мой помощникъ и избавилъ меня отъ труда читать нотацію старому рабочему. Этотъ Ѳедулъ былъ «мой крестъ». Онъ ничего не помнилъ, не слушался, не понималъ — и еще сверхъ этого страшно любилъ умничать. Онъ выпилъ у меня арнику, потому что почувствовалъ «нутряной жаръ», стянулъ касторку для смазки сапоговъ; и когда однажды заболѣлъ холериной и я оставила ему три порошка висмута и три каломеля и нѣсколько капель опійной настойки, онъ «удумалъ» все это смѣшать въ квасу и выпить разомъ. Хорошо еще, что у него поднялась рвота и онъ не отравился окончательно. А вечеромъ того же дня онъ наѣлся съ чернымъ хлѣбомъ луку и огурцовъ. И потомъ всѣмъ разсказывалъ, къ великой моей досадѣ, что «какъ съѣлъ онъ этого луку, да закусилъ соленененькимъ — всю хворь какъ рукой сняло». И на бѣду рода человѣческаго — природа создаетъ такіе феномены, которымъ все сходитъ съ рукъ, а обыкновенные смертные, по глупости, берутъ съ нихъ примѣръ и гибнутъ.

Я разрѣшила всѣмъ улечься спать. Къ утру у моего больного жаръ упалъ и онъ тихо уснулъ. Когда на зарѣ я собралась домой, ко мнѣ подошли еще трое рабочихъ.

— Вотъ, барыня, намъ тоже чего нибудь дай къ головамъ. Разцарапавши.

— Да гдѣ это васъ носитъ, что у васъ всѣ головы въ равахъ?—спросила я.

— А это, барыня, съ праздниковъ. Въ праздникъ отъ нечего дѣлать, ну, вотъ съпьяна да со скуки и разбалуешься камнямъ: потому—каменьщики, чѣмъ намъ больше играться?—острятъ раненые.

Я задумалась. Больно мнѣ было за все это пьянство и безобразіе. Любила я этихъ простыхъ, придурковатыхъ и смышленныхъ, добрыхъ и драчливыхъ и всегда наивныхъ ребятъ. Эти жалкіе пьяные праздники не могли дать отдыха усталому человѣку, не веселили и не радовали, а оставляли по себѣ только пьяный чадъ да сожалѣніе о потерянныхъ грошахъ. Знала я, что единственнымъ развлеченіемъ рабочихъ было потолкаться на базарѣ; но не клеилось веселье; чужой былъ край, чужой обычай. Звукъ гармоники замиралъ передъ изумленнымъ взглядомъ горожанъ-поляковъ, идущихъ съ молитвенниками изъ фарнаго костела, а пѣсня коломъ становилась въ горлѣ. Что жъ и дѣлать тутъ, ежели не драться?.. Я пошла къ рабочимъ.

— Вотъ что, ребята, я придумала: давайте по воскреснымъ днямъ грамотѣ учиться, а кто грамотенъ, для тѣхъ что нибудь почитать можно,—предложила я, справившись гдѣ слѣдуетъ, не будетъ ли мнѣ препятствій. Такъ какъ меня считали «чудачкой», то на всѣ мои затѣи смотрѣли сквозь пальцы..

— А что жъ? Это дѣло доброе... На чужой-то сторонѣ больно скучно... Чего лучше въ грамату учиться,—откликнулись мнѣ.

Я опять задумалась. Это дѣло только въ томъ случаѣ могло пойти, если за него возьмутся съ охотой. Я рѣшила сдѣлать маленькое испытаніе, заставить принести небольшую жертву.

— Ну, такъ вотъ что ребята: кто хочетъ учиться, пускай купитъ листъ бумаги, карандашъ и азбуку. Азбуку можно одну на двухъ. Завтра послѣ шабаша я приду посмотрѣть.

На другой день прихожу въ баракъ въ обѣденное время. Гляжу — обѣдъ уже прибранъ, а за чистыми столами сидятъ человѣкъ двадцать пять рабочихъ; передъ ними листы бумаги, карандаши и дешевенькіе буквари — у каждаго свой отдѣльный букварь, а не одинъ на двухъ, какъ я предложила.

Въ числѣ желающихъ учиться оказался и старый Ѳедулъ. Онъ стыдливо привѣтствовалъ меня.

— Здравствуй, мамашенька. Вотъ я съ робятамъ учиться вздумалъ на старости лѣтъ. Передъ смертью тьму очами просвѣтить хочу.

Я поздоровалась съ моей оригинальной школой. Мои ученики молчали и широко улыбались. На всѣхъ были чистыя рубахи.

— Что жъ, развѣ сейчасъ и учиться будемъ? Вѣдь, вы въ эту пору спать ложитесь? Что жъ вы днемъ-то безъ отдыха будете?—спросила я.

Мнѣ отвѣтилъ молоденькій парень, красавецъ, сидѣвшій рядомъ со своимъ отцомъ-старикомъ, купившимъ и себѣ букварь и листъ бумаги и равнодушно сносившимъ насмѣшки за то, что сѣлъ рядомъ съ сыномъ.

— Не хватило ни какого терпленья, барыня, празднику дожидаться. Мы этто всю ночь галдѣли, все грамотѣевъ выбирали да объ этомъ дѣлѣ думали. И удумали, значитъ, чтобъ въ шабашъ кажинный день учиться, а не спать — ежели твоя милость будетъ. Тогда мы къ осени-то къ своемъ избамъ грамотны вернемся,—бойко отрапортовалъ паренекъ и оглянулся на тятьку.

— Вѣрно, сынокъ,—припечаталъ старикъ.

Я изъявила живѣйшее удовольствіе и согласіе. Мы тутъ же перекрестились и принялись за грамоту.

Однажды я поздно вечеромъ проходила по постройкѣ и, увидавъ огонь въ щели барака, спросила, почему не спятъ рабочіе.

— А это грамотѣи потѣютъ надъ писаньемъ,—улыбаясь, отвѣтилъ сторожъ.

V.

Скоро послѣ того, какъ мы начали учиться грамотѣ, я замѣтила, что на постройкѣ что то неладно. Рабочіе ходили хмурые, шушукались, работали вяло. Подрядчикъ выходилъ изъ себя, архитекторъ сердился на неакуратную кладку и нѣсколько разъ чуть ли не вся дневная работа разламывалась къ вечеру по его приказанію. Даже издали, со стороны было видно, что попортился какой-то винтъ въ общей машинѣ. Лѣниво бралъ рабочій кирпичъ, медленно осматривалъ его со всѣхъ сторонъ и, шлепнувъ желѣзной лопаточкой—«мастеркомъ» малую толику известковаго мѣсива, прилаживалъ кирпичъ на мѣсто.

— Что кирпичъ-то сухой кладешь? Поплевалъ да и полно!..

За вами аредами не догляди—вся постройка развалится!..—кричитъ десятникъ.

— А что его мочить... Енъ и такъ мокрый!..—нехотя отвѣчаетъ рабочій, продолжая класть сухой кирпичъ,

— Я-те толкомъ говорю, не клади сухой!.. Нешто я не вижу!... Изъ-за васъ чертей вчера архитекторъ ругалъ!.. Почитай все сломали, что за день наработали!..

Рабочій вдругъ повернулся весь красный.

— И пущай, и пущай!.. — сердито кричалъ онъ, махая руками.—Пущай!... Намъ что за забота!.. Дарма что-ль работать вамъ!.. Подряжали за одну плату въ волостномъ, а таперя завезли на чужу сторону и плату перемѣнять!.. Этакъ, братъ, не ладно будетъ!..

— Я этихъ вашихъ дѣловъ съ подрядчикомъ не знаю. Мое дѣло смотрѣть, чтобъ кирпичъ сухой не клали, да по ватерпасу ряды въ линію выгонять!..—отвѣтилъ десятникъ и прошелъ далѣ.

Рабочій глядитъ ему въ слѣдъ и, какъ только онъ отошелъ подальше, бросаетъ «мастерокъ», свертываетъ «цыгарку» и, поплевывая, не торопясь, куритъ. Также и на протяженіи всѣхъ стѣнъ, рабочіе бросали работу и брались за «цыгарку», какъ только дозорный глазъ скрывался изъ виду. Бываетъ это и въ обычное время, но не такъ систематично, а теперь рабочіе не просто сидятъ и лѣнятся, а о чемъ-то раздумываютъ и нѣтъ-нѣтъ, да и перекинутся между собою вполголоса.

— Митряй, а Митряй!.. почитай, братъ, съ мѣсяцъ Петры и Павлы прошли, а енъ намъ жалованье не даетъ! Почитай, за два мѣсяца!.. И книжки не выдаваетъ! Узнать бы хоть!..—говоритъ одинъ рабочій другому, крѣпко почесываясь.

— А какъ узнаешь-то! Енъ, вишь, все по своему повернуть хочетъ! Въ волостномъ тогда баяли, что я записанъ въ перву руку, а нонѣ десятникъ сказывалъ, что за перву руку пойдутъ только кто на перемычкахъ! А мнѣ что перемычки, не въ первой!.. Я долженъ быть перва рука! За перву наймалъ!—отвѣчаетъ другой, пасмурный, очень худой, но еще не старый мужикъ.

— Но, но!.. пошевеливайся, ребята!.. Чистое наказанье!.. Шевелись, говорю, сейчасъ начальство пойдетъ!..—кричалъ десятникъ, весь красный и потный отъ непрестаннаго сованья изъ угла въ уголъ громадной постройки.

Рабочіе нехотя берутся за дѣло. Подносщики кирпича сидятъ кой-гдѣ по стремянкамъ, такъ какъ лѣнивая работа требуетъ мало матерьяла.

Такъ прошла недѣля. Однажды мужъ не вернулся къ обѣду. Я пошла узнать, все ли благополучно. Прихожу. Все тихо,

работа стоитъ. Я спросила встрѣтившаго меня десятника, что случилось.

— Плохо, барыня! Рабочіе бунтуютъ! Книжки съ подрядчика требуютъ и жалованье. Сегодня третій мѣсяцъ работѣ пошелъ, а народъ еще не знаетъ кого какъ разочтутъ. Подрядчикъ-то хочетъ до осени дѣло затянуть, а тамъ и разсчесть, какъ его душа пожелаетъ. Осенью рабочій у подрядчика въ рукахъ, что куренокъ у ястреба въ когтяхъ... А теперь коли толкомъ возьмутся, они изъ него веревочку совьютъ! Потому—дѣло спѣшное, матерьялъ дешевъ! Недѣлю работа постоитъ, у подрядчика изъ кармана тысячи уплывутъ!.. Н... да!..—Десятникъ видимо забылся на минуту и съ откровеннымъ удовольствіемъ потеръ себѣ руки и тряхнулъ кудрявой, бѣлокурой головой.

— Что же теперь рабочіе дѣлаютъ?—спросила я.

— А не знаю, барыня, я тамъ не былъ. Я тутъ при конторѣ нахожусь... доски велѣно принять съ лѣсопильни,—отвѣчалъ онъ, не глядя на меня.

„Охъ, голубчикъ, тутъ дѣло не обошлось безъ тебя! Ужъ очень ты боекъ!..“—подумала я и пошла въ баракъ.

Артель каменьщиковъ человѣкъ въ 200 была въ сборѣ и вся сбилась въ одинъ баракъ, построенный человѣкъ на 60—70. Всѣ были угрюмы, тихи и сосредоточены. Старшіе лежали на нарахъ, молодежь плечо въ плечо размѣстилась на столахъ, на полу, на лавкахъ. Меня не привѣтствовали. Шелъ непонятный для посторонняго разговоръ полусловами, намеками.

— Почему вы, ребята, не на работѣ?—спросила я.

— А вотъ, барыня, легли мы!—отвѣтилъ кто-то изъ сидѣвшихъ.

— Какъ легли?—съ удивленіемъ переспросила я.

— А это значитъ, мамашенька, не работаемъ! Значитъ, капутъ, легли!..—пояснилъ старикъ Ѳедулъ.

— Обиждаютъ насъ, барыня!—выступилъ впередъ черный старикъ, взявшійся за грамоту вмѣстѣ съ сыномъ.—Книжекъ не даютъ и плату сулятся перемѣнить, по какой рядили!..

— Ему бы кровь пить!..

— Подряжалъ за первую руку, а теперь...

— Завезли на чужу сторону...

Заговорили всѣ вразъ, разобрать ничего было нельзя.

— Буде, буде, слышишь!.. — унималъ черный старикъ.—Дай толкомъ объяснить!..—Понемногу стихло все.

— Наше дѣло, барыня, правильное!..—началъ онъ, когда всѣ смолкли.—Свое кровное требуемъ!.. Потому рядились въ волостномъ и кажинному свой удѣлъ положенъ былъ!.. Кто за первую руку, тому 31 рупъ на своихъ харчахъ, за вторую руку 28 рублей, а перволѣтокъ рублей 20—18. А теперя на певву руку 27 рублей положено!.. Изъ чего-жъ тутъ биться

работать! Нонѣ харчъ дорогой, на семь съ полтиной не прокормишься! Эдакъ, родимая, и крыши не покроешь...

— Да какъ же подрядчикъ перемѣнилъ условіе, если вы въ волостномъ его заключали?

— А вотъ такъ! Взялъ да и перемѣнилъ! Вы, говоритъ, сиволапые, работать не умѣете! Что зря болтать! У насъ всѣхъ перворучныхъ хоть сейчасъ на русты да перемычки ставь... Работаемъ чисто, подъ расшивку!.. Ну-ко-ся, много-ль здѣсь въ городу домовъ складено, какъ нашъ ниститутъ!.. Вонъ, погляди, пошта,—между двухъ кирпичинъ ласточка гнѣздо совьетъ!..

— И долго вы лежать будете?—спрашиваю я.

— А это какъ енъ. Въ имѣнье за книжками поѣхалъ. Разочтетъ по божески — пойдемъ на работу, а нѣтъ—пущай въ тюрьму сажаетъ. Небось, харчи то его, долго въ тюрьмѣ не продержитъ! Цѣльну то артель, поди, покорми!.. Уйти то намъ нельзя, потому неустойка поставлена, а такъ ему насъ ни съ какого бока не взять!.. Изъ тюрьмы выпуститъ—опять ляжемъ!..

Старикъ весело разсмѣялся. Разсмѣялись и многіе другіе. Артель видимо видала виды и знала, чѣмъ допечь врага.

— Дѣло то ваше правильное, да только смотрите—лежать будете—бока бы не заболѣли! сказала я, прощаясь.

— У него спина допрежъ нашихъ боковъ заболитъ!.. бросилъ кто то мнѣ въ слѣдъ.

Къ вечеру ко мнѣ пришелъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и бойкихъ молодой рабочій. Хотя онъ былъ перволѣтокъ, но видно было, что онъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ зачинщиковъ лежанья.

— Къ твоей милости, барыня! Я... то бишь, наши удумали, чтобы просить тебя за насъ заступиться!.. началъ онъ, вертя въ рукахъ картузъ и кланяясь.

— Да я, голубчикъ, ничѣмъ тутъ вамъ помочь не могу! Самъ знаешь, не женское дѣло!..

— Да ты, барыня, слушай; вотъ что старики удумали: попроси ты, сдѣлай милость, за насъ господина архитектора. чтобъ насъ всѣхъ выгналъ на работу для провѣрки, быдто для экзамента!.. И пущай по очереди всѣхъ на перемычки, аль на русты ставятъ. Кто сдюжитъ—пущай за перву руку числится, а не сдюжитъ кто—за втору пойдетъ!.. Тогда все и будетъ по божески! А въ книжкахъ цѣна кажной руки въ волостномъ проставлена!..

Я обѣщала похлопотать. Мужъ согласился, что для прекращенія несвоевременнаго «лежанья» выгоднѣе всего было бы исполнить требованіе рабочихъ. Онъ позвалъ десятника и передалъ ему просьбу рабочихъ.

— Ну, Савелій, что ты на это скажешь? закончилъ онъ.

Десятникъ тряхнулъ головой, посмотрѣлъ въ сторону, переступилъ съ ноги на ногу и по лицу его пробѣжала улыбка.

— Эхъ, народъ—бунтарь! Все недовольны!.. началъ онъ— А что это дѣло ихъ правильное!.. Потому работать не умѣешь всякому сказать можно, а ты докажи!.. Что-жъ, Петръ Ивановичъ, ужъ сдѣлали бы имъ удовольствіе... А то шутка сказать экое время лежимъ! А только они въ своемъ правѣ!—И молодой десятникъ на этотъ разъ прямо посмотрѣлъ въ лицо архитектору своими задорными, но честными глазами.

Не смотря на протесты подрядчика, на другой день былъ назначенъ экзаменъ.

Утромъ постройка оживилась. Народъ бѣгалъ, суетился. Всѣ весело перекликались, дружно и быстро работая. Ни одна «цыгарка» не курилась, подносчики не успѣвали подносить кирпичъ. Человѣкъ 50 работало у перемычекъ (арочки отъ одного оконнаго косяка до другого). Кирпичъ сегодня промачивался чуть не насквозь, расшивка дѣлала аккуратныя, ровныя, какъ шкурки, полоски.

— Катай ребята! Ишь, адамовы дѣти, умѣете работать! Кирпичъ то словно въ рѣчкѣ купаете!—то тамъ, то тутъ похваливалъ десятникъ, сіяя глазами.

— Какъ же не работать, Савелій Тимофѣевичъ, самъ посуди, вѣдь свое кровное!.. Наша работа безъ обмана! Ему что-ль одному работали! Вонъ въ Питерѣ церкву нѣмцамъ сработали,—готическа, однихъ сводовъ что!..

— Знаю я васъ, шельмовъ черниговскихъ!.. посмѣивается десятникъ.

— Эй, десятникъ!.. Зубы скалишь!.. А дѣло стоитъ!.. Вдругъ вывернулся подрядчикъ.

— Гдѣ оно стоитъ то? вызывающе огрызнулся десятникъ.— На экзаментѣ увидимъ!.. Подрядчикъ промчался дальше.

— Нако, укуси свое ухо!.. больно долгое отростилъ!.. пустилъ ему десятникъ въ слѣдъ.

Вечеромъ экзаменаторы: архитекторъ, подрядчикъ, казенный контролеръ и два десятника отправились осматривать дневную работу. Рабочіе стояли стѣной въ нѣкоторомъ отдаленіи и напряженно ждали. Работа была безукоризненна. Изъ 50 человѣкъ претендующихъ на первую руку, сорокъ пять человѣкъ было удостоено этого званія. Непризнанные пятеро не протестовали и безпрекословно отошли къ второручнымъ.

Подрядчикъ ругался, грозилъ, но все таки долженъ былъ въ присутствіи архитектора выдать рабочимъ книжки и жалованье по уговору, записанному въ книжкахъ.

Только на перволѣткахъ сорвалъ подрядчикъ по два рубля.

На слѣдующій день рабочіе вышли на работу полной артелью.

VI.

Осень. Половина октября. Легкій морозъ серебритъ каменныя стѣны зданія. Оно поднималось, высокое и стройное; точно кости гигантскаго остова высились надъ нимъ бѣлыя стропила. Надъ зданіемъ выбѣгали тонкія, легкія трубы и, толпясь, смотрѣли съ высоты на красивыя, застывающія окрестности.

Производились уже послѣднія каменныя работы внутри: клались своды корридоровъ. Хотя окна и были забраны досками, но дыръ и открытыхъ мѣстъ въ дверяхъ и крышѣ было много и рѣзкій сквозной вѣтеръ гулялъ по обширнымъ заламъ и корридорамъ. Какъ ни спѣшили съ работой—дѣло затянулось до морозовъ и теперь работали въ двѣ смѣны: дневную и ночную съ фонарями.

Трудна была работа. Народъ хворалъ. Въ недѣлю выбыла чуть не половина артели. Какъ ни удерживалъ подрядчикъ повышенной платой, просьбами и водкой — рабочіе брали разсчетъ и разъѣзжались. Осталась только бѣднѣйшая часть артели. Больно было смотрѣть, какъ эти бѣдняки работали на 5—7-градусномъ морозѣ. Кирпичъ надо мочить. Грѣли воду, но она быстро застывала. Вечеромъ и утромъ ко мнѣ приходили «дневные» и «ночные», человѣкъ по 15-ти, съ руками, обмотанными грязными тряпицами.

— Мамашенька, полечи!.. Мочи нѣтъ, больно!.. — И они показывали свои страшныя руки, распухшія и багрово-красныя, съ потрескавшимися въ раны ладонями и лопнувшими между пальцевъ перепонками.

Но ни мазь, ни перевязки не помогали, потому что черезъ 12 ч. раны опять купались въ грязной водѣ и замораживались на холодѣ.

Холодъ стоялъ въ лѣтнемъ баракѣ. Рабочіе, чтобы согрѣться, бѣгали, съежившись, въ своихъ дряхлыхъ, дырявыхъ тулупишкахъ, рваныхъ валенкахъ, поколачивая рука объ руку. Такъ какъ они рисковали замерзнуть, то наконецъ въ одну изъ большихъ залъ вставили временныя рамы и желѣзныя печи и сюда перевели остатокъ артели. Въ первый день на новосельѣ рабочіе опять легли, но на этотъ разъ ужъ поневолѣ—отъ страшнаго угара истопленныхъ въ сыромъ помѣщеніи печей. Въ залѣ-баракѣ буквально было зелено. Отъ сырыхъ, не оштукатуренныхъ стѣнъ шелъ паръ, отъ печей—дымъ и чадъ. Пришлось подъ руки выводить народъ и оттирать головы снѣгомъ.

Прошла еще мучительная недѣля, когда запоздавшіе своды были выведены, и разъѣхался остатокъ разболѣвшейся артели

Никакого живого интереса и участія не замѣтила я въ рабочихъ къ плодамъ своего долгаго, мучительнаго труда — къ постройкѣ. Можетъ быть это происходитъ отъ того, что рабочій выпускаетъ изъ рукъ трудъ неоконченнымъ. Сначала землекопы роятъ ровъ, ихъ смѣняютъ каменьщики, которые оставляютъ голый каменный остовъ, за ними штукатуры и маляры отдѣлываютъ чужія стѣны; затѣмъ мелкія партіи въ 5—10 человѣкъ дѣлаютъ кузнечныя, столярныя, водопроводныя и слесарныя работы. И въ сущности постройка всѣмъ чужая, кромѣ архитектора.

Онъ одинъ видѣлъ, какъ она родилась, росла и возмужала въ красивое зданіе. Кромѣ него, никому нѣтъ дѣла до ея окончанія, славы и будущаго...

З. Серебровская.

Осенняя пѣсня.

Грустно, товарищъ, скитаться въ ненастье
Ночью осенней—отыскивать путь!..
Грудь облегченно хотѣла-бъ вздохнуть,—
Грудь истомленная хочетъ участья...

Цѣли не видно подъ темною мглой...
Въ небѣ холодномъ разбросаны тучи;
Грустно окидывать рядъ ихъ ползучій
Взоромъ тревожнымъ, съ тревожной тоской...

Тучи не знаютъ горячихъ желаній;
Небо не можетъ отвѣтить тебѣ.
Вѣрное только стихійной борьбѣ,
Спитъ оно, спитъ безъ живучихъ страданій!..

Ночь... Ни души... Только поле кругомъ
Тянется мрачной, безлюдной пустыней...
«Гдѣ же тотъ путь, озаренный святыней?
Гдѣ онъ?»—ты спросишь съ поникшимъ челомъ.

Спросишь,—и голосъ замретъ безъ отвѣта,
Вѣтеръ суровый завоетъ вдали...
Теплой весною надежды цвѣли,
Осенью-жъ сердце ничѣмъ не согрѣто!..

Вас. Булгаковъ.

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

знаменитой Молль Флендэрсъ,

которая родилась въ Ньюгетѣ и въ теченіи своей шестидесятилѣтней разнообразной жизни, не считая дѣтскаго возраста, была двѣнадцать лѣтъ проституткой, пять разъ замужемъ (причемъ одинъ разъ за своимъ братомъ), двѣнадцать лѣтъ воровкой, восемь лѣтъ, какъ преступница, въ ссылкѣ въ Виргиніи и, наконецъ, разбогатѣвъ, стала жить честно и умерла въ покаяніи; записано по ея мемуарамъ

Даніэлемъ Де-Фо.

Переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго.

НАПИСАНО ВЪ 1683 ГОДУ.

XII.

Новые друзья.—За мной ухаживаетъ ирландскій богачъ.—Я выхожу замужъ.—Мое разочарованіе.

Мы пріѣхали въ деревенскій домъ какого-то джентльмена, гдѣ насъ встрѣтила многочисленная семья; всѣ называли мою подругу «кузиной»; я же, увидя такое изысканное общество, стала выговаривать ей, зачѣмъ она не предупредила меня, тогда я могла бы взять свои лучшія платья; но дамы, поймавъ на-лету мои слова, очень любезно замѣтили мнѣ, что у нихъ, не такъ какъ въ Лондонѣ, судятъ о человѣкѣ не по платью. Ихъ кузина подробно описала мои достоинства, и потому мнѣ нѣтъ надобности заботиться о нарядахъ; вообще онѣ, какъ видно, меня принимали за очень богатую вдову.

Прежде всего я узнала, что всѣ члены семьи были католики, считая въ томъ числѣ и «кузину»; тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что никто не могъ относиться къ человѣку другого исповѣданія съ большею терпимостью, чѣмъ они. Надо сказать правду, въ этомъ отношеніи и я отличалась особой деликатностью; я благосклонно относилась къ ученію Римской церкви и въ частной бесѣдѣ съ ними высказывала мнѣніе, что я смотрю на всѣ различія христіанской религіи, какъ на предубѣжденіе, и еслибы мой отецъ былъ католикъ, то я не сомнѣваюсь, что

я съ такимъ же восторгомъ относилась бы къ этой религіи, съ какимъ отношусь къ своей.

Это всѣмъ очень понравилось. И такъ я постоянно находилась въ прекрасномъ обществѣ и всегда за оживленной и восхитительной бесѣдой; двѣ или три старухи посвящали меня въ обряды своей вѣры. Я была такъ деликатна, что не старалась избѣгать присутствія на обѣднѣ и исполняла нѣкоторыя религіозныя движенія, согласно ихъ указаніямъ; этимъ я подавала имъ надежду обратить меня въ католичество, и онѣ старались познакомить меня съ его ученіемъ.

Здѣсь я прожила около шести недѣль; затѣмъ моя руководительница повезла меня въ деревню, которая находилась въ разстояніи около шести лье отъ Ливерпуля, куда явился и ея братъ, какъ она называла его, съ двумя лакеями въ прекрасныхъ ливреяхъ; онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ и тутъ же началъ ухаживать за мной. Мои дѣла находились въ такомъ положеніи, что я могла не сразу идти на приманку; дѣйствительно, я такъ и поступила, зная, что у меня въ Лондонѣ начата вѣрная игра, которую я рѣшила не оставлять, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не найду лучшаго. Однако же повидимому этотъ братъ стоилъ того, чтобы обратить на него вниманіе; мнѣ казалось, что онъ получалъ не менѣе 1000 фунтовъ годового дохода, но его сестра говорила, что его имѣніе стоитъ 15000 фунтовъ и кромѣ того у него есть прекрасныя помѣстья въ Ирландіи.

Всѣ считали меня такой богатой, что никто не посмѣлъ даже заикнуться со мной о моемъ состояніи; между тѣмъ моя мнимая подруга, вѣря глупымъ разсказамъ въ Лондонѣ, сперва сдѣлала изъ моихъ 500 фунтовъ 5,000, а потомъ, когда мы пріѣхали сюда, они выросли уже въ 15,000 фунтовъ. Поэтому понятно, съ какимъ рвеніемъ ирландецъ набросился на такую приманку; онъ сильно ухаживалъ за мной, присылая мнѣ подарки и тратя на нихъ безумныя деньги; надо отдать ему справедливость, его внѣшность была въ высшей степени изящна; это былъ настоящій джентльменъ, высокаго роста, прекрасно сложенный и необыкновенно ловкій; всѣ его разговоры ограничивались паркомъ, конюшнями, лошадьми и охотой, но онъ говорилъ о нихъ такъ, какъ будто все это было его собственностью и находилось тутъ же передъ моими глазами.

Онъ никогда не спрашивалъ меня о моемъ состояніи; но всегда старался убѣдить меня въ томъ, что, если я выйду за него замужъ и мы переѣдемъ въ Дублинъ, то онъ принесетъ мнѣ въ приданое прекрасную землю, которая даетъ 600 фунтовъ годового дохода, причемъ онъ обѣщалъ утвердить ее за мной крѣпостнымъ актомъ.

Чтобы не замедлять хода моего разсказа, скажу только, что

я согласилась выдти за него замужъ, но, не желая дѣлать бракъ гласнымъ, мы рѣшили отправиться внутрь страны, гдѣ насъ и обвѣнчалъ католическій ксендзъ, но я увѣрена, что этотъ бракъ былъ такъже дѣйствителенъ, какъ еслибы онъ былъ совершенъ англиканскимъ пасторомъ.

Спустя около мѣсяца послѣ свадьбы, онъ началъ поговаривать о нашемъ отъѣздѣ въ Уэстчестеръ, гдѣ мы должны были сѣсть на корабль и отправиться въ Ирландію. Но онъ не торопилъ меня, и мы прожили въ деревнѣ еще около трехъ недѣль, затѣмъ онъ послалъ въ Честеръ за каретой, которая должна была насъ встрѣтить у Рокъ-Блакъ, противъ Ливерпуля. Тамъ мы сѣли въ маленькое судно, такъ называемую пинассу о шести веслахъ; слуги, лошади и багажъ были перевезены на паромѣ. Извиняясь, что у него нѣтъ знакомыхъ въ Честерѣ, гдѣ бы намъ можно было остановиться, онъ сказалъ мнѣ, что отправится впередъ и подъищетъ какое нибудь помѣщеніе въ частномъ домѣ, причемъ я спросила: долго ли мы пробудемъ въ Честерѣ. «День или два», отвѣчалъ онъ, прибавя, что тамъ мы наймемъ карету въ Холихедъ; на это я замѣтила, что напрасно онъ хочетъ искать квартиру на одну или двѣ ночи, такъ какъ Честеръ большой городъ, и я не сомнѣваюсь, что тамъ есть гостинницы, гдѣ мы можемъ довольно удобно устроиться, занявъ номеръ въ отелѣ около собора.

Затѣмъ мой супругъ, разговаривая о нашемъ переѣздѣ въ Ирландію, между прочимъ, спросилъ меня, не нужно ли мнѣ, прежде чѣмъ окончательно разставаться съ Англіей, устроить свои дѣла въ Лондонѣ; я отвѣтила, что не имѣю въ этомъ особенной надобности, такъ какъ могу устроить все, написавъ изъ Дублина.

— Миледи,—сказалъ онъ очень вѣжливо,—я думаю, что большая часть вашего состоянія, о которомъ мнѣ говорила моя сестра, заключается въ наличныхъ деньгахъ, находящихся въ Англійскомъ банкѣ; если это такъ, тогда надо сдѣлать трансферты или перемѣну документовъ, а для этого необходимо отправиться въ Лондонъ, прежде чѣмъ садиться на корабль.

Я сдѣлала удивленную мину и отвѣтила:—я не понимаю, что вы хотите сказать; сколько мнѣ извѣстно, у меня нѣтъ никакихъ денежныхъ цѣнностей въ Англійскомъ банкѣ, и я надѣюсь, вы не станете утверждать, чтобы я когда-нибудь говорила вамъ объ этомъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ ничего не говорили,—сказалъ онъ,—но моя сестра сообщила мнѣ, что большая часть вашего состоянія лежитъ въ банкѣ. И если теперь я позволилъ себѣ заговорить объ этомъ, моя дорогая, то это потому, что если вамъ необходимо привести въ порядокъ ваши дѣла, тогда лучше сдѣлать

это теперь, чтобы избавить васъ отъ риска совершать два раза морское путешествіе.

Я пришла въ изумленіе и спрашивала себя, что все это значитъ? Вдругъ у меня мелькнула мысль, что моя подруга описала меня моему мужу въ совершенно ложномъ свѣтѣ и потому я рѣшила выяснить сущность этого дѣла, прежде чѣмъ оставить Англію и отдаться незнакомому человѣку въ чужой странѣ.

Съ этой цѣлью на слѣдующій день утромъ я позвала къ себѣ въ комнату его сестру и передала ей мой разговоръ съ мужемъ; затѣмъ я просила ее повторить мнѣ все, что она говорила ему обо мнѣ, и объяснить, на какихъ основаніяхъ устроился нашъ бракъ. Тогда она откровенно мнѣ призналась, что увѣряла своего брата, что я имѣю огромное состояніе, оправдываясь тѣмъ, что объ этомъ ей много говорили въ Лондонѣ.

— Вамъ говорили объ этомъ, - съ жаромъ возразила я,— но я сама заикалась-ли вамъ когда-нибудь объ этомъ?

На эти слова, сказанныя мною громко и горячо, вошелъ мой мужъ, и я просила его остаться здѣсь, такъ какъ имѣю сказать очень важную вещь, которую ему необходимо выслушать.

Онъ немного смутился, вѣроятно, благодаря моему увѣренному тону, и сѣлъ возлѣ меня, предварительно затворивъ дверь; послѣ этого я, сильно разгоряченная, обратилась къ нему и сказала:

— Вчера вечеромъ я спрашивала васъ, хвалилась-ли я когда-нибудь вамъ своимъ богатствомъ и говорила-ли, что у меня лежатъ деньги въ Англійскомъ банкѣ? Вы справедливо согласились, что этого не было; теперь я прошу васъ сказать въ присутствіи вашей сестры, давала-ли я вамъ поводъ думать такимъ образомъ, происходилъ-ли когда нибудь разговоръ между нами по этому поводу? — Онъ еще разъ согласился, что ничего этого не было, но замѣтилъ, что всегда я казалась ему богатой женщиной, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ и надѣялся не обмануться.

— Я васъ не спрашиваю, обманулись-ли вы, или нѣтъ,— сказала я,— я боюсь, что сама нахожусь въ такомъ же положеніи, и хочу только оправдаться въ своей прикосновенности къ этому обману. Теперь я желаю спросить вашу сестру, говорила-ли я ей когда-нибудь о моихъ богатствахъ и описывала-ли я ихъ въ подробностяхъ? Она должна тоже признаться, что этого не было. И такъ, миледи, будьте справедливы, обвините меня, если можете. Скажите, зачѣмъ, если-бы я имѣла состояніе, мнѣ было ѣхать сюда? Но вы отлично знаете, что я ѣхала съ единственной цѣлью сохранить то немногое, что имѣю.—Она не могла отрицать справедливости моихъ словъ и оправдывалась тѣмъ, что ее увѣрили въ Лондонѣ, будто я имѣю

большое состояніе, которое заключается въ деньгахъ, помѣщенныхъ въ Лондонскомъ банкѣ.

— Теперь, мой милый,—продолжала я, снова обращаясь къ своему новому супругу, — будьте справедливы и скажите, кто обманулъ насъ обоихъ, кто заставилъ васъ думать, что я богата, и убѣдилъ меня выйти за васъ замужъ?

Онъ не могъ выговорить ни одного слова и молча указывалъ пальцемъ на сестру. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ пришелъ въ такое неистовство, какого я не видѣла никогда; онъ проклиналъ и поносилъ самыми грубыми ругательствами свою кузину; онъ кричалъ, что она разорила его, увѣривъ, будто у меня 15,000 фунтовъ; онъ говорилъ, что за устройство этого брака она должна была получить съ него 500 фунтовъ; затѣмъ, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ, что она не сестра его, а бывшая любовница, съ которой онъ жилъ два года, что она получила отъ него 100 фунтовъ въ задатокъ по этому дѣлу и совершенно разорила его, если только все то, что я говорю, правда; въ своемъ изступленіи, онъ давалъ клятву выпустить ей кровь изъ сердца, что привело въ ужасъ и ее, и меня. Кузина скрылась изъ комнаты и съ тѣхъ поръ я ее больше не видала.

Съ своей стороны я просила его не говорить ничего подобнаго, а лучше придумать какой бы то ни было выходъ изъ этого положенія, обѣщая ему сдѣлать все, что я въ силахъ, лишь бы остаться съ нимъ и жить такъ, какъ онъ хочетъ.

Онъ умолялъ меня не продолжать въ такомъ тонѣ, иначе онъ сойдетъ съ ума; онъ сказалъ, что получилъ воспитаніе джентльмена, но, къ несчастію, упалъ такъ низко, что ему остается только одинъ выходъ, которымъ онъ и воспользуется, если я соглашусь отвѣтить на одинъ вопросъ, къ чему, впрочемъ, онъ меня не обязываетъ; я обѣщала исполнить его просьбу, но добавила: «я не знаю, удовлетворитъ ли васъ мой отвѣтъ, или нѣтъ».

— И такъ моя дорогая, скажите мнѣ откровенно,—продолжалъ онъ,—можетъ ли обезпечить насъ обоихъ ваше небольшое состояніе?

На мое счастье никто не зналъ не только дѣйствительнаго положенія моихъ дѣлъ, но даже и моего имени. Понимая, что, не смотря на прекрасный, повидимому, характеръ моего мужа и его честность, мы должны будемъ жить только на мои небольшія средства, я рѣшила скрыть отъ него всѣ свои деньги, кромѣ банковаго листа и одиннадцати гиней, которыми съ радостью готова была пожертвовать. Послѣдній билетъ былъ у меня далеко спрятанъ, и все это въ концѣ-концовъ позволяло мнѣ быть великодушной относительно моего мужа, котораго, дѣйствительно, я жалѣла отъ всего сердца.

И такъ, на предложенный имъ вопросъ я отвѣтила слѣдующее: «Я низачто не обману васъ и буду говорить вполнѣ откровенно. Но какъ мнѣ ни прискорбно, а я должна объявить вамъ, что на свои средства я не могла существовать даже одна на югѣ и это было причиной, почему я попала въ руки женщины, которая увѣряла, что въ Манчестерѣ можно смѣло прожить на 6 фунтовъ въ годъ, а между тѣмъ весь мой доходъ не превышаетъ 15 фунтовъ... я разсчитывала хорошо устроиться здѣсь въ ожиданіи лучшихъ дней».

Онъ молча покачалъ головой и мы провели вечеръ въ грустномъ настроеніи духа; однако, въ концѣ ужина онъ немного развеселился и приказалъ подать бутылку вина.

— И такъ, моя дорогая,—сказалъ онъ,—какъ бы ни были плохи дѣла, все же не слѣдуеть падать духомъ. Успокойтесь; я постараюсь найти кое какія средства къ жизни; вы говорите, что можете просуществовать на свои, и это ужъ лучше, чѣмъ ничего; я снова попытаю свое счастье; мужчина долженъ думать, какъ мужчина, приходить въ отчаяніе—значитъ уступать несчастью.—При этомъ онъ наполнилъ виномъ стаканъ и предложилъ тостъ за мое здоровье, держа меня за руку все время, пока не выпилъ вино, потомъ онъ сталъ увѣрять меня, что теперь я составляю его главную заботу.

Это былъ дѣйствительно прекрасный и любезный человѣкъ; тѣмъ болѣе меня огорчала наша исторія. Я находила еще нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что была обманута не грубымъ мошенникомъ, а настоящимъ джентльменомъ, между тѣмъ, какъ онъ испытывалъ полное разочарованіе, истративъ массу денегъ по самой нелѣпой причинѣ.

Всю ночь мы провели въ задушевной бесѣдѣ и долго не могли заснуть; онъ глубоко раскаявался во всѣхъ своихъ обманахъ, называя ихъ вѣроломствомъ, за которое заслуживаетъ смертной казни; онъ отдавалъ мнѣ все до послѣдняго шиллинга, говоря, что самъ отправится въ армію искать смерти, какъ заслуженнаго наказанія за свое преступленіе.

Я спросила его, для чего онъ хотѣлъ такъ жестоко поступить со мной, отвезти меня въ Ирландію, гдѣ, какъ ему извѣстно, я не могла существовать. Онъ обнялъ меня и отвѣтилъ:

— Настало время,—отвѣчалъ онъ,—объяснить вамъ весь мой планъ; я думалъ сначала узнать отъ васъ подробности относительно вашего состоянія, что, какъ вы видѣли, я и сдѣлалъ; и если бы, какъ я ожидалъ, вы познакомили меня съ ними, тогда я придумалъ бы поводъ отложить поѣздку въ Ирландію и мы отправились бы въ Лондонъ. Потомъ, сердце мое, я рѣшилъ открыть вамъ истинное положеніе своихъ дѣлъ и объяснить, что я воспользовался всѣми хитрыми уловками съ един-

ственною цѣлью получить ваше согласіе на бракъ и что теперь мнѣ остается одно—вымолить у васъ прощеніе и сказать, какъ горячо я употреблю всѣ усилія, съ цѣлью заставить васъ забыть мое прошлое въ счастьи всей нашей жизни съ вами.

— Да,—сказала я ему,—я вѣрю, что вы могли покорить мое сердце; теперь же я сожалѣю только о томъ, что не могу доказать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ я помирилась бы съ вами; всѣ ваши уловки и извороты я простила бы ради вашего прекраснаго характера; но, мой другъ, мы оба погибли, и самое доброе наше согласіе ни къ чему не послужитъ, такъ какъ намъ нечѣмъ жить.

Мы дѣлали много различныхъ предположеній, но ни одно изъ нихъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, онъ просилъ меня не продолжать больше, говоря, что это мучительно отзываеся въ его сердцѣ. Мы перешли на другія темы, наконецъ, онъ меня оставилъ, и я заснула.

XII.

Мой новый мужъ оставляетъ меня.—Мы разстаемся друзьями.—Я возвращаюсь въ Лондонъ.—Я беременна.—Приготовленія къ родамъ.

Онъ всталъ рано утромъ, я же, не спавъ почти всю ночь, поднялась съ постели около двѣнадцати часовъ утра. Въ это время, взявъ своихъ лошадей, трехъ слугъ, бѣлье, платье, онъ уѣхалъ, оставя мнѣ короткое, но трогательное письмо, слѣдующаго содержанія:

«Дорогая моя,

Я собака; я обманулъ васъ; вопреки моимъ принципамъ и моему прежнему образу жизни, я былъ вовлеченъ въ это извѣстной презрѣнной женщиной. Простите меня, моя дорогая! Я искренно прошу у васъ прощенія. У меня нѣтъ силъ видѣться съ вами и я торжественно объявляю, что вы свободны; если вамъ представится случай выйти замужъ, пользуйтесь имъ и не думайте обо мнѣ; клянусь всѣмъ святымъ для меня, клянусь словомъ честнаго человѣка никогда не нарушать вашего покоя, если узнаю объ этомъ; съ другой стороны, если вамъ не случится выйти замужъ и если я найду еще удачи въ жизни, тогда все мое будетъ вашимъ, гдѣ бы вы ни были.

«Часть оставшихся у меня денегъ я положилъ въ вашъ карманъ; займите для себя и для горничной мѣста въ каретѣ и отправляйтесь въ Лондонъ. Я надѣюсь, что этими деньгами вы покроете всѣ дорожныя издержки. Еще разъ я прошу у васъ прощенья отъ всего моего сердца и это буду дѣлать всегда, когда вспомню о васъ.

«Прощайте навѣки, моя дорогая

«Д. Э.».

До сихъ поръ ничто въ моей жизни не падало такою тяжестью на мое сердце, какъ это прощаніе; я тысячу разъ упрекала его за то, что онъ меня оставилъ, потому что я готова была идти за нимъ на край свѣта, хотя бы даже пришлось просить милостыни!.. Я упала на стулъ и впродолженіи двухъ часовъ рыдала и призывала его имя, говоря:

— Возвратись, Джеми! возвратись! я отдамъ тебѣ все; я стану просить милостыню, я умру вмѣстѣ съ тобой съ голоду.

Я бѣгала какъ безумная по комнатѣ; садилась, опять бѣгала, рыдала, кричала и призывала его къ себѣ. Такъ я провела время до семи часовъ вечера, наступили сумерки (былъ августъ), и къ величайшему моему изумленію я услыхала, что онъ возвратился въ гостинницу и подниматеся въ мою комнату.

Я была такъ смущена, какъ только можно себѣ представить, онъ тоже; я не могла понять причину его возвращенія, я не знала, радоваться мнѣ или негодовать; наконецъ, любовь рѣшила все, я была не въ силахъ скрыть своего счастья, оно было слишкомъ велико, и я залилась слезами. Войдя въ комнату, онъ обнялъ меня и началъ крѣпко цѣловать, не говоря ни слова. Наконецъ, я сказала:

— Радость моя, неужели ты рѣшился уйти отъ меня навсегда?

Сначала онъ не отвѣчалъ, онъ былъ не въ силахъ выговорить слова; но когда мы успокоились, онъ объяснилъ, что, проѣхавъ больше пятнадцати лье, онъ не могъ продолжать путь дальше и вернулся, желая посмотрѣть на меня еще разъ и еще разъ проститься со мной.

Я разсказала ему, какъ мучительно я провела безъ него время и какъ звала его, прося вернуться. Онъ отвѣчалъ, что ясно слышалъ мой голосъ въ лѣсу Делашеръ, за двѣнадцать лье отсюда. Я улыбнулась.

— Нѣтъ, ты не думай, что я шучу, сказалъ онъ,—я дѣйствительно слышалъ, что ты меня звала, а иногда мнѣ казалось, будто ты бѣжишь за мной.

— Но тогда скажи, что я говорила?—спросилъ я.

— Ты громко кричала: возвратись, Джеми, возвратись!

Я пришла въ изумленіе, на меня напалъ страхъ и я сказала.

— Итакъ, теперь ты не оставишь меня, и я пойду за тобой хоть на край свѣта.

Онъ отвѣчалъ, что какъ ни трудно ему разставаться, тѣмъ не менѣе это необходимо, и онъ надѣется, что я насколько возможно облегчу ему эту горькую необходимость.

Затѣмъ онъ прибавилъ, что мнѣ одной неудобно отправляться въ Лондонъ, ему же все равно куда ни ѣхать, поэтому онъ и рѣшилъ проводить меня.

Спустя два дня, мы оставили Честеръ, и мы доѣхали съ нимъ до Донстебля, который находится въ тридцати лье отъ Лондона; здѣсь мой мужъ объявилъ мнѣ, что несчастная судьба заставляетъ его оставить меня, потому что ему невозможно въѣхать въ Лондонъ, по причинамъ, которыя мнѣ безполезно знать. Почтовая карета обыкновенно не останавливается въ Донстеблѣ, но я просила кондуктора остановиться на четверть часа, карета подъѣхала къ гостинницѣ, и мы вошли въ нее.

Когда мы остались вдвоемъ, я сказала, что у меня есть къ нему просьба, которую онъ долженъ исполнить; такъ какъ, по его словамъ, ему нельзя ѣхать дальше, то я прошу его остаться со мной въ Донстеблѣ недѣлю или двѣ.

Онъ согласился и, позвавъ хозяйку гостинницы, сказалъ ей, что я нездорова и не могу продолжать путешествія въ почтовой каретѣ, поэтому онъ просилъ ее нанять намъ помѣщеніе въ частномъ домѣ дня на два или на три, гдѣ я могла бы отдохнуть послѣ такого утомительнаго пути. Хозяйка, очень любезная и обязательная женщина, тотчасъ явилась ко мнѣ и сказала, что у нея есть двѣ или три хорошія и спокойныя комнаты, которыя безъ сомнѣнія мнѣ понравятся, при чемъ она обѣщала дать мнѣ совершенно отдѣльную горничную; такимъ образомъ мнѣ оставалось только принять это любезное предложеніе и я пошла осмотрѣть комнаты, которыя были дѣйствительно прекрасно меблированы и вполнѣ удобны. Мы разсчитались съ кондукторомъ, забрали свои вещи и рѣшили на время поселиться здѣсь.

Я объявила мужу, что останусь здѣсь съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ у меня всѣ деньги, и не позволю ему тратить ни одного своего шиллинга. Какъ видите, мы продолжали состязаться въ нѣжности, что не мѣшало мнѣ съ грустью замѣтить ему, что вѣроятно я въ послѣдній разъ наслаждаюсь его обществомъ и потому прошу его позволить мнѣ быть полной хозяйкой, затѣмъ онъ можетъ распоряжаться мной, какъ ему будетъ угодно. Онъ согласился и на это и объяснилъ мнѣ, что, отправляясь въ Ирландію, онъ попытаетъ счастья устроиться; если тамъ найдетъ средства къ жизни, тогда явится ко мнѣ; онъ не хочетъ рисковать ни однимъ моимъ шиллингомъ, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ опыта съ своими, причемъ онъ увѣрялъ меня, что въ случаѣ, если ему не удастся устроиться въ Ирландіи, онъ всетаки отыщетъ меня и тогда мы отправимся вмѣстѣ въ Виргинію, куда я звала его въ свою очередь.

Это было его послѣднее рѣшеніе; мы прожили вмѣстѣ около мѣсяца, втеченіи котораго я наслаждалась такимъ пріятнымъ обществомъ, какого не встрѣчала больше никогда. Въ это время онъ разсказалъ мнѣ свою исторію, полную самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ приключеній, изъ которыхъ можно было

бы составить прекрасный романъ; но я буду еще имѣть случай вернуться къ нему.

Наконецъ я съ большимъ огорченіемъ разсталась съ своимъ мужемъ, я была убѣждена, что онъ покидаетъ меня изъ печальной необходимости и противъ своего желанія, потому что причины, по которымъ онъ не могъ отправиться въ Лондонъ, были весьма основательны, что я вполнѣ поняла потомъ.

Я дала ему точныя указанія относительно своего адреса, сохраняя однако въ глубокой тайнѣ свое настоящее имя; онъ тоже объяснилъ мнѣ, какъ поступить, чтобы мое письмо дошло въ его руки.

Я пріѣхала въ Лондонъ на другой день послѣ нашей разлуки; по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ не желаю говорить, я помѣстилась не на прежней квартирѣ, а въ улицѣ Сентъ Джонасъ; теперь, оставшись совершенно одна, я стала разбирать свои семимѣсячныя скитанія, и съ большимъ удовольствіемъ вспоминала тѣ очаровательные часы, которые я провела съ моимъ новымъ мужемъ; но эти пріятныя воспоминанія скоро померкли, когда, спустя нѣкоторое время, я почувствовала себя беременной.

Это обстоятельство было особенно для меня тягостно, потому что мнѣ трудно было найти для родовъ удобное помѣщеніе; въ то время для иностранки, безъ друзей и знакомыхъ, такое положеніе было слишкомъ щекотливымъ и отвѣтственнымъ.

Между тѣмъ я аккуратно вела переписку съ моимъ банковскимъ другомъ или, лучше сказать, онъ ревностно поддерживалъ ее со мной, посылая письмо каждую недѣлю; въ улицѣ Сентъ Джонесъ я получила отъ него очень любезное письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что бракоразводный процессъ въ полномъ ходу, не смотря на нѣкоторыя неожиданныя затрудненія. Меня не особенно огорчало это замедленіе процесса, хотя бы уже потому, что я была беременна отъ другого,—и не желала, какъ дѣлаютъ многія, свалить на него чужую вину. Съ другой стороны мнѣ не хотѣлось совсѣмъ упустить моего новаго друга, такъ какъ я рѣшила послѣ родовъ выйти за него замужъ, если только онъ не измѣнитъ своего намѣренія; я была вполнѣ убѣждена, что никогда не услышу о моемъ Ланкаширскомъ мужѣ, который съ первыхъ же писемъ ко мнѣ не переставалъ настаивать, чтобы я выходила снова замужъ, увѣряя, что онъ никогда не заявитъ своихъ правъ.

Между тѣмъ я заболѣла, что еще болѣе усилило мое горе, у меня была простая лихорадка, но я испугалась, полагая что настаютъ преждевременныя роды. Собственно говоря, это обстоятельство должно было скорѣе радовать, чѣмъ пугать меня, но я гнушалась даже одной мысли сдѣлать что-либо, что могло ускорить мои роды.

Однако моя хозяйка первая предложила мнѣ найти акушерку; сначала я нѣсколько стѣснялась, но потомъ согласилась на ея предложеніе, говоря, что не знаю здѣсь никого и потому вполнѣ полагаюсь на нее.

Повидимому, хозяйка не особенно чуждалась подобныхъ дѣлъ, какъ мнѣ казалось это сначала; она привела прекрасную акушерку, которая вполнѣ отвѣчала моимъ надобностямъ.

— Я полагаю, мистрисъ В...,—сказала хозяйка,—вы сразу опредѣлите болѣзнь леди, и я прошу васъ сдѣлать для нея все, что вы можете, такъ какъ леди вполнѣ благородная дама.—Съ этими словами хозяйка вышла изъ комнаты.

Я не понимала значенія ея словъ, но добрая старая бабушка съ серьезнымъ видомъ объяснила мнѣ все.

— Мадамъ,—сказала она,—вы кажется не поняли вашу хозяйку. Она думаетъ, что вы находитесь въ такомъ положеніи, когда роды представляютъ большое затрудненіе и когда ихъ необходимо сохранить въ тайнѣ, вотъ и все. Теперь вамъ необходимо знать, что если вы находите возможнымъ посвятить меня въ свою тайну насколько для меня необходимо (хотя я и не желаю вмѣшиваться въ ваши дѣла), то, быть можетъ, я найду средство помочь вамъ выйти изъ затрудненія и тѣмъ прояснить ваши мрачныя мысли.

Каждое слово этой женщины облегчало мнѣ душу и сердце; я слишкомъ хорошо понимала, какъ мнѣ необходима такая женщина, и потому объяснила ей, что она отчасти угадала мое положеніе, отчасти нѣтъ, такъ какъ, хотя я дѣйствительно замужемъ, но въ настоящее время мой мужъ далеко и не можетъ открыто явиться сюда. Тутъ она меня быстро остановила и сказала, что это нисколько ея не касается. Всѣ дамы, поручающія себя ея заботамъ, непремѣнно замужемъ.

— Но по моему, продолжала она, имѣть мужа, который не можетъ явиться, все равно, что не имѣть его; поэтому и мнѣ все равно жена вы его, или любовница.

— Вы правы,—сказала я,—но если мнѣ необходимо разсказать вамъ свою исторію, то я должна разсказать ее такою, какая она есть.—Потомъ я коротко объяснила ей все, что могла и въ заключеніе прибавила:—Я утруждаю васъ этими подробностями не потому, чтобы, какъ вы сейчасъ замѣтили, онѣ имѣли отношеніе къ вашему дѣлу, а потому что я хочу показать вамъ, что не желаю особенно скрывать своихъ родовъ, и что главное мое затрудненіе состоитъ въ томъ, что у меня здѣсь совершенно нѣтъ знакомыхъ.

— Я очень хорошо понимаю, миледи,—сказала она,—вы не можете указать здѣсь никакого поручителя и тѣмъ избавиться отъ назойливыхъ допросовъ прихода, которые неизбѣжны въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ того, быть можетъ, вы не

знаете, какъ устроить вашего ребенка, когда онъ появится на свѣтъ.

— Конецъ меня не такъ безпокоитъ, какъ начало,—сказала я.

— И такъ, мадамъ,—продолжала акушерка,—рѣшаетесь ли вы довѣриться мнѣ? Мое имя Б..., живу въ улицѣ (она назвала улицу) подъ вывѣской *Колыбель*; я даю въ приходъ общее поручительство, которое обезпечиваетъ отъ разслѣдованій каждую, кто рожаетъ въ моемъ домѣ. Словомъ, я имѣю предложить вамъ только одинъ вопросъ, на который если вы отвѣтите, тогда можете быть совершенно спокойны за все остальное.

Я тотчасъ догадалась, о чемъ она говоритъ, и потому сказала:

— Мадамъ, мнѣ кажется, я васъ понимаю и потому отвѣчу вамъ, что хотя у меня нѣтъ друзей на этомъ свѣтѣ, но, благодаря Бога, за то есть деньги, по крайней мѣрѣ столько, сколько будетъ нужно, но не больше.—Я прибавила послѣднія слова съ тѣмъ, чтобы она не разсчитывала на что нибудь особенное.

Она сказала, что принесетъ мнѣ счетъ расходовъ, въ двухъ или въ трехъ формахъ, изъ которыхъ я могу выбрать любой; я просила ее сдѣлать это.

На другой день она принесла, а я прочитала три счета и, улыбаясь, сказала ей, что нахожу ея требованія весьма благоразумными и что, какъ мнѣ ни прискорбно, но я должна поступить къ ней въ кліентки самаго низшаго разряда. — Но быть можетъ, мадамъ, если я поступлю въ этотъ разрядъ, то вы будете хуже содержать меня?—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала она, однако, если вы сомнѣваетесь, то можете попросить кого либо изъ своихъ друзей провѣрить, хорошо ли я буду содержать васъ, или нѣтъ.

— Потомъ, мадамъ,—продолжала она,—если ребенку не суждено жить, что иногда бываетъ, тогда у васъ сохранятся расходы на пастора, а если вы не пригласите друзей, то и на ужинъ, такъ что, вычитая эти статьи расхода, ваши роды обойдутся на 5 фунтовъ и 3 шиллинга дороже, чѣмъ стоитъ ваша обыкновенная жизнь.

Я увидѣла, что это замѣчательная леди въ своемъ родѣ и согласилась отдать себя въ ея распоряженіе; послѣ этого она, осмотрѣвъ мое помѣщеніе, нашла, что мнѣ здѣсь неудобно, что здѣсь плохо прислуживаютъ и что этого не будетъ у нея въ домѣ. Я объяснила, что я не смѣю здѣсь ничего сказать, потому что хозяйка имѣетъ какой то странный видъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовала себя беременной и заболѣла; я боюсь вызвать ее на оскорбленіе, такъ какъ она предполагаетъ, что я не могу представить точнаго удостовѣренія въ своей личности.

— Охъ Боже мой!—сказала она,—эта важная леди не нуждается подобныхъ вещей; она пробовала держать дамъ въ вашемъ положенiи, но не съумѣла поладить съ приходомъ.

На слѣдующее утро она прислала мнѣ горячаго зажареннаго цыпленка и бутылку хереса и приказала посланной дѣвушкѣ сказать, что остается въ моемъ распоряженiи до тѣхъ поръ, пока я буду жить здѣсь.

Это было неожиданной любезностью съ ея стороны, которую я приняла съ удовольствiемъ; вечеромъ она снова прислала дѣвушку узнать, не надо ли мнѣ чего, и сказать, чтобы на слѣдующiй день утромъ я послала ее за обѣдомъ. Дѣвушкѣ было приказано, прежде чѣмъ уйти отъ меня утромъ, приготовить мнѣ шоколадъ; въ полдень она принесла на обѣдъ сладкое мясо изъ телячьей грудинки и чашку супа; такимъ образомъ она издали кормила меня, чѣмъ я была чрезвычайно довольна и что меня быстро поправило; собственно говоря, главной причиной моей болѣзни былъ полный упадокъ духа.

Когда я оправилась на столько, что могла выйти, я пошла съ моей горничной посмотрѣть мое будущее помѣщенiе; все тамъ было такъ красиво и такъ чисто, что я не могла ничего сказать; я была чрезвычайно довольна всѣмъ, что нашла тамъ, тѣмъ болѣе, что въ своемъ печальномъ положенiи я не ожидала встрѣтить ничего подобнаго.

Можно было бы думать, что теперь я скажу нѣсколько словъ о характерѣ незаконныхъ дѣянiй этой женщины, въ руки которой меня бросила судьба; но я слишкомъ потворствовала бы пороку, если бы вздумала показать, какъ тамъ было легко всякой, кто пожелаетъ снять съ себя бремя заботъ о тайномъ ребенкѣ. Для этого у моей величественной матроны было много различныхъ средствъ, и между прочимъ слѣдующее: она брала ребенка, рожденнаго даже не въ ея прiютѣ (она имѣла много подобной практики въ частныхъ домахъ) и передавала его людямъ, готовымъ за деньги сбыть ребенка съ рукъ матери и прихода; по ея словамъ, о такихъ дѣтяхъ честно заботились; но что въ дѣйствительности дѣлалось съ ними, несмотря на всѣ ея разсказы, я не могла постигнуть, особенно если принять во вниманiе, что у нея было много такихъ дѣтей.

Въ разговорахъ со мной на эту тему она вставила замѣчанiе, которое вселило во мнѣ нѣкоторое отвращенiе къ ней; такъ, однажды, говоря о приближенiи моихъ родовъ, она бросила вскользь нѣсколько словъ, изъ которыхъ я поняла, что она можетъ, если я пожелаю, ускорить мои роды, при помощи какого то лекарства, которое быстро положитъ конецъ моимъ мученьямъ. Однако, она скоро замѣтила, что я гнушаюсь даже подобной мысли; при чемъ, надо отдать ей справедливость, она такъ ловко поставила вопросъ, что я не могла сказать, было

ли ея предложеніе серьезно, или она говорила о немъ, какъ объ ужасномъ средствѣ, къ которому прибѣгаютъ иныя леди; она такъ искусно замяла свои слова и такъ скоро поняла мои мысли, что сама отвергла свое предложеніе, прежде чѣмъ я успѣла что нибудь возразить ей.

XIII.

Я перебираюсь въ пріютъ для рожениць.—Порочная профессія моей акушерки.—Письма моего банковскаго друга.—Мои заботы скрыть отъ него свое положеніе.—Душевныя тревоги по поводу рожденія ребенка.—Я устраиваю своего ребенка и отправляюсь къ своему банковскому другу.

Въ половинѣ мая я слегла въ постель и родила прекраснаго мальчика; роды прошли такъ же хорошо, какъ всегда; моя гувернантка исполнила обязанности акушерки съ величайшимъ искусствомъ и ловкостью, какія только можно представить, и ея уходъ за мной во время родовъ и послѣ былъ таковъ, лучше котораго нельзя ожидать отъ родной матери. Но пусть поведеніе этой ловкой леди не послужитъ никому соблазномъ для распутной жизни, потому что моя гувернантка на вѣки успокоилась, не оставивъ послѣ себя ничего, что бы могло указать другимъ тайну ея искусства.

Я думаю, что на двадцатый день послѣ моихъ родовъ, ко мнѣ пришло письмо отъ моего банковскаго друга, съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что онъ получилъ окончательный приговоръ по дѣлу о своемъ разводѣ съ женой, объявленный ему такого то числа; приэтомъ онъ писалъ, что его жена, которую еще раньше нѣсколько мучило угрызеніе совѣсти за ея поведеніе съ нимъ, узнавъ, что онъ выигралъ бракоразводный процессъ, въ тотъ же вечеръ лишила себя жизни.

Онъ честно выяснилъ свое косвенное участіе въ этой катастрофѣ, утверждая однако, что онъ не оказывалъ никакого непосредственнаго вліянія на ея судьбу и требовалъ только справедливости къ себѣ, какъ къ человѣку, котораго публично оскорбляли и осмѣивали. Во всякомъ случаѣ это несчастье глубоко огорчаетъ его и ему остается единственное утѣшеніе въ жизни, это надежда на то, что я успокою его, раздѣливъ съ нимъ свою судьбу; въ заключеніе онъ умолялъ меня не лишить его этой надежды, и по крайней мѣрѣ пріѣхать въ городъ и позволить ему видѣться и подробнѣе переговорить по этому поводу.

Я была крайне поражена этимъ извѣстіемъ и теперь начала серьезно думать о своемъ положеніи и о своемъ страшномъ несчастьи имѣть на рукахъ ребенка и не знать, что съ нимъ дѣлать.

Наконецъ, я очень издалека намекнула на свое положеніе моей гувернанткѣ. Она утѣшала меня, говоря, что ей повѣряли самыя страшныя тайны, скрывать которыя ей было необходимо въ ея же интересахъ, такъ какъ если бы она вздумала нарушить подобную тайну, то погубила бы себя; она спрашивала меня, говорила ли она со мной когда нибудь о чужихъ дѣлахъ?.. Разсказать тайну ей, продолжала она, все равно, что не сказать ея никому.

Такимъ образомъ я рѣшилась открыть передъ ней свою душу. Я разсказала ей исторію своего замужества въ Ланкаширѣ, нашъ обоюдный обманъ, нашу встрѣчу и разлуку; потомъ я разсказала о добромъ предложеніи моего новаго друга, я показала ей его нѣжныя письма, въ которыхъ онъ приглашаетъ меня пріѣхать въ Лондонъ; но я скрыла его имя, а также обстоятельства, касающіяся его жены, кромѣ ея смерти.

Она начала смѣяться надъ моими сомнѣніями относительно замужества и сказала, что мой первый бракъ не имѣетъ никакого значенія, что это былъ обиходный обманъ и такъ какъ мы разошлись съ общаго согласія, то сила контракта уничтожилась и мы свободны отъ всякихъ обязательствъ; словомъ сказать, она убѣдила меня склониться на этотъ бракъ, и не безъ помощи съ моей стороны.

Но теперь представилось самое большое и главное затрудненіе—это ребенокъ. Мнѣ необходимо было, говорила моя гувернантка, освободиться отъ ребенка такъ, чтобы никто и никогда не узналъ о немъ. Я хорошо понимала, что бракъ будетъ невозможенъ, если я не скрою своего сына, потому что по его возрасту легко будетъ узнать, что онъ родился гораздо позже нашего знакомства, а это губило все дѣло.

Мое сердце сильно сжималось при мысли разстаться навсегда съ ребенкомъ, такъ какъ я знала, что я должна была согласиться или убить его, или уморить съ голоду отъ дурного ухода, что было почти одно и то же; безъ ужаса я не могла думать объ этомъ, и такъ какъ я была совершенно откровенна съ своей гувернанткой, которую привыкла называть теперь матерью, то и разсказала ей всѣ свои мысли и все горе по этому поводу. Повидимому, она отнеслась къ моимъ словамъ болѣе серьезно, чѣмъ прежде, но такъ какъ ея сердце зачерствѣло въ подобнаго рода вещахъ, то было совершенно невозможно тронуть ее ни религіознымъ чувствомъ, ни мученіями совѣсти убійцы; она была глуха ко всему, что имѣло отношеніе къ любви и привязанности. Выслушавъ меня, она спросила, неужели, во время моихъ родовъ, я не замѣтила, что она заботилась обо мнѣ и ухаживала за мной такъ, какъ могла это дѣлать только родная мать; я отвѣчала ей, что это была совершенная

правда. Хорошо, моя милая,—продолжала она,—но я забуду васъ, лишь только вы уѣдете отсюда. Чего же вы хотите отъ меня, если сомнѣваетесь? Неужели вы думаете, что нѣтъ женщинъ, которыя могутъ считать долгомъ своей чести заботиться о порученныхъ имъ дѣтяхъ, какъ своихъ собственныхъ, только потому, что это ихъ ремесло, ихъ кусокъ хлѣба. Да, да, дитя мое! Не бойтесь. Вспомните, какъ выкормили насъ съ вами. Можете ли вы быть увѣрены, что вы питались молокомъ вашей собственной матери? А между тѣмъ посмотрите на ваше бѣлое и полное тѣло, говорила старая вѣдьма, трепля меня по щекѣ. «Не бойтесь, дитя мое, продолжала она тѣмъ же шутливымъ тономъ, я не держу убійцъ, я пользуюсь лучшими кормилицами, какихъ только можно найти и, благодаря имъ, у меня такъ же мало погибаетъ дѣтей, какъ у родной матери; въ этомъ случаѣ у насъ нѣтъ недостатка ни въ заботахъ, ни въ искусствѣ».

Она задѣла меня за живое, спросивъ, увѣрена ли я въ томъ, что меня выкормила моя мать; я была убѣждена въ противномъ, а потому задрожала и поблѣднѣла при одномъ этомъ напоминаніи. Неужели, говорила я себѣ, это созданіе волшебница, неужели она сообщается съ духами, которые могли разсказать ей, кто я, прежде чѣмъ мы встрѣтились. Я глядѣла на нее съ ужасомъ. Но, разсудивъ, что это было невозможно, я понемногу успокоилась.

— О, моя матушка,—сказала я ей,—если бы я могла быть увѣрена, что о моемъ мальчикѣ будутъ хорошо заботиться и не станутъ обходиться съ нимъ дурно, я была бы счастлива. Но меня нельзя убѣдить въ этомъ, пока я не увижу собственными глазами, а между тѣмъ видѣться съ нимъ въ моемъ положеніи, значитъ погубить и разорить себя... Поэтому я не знаю, что мнѣ дѣлать?

— Вотъ такъ прекрасная исторія,—сказала моя гувернантка.—Вы хотѣли бы и видѣть, и не видѣть вашего ребенка; вы хотѣли бы разомъ скрываться отъ него и появляться передъ нимъ, но, вѣдь, это совершенно невозможная вещь, моя милая, а вы должны поступить такъ, какъ поступала раньше васъ каждая совѣстливая мать, и довольствоваться тѣмъ положеніемъ вещей, какимъ оно должно быть, хотя бы вы желали, чтобы оно было иное.

Я поняла, что она разумѣетъ подъ словомъ «совѣстливая мать»; она хотѣла сказать «совѣстливая непотребная женщина», но не желала меня оскорбить, ибо поистинѣ я не была непотребной женщиной, такъ какъ состояла въ законномъ бракѣ, разумѣется, если не считать моего перваго мужа. Но кѣмъ бы я ни была, я не дошла еще до полнаго ожесточенія, которое свойственно людямъ этой профессіи. Я хочу сказать, что мое

сердце не извратилось до такой степени, чтобы не заботиться о жизни своего ребенка и я такъ долго жила этимъ благороднымъ чувствомъ, что готова была отказаться отъ своего банковскаго друга; но съ другой стороны онъ такъ убѣдительно просилъ меня вернуться въ Лондонъ и выйти за него замужъ, что у меня почти не было силъ не исполнить его просьбы.

Наконецъ однажды ко мнѣ привели женщину изъ деревни Хортфоортъ или ея окрестностей, которая согласилась взять совсѣмъ моего ребенка за 10 фунтовъ. Если же я пожелаю прибавить ей 5 фунтовъ въ годъ, то она обязуется привозить ребенка къ моей гувернанткѣ такъ часто, какъ я назначу, или мы сами можемъ прiѣзжать къ ней видѣться съ ребенкомъ и убѣдиться, что она хорошо содержитъ его.

Эта женщина была красива и здорова на видъ, хотя она была женой крестьянина, но очень хорошо одѣта и въ чистомъ бѣльѣ. Съ тяжестью въ сердцѣ и слезами на глазахъ я позволила ей взять моего ребенка. Я отправилась въ Хортфоортъ посмотрѣть на ея помѣщенiе, осталась имъ довольна и надавала ей всякихъ обѣщанiй, если она будетъ хорошо ухаживать за моимъ сыномъ. Такимъ образомъ я освободилась отъ своей главной заботы, хотя такимъ путемъ, который не вполнѣ успокоилъ мое душевное состоянiе, но по крайней мѣрѣ оказался наиболѣе удобнымъ изъ всего, что я могла придумать въ своемъ положенiи.

Теперь я возобновила переписку съ моимъ банковскимъ другомъ, принявъ болѣе нѣжный тонъ. Я написала ему, что въ августѣ я надѣюсь застать его въ городѣ. На это письмо онъ прислалъ мнѣ отвѣтъ и въ самыхъ страстныхъ выраженiяхъ просилъ меня сообщить ему подробности о моемъ отъѣздѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ встрѣтить меня на дорогѣ за два дня. Это поставило меня въ большое затрудненiе, и я не знала, какъ отвѣтить ему. Наконецъ, мнѣ пришло въ голову поѣхать въ деревню, что было превосходной маской, прикрывавшей всѣ мои дѣла отъ гувернантки, такъ какъ она не знала, гдѣ живетъ мой новый любовникъ, въ Лондонѣ или Ланкаширѣ; а когда я объявила ей о своемъ рѣшенiи, то она вполнѣ убѣдилась, что онъ живетъ въ Ланкаширѣ.

XIV.

Я снова выхожу замужъ.—Неожиданная встрѣча.—Мой мужъ умираетъ.—Я въ отчаянiи.

При разставанiи съ моей старой матроной, она между прочимъ замѣтила мнѣ, что не напоминаетъ о перепискѣ, зная, какъ я люблю своего ребенка. Эта любовь заставитъ меня на-

писать ей и даже самой пріѣхать къ нему, когда я буду въ городѣ. Я увѣряла ее, что она не ошибается. и уѣхала, сильно радуясь, что наконецъ освободилась и ушла изъ этого дома, не смотря на всѣ его удобства и на всѣ любезности его хозяйки.

Я заняла мѣсто въ каретѣ, но не воспользовалась имъ до станціи назначенія, а вышла въ городѣ Стенъ, въ Чесширѣ, гдѣ я не только не имѣла никакихъ дѣлъ, но даже ни одного знакомаго; тѣмъ не менѣе, зная, что съ деньгами въ карманѣ вездѣ чувствуешь себя дома, я прожила здѣсь два или три дня, до тѣхъ поръ, пока представился случай взять мѣсто въ другой каретѣ и возвратиться въ Лондонъ. Я послала своему другу письмо, въ которомъ назначила, по указанію моего кондуктора, день, когда я пріѣду въ Стени Страдфордъ.

Онъ такъ поздно получилъ отъ меня извѣстіе, что не имѣлъ времени доѣхать къ ночи въ Стени Страдфордъ, гдѣ мы должны были встрѣтиться, но встрѣтилъ меня только на слѣдующее утро въ Брикхилѣ, какъ разъ тогда, когда мы въѣзжали въ этотъ городъ.

Признаюсь, я очень обрадовалась этому свиданью, потому что въ прошлую ночь я думала, что обманываюсь въ своихъ надеждахъ. Онъ вдвойнѣ меня обрадовалъ тѣмъ, что пріѣхалъ въ блестящей каретѣ, четверкой лошадей и съ лакеемъ.

Немедленно онъ вывелъ меня изъ почтовой кареты, которая остановилась въ городской гостинницѣ; остановившись тамъ же, онъ велѣлъ распречь лошадей и приготовить для насъ обѣдъ. Я спросила, зачѣмъ это, говоря, что я думала продолжать дальше путешествіе; но онъ сказалъ, что послѣ такой дороги мнѣ необходимъ отдыхъ, что, здѣсь прекрасная гостинница, и потому во всякомъ случаѣ мы здѣсь останемся ночевать.

Я не особенно настаивала на своемъ, такъ какъ было не благоразумно отказать ему въ нѣкоторой любезности, имѣя въ виду, что онъ пріѣхалъ меня встрѣтить, сдѣлавъ много затратъ; такимъ образомъ я скоро уступила, и мы остались.

Послѣ обѣда мы отправились осмотрѣть городъ, церковь, поля и деревню, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ путешественники; нашъ хозяинъ провожалъ насъ въ церковь. При этомъ я замѣтила, что мой джентльменъ разспрашивалъ его о пасторѣ, и тотчасъ же подумала, что онъ хочетъ предложить мнѣ повѣнчаться, а отсюда скоро послѣдовалъ выводъ, что я не откажу ему, ибо, говоря откровенно, я была теперь не въ такомъ положеніи, чтобы сказать ему нѣтъ. Теперь у меня не было основаній рисковать подобнымъ образомъ.

Едва мы вернулись въ гостинницу, какъ онъ сталъ осаждать меня неотступными просьбами, убѣждая положить сейчасъ

же конецъ всему и ускорить его счастье, разъ уже благосклонная судьба помогла ему встрѣтить меня и устроить все какъ нельзя лучше.

— Какъ, что вы хотите этимъ сказать? вскричала я, немного покраснѣвъ. Какъ, въ гостинницѣ, на большой дорогѣ? Помилуй насъ Господи! Неужели вы можете говорить такимъ образомъ?

— О, да!—сказалъ онъ,—я очень хорошо могу говорить такимъ образомъ, я пріѣхалъ сюда съ единственной цѣлью говорить такимъ образомъ и я хочу показать вамъ, что это правда.—При этомъ онъ вынулъ большой пакетъ съ бумагами.

— Вы меня пугаете,—сказала я;—что это такое?

— Не пугайтесь, моя милая,—отвѣчалъ онъ, цѣлуя меня. Это было въ первый разъ, что онъ позволилъ себѣ сказать мнѣ: «моя милая». Затѣмъ онъ снова повторилъ: «Не пугайтесь, посмотрите что это такое?»—и началъ показывать свои бумаги.

Во-первыхъ, я увидѣла приговоръ о разводѣ его съ женой, въ которомъ были представлены ясныя доказательства ея разврата, потомъ удостовѣреніе пастора и приходскаго церковнаго старосты о родѣ ея смерти и погребеніи, копію съ дознанія слѣдователя, осматривавшаго тѣло, и вердиктъ присяжныхъ, произнесшихъ Non compos mentis. Все это должно было вполнѣ меня успокоить, хотя, говоря мимоходомъ, еслибы онъ все зналъ, то не ждалъ бы отъ меня отказа даже при отсутствіи всѣхъ этихъ удостовѣреній. Тѣмъ не менѣе я разсмотрѣла все насколько могла внимательно и сказала, что тутъ все ясно, но не было надобности привозить съ собой эти документы, такъ какъ на это есть еще время.—Да, отвѣтилъ онъ, для васъ, быть можетъ и есть время; но для меня нѣтъ лучшаго времени, какъ настоящее.

Кромѣ этого, съ нимъ былъ еще свертокъ и я спросила, что это такое.

— Вотъ вопросъ, котораго я съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ васъ.

Съ этими словами онъ вынулъ небольшую шагреневую коробочку, изъ которой досталъ прекрасный бриліантовый перстень и отдалъ его мнѣ. Я не могла отъ него отказаться, если бы даже хотѣла, потому что онъ надѣлъ перстень на мой палецъ, такъ что мнѣ оставалось только поблагодарить его, сдѣлавъ реверансъ. Потомъ онъ вынулъ другое кольцо.

— А это,—сказалъ онъ, положивъ его въ карманъ,—останется на другой случай.

— Хорошо, но позвольте мнѣ посмотрѣть, сказала я, улыбаясь и догадываясь, въ чемъ дѣло; я полагаю, что вы сумасшедшій.

— Позвольте, сперва посмотрите вотъ это.—Онъ развернулъ бумагу и началъ читать; это былъ нашъ брачный контрактъ.

— Вы дѣйствительно сумасшедшій,—сказала я.—Вы вполнѣ увѣрены, что я уступлю первому вашему слову, или вы рѣшили не принимать отъ меня отказа!

— Послѣднее совершенно вѣрно.

— Но вы можете ошибиться,—сказала я.

— Нѣтъ, нѣтъ,—замѣтилъ онъ,—вамъ не слѣдуетъ отказывать мнѣ, я не могу получить отказа.

При этомъ онъ началъ насильно цѣловать меня и такъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ, что я не могла освободиться. Умоляя только согласиться на его просьбу и увѣряя въ своей любви, онъ давалъ клятву не выпустить меня изъ объятій до тѣхъ поръ, пока я не дамъ своего согласія, такъ что наконецъ я сказала:

— Однако, вы, дѣйствительно, твердо рѣшили не допускать моего отказа.

— Да, да,—вскричалъ онъ, мнѣ нельзя отказать, я не хочу, чтобы мнѣ отказали, я не могу получить отказа.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала я, слабо цѣлуя его;—пусть будетъ по вашему, вы не получите отказа, отпустите меня.

Онъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ моего согласія и отъ той нѣжности, съ какой я объявила его, что мнѣ сразу показалось, будто онъ принимаетъ это согласіе за бракъ, не дожидаясь исполненія формальностей. Но я была не права: онъ взялъ меня за руку, поднялъ и, поцѣловавъ два или три раза, поблагодарилъ за любезность, съ какой я уступила ему; онъ былъ такъ глубоко счастливъ, что я увидѣла слезы на его глазахъ.

Я отвернулась, потому что мои глаза были тоже полны слезъ, и просила его позволить мнѣ уйти на нѣкоторое время въ свою комнату. Если когда нибудь у меня и являлась хоть капля раскаянія за мою прошлую безпутную жизнь втеченіи двадцати четырехъ лѣтъ, такъ именно въ эту минуту.

— О! какое блаженство,—говорила я себѣ, что люди не могутъ читать въ сердцѣ другъ друга! Какъ бы я могла быть счастлива, будучи съ самого начала женой такого честнаго и любящаго человѣка!

Потомъ мнѣ пришли въ голову слѣдующія мысли:

— Какое я презрѣнное созданье! Какъ я обманываю этого невиннаго джентльмена! Какъ мало онъ подозрѣваетъ, что, разведясь съ одной непотребной женщиной, онъ бросается въ объятья другой! Онъ готовъ жениться на мнѣ, на мнѣ, которая была любовницей двухъ братьевъ и имѣла трехъ дѣтей отъ своего роднаго брата! На мнѣ, которая родилась въ Нью-

гетской тюрьмѣ отъ матери проститутки и каторжной воровки, на мнѣ, которая жила съ тринадцатью мужчинами и родила ребенка уже въ то время, когда была знакома съ нимъ! Бѣдный, бѣдный! говорила я, что ты хочешь сдѣлать!

Послѣ этихъ упрековъ, характеръ моихъ мыслей измѣнился и я сказала: «Хорошо, если я должна сдѣлаться его женой, если Богу угодно было оказать мнѣ эту милость, тогда я буду хорошей и вѣрной женой и буду любить его такъ же страстно, какъ любитъ онъ меня; я заглажу свои заблужденія и онъ не замѣтитъ своей обиды».

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія, но, увидя, что я долго остаюсь въ своей комнатѣ, онъ спустился по лѣстницѣ внизъ и спросилъ хозяина о пасторѣ.

Нашъ хозяинъ былъ очень услужливый и честный малый. Онъ заранѣе послалъ за пасторомъ и, когда мой джентльменъ попросилъ его объ этомъ, то онъ отвѣтилъ:

— Сэръ, мой другъ уже здѣсь. Такимъ образомъ безъ дальнихъ объясненій, они встрѣтились, и онъ спросилъ пастора, не согласится ли онъ повѣнчать двухъ иностранцевъ, которые имѣютъ сильное желаніе вступить въ бракъ. Пасторъ отвѣчалъ, что М. намекнулъ ему объ этомъ въ нѣсколькихъ словахъ, и онъ надѣется, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой тайны, онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ серьезнымъ, и что невѣста не молодая дѣвушка, для которой необходимо согласіе родителей.

— Чтобы устранить всякія сомнѣнія,—сказалъ мой джентельменъ,—прочтите эту бумагу,—и онъ подалъ ему разрѣшеніе.

— Для меня этого совершенно достаточно,—отвѣчалъ пасторъ,—но гдѣ же ле́ди?

— Вы ее сейчасъ увидите,—сказалъ мой джентльменъ.

Пастора позвали ко мнѣ наверхъ; это былъ человѣкъ добраго и веселаго нрава. Очевидно, ему разсказали, что мы встрѣтились здѣсь случайно, что я ѣхала въ почтовой каретѣ изъ Честера, а мой джентльменъ въ своей коляскѣ ко мнѣ на встрѣчу, что мы должны были встрѣтиться прошлой ночью въ Стени Стратфордѣ, но онъ не успѣлъ доѣхать туда.

— Итакъ, сэръ,—сказалъ пасторъ,—во всякой дурной случайности есть и своя хорошая сторона; такъ и тутъ на вашу долю выпало огорченіе, а на мою удовольствіе, потому что, еслибы вы встрѣтились въ Стени Стратфордѣ, то я не имѣлъ бы чести повѣнчать васъ. Хозяинъ, у васъ есть общій молитвенникъ?

Я въ страхѣ задрожала.

— Сэръ,—вскричала я,—что вы хотите этимъ сказать? Неужели мы будемъ вѣнчаться ночью въ гостинницѣ?

— Мадамъ,—отвѣчалъ пасторъ,—если вы желаете, чтобы

церемонія произошла въ церкви, то нетрудно исполнить ваше желаніе; но я увѣряю васъ, что бракъ, заключенный здѣсь, будетъ такъ же законенъ, какъ въ церкви; мы имѣемъ право вѣнчать, гдѣ угодно; что же касается времени совершенія брака, то въ данномъ случаѣ оно не имѣетъ никакого значенія; даже принцы вѣнчаются у себя дома въ восемь и въ десять часовъ вечера.

Я долго заставляла себя упрашивать и не хотѣла вѣнчаться нигдѣ, кромѣ церкви, но это было только притворство; наконецъ я сдѣлала видъ, что уступаю; тогда позвали хозяина, его жену и дочь. Хозяинъ игралъ въ одно время роль посаженнаго отца и клерка; всѣ мы были веселы, хотя, признаюсь, явившееся мнѣ раньше угрызеніе совѣсти тяжело лежало у меня на сердцѣ, и я по временамъ глубоко вздыхала; замѣтивъ это, мой новобрачный успокаивалъ меня. Бѣдный, онъ думалъ, что я мучаюсь сомнѣніями за этотъ поспѣшный шагъ въ моей жизни.

Весь вечеръ мы провели очень весело, хотя наша свадьба оставалась тайной для всей гостиницы. Моей подругой, какъ невѣсты, была хозяйская дочь; на другой день утромъ я послала за лавочникомъ и купила у него для подарка ей самое лучшее вышиванье, а ея матери ручной работы кружевъ для головного убора,—этотъ городъ изобиловалъ подобнаго рода издѣліями.

Но одна странная встрѣча надолго нарушила мое радостное душевное настроеніе. Большая зала гостиницы выходила на улицу; я находилась въ концѣ этой залы, и такъ какъ день былъ теплый и ясный, то я открыла окно и сѣла у него подышать свѣжимъ воздухомъ. Вдругъ я увидѣла трехъ джентльменовъ, которые верхомъ подъѣзжали къ другой гостиницѣ прямо противъ нашей.

Нельзя было скрыть и не было времени расправшивать о томъ, что я увидѣла; въ одномъ изъ этихъ трехъ джентльменовъ я узнала моего Ланкаширскаго мужа. Я испугалась до смерти; никогда въ жизни я не приходила въ такое изумленіе; мнѣ казалось, будто я проваливаюсь сквозь землю; кровь застыла въ моихъ жилахъ, и я тряслась, какъ въ страшной лихорадкѣ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это былъ онъ; я узнала его платье, его лошадь и его лицо.

Прежде всего мнѣ пришла въ голову мысль, что со мной нѣтъ моего мужа, который могъ бы увидѣть мое смущеніе; это было для меня большимъ счастьемъ. Джентльмены не долго оставались внутри дома, скоро, какъ бываетъ всегда, они подошли къ окну своей комнаты, причемъ, разумѣется, я поспѣшила закрыть свое. Однакоже я не могла удержаться, чтобы украдкой не смотрѣть туда и снова не увидѣть его. Я слышала, какъ онъ позвалъ слугу, дѣлая какія то распоряженія, и тутъ еще

разъ къ своему ужасу убѣдилась, что это дѣйствительно былъ онъ.

Въ такомъ страхѣ я провела около двухъ часовъ, будучи не въ состояніи оторвать глаза отъ окна или двери гостиницы, въ которой они остановились. Наконецъ, услыхавъ лошадиный топотъ у воротъ этой гостиницы, я подбѣжала къ окну и къ моему величайшему удовольствію увидѣла, что всѣ трое уѣзжаютъ по дорогѣ на западъ; если бы они направились къ Лондону, то я оставалась бы подъ страхомъ снова встрѣтиться съ нимъ и легко быть узнанной, но онъ отправлялся въ противоположную сторону, и я успокоилась.

Мы рѣшили уѣхать на другой день, но около шести часовъ вечера мы были встревожены страшнымъ волненіемъ на улицѣ, гдѣ, какъ бѣшеные, скакали верховые взадъ и впередъ. Оказалось, что это была устроена облава на трехъ разбойниковъ съ большой дороги, которые ограбили двѣ кареты и нѣсколькихъ путешественниковъ около Денстебль Хиля; повидимому, было сообщено, что ихъ видѣли въ Брикхилѣ, въ томъ домѣ, гдѣ останавливались три джентльмена.

Домъ былъ тотчасъ окруженъ и наполнился толпой народа. Но явилось много людей, которые утверждали, что эти джентльмены уѣхали изъ города болѣе трехъ часовъ тому назадъ. Собралась большая толпа, и скоро мы узнали всѣ подробности; тогда мною овладѣло совершенно иное ощущеніе Я объявила всѣмъ бывшимъ въ нашей гостиницѣ, что подозрѣваемые джентльмены честные люди, что я знаю одного изъ нихъ за прекраснаго человѣка, имѣющаго хорошее состояніе въ Ланкаширѣ.

Объ этомъ немедленно сообщили констэблю, бывшему на облавѣ, который прислалъ ко мнѣ узнать, въ чемъ дѣло; я объяснила, что, сидя у окна, видѣла трехъ джентльменовъ, которые были въ залѣ гостинницы противъ насъ; здѣсь они обѣдали, потомъ сѣли на лошадей и уѣхали, но я готова присягнуть въ томъ, что знаю одного изъ нихъ какъ человѣка честнаго, съ прекраснымъ характеромъ и имѣющаго большое состояніе въ Ланкаширѣ, откуда я теперь возвращаюсь.

Увѣренность, съ какою я говорила, остановила и успокоила народъ и вполнѣ убѣдила констэбля въ истинѣ моихъ словъ; онъ велѣлъ ударить отбой, говоря, что получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что эти три джентльмена честные люди; такимъ образомъ, всѣ возвратились по домамъ. Въ сущности же я не знала истины. Вѣрно было только то, что кареты ограблены около Денстебльхиля, украдено 560 фунтовъ; и кромѣ того были ограблены нѣкоторые торговцы кружевами, путешествующіе обыкновенно по этой дорогѣ. Что касается трехъ джентльменовъ, то возвращусь къ нимъ позднѣе.

Итакъ, эта тревога задержала насъ еще на день, хотя мой мужъ и увѣрялъ меня, что для путешественника безопаснѣе всего ѣхать тотчасъ послѣ грабежа, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что разбойники, встревоживъ извѣстную окрестность, убѣгутъ отъ нея далеко; но я боялась и, говоря правду, больше всего того, чтобы на большой дорогѣ не обнаружилось мое старое знакомство и чтобы случайно я не встрѣтилась съ моимъ ланкаширскимъ мужемъ.

Я никогда въ жизни не проводила такихъ восхитительныхъ четырехъ дней, какъ теперь: во все это время я была самая счастливая молодая жена; мой супругъ вполнѣ очаровалъ меня. О, если бы могла продолжаться подобная жизнь, я бы забыла свои прошлыя мученія, я бы избѣжала будущихъ горестей; но я хочу дать отчетъ какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ во всей своей несчастной и ужасной жизни.

Мы выѣхали на пятый день; нашъ хозяинъ, видя мое безпокойство, сѣлъ на лошадь самъ и взялъ съ собой верхами сына и трехъ честныхъ поселянъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; ничего не сказавъ намъ, онъ отправился сопровождать насъ до Денстебля.

Намъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ хорошо угостить нашихъ провожатыхъ въ Денстеблѣ, что стоило моему мужу около десяти или двѣнадцати шиллинговъ. Кромѣ того, онъ заплатилъ имъ за потерянное время, причемъ хозяинъ гостинницы не взялъ себѣ ничего.

Такимъ образомъ, моя свадьба устроилась при самыхъ счастливыхъ для меня условіяхъ; и въ самомъ дѣлѣ, если бы я пріѣхала въ Лондонъ, не обвѣнчавшись, то должна была бы или отправиться прямо къ нему на квартиру или показать ему, что у меня во всемъ Лондонѣ нѣтъ такихъ знакомыхъ, которые могли бы принять на ночь бѣдную новобрачную съ своимъ мужемъ. Теперь же я могла безъ всякихъ стѣсненій войти прямо въ его домъ и сразу вступить во владѣніе прекрасно устроеннымъ хозяйствомъ.

О! если бы этотъ одинокій эпизодъ на моемъ жизненномъ поприщѣ могъ быть продолжительнѣе, о, если бы я знала ранѣе, гдѣ я найду истинное наслажденіе жизнью; о, если бы я не впала въ бѣдность, эту вѣрную отраву добродѣтели, какъ я могла быть счастлива не только въ то время, но можетъ быть и всегда! Я говорю это потому, что въ то время я дѣйствительно раскаялась въ своемъ прошломъ, я съ ужасомъ смотрѣла на него и по истинѣ могу сказать, что я ненавидѣла себя за это прошлое.

Теперь мнѣ казалось, что я пристала къ безопасной гавани послѣ бурнаго путешествія по жизненному пути, и я начинала чувствовать благодарность за свое освобожденіе: часто

я сидѣла одна по цѣлымъ часамъ, вспоминая прошлыя безумства и ужасныя нелѣпости своей порочной жизни и радуясь своему искреннему раскаянію.

Я жила съ этимъ мужемъ совершенно спокойно. Это былъ человѣкъ тихой, строгой жизни, разсудительный, въ высшей степени добродѣтельный, скромный и искренній; у него не было особенно большихъ дѣлъ, но онъ получалъ столько дохода, что мы могли жить хорошо; я не говорю объ экипажахъ и парадныхъ пріемахъ; я не стремилась къ этому и не желала роскоши, я чувствовала отвращеніе къ легкомыслію и сумасбродствамъ моей прошлой жизни и потому теперь избрала уединенную и умѣренную жизнь; я никого не принимала и сама не бывала нигдѣ, я заботилась только о семьѣ и мужѣ, и такого рода жизнь доставляла мнѣ большое удовольствіе.

Такимъ образомъ, мы прожили въ полномъ довольствѣ и счастьи втеченіе пяти лѣтъ, когда невидимая рука нанесла неожиданный ударъ моему счастью и бросила меня въ условія совершенно противоположныя всему, что было со мной до сихъ поръ.

Мой мужъ ввѣрилъ одному изъ своихъ компаньоновъ-клерковъ такую большую сумму денегъ, потери которыхъ не могло выдержать наше состояніе. Клеркъ обанкротился и его банкротство упало всей своею тяжестью на моего мужа. Тѣмъ не менѣе, эта потеря была не особенно велика, и если бы у моего мужа достало бодрости взглянуть несчастью прямо въ глаза, то онъ могъ бы воспользоваться своимъ прекраснымъ кредитомъ и легко покрыть убытки; но ослабѣвать въ горѣ значитъ удваивать его тяжесть, и тотъ, кто захочетъ умереть съ горя, всегда умретъ.

Всѣ попытки и старанія успокоить мужа были напрасны; рана была слишкомъ глубока, ударъ сильно поразилъ его, онъ сдѣлался грустенъ и безутѣшенъ, затѣмъ онъ впалъ въ летаргію и скоро умеръ. Я предвидѣла это несчастье, оно поразило мой разсудокъ, потому что я видѣла ясно, что если мужъ умретъ, то я погибну.

У меня было двое дѣтей, я не могла уже больше имѣть ихъ, такъ какъ мнѣ исполнилось сорокъ восемь лѣтъ.

XV.

Перспектива нищеты и полное одиночество рѣшаютъ мою участь. — Я дѣлаюсь воровкой.—Первая кража.—Мой ужасъ.—Я снова встрѣчаюсь съ своей акушеркой.

Теперь я осталась въ худшемъ и болѣе безутѣшномъ положеніи, чѣмъ когда-либо прежде. Во-первыхъ, мое цвѣтущее

время прошло, прошла та пора, когда я могла надѣяться быть куртизанкой или любовницей; эта пріятная сторона жизни давно уже миновала, и только однѣ развалины говорили о прошломъ; во всемъ этомъ хуже всего было то, что я была самымъ унылымъ и самымъ безутѣшнымъ созданьемъ въ свѣтѣ; я, которая обожала моего мужа и принуждала себя поддерживать въ немъ бодрость духа, не могла поддержать себя; мнѣ самой недоставало той силы, которая, какъ я говорила ему, такъ необходима, чтобы перенести тяжесть горя.

Но мое положеніе было дѣйствительно отчаянное; я не видѣла впереди ничего, кромѣ страшной бѣдности, которая такъ живо представлялась моему воображенію, что мнѣ казалось, будто она приближалась ко мнѣ прежде, чѣмъ въ дѣйствительности это могло быть; такимъ образомъ, мои опасенія усилили мое несчастье, и я воображала, что каждая монета въ двѣнадцать пенни, за которую я покупала себѣ булку, была послѣдней, и что завтра я начну голодать и буду голодать до смерти.

Въ такомъ отчаяніи я не имѣла ни откуда помощи, я не имѣла друга, который могъ бы меня утѣшить или научить, что дѣлать; я сидѣла одна, плача и мучаясь день и ночь, я ломала свои руки и иногда приходила въ какое-то безумное состояніе; дѣйствительно, часто я удивлялась, какъ у меня не помутился разсудокъ. Мои припадки доходили до того, что я теряла сознаніе и жила тѣми фантазіями, которыя рисовало мнѣ мое воображеніе.

Въ этомъ мрачномъ настроеніи духа я прожила два года, проѣдая то немногое, что имѣла, и постоянно оплакивая свое несчастное положеніе. Мое сердце обливалось кровью, у меня не было ни малѣйшей надежды на помощь, и теперь я такъ долго и часто плакала, что у меня изсякли слезы. Я начинала приходить въ полное отчаяніе, такъ какъ бѣдность приближалась ко мнѣ своими быстрыми шагами.

Чтобы уменьшить нѣсколько расходы, я оставила домъ и наняла квартиру и по мѣрѣ того, какъ я ограничивала свои траты, я продала большую часть своей мебели, что прибавляло мнѣ нѣсколько денегъ. Такимъ образомъ, я прожила еще годъ, сохраняя крайнюю бережливость. Тѣмъ не менѣе, когда я заглядывала въ свое будущее, мое сердце сжималось, при неизбѣжномъ приближеніи нищеты и страшной нужды. О! Пусть никто не читаетъ этой части моей исторіи, не принявъ во вниманіе отчаянныхъ обстоятельствъ, застающихъ человѣка врасплохъ, безъ друзей, безъ куска хлѣба. Это заставитъ ихъ дѣйствительно задуматься и не только пощадить несчастныхъ, но и обратиться къ небу съ мольбой о помощи и съ мудрой молитвой: «Не ввергай меня въ нищету и не дай мнѣ сдѣ-

латься воромъ». Пусть вспомнятъ, что время бѣдствія есть время ужасныхъ соблазновъ: когда человѣкъ лишается силъ сопротивляться имъ, когда нищета давитъ, а душа угнетена отчаяніемъ, чего нельзя сдѣлать? Это было однажды вечеромъ; я находилась, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи; смѣло могу утверждать, что я обезумѣла, я была въ бреду... Въ то время, подстрекаемая какимъ-то демономъ и не зная что и зачѣмъ я дѣлаю, я одѣлась (у меня были еще хорошія платья) и вышла. Я вполнѣ увѣрена, что при выходѣ изъ дому въ моей головѣ не было никакихъ намѣреній; я не разсуждала и не знала куда и по какому дѣлу я иду, я шла, какъ будто дьяволъ толкалъ меня впередъ, приготовя для меня свою приманку, и вы можете быть увѣрены, что онъ дѣйствительно привелъ меня туда, куда ему было нужно, потому что я не сознавала, куда я иду и что я дѣлаю.

Блуждая такимъ образомъ туда и сюда и не зная, гдѣ я нахожусь, я проходила мимо аптекарской лавки въ Леднхольстритѣ и увидѣла на скамейкѣ прямо противъ прилавка небольшой узелокъ, завернутый въ бѣлое полотно. Позади стояла служанка, обернувшись къ узлу спиной; она смотрѣла въ глубину лавки, гдѣ на прилавкѣ, также спиной къ двери, стоялъ, вѣроятно, аптекарскій помощникъ, со свѣчей въ рукѣ; онъ, повидимому, отыскивалъ что-то на верхней полкѣ; такимъ образомъ, оба они были заняты, а больше въ лавкѣ не было никого.

Такова была приманка, и дьяволъ, приготовившій мнѣ эту западню, подстрекалъ меня... я помню теперь и не забуду никогда, что за моими плечами мнѣ слышался голосъ, который шепталъ мнѣ слѣдующія слова: «Возьми узелъ, возьми скорѣе; сдѣлай это сейчасъ же».

Едва были произнесены эти слова, какъ я вошла въ лавку и, повернувшись спиной къ дѣвушкѣ, какъ будто сторонилась отъ проѣзжавшей двухколесной телѣжки, протянула позади себя руку и, взявъ узелокъ, вышла изъ лавки. Ни служанка, ни помощникъ и никто другой не замѣтили меня.

Невозможно описать мою душевную тревогу во все время этого дѣйствія. По выходѣ изъ лавки у меня такъ билось сердце, что я не могла не только бѣжать, но даже прибавить шагу; я перешла улицу и повернула за первый уголъ; мнѣ кажется, я была на перекресткѣ Фенчёрчъ-Стритъ; оттуда я сдѣлала столько поворотовъ и прошла столько улицъ, что никогда не съумѣла бы сказать, куда я иду и гдѣ я; я не чувствовала подъ собой мостовой, по которой шла, и чѣмъ дальше я удалялась отъ опасности, тѣмъ скорѣе я бѣжала, до тѣхъ поръ, пока, задыхаясь отъ усталости, я вынуждена была сѣсть на скамейку возлѣ какого-то дома; осмотрѣвшись, я увидѣла,

что нахожусь возлѣ Билинзгета *). Отдохнувъ немного, я продолжала путь; кровь кипѣла во мнѣ какъ на огнѣ, мое сердце билось такъ сильно, какъ будто я была охвачена внезапнымъ ужасомъ, вообще я такъ растерялась, что не знала, куда иду и что дѣлаю.

Когда я совершенно истомилась отъ такого долгаго и тревожнаго пути, тогда я начала соображать и направилась къ своей квартирѣ, куда и пришла около девяти часовъ вечера.

Для чего былъ приготовленъ этотъ узелокъ и по какому случаю онъ лежалъ тамъ, гдѣ я его взяла,—я не знала, но, развернувъ узелъ, я нашла въ немъ очень хорошее, почти новое приданое для ребенка, тонкія кружева, серебряную чашку величиною съ пинту, небольшой серебряный горшокъ и шесть ложекъ, хорошую рубашку, три шелковыхъ платка, а въ горшкѣ 18 шиллинговъ 6 д. деньгами.

Все время, когда я разсматривала эти вещи, я находилась подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ страха и душевной борьбы, несмотря на то, что я была въ совершенной безопасности; я сидѣла и горько плакала.

— Боже мой!—вскричала я,—что я теперь? воровка? Меня скоро возьмутъ, отправятъ въ Ньюгетъ и будутъ судить уголовнымъ судомъ.

Я долго плакала. Я увѣрена, что, какъ я ни была бѣдна, я навѣрное отнесла бы обратно вещи, если бы ужасъ не лишилъ меня силъ; но со временемъ такія душевныя движенія совершенно исчезли.

И такъ я легла въ постель, но не спала всю ночь; мои мысли были угнетены совершеннымъ проступкомъ; я не знала, что говорила и дѣлала всю ночь и весь слѣдующій день. Затѣмъ я сгорала отъ нетерпѣнія узнать, чьи вещи я взяла, богатаго или бѣднаго; быть можетъ, думала я, какая-нибудь несчастная вдова, какъ я, завязала ихъ въ узелъ, съ цѣлью продать и получить немного денегъ, на которыя она хотѣла купить хлѣба для себя и своего ребенка, и вотъ теперь они умираютъ съ голода, сердце ея разрывается и она оплакиваетъ свою потерю. Эта мысль больше всего мучила меня втеченіе трехъ или четырехъ дней.

Но мои собственныя бѣдствія заглушили во мнѣ подобныя размышленія, и перспектива голода, становившаяся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ужасной, постепенно ожесточала мое сердце. Кромѣ того у меня былъ плохой руководитель, который безпрестанно подстрекалъ меня прибѣгать къ самымъ дурнымъ средствамъ. Поэтому однажды вечеромъ, онъ снова внушилъ мнѣ мысль выйти изъ дому на новые поиски.

---

*) Рыбный рынокъ въ Лондонѣ.

На этотъ разъ я вышла днемъ; я стала блуждать по улицамъ и искать, сама не зная чего, какъ вдругъ дьяволъ разставилъ на моемъ пути такую западню, ужаснѣе которой я не встрѣчала ни раньше, ни потомъ. Проходя по Ольдерсгетъ-Стритъ, я увидѣла красивую маленькую дѣвочку, которая возвращалась одна домой изъ танцовальной школы. И вотъ мой соблазнитель дьяволъ набросилъ меня на это невинное созданье. Я начала разговаривать съ ней, она отвѣчала мнѣ своимъ дѣтскимъ лепетомъ; я взяла ее за руку и повела по дорогѣ, пока мы не пришли въ большую мощенную аллею, ведущую въ Барзсоломью-Клозъ и направились туда. Дѣвочка сказала мнѣ, что это не ея дорога, но я отвѣчала: «Нѣтъ, моя милая, это твоя дорога, я покажу тебѣ куда идти домой». У ребенка было на шеѣ жемчужное золотое колье, мои глаза давно остановились на немъ, и вотъ, войдя въ темную аллею, я наклонилась какъ бы для того, чтобы завязать ей развязавшуюся косынку и такъ тихо сняла съ нея колье, что она ничего не почувствовала; затѣмъ мы продолжали идти. Тутъ дьяволъ снова подстрекалъ меня убить ребенка, въ темной аллеѣ, такъ, чтобы она не закричала, но одна мысль объ этомъ привела меня въ такой ужасъ, что я едва не упала на землю; я заставила вернуться ребенка и сказала, чтобы она уходила отсюда, такъ какъ эта не ея дорога. Дѣвочка согласилась со мной и я дошла до Барзсоломью-Клозъ, потомъ повернула въ другой проходъ, выходящій на Лонгъ-Ленъ, оттуда на Чартеръ-Хаусъ-Ярдъ и вышла на Джонсъ-Стритъ; затѣмъ я пересѣкла Смитсъ-Фильдъ и спустилась къ Чиклену, выйдя на Фильдъ-Ленъ, чтобы достигнуть Голборнбриджъ, гдѣ, смѣшавшись съ толпой, я могла спокойно продолжать дорогу, не боясь быть открытой. Таковъ былъ мой второй выходъ въ свѣтъ.

Мысль объ этой добычѣ совершенно сгладила мои воспоминанія о первой, и всѣ мои прежнія размышленія по этому поводу быстро разсѣялись; бѣдность ожесточала мое сердце и бѣдствія дѣлали меня равнодушной ко всему остальному. Моя послѣдняя кража не особенно тревожила меня, потому что я не сдѣлала ни малѣйшаго вреда ребенку. Мнѣ казалось, что я дала только хорошій урокъ родителямъ, которые небрежно допустили этого бѣднаго ягненка возвращаться одного домой и которые въ другой разъ будутъ осторожнѣе.

Похищенная мной нитка жемчуга стоила около 12 или 14 фунтовъ. Я думаю, что этотъ жемчугъ принадлежалъ ея матери, такъ какъ нитка была слишкомъ велика для ребенка, а мать изъ тщеславія одѣла ее на дочь, чтобы похвастать ею въ танцовальной школѣ. Безъ сомнѣнія, дѣвочка была отправлена съ горничной, которая должна была смотрѣть за ней, но эта

небрежная плутовка вѣрно встрѣтила какого-нибудь молодца и занялась имъ, оставя на произволъ судьбы дѣвочку, которая и попала въ мои руки...

Во всякомъ случаѣ я не сдѣлала ни малѣйшаго зла ребенку и только испугала его; во мнѣ еще сохранились нѣжныя чувства и, можно сказать, я не дѣлала ничего, на что не толкала бы меня нужда.

Послѣ этого у меня было много приключеній, но я была еще неопытна въ ремеслѣ и не умѣла взяться за дѣло иначе, какъ получивъ внушеніе отъ дьявола, который рѣдко медлилъ вступать со мной въ союзъ. Одно изъ подобныхъ приключеній окончилось очень счастливо для меня. Однажды въ сумеркахъ я проходила по Ломбардъ-Стритъ, какъ вдругъ какъ разъ въ концѣ дворца Трехъ Королей я увидѣла человѣка, который съ быстротою молніи пробѣжалъ мимо меня въ то время, когда я была на углу дома. При поворотѣ въ аллею, поровнявшись со мной, онъ бросилъ, бывшую въ его рукахъ, большую связку какъ разъ позади меня и сказалъ: «ради Бога, мистрисъ, постойте здѣсь одну минуту». Съ этими словами онъ убѣжалъ. За нимъ бѣжали еще двое, которыхъ преслѣдовалъ молодой человѣкъ безъ шапки, крича: «Воры!» Двухъ послѣднихъ такъ близко преслѣдовали, что они были принуждены бросить свои связки, причемъ одного поймали, а другой успѣлъ убѣжать.

Я была неподвижна, какъ камень, все время, пока они не возвратились назадъ, таща несчастнаго вмѣстѣ съ украденными вещами, и довольные тѣмъ, что схватили вора и его добычу; такимъ образомъ всѣ прошли возлѣ меня, я же, казалось, остановилась здѣсь за тѣмъ, чтобы пропустить толпу.

Разъ или два я спрашивала, что случилось, но мнѣ никто не отвѣтилъ, а я не особенно настаивала; когда всѣ прошли, я, пользуясь случаемъ, обернулась назадъ и, подобравъ то, что лежало позади меня, ушла; все это я сдѣлала безъ прежняго смущенія, потому что я не сама украла эти вещи, а онѣ краденныя попали въ мои руки. Я вернулась домой здрава и невредима, обремененная своей добычей, которая состояла изъ штуки прекрасной чищенной черной тафты въ пятьдесятъ аршинъ и куска бархата, около одиннадцати аршинъ; по всей вѣроятности, этотъ товаръ принадлежалъ галантерейщику, котораго ограбили; я говорю «ограбили», потому что у него было похищено, кромѣ моего товара, около семи штукъ шелковой матеріи. Какимъ образомъ воры могли украсть столько вещей, я не умѣю сказать, но такъ какъ я только взяла краденное, то съ покойной совѣстью присвоила эти вещи себѣ.

До сихъ поръ я была счастлива въ моихъ похожденіяхъ, которыя хотя и не приносили мнѣ большой выгоды, но всегда

успѣшно оканчивались. Тѣмъ не менѣе каждый день я ходила подъ страхомъ, ожидая какого нибудь несчастья, которое въ концѣ концовъ приведетъ къ висѣлицѣ. Эти мысли производили на меня такое сильное впечатлѣніе, что часто удерживали меня отъ многихъ попытокъ, которыя были совершенно безопасны, но одна изъ нихъ опять привлекла меня черезъ нѣсколькихъ дней. Я имѣла привычку часто ходить по окрестнымъ деревнямъ около города, въ надеждѣ встрѣтить что нибудь на пути. И вотъ, проходя разъ мимо одного дома въ Стенней, я увидѣла на подоконникѣ два кольца, одно небольшое съ брилліантомъ, другое простое золотое; вѣроятно, ихъ оставила какая нибудь легкомысленная барыня, у которой было больше денегъ, чѣмъ разсудка; а можетъ быть, она ихъ оставила здѣсь до тѣхъ поръ, пока помоетъ свои руки.

Я прошла нѣсколько разъ мимо окна съ цѣлью посмотрѣть, былъ ли кто нибудь въ этой комнатѣ, или нѣтъ, и хотя я не замѣтила никого, тѣмъ не менѣе не была вполнѣ увѣрена; и потому мнѣ пришло въ голову постучать въ окно, какъ будто я хотѣла сказать тому, кто подойдетъ къ окну, не бросать тутъ колецъ, такъ какъ я видѣла двухъ подозрительныхъ людей, которые внимательно ихъ разсматривали. Подумано, сдѣлано; я постучала разъ или два въ окно, но никто не окликнулся, тогда я сильно надавила на оконное стекло; оно треснуло и разбилось съ небольшимъ шумомъ, я вытащила два кольца и ушла; брилліантовое кольцо стоило 3 фунта, а золотое около 9 шиллинговъ.

Теперь у меня явилось затрудненіе: я не знала, куда сбывать свой товаръ, и особенно шелковую матерію. Я не хотѣла отдавать вещи за безцѣнокъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ несчастные бѣдные воры, и потому я придумала найти свою старую гувернантку и возобновить съ ней знакомство. Я аккуратно посылала ей ежегодно пять фунтовъ за моего мальчика до тѣхъ поръ, пока могла. Наконецъ, я должна была прекратить платежъ. Тѣмъ не менѣе я написала ей письмо, въ которомъ объяснила, что потеряла мужа и пришла въ такое положеніе, что не могу больше платить за сына; въ письмѣ я умоляла ее устроить дѣло такъ, чтобы несчастное дитя не слишкомъ страдало за грѣхи своей матери.

Теперь я сдѣлала ей визитъ и увидѣла, что она практикуетъ понемногу свое ремесло, хотя и находится не въ такихъ цвѣтущихъ условіяхъ, какъ прежде, потому что она была привлечена къ суду однимъ джентльменомъ, у котораго похитили дочь; повидимому, она помогала ея похищенію и едва избѣжала висѣлицы; процессъ разорилъ мою гувернантку такъ, что она жила въ бѣдной обстановкѣ и не пользовалась уже такой прекрасной репутаціей, какъ прежде; однако же, она еще

продолжала, какъ говорится, довольно твердо стоять на ногахъ: у нея осталось нѣкоторое состояніе, она давала деньги подъ залоги и жила довольно сносно.

Она приняла меня очень любезно, какъ всегда, увѣряя, что я нисколько не потеряла въ ея уваженіи, не смотря на перемѣну моего положенія, что она позаботилась о моемъ ребенкѣ, хотя я и не могу больше платить за него, и что женщина, у которой онъ помѣщенъ, живетъ въ полномъ довольствѣ. Такимъ образомъ на этотъ счетъ я могу нѣсколько успокоиться по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока буду въ состояніи существенно позаботиться о немъ.

Я объяснила ей, что у меня осталось очень немного денегъ, но есть нѣкоторыя цѣнныя вещи, и я прошу ее посовѣтовать мнѣ, какъ обратить ихъ въ деньги. Она спросила, что у меня есть. Я вынула нитку жемчуга и сказала, что это былъ одинъ изъ подарковъ моего мужа; затѣмъ я показала ей двѣ штуки шелковой матеріи, объяснивъ, что я привезла ихъ изъ Ирландіи, и небольшое бриліантовое кольцо. Что касается узелка съ серебромъ и ложками, то я нашла случай сбыть ихъ раньше, а приданое ребенка она предложила мнѣ взять себѣ, полагая, что это было мое. Она объявила мнѣ, что сама даетъ деньги подъ залогъ, и потому продастъ мои вещи, какъ будто онѣ были у нея заложены; такимъ образомъ она тотчасъ послала за своими агентами, которые, нисколько не смущаясь, купили у нея все это, заплативъ хорошую цѣну.

Теперь у меня явилась мысль, что эта полезная женщина можетъ нѣсколько помочь мнѣ въ моемъ презрѣнномъ положеніи, давъ мнѣ какое нибудь занятіе. Я готова была съ радостью приложить свои руки къ какому нибудь честному занятію, если бы можно было его получить, но честныя дѣла не входили въ область вѣдѣнія моей гувернантки.

Если бы я была моложе, быть можетъ она и помогла бы мнѣ, но мнѣ было пятьдесятъ лѣтъ; въ такіе годы едва ли возможно подобное ремесло. Кончилось, однако, тѣмъ, что она пригласила меня къ себѣ жить, пока я найду какое нибудь дѣло; такъ какъ это стоило очень немного, то я съ радостью приняла ея предложеніе. Теперь, устроившись сравнительно лучше, я могла помѣстить отдѣльно моего маленькаго сына отъ послѣдняго мужа; она помогла мнѣ и въ этомъ, обязавъ платить за него пять фунтовъ въ годъ. Все это было для меня такой большой помощью, что я надолго бросила свое постыдное ремесло, въ которое посвятила себя такъ недавно, и охотно принялась за работу, хотя было трудно достать ее, не имѣя знакомствъ.

Наконецъ, я получила нѣсколько швейныхъ заказовъ на дамское постельное бѣлье, юбки, и другія бумажныя вещи,

чему я очень обрадовалась. Я начала усиленно работать и жить этимъ; но бдительный демонъ, рѣшивъ, что я должна продолжать служеніе ему, не переставалъ подстрекать меня выйти изъ дому на прогулку, иначе сказать, онъ наталкивалъ меня на удобный случай приняться за старое ремесло.

Однажды ночью, слѣпо повинуясь его велѣніямъ, я долго блуждала по улицамъ, но не нашла себѣ дѣла; недовольствуясь этимъ, я вышла на слѣдующій вечеръ и, проходя мимо питейнаго дома, увидѣла, черезъ открытую дверь небольшой залы прямо противъ улицы, на столѣ, серебряный кубокъ, какіе обыкновенно употреблялись въ кабакахъ того времени. Повидимому, большая компанія только что оставила этотъ столъ и беззаботный мальчикъ забылъ убрать кубокъ.

Я свободно вошла въ залу и, поставивъ эту кружку на уголъ скамейки, сѣла впереди и постучала ногой. Скоро подошелъ мальчикъ, я велѣла подать себѣ пинту темнаго эля, такъ какъ время было холодное. Мальчикъ быстро ушелъ и я слышала, какъ онъ спустился въ погребъ нацѣдить эля. Въ это время ко мнѣ подошелъ другой мальчикъ и спросилъ:—Вы звали?—Я меланхолическимъ тономъ ему отвѣтила:

— Нѣтъ, мальчикъ уже пошелъ для меня за пинтой эля.

Въ то время какъ я сидѣла, я слышала, что женщина, стоявшая за конторкой, спросила:

— Они всѣ ушли впятеромъ?—при этомъ она указала на мое мѣсто. Мальчикъ отвѣтилъ ей: «Да».

— А кто убралъ кубокъ? продолжала женщина. «Я,—отвѣчалъ другой мальчикъ; вотъ онъ», и онъ, показалъ на другой кубокъ, который по забывчивости взялъ съ другого стола; а можетъ быть плутъ забылъ, что онъ его совсѣмъ не принялъ, что и было въ дѣйствительности.

Все это я слушала съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ мнѣ было ясно, что никто не замѣтилъ отсутствія кубка и что онъ не былъ прибранъ. Итакъ я выпила эль, позвала мальчика отдать деньги и, уходя, сказала:—Смотри, дитя мое, береги серебряную посуду. При этомъ я указала ему на серебряный кувшинъ, въ которомъ онъ приносилъ мнѣ эль. Мальчикъ отвѣтилъ:—хорошо, сударыня, идите съ Богомъ,—и я ушла.

Придя къ своей гувернанткѣ, я сказала себѣ, что теперь настало время испытать ее, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ, если меня откроютъ, обратиться къ ней за помощью.

Когда я пробыла дома нѣсколько времени и мнѣ представился случай переговорить съ ней наединѣ, то я сказала, что имѣю сообщить ей тайну огромной важности, если она обѣщаетъ сохранить ее. Она отвѣтила, что одну мою тайну она сохранила, и потому у меня нѣтъ основаній думать, что

она измѣнитъ другой. Тогда я сказала ей, что со мной случилось что то необыкновенное, случилось неожиданно, безъ всякаго намѣренія, и затѣмъ передала ей всю исторію кубка.

— Вы принесли его съ собой, моя милая?—спросила она.

— Да,—отвѣчала я, показывая кубокъ. Но что мнѣ дѣлать теперь? Не лучше ли отнести его назадъ?

— Отнести назадъ?—возразила она:—да! если вы хотите попасть въ Ньюгетъ.

— Но неужели у нихъ хватитъ настолько низости, чтобы арестовать меня, послѣ того какъ я возвращу назадъ кубокъ?

— Вы не знаете этого сорта людей, дитя мое,—сказала она;—они не только отправятъ васъ въ Ньюгетъ, но постараются васъ повѣсить, не обращая вниманія на то, что вы честно возвратите украденную вещь; или они поставятъ вамъ на счетъ всѣ кубки, которые были раньше у нихъ украдены, и заставятъ васъ заплатить за нихъ.

— Но что же мнѣ дѣлать въ такомъ случаѣ?—спросила я.

— Что дѣлать?—отвѣчала она,—вы ловко украли кубокъ, и вамъ остается одно—оставить его у себя, разъ у васъ нѣтъ возможности возвратить его. Съ другой стороны, развѣ вы меньше нуждаетесь, чѣмъ они, дитя мое? Я бы очень желала имѣть каждый вечеръ такую добычу.

Эти слова дали мнѣ поводъ составить новое представленіе о моей гувернанткѣ. Я увидѣла, что съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась закладчицей, она стала вращаться въ обществѣ не такихъ честныхъ людей, какихъ я встрѣчала у нея прежде.

Прошло немного времени и я яснѣе, чѣмъ прежде, убѣдилась въ этомъ, потому что я видѣла, какъ иногда приносили къ ней эфесы сабель, ложки, вилки, серебряные кувшины и другія подобныя вещи не для залога, а прямо на продажу: она покупала все это безъ всякихъ разспросовъ, но очень дешево.

Я узнала также, что она плавитъ у себя покупаемую серебряную посуду, для того чтобы ее нельзя было узнать; такъ, однажды утромъ она пришла ко мнѣ и сказала, что сегодня она будетъ плавить серебро и потому, если я хочу, то могу прибавить и свой кубокъ, тогда никто не отыщетъ его. Я сказала, что согласна отъ всего сердца. Тогда она свѣсила кружку и заплатила мнѣ дѣйствительную стоимость серебра; но я видѣла, что она совсѣмъ не такъ поступаетъ съ другими своими кліентами.

XV.

Я становлюсь искусной воровкой.—Двое моихъ товарищей осуждены.—Цѣнная добыча на пожарѣ.—Первая опасность.

Спустя нѣкоторое время, однажды, когда я сидѣла въ очень грустномъ настроенiи за работой, она стала спрашивать у меня о причинѣ моей грусти. Я ей сказала, что у меня тяжело на сердцѣ, такъ какъ работы мало, мнѣ нечѣмъ жить и я не знаю, что дѣлать. Она засмѣялась, говоря, что мнѣ стоитъ только выйти на улицу, чтобы попытать счастья, быть можетъ, мнѣ снова попадется серебряная посуда.

— О, моя матушка, — сказала я, — вѣдь я совсѣмъ неопытна въ этомъ ремеслѣ, и если меня схватятъ, то я тутъ же погибну.

— Да, это правда,—отвѣчала она,—но я могу васъ познакомить съ одной начальницей школы, которая выучитъ васъ быть такой же ловкой, какъ она сама.

Я задрожала при этомъ предложенiи, потому что до сихъ поръ я не имѣла ни сообщниковъ, ни знакомствъ въ этомъ мiрѣ. Но она побѣдила мою осторожность и всѣ мои опасенiя; такимъ образомъ въ короткое время, при помощи этой леди, я стала такой же смѣлой и искусной воровкой, какою была когда-то грабительница Молль, хотя, если вѣрить молвѣ, я и на половину не была такъ красива, какъ она.

Женщина, съ которой меня познакомила моя гувернантка, была искусна въ трехъ различныхъ родахъ этого мастерства: она умѣла обкрадывать лавки, вытаскивать оттуда и изъ кармановъ бумажники и отрѣзывать золотые карманные часы у дамъ; во всемъ этомъ она преуспѣвала съ такимъ искусствомъ, какого не достигала ни одна женщина. Мнѣ особенно понравилось первое и послѣднее занятiе; нѣкоторое время я помогала ей въ ея практикѣ, какъ помогаетъ помощница акушеркѣ, безъ всякаго вознагражденiя.

Наконецъ она сдѣлала мнѣ экзаменъ. Она научила меня своему искусству, и я нѣсколько разъ необыкновенно ловко отцѣпила часы отъ ея собственнаго пояса; послѣ этого испытанiя она указала мнѣ на добычу, — это была молодая беременная женщина съ очаровательными часами. Дѣло должно было начаться въ тотъ моментъ, когда дама будетъ выходить изъ церкви; моя сообщница шла съ боку этой дамы и въ то время, когда послѣдняя подошла къ ступенькамъ лѣстницы, та нарочно упала передъ ней и такъ сильно, что мистриссъ страшно испугалась и обѣ спутницы испустили ужасные крики; въ тотъ моментъ, когда она толкнула даму, я схватила ея часы и ловко

держала ихъ; дама въ испугѣ задрожала, что позволило мнѣ снять часы съ крючка, такъ что она ничего не замѣтила; я тотчасъ ушла, оставя свою учительницу приходить въ чувство вмѣстѣ съ дамой, которая скоро увидѣла, что у нея нѣтъ часовъ.

— Ай, ай!—сказала моя сообщница,—значитъ, меня толкнули мошенники. Странно, какъ вы не замѣтили раньше, что у васъ сняли часы; мы могли бы во время схватить этихъ негодяевъ.

Она такъ хорошо разыграла всю комедію, что никто не заподозрилъ ее, и я пришла домой часомъ раньше. Таково было мое первое похожденіе въ товариществѣ; затѣмъ привычка ожесточила мое сердце, я стала смѣлой до крайности, тѣмъ болѣе, что я долго свободно практиковала свое занятіе, не попадаясь никому въ руки; словомъ сказать, мы такъ долго воровали вмѣстѣ съ своей товаркой, не боясь быть схваченными, что не только стали самыми смѣлыми воровками, но и были очень богаты: одно время мы имѣли въ своихъ рукахъ двадцать одну штуку золотыхъ часовъ.

Я вспоминаю, что однажды, находясь въ болѣе грустномъ настроеніи духа, чѣмъ обыкновенно, мнѣ пришла въ голову мысль, вѣроятно внушенная какимъ нибудь добрымъ геніемъ, если существуютъ такіе, мысль—оставить свое ремесло. Я разсуждала такъ: я начала воровать подъ гнетомъ нищеты, которая толкнула меня на страшный путь порока, но теперь, когда мои бѣдствія окончились и я могу поддерживать свое существованіе работой, имѣя въ запасѣ капиталъ въ 200 фунтовъ, то почему теперь не оставить мнѣ этотъ путь, тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ я не могу разсчитывать быть всегда свободной, потому что рано или поздно, но меня схватятъ и я погибну.

Безъ сомнѣнія это была счастливая минута; если бы я послушала благословеннаго совѣта, откуда бы онъ ни исходилъ, я бы нашла еще средства для спокойной и честной жизни. Но моя судьба была опредѣлена иначе; увлекавшій меня алчный дьяволъ крѣпко сжималъ меня въ своихъ когтяхъ и не позволялъ вернуться: какъ прежде бѣдность, такъ теперь жадность гнали меня впередъ до тѣхъ поръ, пока я лишилась всякой возможности вернуться назадъ. Когда разсудокъ подсказывалъ мнѣ свои доводы, алчность возставала и нашептывала мнѣ слѣдующія слова: «Иди впередъ, тебѣ помогаетъ удача; продолжай, пока будешь имѣть четыреста или пятьсотъ фунтовъ; тогда оставишь, тогда будешь жить въ довольствѣ и не будешь больше работать».

Такимъ образомъ изъ когтей дьявола меня не выпускали какія то чары, я не имѣла силъ выйти изъ этого круга, до тѣхъ поръ, пока не запуталась въ лабиринтѣ бѣдствій.

Однако эти мысли произвели на меня нѣкоторое впечатлѣніе, и заставили дѣйствовать съ большимъ благоразуміемъ, чѣмъ прежде; я принимала болѣе предосторожности, чѣмъ даже мои учительницы. Моя товарка, какъ я называла ее, хотя я должна бы называть ее моей хозяйкой, вмѣстѣ съ другой своей ученицей первыя испытали несчастье; въ поискахъ за добычей, онѣ посягнули на товаръ одного торговца полотнами въ Чипсайдѣ, но были пойманы съ двумя штуками батиста его зоркимъ прикащикомъ.

Этого было достаточно, чтобы отправить ихъ обѣихъ въ Ньюгетъ, гдѣ, къ несчастію, вспомнили ихъ прежніе проступки: противъ нихъ было возбуждено два новыхъ доказанныхъ обвиненія и, такимъ образомъ, несчастныхъ приговорили къ смерти; обѣ заявили въ судѣ, что онѣ беременны, хотя моя наставница могла быть не больше беременна, чѣмъ я.

Я часто ходила навѣщать и утѣшать ихъ, ожидая своей очереди въ будущемъ; но при воспоминаніи о моемъ несчастномъ рожденіи, о бѣдствіяхъ моей матери, это мѣсто внушало мнѣ такой ужасъ, что я не могла переносить его больше и потому перестала бывать тамъ.

О, если бы бѣдствія моихъ подругъ послужили мнѣ предостереженіемъ! тогда я могла быть еще счастлива, потому что до сихъ поръ я была свободна, и на мнѣ не лежало никакихъ обвиненій; но моя чаша еще не переполнилась.

Моя товарка, имѣя на себѣ старое клеймо осужденной, была казнена, молодой же преступницѣ пощадили жизнь; она получила отсрочку; но ей долго пришлось голодать въ тюрьмѣ, пока она попала въ такъ называемый реестръ каторжныхъ и ее отправили въ ссылку.

Этотъ примѣръ поразилъ ужасомъ мое сердце, и я долго не предпринимала никакихъ экскурсій. Но однажды ночью въ домѣ, сосѣднемъ съ домомъ моей гувернантки, раздался крикъ: «Пожаръ!» Моя гувернантка подбѣжала къ окну и немедленно закричала, что домъ такой то въ огнѣ, и пламя пробивается сверху, что было справедливо. Но при этомъ она толкнула меня локтемъ и сказала:

«Теперь, дитя мое, представляется рѣдкій случай; пожаръ такъ близко отъ насъ, что вы успѣете пройти туда прежде, чѣмъ толпа загородитъ улицу». Затѣмъ она объяснила мнѣ мою роль.—«Идите, дитя мое, въ домъ; бѣгите и скажите леди или тому кого увидите, что вы пришли на помощь и что васъ прислала такая то леди, живущая въ концѣ этой улицы».

Я пошла и, придя въ домъ, нашла всѣхъ въ смятеніи. Вбѣжавъ туда, я встрѣтила горничную и сказала ей; «Ахъ, моя милая, скажите, какъ случилось такое несчастье! А гдѣ ваша хозяйка? Гдѣ ея дѣти? Я пришла отъ мадамъ помочь вамъ».

Горничная побѣжала... «Сударыня, сударыня, закричала она такъ громко какъ могла, пришла госпожа отъ мадамъ, помочь намъ». Бѣдная женщина почти безъ чувствъ подбѣжала ко мнѣ, держа узелъ и двухъ дѣтей.

— Мадамъ,—сказала я,—позвольте отвести мнѣ бѣдныхъ малютокъ къ мадамъ; она проситъ васъ прислать ихъ, она позаботится о несчастныхъ агнцахъ. Съ этими словами я взяла одного, котораго она держала за руку, а она мнѣ передала другого, бывшаго у нея на рукахъ.

— О, да! да! ради Бога,—сказала она, отнесите ихъ къ ней и поблагодарите ее за ея доброту!

— Можетъ быть, у васъ есть еще что нибудь передать ей на храненіе?—спросила я; она заботливо сбережетъ все.

— О Боже, благослови ее! Возьмите этотъ узелъ съ серебромъ и отнесите къ ней. Боже мой! мы въ конецъ разорены, мы погибли!

Она меня оставила, бросившись какъ безумная вмѣстѣ съ горничной въ другія комнаты, я же ушла съ узломъ и двумя дѣтьми.

Едва я очутиласъ на улицѣ, какъ увидала другую женщину, которая подошла ко мнѣ.

— Увы! бѣдная хозяйка,—жалобнымъ тономъ проговорила она,—у васъ упадетъ съ рукъ дитя; Боже мой, Боже мой, что за несчастье, позвольте я помогу вамъ.

Съ этими словами она положила руку на узелъ, желая понести его за мной.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала я,—если вы хотите помочь, возьмите ребенка за руку и доведите со мной до конца улицы, я заплачу вамъ за труды.—Послѣ этого ей ничего не оставалось дѣлать, какъ идти за мной. Я увидѣла, что она занимается однимъ со мной ремесломъ и ничего не желала, кромѣ узла; однако она довела меня до двери, такъ какъ ей нельзя было поступить иначе. Когда мы пришли, я шепнула ей на ухо:

— Иди, дитя мое, я знаю, кто ты, тамъ тебѣ много дѣла.

Она поняла меня и ушла; тогда я постучалась въ дверь дома, гдѣ, благодаря пожару, всѣ были на ногахъ, мнѣ скоро отворили.

— Мадамъ встала?—спросила я.—Будьте добры, скажите ей, что мадамъ умоляетъ ее взять этихъ двухъ дѣтей; бѣдная женщина совсѣмъ растерялась, весь домъ ихъ въ огнѣ.

Такимъ образомъ, отъ меня дѣтей очень любезно приняли, и я ушла съ узломъ. Одна горничная спросила меня,—можетъ быть яоставлю у нихъ и узелъ.

— Нѣтъ, моя милая,—отвѣчала я,—это я должна отнести въ другое мѣсто.

Теперь я была далеко отъ толпы и потому могла свободно

продолжать дорогу съ узломъ и принести его прямо домой къ своей гувернанткѣ, гдѣ, взявъ узелъ къ себѣ на верхъ, начала его разбирать. Я съ ужасомъ говорю, сколько нашла тамъ сокровищъ; достаточно сказать, что кромѣ большого количества мелкой серебряной посуды, я нашла тамъ золотую цѣпь стариннаго фасона съ сломаннымъ фермуаромъ, изъ чего я заключила, что цѣпь давно не была въ употребленіи, хотя золото было хорошаго качества; маленькій ящикъ съ кольцами, свадебное кольцо, нѣсколько обломковъ золотого фермуара, золотые часы, кошелекъ съ 24 фунтами въ старинныхъ золотыхъ монетахъ и много другихъ драгоцѣнностей.

Это была самая богатая и самая ужасная добыча, какія только выпадали на мою долю; и хотя, какъ я уже говорила, мое сердце очерствѣло и я лишиласъ способности чувствовать и разсуждать, однако же теперь, глядя на всѣ эти сокровища, я была тронута до глубины души; мнѣ пришла на мысль бѣдная женщина, которая, потерявъ почти все, думаетъ, что она спасла по крайней мѣрѣ прибранную посуду и другія драгоцѣнныя вещи... Но какъ она будетъ изумлена, когда узнаетъ, что ее обманули...

Однако принятое мною раньше рѣшеніе оставить мое ужасное ремесло, когда я пріобрѣту порядочныя средства, я не привела въ исполненіе; корыстолюбіе такъ овладѣло мной, что я не питала надежды измѣнить характеръ своей жизни; «еще немного, еще немного» — вотъ что было моимъ постояннымъ припѣвомъ.

Моя гувернантка въ продолженіи нѣкотораго времени сильно безпокоилась о судьбѣ моей повѣшенной подруги, потому что послѣдняя могла разсказатъ о ней многое такое, что могло отправить и ее по такой же дорогѣ.

Правда, когда несчастная отошла въ вѣчность, не сказавъ того, что знала (хотя отъ нея вполнѣ зависѣло получить прощеніе, выдавъ своихъ друзей), то это такъ растрогало мою гувернантку, что она искренно плакала о злосчастной судьбѣ своей подруги. Я утѣшала ее, но за это она помогала мнѣ коснѣть въ порокѣ и тѣмъ готовить себѣ такую же участь.

Какъ бы то ни было, я стала благоразумнѣе и осторожнѣе, болѣе всего я воздерживалась воровать въ лавкахъ и особенно у суконщиковъ и мелочныхъ торговцевъ, такъ какъ эти нахалы всегда смотрѣли во всѣ глаза. Но мы всегда знали, гдѣ открывается новая лавка, и особенно если ее открывали люди, неопытные въ торговлѣ; тогда они могли быть увѣрены, что мы посѣтимъ ихъ вначалѣ два или три раза, и имъ надо было имѣть много ловкости, чтобы избѣжать нашихъ визитовъ.

XVI.

Я дѣлаюсь осторожнѣе. — Открытіе контрабанды. — Моя извѣстность и происходящая отсюда опасность.—Я вновь избѣгаю висѣлицы.

Теперь, избѣжавъ близкой опасности быть повѣшенной и имѣя передъ глазами подобные примѣры, я стала еще болѣе осторожной; но у меня была новая искусительница, которая каждый день подстрекала меня на новыя предпріятія; теперь представилось дѣло, подготовленное подъ ея непосредственнымъ управленіемъ, и потому она надѣялась получить большую долю ожидаемой добычи. Въ одномъ частномъ домѣ былъ устроенъ большой складъ фландрскихъ кружевъ, и такъ какъ эти кружева считались запрещеннымъ товаромъ, то они представляли для каждаго таможеннаго чиновника большой призъ, въ случаѣ если бы ему удалось открыть этотъ складъ; моя гувернантка сообщила мнѣ полныя свѣдѣнія какъ о количествѣ кружевъ, такъ и о мѣстѣ, гдѣ они спрятаны. Такимъ образомъ я отправилась къ одному таможенному чиновнику и сказала ему, что я могу сдѣлать ему важное открытіе, если только онъ обезпечитъ мнѣ извѣстное вознагражденіе. Дѣло было совершенно честное и законное, и потому онъ, согласившись на мое предложеніе, позвалъ констэбля, и мы заняли домъ. Такъ какъ я заранѣе заявила ему, что я сама отправлюсь прямо въ складъ, то онъ и возложилъ на меня эту заботу; помѣщеніе было темное, узкое, я съ большимъ трудомъ проскользнула туда, со свѣчей въ рукѣ, и стала передавать ему куски кружевъ, позаботясь о томъ, чтобы въ то же время оставить для себя, сколько можно было ихъ спрятать и вынести. Я сдала всего кружева на сумму около 300 фунтовъ и спрятала для себя на 50. Эти кружева принадлежали не хозяевамъ дома, но купцу, который помѣстилъ ихъ на складѣ, а потому хозяева не были особенно огорчены этимъ.

Я вѣрно подѣлила добычу съ моей гувернанткой, которая съ этихъ поръ стала относиться ко мнѣ, какъ къ очень искусной пройдохѣ въ тонкихъ дѣлахъ. Я сама видѣла, что послѣдняя операція была лучшей моей работой на этомъ поприщѣ и потому теперь стала заниматься розыскомъ запрещеннаго товара; собравъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ можно найти такой товаръ, я сперва покупала немного, а затѣмъ доносила куда слѣдуетъ; однако, ни одинъ изъ такихъ доносовъ не принесъ мнѣ столько выгоды, какъ первый; я была слишкомъ осторожна и не хотѣла, по примѣру другихъ, подвергать себя слишкомъ большому риску, который приводитъ всегда къ гибели.

Слѣдующимъ моимъ приключеніемъ была попытка украсть золотые часы у одной дамы. Дѣло происходило въ толпѣ, у входа въ церковь, причемъ мнѣ угрожала сильная опасность быть схваченной на мѣстѣ преступленія. Я уже держала въ рукѣ часы, но почувствовала, что не могу ихъ снять; тогда я мгновенно бросила ихъ и такъ сильно закричала, точно меня убиваютъ; я объяснила при этомъ, что какой-то мужчина наступилъ мнѣ на ногу и что здѣсь, вѣроятно, есть жулики, потому что другой мужчина хотѣлъ оторвать у меня часы; вы должны помнить, что на всѣ такія похожденія мы выходимъ прекрасно одѣтыми, и въ то время на мнѣ было дорогое платье и съ боку висѣли часы. Такимъ образомъ я нисколько не отличалась отъ любой богатой дамы.

Едва я перестала кричать, какъ моя дама тоже закричала: «воры», говоря, что у нея хотѣли снять часы.

Въ то время, когда у меня были въ рукахъ ея часы, я стояла очень близко возлѣ нея, но, когда я закричала, то быстро отскочила, и толпа увлекла ее немного впередъ. Когда-же она въ свою очередь закричала, то я находилась отъ нея уже на такомъ разстояніи, что у нея не могло возникнуть относительно меня ни малѣйшаго подозрѣнія; на ея крикъ «воры» кто-то возлѣ меня закричалъ: «Да, здѣсь тоже есть воръ, онъ хотѣлъ обокрасть эту лэди».

Въ это самое мгновеніе, немного дальше въ толпѣ, къ моему величайшему счастью, снова закричали: «воръ! воръ!» и дѣйствительно тутъ же схватили одного молодого человѣка на мѣстѣ преступленія. Этотъ несчастный вовремя явился на выручку; хотя я и раньше вела себя бодро и увѣренно, но теперь никто больше не могъ заподозрить меня, и часть волнующагося народа направилась въ ту сторону; бѣдный малый былъ предоставленъ яростной уличной толпѣ, жестокость которой нѣтъ надобности описывать, хотя воры предпочитаютъ эту жестокость Ньюгету, гдѣ послѣ долгаго заключенія ихъ ожидаетъ висѣлица, или, на лучшій конецъ, ссылка въ каторгу.

Такимъ образомъ я снова избѣжала близкой опасности и была такъ напугана, что долго не прикасалась къ чужимъ часамъ.

Обращаюсь къ моей доброй старой гувернанткѣ. Я могу смѣло сказать, что она была рождена карманной воровкой и, какъ я узнала потомъ, прошла всѣ степени этого искусства; однако, разъ ее поймали и уличили такъ ясно, что она была осуждена въ ссылку; но, благодаря своему рѣдкому краснорѣчію, а также деньгамъ, она нашла возможность въ то время, когда корабль остановился запастись провизіей, уйти на берегъ и остаться въ Ирландіи. Послѣ того она многіе годы продолжала заниматься своимъ старымъ ремесломъ; потомъ, попавъ въ другого

сорта компанію, она стала акушеркой и сводней, и продѣлывала сотни различныхъ штукъ, которыя она и разсказала мнѣ въ то время, когда мы вступили съ ней въ самыя интимныя отношенія; такимъ образомъ этому порочному созданію я была обязана такою ловкостью въ дѣлѣ, какой никто не достигалъ раньше меня; благодаря этой ловкости, я долго и безопасно продолжала свое занятіе.

Послѣ этихъ приключеній въ Ирландіи, моя гувернантка пріобрѣла общую извѣстность и потому, оставивъ Дублинъ, отправилась въ Англію; такъ какъ срокъ ея ссылки еще не истекъ, то она бросила свое прежнее ремесло, опасаясь снова попасть въ плохія руки, что несомнѣнно привело бы ее къ гибели.

Теперь главная для меня опасность заключалась въ томъ, что я стала извѣстностью въ своемъ дѣлѣ; многіе мои товарищи по ремеслу ненавидѣли меня скорѣй изъ зависти, чѣмъ по какому нибудь другому поводу; они негодовали на меня за то, что я избѣгала опасности въ то самое время, когда ихъ отводили въ Ньюгетъ. Они-то и дали мнѣ имя Молль Флендерсъ, не имѣвшее ничего общаго съ моимъ настоящимъ именемъ; впрочемъ, одинъ разъ въ своей жизни, я, какъ уже говорила объ этомъ, называлась Молль Флендэрсъ, и именно въ то время, когда я жила въ Минтѣ. Но этого не могъ знать никто изъ этихъ негодяевъ, и потому я рѣшительно не понимаю, почему и при какихъ обстоятельствахъ они дали мнѣ такое имя.

Скоро до меня дошли слухи, что нѣкоторые изъ заключенныхъ въ Ньюгетѣ поклялись донести на меня, и такъ какъ я знала, что между ними двое или трое были на это весьма способны, то я сильно встревожилась и долго не выходила изъ дому. Но моя гувернантка, раздѣляя со мной мои успѣхи и играя всегда навѣрняка, придумала новый способъ дать мнѣ возможность спокойно выходить на улицу: она одѣла меня мужчиной и заставила такимъ образомъ начать новую профессію.

Я была высокаго роста, хорошо сложена, но имѣла слишкомъ гладкое для мужчины лицо; однако же это не особенно мѣшало, потому что днемъ я выходила очень рѣдко. Но я не скоро привыкла къ своему новому платью; въ немъ я не чувствовала себя такой ловкой и подвижной, я дѣлала все неувѣренно и потому мнѣ было не такъ легко, какъ прежде, избѣгать опасности; въ виду этого я рѣшила оставить этотъ костюмъ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій случай вполнѣ оправдалъ мое рѣшеніе.

Моя гувернантка, переодѣвъ меня мужчиной, въ то же время познакомила съ однимъ молодымъ человѣкомъ, весьма

опытнымъ въ своемъ дѣлѣ; въ теченіи первыхъ трехъ недѣль мы работали съ нимъ вмѣстѣ. Главнымъ нашимъ занятіемъ было сторожить прилавки магазиновъ и таскать какой попадется товаръ, оставленный тамъ по небрежности; работая такимъ образомъ, мы, говоря нашимъ языкомъ, сдѣлали много хорошихъ дѣлъ. Мы были всегда вмѣстѣ и потому стали очень дружны, хотя онъ никогда не узналъ, что я женщина, не смотря на то, что наше занятіе заставляло меня иногда ночевать съ нимъ въ одной комнатѣ.

Но его злосчастная судьба скоро положила конецъ нашей совмѣстной жизни. На одной улицѣ была лавка, позади которой находился складъ, выходившій на другую улицу; такимъ образомъ, этотъ домъ образовалъ уголъ. Черезъ окно склада мы замѣтили на прилавкѣ или на выставкѣ, бывшей прямо передъ нами, пять штукъ шелковой матеріи; было почти темно, но прикащики, занятые уборкой, вѣроятно не успѣли или позабыли закрыть окно.

Мой молодой товарищъ такъ обрадовался этому, что не могъ сдержать себя; онъ говорилъ мнѣ: «клянусь, что все это будетъ мое, даже въ томъ случаѣ, если бы потребовалось взломать домъ». Я хотя и отговаривала его, но видѣла, что слова мои были напрасны; и такъ, онъ быстро бросился къ окну, ловко вынулъ одно стекло, взялъ четыре штуки шелковой матеріи и съ ними вернулся ко мнѣ. Но за нимъ немедленно погналась страшная толпа; мы стояли другъ противъ друга, у меня въ рукахъ ничего не было, я тотчасъ шепнула ему:

— Ты погибъ!

Онъ бросился бѣжать съ быстротой молніи, я тоже; но его преслѣдовали настойчивѣе, чѣмъ меня, потому что у него былъ товаръ; онъ выпустилъ изъ рукъ двѣ штуки; это на мгновеніе остановило толпу, однако же она увеличивалась и насъ преслѣдовали обоихъ; скоро его схватили съ двумя другими штуками шелку и тогда толпа раздѣлилась,—часть повела его, а другая погналась за мной. Я бѣжала изо всѣхъ силъ и, наконецъ, достигла дома моей гувернантки. Меня горячо преслѣдовали нѣсколько человѣкъ, которые, имѣя острое зрѣніе, увидѣли, куда я скрылась, и осадили домъ; они не сразу стали стучать въ дверь, что дало мнѣ время сбросить мужской костюмъ и одѣться въ свое платье; между тѣмъ моя гувернантка, бывшая всегда наготовѣ, заперла дверь и закричала, что сюда не вбѣгалъ никакой мужчина. Но толпа утверждала, что всѣ видѣли, какъ въ этотъ домъ вбѣжалъ молодой человѣкъ, а потому она требовала отпереть, угрожая въ противномъ случаѣ выломать дверь.

Моя гувернантка, нисколько не смущаясь, спокойно отвѣчала, что они могутъ свободно войти и обыскать ея домъ, если

пожелают привести съ собой констэбля, который выберетъ нѣсколькихъ человѣкъ для осмотра, понимая, что было бы безразсудно впускать въ домъ всю толпу; толпа согласилась, тотчасъ послала за констэблемъ и, когда тотъ явился, хозяйка безпрекословно отворила дверь; констэбль остался охранять входъ, отправя нѣсколькихъ человѣкъ осмотрѣть домъ; моя гувернантка ходила съ ними по комнатамъ и, когда они подошли къ моей двери, она окликнула меня и громко сказала:

— Кузина, прошу васъ, отворите дверь; этимъ господамъ нужно осмотрѣть вашу комнату.

Вся моя обстановка имѣла скромный и благопристойный видъ; поэтому они обошлись со мной такъ вѣжливо, какъ я не ожидала, впрочемъ, не прежде, чѣмъ сдѣлали самый тщательный обыскъ, причемъ они осмотрѣли все на кровати, подъ кроватью, словомъ, вездѣ, гдѣ можно было что нибудь спрятать; окончивъ обыскъ и не найдя ничего, они извинились и спустились внизъ по лѣстницѣ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ весь домъ отъ чердака до погреба и отъ погреба до чердака и не найдя никого, они успокоили толпу, но взяли съ собой мою гувернантку и повели ее къ судьѣ, гдѣ двое свидѣтелей божились, что они видѣли, какъ преслѣдуемый ими воръ вбѣжалъ въ ея домъ. Тогда моя гувернантка возвысила голосъ и стала шумѣть, говоря, что опозорили ея домъ, а съ ней поступили, какъ съ какой-то негодяйкой; можетъ быть къ ней и входилъ какой нибудь человѣкъ, который, безъ ея вѣдома, тотчасъ же благополучно вышелъ, но она готова присягнуть въ томъ, что ни одинъ знакомый ей мужчина не переступалъ ея порога въ этотъ день; могло легко случиться, что въ то время, когда она была на верху, какой нибудь человѣкъ, найдя дверь открытой, въ страхѣ вбѣжалъ въ домъ, желая найти въ немъ убѣжище отъ преслѣдователей, и если это дѣйствительно такъ случилось, то онъ могъ свободно уйти черезъ другой выходъ, потому что въ домѣ есть еще дверь, которая выходитъ въ переулокъ.

Все это было вполнѣ правдоподобно, и судья только заставилъ ее дать присягу въ томъ, что она не впускала къ себѣ никого съ цѣлью помочь ему скрыться отъ правосудія; она охотно дала эту присягу и затѣмъ ее отпустили на свободу.

Легко представить, въ какомъ страхѣ я жила все это время; съ тѣхъ поръ моя гувернантка ничѣмъ не могла убѣдить меня переодѣться мужчиной: вѣдь это значило бы, говорила я ей, самой выдать себя.

Благодаря этому несчастному случаю, дѣла моего товарища оказались чрезвычайно плохи; его привели къ судьѣ, который отправилъ несчастнаго въ Ньюгетъ; поймавшіе его люди стали преслѣдовать его судомъ; они приняли участіе въ слѣдствіи и

обязались явиться въ засѣданіе суда, чтобы поддержать противъ него обвиненіе.

Однако онъ получилъ отстрочку, въ виду его обѣщанія открыть своихъ соучастниковъ и главнымъ образомъ человѣка, съ которымъ совершилъ послѣднюю кражу; онъ сообщилъ мое имя, Габріель Спенсеръ, подъ которымъ я дѣйствовала съ нимъ, и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы разыскать Габріеля Спенсера; онъ описалъ мою наружность, указалъ, гдѣ я жила, словомъ сообщилъ всѣ извѣстныя ему подробности; но онъ поневолѣ скрылъ главное, а именно мой полъ, что и было моимъ спасеніемъ въ данномъ случаѣ. По его указаніямъ потревожили двѣ или три семьи, но никто и ничего не зналъ обо мнѣ; говорили только, что у него былъ товарищъ и что его видѣли съ нимъ. Что касается моей гувернантки, то хотя она и была посредницей при нашемъ съ нимъ знакомствѣ, но оно состоялось черезъ вторыя руки, такъ что онъ тоже ничего не зналъ о ней.

Такимъ образомъ дѣло приняло для него плохой оборотъ, такъ какъ онъ не могъ исполнить своего обѣщанія; присяжные рѣшили, что онъ издѣвается надъ правосудіемъ, и лавочникъ съ большей жестокостью началъ противъ него свои преслѣдованія.

Все это время я была въ ужасной тревогѣ и, наконецъ, во избѣжаніе всякой опасности я послала горничную взять мѣсто въ почтовой каретѣ и отправилась въ Донстебль къ моимъ бывшимъ друзьямъ, хозяевамъ гостинницы, въ которой когда-то я такъ хорошо прожила нѣсколько времени съ моимъ Ланкаширскимъ мужемъ. Здѣсь я разсказала имъ выдуманную басню, что я ожидаю своего мужа изъ Ирландіи и послала ему письмо, въ которомъ пишу, что хочу встрѣтить его въ Донстеблѣ, въ ихъ гостинницѣ; онъ навѣрное прибудетъ сюда черезъ нѣсколько дней, если его корабль встрѣтитъ попутный вѣтеръ.

Моя хозяйка очень обрадовалась моему пріѣзду, а хозяинъ поднялъ такую суматоху по этому случаю, что будь я герцогиня, то не могла бы ожидать лучшаго пріема. Такимъ образомъ, если бы я захотѣла, то могла бы прожить здѣсь съ удовольствіемъ мѣсяцъ или два, но меня поглотили совершенно иного рода заботы. Я страшно безпокоилась, чтобы мой товарищъ не выдалъ меня, и это наполнило страхомъ мою душу; мнѣ не у кого было искать помощи, я не имѣла друзей, кромѣ моей гувернантки, и не видѣла другого выхода, какъ отдать себя въ ея руки, что я и сдѣлала, сообщивъ ей свой адресъ и получая отъ нея письма, которыя бросали меня въ ужасъ. Наконецъ, она сообщила мнѣ, что онъ повѣшенъ; это было для меня такимъ пріятнымъ извѣстіемъ, какого я давно не получала.

Я прожила здѣсь пять недѣль съ полнымъ комфортомъ и затѣмъ объявила своей хозяйкѣ, что имѣю письмо отъ мужа

изъ Ирландіи, въ которомъ онъ сообщаетъ хорошія вѣсти о своемъ здоровьѣ и дурныя о своихъ дѣлахъ; это не позволяетъ ему уѣхать такъ скоро, какъ онъ разсчитывалъ, и по всей вѣроятности мнѣ придется одной возвращаться въ Лондонъ.

Моя хозяйка поздравила меня съ хорошими извѣстіями о здоровьѣ моего мужа.

— Я замѣчала, мадамъ, что все это время вы не были такъ веселы, какъ прежде; вы были сильно озабочены,—говорила добрая женщина,—но теперь вы опять измѣнились и къ вамъ вернулась ваше веселье.

— Да, да, но мнѣ очень досадно,—сказалъ хозяинъ,—что вашъ супругъ не пріѣдетъ сюда, а я такъ былъ радъ его увидѣть. Но разъ вы навѣрное узнаете, что онъ возвращается, летите сюда навстрѣчу ему, вы всегда будете у насъ желанной гостьей.

Послѣ этихъ привѣтствій мы разстались, и я съ радостью вернулась въ Лондонъ, гдѣ нашла въ такомъ же восторгѣ свою старую гувернантку, въ какомъ находилась сама. Теперь она объявила мнѣ, что не совѣтуетъ вступать ни въ какія сообщества, видя, что я гораздо удачнѣе рискую одна. Дѣйствительно, хотя я рисковала такъ смѣло, какъ никто изъ нихъ, однако съ большимъ благоразуміемъ обдумывала предпріятіе и съ большимъ присутствіемъ духа избѣгала опасности.

Часто даже я сама удивлялась своему особенному удальству; и въ самомъ дѣлѣ, видя, какъ моихъ товарищей хватаютъ и бросаютъ въ руки правосудія и какъ они гибнутъ, я тѣмъ не менѣе не могла серьезно рѣшиться оставить свое постыдное ремесло, особенно принимая во вниманіе, что теперь я далеко не была бѣдной, и что соблазны нищеты, служащіе главной причиной этого порока, уже не имѣли для меня значенія: у меня было около 500 фунтовъ чистыми деньгами, такъ что я могла жить хорошо. Но повторяю, у меня и теперь не было желанія остановиться, точно такъ же, какъ въ то время, когда я не имѣла и 200 фунтовъ и у меня не стояли передъ глазами такіе ужасные примѣры.

Однако судьба одной моей новой подруги произвела на меня на нѣкоторое время сильное впечатлѣніе, хотя и оно также скоро изгладилось, какъ всѣ остальныя. Это была поистинѣ несчастная случайность. Однажды я захватила штуку прекрасной камки (шелковая матерія) въ розничномъ магазинѣ, но изъ него вышла съ пустыми руками, такъ какъ успѣла передать товаръ своей компаньонкѣ; мы пошли, одна въ одну сторону, а другая въ другую. Мы были еще недалеко отъ магазина, какъ его хозяинъ, замѣтивъ кражу, послалъ своихъ прикащиковъ, которые и побѣжали въ разныя стороны; скоро они схватили женщину съ кускомъ матеріи; я же случайно проскользнула въ одинъ домъ, гдѣ въ первомъ этажѣ находи-

лась кружевная лавка; здѣсь я съ удовольствіемъ, или вѣрнѣе съ ужасомъ, увидѣла въ окно, что мою несчастную подругу тащатъ къ судьѣ, который немедленно отправитъ ее въ Ньюгетъ.

Разумѣется, я ничего не тронула въ кружевной лавкѣ, но, чтобы выиграть время, стала перебирать все, что можно, и, купивъ нѣсколько ярдовъ выпушки, вышла съ стѣсненнымъ сердцемъ, искренно сожалѣя о бѣдной женщинѣ, которая поплатилась за мою кражу.

Послѣ этого случая съ несчастной женщиной, я долго сидѣла дома; я понимала, что если при первой неудачной кражѣ я попаду въ тюрьму, то она со всей готовностью будетъ свидѣтельствовать противъ меня и, стараясь спасти свою жизнь, не пожалѣетъ моей; я знала, что становлюсь извѣстной суду присяжныхъ въ Лондонѣ и хотя никто не знаетъ меня въ лицо, но если попаду въ ихъ руки, то они станутъ на меня смотрѣть, какъ на человѣка, провинившагося не въ первый разъ; поэтому я рѣшила ожидать, чѣмъ кончится судьба этого несчастнаго созданія, находя случай нѣсколько разъ пересылать ей деньги.

Наконецъ настало судебное разбирательство ея дѣла. Она оправдывалась тѣмъ, что не она украла найденныя у нея вещи, а ихъ передала ей нѣкая женщина, извѣстная подъ именемъ Молль Флендэрсъ, которую она не знаетъ и съ которой она вмѣстѣ вышла изъ лавки. Прикащики положительно утверждали, что она была въ магазинѣ въ тотъ моментъ, когда украденъ товаръ, что они сразу замѣтили его исчезновеніе, нагнали ее и нашли у нея товаръ; на этомъ основаніи присяжные обвинили ее. Но судебная палата, усматривая, что въ сущности не она была, лицомъ совершившимъ кражу, и что ей трудно найти Флендэрсъ, то есть, меня, оказала ей величайшую милость, приговоривъ ее къ ссылкѣ; кромѣ того, палата объявила, что, если современемъ она розыщетъ указанную Молль Флендэрсъ, тогда судъ будетъ ходатайствовать о полномъ прощеніи, иными словами, если она съумѣетъ въ теченіе извѣстнаго времени представить меня въ судъ, тогда меня повѣсятъ, а ей дадутъ полную свободу. Я приняла всѣ мѣры, чтобы сдѣлать это невозможнымъ и, такимъ образомъ, спустя немного времени, приговоръ надъ ней привели въ исполненіе, то есть ее отправили въ ссылку.

Несчастія этой женщины случились за нѣсколько мѣсяцевъ раньше моей послѣдней исторіи, которую я уже разсказала. Они послужили отчасти поводомъ для моей гувернантки предложить мнѣ переодѣваться въ мужское платье, чтобы я могла выходить, не бывъ замѣченной; но я скоро оставила эти переодѣванія, представлявшія для меня большія затрудненія.

XVII.

Я успокоиваюсь.— Мои похожденія въ качествѣ проститутки.

Теперь я была спокойна относительно всякихъ свидѣтельствъ противъ меня, потому что всѣ тѣ, кто былъ замѣшанъ со мной въ различныя дѣла или кто зналъ меня подъ именемъ Молль Флендэрсъ, всѣ были повѣшены или высланы; поэтому я, такъ сказать, свободно открыла себѣ новый кредитъ и имѣла много счастливыхъ другихъ похожденій, впрочемъ, мало похожихъ на прежнія.

Теперь настало веселое время года, начиналась Вароололомеевская ярмарка. Я не имѣла привычки ходить по ярмаркѣ, такъ какъ она не представляла для меня особенныхъ выгодъ; въ этомъ же году я направилась къ монастырямъ; во время одной изъ такихъ прогулокъ я случайно попала въ лавку, гдѣ разыгрывались въ лотерею различныя вещи. Здѣсь тоже не представлялось мнѣ ничего особеннаго, пока не явился какой то джентльменъ; онъ былъ прекрасно одѣтъ и повидимому очень богатъ. Бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ, онъ обратилъ на меня особенное вниманіе и былъ очень любезенъ со мной. Прежде всего онъ сказалъ мнѣ, что возьметъ на мое счастье билетъ, что и сдѣлалъ. На этотъ билетъ выпала какая то бездѣлица, кажется, пуховая муфта, которую онъ предложилъ мнѣ; онъ продолжалъ поддерживать со мной разговоръ съ болѣе чѣмъ обыкновенною любезностью, но очень вѣжливо, какъ истинный джентльменъ.

Такимъ образомъ мы долго говорили, пока не вышли изъ лавки и не направились вмѣстѣ къ монастырю; онъ наговорилъ мнѣ тысячи различныхъ пустяковъ, не дѣлая однако никакого предложенія. Наконецъ онъ объявилъ, что очарованъ моимъ обществомъ, и спросилъ, позволю-ли я себѣ довѣриться ему и сѣсть съ нимъ въ карету. Сначала я отклонила его предложеніе, но потомъ, не смотря на то, что мнѣ немного наскучили его любезности, я согласилась.

Сперва я не могла сообразить, что представляетъ изъ себя этотъ джентльменъ, но скоро я замѣтила, что онъ немного пьянъ и не прочь выпить еще. Онъ повезъ меня къ Спрингъ-Гарднъ, въ Найтсъ-бриджъ, гдѣ мы гуляли въ саду, причемъ онъ очень деликатно обходился со мной, хотя пилъ много, предлагая и мнѣ выпить, но я отказалась.

До сихъ поръ во всѣхъ его бесѣдахъ не было никакихъ непристойныхъ намековъ. Мы ѣздили въ каретѣ по разнымъ улицамъ; было около десяти часовъ вечера, когда онъ приказалъ остановиться возлѣ одного дома, гдѣ повидимому у него

были знакомые, которые не постѣснялись показать намъ тотъчасъ отдѣльную комнату. Сначала я сдѣлала видъ, что не хочу войти туда, но послѣ многихъ настояній съ его стороны я согласилась, желая знать, чѣмъ кончится все это, и надѣясь въ концѣ концовъ кое что продѣлать съ нимъ.

Здѣсь онъ началъ держать себя со мною немного свободнѣе, чѣмъ обѣщалъ, и мало по малу я уступала ему, словомъ мнѣ нѣтъ надобности больше распространяться на эту тему. Все время онъ продолжалъ пить; было около часа утра, когда мы снова сѣли въ карету и поѣхали. Свѣжій воздухъ и толчки экипажа подѣйствовали на него и мало по малу онъ крѣпко заснулъ.

Я воспользовалась этимъ случаемъ, обыскала его и обобрала начисто. Я взяла у него золотые часы, кошелекъ съ червонцами, изящный тонкій парикъ, перчатки, шпагу и красивую табакерку. Затѣмъ я тихо открыла дверцу кареты, соскочивъ на приступку; въ это время карета остановилась въ тѣсной улицѣ, недалеко отъ Темпль-Баръ, чтобы дать проѣхать другой каретѣ. Я вышла, крѣпко заперла дверцу и оставила карету вмѣстѣ съ спящимъ въ ней джентльменомъ.

Ничего нѣтъ болѣе нелѣпаго, болѣе мерзкаго и смѣшного, какъ пьяный мужчина съ порочными вкусами и наклонностями. Это люди, о которыхъ Соломонъ сказалъ: «Они существуютъ какъ быкъ на бойнѣ, пока стрѣла не пронзитъ его печень», хотя, надо сказать правду, мой бѣдный кавалеръ сразу внушалъ къ себѣ уваженіе; это былъ человѣкъ хорошаго происхожденія, джентльменъ, нѣжный, добрый, съ хорошими манерами, благопристойный, здоровый, крѣпкаго сложенія и съ очаровательнымъ лицомъ; въ немъ все было пріятно; но, къ несчастью, передъ тѣмъ, какъ встрѣтиться со мной, онъ пилъ и не спалъ всю предъидущую ночь, какъ разсказывалъ мнѣ потомъ; такимъ образомъ, разгорячивъ виномъ свою голову, онъ усыпилъ въ ней свой разсудокъ.

Что касается меня, то я заботилась только объ его деньгахъ и о томъ, что дѣлать съ нимъ дальше; если бы у меня нашлась возможность, я бы отправила его домой, въ семью; быть можетъ онъ былъ одинъ изъ десяти, который имѣлъ честную и добродѣтельную жену и невинныхъ дѣтей; быть можетъ они тревожились за его безопасность; какъ бы они обрадовались его возвращенію домой, какъ бы они ухаживали за нимъ до тѣхъ поръ, пока привели бы его въ чувство; и потомъ съ какимъ стыдомъ и сожалѣніемъ онъ оглянулся бы назадъ!

Я вернулась съ послѣдней добычей домой къ гувернанткѣ и разсказала ей всю исторію, которая такъ опечалила ее, что старуха была едва въ силахъ удержать свои слезы. Она го-

ворила, что ей жаль каждаго джентльмена, который рискуетъ попасть въ бѣду, лишь только выпьетъ лишній стаканъ вина.

Но когда я передала ей, какимъ образомъ я начисто обобрала своего джентльмена, она осталась очень довольна и затѣмъ сказала: «Нѣтъ, дитя мое, насколько я знаю, привычки и обычай дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе, чѣмъ всѣ проповѣди, какія приходится ему слышать во всю свою жизнь». Если окончаніе моей послѣдней исторіи вѣрно, тогда и ея замѣчаніе тоже справедливо.

На слѣдующій день я замѣтила, что она сильно интересуется этимъ джентльменомъ; мое описаніе его платья и наружности вполнѣ согласовалось съ ея представленіемъ о томъ господинѣ, котораго она знала. На нѣкоторое время она задумалась и, выслушавъ подробности, сказала: «Бьюсь объ закладъ на 100 фунтовъ, что я знаю этого джентльмена».

— Мнѣ очень жаль, если это такъ, сказала я, — я бы не стала ни за что на свѣтѣ смѣяться надъ нимъ; онъ и такъ много перенесъ оскорбленій, и я не хочу больше давать для этого поводъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она, я не буду оскорблять его, но вы такъ затронули мое любопытство, что я ручаюсь вамъ найти его.

При этихъ словахъ я слегка задрожала и сказала ей съ видимо озабоченнымъ лицомъ, что точно такимъ же образомъ онъ можетъ найти и меня, и тогда я погибла. Она быстро повернулась ко мнѣ, говоря:

— Неужели вы думаете, дитя мое, что я выдамъ васъ? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ я не сдѣлаю этого. Я хранила болѣе серьезныя ваши тайны, а ужъ теперь вы можете вполнѣ на меня положиться.—На этомъ мы и кончили разговоръ.

Между тѣмъ она составила себѣ другой планъ и, не говоря мнѣ ни слова, рѣшила найти этого джентльмена сама. Она пошла къ одной своей пріятельницѣ, которая, по ея догадкамъ, знала его семью, и сказала ей, что имѣетъ очень важное дѣло къ джентльмену (который, сказать мимоходомъ, былъ если и не барономъ, то во всякомъ случаѣ человѣкъ изъ очень хорошей фамиліи), но не знаетъ, какъ явиться къ нему самой безъ всякой рекомендаціи. Ея пріятельница обѣщала помочь ей въ этомъ и потому отправилась на домъ узнать, въ городѣ онъ, или нѣтъ.

На слѣдующій день она пришла къ моей гувернанткѣ и сказала, что сэръ — дома, но съ нимъ случилось большое несчастье, почему она и не могла переговорить съ нимъ.

— Какое несчастье?—поспѣшно спросила моя гувернантка, сама притворно удивляясь этому извѣстію.

— Какое?—отвѣчала ея пріятельница, онъ былъ въ гостяхъ

въ Гэмпстедѣ у своего знакомаго и, когда возвращался домой, то его остановили и ограбили; полагаютъ, что онъ былъ выпивши, и воры, пользуясь этимъ, причинили ему много вреда.

— Ограбили!—сказала моя гувернантка, а что они у него взяли?

— Золотые часы, золотую табакерку, изящный парикъ и всѣ бывшія при немъ деньги, которыхъ оказалась значительная сумма, такъ какъ сэръ никогда не выѣзжаетъ безъ кошелька, набитаго гинеями.

— Полноте, смѣясь, сказала моя старая гувернантка, ручаюсь вамъ, что онъ напился пьянъ и взялъ съ собой развратницу, которая обобрала всѣ его карманы, а онъ, пріѣхавъ домой, сказалъ своей женѣ, что его ограбили разбойники; это старыя штуки; каждый день бываютъ тысячи подобныхъ продѣлокъ съ бѣдными женами.

— Фи,—сказала ея пріятельница, сейчасъ видно, что вы не знаете сэра,—онъ очень образованный джентльменъ. во всемъ Сити нѣтъ скромнѣе и благонравнѣе господина, какъ онъ; онъ питаетъ отвращеніе къ подобнымъ вещамъ; и каждому, кто его знаетъ, не можетъ придти въ голову то, что вы говорите.

— Хорошо, хорошо, сказала моя гувернантка, это не мое дѣло, но если что и случилось съ нимъ, то я ручаюсь вамъ, что это что-нибудь въ этомъ родѣ; ваши такъ называемые скромные люди не лучше всякаго другого, и отличаются только тѣмъ, что принимаютъ на себя личину скромности, или если хотите, являются лучшими лицемѣрами, чѣмъ люди нашего слоя. Но это меня нисколько не касается; мнѣ необходимо поговорить съ нимъ совершенно по другому дѣлу.

— Но теперь, сказала ея пріятельница, отложите всѣ ваши дѣла; вы не можете его увидѣть, такъ какъ онъ дѣйствительно боленъ и весь разбитъ.

— Бѣдный джентльменъ, сказала моя гувернантка, значитъ придется обождать, пока онъ поправится, но я надѣюсь, что это будетъ скоро.

Затѣмъ она пришла ко мнѣ и разсказала эту исторію.

Спустя десять дней, она снова отправилась къ своей пріятельницѣ, прося, чтобы та повела ее къ этому джентльмену, хотя въ то же время она нашла другіе пути увидѣться съ нимъ и переговорить тотчасъ, какъ онъ выздоровѣетъ.

Хитрая женщина явилась къ нему и сказала, что хотя она незнакома съ нимъ, но рѣшилась придти съ тѣмъ, чтобы оказать ему услугу; онъ самъ скоро убѣдится, что она не имѣетъ никакой другой цѣли, и такъ какъ является съ одними дружественными намѣреніями, то и проситъ его обѣщать, если онъ не приметъ ея любезнаго предложенія, не отнестись къ ней дурно за то, что она вмѣшивается не въ свое дѣло.

Сначала онъ принялъ недовѣрчивый видъ и сказалъ, что не знаетъ за собой ничего такого, что бы требовало тайны.

Встрѣтивъ такое равнодушіе съ его стороны, она боялась входить въ дальнѣйшія подробности; однако же послѣ долгихъ разглагольствованій, наконецъ, сказала ему, что, благодаря странному и непостижимому случаю, ей пришлось въ точности познакомиться съ его послѣднимъ несчастнымъ приключеніемъ и узнать такимъ образомъ то, чего никто въ мірѣ, кромѣ ея и его, не знаетъ, неисключая даже той особы, которая была съ нимъ.

Сначала онъ сердито осмотрѣлъ ее и сказалъ:

— Какое же это приключеніе?

— Какъ какое?—отвѣчала она,—я говорю о томъ, какъ васъ ограбили, когда вы возвращались изъ Найтсбриджъ, изъ Гэмпстеда, должна бы я сказать. Не удивляйтесь сэръ, если я могу объяснить вамъ каждый вашъ шагъ въ тотъ день, когда вы отправились изъ монастыря въ Смизсфильдѣ въ Спрингъ Харденъ къ Найтсбриджъ, а оттуда въ.... на Страндъ, гдѣ васъ оставили соннаго въ каретѣ. Повторяю, сэръ, не удивляйтесь, я пришла къ вамъ не затѣмъ, чтобы извлечь себѣ изъ этого дѣла выгоду, я ничего не требую отъ васъ и увѣряю, что бывшая съ вами женщина не знаетъ, кто вы, и не узнаетъ этого никогда.

Эти слова поразили его, но онъ принялъ важный тонъ и сказалъ:

— Мадамъ, я васъ не знаю, но, къ несчастью, вы посвящены въ тайну такого моего поступка, хуже котораго я ничего не совершилъ въ моей жизни и который покрываетъ стыдомъ мою голову; моимъ единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ было то, что я думалъ, что этотъ поступокъ извѣстенъ только Богу и моей совѣсти.

— Прошу васъ, сэръ, не причисляйте въ вашему несчастью, того, что я обнаружила вамъ вашу тайну,—сказала она. Я вѣрю, что обстоятельства застали васъ врасплохъ и быть можетъ я употребила нѣкоторую хитрость, чтобы напомнить вамъ о нихъ. Однако же у васъ никогда не будетъ основательнаго повода пожалѣть, что я знаю все, такъ какъ даже ваши собственныя уста не могутъ быть болѣе нѣмы, чѣмъ были и будутъ мои.

— Хорошо, сказалъ онъ, но позвольте мнѣ отдать справедливость бывшей со мной тогда женщинѣ, кто бы она ни была; увѣряю васъ, что она не только не подстрекала меня на что либо дурное, но скорѣе отвлекала отъ него. Что касается того, что она обобрала меня, то въ ея положеніи я не могъ ожидать ничего другого, хотя и до сихъ поръ не знаю, кто собственно обокралъ меня: она или кучеръ, и если она, то я

прощаю ей. Вообще меня болѣе огорчаетъ совершенно другое обстоятельство...

Теперь моя гувернантка, видя, что онъ откровенно признался во всемъ, дала полную волю своему языку. На его вопросъ прежде всего обо мнѣ, она отвѣчала:

— Я очень рада, сэръ, что вы такъ справедливо отнеслись къ женщинѣ, которая была съ вами. Увѣряю васъ, что она благородная дама и что у ней не бывало никакихъ приключеній.

Онъ очень обрадовался ея сообщенію и сказалъ:

— Хорошо, мадамъ, теперь я буду говорить съ вами откровенно. Итакъ, если то, что вы передали мнѣ, справедливо, тогда я не могу придавать большого значенія моей потерѣ, потому что искушеніе было слишкомъ велико, а бѣдная женщина быть можетъ слишкомъ нуждалась.

— Если бы она не была бѣдная, сказала гуверначтка, то я увѣрена, что вамъ никогда бы не пришлось обладать ею; ея нищета сперва дала вамъ возможность сдѣлать съ ней то, что вы сдѣлали, а потомъ та-же нищета побѣдила ея волю и заставила самой вознаградить себя, когда она увидѣла, что вы находитесь въ такомъ состояніи, что если она и не сдѣлаетъ этого, то первый кучеръ или носильщикъ могутъ сдѣлать то же, если не хуже.

На это онъ отвѣтилъ, что онъ сильно желаетъ видѣть меня и готовъ чѣмъ угодно увѣрить, что не воспользуется своимъ положеніемъ и прежде всего дастъ полное отреченіе отъ какихъ бы то ни было притязаній на меня. Затѣмъ, когда она стала утверждать, что въ такомъ случаѣ нельзя будетъ поручиться за сохраненіе тайны въ дальнѣйшемъ, что, разумѣется, возбудитъ оскорбительные для него толки, тогда онъ отказался отъ своего намѣренія. Послѣ этого они перевели разговоръ на взятыя у него вещи; повидимому, ему очень хотѣлось возвратить золотые часы и потому онъ спросилъ, не можетъ ли она доставить ихъ, охотно обѣщая заплатить гораздо больше, чѣмъ они стоятъ. Она обѣщала и просила, чтобы онъ самъ назначилъ ихъ цѣну.

Въ виду этого, на слѣдующій день она принесла ему часы и онъ заплатилъ за нихъ тридцать гиней, что превышало ту сумму, которую я могла бы выручить, хотя кажется они стоили много дороже. Потомъ онъ заговорилъ о парикѣ, который оцѣнилъ въ шестьдесятъ гиней, и о своей табакеркѣ; черезъ нѣсколько дней она отнесла ему то и другое, чему онъ очень обрадовался, заплативъ за нихъ на тридцать гиней больше. На слѣдующій день я послала ему его шпагу и палку, не требуя съ него ничего; я не хотѣла видѣться съ нимъ и предоставила ему довольствоваться только тѣмъ, что я знаю, кто онъ.

Я много думала по поводу его желанія снова увидѣться со мной и часто жалѣла, что отказалась отъ этого свиданія.

Я была убѣждена, что еслибъ увидѣла и дала ему понять, что знаю, кто онъ, то быть можетъ я поступила бы къ нему на содержаніе; и хотя такая жизнь была не менѣе порочна, чѣмъ жизнь вора, по крайней мѣрѣ она не была такъ опасна, какъ моя. Однако, скоро я оставила эти мысли и отклонила это свиданье; но моя гувернантка, пользуясь его расположеніемъ, часто бывала у него; при каждомъ ея посѣщеніи онъ дарилъ ей что нибудь. Однажды она застала его особенно веселымъ и, какъ ей казалось, онъ былъ немного пьянъ; поговоривъ съ ней, онъ сталъ настаивать, чтобы она показала ему ту женщину, которая, по его словамъ, околдовала его въ извѣстную ночь; моя гувернантка, какъ извѣстно, была сначала противъ этого, но теперь сказала ему, что, въ виду его сильнаго желанія, она, быть можетъ, устроитъ наше свиданье, если только я соглашусь на это; при чемъ она прибавляла, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ придти къ ней вечеромъ, и тогда она постарается уладить дѣло, съ условіемъ, что онъ дастъ мнѣ слово забыть все прошлое.

Согласно съ этимъ, она пришла ко мнѣ и передала весь этотъ разговоръ; разумѣется, она скоро уговорила меня согласиться на то, на что съ сожалѣніемъ я не соглашалась раньше; такимъ образомъ я приготовилась къ свиданью. Я одѣлась возможно лучше и къ лицу, и увѣряю васъ, что въ первый разъ въ жизни я воспользовалась притираньемъ: я говорю: въ первый разъ, потому что я никогда прежде не прибѣгала къ такому унизительному средству; я была слишкомъ тщеславна, чтобы думать, что нуждаюсь въ этомъ.

Въ назначенный часъ онъ пришелъ и, хотя пьяный, но совершенно спокойный, какимъ былъ всегда въ этомъ состояніи, по наблюденіямъ моей гувернантки. Казалось, онъ очень обрадовался, увидя меня, и тотчасъ вступилъ со мной въ длинный разговоръ по поводу всей нашей исторіи. Я часто просила у него прощенія, доказывая, что не имѣла никакихъ дурныхъ намѣреній при встрѣчѣ съ нимъ и не зашла бы такъ далеко, еслибы не считала его за настоящаго джентльмена и если бы онъ не давалъ мнѣ столько обѣщаній быть со мной учтивымъ.

Я также торжественно заявила, что до сихъ поръ не позволила прикоснуться къ себѣ ни одному мужчинѣ, кромѣ моего мужа, умершаго около восьми лѣтъ тому назадъ. Онъ отвѣчалъ, что вѣритъ этому, такъ какъ мадамъ раньше намекала на то же самое, благодаря чему у него и явилось желаніе снова увидѣть меня, и ему кажется, что, разъ нарушивъ со мной свою добродѣтель безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, онъ можетъ рискнуть на это снова; короче сказать, онъ дошелъ до того, чего я ожидала и о чемъ неудобно разсказывать.

Когда онъ уходилъ, я высказала надежду, что теперь его не обокрали. Онъ отвѣтилъ, что онъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, причемъ, вынувъ изъ кармана пять гиней, отдалъ ихъ мнѣ; это были первыя деньги, заработанныя мною такимъ путемъ, не смотря на мои большіе годы.

Я много разъ принимала его такимъ образомъ, и повидимому, онъ много думалъ о томъ, что первый увлекъ меня на путь разврата, и по его словамъ, онъ не намѣренъ былъ этого сдѣлать. Это обстоятельство отчасти трогало его и онъ говорилъ, что считаетъ себя причиной какъ моего, такъ и своего грѣха. Часто онъ разбиралъ подробно всѣ обстоятельства своего проступка и говорилъ, что вино порождаетъ дурныя наклонности, а дьяволъ всегда наталкиваетъ человѣка на грѣхъ, доставляя ему предметъ искушенія.

Когда на него находили такія мысли, онъ уходилъ отъ меня и не возвращался въ теченіи мѣсяца и больше, но мало по малу чистая сторона его души заглушалась порочными инстинктами и онъ приходилъ снова. Такимъ образомъ мы прожили съ нимъ нѣкоторое время, и хотя онъ не держалъ меня на содержаніи, тѣмъ не менѣе давалъ столько денегъ, что я могла хорошо жить безъ работы.

Но скоро всему этому насталъ конецъ. Прошло около года и вотъ я замѣтила, что онъ началъ ходить ко мнѣ рѣже, чѣмъ обыкновенно, а затѣмъ совсѣмъ оставилъ меня безъ всякаго повода, не сказавъ послѣдняго прости. Такимъ образомъ закончилась эта сцена изъ моей жизненной драмы, не имѣвшая для меня никакого особеннаго значенія, кромѣ того, что прибавился новый поводъ для раскаянія.

Во все это время я почти всегда сидѣла дома; не нуждаясь ни въ чемъ, я не хотѣла подвергать себя риску и потому даже послѣ того, какъ онъ меня оставилъ, я около трехъ мѣсяцевъ не выходила на промыселъ; однако, видя, что мои фонды истощаются и не желая тратить свой основной капиталъ, я стала подумывать о своихъ старыхъ похожденіяхъ и выглядывать на улицу, при чемъ мой первый дебютъ оказался довольно удачнымъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТЭНЪ.

XIII.

Первыя научно-литературныя работы Тэна имѣли исключительно оффиціальное назначеніе. Такъ на нихъ смотрѣлъ самъ авторъ, не останавливаясь ни предъ какими исправленіями и уступками, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Этимъ объясняется, почему въ печати книги должны были явиться въ обновленномъ видѣ.

Сочиненіе о Лафонтэнѣ было представлено на соисканіе докторской степени, книга о Титѣ Ливіи — на академическую премію. Первое прошло безпрепятственно, но потомъ подверглось существенной переработкѣ [1]), второе сначала было исправлено для академиковъ, а потомъ дополнено для печати. Всѣ эти пересмотры отнюдь не доказывали, чтобы идеи и взгляды автора претерпѣвали какія-либо перемѣны. Дѣло объяснялось проще: рукописи заключали извѣстный «философскій ядъ» [2]) въ скрытомъ состояніи, печатныя изданія его обнаруживали вполнѣ, безъ всякой утайки. Молодой авторъ точно оттѣнялъ и подчеркивалъ мысли, уже находившіяся въ книгахъ, и операцію эту подчасъ умѣлъ произвести съ немалымъ эффектомъ,—въ родѣ предисловія къ сочиненію о Титѣ Ливіи. Книга не испытала такихъ капитальныхъ передѣлокъ, какъ *Лафонтэнъ*, смыслъ и даже подробности ея содержанія остались тѣ же, авторъ только поставилъ точку надъ *i* и привелъ академиковъ въ ужасъ. Какъ они могли просмотрѣть сужденія, которыя оказалось возможнымъ обобщить принципомъ спинозизма?

Объясненіе одно: собственно въ *положеніяхъ* автора не заключалось ничего оригинальнаго, ничего, что бы могло смутить академическое судилище новизной и смѣлостью. Но въ *освѣщеніи* этихъ положеній, въ общемъ выводѣ таился «ядъ», усмотрѣнный однимъ изъ профессоровъ. Ядъ самъ по себѣ не особенно сильный и опасный: онъ не помѣшалъ диссертаціи выполнить свою роль,—

---

[1]) A été refondu et récrit presque en entier. *Avertissiment* 4 изд. *La Fontaine et ses fables.*

[2]) «Un venin philosophique caché», выраженіе проф. Гарньо. Monod. 89.

вопросъ совершенно мѣнялся лишь отъ вмѣшательства самого диссертанта. Стоило ему *приналечь* на извѣстныя идеи, и онѣ немедленно становились недопустимыми. Этотъ фактъ весьма важенъ. Онъ характеризуетъ самую сущность критическихъ воззрѣній Тэна и совпадаетъ съ извѣстными намъ чертами его личности, какъ человѣка и ученаго. Взять всѣми признанныя данныя и связать ихъ въ систему собственнаго изобрѣтенія—таковъ процессъ тэновскихъ открытій. Новаго здѣсь будетъ одна *система,* точнѣе *способъ истолкованія* старыхъ истинъ.

Къ такому заключенію приводитъ насъ самъ Тэнъ. Въ той же книгѣ о Ливіи и въ критическихъ статьяхъ, написанныхъ одновременно съ появленіемъ книги въ печати, авторъ вполнѣ ясно опредѣлилъ философскую и психологическую основу своихъ научно-литературныхъ трудовъ. Основа—менѣе всего оригинальная и для насъ любопытная въ единственномъ отношеніи: ее открыто призналъ самъ критикъ и философъ.

Во всякой области человѣческихъ знаній накопляется множество фактовъ. Память служитъ ихъ хранилищемъ, но истина ей недоступна. Только разумъ можетъ достигнуть истины, потому что онъ *истолковываетъ* факты и законы [1]).

Но что же это за истина, пріобрѣтенная разумомъ? Имѣетъ ли она безусловное, объективное значеніе? Вообще,—можетъ ли быть создана для всѣхъ убѣдительная и обязательная философская система? На основаніи нашего знакомства съ сочиненіемъ о *Французскихъ философахъ* мы должны бы ожидать отъ Тэна утвердительнаго отвѣта: его методъ именно и предназначался создать всеобъемлющее научное міросозерцаніе. Но, когда вопросъ идетъ о чужихъ методахъ,—авторъ держится противоположнаго взгляда и рѣшительно заявляетъ, что могутъ существовать только *истины*, а не *истина.* «Кантъ говорилъ, что наши идеи возникаютъ отчасти подъ вліяніемъ внѣшняго міра, частью возникаютъ въ насъ самихъ. Предметы, дѣйствуя на нашъ умъ, сталкиваются здѣсь съ нѣкоторой врожденной формой,—и этотъ первоначальний складъ ума измѣняетъ полученное впечатлѣніе: такимъ образомъ наша истина не есть истина». Тэнъ эту идею нѣмецкаго философа считаетъ «правиломъ критики»,—и по очень основательнымъ соображеніямъ.

«Наши способности руководятъ нами. Наши таланты вводятъ насъ въ заблужденіе или направляютъ на истинный путь; наша природная организація внушаетъ намъ наши ошибки и наши открытія. Проанализировать умъ—значитъ раскрыть заранѣе вкратцѣ его открытія и его заблужденія» [2]).

Мы пытались выполнить именно эту задачу—объяснить предварительно общій духъ философской мысли Тэна, и нашли, что онъ

---

[1]) *Essai sur Tite Live.* Paris 1856, p. 120—1.

[2]) Ст. o Michelet. *Essais de critique* p. 97—98.

сводится къ стихійному органическому стремленію—во что бы то ни стало создавать формулы и системы и сообщать имъ характеръ исключительной новизны и оригинальности. На основаніи собственныхъ заявленій Тэна мы можемъ предположить, что мнимо-оригинальныя системы возникаютъ нерѣдко подъ вліяніемъ не строго научныхъ принциповъ, а личныхъ безсознательныхъ наклонностей изслѣдователя, что простые факты дѣйствительности преобразуются до неузнаваемости подъ давленіемъ авторскаго вкуса и ума, утрачиваютъ естественную послѣдовательность» и «естественную окраску» [1]). Подобное приключеніе совершилось, по мнѣнію Тэна, съ исторіей Франціи въ рукахъ Мишле, потому что его преобладающая способность—поэтическая. Мы имѣли всѣ данныя убѣдиться, что у самаго Тэна существуетъ не менѣе яркая преобладающая наклонность. Каковы же будутъ результаты здѣсь?

Тэну было совершенно естественно начать приложеніе своего метода въ области литературной критики. Литература Франціи, при всей своей талантливости и необычайномъ богатствѣ, долго оставалась захудалой въ одномъ отношеніи. Французскіе писатели могли воодушевляться какими угодно либеральными идеями—политическими, религіозными и даже изрѣдка соціальными, но эстетика, въ самый горячій періодъ увлеченій, оставалась своего рода *табу*, неприкосновеннымъ царствомъ классическаго вкуса. Вольтеръ всюду умѣлъ подмѣтить и оцѣнить по достоинству смѣшное и безобразное,—и выбивался изъ силъ на поприщѣ соревнованія съ Корнелемъ, Расиномъ и Буало, въ глубинѣ души не могъ простить мѣщанской драмѣ ея популярности, а о Шекспирѣ безъ всякихъ стѣсненій до конца дней своихъ выражался весьма не изящнымъ, хотя и классическимъ языкомъ. Духъ обновленія повѣялъ на стоячія воды классицизма не изъ Франціи и не въ эпоху блестящаго развитія философской мысли.

Г-жа Сталь, дочь швейцарскаго гражданина Неккера,—истинная родоначальница свободной литературной критики во Франціи. У нея, конечно, были предшественники: Дидро — авторъ драмъ, Мерсье — поклонникъ Шекспира, Руссо — чувствительный поэтъ, но г-жа Сталь первая съ одинаковой горячностью напала на самообольщеніе французовъ по части ихъ національнаго искусства и старалась раскрыть имъ красоту и силу чужихъ литературъ, преимущественно нѣмецкой. Непогрѣшимое классическое законодательство вдругъ превратилось въ исключительно-французское произведеніе, а рядомъ выросли другія національныя созданія, исполненныя отнюдь не меньшей художественности и правды. Критика раньше занималась формальнымъ сличеніемъ отдѣльныхъ явленій съ казеннымъ аршиномъ поэтики, безъ конца толковала о правилахъ и стилѣ: теперь принуждена была имѣть дѣло съ содержаніемъ, съ

---

[1]) *Ib.* p. 126.

національнымъ геніемъ, съ эпохой, съ личностью автора, вообще съ литературой—не книгой, а литературой—жизнью.

У всякаго народа—своя культура, своя мысль и своя художественная красота, у всякаго поэта—свой талантъ, свой оригинальный характеръ, свой житейскій опытъ,—все это нужно принять во вниманіе, чтобы оцѣнить, напримѣръ, *Фауста* и *Валленштейна*. Истина—для насъ банальная, но для Франціи XVIII-го вѣка невѣдомая, начала XIX-го — спорная, къ пятидесятымъ годамъ — общепризнанные факты и въ то же время—«открытія» Тэна.

Какъ же это могло случиться—*всѣмъ извѣстныя открытія*? Очень просто: мы должны вспомнить о разумѣ-истолкователѣ.

Открытія Тэнъ началъ диссертаціей о Лафонтэнѣ и увѣнчалъ *Исторіей англійской литературы*. Все это происходило одновременно. Статьи по англійской литературѣ стали появляться въ началѣ 1856 года, въ этомъ году былъ изданъ *Опытъ о Титѣ Ливіи*, написанный въ одинъ годъ съ *Лафонтэномъ*. Мы, слѣдовательно, имѣемъ право пользоваться всѣми тремя работами—для разбора взглядовъ автора—какъ однимъ неразрывнымъ трудомъ. Помимо хронологіи на это уполномочиваетъ насъ и самое содержаніе: повсюду одни и тѣ же положенія и выражены часто въ тождественной формѣ. Предъ нами тѣсно-сплоченное цѣлое, проникнутое необыкновенно энергическимъ и послѣдовательнымъ философскимъ духомъ. Разница въ одномъ: сначала этотъ духъ скрывается и маскируется по извѣстнымъ намъ внѣшнимъ побужденіямъ, а потомъ является предъ публикой—открытый и властный. *Исторія англійской литературы*, по существу, только варьяція на идеи предшествующихъ сочиненій,—гордо и самоувѣренно бросаетъ «ядъ» въ лицо академикамъ и, конечно, не удостоивается искомой преміи, и главнымъ образомъ изъ-за предисловія. Причина очевидна: это предисловіе развивало со всевозможными подробностями коротенькое вступленіе къ *Титу Ливію*, поразившее Академію ересью спинозизма.

Въ самомъ дѣлѣ,—методомъ Кондильяка Тэнъ задумалъ воспользоваться для осуществленія въ критикѣ психологическихъ идей Спинозы и историко-литературныхъ принциповъ французскихъ писателей половины нынѣшняго столѣтія. Роли этихъ трехъ вліяній въ произведеніяхъ Тэна, одинаково сильныя по существу, нѣсколько различны по формѣ. Кондильякъ, мы видѣли, явился у Тэна дополненнымъ, по крайней мѣрѣ, относительно терминологіи; Спиноза будетъ перенесенъ на новую сцену въ чистомъ неприкосновенномъ видѣ, а французскіе критики окрасятся въ чрезвычайно рѣзкій и густой цвѣтъ; первоначальныя черты ихъ не измѣнятся, но вмѣсто тѣней явятся пятна, полутѣни замѣнятся сплошнымъ рѣзкимъ фономъ,—вообще произойдетъ нѣчто похожее на грубую ремесленническую реставрацію тонкихъ художественныхъ произведеній.

XIV.

Неотъемлемое достоинство общихъ руководящихъ положеній Тэна — ихъ совершенная ясность и простота. Мы видѣли, какъ быстро и даже игриво философъ покончиваетъ «вопросы вѣковъ» и съ бренной земли, преисполненной заблужденіями и мракомъ, поднимается къ вѣчно-звучащей аксіомѣ, въ лучезарный эфиръ. Эта аксіома относительно человѣческой природы изрекаетъ прежде всего слѣдующее положеніе Спинозы:

«Изъ данной сущности каждой вещи необходимо слѣдуетъ что-нибудь и вещи не имѣютъ другой силы, кромѣ той, которая вытекаетъ необходимо изъ ихъ опредѣленной природы»[1]).

Слѣдовательно, и человѣкъ, его стремленія и дѣйствія — подчинены безусловно какой нибудь неуклонно дѣйствующей внутренней естественной силѣ. Спиноза поэтому свой математическій методъ переноситъ на изслѣдованіе «природы и силы аффектовъ» и «человѣческія дѣйствія и стремленія» разсматриваетъ «такъ, какъ если бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или о тѣлахъ» [2]).

Тэнъ во всей неприкосновенности усвоиваетъ эти аксіомы. Мы уже знакомы съ его выраженіемъ—*духовный автоматъ*; оно неоднократно повторяется и разъясняется, напримѣръ, такъ: «нашъ духъ машина, устроенная съ такой же математической точностью, какъ и часы... Толчокъ, разъ данный, насъ увлекаетъ, мы идемъ непреодолимо по начертанному пути и духовный автоматъ останавливается лишь въ ту минуту, когда ему предстоитъ разбиться». Въ результатѣ,—всѣ наши идеи и чувства—продуктъ механическаго движенія; авторъ такъ и выражается на счетъ, напримѣръ, *чувства удивленія*: le mécanisme *de l'admiration* [3]).

Такъ писалъ Тэнъ въ 1855 году по поводу Мишле. Годомъ позже въ книгѣ о *Титѣ Ливіи* публика читала: «душа имѣетъ свой механизмъ, какъ и растеніе, она предметъ науки и, разъ извѣстна ея основная сила, можно, не разсматривая ея произведеній,— воспроизвести ее путемъ чистаго разсужденія» [4]).

Въ *Исторіи англійской литературы* та же идея еще рѣшительнѣе. Различныя цивилизаціи сравниваются здѣсь съ кристаллами и все равно какъ основа кристаллизаціи—простѣйшая геометрическая фигура, источникъ культуры — «начальный психологическій элементъ», «предрасположеніе ума и души», и «кто разъ владѣетъ основною способностью, тотъ владѣетъ и всѣмъ художникомъ, который развертывается тогда передъ нимъ, какъ цвѣтокъ» [5]).

---

[1]) *Этика*. Часть III, полож. VII.
[2]) *Ib*. Часть III, предисловіе.
[3]) *Essais*. p. 131.
[4]) *Essais sur Tite Live*, 315.
[5]) Русск. изд. II, 14, 378.

Вотъ, слѣдовательно, цѣль всякой критической и исторической работы—опредѣлить субстанцію, естественную силу, преобладающую способность извѣстной личности, и такъ какъ субстанція развивается по математически-точнымъ законамъ, то и всѣ идеи и вся дѣятельность личности раскроются предъ нами, какъ слѣдствія одной геометрической аксіомы.

Это первое основное положеніе научной критики Тэна — *преобладающая способность—la faculté maîtreise, la force dominante*. Чѣмъ же создается эта сила въ отдѣльной личности? Здѣсь начинается новая французская литература, отъ г-жи Сталь до старшихъ современниковъ Тэна. Отвѣтъ нашего философа слѣдующій: «Возникновенію первоначальнаго нравственнаго состоянія содѣйствуютъ три различные источника—*раса, среда* и *моментъ*» [1]). Подъ словомъ *раса* разумѣется «врожденное наслѣдственное предрасположеніе, которое человѣкъ вноситъ съ собою въ міръ», и источникъ этого предрасположенія—свойства и инстинкты цѣлаго племени или націи. *Среда*—вліянія климата, почвы, политическихъ условій. *Моментъ*—извѣстная историческая эпоха.

Когда Тэнъ провозглашалъ эти истины, его старшіе современники называли ихъ «результатами здраваго смысла» или даже просто «банальными истинами» [2])—и указывали почему. Съ начала XIX-го вѣка тэновское открытіе было уже всѣмъ доступной почвой, и назывались имена настоящихъ Колумбовъ—г-жа Сталь, Кузэнъ, Мишле, Вилльмэнъ, и, наконецъ, Сентъ-Бевъ. Критики Тэна чаще всего только перечисляли имена: до такой степени они считали извѣстными французской публикѣ самыя идеи. Мы находимся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ и принуждены обратиться къ нѣкоторымъ подробностямъ.

Возьмемъ писателей, съ особенной жестокостью осужденныхъ Тэномъ—Кузэна и Мишле. Кузэнъ—риторъ и архиваріусъ, Мишле—поэтъ, ни одинъ изъ нихъ не историкъ, хотя оба—авторы историческихъ изслѣдованій. Но мы уже знаемъ, на сколько можно полагаться на отзывы Тэна,—обратимся сами къ непризнаннымъ авторамъ. Откроемъ, напримѣръ, сначала *Всеобщее введеніе въ исторію философіи*—лекціи Кузэна и прочтемъ слѣдующее мѣсто:

«Дайте мнѣ карту страны, устройство ея поверхности, ея климатъ, ея воды, ея вѣтры, вообще ея физическую географію; дайте мнѣ ея естественные продукты, ея флору, ея зоологію и пр.,—и я беру на себя сказать вамъ *a priori*, каковъ будетъ человѣкъ этой страны и какую роль эта страна будетъ играть въ исторіи, не случайно, а по необходимости, не въ извѣстную эпоху, а во всѣ.... Конечно, человѣкъ и природа не относятся другъ къ другу,

---

[1]) *Ib.* 14.

[2]) Sainte-Beuve. *Nouveaux Lundis*.. VIII, 68. Charles de Mazade. *Le réalisme dans la critique. Revue des deux Mondes*, 1867, 15 juillet, p. 504.

какъ слѣдствіе къ причинѣ, это отношеніе внутреннее и глубокое, смыслъ его очень простъ: человѣкъ и природа два великихъ явленія, возникшія изъ одного и того же источника, запечатлѣны однимъ и тѣмъ же характеромъ, такъ что законы природы воспроизводятся въ человѣкѣ по законамъ безусловной необходимости, и слѣдовательно, земля и ея обитатель, человѣкъ и природа находятся въ полной гармоніи, потому что оба они воплощаютъ одно и то же единство... Разъ данъ извѣстный климатъ, — одновременно образуется и извѣстный народъ» [1]).

Эту идею Кузэнъ называетъ «истиннымъ историческимъ методомъ», «торжествомъ философскаго духа». Онъ, съ гегельянской точки зрѣнія, предвосхищаетъ разсужденія Тэна о различныхъ цивилизаціяхъ, возникающихъ, будто кристаллы: каждая изъ нихъ имѣетъ осуществить извѣстую міровую идею и въ то же время неразрывно связана съ физическими законами природы.

Мишле блистательно примѣнилъ къ дѣлу указанный методъ. Въ его *Исторіи Франціи* находится превосходная художественная *Картина Франціи.* Историкъ людей и историческія событія называетъ «плодами» мѣстностей, и также готовъ «предсказать» судьбы населенія на основаніи подробнаго знакомства съ его «колыбелью».

Такова исходная идея,—и дальше слѣдуютъ блестящія параллели между географическими условіями разныхъ провинцій и личностями знаменитыхъ уроженцевъ. Оказывается между монтаньярами изъ Лангдока и жирондистами изъ Гіени такая же разница, какъ между винами Люнелемъ и Бордо; жители Дофинэ отличаются добротой и взаимной любовью, потому что въ этомъ краю суровая природа «совсѣмъ не любитъ людей»,—и вообще каждый основной типъ французской націи соотвѣтствуетъ извѣстной мѣстности: южанинъ пылокъ и стремительно-остроуменъ, бургонецъ краснорѣчивъ и реториченъ, уроженецъ Шампаніи — отличается изящной и тонкой ироніей и, подобно своему игристому напитку,— исполненъ причудливыхъ искръ воображенія, онъ—родоначальникъ знаменитыхъ fabliaux [2]).

Кузэнъ лекціи по исторіи философіи читалъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ. *Исторія Франціи* Мишле начала выходить съ 1833 года,—слѣдовательно, понятія *раса* и *среда* были окончательно установлены, даже съ несомнѣннымъ увлеченіемъ, по крайней мѣрѣ за четверть вѣка до Тэна, и установлены именно тѣми учеными, которыхъ Тэнъ лишалъ права считаться историками и критиками. Самъ Тэнъ упоминаетъ о Сентъ-Бевѣ, какъ очень поучительномъ авторѣ историко-литературныхъ сочиненій [3]). Но въ какомъ

---

[1]) *Cours de Philosophie. Introduction à l'histoire de la Philosophie.* Huitième leçon. Bruxeles. 1836, 232—235.

[2]) *Histoire de France.* II. *Tableau de France,* 2, 45—6, 57, 76—7.

[3]) *Ист. англ. лит.* 7, 28.

отношеніи эти сочиненія находятся къ собственнымъ открытіямъ Тэна—мы, по обыкновенію, не узнаемъ. Это отношеніе пришлось опредѣлить самому Сентъ-Беву и другимъ читателямъ тэновскихъ книгъ. Здѣсь мы предоставимъ слово самимъ французамъ: послѣ нашихъ предыдущихъ указаній вопросъ не можетъ повести ни къ какимъ недоразумѣніямъ, и притомъ взгляды судей въ данномъ случаѣ удивительно согласны между собой.

Любопытнѣе всего, конечно, мнѣнія самого Сентъ-Бева.

По натурѣ въ высшей степени сдержанный, образцовый салонный гость, страстный любитель женскаго общества, въ молодости пережившій многообразныя научныя и литературныя увлеченія, поклонникъ XVIII-го вѣка, потомъ физіологъ и медикъ, позже романтическій поэтъ, сенъ-симонистъ и, наконецъ, тонкій, довольно скептическій и весьма точный критикъ: такова общая нравственная біографія Сентъ-Бева. Очевидно, у него не могло выработаться рѣшительнаго, категорическаго тона въ приговорахъ и рѣзкой систематичности въ принципахъ. Онъ до конца сохранилъ манеры свѣтскаго «болтуна» на литературныя темы. Слово «болтунъ» не слѣдуетъ понимать здѣсь въ унизительномъ смыслѣ. Сентъ-Бевъ самъ говоритъ: «хорошая критика, искренняя и правдивая, излагалась и можетъ быть еще излагается лишь въ болтовнѣ—en causant». И ее именно такъ излагаетъ Сентъ-Бевъ, нерѣдко прибѣгая къ расшаркиваніямъ и извиненіямъ въ случаѣ возраженій уважаемому автору [1]). Ясно,—у Сентъ-Бева не было матерьяла для главы школы и представителя доктрины. Ему не разъ приходилось слышать упреки, будто у него нѣтъ *теоріи*, его критика *чисто-личная*, нѣтъ «кодекса», т. е. опредѣленныхъ руководящихъ принциповъ, а лишь одна фантазія и случайныя мнѣнія [2]). И Сентъ-Бевъ объясняетъ, почему составился такой взглядъ. Онъ «не аффишировалъ системы», хотя у него съ теченіемъ времени, «на основаніи самой практики», составился *методъ* и ему собственно принадлежитъ «позитивное направленіе» въ критикѣ, т. е. идея научности. Этого не было у Вилльмэна—главнѣйшаго литературнаго историка начала XIX-го вѣка, перваго біографа-психолога поэтовъ и изобразителя общественныхъ условій ихъ творчества.

Несмотря на позитивныя стремленія, Сентъ-Бевъ все-таки сохранилъ убѣжденіе, что «литературная критика не станетъ вполнѣ положительной наукой, она останется искусствомъ очень тонкимъ въ рукахъ умѣлыхъ людей; но она будетъ пользоваться и уже воспользовалась всѣми наведеніями науки и всѣми пріобрѣтеніями исторіи» [3]). Т. е. она воспользуется *методомъ*, но никогда не придетъ къ *результатамъ* точнаго знанія.

---

[1]) *N. Lundis*, III, 84, 86.
[2]) *Ib.* III, 13; IX, 71.
[3]) *Ib.* IX, 84—5.

Это преобразованіе критики, по представленію Сентъ-Бева, даже и не составляетъ чьей либо личной заслуги: просто измѣнилась «нравственная температура», «климатъ умовъ», и «старая реторика» должна была уступить мѣсто «исторіи и естественному наблюденію». Таковъ духъ времени, когда естествознаніе и положительная мысль заняли первенствующее положеніе,—и одновременно съ тэновскими статьями по англійской литературѣ вышла книга бывшаго профессора нормальной школы—Дешанеля *Опытъ натуральной критики.* Дешанель былъ профессоромъ, когда Тэнъ студентомъ,—и онъ ни на шагъ не отсталъ отъ своего младшаго современника въ вопросахъ «научной» критики, съ неустанной энергіей принялся творчество писателей пріурочивать ко всевозможнымъ вліяніямъ—наслѣдственности, семьи, расы, почвы, климата: литературныя произведенія оказывались не болѣе, какъ естественнымъ продуктомъ физическихъ и физіологическихъ силъ, а писатели сводились къ опредѣленнымъ зоологическимъ типамъ.

Книга Дешанеля явилась на три года раньше *Исторіи англійской литературы* и совершенно исчезла въ лучахъ тэновской славы—отнюдь не по недостатку оригинальности сравнительно съ работой Тэна. Тѣ же самыя идеи у Тэна были обставлены несравненно выгоднѣе, цѣлая литература разсматривалась по извѣстному методу, а не подбирались отдѣльные примѣры для доказательства данной мысли. Очевидно, Тэну не только не приходилось ничего открывать, но даже у него нашлись соперники по части *злоупотребленія* чужими открытіями. Сентъ-Бевъ подвигъ Тэна опредѣляетъ такъ: «онъ только пытается изучать методически» вліянія расы, среды, момента [1]). Современный критикъ повторяетъ то же самое, хотя и не совсѣмъ точно оцѣниваетъ критику Сентъ-Бева: Тэнъ будто создалъ «цѣлый методъ» изъ того, что у Сентъ Бева было только «догадкой и предчувствіемъ» [2]). Мы видѣли,—Сентъ-Бевъ сѣтовалъ на такой близорукій судъ объ его дѣятельности. Наконецъ Золя признаетъ, что Тэнъ только формулировалъ идеи, разсѣянныя въ статьяхъ Сентъ-Бева, и Золя подтверждаетъ свое мнѣніе фактами изъ сочиненій учителя Тэна [3]).

Итакъ *методъ* и *формула* — единственное личное достояніе Тэна,—точнѣе не методъ, а *система*, приведеніе въ порядокъ разсѣяннаго въ разныхъ мѣстахъ матерьяла, соединеніе его въ одно цѣлое. Подобное дѣло во всякой наукѣ далеко не послѣднее и можетъ быть въ высшей степени плодотворнымъ. Весь вопросъ,—какъ собрать и объединить матерьялъ, въ какую *теорію* заключить факты. Можетъ случиться, — сама теорія поведетъ изслѣдователей къ новымъ открытіямъ и приблизитъ ихъ къ научной истинѣ.

---

[1]) *Ib.* VIII, 68.

[2]) Brunetière. *L'évolution des genres dans l'hist. de la litter.* Paris, 1890, I, 248.

[3]) *Парижскія письма. В. Евр.* 1879, X, 856.

Такихъ теорій наука знаетъ не мало. Достаточно вспомнить ученіе Дарвина. Англійскій естествоиспытатель имѣетъ многочисленныхъ предшедственниковъ, громадное количество матерьяла для его гипотезы собрано другими, и даже обобщенія далеко не всецѣло принадлежатъ ему. И между тѣмъ, — въ исторіи естествознанія врядъ ли какая книга дала болѣе энергическій и именно плодотворный толчокъ отдѣльнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и общей философской мысли во всѣхъ отрасляхъ знанія, чѣмъ дарвиновское *Происхожденіе видовъ*. И сущность явленія не въ томъ, чтобы извѣстная теорія встрѣтила непремѣнно всеобщее признаніе и сочувствіе, не въ томъ, чтобы она немедленно превратилась въ аксіому. Для широкихъ научныхъ обобщеній это возможно только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Нѣтъ. Великое міровое культурное значеніе всякой теоріи или гипотезы заключается въ ея свойствѣ— возбуждать умы, создавать для людей науки и философской мысли извѣстное знамя, намѣчать руководящую нить въ изслѣдованіяхъ. Теорія можетъ не оправдаться, но за то сколько новаго капитала будетъ накоплено въ сокровищницѣ науки и создана возможность— создать новое, болѣе близкое къ истинѣ обобщеніе.

Но можетъ произойти и нѣчто совершенно противоположное, можетъ возникнуть теорія такого свойства, что сразу будутъ дискредитированы самыя ея основы, даже вполнѣ научные элементы, вошедшіе въ ея составъ. Это бываетъ всякій разъ, когда отважный теоретикъ покидаетъ почву фактовъ и слѣпо отдается во власть отвлеченныхъ умозрѣній, или когда въ свои изслѣдованія вноситъ заранѣе составленную систему и въ самихъ фактахъ ищетъ только иллюстрацій для произведенія своего теоретическаго ума. Тогда теорія—во-первыхъ—принимаетъ неизбѣжно самую рѣшительную, категорическую форму, а потомъ—наноситъ прямой ущербъ идеямъ и даже фактическимъ даннымъ, которыми воспользовался ея авторъ.

Такихъ испытаній не мало вынесла научная и философская мысль отъ своихъ не по разуму ретивыхъ послѣдователей. Напомнимъ исторію съ Гельвеціемъ и Гольбахомъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Оба писателя напитались соками просвѣтительной мысли, были учениками Вольтера и энциклопедистовъ. Но съ истиннымъ азартомъ прозелитовъ ударились въ крайности матерьялизма, выдавая ихъ за послѣднее слово разума и науки,—и надо было видѣть, въ какое негодованіе пришли Вольтеръ и Даламберъ, напримѣръ, отъ книги Гельвеція. Они совершенно правильно въ неразумныхъ увлеченіяхъ своихъ учениковъ усмотрѣли подрывъ вообще всей философской мысли: вѣдь Гельвецій производилъ свои операціи съ общепризнанными идеями этой мысли, только гнулъ ихъ въ свою систему и дѣлалъ ихъ отвѣтственными за свою личную фантазію.

Это немедленно произвело свое дѣйствіе. Люди, заинтересованные въ подрывѣ авторитета философовъ, отождествили всю философію XVIII-го вѣка съ измышленіями Гельвеція и Гольбаха: мед-

вѣжьи услуги друзей могутъ оказаться гораздо вреднѣе для извѣстныхъ идей, чѣмъ самая сильная вражда недруговъ.

Именно такую услугу оказалъ Тэнъ старымъ идеямъ—о *преобладающей способности,* о *расѣ*, *средѣ* и *моментѣ.* Увлекаемый своимъ фанатически систематизирующимъ умомъ, онъ устроилъ настоящую прокрустову пытку для давно установленныхъ фактовъ. Наше выраженіе—*прокрустову*—отнюдь не фигуральное и еще менѣе преувеличенное. Оно, если угодно, подсказано намъ другомъ и почитателемъ Тэна. Этотъ другъ такъ выражается о нашемъ философѣ: «Для него все сводится къ задачѣ по динамикѣ: видимая вселенная наравнѣ съ человѣческой личностью, произведеніе искусства и историческое событіе. Каждая изъ этихъ задачъ составляется изъ самыхъ простыхъ элементовъ. Рискуя даже искалѣчить дѣйствительность, Тэнъ добивается рѣшенія съ непоколебимой строгостью математика, доказывающаго теорему, логика, составляющаго силлогизмъ. Если предъ нимъ писатель или артистъ, онъ *вводитъ* то, чѣмъ каждый изъ нихъ долженъ быть, благодаря расѣ, средѣ и моменту; потомъ когда онъ уловилъ господствующую способность его натуры, онъ *выводитъ* изъ нея всѣ его дѣйствія и всѣ его произведенія» [1]).

Трудно изречь болѣе жестокій и безнадежный приговоръ надъ ученымъ. Но приговоръ совершенно справедливъ, хотя авторъ его и не подкрѣпляетъ своихъ словъ фактами. Мы обратимся къ этимъ фактамъ и рѣшимъ такимъ путемъ вопросъ о практическомъ смыслѣ и значеніи литературной критики Тэна.

XV.

Во главѣ художественныхъ и психологическихъ воззрѣній Тэна стоитъ ученіе о *преобладающей способности.* Ему посвящено цѣлое изслѣдованіе о Титѣ Ливіи, какъ заявлено авторомъ въ предисловіи. Въ самомъ началѣ книги читаемъ такую фразу: «Дальше, я думаю, будетъ видно, что его (Ливія) недостатки и достоинства происходятъ отъ господствующей способности краснорѣчія». Нѣсколькими строками ниже: «естественно выяснить, не способствовали ли обстоятельства также, какъ и природа, сдѣлаться ему человѣкомъ честнымъ и краснорѣчивымъ».

Слѣдовательно,—*положеніе* дано раньше всѣхъ наведеній и авторъ съ поразительной наивностью даетъ понять, что онъ будетъ искать (il convient de chercher) обстоятельствъ, подтверждающихъ его теорему. Какія же это обстоятельства?

Во-первыхъ, Ливій родился въ Падуѣ, любилъ свою родину, а она была муниципіемъ, т. е. пользовалась городскимъ самоуправленіемъ. Виргилій былъ воспитанъ на лонѣ *сельской природы* и сталъ

---

[1]) Monod, 154.

поэтомъ, Ливій — уроженецъ *города* — долженъ сдѣлаться *ораторомъ*. Дальше — Ливію было четырнадцать лѣтъ, когда Филиппики Цицерона облетѣли всю Италію: они «могли создать оратора». Потомъ Ливій нѣсколько лѣтъ провелъ въ школѣ у одного ритора, позже сыну совѣтовалъ читать произведенія ораторовъ — Демосѳена и Цицерона. Наконецъ, дочь Ливія вышла замужъ за ритора.

Вотъ и всѣ доказательства. Обратите вниманіе на это — *могли* создать оратора. Авторъ, повидимому, самъ не увѣренъ въ убѣдительности своихъ «обстоятельствъ», и всетаки пишетъ цѣлую книгу на заранѣе поставленную тему.

Было бы совершенно излишне входить въ оцѣнку тэновскихъ доводовъ. Для всякаго, конечно, ясно слѣдующее: тысячи *падуанцевъ не историковъ и не ораторовъ* перевѣшиваютъ одного Ливія, риторы были обычными учителями латинскаго юношества съ эпохи Цицерона: объ этомъ свидѣтельствуетъ Тацитъ, и, что особенно любопытно, указываетъ на полнѣйшее отчужденіе *риторическаго* преподаванія отъ собственно *ораторскаго* искусства. Сочиненія ораторовъ вообще рекомендовались юношеству для усовершенствованія въ стилѣ: на этомъ настаиваетъ Квинтиліанъ, одобряя выборъ Ливія [1]). Что же касается семейныхъ дѣлъ Ливія,—Тэнъ привлекъ ихъ къ отвѣтственности, очевидно, въ пылу поисковъ за какими бы то ни было нужными «обстоятельствами».

Но на этомъ не кончаются вопросы, поднятые нашимъ философомъ. Ихъ слѣдуетъ цѣлый рядъ и каждый изъ нихъ требуетъ съ нашей стороны внимательнаго разбора. Прежде всего, что такое — *ораторъ* и *ораторская способность* по представленію Тэна? Въ началѣ книги это «талантъ объяснять, доказывать и заключать, искусство испытывать и выказывать всевозможныя страсти, думать и чувствовать только въ пользу своего процесса — de ne penser et de ne sentir qu'au profit de sa cause».

Это опредѣленіе, повидимому, согласно съ извѣстной намъ характеристикой другого оратора, Кузэна, умѣвшаго, по мнѣнію Тэна, только восхвалять свой товаръ. Очевидно, при такой наклонности критика немыслима,—мы знаемъ, ея и не нашелъ Тэнъ у рыцаря г-жи Лонгвилль. Тоже и Ливій?

Оказывается, нѣтъ: у него существуетъ «любовь и правда, а не стремленіе хорошо защищать свой процессъ», онъ даже «избѣгаетъ навязывать намъ свое сужденіе» [2]). Слѣдовательно, у Ливія есть нѣчто другое помимо краснорѣчія и, надо полагать, не менѣе преобладающее, если не болѣе, потому что ораторская способность оказывается въ подчиненномъ положеніи. Дѣйствительно, Ливій—*честный человѣкъ*—*un honnête homme*, а «честность—начало критики и искренность ручательство истины». Выходитъ, — Ливій

---

[1]) *De institutione oratoria*, lib. X, cap. I.

[2]) *Essais sur T. Live*. pp. 2, 43, 46.

защищаетъ не «свой процессъ» (sa cause), а истину, историческую правду. Вѣдь это вещи далеко не одинаковыя, въ особенности если «Титъ Ливій болѣе благоразуменъ, чѣмъ великій критикъ Нибуръ» [1]).

И такъ, у насъ уже двѣ господствующихъ способности и вторая, незамѣтно подкравшаяся къ намъ изъ *честности*,—пока первенствуетъ. Этого безъ всякаго сомнѣнія желаетъ авторъ. Мы помнимъ, какой безпощадной насмѣшкѣ подвергся Кузэнъ за свое пристрастіе къ архивнымъ изысканіямъ и къ цитатамъ. У Ливія не только нѣтъ этого пристрастія,—онъ даже прямо пренебрегаетъ хронологіей и точностью въ номенклатурѣ.

Такъ именно и долженъ поступать истинный историкъ и *критикъ*. Было бы странно, если бы «каждая подробность» сопровождалась «томомъ размышленій». «Настоящіе критики дѣйствуютъ иначе. Они предоставляютъ этотъ медленный и ложный методъ библіотечнымъ эрудитамъ; изъ изысканій выходитъ только изысканіе, а исторія возникаетъ такъ же быстро и непосредственно въ историкѣ, какъ чувство въ его герояхъ. Ее открываетъ инстинктъ. Сквозь утомительные и извращенные разсказы, безъ доказательствъ и посылокъ, историкъ стремится прямо къ вѣрному факту, къ оригинальной подробности, къ подлинному выраженію. Его глаза моментально читаютъ обезцвѣченную страницу, и внезапно рождается озаряющая фраза; событія размѣщаются, личности начинаютъ жить своею собственною жизнью, каждый герой въ запутанномъ преданіи находитъ черты, ему принадлежащія. Критикъ не размышлялъ; независимо отъ его мыслей, его внутреннее чувство рѣшило всѣ вопросы и тягостная эрудиція превратилась во внезапно создавшійся взглядъ. Титъ Ливій несомнѣнно обладаетъ этимъ даромъ» [2]).

Въ этомъ лирическомъ отступленіи, заимствованномъ изъ предисловія Огюстэна Тьерри къ его *Исторіи завоеванія Англіи Норманнами*,—есть извѣстная доля правды: инстинктъ для историка то же самое, что логика для философа,—но безъ «размышленій», безъ «диссертацій», какъ презрительно выражается Тэнъ, инстинктъ грозитъ впасть въ фантазерство и ясновидѣніе, все равно какъ логика безъ реальныхъ фактовъ неминуемо превратится въ схоластику. Но не въ этомъ дѣло. Для насъ любопытно одно: Ливій во что бы то ни стало долженъ быть *критикомъ*. И онъ будетъ: такъ хочетъ Тэнъ. И замѣтьте,—все до сихъ поръ вытекаетъ изъ инстинкта, изъ *ораторской способности*. Но и здѣсь не кончается необыкновенно обильный и разнородный потокъ.

Стоитъ только прочесть предисловіе Ливія, и неминуемо должно возникнуть представленіе не объ ораторѣ и критикѣ,—о чемъ-то другомъ. Историкъ намѣренъ изобразить «жизнь и нравы» предковъ, напомнить о герояхъ, создавшихъ римское могущество, это

---

[1]) *Ib.* p. 47.
[2]) *Ib.* 49—50.

онъ считаетъ дѣломъ «цѣлебнымъ и плодотворнымъ» — *salubre et frugiferum,* именно потому, что всякій найдетъ въ исторіи принципы для *подражанія,* вообще для руководства. А римская исторія въ особенности богата *добрыми примѣрами* и они являются полной противоположностью распущенности новѣйшихъ поколѣній.

И историкъ ни на минуту не забудетъ своей цѣли, будетъ, по выраженію Тэна, «украшать прекраснѣйшимъ стилемъ прекраснѣйшее преданіе» [1]), напримѣръ, о Цинциннатѣ, о Лукреціи.

Очевидно, Ливій—*моралистъ,* и собственно мораль его *цѣль,* а краснорѣчіе лишь *средство.* Такъ можно заключить даже изъ словъ самого Тэна. Какъ же это объяснить? Очень просто.

Ливій—«моралистъ, потому что мораль изъ всѣхъ частей философіи—самая ораторская» [2]). Выходитъ,—Ливій сталъ моралистомъ по двумъ причинамъ: желая быть философомъ и обладая прекраснымъ стилемъ, т. е. *ради формы,* усвоилъ извѣстное содержаніе. Но тогда зачѣмъ же Тэнъ съ полнымъ довѣріемъ переводитъ предисловіе Ливія? Здѣсь совершенно ясно и настоятельно объясняются побудительныя внѣшнія и внутреннія силы, заставившія Ливія взяться за историческій трудъ. Даже самаго отдаленнаго намека на философію и въ особенности на стиль открыть немыслимо ни въ одномъ словѣ автора. Очевидно, мораль Ливія столь же насильственно пристегана къ ораторской способности, какъ и критика. Вы думаете,—теперь, наконецъ, исчерпана психологія римскаго историка. Отнюдь нѣтъ.

Le noble orateur, l'orateur lettré et *citoyen* — выраженія Тэна, на первый взглядъ, ничего особеннаго не представляющія, но на самомъ дѣлѣ скрывающія двѣ новыя уловки автора. Обратите вниманіе на подчеркнутыя слова: *le noble* — ни болѣе ни менѣе какъ «патриціанскій духъ» Ливія, citoyen — его римскій патріотизмъ, Ливій — «римлянинъ сердцемъ и патрицій, хотя и справедливый» [3]). И здѣсь уже трудно было вывести новыя черты изъ ораторства: пришлось поставить ихъ рядомъ съ преобладающей способностью. Можетъ быть онѣ дѣйствительно менѣе «преобладающія» Нисколько. Вы сейчасъ слышали, — Тэнъ «справедливый» патрицій, — не вѣрьте: ровно черезъ пять страницъ вы прочтете: «Титъ Ливій предубѣжденъ противъ патриціевъ. Человѣкъ столь справедливый не долженъ бы обзывать мятежами столь справедливыя требованія. Правда ли, что аграрные законы «были ядомъ, которымъ трибуны отравляли народъ»? Плебеи имѣли право не умирать съ голоду въ виду земель, пріобрѣтенныхъ государству ихъ кровью и ихъ опасностями» [4]). И дальше слѣдуетъ длинная цѣпь такихъ же основательныхъ соображеній.

---

[1]) *Ib.* 72, 75.
[2]) *Ib.* 126.
[3]) *Ib.* 67. 85, 71.
[4]) *Ib.* 76.

Если принять во вниманіе, что *вся* внутренняя и отчасти внѣшняя исторія римской республики сводится къ борьбѣ патриціевъ съ плебеями и именно эта исторія представлена у Ливія съ узкосословной точки зрѣнія,—какъ же тогда оцѣнить его «патриціанскій духъ»? Неужели онъ менѣе важенъ въ его трудѣ, чѣмъ «красивый стиль»?

Потомъ — римское сердце. Здѣсь вопросъ касается войнъ, т. е. исчерпываетъ все, что остается въ римской республиканской исторіи отъ борьбы сословій. Какъ же Ливій дѣйствуетъ на этомъ поприщѣ? «Во всякую минуту его гордость беретъ перевѣсъ надъ здравымъ смысломъ; еще одинъ шагъ и онъ исправилъ бы ложь, но инстинктъ римлянина останавливаетъ его на порогѣ истины». И Ливій неустанно разсказываетъ о невѣроятныхъ побѣдахъ и тріумфахъ римскаго оружія. Правда, онъ вынужденъ признать пораженіе римлянъ при Алліи, но «по его мнѣнію, причина несчастія—непреодолимая воля судебъ»: римляне не выполнили религіозныхъ обрядовъ. Выходитъ: все — чудо, или скорѣе все—краснорѣчіе [1]).

Зачѣмъ попало здѣсь краснорѣчіе: сущность, конечно, опять не въ стилѣ, а въ настроеніи историка. И оно таково во всемъ трудѣ, что «пристрастіе извращаетъ нравы наравнѣ съ фактами. Слишкомъ много доблестей и побѣдъ, желательно было бы видѣть въ людяхъ менѣе совершенства и счастья» [2]). Такова *внѣшняя* политика Ливія. Неужели ея причина — ораторскій талантъ? Ливій «все украшаетъ своимъ красивымъ стилемъ и передъ потомствомъ расхваливаетъ свое отечество и свое сословіе. Достоинства Тита Ливія имѣютъ тѣ же самыя причины, какъ и его недостатки». Т. е.—«красивый стиль», ораторство...

Можно ли съ большимъ ослѣпленіемъ поддерживать болѣе вопіющую нелѣпость? Тэнъ поставилъ себѣ тезисъ и принялся повторять его безчисленное число разъ на всѣхъ страницахъ книги, *въ то же время* безсознательно разбивая свое положеніе по всѣмъ пунктамъ. У историка оказалось множество весьма существенныхъ наклонностей и каждая изъ нихъ необычайно ярко отразилась на *содержаніи* его сочиненія и даже на формѣ,—напримѣръ, горячія выходки противъ трибуновъ и эпическій тонъ разсказа о римскихъ побѣдахъ. И послѣ всего этого, новѣйшій изслѣдователь беретъ *внѣшнюю* сторону предмета, *слогъ* Ливія, и на немъ строитъ всю психологію историка, гражданина, человѣка!

И это отнюдь не единичное случайное увлеченіе: дальше мы увидимъ такіе же образцы критической проницательности Тэна и убѣдимся, что авторъ психологическаго трактата *Объ умѣ* — органически не способенъ не только рѣшать психологическіе вопросы, а даже видѣть ихъ. Мы только что познакомились съ чудовищной

---

1) *Ib.* 73.
2) *Ib.* 75.

операціей надъ Ливіемъ, когда основной нравственный складъ писателя былъ пріуроченъ къ его умѣнью краснорѣчиво писать. Методъ неуклонно будетъ примѣняться повсюду и мы для полноты картины возьмемъ писателей двухъ другихъ національностей — Расина и Шекспира и посмотримъ, какъ они отразились въ тэновскомъ зеркалѣ. Но раньше мы еще должны окончательно рѣшить вопросъ, что же такое въ дѣйствительности *преобладающая способность* Ливія?

Академики на конкурсѣ замѣтили Тэну, что ораторство римскаго историка ограничивается *рѣчами*, но онѣ не сущность его труда, а лишь украшеніе, вставки въ разсказъ. Самый разсказъ «естественно-блестящъ и отличается правдивостью въ изображеніи характеровъ и положеній» [1]).

Академикъ въ этомъ отзывѣ не сказалъ о Ливіи ни одного новаго слова, преувеличилъ только старое мнѣніе. Квинтиліанъ находилъ у Ливія «удивительную пріятность и яснѣйшую чистоту въ разсказѣ и невыразимое краснорѣчіе въ политическихъ собраніяхъ». Т. е. ораторство—*рѣчей*. Но римскій критикъ далеко не признавалъ «правдивости» въ исторіи Ливія, для читателей, ищущихъ достовѣрности, считалъ неудовлетворительной его «молочную изобильную рѣчь» [2]). Вотъ, слѣдовательно, вполнѣ опредѣленный взглядъ на Ливія: ораторъ въ рѣчахъ и мало достовѣрный историкъ въ разсказѣ, т. е. не критикъ.

И ничего другого мы не могли ждать отъ Ливія. Онъ—*древній* историкъ, а исторія стала считаться наукой только въ XIX вѣкѣ, въ древности исторія была упражненіемъ въ нравственныхъ и патріотическихъ чувствахъ, сборникомъ «добрыхъ примѣровъ». Перечитайте professions de foi римскихъ историковъ, васъ отъ начала до конца будутъ преслѣдовать однѣ и тѣ же идеи. Благородный Тацитъ и опозоренный лихоимецъ Саллюстій одинаково питаютъ желаніе напомнить современникамъ добродѣтели предковъ и Саллюстій наравнѣ съ Ливіемъ мечтаетъ возбудить у современниковъ желаніе—подражать подвигамъ и славѣ великихъ мужей. Такое представленіе объ исторіи получило, наконецъ, освященіе въ древней теоріи словесности. Квинтиліанъ неоднократно рекомендуетъ ораторамъ историческія сочиненія, какъ обильный источникъ для *примѣровъ* т. е. иллюстрацій къ высшимъ политическимъ идеямъ [3]).

Эта основная цѣль историковъ неминуемо превратила ихъ въ моралистовъ и патріотовъ. А такъ какъ всѣ они дѣти вѣкового республиканскаго строя, хотя съ теченіемъ времени и подавленнаго цезарскимъ деспотизмомъ,—у нихъ общая наклонность къ *рѣчамъ*, политическому краснорѣчію. Здѣсь они дѣйствительно ораторы и

---

[1]) Отзывъ Вильмэна въ Отчетѣ академіи.

[2]) *De inst. oratoria*, lib. X. cap. I. «Neque illa Livia lactea ubertas satis docebit eum, qui non speciem expositionis, sed fidem quaerit».

[3]) *O. C.* lib. X, c. I, XVII, c. IV.

даже Цезарь свои военныя строго-фактическія записки украшаетъ образцовыми отрывками ораторскаго искусства, можетъ быть и не всегда достовѣрными: его ораторы—дикіе галлы и германцы. Самый точный и строгій изъ древнихъ историковъ Өукидитъ—слѣдуетъ тому же обычаю и такія рѣчи, какъ Перикла и коринөскихъ пословъ—настоящія самостоятельныя произведенія античнаго политическаго слова. У каждаго, конечно, изъ поименованныхъ историковъ имѣются свои оригинальныя черты, но не мало и общаго; равно какъ и въ наше время у историковъ-ученыхъ—по существу одинаковые пріемы научной работы, но это не мѣшаетъ каждому изъ нихъ имѣть собственную цѣль и приходить къ собственнымъ результатамъ.

Мы видимъ, какъ далеко сталъ Тэнъ отъ истины въ самомъ началѣ своего изслѣдованія. По изумительному недоразумѣнію его взоръ направился на *второстепенный* и *внѣшній* вопросъ,—на *стиль рѣчей* дѣйствующихъ лицъ въ исторіи Ливія. Этотъ предметъ совершилъ нѣчто вродѣ гипноза съ мыслью критика, заставилъ ее всѣ другія существеннѣйшія черты личности и таланта Ливія насильственно подчинить фантастической преобладающей способности.

Для насъ подобный оборотъ дѣла не составляетъ разительной новости. Мы уже слышали отъ Тэна, что участь Стэндаля въ разныя эпохи нашего столѣтія зависѣла отъ его *слога*, что «любовь къ отвлеченнымъ *словамъ*» создала цѣлую философскую школу въ половинѣ XIX вѣка—эклектизмъ. На первый взглядъ можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, какъ можно рѣшать вопросы литературныхъ и философскихъ школъ съ грамматикой или реторикой въ рукахъ. Но для Тэна такой пріемъ—обычный. Основа его литературной и психологической критики—стилистика. Содержаніе, вообще идеи, міросозерцаніе авторовъ занимаетъ второй планъ, являются не болѣе какъ отраженнымъ свѣтомъ центральнаго свѣтила, *стиля*. Правда, у французовъ интересы *стиля* всегда играли и до сихъ поръ играютъ первостепенную роль. Находятъ же они вполнѣ законнымъ ставить Шатобріана выше г-жи Сталь, потому что разочарованный Ренэ—необычайно сладкорѣчивъ и рѣчистъ, а г-жа Сталь, «чистая идеалистка»,—главное вниманіе посвящаетъ смыслу и содержанію своихъ произведеній. Могла же во Франціи въ половинѣ нынѣшняго столѣтія возникнуть цѣлая поэтическая школа, изнывавшая исключительно по *формѣ*, по рѣдкостнымъ словечкамъ, черпавшая вдохновеніе изъ словарей *).

Въ виду этого можно, пожалуй, признать одной изъ *преобладающихъ способностей* французскаго генія идолопоклонство предъ

---

[1]) О Шатобріанѣ и г-жѣ Сталь у современныхъ критиковъ—Брюнетіера (Revue des deux Mondes, 15 oct 1889) и Пелиссьѐ (Литературныя движенія въ XIX вѣкѣ).—Глава чистыхъ стилистовъ—Теофиль Готье, выражавшійся самымъ нечистымъ стилемъ объ «утилитарныхъ критикахъ».

фразой, на что, впрочемъ, указала еще г-жа Сталь [1]) Но ни у одного француза, по крайней мѣрѣ, въ наше время эта способность не вызвала такихъ странныхъ и въ полномъ смыслѣ отрицательныхъ послѣдствій, какъ у Тэна.

XVI.

Любопытнѣйшія страницы въ книгѣ Тэна объ англійской литературѣ — несомнѣнно характеристика Шекспира. Любопытны онѣ и по самому предмету, и по усиліямъ нашего психолога заключить въ математическую формулу глубочайшій и разностороннѣйшій поэтическій геній. Шекспиръ—настоящій пробный камень для тэновскаго инстинкта критика и историка: всѣ остальныя фигуры англійскихъ писателей сравнительно просты и однородны по составу.

Какъ же Тэнъ выполняетъ свою чрезвычайно отвѣтственную задачу? «Кто хочетъ ознакомиться съ человѣкомъ поближе, тотъ долженъ обратиться къ его произведеніямъ». Такъ приступаетъ Тэнъ къ предмету,—и совершенно правильно. Но сейчасъ же читаемъ слѣдующее: «Поищемъ же человѣка въ его слогѣ. Слогъ объясняетъ произведеніе, обозначая отличительныя черты генія, онъ въ то же время указываетъ и на другія. А кто разъ овладѣетъ основною способностью, тотъ овладѣетъ и всѣмъ художникомъ [2]).

И такъ, «le style—c'est l'homme»—логика весьма почтенная и по возрасту и по смыслу, и Тэну, при его стремительности къ открытіямъ, дѣлаетъ честь его уваженіе къ стариннымъ литературнымъ поговоркамъ. Къ несчастью, раньше всякаго разбора тэновскихъ мыслей возникаетъ вопросъ,—какъ у драматурга съ шекспировскимъ психологическимъ геніемъ открыть *авторскій стиль*? Извѣстно, сколько труда потрачено—и большею частью безплоднаго—на выдѣленіе изъ произведеній Шекспира его личнаго міросозерцанія? Шекспиръ до такой степени входитъ въ душу и разумъ своихъ героевъ и героинь, проявляетъ такую мощь естественной творческой силы, что уловить нравственный міръ самого творца въ его созданіяхъ становится задачей столь же трудной, какъ если бы кто захотѣлъ составить понятіе о природѣ, температурѣ и размѣрахъ солнца хотя бы даже по тропической флорѣ.

Отсюда и выходило: у одного изслѣдователя Шекспиръ—протестантъ, у другого—католикъ, у третьяго—свободный мыслитель, у одного—монархистъ и почитатель сословныхъ предразсудковъ, у другого—сторонникъ народовластія и даже демократъ.

Не та же ли исторія можетъ повториться и по поводу *стиля?*

Тэнъ, какъ и всегда, даетъ формулу въ началѣ изслѣдованія.

---

[1]) *Considerations sur les princ. évén. de la revolution française.* O. Compl. Bruxelles 1830, 105, 107.

[2]) Русск. изд., I, 3778.

«Преобладающая способность Шекспира», говоритъ онъ, «страстное воображеніе, отрѣшившееся отъ преградъ разсудка и морали».

Очевидно, послѣ этого стиль Шекспира долженъ быть «слогомъ бѣснованія», поэтъ долженъ походить на «чрезмѣрно горячую и сильную лошадь», «взвиваться на дыбы и мчаться», «не умѣть бѣжать». Какія же доказательства?

Сначала приводится монологъ *Гамлета* въ его сценѣ съ матерью, и на основаніи его оказывается: «слогъ Шекспира—просто сборъ неистовыхъ выраженій». Потомъ «у дѣйствующихъ лицъ Шекспира кровь бушуетъ, а руки постоянно зудятъ»—и для доказательства—сцена *Капулетти съ дочерью*, когда онъ хочетъ выдать Джульетту замужъ, а она сопротивляется, потомъ сцена, въ которой *герцогъ Корнвильскій вырываетъ Глостеру глаза.*

Дальше мы узнаемъ,—Шекспиръ *всѣхъ* своихъ героевъ «дѣлаетъ людьми, живущими воображеніемъ, безъ воли и разума, страстными машинами, которыя стремятся наталкиваться другъ на друга»,—и между прочимъ цитируется сцена *Коріолана съ трибунами* и народомъ, когда трибунъ обвинилъ надменнаго патриція въ измѣнѣ [1]). Намъ достаточно и этихъ данныхъ, чтобы оцѣнить пріемъ критика. Прежде всего, какое основаніе имѣлъ Тэнъ языкъ дѣйствующихъ лицъ, все равно какихъ бы то ни было, отождествить со стилемъ автора? Пусть нѣкоторыя изъ нихъ говорятъ «слогомъ бѣснованія»,—но когда и при какихъ условіяхъ?

Гамлетъ выходитъ изъ себя нѣсколько разъ въ теченіи драмы, но «бѣснованіе» отнюдь не его характерная черта; несравненно чаще онъ погружается въ глубокія философскія думы и казнитъ себя именно за то, что въ немъ мало «желчи». Даже съ матерью онъ загорается гнѣвомъ лишь въ отвѣтъ на ея ослѣпленіе, непониманіе окружающихъ людей и событій, и сама королева даетъ намъ лучшій отвѣтъ на критику Тэна.

Въ сценѣ на могилѣ Офеліи Гамлетъ приходитъ въ ярость,—но мать отлично понимаетъ, что это значитъ:

Онъ растерзать готовъ теперь себя
Въ горячечномъ бреду, но бредъ пройдетъ
И сдѣлается кротокъ онъ и нѣженъ,
Какъ голубокъ, когда въ сребристомъ пухѣ
Выходитъ онъ на свѣтъ...

И неизмѣнно разсудительный Гораціо, склоняясь надъ трупомъ Гамлета, говоритъ: *sweet prince*—необычайно краснорѣчивый и вѣрный эпитетъ! Да, кроткій принцъ, но именно кроткіе люди и могутъ впадать по временамъ въ настоящее бѣшенство. Какъ же можно было на *моментѣ* построить *общее* заключеніе о героѣ и распространить его на автора?

Тѣ же соображенія вполнѣ примѣнимы и къ другимъ примѣрамъ. Тэнъ беретъ сцены сильнѣйшихъ эффектовъ или совершенно

---

[1] Ib. 38 , 381, 384, 393, 413.

исключительныя явленія, въ родѣ Корнваля, и обобщаетъ ихъ съ цѣлью оправдать свою формулу. Противъ каждой сцены, приводимой Тэномъ, можно указать рядъ сценъ совершенно другого характера: пьесы Шекспира одинаково полны и разгула дикихъ страстей, и свѣтлой идиллической поэзіи, и вдумчиваго психологическаго анализа, и не авторскаго анализа, а—самихъ героевъ.

Куда Тэнъ помѣститъ большинство женскихъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ—и въ особенности одинъ несомнѣнно самый любимый,—типъ, представленный Офеліей, Дездемоной, Корделіей, Мирандой? Развѣ съ однимъ безумнымъ воображеніемъ, не признающимъ ни разума, ни морали, можно воплотить чистѣйшую идеальную женственность въ неподражаемо нѣжномъ и свѣтломъ ореолѣ поэзіи? Героини Шекспира, нерѣдко принуждаемыя обстоятельствами смѣнить женское платье на мужской костюмъ, чувствуютъ себя несчастными при всемъ своемъ мужествѣ. Имогена заявляетъ это съ первой же минуты, Віола дрожитъ при одномъ взглядѣ на оружіе, Розалинда падаетъ въ обморокъ при видѣ крови, Виргинія, жена Коріолана, римлянка не можетъ вынести даже мысли о крови... И Тэнъ ссылается на *кормилицу* Джульетты и ея нескромный разсказъ! Кормилица попадаетъ въ типичныя женскія фигуры Шекспира!... До такихъ предѣловъ можетъ довести idée fixe человѣка, повидимому, даже и не обладающаго воображеніемъ Шекспира—внѣ разума и морали... Но оставимъ женщинъ. Обратимся къ главнѣйшимъ *драмамъ* Шекспира.

Гамлетъ—популярнѣйшая изъ нихъ. Тэнъ, конечно, не могъ не знать, что она написана поэтомъ съ нѣсколькихъ пріемовъ, что до насъ дошли *двѣ* редакціи трагедіи, весьма отличныя другъ отъ друга. Происходила, очевидно, упорная переработка. Для всякаго другого писателя здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, но для англійскаго драматурга XVI вѣка, въ сущности ремесленника, поставщика матерьяла для спектаклей,—на современный общественный взглядъ отнюдь *не поэта*,—такой фактъ имѣетъ первостепенное значеніе. Очевидно, Шекспиръ счелъ необходимымъ весьма внимательно разобрать и оцѣнить свою работу. Возможно-ли это при такой господствующей способности, какую Тэнъ навязываетъ поэту?

Но и это не все. Переработка совершалась какъ разъ въ ущербъ именно этой способности. Во второй редакціи усиленъ тотъ элементъ, который стяжалъ *Гамлету* наименованіе *трагедіи мысли*—Gedankenstrauerspiel, прибавлены размышленія пессимистическаго характера, напримѣръ, въ сценѣ съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ, монологъ—«Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно»... расширенъ монологъ *Быть или не быть*, вообще выдвинуты на первое мѣсто меланхолія и рефлексія. И послѣ этого Тэнъ весь характеръ Гамлета сводитъ къ «экзальтированному воображенію», такъ какъ автору, во что бы то ни стало, требуется героевъ Шекспира уподобить самому Шекспиру: «они всѣ получаютъ отъ Шек-

спира одинаковый духъ, бывшій его собственнымъ» [1]). Однимъ ударомъ уродуется и авторъ, и его продуманнѣйшее созданіе.

Но Гамлетъ не одинъ. Если *всѣ* герои Шекспира «живутъ воображеніемъ безъ воли и разума»,—куда же опредѣлить, напримѣръ, Ричарда III, Яго, Макбета? Намъ, конечно, излишне и здѣсь настаивать, что психологію этихъ трехъ личностей немыслимо было создать безъ того же *анализа*, какой заставилъ Шекспира передѣлать *Гамлета* въ опредѣленномъ направленіи. Ограничимся только самими драматическими фигурами. Неужели даже Ричардъ III и самъ Яго живутъ безъ «разума и воли»? Да они ежеминутно, каждымъ словомъ и поступкомъ, прямо и косвенно, вопіютъ противъ подобнаго навѣта. Вся ихъ сила именно и заключается въ великомъ аналитическомъ умѣ, въ знаніи людей, въ способности хладнокровно и разсудительно пользоваться своимъ опытомъ и людскимъ безсиліемъ или заблужденіемъ и въ геніальномъ талантѣ играть роль честныхъ рыцарей, добрыхъ малыхъ. Такъ они и сами говорятъ о себѣ, и для доказательства намъ пришлось бы переписать обѣ трагедіи почти цѣликомъ. А гдѣ же требуется больше воли, чѣмъ не въ подобной игрѣ? Даже Макбетъ—единственный изъ трехъ, кому можно бы навязать безумное воображеніе,—въ дѣйствительности благородный по натурѣ преступникъ, жертва своей совѣсти. Муки же совѣсти врядъ-ли Тэнъ рѣшился бы отождествить съ какимъ бы то ни было воображеніемъ. Явленіе тѣней здѣсь не имѣетъ значенія: оно—обычный способъ Шекспира, современника почти средневѣковой публики, реализировать душевныя настроенія. Этому искусу подвергается даже Ричардъ III наравнѣ съ Гамлетомъ.

Что же остается отъ тэновской формулы? Замѣтьте: онъ Гамлета считаетъ совершеннѣйшимъ отраженіемъ личности Шекспира, «самымъ глубокимъ изъ его портретовъ». И здѣсь же «слогъ бѣснованія» и «страстное воображеніе, отрѣшившееся отъ преградъ разсудка и морали»... Очевидно, Тэну показалось неудобнымъ или невозможнымъ порвать съ исконнымъ взглядомъ на автобіографическій смыслъ *Гамлета*, но нужно было удержать и свою формулу: оставалось принести обильнѣйшую гекатомбу совершенно произвольному вымыслу, выбрать только выгодные для цѣли факты и безъ всякой пощады вычеркнуть всѣ другіе.

Выражаясь такъ, мы ни болѣе ни менѣе какъ высказываемъ мысль самого Тэна. Въ изслѣдованіи о Титѣ Ливіи предъ нами нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ страницъ, собственно не связанныхъ съ самимъ предметомъ и посвященныхъ исключительно авторскому profession de foi. Мы уже знаемъ,—цѣль историка общая всеобъединяющая идея, но одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ этой цѣли поразительно оригиналенъ. Это именно путь, какимъ Тэнъ дошелъ до господствующей способности Шекспира.

---

[1]) *Ib.*, 393, 424.

Историкъ отнюдь не обязанъ излагать всѣ извѣстные ему факты. «не слѣдуетъ обременять умъ и загромождать науку». Нужно «дѣлать выборъ среди фактовъ». «Историкъ стремится (court) къ общей идеѣ путемъ фактовъ, которые доказываютъ ее, и останавливается лишь только затѣмъ, чтобы лучше объяснить ее выразительными подробностями и показать на горизонтѣ цѣль своего путешествія... Его разсказъ становится занимательнымъ, потому что «факты выбраны», онъ дѣлается оживленнымъ, потому что факты расположены въ извѣстномъ порядкѣ; онъ быстръ, потому что наученъ, увлекателенъ, потому что поучаетъ... Портретъ въ шести строкахъ, если онъ живъ и вѣренъ, даетъ больше свѣдѣній, чѣмъ цѣлый томъ изслѣдованія». Дальше говорится о волшебной силѣ воображенія «резюмировать теоріи» своими «молніями», «однимъ прилагательнымъ изображать цѣлую страну и цѣлую націю» [1]).

Болѣе откровеннаго и чистосердечно-наивнаго признанія трудно было бы ожидать даже отъ самаго лирическаго и юношески-пылкаго поэта. Стремительный *бѣгъ* къ «общей идеѣ», *выборъ* фактовъ, необходимыхъ только для этой идеи, *воображеніе* вмѣсто изслѣдованія, *быстрота* рядомъ съ *научностью*, все это было бы совершенно невѣроятно, если бы яснѣйшими чертами не было изображено самимъ авторомъ, а главное—вполнѣ послѣдовательно оправдано на практикѣ.

Но съ пріемами Тэна *выбирать* факты и стремиться къ общей идеѣ сугубая опасность. Отъ замалчиванія фактовъ до полнаго ихъ извращенія здѣсь одинъ шагъ. Мы долго не кончили бы, если бы стали подробно указывать фактическія недоразумѣнія и невѣдѣнія нашего историка. Ограничимся примѣрами, гдѣ историческая ложь является основой для самаго стремительнаго краснорѣчія.

Говоря о Гоббсѣ, Тэнъ его пессимистическое міросозерцаніе приписываетъ вліянію общества *реставраціи*. А между тѣмъ *Левіафанъ* Гоббея вышелъ въ 1651 году, т. е. *почти за десять лѣтъ до реставраціи*. Представляя необычайно рѣчистую характеристику *англо-саксонскаго* ораторскаго генія, Тэнъ подтверждаетъ ее талантами и рѣчами Борка и Шеридана, какъ разъ—двухъ *ирландцевъ*, а не англо-саксовъ [2]). Если такъ у Тэна пишется исторія, чего же тогда ждать отъ психологіи?

Намъ вполнѣ понятна *молнія воображенія*—*l'éclair de l'imagination*, озарившая Шекспира, и почему критикъ произвелъ безпримѣрно жестокую операцію съ произведеніями поэта: онъ вѣдь только *выбиралъ* факты (choisir parmi les faits) и *бѣжалъ*, не оглядываясь, къ *счастливому прилагательному* (un adjectif bien placé). Все выполнено по программѣ, но только зачѣмъ тогда на книгѣ стоитъ *Исторія англійской литературы*, а не *фантастическія варьяціи на*

---

[1]) *Essai*, 124—5.

[2]) *Ист. англ. лит.* II. 19, 192.

тему англійской литературы? Это несравненно болѣе подходило бы и къ быстротѣ авторскаго «путешествія», и къ «молніямъ», и къ «портретамъ изъ шести строкъ», и къ увеселительному (amuse) характеру изложенія.

XVII.

Тэнъ, стремясь заключить въ формулы и вобрать въ «пригоршню» «генія» и «исторію» всѣхъ націй,—долженъ былъ, разумѣется, съ особеннымъ усердіемъ примѣнить свой методъ къ французской націи. И онъ, дѣйствительно, въ двухъ большихъ трактатахъ занялся этимъ вопросомъ—въ книгѣ о Лафонтэнѣ и въ статьѣ о Расинѣ. Цѣль въ обоихъ случаяхъ одна и та же: пріурочить господствующую способность писателя къ его расѣ, такъ какъ, по теоріи Тэна, «возникновенію» этой способности «содѣйствуютъ три различные источника—*раса, среда* и *моментъ*».

Лафонтэнъ и Расинъ... достаточно произнести одни имена, чтобы у читателя явился вопросъ: эти писатели не имѣютъ между собой ничего общаго—по характеру литературной дѣятельности и по личному нравственному міру—какъ же они *оба* могутъ быть продуктами одного и того же расоваго генія?

Конечно, не могутъ, даже молніи тэновскаго воображенія не въ состояніи здѣсь испепелить неотразимую истину. Но для насъ есть другой исходъ, чрезвычайно простой: по каждому изъ данныхъ случаевъ нарисовать «портретъ» французской націи съ цѣлесообразнымъ *выборомъ фактовъ.* Для Лафонтэна это будетъ одинъ французскій національный геній, для Расина другой такой же французскій національный геній. Окажется нѣкоторое противорѣчіе и даже несообразность, но зачѣмъ же тогда нашъ критикъ *absorbé*, т. е. философъ, загипнотизированный извѣстной идеей? Да здравствуетъ система, «методъ», а тамъ погибай весь міръ, не только подлинная французская географія и исторія.

Книга о Лафонтэнѣ едва-ли не самое симпатичное произведеніе Тэна, именно потому, что въ немъ кое-гдѣ мелькаетъ духъ осторожности и скромности. Правда, только въ началѣ, но для Тэна и этого много. Онъ, напримѣръ, идею расы называетъ *литературной истиной*, т. е. научно-недоказанной, но немедленно удостовѣряетъ, что «отъ климата и почвы зависитъ весь человѣкъ», и человѣкъ гораздо больше, чѣмъ животныя: у него больше способностей, онъ получаетъ болѣе глубокія впечатлѣнія, вообще «духъ воспроизводитъ природу» [2]). А дальше—идея расы кладется въ основаніе всѣхъ разсужденій безъ всякихъ оговорокъ: очевидно—мелькнулъ было *lucidum intervallum* и безслѣдно потонулъ въ первоначальной idée fixe.

Какъ же уловить генія французской расы? Необычайно легко;

---

[1]) *La Fontaine et ses fables.* Paris. 1861, 7, 8, 9.
[2]) *Ib.* Chap. IV.

стоитъ совершить путешествіе по Шампани: эта провинція *подлинная Франція—la véritable France* и ея природа, характеръ населенія воспроизведутъ предъ вами сущность французскаго духа. Это ничто иное, какъ—*галльскій духъ, l'esprit gaulois*—веселый, поэтическій, остроумный, граціозный, нравственно-легкомысленный, умственно наивный, однимъ словомъ, геній fabliaux, изящныхъ разсказовъ, исполненныхъ ироніи, легкой чувственности, тонкаго художественнаго вкуса. Но Лафонтэнъ родился въ Шампани, слѣдовательно, изобразивши шампанцевъ, вы описали Лафонтэна «почти цѣликомъ и заранѣе», т. е. даже не ознакомившись съ его произведеніями.

Такимъ образомъ Лафонтэнъ истинно-національный поэтъ. Но вы припоминаете, что геніальный баснописецъ не пользовался уваженіемъ и любовью у своихъ современниковъ, былъ совершенно заслоненъ блескомъ классиковъ и даже его жанръ не признавался оффиціальной теоріей словесности, *Поэтическимъ искусствомъ* Буало.

Какъ же это объяснить? Тѣмъ болѣе, что у Корнеля и Расина нельзя отрицать ни славы, ни національной популярности до послѣднихъ дней. Впослѣдствіи это будетъ доказывать самъ Тэнъ,—но теперь горе классицизму!

Онъ—не національнъ, не народенъ и не популяренъ. Это «версальская литература»—*C'est la littérature de Versailles.* Классики писали «для извѣстнаго класса, а не для націи». Мало этого. По мнѣнію критика,—вообще вся французская литература въ лицѣ «великихъ писателей» чужда самой націи. „Она дѣтище латинской наносной культуры, а не галльскаго духа, т. е. не самого національнаго генія. Послѣ классицизма — «версальской литературы» явился романтизмъ, «парижская литература», и все-таки не французская. «Кромѣ парижанъ и космополитовъ кто наслаждается нашей литературой», спрашиваетъ Тэнъ,—«нашей живописью, нашей музыкой, столь выработанными, столь научными, столь психологичными?» Выводъ такой: «Наша литература такъ же, какъ и наша религія и наше правительство, скорѣе наслоены, чѣмъ вкоренены въ націю». Мы можемъ спросить, что же это за нація, не выработавшая въ теченіи, по крайней мѣрѣ, двадцати вѣковъ ничего національнаго—въ самыхъ основныхъ областяхъ нравственнаго развитія? Неужели вся истинно-національная культура Франціи такъ и ограничилась fabliaux, мистеріями, сказками и нѣкоторыми чертами въ произведеніяхъ Раблэ, Мольера, Лафонтэна и Вольтера и «можетъ быть отчасти» Беранже?

Вѣдь это значитъ *l'esprit gaulois* сводить на уровень первобытнаго инстинкта номадовъ, поэтическаго и жизненнаго, но для гражданской цивилизаціи совершенно безплоднаго. Можетъ быть, урожденцы Шампани — въ томъ числѣ Лафонтэнъ — дѣйствительно неисправимыя дѣти природы и сказочники, хотя и себѣ на умѣ,—но развѣ Шампань *вся Франція* и ея сказанія—*исторія* всей страны? Мишле также изображаетъ родину «благороднаго напитка» съ ве-

ликой любовью, называетъ ее «послѣднимъ и наиболѣе нѣжнымъ плодомъ Франціи», но онъ далекъ отъ мысли сливать съ ней идею вообще о французскомъ геніи. Онъ находитъ три типа въ этомъ геніи: провансальскій, бургундскій и шампанскій, *l'ivresse spirituelle, la rhetorique bourguignonne, la grace et l'ironie champanoise* [1]). Вотъ сколько, по мнѣнію историка, чертъ во французскомъ характерѣ! И здѣсь одинаково найдется мѣсто — и пламенному трибуну Мирабо, и риторической поэзіи классиковъ, и наивному юмору «галловъ», найдется мѣсто и болѣе сложнымъ натурамъ, въ родѣ Вольтера—классика и несомнѣннаго «галльскаго генія», Дидро—ритора и добродушнѣйшаго мечтателя.

Тэну нужно «въ шести строкахъ» изобразить всю Францію и все истинно-французское, и онъ болѣе чѣмъ когда-либо *выбираетъ факты*, просто беретъ одну провинцію и создаетъ цѣлый рядъ общихъ идей—*господствующую способность* Лафонтэна, неотразимое вліяніе *естественныхъ условій* на человѣка, а потомъ и полную зависимость произведеній писателя отъ *момента*. Лафонтэнъ, оказывается, въ басняхъ рисовалъ исключительно типы современнаго общества...

Мы не станемъ разбирать тэновскія соображенія на счетъ отраженія въ басняхъ Лафонтэна разныхъ сословій при Людовикѣ XIV: всѣ эти соображенія построены также на *выборѣ фактовъ*, т. е. просто—басенъ писателя. Для насъ важны основы тэновской критики и крайняя ихъ неустойчивость у самого автора. Мы только что принуждены были видѣть въ *l'esprit gaulois* національный геній Франціи и въ Лафонтэнѣ его подлиннаго представителя, причемъ классицизмъ осуждался, какъ явленіе наносное, классовое, случайное. Обратимся къ статьѣ о Расинѣ [2]). Онъ уже извѣстенъ намъ подъ именемъ «версальскаго» поэта, писателя не болѣе какъ «литературной формы» и «одного вѣка»... Теперь въ самомъ началѣ статьи читаемъ:

«Какъ Шекспиръ и Софоклъ, Расинъ — національный поэтъ; нѣтъ ничего болѣе французскаго, чѣмъ его театръ; мы находимъ здѣсь типъ и форму нашихъ чувствъ и нашихъ нравственныхъ качествъ. Гибель монархическихъ правилъ не повредила ему; даже при нашей демократіи онъ сохранитъ свою славу; его геній - образъ нашего генія; его произведенія—исторія нашихъ страстей; онъ близокъ намъ своими недостатками и своими достоинствами; онъ для нашей расы лучшій истолкователь сердца» [3]).

Кажется,—достаточно? Примите во вниманіе, что раньше именно *Шекспиръ* противоставлялся въ качествѣ національнаго поэта—ненаціональному классицизму [4]). А теперь—французской расѣ приходится подыскать себѣ другой *духъ* и *геній*, отнюдь не галльскій

[1]) O. c. 76.
[2]) О Расинѣ—*La Fontaine*, 345.
[3]) *Nouveaux essais de critique.* Paris 1880, 171—2.
[4]) *La Fontaine*, 59.

и не лафонтэновскій. «Талантъ хорошо говорить, вотъ духъ этой расы. Его имя—ораторскій разумъ (la raison oratoire), его слава состоитъ въ томъ, чтобы составлять красивыя рѣчи».

И немедленно мы узнаемъ совсѣмъ уже неожиданную новость: классическій вѣкъ именно и есть самый національный вѣкъ, т. е. царство версальцевъ, салоновъ, раньше, повидимому, ничтожное сравнительно съ націей, галльскимъ духомъ,—теперь распространяется на всю *расу*. И дальше начинаются разсужденія, безъ всякихъ ограниченій смѣшивающія воедино классицизмъ и національно-французскій геній, семнадцатый вѣкъ и все культурное развитіе страны... И все равно, какъ раньше классики и романтики признавались одинаково не національными явленіями, а версальскими или парижскими, — теперь Викторъ Гюго націоналенъ именно потому, что его стиль—тотъ же ораторскій стиль классиковъ.

Стиль и вѣчно стиль: теперь онъ отвѣчаетъ за всю французскую національность и цивилизацію, — и въ роли *преобладающей способности* Расина и классиковъ совершаетъ даже больше чудесъ, чѣмъ у Ливія. Римскій историкъ — ораторъ-республиканецъ: онъ даже и сталъ историкомъ, чтобы сохранить за собой республиканское краснорѣчіе въ эпоху монархической власти. Расинъ тоже ораторъ, но совершенно противоположнаго направленія. Мы бы сказали,—именно въ этихъ направленіяхъ и заключается сущность натуры двухъ писателей. Нѣтъ, по мнѣнію Тэна, все дѣло въ *ораторствѣ*, остальное настолько неважно, что авторъ не считаетъ нужнымъ даже оговориться. Вѣдь у Ливія краснорѣчіе вызвало республиканскія рѣчи, а у Расина—придворную лесть, какъ же это могло произойти, если *основа* всѣхъ нравственныхъ чертъ писателей—только ихъ склонность къ краснорѣчію?

Отвѣта нѣтъ, но начинается пространная характеристика *классическаго духа*, т. е. классическаго стиля. Безпрестанно читаемъ: *le désir de parfaitement parler, le stile agréable, le stile exact et noble*,—и рядомъ такія явленія:

Декартъ, основатель критической философской школы, какъ извѣстно, смирился предъ авторитетомъ церкви. Почему? На простой взглядъ по той самой причинѣ, по какой вообще во всякія времена бываютъ мужественные и малодушные мыслители. Тэнъ думаетъ иначе. Декартъ испугался только потому, что онъ классикъ, а классическій стиль ораторскій, т. е. ничего не создаетъ, а только доказываетъ, развиваетъ, вообще ведетъ процесъ—*пледируетъ*», стремится кромѣ того къ *порядку* и *точности*. «Если французъ переходитъ эти предѣлы, —только потому, что ясность стиля увлекаетъ его»... Придворные Людовика XIV изнываютъ, доискиваясь смысла какого либо случайнаго изреченія короля. Вы подумаете, потому, что таковъ ужъ инстинктъ этихъ гражданъ. Отнюдь нѣтъ: вся причина въ «желаніи отлично выражаться». Потомъ,—всѣ вообще умы въ классическій вѣкъ «дисциплинированы», даже въ литера-

турѣ существуетъ «оффиціальная піитика», «мундиръ», и она устраняетъ совершенно народъ съ драматической сцены, допускаетъ его лишь въ роли безмолвныхъ слугъ, наперсниковъ изображаетъ не людьми, а мебелью, героевъ обязываетъ преклоняться предъ знатнымъ происхожденьемъ, и даже чувство любви ставитъ въ зависимость отъ этого вопроса: все это результатъ «красиваго» стиля, «любовнаго стиля» «умѣнья хорошо говорить» [1]).

Насъ не можетъ изумить подобная философія: мы съ ней уже имѣли дѣло по поводу Тита Ливія. И тамъ, и здѣсь авторъ будто безсознательно—одновременно съ торжествомъ *краснорѣчія* употреблялъ странныя выраженія, повидимому весьма для него невыгодныя. Въ статьѣ о Расинѣ говорится о «природѣ, извращенной *аристократическими требованіями*», о «*титулѣ*, подавляющемъ природу», о томъ, что «Расинъ обладалъ *сердцемъ и умомъ* вполнѣ монархическими», что при Людовикѣ XIV «*добродѣтель заключалась въ повиновеніи*» и «*души полагали благородство не въ сопротивленіи, а въ низкопоклонствѣ*» [2]).

Неужели и это все благодаря «ораторскому разуму» и стилю? Но вѣдь въ тотъ же вѣкъ Лабрюйэрь писалъ не менѣе «красивымъ стилемъ», чѣмъ г-жа Севиньи,—и между тѣмъ у него правдивѣйшее изображеніе современныхъ аристократическихъ пошлостей и пороковъ, и народныхъ бѣдствій, а у нея невѣроятно тупое равнодушіе къ вопіющимъ общественнымъ язвамъ эпохи и чисто-восточное раболѣпіе. Очевидно, *savoir bien parler* здѣсь непричемъ, а именно *сердце*, *умъ* и извѣстныя *понятія* о природѣ и благородствѣ. На эти именно данныя и слѣдовало бы направить Тэну свой критическій анализъ и хотя бы даже «молніи воображенія»,—тогда ему не пришлось бы для объясненія ханжества Расина въ послѣдніе годы жизни и его отвращенія къ театру и литературѣ прибѣгать уже не къ стилю, а къ *натурѣ* писателя.

Въ результатѣ,—вся статья оказывается новымъ преднамѣреннымъ опытомъ надъ лишней жертвой. Мы съ этой статьей еще встрѣтимся: по сравненію съ книгой Лафонтэна она любопытна не только критическимъ содержаніемъ, но и *политикой* автора. Это, какъ увидимъ, крайне могущественный элементъ въ развитіи преобладающей способности Тэна, несравненно болѣе вліятельный, чѣмъ вся его философія и ученость.

Итакъ,—идеи *преобладающей способности* и *расы* у нашего критика постигла въ высшей степени странная участь. Авторъ до послѣдней степени упростилъ задачу—отыскать *faculté maîtresse* у какого угодно писателя,—воспользовался правиломъ—*слогъ это человѣкъ*, но и здѣсь не съумѣлъ для одной и той же преобладающей способности удержать одно опредѣленіе, видоизмѣнялъ и приспособлялъ его сообразно съ предметами, потомъ выводилъ изъ одной и

---

[1]) N. *Essais*, 174, 177, 178, 186—7, 191.
[2]) *Ib*. 192, 194, 216—7.

той же *внѣшней основы* совершенно различныя и даже противоположныя *нравственныя*, *общественныя* и *политическія* явленія, такъ что въ конечныхъ выводахъ, при самомъ свободномъ *выборѣ*, точнѣе подборѣ фактовъ,—предложенная *преобладающая способность* исчезала за другими болѣе существенными и рѣшающими.

То же самое съ идеей *расы*. Авторъ для одной и той же расы. притомъ, надо полагать, ему наиболѣе близкой и знакомой,—далъ двѣ разныя характеристики *національнаго генія*, подгоняя эти характеристики къ взятымъ темамъ. Несомнѣнно, подобные пріемы и результаты могли только дискредитировать извѣстные принципы и совершенно естественно должны были вызвать сильнѣйшій отпоръ и безусловное отрицаніе. Идея расы и внѣшнихъ вліяній, доведенная до нелѣпаго Тэномъ, повела столь же увлекающихся писателей къ другой крайности, къ стремленію—*все извлечь* изъ самаго *произведенія* автора и *изъ авторской души*, эстетическую критику сдѣлать источникомъ изученія внѣшняго міра, вообще первенствующее мѣсто отдать *личности*, а не *средѣ* [1]).

Сторонники этого взгляда также претендовали на научность, называли свою критику даже «наукою наукъ», т. е. нисколько не уступали Тэну въ вопросѣ о «вѣчно-звучащей аксіомѣ»,—и уже этимъ подписывали свой приговоръ. Правды одинаково нѣтъ ни въ Тэнѣ ни въ Анти-Тэнѣ. Въ комъ она и явится ли она когда—«подлинная и ясная, какъ монета», по выраженію Натана, — рѣшать теперь не наше дѣло. Мы ограничимся указаніемъ, какъ рѣшается вопросъ о расѣ и внѣшнихъ вліяніяхъ, несомнѣнно, достовѣрнѣйшимъ свидѣтелемъ положительной науки.

«Отличительные признаки каждой изъ человѣческихъ расъ крайне измѣнчивы... Едва ли можно найти одинъ признакъ, который характеризуетъ какую либо расу и остается постояннымъ.. Различныя расы постепенно переходятъ одна въ другую, во многихъ случаяхъ (на сколько мы можемъ судить) совершенно независимо отъ происшедшихъ между ними скрещиваній» [2]).

Такъ пишетъ Дарвинъ, имѣя въ виду не культурныя націи. Что же сказать, принявъ во вниманіе неотразимое уравнивающее вліяніе цивилизаціи, въ особенности на европейскіе народы? Даже въ наше время, когда исторія общеевропейской культуры считаетъ всего нѣсколько вѣковъ, типъ космополита въ лучшемъ смыслѣ слова, вообще типъ просвѣщеннаго европейца,—явленіе весьма обычное, и несомнѣнно восемнадцатый вѣкъ обнаруживалъ вѣрное историческое чутье, когда мечталъ о космополитическомъ объединеніи всего міра. Оно, конечно, неограниченно далеко, — но путь къ нему прокладается каждой эпохой въ развитіи разума и науки, и рѣзкія расовыя отличія все больше теряютъ рѣшающее вліяніе на отдѣльныхъ членовъ культурныхъ гражданскихъ обществъ.

Тотъ же Дарвинъ говоритъ слѣдующее о внѣшнихъ естественныхъ вліяніяхъ: «Если мы бросимъ общій взглядъ на человѣческія расы, распредѣленныя по землѣ, то должны будемъ согласиться,

---

[1]) Книга Эннекэна *Опытъ построенія научной критики* (Эстопсихологія). Спб. 1892.

[2]) *Происхожденіе человѣка* I, 171—2.

что ихъ характеристическіе признаки не могутъ быть объяснены прямымъ вліяніемъ различныхъ условій жизни даже въ томъ случаѣ, еслибы они подвергались этимъ вліяніямъ въ продолженіе громадныхъ періодовъ времени. Эскимосы питаются исключительно животной пищей; они одѣты въ толстыя кожи и подвергаются вліянію жестокаго холода и продолжительной темноты. Не смотря на это, они не отличаются въ очень рѣзкой степени отъ жителей южнаго Китая, питающихся одной растительной пищей и живущихъ почти безъ всякой одежды, среди жаркаго, можно даже сказать палящаго климата» [1]).

И дальше слѣдуетъ еще нѣсколько примѣровъ, они опять взяты изъ жизни дикарей. Но если дикари, часто совершенно безпомощные противъ стихійныхъ явленій, такъ мало поддаются ихъ воздѣйствію,—что же сказать о быстро возрастающей власти культурныхъ народовъ надъ природой—и прежде всего европейцевъ? Вся исторія цивилизаціи въ сущности исторія побѣдъ человѣческаго разума надъ природой. Милль первою отличительной чертой экономическаго прогресса считаетъ—«безграничное возрастаніе власти человѣка надъ природой» [2]). Бокль краснорѣчиво доказываетъ ту же идею—именно для Европы, гдѣ силы природы вообще не отличаются подавляющимъ могуществомъ. Историкъ даже заключаетъ, что «изъ двухъ разрядовъ законовъ, управляющихъ развитіемъ рода человѣческаго, духовные важнѣе физическихъ» [3]).

Можетъ быть, авторъ и увлекается своей идеей —но его увлеченіе несомнѣнно ближе къ дѣйствительнымъ фактамъ и научнымъ выводамъ, чѣмъ «математически точныя» формулы Тэна. Англійскій историкъ, съ необычайной скромностью подкрѣпляя свои соображенія чужими авторитетами, ни на шагъ не отсталъ отъ современнаго ему уровня знанія,—французскій критикъ, безпрестанно толкуя объ открытіяхъ и строжайшей научности,—на самомъ дѣлѣ остался въ рядахъ Мишле, Кузэновъ, т. е. писателей ранней эпохи. Они вполнѣ естественно могли допускать опрометчивыя соображенія: ихъ учителями были еще энтузіасты и пророки XVIII-го вѣка. Но Тэнъ, младшій современникъ позитивизма и ученикъ естествознанія—совершилъ непростительный промахъ, впадая въ иллюзіи имъ же самимъ развѣнчиваемыхъ «поэтовъ» и «метафизиковъ».

Но, можетъ быть, онъ восполнилъ свои «ложные шаги» въ самыхъ зрѣлыхъ трудахъ—въ историческихъ. Можетъ быть, *Происхожденіе современной Франціи*, поглотившее послѣднія десятилѣтія жизни нашего автора, явили, наконецъ, публикѣ истиннаго ученаго и философа,—тѣмъ болѣе что самъ Тэнъ смотрѣлъ на свою исторію революціи и имперіи, какъ на почетнѣйшій и важнѣйшій памятникъ своей дѣятельности?

И. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) *Ib.* 184, 188.
[2]) *Princ. of. Pol. Econ.* II, 247.
[3]) *Исторія цивилизаціи въ Англіи* I. 114—118.

Муниципальные этюды.

I.

Старое и новое городовое положеніе.—Развитіе канцелярскаго многописанія.

Прошло только три года со времени введенія въ дѣйствіе городового положенія 11 іюня 1892 года. Срокъ этотъ, конечно, слишкомъ невеликъ для того, чтобы можно было уже съ достаточною полнотою судить о томъ, какъ отразилась городовая реформа на *всѣхъ* отрасляхъ городского хозяйства; но и въ этотъ небольшой срокъ крупные недостатки и практическія несовершенства новаго положенія успѣли уже выйти наружу.

Организованное по положенію 1870 года городское общественное управленіе, при всѣхъ его признанныхъ недостаткахъ, было, во всякомъ случаѣ, органомъ мѣстнаго самоуправленія, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовавшимъ «въ предѣлахъ предоставленной ему власти самостоятельно». De facto, самостоятельность эта часто сводилась къ очень скромнымъ размѣрамъ, но у городского общественнаго управленія, при доброй волѣ и твердомъ желаніи, все-таки была законная возможность отстоять и оградить ее. Хорошо ли, дурно ли исполняли тогда управцы и думцы свои обязанности,—ихъ служба была, во всякомъ случаѣ, службо общественной, и сознаніе ими этого приносило нерѣдко извѣстные плоды. Должностныя лица городского управленія не могли не помнить, что рано или поздно имъ придется держать отвѣтъ передъ думою, и, если стрясется бѣда, то имъ не поможетъ ни чей начальственный авторитетъ. Были даже, наоборотъ, такіе случаи, когда управцы, лично неспособные воды замутить и проявить сколько нибудь энергичную инициативу, вели упорную и настойчивую борьбу за общественный интересъ. Въ свою очередь, бывало, и думцы, хотя бы наканунѣ выборовъ, нѣтъ-нѣтъ да вспомнятъ о томъ, что дѣятельность ихъ будетъ оцѣнена по достоинству не однимъ только небольшимъ кружкомъ связанныхъ общими торгово-промышленными интересами друзей-пріятелей, а болѣе или менѣе широкимъ кругомъ избирателей, и что предъ ними, предъ избирателями, нельзя будетъ оправдать свою бездѣятельность чьимъ бы то ни было противодѣйствующимъ и парализующимъ авторитетомъ. И тогда, конечно,

не рѣдко встрѣчались случаи инертности и сонливой бездѣятельности, но то не была бездушная канцелярская мертвечина, то не была подмѣна живого дѣла усиленнымъ бумажнымъ производствомъ, перепискою и отпискою, отношеніями, представленіями и объясненіями, а прямая инертность и бездѣятельность въ ихъ голомъ, неприкрашенномъ и незамаскированномъ видѣ, не требовавшія, по крайней мѣрѣ, расходовъ на усиленные канцелярскіе штаты, чернила и бумаги.

Городовая реформа 1892 года положила въ основаніе городского общественнаго управленія иныя начала. Самостоятельность городскихъ учрежденій значительно ограничена новымъ положеніемъ. Практика пошла въ этомъ отношеніи—какъ это часто замѣчается при извѣстныхъ условіяхъ — еще дальше опредѣленій закона. Должностныя лица нынѣшняго городского управленія хорошо помнятъ, что они—состоящіе на государственной службѣ чиновники, надъ которыми виситъ дамокловъ мечъ дисциплинарнаго взысканія. Въ свою очередь гласные думы не чужды теперь сознанія того, что они не общественную службу несутъ, а отбываютъ натуральную повинность подъ страхомъ кары за нерадѣніе. Въ силу такого сознанія у немногихъ изъ нихъ является охота прошибать лбомъ стѣну, напрасно затрачивая энергію на составленіе такихъ опредѣленій, которыя *во всякомъ случаѣ* будутъ отмѣнены губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Естественно, что у современныхъ управцевъ выработалась особая система проведенія въ думѣ вопросовъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ: дѣлается намекъ на достовѣрно извѣстное имъ мнѣніе начальства, сообщается какой-нибудь многознаменательный разговоръ съ правителемъ канцеляріи — и дѣло въ шляпѣ. Не обходится иногда, правда, безъ траги-комическихъ qui pro quo и недоразумѣній. Свѣдущій-ли по части начальственнаго настроенія человѣкъ окажется недостаточно освѣдомленнымъ, сами-ли гласные что нибудь перепутаютъ, но, во всякомъ случаѣ, бываетъ и такъ: гласные не безъ огорченія узнаютъ вдругъ, что они постановили рѣшеніе прямо противуположное тому, какое дѣйствительно было желательно «въ губерніи». Въ такомъ случаѣ они спѣшатъ исправить свою ошибку раньше даже, чѣмъ возникнувшій такимъ образомъ конфликтъ выльется въ установленную бумажно-канцелярскую форму, т. е. раньше, чѣмъ успѣетъ получиться надлежащее предложеніе или предписаніе, собираются въ чрезвычайное засѣданіе и новымъ опредѣленіемъ ниспровергаютъ прежнее свое предательское постановленіе.

Что все, здѣсь сказанное, является только вполнѣ объективнымъ обобщеніемъ непреложныхъ фактовъ, выдвинутыхъ живою дѣйствительностью за послѣдніе три года, — подтвердитъ каждый, близко знакомый съ практикой нашихъ современныхъ муниципалитетовъ вообще, а мелкихъ провинціальныхъ въ особенности, и притомъ— знакомый не только какъ посторонній наблюдатель. Равно подтвер-

дитъ онъ тотъ несомнѣнный и въ высшей степени характерный фактъ, что первое, въ чемъ раньше всего сказалось вліяніе городового положенія 1892 года, — это проявившаяся почти повсемѣстно потребность въ увеличеніи штатовъ управскихъ канцелярій. Усиленный притокъ предложеній и предписаній съ одной стороны вызвалъ еще болѣе усиленный отливъ представленій, отношеній, объясненій и т. д.—съ другой. Впрочемъ, не однимъ только этимъ обусловлена проявившаяся повсюду потребность въ расширеніи управскихъ канцелярій.

При дѣйствіи городоваго положенія 1870 года не было заранѣе опредѣленныхъ, предустановленныхъ и предписанныхъ закономъ формъ и порядка муниципальнаго дѣлопроизводства. Въ большинствѣ управъ оно велось такъ, какъ Богъ на душу положитъ, и нужно сознаться, что въ смыслѣ строгой канцелярской формалистики оно изрядно-таки хромало. Городовое положеніе 1892 года также не дало никакихъ обязательныхъ предустановленныхъ канцелярскихъ формъ; исключеніе сдѣлано только для формъ и порядка счетоводства, которые имѣли быть преподаны министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролемъ и представлены правительствующему сенату для объявленія во всеобщее свѣдѣніе (п. 6, прилож. къ ст. 140 город. полож.), однако, до сихъ поръ еще не преподаны, не представлены, не объявлены и даже, насколько извѣстно, еще не выработаны. Но въ то же время городовое положеніе 1892 года заключаетъ въ себѣ 101-ю статью, которою «губернатору предоставляется производить ревизіи управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ общественнаго управленія, а также всѣхъ подвѣдомственныхъ оному учрежденій». Ревизія, конечно, какъ ревизія, съ провѣркою входящихъ и исходящихъ, алфавитовъ, отпусковъ, настольныхъ и т. п. Кто поручится, что не въ надлежащемъ порядкѣ подшитая бумага или перепутанный № входящей не обойдутся городскому головѣ или члену управы гораздо дороже какого нибудь провалившагося по недоразумѣнію городского моста или пары павшихъ отъ безкормицы пожарныхъ лошадей? Вполнѣ естественно, если современные муниципалы изъ простого чувства самосохраненія начали удѣлять особенное вниманіе канцелярскимъ распорядкамъ и направили особенныя усилія на то, чтобы въ этой области, по возможности, все обстояло благополучно. Замѣчательно, что расходившееся маховое колесо канцеляризма втянуло въ себя теперь и гласныхъ думы, прежде стоявшихъ совершенно въ сторонѣ отъ всякой переписки. У современныхъ гласныхъ только и заботы о томъ, чтобы «оформить» свою неявку въ засѣданіе, чтобы своевременно *письменно* (ст. 60) извѣстить о ея причинѣ городского голову, да представить, въ случаѣ требованія, надлежащее письменное о томъ же объясненіе въ городскую думу (ст. 61). Справедливость требуетъ, правда, отмѣтить, что до послѣдняго времени

только что названныя статьи городового положенія примѣнялись очень слабо, и не было еще, кажется, случая, чтобы неявившійся въ засѣданіе гласный подвергнутъ былъ дисциплинарному взысканію по 1440—41 ст. улож. о наказ., какъ это предписывается ст. 61 город. полож.; но нѣкоторыми начальниками губерній уже обращено вниманіе на такое «попустительство» со стороны городскихъ думъ, которымъ и сдѣланы по этому поводу соотвѣтствующія предложенія. Прямымъ послѣдствіемъ послѣднихъ явилась усиленная энергія гласныхъ по составленію извѣщеній, объясненій и усиленное же въ подкрѣпленіе ихъ представленіе... медицинскихъ свидѣтельствъ, нелицепріятно удостовѣряющихъ за надлежащимъ «подписомъ» и «съ приложеніемъ печати», что гласные, избранные по городовому положенію 1892 г., особенно крѣпкимъ здоровьемъ похвалиться не могутъ...

II.

Возрожденіе муниципальной волокиты.—Обращеніе къ исполненію и утвержденію думскихъ постановленій.—Порядокъ установленія таксъ на хлѣбъ и на мясо.

Гдѣ канцеляризмъ, тамъ неизбѣжно и волокита. За послѣдніе три года, какъ фениксъ изъ пепла, возродилась на Руси муниципальная волокита блаженной памяти магистратовъ и шестигласной думы. Обусловливается, однако, ея возрожденіе не однимъ только канцеляризмомъ, насквозь пропитавшимъ муниципальное дѣлопроизводство. Помимо проистекающей изъ этого источника народилась имѣющая несравненно болѣе важное значеніе волокита, прямо предписанная и предопредѣленная городовымъ положеніемъ 1892 г.

По отмѣненному городовому положенію 1870 г. только весьма немногія постановленія для своей дѣйствительности требовали предварительнаго утвержденія ихъ правительственной властью; всѣ остальныя затѣмъ постановленія городской думы ни въ какомъ утвержденіи не нуждались и могли быть приводимы въ исполненіе немедленно, послѣ того какъ состоялись. Иной порядокъ установленъ дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ. Достаточно сличить его ст. 63, устанавливающую предѣлы компетенціи городской думы, съ его же ст. 78 и 79, опредѣляющими, какія и кѣмъ постановленія утверждаются, чтобы убѣдиться во-очію, что нынѣ всѣ сколько нибудь существенныя постановленія нуждаются въ утвержденіи ихъ губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ. Только очень немногія, совершенно пустяковыя, постановленія не подлежатъ утвержденію, да и тѣ могутъ быть приводимы въ исполненіе только при томъ условіи, «если губернаторъ въ *двухнедѣльный*, со дня полученія сихъ постановленій, срокъ не остановитъ ихъ исполненія» (ст. 82). Трехлѣтняя практика уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ, даже соединенныхъ съ губернскимъ городомъ же-

лѣзною дорогою, доказала, что ни одно, самое пустяковое постановленіе не можетъ быть приведено въ исполненіе ранѣе, чѣмъ черезъ 4—5 недѣль, послѣ того какъ оно состоялось. Это легко пояснить простымъ ариѳметическимъ разсчетомъ. Засѣданіе думы состоялось, допустимъ, 1 ноября. На составленіе и подписаніе журнала нужно не менѣе 3 дней и затѣмъ на изготовленіе копіи его для губернатора еще 2 дня. Такимъ образомъ постановленіе будетъ послано губернатору никакъ не раньше 6—7 ноября. Въ губернаторской канцеляріи оно будетъ получено 9-го и записано во входящую 10 ноября. Теперь только и начинается теченіе узаконеннаго двухнедѣльнаго срока. Послѣдній истечетъ такимъ образомъ 25 ноября. Но въ этотъ день постановленіе еще не можетъ быть приведено въ исполненіе; необходимо выждать, по крайней мѣрѣ, еще дня три, пока въ управѣ получено будетъ извѣщеніе губернаторской канцеляріи о неимѣніи препятствій къ его исполненію или о пріостановкѣ его. Слѣдовательно, постановленіе, состоявшееся 1 ноября, можно будетъ обратить къ исполненію никакъ не раньше 29 — 30 ноября. Но мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что въ нашемъ примѣрѣ предположена особенная, рѣдко встрѣчающаяся, быстрота дѣлопроизводства, причемъ въ основаніе вычисленія положена практика одного изъ южныхъ уѣздныхъ городовъ, отстоящаго всего въ трехъ часахъ желѣзнодорожнаго пути отъ губернскаго города. Очевидно, для города, отстоящаго дальше отъ губернскаго центра, или не соединеннаго съ нимъ рельсовымъ путемъ (а такихъ уѣздныхъ и заштатныхъ захолустій на Руси еще десятки)—для такого города къ опредѣленному выше сроку необходимо прибавить, по крайней мѣрѣ, еще недѣлю. Намъ могутъ, правда, указать на то, что мы въ своемъ разсчетѣ напрасно прибавили какихъ то три дня на выжиданіе извѣщенія отъ губернаторской канцеляріи, сверхъ тѣхъ двухъ недѣль, которыя именно для такого выжиданія и назначены закономъ; разъ, скажутъ, 25 ноября истекъ установленный двухнедѣльный срокъ, то выжидать больше нечего. Таковъ, конечно, несомнѣнный буквальный смыслъ закона, но не таковы предписанія жизненнаго опыта. Въ законѣ ясно сказано: «въ двухнедѣльный срокъ», но въ канцеляріяхъ эти слова читаются такъ: «*по истеченіи* двухъ недѣль». И въ практикѣ южнорусскихъ городовъ извѣстенъ уже случай наложенія дисциплинарнаго взысканія на городского голову за то, что онъ, по требованію просителя, отказать въ удовлетвореніи котораго не имѣлъ законнаго права, привелъ въ исполненіе постановленіе думы пунктуально въ срокъ, установленный закономъ, не выждавъ еще нѣсколькихъ лишнихъ дней.

Само собою разумѣется, что для обывателя-просителя опредѣленный выше 4—5 недѣльный срокъ въ дѣйствительности удлиняется, по меньшей мѣрѣ, до *двухъ мѣсяцевъ*. Проходитъ двѣ-три недѣли, пока поданное имъ прошеніе доберется до очередного за-

сѣданія думы (благо еще, если очередныхъ засѣданій не менѣе 12 въ году; обыкновенно-же ихъ бываетъ въ маленькихъ городахъ 8 и не болѣе 10), да съ недѣлю-полторы протянется, пока его извѣстятъ, что постановленіе обращено къ исполненію и ходатайство его можетъ быть, наконецъ, удовлетворено. Что удивительнаго, если обыватель тоскуетъ, изнываетъ, наконецъ, начинаетъ злиться. А такъ какъ относительно новаго городового положенія обыватель пока освѣдомленъ только въ томъ отношеніи, что теперь время «вольницы» миновало, что теперь у городской управы есть начальство и что начальство это, если пожелаетъ, можетъ, помимо думы, прямо и непосредственно предложить управѣ (даже не испросивъ у нея предварительно объясненія) удовлетворить лицо, заявившее жалобу (ст. 144 и 145),—то обыватель, обозлившись, и спѣшитъ къ губернатору съ жалобою на медленность городской управы; жалоба вызываетъ запросъ (который, впрочемъ, необязателенъ), запросъ вызываетъ объясненіе и т. д., словомъ, заведенная ключикомъ жалобы пружина канцеляризма исправно пускаетъ въ ходъ всѣ его колеса.

Такъ обстоитъ дѣло тогда, когда постановленіе думы въ утвержденіи не нуждается. Легко понять, что въ томъ случаѣ, когда постановленіе требуетъ для своей дѣйствительности предварительнаго утвержденія его губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ, время, протекающее отъ момента его составленія до момента его исполненія, приходится исчислять уже не недѣлями, а мѣсяцами. Случается поэтому нерѣдко, что постановленіе думы получаетъ законную силу тогда, когда оно уже потеряло всякій смыслъ и значеніе. Если обстоятельства позволятъ намъ продолжать настоящія замѣтки, то мы въ дальнѣйшемъ встрѣтимъ еще не мало фактовъ, подтверждающихъ это. Считаемъ поэтому возможнымъ въ данную минуту остановиться на первомъ подвернувшемся подъ руку примѣрѣ.

Дѣйствующимъ уставомъ о народномъ продовольствіи городскому общественному управленію предоставляется, въ предупрежденіе непомѣрнаго вздорожанія продуктовъ продовольствія, устанавливать на нихъ таксы. Это, по разъясненію сената, не *обязанность*, а *право* городского управленія: отъ его усмотрѣнія зависитъ установить таксы или-же предоставить опредѣленіе цѣнъ на продукты потребленія «свободному соглашенію» сторонъ—продавцовъ и покупателей. Не касаясь принципіальной стороны вопроса о таксахъ, не затрогивая вопроса о томъ, насколько вообще можетъ быть дѣйствительна и полезна регламентація рыночныхъ цѣнъ, нельзя, во всякомъ случаѣ, отрицать того, что сколько нибудь замѣтное реальное значеніе какія-бы то ни было таксы могутъ имѣть только въ томъ случаѣ, если онѣ устанавливаются не теоретически и произвольно, по наитію и вдохновенію свыше, а исходя изъ данныхъ, существующихъ въ наличности условій, на почвѣ фактическихъ отношеній даннаго рынка, по возможности

отражая ихъ въ себѣ. Но для этого, понятно, безусловно необходимо, чтобы порядокъ и способъ установленія таксъ отличался извѣстной эластичностью. И при прежнемъ городовомъ положеніи онѣ дѣйствительно во многихъ городахъ пересматривались, исправлялись и устанавливались почти ежемѣсячно, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ порядокъ изданія ихъ принятъ былъ слѣдующій. Отъ думы зависѣло рѣшить вопросъ: быть или не быть таксамъ. Если она признавала въ принципѣ необходимость таксъ, то указывала начала, которыми обязательно было руководствоваться при составленіи ихъ. Затѣмъ самая выработка нормъ, составленіе и опубликованіе таксъ, равно какъ надзоръ за исполненіемъ ихъ, все это возлагалось уже на обязанность городской управы. Никто ничего ненормальнаго въ такомъ порядкѣ не усматривалъ и усмотрѣть не могъ, такъ какъ онъ вытекалъ изъ буквы и духа закона. Городовое положеніе 1870 года содержало въ себѣ только одно общее указаніе на то, что установленіе таксъ относится къ кругу вѣдомства городского общественнаго управленія, безъ дальнѣйшаго затѣмъ опредѣленія, какому именно органу его это право предоставляется—думѣ или управѣ. За то городовое положеніе 1892 года выразилось на этотъ случай гораздо опредѣленнѣе и категоричнѣе. Перечисляя въ ст. 78 постановленія думы, подлежащія утвержденію губернатора, оно ясно упоминаетъ также постановленія «о таксахъ на хлѣбъ и мясо». Благодаря этому, сдѣланныя кое-гдѣ попытки сохранить прежній порядокъ увѣнчались полной неудачей. Такъ, напр., Нахичеванская на Дону городская дума, исходя изъ того, что при *восьми* очередныхъ засѣданіяхъ въ году, происходящихъ при томъ то въ началѣ, то въ серединѣ, то въ концѣ мѣсяца, установленіе таксъ самою думою не имѣло-бы никакого смысла, постановила возложить эту обязанность на городскую управу, которую и уполномочила разъ навсегда составлять таксы и представлять ихъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Но Донское областное по городскимъ дѣламъ присутствіе постановленіе Нахичеванской думы отмѣнило, исходя изъ того, что, въ ст. 78 говорится объ утвержденіи губернаторомъ постановленія *думы* о таксахъ, откуда будто-бы нужно заключить, что установленіе ихъ предоставлено исключительно *думѣ*, а не *управѣ*; въ законѣ-же нигдѣ не содержится указанія на то, чтобы дума могла передавать свои полномочія управѣ. Противъ такого толкованія закона, конечно, можно спорить, но никакого значенія, кромѣ чисто теоретическаго интереса, такой споръ не будетъ имѣть, такъ какъ по новому городовому положенію, разъ состоялось постановленіе городского присутствія, то, хотя-бы оно и было обжаловано, оно все-таки немедленно приводится въ исполненіе *). Значитъ

*) Да и вообще путь обжалованья такъ труденъ и тернистъ и чреватъ такими непріятными послѣдствіями, что современные муниципалитеты при

дума, желающая имѣть таксы, должна ихъ сама устанавливать. Значитъ затѣмъ, что таксы на декабрь, напр., должны быть выработаны въ концѣ октября, доложены думѣ, согласно тому-же взятому нами выше примѣру, въ засѣданіи 1 ноября и введены въ дѣйствіе, при самомъ быстромъ дѣлопроизводствѣ, никакъ не ранѣе 8—10 декабря. Значитъ, наконецъ, для того, чтобы таксы на декабрь, выработанныя въ октябрѣ, хотя сколько-нибудь удовлетворяли своему назначенію,—и члены управы, вырабатывающіе ихъ, и гласные думы, ихъ одабривающіе, должны обладать не только глубочайшими политико-экономическими знаніями, но и пророческимъ даромъ предвидѣнья. Такимъ даромъ, однако, они, по всему видимому, не обладаютъ. Этимъ приходится объяснить, почему одни муниципалитеты теперь совсѣмъ отказались отъ системы таксъ; другіе-же, хотя и устанавливаютъ ихъ по традиціи, но не проявляютъ ни малѣйшей охоты слѣдить за ихъ исполненіемъ, отлично сознавая, что при такомъ порядкѣ установленія таксъ онѣ уже окончательно и безповоротно представляютъ собою ломаннаго гроша не стоющую бумажную формальность. Особенно большой бѣды тутъ, впрочемъ, еще нѣтъ, тѣмъ болѣе въ небольшихъ городахъ, гдѣ жизнь относительно дешева. Есть случаи гораздо большей важности, когда обязательность предварительнаго утвержденія думскихъ постановленій и, вообще, установленная положеніемъ 1892 года муниципальная волокита ведетъ къ прямому вреду для городскихъ интересовъ и городского населенія.

III.

Расхищеніе городскихъ земель.—Его способы и пріемы. — Усилившаяся беззащитность городской земли отъ самовольныхъ захватовъ.—«Вздутіе» городскихъ смѣтъ и его причины.

Въ печати неоднократно указывалось на тѣ необычайно широкіе размѣры, которые приняло зло расхищенія городскихъ земель путемъ самовольнаго захвата. Мы не коснемся теперь причинъ этого въ высшей степени интереснаго и характернаго явленія; о нихъ мы надѣемся поговорить особо. Мы въ данную минуту констатируемъ только тотъ фактъ, что на Руси имѣется не мало городовъ, площадь заселенія которыхъ разрослась исключительно путемъ самовольныхъ захватовъ. Извѣстны города (напр., Екатеринославъ, Ростовъ, Таганрогъ), гдѣ въ одну ночь на городской землѣ выростали цѣлые поселки. Ночью на облюбованные заранѣе городскіе, по преимуществу запланные, участки вывозились готовые деревянные срубы и къ утру на вчерашнемъ еще пустырѣ красовались уже десятки домиковъ съ занавѣсками и цвѣтами на

бѣгаютъ къ нему только въ особенно экстренныхъ случаяхъ, когда задѣты уже особенно важные и существенные городскіе интересы.

окнахъ, съ курами и прочей домашней живностью, бродившей по дворикамъ, въ ту же ночь огороженнымъ. За самовольнымъ захватомъ, обычно, слѣдуетъ утвержденіе въ правахъ собственности на захваченный участокъ въ силу земской давности. Въ дѣйствительности послѣдняя очень рѣдко истекаетъ, но это нисколько дѣлу не мѣшаетъ. Провладѣвъ захваченнымъ участкомъ годъ, два, а иногда даже только нѣсколько мѣсяцевъ, самовольный владѣлецъ возбуждаетъ въ окружномъ судѣ ходатайство объ утвержденіи за нимъ участка по праву земской давности. Судъ допрашиваетъ указанныхъ просителемъ свидѣтелей-сосѣдей, въ свою очередь захватившихъ городскую землю и потому вполнѣ солидарныхъ съ просителемъ. Свидѣтели-сосѣди подтверждаютъ фактъ давностнаго владѣнія, а такъ какъ городское управленіе, не имѣющее возможности знать о производствѣ такого дѣла въ судѣ, въ него не вступаетъ и спора не предъявляетъ, то судъ удовлетворяетъ ходатайство просителя; послѣдній получаетъ данную и превращается въ собственника городской земли. Существуетъ, впрочемъ, и другой путь для овладѣнія ею. Лицо, облюбовавшее клочокъ городской земли, выдаетъ вексель другу-пріятелю. Вексель предъявляется ко взысканію, получается исполнительный листъ и затѣмъ, по указанію кредитора, *какъ имущество отвѣтчика,* описывается и продается съ публичнаго торга облюбованный участокъ городской земли. На торгахъ участокъ или остается за кредиторомъ, или покупается подставнымъ отъ отвѣтчика лицомъ, которое, получивъ данную, передаетъ затѣмъ по купчей крѣпости участокъ мнимому должнику. Такимъ образомъ послѣдній оказывается собственникомъ городской земли по формальному акту укрѣпленія.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ пріемы и способы, при посредствѣ которыхъ производится расхищеніе городскихъ земель. Въ распоряженіи городского управленія для борьбы съ этимъ зломъ имѣются два пути: 1) искъ о правѣ собственности и 2) искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. И тотъ, и другой путь труденъ и тернистъ. Кромѣ утвержденныхъ плановъ, у городовъ, обыкновенно, нѣтъ никакихъ актовъ укрѣпленія на принадлежащую имъ землю. И рѣдкій изъ судовъ найдетъ планъ достаточнымъ основаніемъ для признанія за городомъ права собственности на захваченный участокъ, тѣмъ болѣе, что мало такихъ городовъ, застройка которыхъ въ натурѣ соотвѣтствовала бы плану. Не въ менѣе затруднительномъ положеніи оказывается городское управленіе и тогда, когда оно пытается спасти захваченную городскую землю искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Пустопорожніе участки городской земли, обыкновенно, не огорожены и не несутъ на себѣ никакихъ признаковъ фактическаго городского владѣнія. А между тѣмъ, для того, чтобы выиграть искъ, нужно доказать именно это послѣднее. Приходится опираться на такіе шаткіе признаки, какъ то, что участокъ находился будто бы въ

общемъ всѣмъ городомъ пользованіи, что по немъ всякій имѣлъ свободный проходъ и проѣздъ, что по немъ же свободно и безпрепятственно бродилъ обывательскій скотъ и т. п., но все это слишкомъ мало убѣдительно и, естественно, что такіе иски проигрываются десятками. Словомъ, положеніе вещей таково, что въ дѣлахъ о захватѣ городской земли городское управленіе только тогда можетъ надѣяться на успѣхъ, когда оно умудрится какимъ нибудь образомъ изъ роли истца перейти въ положеніе отвѣтчика, т. е., когда оно поспѣшитъ заблаговременно само захватить свой собственный участокъ. Въ такомъ случаѣ лицо, имѣвшее на этотъ участокъ виды и затѣявшее одну изъ описанныхъ махинацій для овладѣнія имъ, оказывается уже, если всетаки желаетъ добиться своего, въ необходимости предъявить городу искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія или о правѣ собственности; но ни своего фактическаго владѣнія, ни тѣмъ болѣе своего права собственности, за отсутствіемъ у него актовъ укрѣпленія, оно, конечно, доказать не можетъ и такимъ образомъ городская земля оказывается спасенной. Мы сказали, «оказывается», но точнѣе было бы сказать «оказывалась» до введенія городового положенія 1892 года. Для поясненія этого примѣромъ, возьмемъ дѣйствительный случай. Городская управа частнымъ путемъ узнала, что предстоитъ захватъ нѣсколькихъ наиболѣе цѣнныхъ городскихъ участковъ и узнала объ этомъ, къ счастью, какъ-разъ наканунѣ очередного засѣданія думы. Чтобы спасти участки, осуществивъ въ какомъ нибудь наглядномъ признакѣ свое фактическое владѣніе, городскому управленію необходимо было ихъ немедленно огородить. Объ этомъ докладывается думѣ, которая и ассигнуетъ потребную на этотъ расходъ сумму. Если бы это случилось во время дѣйствія городового положенія 1870 г., то участки, конечно, были бы въ тотъ же день огорожены. Но мы знаемъ уже, что теперь о немедленномъ исполненіи думскихъ постановленій не можетъ быть и рѣчи. Мало того, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, дѣло особенно усложняется. Суть въ томъ, что на основаніи дѣйствующихъ правилъ о составленіи, разсмотрѣніи и исполненіи городскихъ смѣтъ (п. 1 приложенія къ ст. 140), «всякое постановленіе думы, вызывающее денежный расходъ, не иначе можетъ быть приведено въ дѣйствіе, какъ по внесеніи соотвѣтствующаго кредита въ общую годовую или дополнительную смѣту». Исключеніе сдѣлано только для «постановленій чрезвычайныхъ собраній думы въ случаяхъ особой важности, какъ-то: во время народныхъ бѣдствій, по военнымъ обстоятельствамъ и т. п.». Само собою разумѣется, что какъ ни экстренна была необходимость огородить заборомъ городскіе участки, но этой необходимости нельзя было приравнять ни къ народному бѣдствію, ни къ военнымъ обстоятельствамъ. А такъ какъ расходъ этотъ не былъ, да и не могъ быть предусмотрѣнъ общей годовой смѣтой, то, значитъ, оставалось составить дополнительную

смѣту. Но по дѣйствующимъ правиламъ, «одобренныя или исправленныя думою смѣты и раскладки со всѣми къ нимъ приложеніями и объясненіями представляются губернатору и сообщаются, въ копіяхъ, управляющему казенной палатой, который замѣчанія свои на смѣты и раскладки препровождаетъ на усмотрѣніе губернатора» (п. 12). Затѣмъ уже «губернаторъ или разрѣшаетъ приведеніе смѣтъ и раскладокъ въ дѣйствіе, или, по встрѣченнымъ относительно законности и правильности ихъ сомнѣніямъ, предлагаетъ свои замѣчанія на разсмотрѣніе мѣстнаго по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія» (п. 13). Предоставляемъ самому читателю сообразить, сколько городскихъ участковъ успѣли захватить, пока шла переписка между управляющимъ казенной палатой и губернаторомъ, пока послѣдній увѣдомилъ управу, что онъ разрѣшаетъ привести въ дѣйствіе дополнительную смѣту и, слѣдовательно, огородить участки... давно уже огороженные ихъ новыми собственниками.

Конечно, нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ и, наконецъ, научаетъ, составлять смѣты. Тѣ городскія управленія, которыя успѣли уже на собственномъ опытѣ убѣдиться, въ какомъ глупомъ положеніи оказываются они, когда приходится среди года произвести какой нибудь экстренный расходъ, который, не могъ быть предусмотрѣнъ общей годовой смѣтой, поневолѣ начали изобрѣтать разные способы и средства, которые избавили бы ихъ отъ глупаго положенія. Такихъ средствъ пока найдено два. Одни городскія управленія завели въ своихъ росписяхъ очень крупную статью «на экстраординарные расходы»; другіе, гдѣ такая статья встрѣчена была неодобрительно губернаторомъ или управляюшимъ казенной палатой, прибѣгли къ способу «вздутія» смѣты, т. е., къ систематическому увеличенію всѣхъ смѣтныхъ назначеній противъ дѣйствительной надобности, для того чтобы получить такимъ образомъ возможно большую сумму свободныхъ остатковъ, распоряженіе которыми по новому городовому положенію зависитъ исключительно отъ думы. Послѣдній способъ оказывается наиболѣе удобнымъ потому, что не можетъ вызвать противодѣйствія ни со стороны губернатора, ни со стороны управляющаго казенной палатой; какъ бы ни были вздуты тѣ или другія смѣтныя статьи, но такъ какъ критика ихъ и провѣрка ихъ основаній производится не на городской хозяйственный, а на чиновничій аршинъ, то, очевидно, что ихъ излишняя «полнота» не можетъ быть замѣчена критиками и контролерами.

Что въ данномъ случаѣ городское общественное управленіе, не имѣя возможности перешагнуть черезъ законъ, какъ будто обходитъ его,—это конечно, никто ни станетъ отрицать, но всякій согласится, что его за это нельзя ни громить, ни порицать. Когда законъ обходитъ не частное лицо во имя своихъ личныхъ интересовъ, а учрежденіе, вынужденное къ тому заботой о болѣе правильномъ и нормальномъ ходѣ порученнаго ему общественнаго дѣла,

то ясно, что виною тому не злая воля, а дефектъ самого закона, не соотвѣтствующаго потребностямъ живой дѣйствительности.

IV.

Продажа городской земли.—Ея цѣли и задачи. — Порядокъ отчужденія ея по новому и старому городовому положенію. — Темнота, неясность и запутанность дѣйствующихъ постановленій. — Усиленіе волокиты и ея практическіе результаты.

Мы видѣли, при помощи какихъ способовъ и пріемовъ производилось и производится расхищеніе городскихъ земель. Бывали, конечно, и случаи расхищенія ихъ путемъ думскихъ постановленій, т. е., съ общаго думскаго вѣдома и согласія, когда думское большинство мироволило какому нибудь сильному человѣку, но это бывало только, какъ крайне рѣдкое исключеніе. Какъ общее правило необходимо признать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда городская земля переходила въ частную собственность легальнымъ путемъ, съ вѣдома и согласія думы, для отчужденія ея всегда имѣлись болѣе или менѣе достаточныя основанія. Что касается, напр., продажи городскихъ дворовыхъ участковъ, то во многихъ особенно быстро растущихъ городахъ она являлась весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрной густоты и скученности населенія. Пуская въ продажу сразу десятки и даже сотни участковъ (какъ, напр., въ Екатеринославѣ), городское управленіе тѣмъ самымъ открывало возможность людямъ небольшого достатка, а при льготной продажѣ съ разсрочкой платежа—даже прямо бѣднякамъ, обзаводиться собственнымъ кровомъ, а это въ свою очередь на долго задерживало непомѣрный ростъ квартирныхъ цѣнъ и на многіе годы отодвигало моментъ господства мансардныхъ и подвальныхъ жилищъ, составляющихъ такое громадное зло крупныхъ густо населенныхъ центровъ. Въ нѣкоторыхъ маленькихъ нарождающихся городахъ продажа участковъ имѣла еще и другія цѣли. Въ такихъ городахъ она почти всегда оказывалась удобнымъ средствомъ для привлеченія иногороднихъ и увеличенія такимъ образомъ контингента мѣстнаго городского населенія, что вело въ свою очередь къ росту и развитію городской жизни. Ее практиковали поэтому по преимуществу небольшіе города, расположенные вблизи крупныхъ центровъ съ чрезмѣрно густымъ населеніемъ. Въ результатѣ небольшой городокъ, вмѣсто того, чтобы захирѣть подъ подавляющимъ вліяніемъ своего крупнаго сосѣда, мало по малу, благодаря продажѣ участковъ, разростался, крѣпнулъ, становясь все болѣе независимымъ и самостоятельнымъ. Затѣмъ на нашемъ югѣ, особенно въ сосѣдствѣ съ Донецкимъ бассейномъ, въ связи съ насажденіемъ и развитіемъ здѣсь крупной капиталистической индустріи, въ послѣдніе годы широко начала практиковаться продажа городской земли, частью плановой (уса-

дебной), а главнымъ образомъ запланной (выгонной) подъ устройства разныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій. Между южными городами даже возникла на этой почвѣ довольно серьезная конкурренція: каждый старается отбить у сосѣда и переманить къ себѣ крупное предпріятіе, почему и уступаетъ въ цѣнѣ земли и соглашается на наиболѣе льготныя условія продажи ея. Однако, даже прогадывая въ цѣнѣ, города въ этихъ случаяхъ въ концѣ концовъ все-таки не оставались въ накладѣ: крупное фабрично-заводское предпріятіе давало крупную надбавку къ суммѣ оцѣночнаго сбора, открывало новый источникъ заработка для главной массы городского населенія, оживляло мѣстную торговлю и тѣмъ самымъ въ конечномъ результатѣ опять таки содѣйствовало обогащенію городской кассы. Мы говоримъ все это къ тому, что не было фактическихъ основаній обвинять прежнее городское управленіе, дѣйствовавшее по положенію 1870 г., въ слишкомъ расточительномъ и неосмотрительномъ обращеніи съ городской землею. Наоборотъ, по скольку, по крайней мѣрѣ, дѣло шло о продажѣ дворовыхъ участковъ, городскія думы проявляли даже очень замѣтную скупость и неподатливость. Тогда, какъ и теперь, думское большинство состояло изъ домовладѣльцевъ, которые прямо заинтересованы въ увеличеніи густоты населенія, слѣдовательно, и въ ростѣ квартирныхъ цѣнъ. Естественно поэтому, что думскому меньшинству, стоявшему на стражѣ интересовъ небогатой массы городского населенія, приходилось вести долгую и упорную борьбу, пока удавалось добиться вотума, разрѣшающаго продажу участковъ. Да и такой вотумъ, обыкновенно, получался только тогда, когда чрезмѣрно усилившіеся самовольные захваты городской земли слишкомъ уже громко начинали вопіять о настоятельной и необходимой потребности населенія въ расширеніи площади городского населенія. Не было, слѣдовательно, никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на необходимость установленія въ дѣлѣ отчужденія городской земли еще какихъ либо особенныхъ гарантій противъ думской неосмотрительности, сверхъ установленныхъ городовымъ положеніемъ 1870 г., которое, какъ извѣстно, требовало для дѣйствительности опредѣленій объ отчужденіи земли большинства $^2/_3$ голосовъ при наличности не менѣе половины гласныхъ. Правда, деньгами, вырученными отъ продажи земли, городское управленіе имѣло право распорядиться по своему усмотрѣнію, и дѣйствительно бывали случаи, когда деньги эти расходовались на покрытіе текущихъ городскихъ потребностей, такъ что въ конечномъ результатѣ городъ оставался и безъ земли, и безъ денегъ. Въ данномъ отношеніи, слѣдовательно, въ городовомъ положеніи 1870 года дѣйствительно существовалъ весьма важный пробѣлъ, но его достаточно было бы пополнить постановленіемъ, содержащимся въ новомъ городовомъ положеніи (п. 4 прилож. къ ст. 140), именно требующемъ, чтобы суммы, вырученные

ныя отъ продажи недвижимыхъ имуществъ, обязательно обращаемы были на образованіе запасного капитала, который можетъ быть расходуемъ только въ особомъ порядкѣ и только заимообразно. Однако, новое городовое положеніе не ограничилось этимъ, а пошло гораздо дальше. Если отъ самовольныхъ захватовъ, какъ мы видѣли, теперь городская земля гораздо менѣе ограждена, чѣмъ раньше, то за то гораздо болѣе стѣсненъ путь легальнаго отчужденія ея.

Противурѣчивость характеризируетъ собою относящіяся къ данному случаю статьи городового положенія 1892 года. Пунктомъ 7, статьи 63, этого городового положенія, городской думѣ предоставляется: «отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, а также установленіе правилъ и разцѣнокъ для продажи и выкупа тѣхъ изъ сихъ имуществъ, которыя предназначаются подъ застройку и урегулированіе городского населенія, согласно утвержденному на оное плану». Но затѣмъ, примѣчаніе 1-е къ ст. 79 опредѣляетъ, что «постановленія думы объ отчужденіи земель, всемилостивѣйше пожалованныхъ городу или отведенныхъ ему по распоряженію правительства... приводятся въ дѣйствіе не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ». Никакихъ ограниченій въ себѣ это примѣчаніе не содержитъ, слѣдовательно, дѣйствіе его одинаково распространяется и на выгонную землю, и на землю, входящую въ черту городского поселенія, разъ только и та, и другая всемилостивѣйше пожалована или отведена городу по распоряженію правительства. Но если исключить владѣльческіе города и мѣстечки сѣверозападнаго края, то какъ мало останется городовъ, которые владѣли бы принадлежащей имъ землею по какимъ либо инымъ основаніямъ. Слѣдовательно, если бы выписанное выше примѣчаніе къ ст. 79 примѣнялось на практикѣ во всей его строгости, то въ подавляющемъ большинствѣ городовъ ни одна пядь городской плановой и запланной земли не могла бы быть отчуждена безъ высочайшаго на то соизволенія, что на практикѣ было бы равносильно совершенному воспрещенію продажи городской земли. Чрезвычайная стѣснительность такого порядка и привела къ тому, что съ перваго же дня по введеніи новаго городового положенія, дѣйствіе вышеприведеннаго примѣчанія распространено было установившейся практикою только на случаи продажъ городской выгонной (запланной) земли, хотя, правда, и при такомъ ограниченіи, дѣйствіе этого закона все таки уже сказалось въ томъ, что предприниматели, нуждающіеся въ землѣ для своихъ фабрикъ и заводовъ, особенно, въ случаяхъ экстренныхъ, когда дорогъ каждый лишній день, начали охотнѣе пріобрѣтать ее изъ частныхъ рукъ, избѣгая, по возможности, имѣть дѣло съ городскимъ управленіемъ. Что же касается затѣмъ собственно дворовыхъ участковъ, то та же установившаяся практика до послѣдняго времени съ грѣхомъ по-

поламъ примѣняетъ къ нимъ по преимуществу ст. 78 город. полож.; въ первомъ параграфѣ этой статьи среди постановленій, которыя во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ подлежатъ утвержденію губернатора, указываются также постановленія: «1) объ установленіи разцѣнокъ плановыхъ городскихъ земель, назначенныхъ подъ застройку и урегулированіе городского поселенія и 2) объ условіяхъ выкупа состоящихъ въ безсрочной арендѣ усадебныхъ мѣстъ». Мы сказали «съ грѣхомъ пополамъ», такъ какъ существуетъ еще ст. 79, признающая подлежащими утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ постановленія: «объ отчужденіи принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ, за исключеніемъ маломѣрныхъ мѣстъ, назначенныхъ по плану города подъ застройку частными зданіями и урегулированіе городского поселенія». Однако практика считала возможнымъ игнорировать эти статью, руководствуясь тѣмъ, что редакція ея не совпадаетъ съ редакціей ст. 78, что, дѣлая исключеніе, она по отношенію къ нему не содержитъ въ себѣ ссылки на нее и наконецъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она не содержитъ въ себѣ поясненія, въ какомъ именно смыслѣ понимаются ею «маломѣрныя мѣста». Понимать этотъ послѣдній терминъ въ смыслѣ строительнаго устава, т. е. предполагать, что тутъ идетъ рѣчь объ участкахъ, имѣющихъ менѣе 10 саженей по улицѣ, установившаяся практика вполнѣ резонно не считала возможнымъ, исходя изъ того, что въ статьѣ говорится о «маломѣрныхъ мѣстахъ, *назначенныхъ по плану города подъ застройку*», между тѣмъ какъ маломѣрныя мѣста созданы не утвержденными на города планами, а *вопреки имъ*, практикой жизни; нельзя, кажется, указать такого города, утвержденный планъ на который заранѣе предустановилъ бы скученность построекъ, предназначивъ для нихъ маломѣрныя мѣста. Наоборотъ, большинствомъ утвержденныхъ городскихъ плановъ подъ застройку назначены даже чрезмѣрно большіе, измѣряемые десятинами дворовые участки, которые затѣмъ, по мѣрѣ роста населенія, и дробились на болѣе мелкіе. Въ виду сказаннаго, установившаяся практика и считала возможнымъ, игнорируя противорѣчивую и неясную 79 ст., распространить дѣйствіе ст. 78 на всѣ дворовые участки, независимо отъ ихъ размѣра. Такимъ образомъ, постановленія о продажѣ дворовыхъ участковъ, какого бы то ни было размѣра, не восходили дальше губернаторской канцеляріи. Но такой, относительно, сносный еще порядокъ, практиковался недолго. Ему положилъ предѣлъ разосланный губернаторамъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 25 апрѣля 1895 года, за № 18. Вотъ что гласитъ этотъ циркуляръ: «По одной изъ губерній возникъ вопросъ о томъ, какихъ размѣровъ земельные участки должны считаться въ городскихъ поселеніяхъ маломѣрными. Поводомъ къ возбужденію означеннаго вопроса послужило содержащееся въ ст. 79 город. полож. 1892 г., правило, по которому постановленія городскихъ

думъ, объ отчужденіи принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ (за исключеніемъ маломѣрныхъ мѣстъ, назначенныхъ по плану города подъ застройку частными зданіями и урегулированіе городского населенія), подлежатъ утвержденію министерства внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ виду отсутствія въ законѣ прямого указанія о томъ, какіе участки должны считаться за маломѣрныя, городскія думы нерѣдко собственною своею властью отчуждаютъ въ частную собственность болѣе или менѣе значительные участки городской земли, признавая ихъ маломѣрными. За исключеніемъ изъ свода законовъ ст. 403 уст. строит., опредѣленіе маломѣрныхъ мѣстъ содержится лишь во временныхъ правилахъ (по части строительной), изданныхъ на основаніи высочайше утвержденнаго 26 апрѣля 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта и дѣйствующихъ въ тѣхъ городахъ, въ коихъ не имѣется еще изданныхъ по строительной части обязательныхъ постановленій; на основаніи же ст. 16 сихъ правилъ таковыми мѣстами въ городахъ должны считаться мѣста, имѣющія по улицѣ менѣе 10 саженей, безотносительно къ квадратному содержанію ихъ площадей. Вслѣдствіе сего и въ виду отсутствія въ какихъ либо другихъ узаконеніяхъ подлежащихъ по сему предмету указаній, долгомъ считаю разъяснить вашему превосходительству для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, что вопросъ объ опредѣленіи маломѣрности мѣста долженъ быть разрѣшаемъ примѣнительно къ приведенной статьѣ означенныхъ временныхъ правилъ, *каковою статьею надлежитъ руководствоваться и при изданіи* въ установленномъ порядкѣ въ городахъ *обязательныхъ постановленій* *) по строительной части».

Итакъ отнынѣ, со дня изданія изложеннаго циркуляра, ни одно думское постановленіе, касающееся отчужденія полномѣрнаго участка городской земли, т. е. имѣющаго по улицѣ 10 и болѣе саженей, не можетъ быть приведено въ исполненіе ранѣе, чѣмъ оно будетъ утверждено министромъ внутреннихъ дѣлъ. Легко понять, къ какимъ ведетъ это практическимъ результатамъ. Само собою разумѣется, что менѣе всего ощущаютъ стѣснительность установленнаго циркуляромъ порядка городскія управленія крупныхъ, густо населенныхъ центровъ. Здѣсь, гдѣ продажная цѣна земли очень высока, гдѣ она застраивается дорогими каменными и другими огнестойкими сооруженіями, въ продажу идутъ по преимуществу маломѣрные участки. Въ крупныхъ центрахъ поэтому рѣдкое изъ постановленій восходитъ на утвержденіе министра

*) Такимъ образомъ ограничено, слѣдовательно, и право городского управленія опредѣлять по своему усмотрѣнію маломѣрность участка даже путемъ обязательнаго постановленія, хотя само же министерство признаетъ, что временныя правила не имѣютъ силы тамъ, гдѣ изданы замѣняющія ихъ обязательныя постановленія.

внутреннихъ дѣлъ. Не то въ небольшихъ деревянныхъ и соломенныхъ, не только уѣздныхъ и заштатныхъ, но и захолустныхъ губернскихъ городахъ. Не нужно забывать, что возведеніе сооруженій на маломѣрныхъ мѣстахъ, въ видахъ санитарныхъ и противупожарныхъ, обставлено различными стѣснительными условіями и ограниченіями. Вотъ почему въ небольшихъ городахъ, гдѣ земля дешева и нѣтъ резона застраивать ее цѣнными огнестойкими постройками, въ продажу идутъ по преимуществу полномѣрные участки. Въ такихъ городахъ, слѣдовательно, ни одного участка нельзя теперь продать безъ предварительнаго утвержденія думскаго постановленія объ этомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Покупатель, пріобрѣтая городской участокъ, не только истомится, пока дождется выдачи ему акта укрѣпленія, но и кромѣ того, идя на торги или пріобрѣтая участокъ по вольной цѣнѣ, вручая задатокъ или уплачивая впередъ всю причитающуюся за него сумму полностью, ни сколько не увѣренъ въ томъ, что сдѣлка дѣйствительно состоялась, и что всѣ его труды и хлопоты не пропадутъ напрасно. А въ такомъ случаѣ, что удивительнаго, если онъ старается пріобрѣсти городской участокъ подешевле, разсчитывая, по крайней мѣрѣ, въ цѣнѣ вознаградить себя за тревогу, ожиданія и муку волокиты. Мало того. Иной при другихъ условіяхъ охотно пріобрѣлъ бы городской участокъ легальнымъ путемъ, но теперь соображаетъ, что захватить городской участокъ ему будетъ стоить гораздо меньше труда и хлопотъ, чѣмъ купить его. Словомъ, усиленіе волокиты въ дѣлѣ отчужденія городской земли съ одной стороны привело къ ея обезцѣненію, съ другой—явилось новымъ побудительнымъ мотивомъ къ усиленію захватовъ. И вотъ теперь злополучные мелкіе провинціальные города очутились лицомъ къ лицу съ крайне печальной альтернативой. Имъ приходится одно изъ двухъ: или, поступаясь интересами городской кассы, отчуждать по прежнему только полномѣрные участки, или же, поступаясь интересами населенія, во избѣжаніе волокиты, искусственно дробить продаваемые участки, создавая такимъ образомъ преждевременно, безъ всякой въ томъ необходимости, чрезмѣрную скученность построекъ, безусловно опасную для населенія и въ пожарномъ, и въ санитарномъ отношеніяхъ.

V.

Попытки сократить волокиту.—Журналы думскихъ засѣданій прежде и теперь.—Новѣйшая упрощенная форма ихъ.—Дорого купленная побѣда.

Справедливость требуетъ замѣтить, что сами современные муниципалы, хотя и отбывающіе только натуральную повинность, не чужды однако стремленія, по возможности, сократить обусловленную дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ волокиту. Но тѣ средства,

которыми они располагаютъ для этого, до крайности ничтожны и къ тому же ведутъ въ гораздо большей степени къ отрицательнымъ результатамъ, чѣмъ къ положительнымъ.

При старомъ городовомъ положеніи только особенно захолустные провинціальные города не печатали журналовъ думскихъ засѣданій. Самые журналы составлялись тогда съ большой полнотой и обстоятельностью, заключая въ себѣ не только мотивировку опредѣленій, но и почти стенографическую передачу преній. Кому въ то время приходилось нести обязанности думскаго секретаря, тотъ знаетъ, съ какой придирчивой требовательностью относились тогда гласные къ составленію журнала, какую бурю вызывало иногда одно не записанное секретаремъ слово или неточно переданная имъ фраза, которой ораторъ придавалъ особенное значеніе. Въ этой требовательности было подчасъ много комизма, много кичливости и дутаго пустозвонства, но въ основѣ ея всетаки лежало нѣчто весьма серьезное и безусловно полезное для городского дѣла. Каждый зналъ, что печатные журналы являются зеркаломъ его муниципальной дѣятельности. Каждый помнилъ, что наканунѣ выборовъ избиратели заглянутъ въ эти журналы и подведутъ всему итоги; узнаютъ, кто сколько пропустилъ засѣданій, кто за что ратовалъ, чьи интересы поддерживалъ, противъ чего и во имя чего боролся. И если не заглянутъ въ журналы сами избиратели непосредственно, то это сдѣлаетъ за нихъ и для нихъ мѣстная печать, хотя бы въ образѣ какихъ нибудь жалчайшихъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Наконецъ печатаніе журналовъ имѣло еще и то практическое значеніе, что устраняло случайность и непослѣдовательность думской практики, создавая традицію и закрѣпляя силу прецедентовъ. Каждый добросовѣстно относившійся къ дѣлу гласный, имѣя въ рукахъ печатные журналы думы за прошлое время и потому не вынужденный полагаться только на свою память, получалъ возможность, во 1-хъ, въ необходимыхъ случаяхъ опереться на прошлую думскую практику, во 2-хъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы состоявшіяся думскія постановленія не забывались исполнительными органами городского управленія, а приводились ими въ исполненіе своевременно. Вотъ почему встрѣчавшіяся кое-гдѣ попытки городскихъ управъ съэкономить расходы на печатаніе журналовъ всегда встрѣчали горячій отказъ со стороны гласныхъ.

Съ введеніемъ нынѣ дѣйствующаго городового положенія вскорѣ во многихъ городахъ прекратилось и печатаніе думскихъ журналовъ. Произошло это по двухъ причинамъ. Во 1-хъ, нѣкоторые начальники губерній нашли расходъ на это излишней роскошью, полагая вполнѣ достаточнымъ, чтобы журналы появлялись въ никѣмъ не читаемой оффиціальной части «Губернскимъ Вѣдомостей» и то не подлинникомъ, а въ видѣ простого перечня разсмотрѣнныхъ думою вопросовъ, даже безъ обозначенія состоявшихся по нимъ опредѣленій. Во 2-хъ, нѣкоторыя думы по собственной ини-

ціативѣ прекратили печатаніе журналовъ, такъ какъ оно потеряло смыслъ и значеніе. Это послѣднее произошло въ свою очередь по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, какъ извѣстно, журналы засѣданій могутъ быть печатаемы теперь только съ разрѣшенія губернатора. Но нѣкоторыя губернаторскія канцеляріи, по какому-то странному недоразумѣнію, смѣшали *печатаніе* постановленій съ *приведеніемъ ихъ въ исполненіе.* Благодаря этой канцелярской точкѣ зрѣнія, нѣкоторые начальники губерній разрѣшаютъ печатаніе журналовъ только въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя заключаютъ въ себѣ постановленія, обращенныя къ исполненію, за истеченіемъ двухнедѣльнаго срока. Тѣ же части журналовъ, въ которыхъ заключаются постановленія опротестованныя, или требующія для своей дѣйствительности предварительнаго утвержденія, печатаемы быть не могутъ. Слѣдовательно, печататься могутъ только клочки журналовъ, изъ которыхъ не только нельзя узнать, какія въ данномъ засѣданіи состоялись постановленія, но даже какіе вопросы дебатировались въ немъ; послѣднее можно узнать изъ повѣстки, приглашавшей гласныхъ въ засѣданіе, но отнюдь не изъ его журнала. Такимъ образомъ то зеркало, которымъ гласные когда-то такъ дорожили, перестало отражать дѣйствительность. Естественно, что они отказались отъ него. Теперь, если какому нибудь гласному придетъ особенно сильная охота справиться, какое когда либо состоялось постановленіе по такому то вопросу, то онъ не обращается къ печатному журналу, а идетъ въ управу и справляется по рукописному подлиннику. Понятно, что такіе случаи крайне рѣдки: вѣдь нужно быть особенно горячимъ муниципаломъ, чтобы давать себѣ трудъ ходить въ управу и портить глаза не всегда разборчивою рукописью. Вторая причина, въ силу которой по иниціативѣ самихъ муниципаловъ прекратилось печатаніе журналовъ—все та же муниципальная волокита. Есть такія счастливыя губерніи, гдѣ печатаніе журналовъ не встрѣтило бы ни одного изъ перечисленныхъ «независящихъ» препятствій, но за то сами журналы потеряли свой прежній смыслъ и значеніе, а потому потеряло его и печатаніе ихъ. Составленіе обстоятельнаго и полнаго журнала требуетъ времени, а между тѣмъ при установившейся думской волокитѣ дорога каждая лишняя минута. Выгадать, урвать у этой волокиты одинъ-два дня—и то уже, по мнѣнію наиболѣе горячихъ и нетерпѣливыхъ муниципаловъ, большой успѣхъ. И вотъ начали мало по малу прибѣгать къ такой формѣ журнала, которая даетъ возможность составить и подписать его тутъ же въ засѣданіи и на слѣдующій же день отослать его копію губернатору. Съ каждымъ днемъ все болѣе широкое распространеніе получаетъ думскій журналъ, изложенный въ формѣ предлагаемаго присяжнымъ засѣдателямъ вопроснаго листка. Это листъ бумаги, раздѣленный линейкою вдоль на двѣ части; по лѣвую сторону линейки имѣется надпись: «слушали», по правую—«опредѣлили». Подъ рубрикой «слушали» вписывается оглавленіе вопроса, выслушаннаго думою,

иногда даже безъ краткаго изложенія его сущности, а подъ рубрикой «опредѣлили»—сжатое, сухое и лаконическое опредѣленіе безъ всякой мотивировки. Такой журналъ, напечатанный даже безъ пропусковъ, стоитъ ровно столько же, сколько и не напечатанный,—значитъ, незачѣмъ его и печатать.

Таково средство, которое придумали современные муниципалы для борьбы съ волокитой, и такова побѣда, одержанная ими надъ нею! Побѣда, конечно, совершенно жалкая и мизерная, побѣда, рѣшительно не стоющая того, чѣмъ ради нея пожертвовано. А пожертвовано ради нея всей тою несомнѣнною пользою, которую приносило дѣлу печатаніе журналовъ, и прежде всего—интересами гласности.

Гр. Шрейдеръ.

Народно-хозяйственные наброски.

XXXI. Крестьянинъ о крестьянской жизни.—XXXII. Кое-что изъ хозяйственнаго быта полтавщины.

XXXI.

Мы много говоримъ о хозяйственной жизни крестьянства, изучаемъ ее, разбираемъ, предлагаемъ тѣ или другія мѣры къ ея улучшенію. При этомъ данными для нашихъ сужденій служатъ изслѣдованія и отзывы лицъ, соприкасающихся съ народной жизнью. Встрѣчаются у насъ, конечно, и мнѣнія, не основанныя на такихъ изслѣдованіяхъ русской деревни. Но не о нихъ я говорю. Та литературная группа, которая желала-бы оберегать народную жизнь отъ всякой ломки, декретированной извнѣ, эта группа, какъ извѣстно, выдвигаетъ научное изученіе дѣйствительности сказанныхъ отношеній, изученіе тѣхъ реальныхъ процессовъ, которые совершаются въ народной жизни. По этимъ соображеніямъ каждое фактическое изслѣдованіе послѣдней является весьма цѣннымъ, если оно освѣщаетъ какую нибудь ея сторону, при помощи надлежащихъ пріемовъ научной работы, достаточно обставляющихъ его достовѣрность.

Конечно, массовыя изслѣдованія крестьянскаго хозяйства и быта и составляютъ тотъ главнѣйшій научный матеріалъ, на основаніи котораго можно и должно дѣлать обобщенія. Но на ряду съ ними могутъ освѣщать явленія и отдѣльные отзывы заинтересованныхъ лицъ, ихъ сужденія о современной жизни, въ которой имъ самимъ приходится принимать участіе. Читающей публикѣ вообще почти не приходится слышать мнѣній самаго крестьянства

о его хозяйственномъ бытѣ. Между читателемъ и крестьяниномъ стоитъ мѣстный изслѣдователь, сообщающій первому лишь общіе выводы своего непосредственнаго знакомства со вторымъ. Отсюда — съ одной стороны возможность ошибочныхъ заключеній, если изслѣдователь, не знакомый съ научными пріемами изслѣдованія, позволяетъ себѣ дѣлать недостаточно обоснованные выводы *), а съ другой — возможность неосновательнаго обвиненія научно-обоснованнаго изслѣдованія въ предвзятыхъ обобщеніяхъ. Въ силу этихъ возможностей всегда бываетъ весьма любопытно непосредственно ознакомиться съ тѣмъ, что-же думаетъ о своей жизни самъ объектъ литературныхъ и иныхъ контраверсовъ и заботъ — крестьянинъ. Крестьянскія мнѣнія въ печати—вещь весьма и весьма рѣдкостная; думается, что если-бы ихъ было побольше, сдѣлались-бы невозможными многіе споры и возраженія, встрѣчающіеся теперь; деревенскія нужды стали-бы яснѣе для многихъ, которые теперь, повидимому, съ ними плохо знакомы.

Поэтому я думаю, что я просто не смѣю не подѣлиться съ читателемъ высоко интересной рукописью одного крестьянина, случайно имѣющеюся въ моемъ распоряженіи. Содержаніемъ ея служатъ существеннѣйшіе вопросы, волнующіе теперь деревенское населеніе; написана она съ достаточной полнотой и обстоятельностью. Передалъ ее въ мои руки одинъ мой хорошій знакомый — почтенный статистикъ, по просьбѣ котораго она и была написана. Авторъ рукописи—крестьянинъ Скопинскаго уѣзда Рязанской губерніи, человѣкъ средняго достатка, не кулакъ, не «промышленникъ», но, по крестьянски, и не бѣднякъ; имѣетъ уже взрослыхъ сыновей; грамотенъ, почитываетъ, что можетъ; служитъ старшиной. Все это указываетъ на то, что онъ могъ на вѣку успѣть многое видѣть, испытать и понаблюдать лично. Рукопись свидѣтельствуетъ о способности его вдумываться въ окружающую жизнь, связывать свои отдѣльныя наблюденія, обобщать, дѣлать выводы. Я не видалъ его лично, но на основаніи разсказовъ о немъ воображаю его себѣ типичнымъ представителемъ средняго «родоваго» крестьянства, «коренникомъ», вдумчивымъ, мыслящимъ, крѣпко привязаннымъ къ своему хозяйству, къ землѣ, къ міру, къ «крестьянству». Типъ — достаточно знакомый деревенскому человѣку. Я не буду приводить его рукопись цѣликомъ, такъ какъ въ ней, конечно, страдаетъ систематичность изложенія, встрѣчается немало длиннотъ и повтореній. Я постараюсь, однако, познакомить читателя безъ пропусковъ со всѣми встрѣчающимися въ ней указаніями и обобщеніями, а въ цитатахъ позволю себѣ лишь одни ороографическія исправленія, хотя, спѣшу оговориться, подлинникъ написанъ сравнительно весьма грамотно.

---

*) Что бываетъ нерѣдко съ тѣми, такъ называемыми «людьми практики», которые позволяютъ себѣ обобщать немногочисленные случайно извѣстные имъ факты.

Заглавія рукопись не имѣетъ; состоитъ изъ четырехъ частей на 15 писчихъ листахъ.

«Въ послѣднее время,—такъ начинаетъ нашъ авторъ,—стало очевидно замѣтно, и отчасти мнѣ, какъ крестьянину, (пришлось) испытать на себѣ, что съ году на годъ увеличиваются между нами, крестьянами, бѣдность и частыя голодовки, а за ними общій упадокъ хозяйства и разореніе». «Да, дурно и неприглядно сравнительно съ прежнимъ наше настоящее состояніе». Рядомъ съ этимъ замѣчаются, по словамъ автора, и нѣкоторыя нежелательныя бытовыя явленія: «нонишніе готовы какъ-бы чужимъ поживиться, выпросить чего-либо въ займы да затянуть, да не отдать; прежде бывало у насъ не знали ни росписокъ при займахъ, ни условія при наймѣ, а все дѣлалось по совѣсти, по Божьему, хорошо, а ноньче такъ постоянно суды да тяжбы; иной нахватаетъ долговъ у десяти человѣкъ и вертится между ними, какъ вьюнъ, или наймется къ тремъ сразу хозяевамъ на работу, да ни къ кому изъ нихъ не пойдетъ».

Эти явленія заставляютъ автора остановиться на ихъ причинахъ. «Какъ посмотришь да послушаешь все это, такъ невольно поразмыслишь, что есть тому какія нибудь причины. Указать на оныя причины и доказать, отчего оныя происходятъ, при моемъ маломъ умственномъ развитіи очень нелегко. На счетъ этого въ настоящее время, какъ слышно, ведется много разговоровъ между учеными людьми какъ печатно, такъ и устно... Одни говорятъ: крестьяне обѣднѣли отъ такой причины, а другіе: отъ иной; и одни говорятъ—имъ надо помощь оказать такъ, а другіе—иначе; а есть, кажется, такіе господа, которые совѣтуютъ и никакъ не помогать». Свое личное мнѣніе по этому предмету авторъ формулируетъ такъ: «я, какъ крестьянинъ, и отчасти лично испытавшій всю трудность и разныя невзгоды крестьянской жизни, соображаясь со всѣми на практикѣ мнѣ знакомыми обстоятельствами, заключаю и нахожу, что главныя причины настоящаго худого состоянія насъ, крестьянъ, это недостаточность надѣловъ и отсутствіе какихъ-бы то ни было домашнихъ заработковъ, которыя (т. е. эти причины) дѣлаютъ изъ насъ, прежнихъ земледѣльцевъ, какихъ-то кочующихъ, скитающихся по всей Россіи работниковъ».

Недостаточность надѣловъ и невозможность для семьи приложить на мѣстѣ весь свой трудъ и удовлетворить этимъ своимъ потребностямъ,—такова исходная точка разсужденій нашего автора. Отсюда онъ выводитъ всѣ бѣды и невзгоды современной деревни. Нельзя отказать ему въ строгой логичности, съ которой онъ показываетъ связь названныхъ основныхъ факторовъ хозяйственнаго быта земледѣльческаго населенія съ послѣдствіями, вытекающими изъ ихъ вліянія.

Первымъ изъ нихъ служитъ развитіе отхожихъ промысловъ. Народъ «съ малыхъ лѣтъ привыкаетъ самостоятельно проживать въ артеляхъ», идетъ «на сторону и тамъ отъ тяжелаго труда при-

выкъ пить водку». Отдавать въ семью свои заработки уходящій на промыслы не считаетъ себя обязаннымъ, такъ какъ онъ «не у отца ихъ изъ закрома выручилъ, а самъ своимъ трудомъ заработалъ». Прежде не было такого раздѣленія, когда семья выручала все сообща изъ общаго хозяйства. «Прежде все было отъ земли да изъ закрома; если деньги выручались отъ продажи хлѣба, то онѣ находились у хозяина семьи, оттого что и продавать возилъ все больше онъ—хозяинъ, а если отсылался въ Москву съ хлѣбомъ кто либо изъ молодыхъ, то отъ него всегда спрашивали въ деньгахъ строгаго отчета, и если замѣчался недочетъ, то его въ другой разъ никогда уже не пошлютъ, да и самъ онъ не признавалъ за собой права пропивать деньги, добытыя общимъ семейнымъ трудомъ». Но такого отчета нельзя требовать въ деньгахъ, лично заработанныхъ на сторонѣ. Отсюда—неудовольствія въ семьѣ, раздоры и семейные раздѣлы, служащіе такимъ образомъ, по мнѣнію автора, показателемъ невозможности для семьи прокормиться отъ собственнаго надѣльнаго хозяйства, симптомомъ упадка благосостоянія двора.

Въ прежнее время для поддержанія единства въ семьѣ практиковались, такъ сказать, дисциплинарныя средства. «Какъ замѣтитъ, бывало, старикъ, что между бабами пойдетъ перебранка и переговорка на счетъ того, у кого больше работниковъ и меньше ѣдоковъ, то сейчасъ же, не говоря худого слова, возьметъ палку, да выворочаетъ на оба бока ихъ, а мужья вступятся, то и имъ достанется тоже». Но авторъ не вѣритъ въ дѣйствительность этихъ пріемовъ удержанія семьи отъ раздѣла. «Такое поневолѣ задерживаемое житье нельзя было назвать сладкимъ, потому что боемъ, да страхомъ бояться-то заставляли, а согласья-то ужъ между собой имѣть въ семьѣ никто не могъ заставить, а безъ согласія плохое житье семейству. Въ особенности бабамъ, да которыя послабѣе на работу, или которыя имѣютъ больше другихъ дѣтей, тѣмъ доставалось, не приведи Богъ, сколько терпѣть всего. Ну вотъ, внутреннія семейныя дѣла со стороны мало замѣтны, никому нѣтъ дѣла; а вотъ наружно (со стороны) то бывало хвалятъ такую семью, что она живетъ вмѣстѣ. И такъ, большое число семействъ жило вмѣстѣ, благодаря только тогдашней палкѣ, а какъ только стала палка выходить изъ моды, такъ и такія семьи стали распадаться. Впрочемъ, пожалуй, все равно такія семьи теперь разорились бы, потому только при одномъ земледѣльческомъ занятіи можно прожить большой семьѣ, но что касается до другихъ, а въ особенности при отходномъ на сторону занятіи всегда лучше разойтись и жить, работая каждому на себя».

Но не на однихъ младшихъ членахъ семьи сказывается вліяніе отхожихъ промысловъ. Бѣдность и привычка къ пребыванію внѣ дома отвлекаетъ отъ хозяйства и главъ семействъ. Возвратясь въ родное село, крестьянинъ при этихъ условіяхъ проводитъ время

не въ семьѣ, «не находя никакой причины спѣшить домой, такъ какъ ему все равно, гдѣ бы ни коротать время, лишь-бы день прошелъ—все, говоритъ, къ смерти ближе: и самъ-то онъ отвыкъ отъ домашней работы и матерьялу у него нѣтъ ни на что; напримѣръ, если нужно починить крышу или плетень, или хоть бы возобновить городьбу около огорода—для всего этого нуженъ матерьялъ, котораго, конечно, никогда нѣтъ у того, кто не ведетъ самъ земледѣльческаго хозяйства, а потому такому хозяину и приходится на все махнуть рукою и идти туда, гдѣ можно, по его выраженію, пожить хоть часъ, да безъ горя».

Послѣдствія такихъ условій идутъ далѣе. Малоземелье накладываетъ свою печать на весь строй деревенскихъ отношеній. Авторъ сѣтуетъ на проявляющееся нерѣдко «равнодушіе» къ общиннымъ интересамъ и даетъ этому явленію весьма характерное объясненіе. Происходитъ оно, по его словамъ, «не отъ одного только нашего неразвитія, а еще и оттого, что съ упадкомъ хозяйства и всего земледѣлія многіе хозяева уходятъ на лѣто на сторону, а обработку своихъ надѣловъ сдаютъ въ чужія руки или оставляютъ обрабатывать оные вовсе малолѣтнихъ дѣтей—лѣтъ отъ 14-ти, которыя едва только въ состояніи справить свои собственныя работы, а объ общинныхъ ихъ и думать нельзя заставлять; а тѣмъ, которые берутся обрабатывать чужіе надѣлы, такимъ и вовсе нѣтъ никакого разсчета справлять за людей общественныя работы; да имъ и нѣтъ времени, потому они тоже черезъ нужду нацѣпляли на себя работы, едва съ нею справляются, часто не видятъ даже праздника—во весь день работаютъ. Если бы земледѣліе было поставлено такъ, чтобы можно было имъ однимъ кормиться и не было бы нужды въ отхожихъ промыслахъ, тогда мы въ состояніи были бы дѣлать на своихъ земляхъ и нужное удобреніе, и разработку неудобныхъ мѣстъ, и всѣ такія работы, которыя одному справить не подъ силу, всѣмъ сообща исполнять и помогать въ нуждѣ своимъ слабымъ членамъ». «Въ настоящее же время у насъ съ упадкомъ земледѣлія ничего такого нѣтъ, а все какъ-то дѣлается врозь, даже часто съ явнымъ другъ къ другу недоброжелательствомъ, какъ будто каждый хочетъ выместить за свою нужду на другомъ». При настоящей нуждѣ и бѣдности крестьянъ общество само волей-неволей попадаетъ въ руки если не своему однообщественнику, то все равно какому нибудь пришлому и имѣющему средства человѣку, или, какъ говорится, кулаку, который тогда и заправляетъ въ обществѣ всѣми мірскими дѣлами. При такой-то обстановкѣ настоящаго общества отъ него нельзя ожидать никакого почину къ улучшенію своего общиннаго хозяйничанья, а напротивъ, нужно ожидать, что оно годъ отъ году все больше будетъ разстраиваться, а между самимъ обществомъ будетъ рости несогласіе и раздоръ».—«Для устраненія всего этого намъ нужны *средства* и *умственная сила.* Безъ этого же, какіе бы благопріятные ни издавали для насъ

законы и какое бы ни приставляли къ намъ хорошее начальство, они нисколько не исправятъ и не улучшатъ наше положеніе, пока мы сами не будемъ въ состояніи устраивать и направлять свою жизнь къ лучшему, въ случаѣ какой либо нужды или бѣдствія съ оными бороться и изъ нихъ выпутываться».—«Теперь, какъ только крестьянина постигнетъ какое либо бѣдствіе или бѣдность, смотришь—онъ и пойдетъ по міру, а послѣ этого такъ привыкнетъ къ нищенству, что теряетъ способность къ самостоятельной жизни и къ труду... посылаетъ побираться своихъ дѣтей, которыя въ свою очередь съ малолѣтства отвыкаютъ отъ самостоятельнаго труда» и научаются пьянству, порокамъ и проч.

Далѣе, авторъ касается (конечно, не зная того самъ) стараго спора о взаимномъ отношеніи между грамотностью и благосостояніемъ и склоняется къ тому, что обнищавшее населеніе—плохое поле для распространенія грамотности. Онъ устанавливаетъ прежде всего фактъ, что грамота «туго распространяется между нами», и видитъ причину его въ бѣднотѣ крестьянъ. «Главною причиною плохого отношенія крестьянъ къ грамотѣ служитъ опять все-таки недостаточность надѣловъ и отсутствіе домашнихъ заработковъ, а затѣмъ уже и прямое ихъ послѣдствіе—бѣдность. Бѣдность больше всего заставляетъ крестьянъ равнодушно и даже враждебно относиться къ грамотѣ, потому что для того, чтобы учиться, прежде всего нужны хлѣбъ и время, а голодному только хлѣбъ на умѣ, а не ученье. И то еще, что всякій трудъ требуетъ вознагражденія и всѣ трудятся, чтобы получить интересъ. Такъ учится дворянскій или поповскій сынъ,—они этимъ заинтересованы, они черезъ это получатъ для себя въ жизни болѣе или менѣе хорошее положеніе и средства къ жизни, а потому сами учащіеся и ихъ родители этимъ вполнѣ заинтересованы». «Ничего подобнаго въ средѣ крестьянъ не можетъ быть, ибо какая польза бѣдному отцу жертвовать своимъ трудомъ, работая до истощенія силъ, тогда какъ сынъ его будетъ сидѣть въ школѣ, а по выходѣ изъ школы, научившись, какъ слѣдуетъ, грамотѣ, долженъ идти съ другими наравнѣ на сторону? *). Волей-неволей онъ оставитъ ее (грамоту) безъ всякаго употребленія въ свою пользу, оттого что, живя цѣлое лѣто въ артели гдѣ нибудь въ баракѣ и работая каждый день до упаду, ему грамота рѣдко можетъ пойти на умъ». «Да и какой ему интересъ отъ грамоты, если онъ видитъ, что все равно—и онъ грамотный и неграмотный берутся за такую же лопату и тачку, если онъ видитъ себя такимъ же бѣднякомъ, какъ и другіе неграмотные...»

Позвольте мнѣ въ этомъ мѣстѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Только - что высказанный нашимъ авторомъ взглядъ, основанный на наблюденіи развитія грамотности въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской г., весьма сходится съ выводомъ, полученнымъ изъ обработки соотвѣт-

*) Напомнимъ, что авторъ рукописи и сынъ его *хорошо грамотны.*

ственныхъ данныхъ подворныхъ изслѣдованій статистическимъ отдѣленіемъ Александрійской (Херсонской губ.) уѣздной земской управы. Въ брошюрѣ г. Борисова *), въ которой сообщаются результаты этой обработки, находимъ слѣдующія небезъинтересныя цифры (гл. I. «Власть земли»). Въ 8 большихъ селахъ, имѣющихъ въ сложности 6771 дворовъ, среднiй процентъ дворовъ съ грамотными (28,7%) колебался слѣдующимъ образомъ, въ зависимости отъ размѣровъ крестьянскихъ посѣвовъ:

Дворы не имѣющіе посѣва:	Дворы съ посѣвомъ:				
	менѣе 5 дес.	5—10 дес.	10—15 дес.	15—20 дес.	болѣе 20 дес.
17,4%	19,2%	30,8%	35,2%	45,6%	56,9%

Т. е. получается непрерывно возрастающій рядъ отъ бѣднѣйшихъ къ наиболѣе состоятельнымъ. Въ соотвѣтственныхъ цифрахъ по каждому изъ отдѣльныхъ упомянутыхъ восьми селеній сказанная тенденція проявляется съ такой-же опредѣленностью; цифры возростаютъ въ томъ-же порядкѣ почти безъ исключенія.

«Вліяніе школы, замѣчаетъ г. Борисовъ, коснулось весьма замѣтнымъ образомъ только верхнихъ, богатыхъ слоевъ крестьянской массы, бѣднякамъ-же достались однѣ лишь крохи отъ скромной трапезы, предлагаемой народу нашею сельскою школою» (стр. 3). «Прошлое во всѣхъ (изслѣдованныхъ) селеніяхъ одинаково (всѣ—бывш. военные поселяне), современная жизнь обставлена въ нихъ одинаковыми правовыми условіями. Во всѣхъ 8 селахъ съ давнихъ - давенъ существовали военно поселенческія училища, а въ семидесятыхъ годахъ открыты были обширныя земскія школы, всегда переполненныя учащимися дѣтьми. Всѣ условія крестьянской жизни, прошлой и настоящей, какъ видимъ, одинаковы».—И вотъ оказывается, что въ нихъ «вліяніе хозяйственнаго достатка на распространеніе грамотности въ народѣ проявилось во всѣхъ 8 селахъ въ очень рѣзкихъ формахъ. Плодами сельскаго просвѣщенія пользуются преимущественно «богатыри», а «голота»... въ ея темную жизнь проникаетъ пока мало свѣтлыхъ, благотворныхъ лучей, разливаемыхъ сельскою школою» (стр. 4). — «Нищета матерьяльная всегда была и будетъ служить источникомъ для нищеты духовной» (стр. 5).

Безъ сомнѣнія, указанные выводы представляли бы гораздо большую обоснованность, если-бы они были построены на основаніи большаго количества случаевъ. Восемь селъ съ 6700 дворами—не особенно много и очень желательно, въ виду важности вопроса, распространеніе такого изслѣдованія на уѣзды и губерніи. Но рѣзкость обнаруженія указанной тенденціи въ приведенныхъ цифрахъ

*) *Н. И. Борисовъ.*—Вопросы школьной статистики (по даннымъ статистическаго отдѣленія Александрійской Уѣздной Земской Управы). Изданіе Херсонской Губ. Земской Управы. Херсонъ. 1895.

заслуживаетъ серьезнаго вниманія; игнорировать такіе факты нельзя.

Возвращаемся теперь къ рукописи нашего автора.

Одно изъ средствъ къ тому, чтобы пріохочивать отцовъ отдавать въ школы своихъ сыновей, онъ видитъ въ «живыхъ бесѣдахъ», въ которыхъ «почаще напоминалась-бы польза отъ ученья» и въ которыхъ «давались-бы практическіе совѣты по хозяйству». Но высказавъ это пожеланіе, онъ сейчасъ-же начинаетъ и сомнѣваться въ его цѣлесообразности въ виду того, что... скоро, пожалуй, некому будетъ выслушивать эти «совѣты по хозяйству». Вотъ это мѣсто, наводящее на серьезное размышленіе о развитіи *безхозяйности.* «Только вѣдь для того, чтобы крестьяне могли пользоваться практическими совѣтами, говоритъ онъ, отъ людей, занимающихся ихъ образованіемъ, и примѣнить такіе совѣты на практикѣ, для этого вѣдь надо имѣть свое хозяйство, *котораго въ настоящее время у большинства* (sic) *крестьянъ не имѣется,* а если и есть хозяйство, то оно по своей ничтожности и по бѣдности не представляетъ никакихъ средствъ хозяину для того, чтобы ввесть въ оное какія либо практическія улучшенія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько ни совѣтують навозить и лучше упахивать землю такому хозяину, у котораго имѣется только всего скота одна лошаденка—ему все равно невозможно сдѣлать ни того, ни другого... потому, какъ говорится, 'земля сама себя обрабатываетъ, *а если нѣтъ ея,* то сколько ни работай, не выработаешь ея». Въ силу такихъ хозяйственныхъ условій авторъ находитъ понятнымъ, что грамотные крестьяне часто «стараются выйти изъ своей среды и занять какую нибудь должность или занятіе писца или торговца, лишь бы не крестьянское земледѣльческое занятіе. Оно такъ неблагодарно вознаграждаетъ за всѣ ихъ труды, что послѣ тяжелаго труда часто бываетъ нечѣмъ удовлетворить свои жизненныя потребности. Самаго необходимаго питанія—хлѣба—и того часто не бываетъ достаточно, не говоря ужъ тоже о необходимомъ для человѣка питаніи—мясѣ и молокѣ; а что касается одежды и жилища, то объ этомъ и говорить нечего: эти всѣ потребности удовлетворяются крестьянами-земледѣльцами въ самомъ несообразномъ для человѣка положеніи. Такъ какъ съ отсутствіемъ скотоводства главныхъ домашнихъ матерьяловъ для одежды—шерсти и овчинъ—нѣтъ, то и приходится довольствоваться кое какими дешевыми фабричными матеріалами или ходить въ холодъ въ лѣтней одеждѣ. Жилища тоже очень незавидны у крестьянъ. Часто изба въ семь или шесть аршинъ вмѣщаетъ въ себѣ человѣкъ десять людей, да сколько есть какой скотинушки—и та тоже тутъ вмѣстѣ на зиму впущается въ избу, такъ какъ для скотины не имѣется теплаго хлѣва; вотъ и посудите сами, каково сожительствовать вмѣстѣ съ поросятами и ягнятами... Соображая всю эту незавидную обстановку, научившійся грамотѣ молодой крестьянинъ старается всѣми силами изъ оной выбраться и послѣ этого ста-

рается никогда не возвращаться въ прежнее состояніе. А дайте намъ средства къ тому, чтобы можно было существовать маломальски сносно и по человѣчески, и тогда вы увидите, что грамотность между нами будетъ распространяться несравненно съ большимъ успѣхомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлятъ оказаться въ средѣ насъ благіе ея результаты».

Такимъ образомъ успѣшность развитія грамотности въ народѣ авторъ ставитъ въ зависимость отъ улучшенія его матеріальнаго благосостоянія. Только при улучшеніи хозяйственнаго быта массы онъ надѣется на подъемъ ея умственнаго развитія. «Дайте намъ жить по «человѣчески», говоритъ онъ, и тогда только могутъ быть достигнуты истинныя цѣли обученія, тогда появятся между нами и развитые земледѣльцы, умѣющіе воспользоваться съ пользой для своего хозяйства разными новѣйшими усовершенствованіями по части земледѣлія; появятся и развитые и знакомые съ закономъ представители отъ насъ въ земствѣ и судѣ; боясь получить насмѣшку или другую болѣе серьезную непріятность (sic), они теперь считаютъ для себя удобнѣе вовсе не показывать своего голоса или обнаруживать его только придакиваньемъ, когда ихъ спрашиваютъ о касающихся ихъ предметахъ».

Но не въ этой одной области сказывается темнота безграмотности, вытекающей изъ бѣдности. Авторъ горько жалуется на вліяніе того же явленія на крестьянскій судъ и волостное, и сельское самоуправленіе. «Увеличеніе грамотности, читаемъ мы далѣе, и удержаніе развитыхъ крестьянъ въ средѣ земледѣльческаго населенія окажетъ также благую услугу нашему крестьянскому самоуправленію, о которомъ въ настоящее время намъ мало можно сказать чего хорошаго, а только то и слышимъ, что о растратахъ общественныхъ суммъ и разныхъ злоупотребленіяхъ и неправильныхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. А все потому, что слишкомъ ужъ темна и несвѣдуща наша деревня, которую ловкіе дѣльцы, волостные писаря и своекорыстные разные деревенскіе воротилы ворочаютъ по своему усмотрѣнію, какъ хотятъ». Особенныя жалобы на себя возбуждаютъ волостные писаря. Они «назначаются начальствомъ, а не выбираются и, бывъ сами не изъ мѣстнаго крестьянскаго сословія, а потому и не связанные съ мѣстнымъ обществомъ никакими интересами, всегда наблюдаютъ только свою, а не общественную пользу. А между тѣмъ при настоящей безграмотности крестьянъ волостной писарь въ дѣлахъ самоуправленія занимаетъ по волости первое мѣсто «въ дѣлахъ прихода и расхода волостныхъ суммъ, въ волостномъ судѣ и проч.». Волостной судъ находится и вовсе въ его исключительно рукахъ, такъ какъ извѣстно, что ему закономъ предоставлено право толковать (??) законъ волостному суду. На основаніи этого-то права и при настоящей неопытности (безграмотности?) крестьянъ онъ, писарь, заправляетъ судомъ какъ ему захочется, судьи же только пользуются во время суда однимъ

придакиваньемъ, а послѣ суда — только угощеньемъ, а писарь же, какъ занимающій главное мѣсто въ судѣ, пользуется большими подарками сравнительно съ судьями»...

Заговоривъ о волостномъ судѣ, авторъ «желаетъ сказать слово» и о тѣлесномъ наказаніи. Зная хорошо условія и послѣдствія примѣненія волостнымъ судомъ этого права, какъ бывшій волостной старшина, авторъ выступаетъ рѣшительнымъ его противникомъ и настаиваетъ на его совершенномъ уничтоженіи. Характерно въ данномъ случаѣ то, что главнымъ аргументомъ автора является не понятіе о достоинствѣ человѣка, а соображеніе болѣе практическаго свойства: тѣлеснымъ наказаніемъ пользуются волостные заправилы, чтобы, такъ сказать, смирить оппозицію, чтобы не допускать лучшихъ въ нравственномъ смыслѣ элементовъ деревни до контроля своихъ дѣйствій и обнаруженія злоупотребленій лицъ, пристроившихся къ волостному пирогу. Изъ словъ автора получается такое впечатлѣніе, что на практикѣ тѣлесное наказаніе чаще всего примѣняется къ лучшимъ людямъ крестьянства и служитъ противъ нихъ могучимъ средствомъ въ рукахъ сомнительныхъ дѣльцовъ. «При настоящемъ состояніи волостного суда, говоритъ авторъ, это право (наказывать розгами) служитъ во вредъ всему крестьянству, а также вредитъ правильному ходу крестьянскаго самоуправленія, ибо этимъ средствомъ часто пользуются низкіе люди, которые нерѣдко стоятъ во главѣ крестьянскаго управленія, для того, *чтобы заставить молчать честныхъ людей о ихъ неправильныхъ дѣяніяхъ,* и тѣмъ получаютъ возможность продолжать свою вредную дѣятельность и на будущее время. Часто бываетъ и такъ: писарь или старшина для того, чтобы лишить возможности быть избраннымъ въ крестьянскіе начальники какого либо нежелательнаго для нихъ человѣка, стараются всѣми силами какъ бы найти предлогъ, чтобы его волостнымъ судомъ приговорить къ наказанію розгами, въ чемъ часто и успѣваютъ, послѣ каковаго наказанія такой человѣкъ, по закону, не можетъ быть избранъ ни въ какую общественную должность. Такимъ-то образомъ, ни въ чемъ неповинный и честный крестьянинъ не всегда можетъ быть увѣренъ, чтобы его въ одно прекрасное время не вызвали на волостной судъ и тамъ, придираясь къ какому нибудь его ничтожному проступку, не приговорили къ наказанію розгами. Напротивъ же, какой нибудь забіяка и буянъ всегда почти *черезъ подарокъ и угощеніе можетъ отдѣлаться* отъ заслуженнаго имъ наказанія».

«Я нахожу, продолжаетъ авторъ, очень желательнымъ, чтобы это наказаніе было совсѣмъ уничтожено, а если ужъ по какимъ либо соображеніямъ начальства не время оное наказаніе совсѣмъ уничтожить, то желательно хотя бы изъять оное право изъ вѣдѣнія волостного суда, а передать право налагать такое наказаніе въ высшія судебныя учрежденія (sic) и притомъ, смѣю сказать, что если ужъ есть надобность въ тѣлесномъ наказаніи, то пусть оно суще-

ствуетъ для преступниковъ всѣхъ сословій, а не исключительно только для однихъ крестьянъ». Весьма любопытна, затѣмъ, слѣдующая тирада. Есть люди, говоритъ авторъ, «считающіе насъ (крестьянъ) однихъ достойными (sic) тѣлеснаго наказанія. Положимъ, что такое противъ насъ предубѣжденіе хотя отчасти и оправдывается настоящимъ дурнымъ нашимъ нравственнымъ поведеніемъ, но, принимая во вниманіе тѣ причины, отъ которыхъ мы дошли до настоящаго состоянія, я полагаю, что розги нисколько насъ не исправятъ нравственно, а, пожалуй, еще больше будутъ портить. Исправлять насъ слѣдуетъ начать съ самого нашего коренного крестьянскаго занятія, земледѣлія. Съ постановленіемъ этого занятія на ту точку, при которой намъ можно будетъ мало-мальски сносно существовать, только и можно надѣяться на наше исправленіе, а безъ оного сколько бы насъ и какими средствами ни пользовали—все равно не будетъ никакой пользы. Это все равно, что лѣчить больного одними лѣкарствами, а не давать ему надлежащей пищи и чистаго воздуха». «Настоящаго развитія въ насъ нѣтъ, да и быть не можетъ при настоящихъ нашихъ хозяйственныхъ условіяхъ, поэтому и выходитъ опять-таки, что впередъ нужны хлѣбъ и время, а потомъ уже и ученье—эти два главныя и самыя дѣйствительныя средства, которыми только и можно насъ выпользовать отъ настоящаго худого нашего состоянія». И наконецъ: «въ особенности отъ образованія крестьянъ можно ожидать поддержки нашего общиннаго владѣнія землей, которое и полезно тѣмъ, что не допущаетъ окончательнаго обезземеленія слабыхъ членовъ общества».

Весьма любопытенъ, далѣе, взглядъ автора на пьянство. Онъ не примыкаетъ къ тѣмъ, которые полагаютъ, что русскій мужикъ безнадежный пьяница, но и не думаетъ, чтобы расходъ на водку составлялъ незамѣтную величину въ крестьянскомъ бюджетѣ. Мысли его въ данномъ случаѣ можно формулировать такъ: крестьянинъ вообще пьетъ не такъ, чтобы ужъ очень много, и къ тому побуждаетъ его между прочимъ безнадежность его матерьяльнаго положенія. Но его малыя (абсолютно) затраты на вино составляютъ (относительно) большую величину въ его хозяйствѣ. Т. е. нищета крестьянская не позволяетъ домохозяину дѣлать на спиртные напитки даже тѣхъ немногихъ затратъ, которыя онъ дѣлаетъ, и которыя, прибавимъ мы отъ себя, уступаютъ по размѣрамъ затратамъ на тотъ же предметъ соотвѣтственныхъ классовъ населенія другихъ европейскихъ странъ. — «Пьянство, говоритъ авторъ, *добиваетъ* расшатавшееся крестьянское хозяйство, потому что въ скудномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое и все-то, если перевести на деньги, стоитъ не болѣе 200 руб., а то—и того еще меньше, каждая копѣйка имѣетъ свое значеніе, десять копѣекъ—тѣмъ болѣе, а рубль занимаетъ довольно видное мѣсто. Рублемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ можно заткнуть

порядочную нужду. Напримѣръ, на одну копѣйку крестьянинъ можетъ освѣтить въ продолженіе ночи свою избенку, а за неимѣніемъ копѣйки часто приходится оставаться въ долгіе зимніе вечера безъ освѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ безъ дѣла и ужинать съ тараканами впотьмахъ; за неимѣніемъ копѣйки хозяйка несетъ послѣднія въ домѣ два яйца—лакомство ея дѣтей—для того, чтобы купить свѣту и при ономъ сдѣлать необходимыя по хозяйству работы; за неимѣніемъ десяти копѣекъ, крестьянину въ лѣтнее время приходится ѣздить иногда на неподмазанной дегтемъ снасти, а черезъ то снасть портится и избивается прежде времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мучаетъ малосильную, некормленную свою кляченку; за неимѣніемъ же рубля крестьянинъ пашетъ плохими и неотостренными сошниками и столѣтнею ржавою палицею, вслѣдствіе чего земля не получаетъ надлежащей распашки, которая служитъ причиною плохого урожая и размноженія сорныхъ травъ. Всѣхъ причинъ (послѣдствій) не пересчитаешь, въ которыхъ за неимѣніемъ копѣекъ теряются цѣлыя рубли».—«Поэтому то желательно было бы, чтобы какъ можно меньше тратилось по-пусту трудовыхъ крестьянскихъ копѣекъ, а на вино, этотъ безполезный предметъ, тратитъ ихъ почти каждый крестьянинъ какъ бережливый, такъ и нерадивый, трезвый и пьяница, хотя первый меньше второго, первый—по необходимости или по обычаю, а второй—по привычкѣ, а извѣстно—попривыкнетъ крестьянинъ водку пить, тогда прощай весь его пожитокъ и хозяйство, все будетъ въ кабакѣ». Крестьяне, по словамъ автора, въ этомъ случаѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ сословій тѣмъ, что они «бѣдны и потому для нихъ каждая копѣйка имѣетъ свое значеніе, а пить-то иногда крестьянина заставляетъ излишняя нужда и тяжкая жизнь, почему и сложилась пословица, что русскій мужикъ пьетъ съ горя». — «Многіе люди изъ некрестьянскаго сословія говорятъ, что мужикъ оттого бѣденъ, что пьяница, глупъ и лѣнивъ; отъ такихъ словъ, право, грустно становится. Что это господа не хотятъ понять, что оттого онъ глупъ и бѣденъ и оттого пьяница, что дома *не за что хватиться*!» Авторъ желаетъ уничтоженія кабаковъ не потому, чтобы онъ ждалъ отъ этого улучшенія благосостоянія крестьянства. Совсѣмъ другое: онъ полагаетъ, что тогда, наконецъ, поймутъ, что не въ пьянствѣ корень народной бѣдности. «Съ устраненіемъ кабаковъ, говоритъ онъ, хотя едва ли скоро замѣтно будетъ улучшеніе быта крестьянства, за то болѣе будутъ въ состояніи трезво и безъ предубѣжденія взглянуть, обсудить и разобрать тѣ причины, отчего мужикъ бѣденъ; а потому и дай Богъ, чтобы осуществилось это доброе начинаніе правительства, чего и большая часть самихъ крестьянъ искренно желаютъ».

Но, съ другой стороны, авторъ весьма энергично сѣтуетъ на роль водки въ дѣлахъ волостного суда и крестьянскаго самоуправленія. Распространенный обычай угощенія и попоекъ при рѣшеніи разнаго рода дѣлъ въ названныхъ учрежденіяхъ вызываетъ въ немъ

справедливое негодованіе, и этому предмету онъ посвящаетъ нѣсколько рѣзкихъ страницъ. Приведемъ изъ нихъ лишь нѣсколько мѣстъ. «Если нужно составить общественный приговоръ, то тотъ, кто имѣетъ въ немъ необходимость, обязанъ поставить обществу ведро или съ прибавкою; также если нужно обратиться за чѣмъ нибудь къ сельскому или волостному начальству, или къ волостному суду, то тоже обязательна попойка, а иначе и нельзя ничего оборудовать по своему дѣлу, потому сухая ложка ротъ деретъ».— «Черезъ вино попадаютъ въ выборныя должности недостойные, нечестные и своекорыстные люди, отъ которыхъ сами избиратели не чаютъ, какъ избавиться, а все потому, что задобренный виномъ сходъ никогда не можетъ здраво и безпрепятственно обсудить, кто достоинъ или нѣтъ быть начальникомъ».—«Также и въ волостныхъ судахъ черезъ вино царитъ большой безпорядокъ и неправда, потому что едва оный приступаетъ къ разбору какого либо дѣла, всегда напередъ или послѣ суда имѣетъ попойку, а потому всегда и выигрываетъ на судѣ тотъ, кто больше всѣхъ задобритъ судей. Если бы устранить отъ суда возможность подобной попойки, то, надѣюсь, въ судахъ было бы больше правды, потому что въ крестьянствѣ привычка ко взяточничеству деньгами мало развита и притомъ считается великимъ грѣхомъ. Что же касается выпивки, то это—дѣло другое: хлѣбъ-соль дѣло заемное, сами пьютъ и людямъ подносятъ, а потому судьи и начальники (волостные) все это творятъ безо всякого стѣсненія совѣсти». — «Отъ всего этого въ народѣ большое неуваженіе къ суду и къ своему (волостному) начальству. Оно и понятно: какое же уваженіе, когда очевидная правда черезъ вино передѣлывается на ложь». — «Съ попойками иногда ловкіе и нечестные люди выхлопатываютъ самые несправедливые приговоры, иногда съ большимъ убыткомъ и вредомъ для общества, а все потому, что задобренные виномъ старики не въ состояніи сказать горькую правду тому, кому она слѣдуетъ быть сказана».

Настаивая на бѣдности и необезпеченности крестьянскаго населенія, какъ на основной причинѣ всѣхъ явленій, происходящихъ въ современной деревнѣ, авторъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, остановился и на переселенческомъ движеніи и посвятилъ ему довольно значительное мѣсто въ своей рукописи.

«Видѣть въ переселеніяхъ привычку къ бродячей жизни, говоритъ онъ, совсѣмъ несправедливо, а между тѣмъ мнѣніе это существуетъ между нѣкоторыми людьми. А стоитъ только поближе познакомиться съ настоящимъ крестьянскимъ положеніемъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Для этого если взять лѣтъ 40 назадъ, когда земли было довольно для прокормленія населенія, тогда въ нашихъ мѣстахъ отходы на посторонніе заработки вовсе не существовали; потому что было незачѣмъ, хватало и дома, какъ говорится «хлѣба съ душу, а денегъ съ нужу»; теперь же совсѣмъ жизнь перемѣнилась». «Потребность переселенія крестьянъ нашего

Скопинскаго уѣзда на болѣе свободныя земли вызывается тѣмъ, что земли стало слишкомъ мало, такъ что въ урожайные года и то только половинѣ населенія хватаетъ своего хлѣба на весь годъ, а другая половина вынуждена бываетъ съ половины покупать оный; а какъ только случись неурожай, тогда и вовсе голодовка: приходится проѣдать послѣднюю скотину, а у нѣкоторыхъ и той нѣтъ, и приходится сидѣть по два, да по три дня не ѣвши.—За недостаткомъ земли населеніе стало заниматься отхожими заработками, которые, крестьянамъ мало помогая, много портятъ ихъ, пріучая ихъ къ многимъ порокамъ, которыхъ прежнее земледѣльческое населеніе не знало, и отъучаетъ ихъ отъ хозяйства и въ конецъ раззоряетъ». «Развѣ можно сравнить эту бродячую жизнь съ мирною земледѣльческою, при которой въ кругу семьи дома на родномъ полѣ работать будни, а праздникъ покойно отдохнуть дома!» — «Прежде пахивали при свѣтѣ мѣсяца, а молачивали съ огнемъ, а ноньче и днемъ нечего дѣлать; прежде саломъ колеса подмазывали, а ныньче и въ кашу нечего положить». — «Для крестьянъ ничего нѣтъ милѣе, какъ земля кормилица и вся земледѣльческая жизнь; поэтому то съ такою любовью старожилы любятъ разсказывать про свои родныя поля, про всѣ на нихъ урочища, и про лучшую десятину говорятъ съ такою любовью, какъ про свою желанную мать. *Только крайняя нужда и недостатокъ въ землѣ* заставляютъ мужика бросить земледѣліе и идти на заработки, и та же нужда и *надежда на то, чтобы найти свое любимое занятіе*, заставляетъ его продавать имущество и переселяться въ дальнюю сторону. *А потому и нѣтъ причины опасаться, что, если облегчитъ переселенія, то крестьяне поднимутся поголовно на выселку*».

По вопросу о томъ, какой именно деревенскій слой больше стремится къ переселеніямъ, авторъ утверждаетъ, что переселенцы вербуются чаще всего изъ числа менѣе обезпеченныхъ крестьянъ. Прежде всего идутъ, говоритъ онъ, бѣдныя семьи; къ нимъ примыкаютъ, далѣе, нѣсколько болѣе достаточныя, т. е. такія, которыя хотя въ данный моментъ и имѣютъ достатокъ, но «замѣчаютъ, что у нихъ онъ начинаетъ проживаться, а поправить его они не въ состояніи, по трудности настоящей здѣшней жизни, а потому и разсчитываютъ заблаговременно удалиться на свободныя земли и тамъ, пока при средствахъ, себя обезпечить».—Наконецъ, встрѣчаются и состоятельные переселенцы, ищущіе, но не находящіе на мѣстѣ себѣ подходящихъ участковъ для покупки. «Но это все—исключенія, а въ общемъ идутъ все таки бѣдняки». «Послѣдствій отъ выселенія съ помощью правительства, нужно надѣяться, можно ожидать самыхъ благопріятныхъ, какъ для тѣхъ крестьянъ, которые будутъ выселены, такъ и для оставшихся на мѣстѣ. У первыхъ и у послѣднихъ прибавятся надѣлы, а слѣдовательно, «улучшится ихъ бытъ». «Съ увеличеніемъ надѣловъ отходы на посторонніе заработки перестанутъ быть». Я опускаю довольно длинныя разсужденія автора

о деталяхъ организаціи переселенческаго дѣла, представляющія мало оригинальнаго.

Такимъ образомъ, приведенная крестьянская рукопись оказывается очень содержательной. Сужденія, въ ней высказываемыя, дышатъ глубокимъ знаніемъ деревенскихъ отношеній и охватываютъ довольно полно и подробно существенные вопросы, волнующіе нынѣ земледѣльческую массу. Схема воззрѣній автора состоитъ въ слѣдующемъ. Корень всѣхъ золъ — малоземелье, въ силу котораго элементарныя потребности населенія не находятъ себѣ и отдаленнаго удовлетворенія. Матерьяльные недостатки пополняются все болѣе и болѣе развивающимися отхожими промыслами, которые оказываютъ, однако, губительное вліяніе на мѣстное хозяйство. Вліяніе это сказывается въ весьма разнообразныхъ направленіяхъ. Прежде всего—заработки на сторонѣ сами по себѣ ничтожны; далѣе—и въ такомъ количествѣ они не поступаютъ въ хозяйство, ибо заработавшіе деньги личнымъ трудомъ все менѣе и менѣе считаютъ себя обязанными передавать ихъ въ общее пользованіе семьи; хозяйство нищаетъ еще болѣе и потому все менѣе и менѣе способно заинтересовать собой земледѣльца; развивается безхозяйность и «равнодушіе» ко всякаго рода бѣдствіямъ, которыя надвигаются вслѣдствіе комбинаціи всѣхъ этихъ условій на крестьянскій дворъ; семья все менѣе и менѣе бываетъ въ состояніи противиться недородамъ; начинаются голодовки, нищенство; наступаютъ невозможныя условія питанія, одежды, жилища; земледѣліе теряетъ свое прежнее обаяніе на обрабатывающихъ землю, и они стремятся при первой возможности избрать себѣ иное занятіе; въ крестьянскомъ управленіи водворяется кулакъ, дѣлецъ съ сомнительной нравственностью; въ волости и судѣ царитъ «угощеніе» въ видѣ взятки и розга въ видѣ средства устраненія отъ «пирога» лучшихъ элементовъ сельчанъ. Средство, рекомендуемое авторомъ къ улучшенію этихъ мрачныхъ условій деревенскаго существованія—переселенія, долженствующія и надѣлить землей переселенцевъ, дать нѣкоторый земельный просторъ оставшимся, и парализовать развитіе отхожихъ промысловъ—этого крупнѣйшаго бича современной крестьянской жизни, по мнѣнію автора.

Но развѣ картина, набросанная такъ рѣзко нашимъ авторомъ на основаніи только одного своего житейскаго опыта и личнаго наблюденія не тожественна въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что говорятъ намъ мѣстныя изслѣдованія и не для одного лишь Скопинскаго уѣзда? Но вѣдь приведенная рукопись писана крестьяниномъ, а не «тенденціознымъ» статистикомъ; картина снята «съ натуры», а не съ оригинала, не по земско-статистическимъ сборникамъ, о существованіи которыхъ авторъ, вѣроятно, и не подозрѣваетъ...

XXXII.

Весьма цѣнное изданіе представляетъ собой недавно выпущенный «*Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1894-й годъ*» подъ редакціей завѣдующаго статистическимъ бюро Полтавскаго губернскаго земства г. Ю. Бунина. Этотъ девятый *Обзоръ* по названной губерніи выгодно отличается отъ предшествующихъ особенно тщательной обработкой матерьяла, приданіемъ ему болѣе литературной формы, что должно повліять на увеличеніе круга читателей работъ текущей земской статистики и на большее распространеніе ея данныхъ и выводовъ. Всѣ основныя таблицы помѣщены не въ текстѣ, какъ прежде, а въ приложеніи, а текстъ даетъ гораздо болѣе обобщеній по всей губерніи, сопоставляетъ свѣдѣнія за 1894-й годъ съ аналогичными свѣдѣніями за прошлые годы и такимъ образомъ заключаетъ не только статику, но и динамику изслѣдуемыхъ явленій. Большого вниманія поэтому заслуживаютъ главы экономическія (вторая половина *Обзора*), представляющія немалый общій теоретическій интересъ. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи главы XIII, XIV и XV (съемочныя и продажныя цѣны и цѣна на рабочія руки) по полнотѣ и обработкѣ сообщаемыхъ данныхъ.

Мы не можемъ ознакомить читателя сколько нибудь подробно съ выводами этого богатаго содержаніемъ тома и принуждены ограничиться лишь немногими чертами, рисующими современный хозяйственный бытъ Полтавщины. Постараемся не останавливаться на деталяхъ и ограничиваться тѣмъ, что имѣетъ болѣе общій интересъ.

Заслуживаетъ прежде всего вниманія продовольственная нужда населенія, сказавшаяся въ 1894-мъ году, несмотря на высокій урожай предшествующаго года. Подъ вліяніемъ неурожаевъ прежнихъ лѣтъ населеніе «слишкомъ много задолжало какъ частнымъ лицамъ, такъ и разнаго рода правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Теперь нужно было всѣ эти долги пополнить». Изъ 776 сообщеній корреспондентовъ статистическаго бюро 287 (37%) указываютъ на большую или меньшую продовольственную нужду мѣстнаго населенія. И это — въ годъ «*высокаго*» урожая... И нужда эта не то чтобы была мало распространена: почти четверть этихъ сообщеній указываетъ на то, что продовольствоваться покупнымъ хлѣбомъ принуждена была половина или болѣе половины населенія. Степень нужды можно видѣть изъ того, что въ 57,5% сообщеній говорится о нуждѣ въ теченіи полугода или менѣе, а въ остальныхъ 42,5%—о нуждѣ въ теченіи *болѣе* полугода; въ 17% сообщеній говорится, что населеніе нуждалось въ продовольственномъ хлѣбѣ *цѣлый годъ* (стр. 172—73, 175). Невольно задаешься вопросомъ, что было-бы тамъ, если-бы былъ вмѣсто высокаго урожая недородъ хлѣбовъ? Былъ-бы голодъ. Характерно при этомъ заключеніе бюро о томъ, что, несмотря на все это, «нужда въ продовольствіи далеко не была такъ чувствительна»,

какъ въ предшествующіе годы; при низкихъ цѣнахъ на хлѣбные продукты и относительной высотѣ заработной платы нуждающаяся часть населенія могла пріобрѣтать продовольственныя средства безъ напряженія (?) физическихъ и хозяйственныхъ силъ, «тихимъ стараніемъ», какъ выражается одинъ изъ корреспондентовъ» (178). Плохое знаменіе времени, если въ благословенной Малороссіи, гдѣ еще такъ недавно Пацюку валились сами въ ротъ варенники, считаются благопріятными тѣ условія, при которыхъ только въ $^2/_5$ мѣстностей губерніи населеніе питается покупнымъ хлѣбомъ (изъ того числа немалая часть—даже круглый годъ) и радуются, что это населеніе можетъ «тихимъ стараніемъ» въ батрачествѣ найти выходъ изъ голодовочнаго положенія...

Выше указано, что ближайшимъ поводомъ къ такой нуждѣ въ *урожайный* годъ была задолженность крестьянъ. Это явленіе, конечно, находится въ зависимости отъ сравнительно меньшей урожайности предыдущихъ годовъ. Но вѣдь полнаго неурожая, обусловливающаго голодъ, въ Полтавской губ., въ послѣдніе годы не было. Приходится заключить, что мѣстное крестьянское хозяйство настолько расшатано, неустойчиво, что не въ состояніи бороться безъ сильныхъ потрясеній даже съ сравнительно небольшими недородами хлѣбовъ. А на это должны быть и какія нибудь болѣе постоянныя, коренныя причины, болѣе глубокія, чѣмъ случайныя колебанія урожаевъ. Обращаясь къ тому объясненію даннаго явленія, которое даютъ ему корреспонденты, находимъ слѣдующее. Небольшое ихъ число (14%) указываютъ на плохой умолотъ хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Это—частность, не имѣвшая въ 1894-мъ году большого значенія, такъ какъ въ общемъ по губерніи урожай былъ значительно выше средняго. Вторая группа корреспондентовъ (31%) указываетъ на строгость взысканія хлѣбныхъ ссудъ, взятыхъ въ прежніе годы. «Строгость требованія пополнить взятыя ссуды, а иногда и штрафы, налагавшіеся за неисполненіе его къ опредѣленному сроку, нерѣдко заставляли крестьянъ брать хлѣбъ для пополненія ссудъ у своихъ односельчанъ въ долгъ съ условіемъ отдать его по обмолотѣ съ излишкомъ противъ взятаго». Но наибольшее число корреспондентовъ (55%), мѣстныхъ жителей, хозяевъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, указываютъ на безземелье и малоземелье крестьянъ, какъ на основную, главнѣйшую причину нужды. Подъ вліяніемъ этого фактора крестьяне отправляются на дальніе заработки, батрачатъ на мѣстѣ, а иные берутся за внѣ-земледѣльческіе промыслы (стр. 174—175). Такое объясненіе можетъ вполнѣ объяснить неустойчивость мѣстнаго хозяйства. Припомнимъ, что Полтавская губ. входитъ въ составъ группы губерній съ *наименьшимъ* среднимъ надѣломъ на ревизскую душу.

Это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ и весьма замѣтный упадокъ мѣстнаго скотоводства. «Состояніе скота въ теченіе 1893 и 1894 гг. находилось въ самыхъ лучшихъ и желательныхъ усло-

віяхъ, какъ относительно явленій погоды, такъ и относительно обилія и зимнихъ и лѣтнихъ кормовъ». Но мы не будемъ радоваться такому общему заключенію *Обзора,* если прочтемъ внимательно слѣдующую страничку. Оказывается, что кормовъ было много потому, что скота стало очень мало. Количество его «не увеличилось противъ прошлаго года»; а въ прошломъ году «*масса* хозяевъ принуждена была по безкормицѣ продать *почти весь* свой скотъ, за исключеніемъ самаго необходимаго, а бѣднѣйшіе изъ хозяевъ остались положительно *совсѣмъ безъ скота*». «Главнымъ препятствіемъ къ пріобрѣтенію скота, по показаніямъ корреспондентовъ, служили высокія цѣны на скотъ при общей почти поголовной задолженности и раззоренности хозяйствъ». Надо это понимать такъ, что скотъ даже не концентрируется въ рукахъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ, а просто уничтожается въ губерніи. Только при такомъ условіи, при ничтожности предложенія его на рынкѣ, можно допустить высокія цѣны рядомъ съ повальнымъ упадкомъ покупательной способности населенія. «Въ многочисленныхъ сообщеніяхъ прямо говорится, что денегъ нѣтъ ни у кого; продавать, чтобы выручить необходимыя средства, тоже нечего». Замѣчается и вотъ еще что. У кого остался еще скотъ, тѣ «продавали на ярмаркахъ хорошую и болѣе дорогую скотину, а себѣ пріобрѣтали тутъ-же болѣе дешевый молодой скотъ, или лошадей подешевле». «Судя по сообщеніямъ, *весьма многіе* крестьяне принуждены были такимъ путемъ изыскивать себѣ средства какъ для уплаты требуемыхъ повинностей, такъ и для удовлетворенія другихъ насущныхъ потребностей». Не забудемъ, читатель, что это все продѣлывалось въ годъ *высокаго* урожая... Такимъ образомъ, «замѣна воловъ лошадьми и вообще болѣе дешевымъ и мелкимъ скотомъ продолжала дѣйствовать и въ этомъ году (1894); если-же мѣстами такой замѣны и не наблюдалось, то единственно потому, какъ сообщаетъ корреспондентъ изъ Пирятинскаго уѣзда, что замѣнять воловъ коровами или лошадьми теперь поздно, ибо рѣдко у кого остались волы, развѣ у очень зажиточныхъ казаковъ». «Скотъ измельчалъ страшно, до невозможности»; «на ярмаркахъ теперь уже почти не встрѣчается такихъ крупныхъ воловъ, какіе бывали прежде» и такъ далѣе до безконечности (стр. 148—150). Не довольно-ли сказаннаго?..

Послѣ всего этого не мудрено понять, что «многочисленные отзывы корреспондентовъ безусловно устанавливаютъ тотъ фактъ, что уровень крестьянскаго благосостоянія годъ отъ году понижается».— «Для того, чтобы крестьянское населеніе могло оправиться, окрѣпнуть, необходимо было хозяйственную его дѣятельность поставить въ самыя благопріятныя условія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ». Не то, однако, замѣчается въ дѣйствительности. Огромная задолженность крестьянъ заставляетъ ихъ вывозить на рынокъ свой хлѣбъ, не справляясь о собственныхъ потребительныхъ нуждахъ. А рынокъ встрѣчаетъ ихъ не только низкими цѣнами, но еще и рядомъ

«мошеннических» продѣлокъ «скупщиковъ и коммиссіонеровъ-факторовъ разныхъ хлѣботорговыхъ фирмъ, пользующихся безвыходнымъ положеніемъ продавцовъ и не упускающихъ случая скупить продаваемый хлѣбъ по цѣнѣ еще болѣе низкой, нежели существующая на рынкѣ» *) (273—4).—Далѣе, корреспонденты, говоря о коренныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ крестьянской жизни, «наичаще останавливали вниманіе и особенно подчеркивали несоразмѣрность доходности крестьянской земли съ высокимъ обложеніемъ ея налогами, на уплату коихъ, по замѣчаніямъ корреспондентовъ, крестьяне отдаютъ почти все, что даетъ имъ земля» (275).

Словомъ, зажиточные хозяева потерпѣли отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, а «мало и средне-состоятельные» — отъ «малоземелья, недостатка скота, отъ необходимости брать землю въ наемъ (что совсѣмъ невыгодно при низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ), отъ дорогихъ отработковъ за взятую на сторонѣ землю подъ выпасъ скота и подъ пашню», изъ непомѣрныхъ платежей и взысканія при этихъ условіяхъ податей и хлѣбныхъ ссудъ **). По энергичному выраженію одного изъ корреспондентовъ, «о повышеніи благосостоянія крестьянскихъ хозяйствъ въ настоящее время нечего и думать, а не только что разсуждать» (276).

Не слѣдуетъ удивляться, что при такой хозяйственной обстановкѣ населеніе бѣжитъ изъ дому на дальніе заработки и на дальній «Амуръ». Было бы совершенно удивительно противоположное: если бы *не* развивались отхожіе промыслы и переселенія изъ Полтавщины. Цифры отхожихъ промышленниковъ *Обзоръ* опредѣлить не можетъ, но она *очень* велика. На основаніи приводимыхъ тамъ данныхъ (стр. 230—232) можно лишь утверждать, что она превышала въ 1894 году 25,000 человѣкъ, а можетъ быть и *сильно* превышала. Всѣхъ уѣздовъ въ губерніи 15 и *почти изъ каждаго* уѣзда уходившіе на заработки считались тысячами. Такъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ изъ *четырехъ только* волостей ушло болѣе $5\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ, въ Роменскомъ—изъ 3-хъ волостей—около 3,000, въ Хорольскомъ—изъ 2-хъ волостей 2,000 и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ *масса* волостей во всѣхъ уѣздахъ, о которыхъ сказано, что оттуда уходили $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ *рабочаго* или даже *всего* населенія волости.

---

*) Вотъ характерный отзывъ одного корреспондента изъ Кременчугскаго уѣзда: «факторы-коммиссіонеры, какъ разъяренныя акулы, бросаются на свои жертвы и всячески стараются купить у нихъ дешевле хлѣбъ, нежели онъ стоитъ на рынкѣ. Я не буду говорить про г. Кременчугъ, куда привозится для продажи масса зерна, а про села и деревни, куда являются эти крокодилы. Они тамъ внѣ закона и дѣлаютъ все, что имъ угодно. Разумѣется, лица, преимущественно крестьяне, ведущіе съ ними торгъ и сильно нуждающіеся въ деньгахъ, очень легко поддаются на ихъ обманъ и продаютъ хлѣбъ дешевле. Кромѣ того въ уѣздѣ есть нѣсколько ссыпныхъ амбаровъ, гдѣ хлѣбъ, разъ попавшійся въ то село, гдѣ есть эти помѣщенія, не выпускается и покупается дешево» (274).

**) «Прежде бывало отвезъ мѣшокъ пшеницы въ городъ и этимъ подати уплатилъ, а теперь нужно везти 3 мѣшка, а съ ячменемъ и не показывайся на базаръ» (276) и т. д.

Словомъ—цѣлое переселеніе народовъ. Двигался цѣлый народъ съ женщинами, дѣтьми и подростками, какъ въ былыя героическія времена, но не для завоеваній и покореній, а съ цѣлью заработать нѣсколько рублей тяжелымъ, неблагодарнымъ трудомъ, питаясь однимъ хлѣбомъ, ночуя подъ небеснымъ сводомъ, призывая иногда для пропитанія имя Христово. Шли они, «солнцемъ палимы», на земледѣльческіе заработки въ сосѣднія Херсонскую и Екатеринославскую и въ отдаленныя Таврическую и Ставропольскую губерніи, въ Донскую и Кубанскую области, на свеклосахарные заводы въ губерніи Кіевскую и Харьковскую, на рыбныя ловли въ Ростовъ-на-Дону и Одессу (стр. 232—233). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полтавской губ. чувствовался недостатокъ въ рабочихъ и нѣкоторые корреспонденты бюро негодуютъ на то, отчего мѣстные крестьяне уходятъ такъ далеко, когда есть заработки на мѣстахъ. Простое разрѣшеніе загадки можно найти на стр. 234 *Обзора*, гдѣ приведено сравненіе размѣровъ средняго заработка въ отходѣ и на мѣстѣ: размѣръ этотъ въ первомъ случаѣ выше, чѣмъ во второмъ, для мужчинъ на 31,5%, для женщинъ — на 40,9%, а для полурабочихъ — даже на 60,3%. Гг. полтавскіе землевладѣльцы, заплатите рабочему нѣсколько щедрѣе, хотя бы столько, сколько платятъ екатеринославскіе или херсонскіе, и вы не будете нуждаться въ рабочихъ. Въ этомъ можно быть совершенно увѣреннымъ, ибо только чрезмѣрная нужда можетъ обращать осѣдлыхъ людей въ кочевыхъ. Впрочемъ, и на югѣ въ 1894 г. заработки были меньше 1893 года для полурабочихъ на 1,2%, для женщинъ — на 6,9%, а для мужчинъ — даже на 13,9% (235).

Шагъ далѣе. Плохія хозяйственныя «конъюнктуры» обусловливаютъ наростаніе недоимокъ заемщиковъ крестьянскаго банка, вслѣдствіе чего послѣдній «ничтоже сумняся» не перестаетъ продавать крестьянскія земли съ энергіей, достойной лучшей участи *). «Число перепродажъ участковъ земли, отобранныхъ банкомъ у прежнихъ покупщиковъ за недоимки, увеличилось противъ прошлаго года *вдвое*, а пространство перепроданной земли увеличилось слишкомъ *въ $2^1/_2$ раза*, тогда какъ число покупокъ посредствомъ банка у лицъ другихъ сословій и особенно у дворянъ уменьшилось почти *втрое*, а пространство купленной земли уменьшилось больше, чѣмъ *въ $2^1/_2$ раза*; общее число сдѣлокъ уменьшилось на 13,8%; уменьшилось и число покупщиковъ; *напротивъ, количество земли, купленной въ отчетномъ году при содѣйствіи банка, больше таковою-же въ прошломъ на 24,4%*; слѣдовательно, увеличился средній размѣръ купленнаго участка и среднее количество земли, приходящейся на одного покупщика» (стр. 207). Переводя все это на

*) За 12-лѣтнее существованіе банка въ Полтавской губ. куплено при его посредствѣ 95,112 дес. земли, и перепродано изъ того числа за недоимки 10,484 дес., т. е. 11 проц. (208—209).

простой языкъ, получается слѣдующее: у бѣднѣйшихъ покупщиковъ земля отбирается и продается, а содѣйствуетъ пріобрѣтенію земли банкъ только болѣе обезпеченнымъ.

Размѣры нашей замѣтки о полтавскомъ *Обзорѣ* разрослись настолько, что мы принуждены теперь ограничиться лишь 2—3 указаніями на нѣкоторыя явленія мѣстной хозяйственной жизни, заслуживающія быть непремѣнно отмѣченными.

Съемочныя цѣны въ губерніи пали. Это явленіе всеобщее со времени уменьшенія хлѣбныхъ цѣнъ, и оно насъ въ данную минуту не интересуетъ, поскольку оно зависитъ отъ названнаго фактора. Характерно другое. Цѣны эти падали въ Полтавщинѣ еще и по другой причинѣ—вслѣдствіе переселеній. Мнѣ не помнится, чтобы въ послѣднее время были сдѣланы гдѣ-либо другія аналогичныя указанія. Нѣкоторыя мѣстности тамъ выдѣлили столь значительный контингентъ переселенцевъ, что число ихъ уже повліяло на сокращеніе спроса на наемъ земель (179—180). «Наиболѣе рѣзко сокращеніе доплаты (при натуральныхъ арендахъ) проявилось въ Переяславскомъ уѣздѣ (9 волостей): оттуда сообщаютъ частью объ уменьшеніи отработковъ, частью о прекращеніи ихъ въ обозрѣваемомъ году вслѣдствіе массоваго переселенія жителей названныхъ мѣстностей «на Амуръ» и въ Западную Сибирь. Объ уменьшенi спроса на землю и о сокращеніи отработковъ вслѣдствіе переселенія жителей сообщается также изъ Миргородскаго и Хорольскаго уѣздовъ» (186). Настолько сильно стремленіе «отрясти прахъ отъ ногъ своихъ» на родинѣ, дающей земледѣльцу, камень вмѣсто хлѣба и уйти «въ просторные дальніе края Сибири». Но... и оттуда принуждаемы иногда бываютъ возвращаться; такъ, въ Миргородскій уѣздъ уже возвратились нѣкоторые, «въ конецъ раззоренные и теперь бѣдствующіе еще пуще прежняго» (278).

Въ заключеніе — два болѣе свѣтлыхъ явленія (ужъ слишкомъ много мрачнаго разсказано выше). Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторые мѣстные промыслы давали хорошій заработокъ въ 1894 г.—ткачество, сапожничество, портняжество и нѣкоторые другіе (стр. 163—4), къ сожалѣнію, не поименованные. Говорю—къ сожалѣнію, ибо важно было бы знать, такіе-ли это промыслы. которые удовлетворяютъ потребностямъ крестьянскаго обихода, какъ и названные. Если это такъ, то въ этомъ фактѣ находило бы себѣ подтвержденіе высказанное въ литературѣ уже ранѣе мнѣніе о томъ, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и хорошій урожай *способствуютъ* развитію кустарныхъ промысловъ, потребителями продуктовъ которыхъ являются крестьяне.

Другое явленіе—распространеніе среди крестьянъ земледѣльческихъ орудій; а такъ какъ орудія эти по большей части недоступны по цѣнѣ массѣ земледѣльцевъ, то увеличиваются въ числѣ *артельные* способы ихъ покупки. «Правда, привозныя вѣялки и конныя молотилки входятъ въ обиходъ почти исключительно однихъ зажи-

точныхъ казаковъ и крестьянъ; но желѣзные плуги, благодаря уѣзднымъ земствамъ, устроившимъ при управахъ склады земледѣльческихъ орудій, встрѣчаются нерѣдко и между средне-состоятельными крестьянами, а изрѣдка пріобрѣтаются даже малосостоятельными домохозяевами. Хозяева *послѣдней категоріи* пріобрѣтаютъ иногда плуги совмѣстно, небольшими товариществами (по 2—3 человѣка). Болѣе дорогія полевыя орудія и машины почти всегда или очень часто пріобрѣтаются группами домохозяевъ въ 3—4 человѣка; вымолотивши свой хлѣбъ, компанія отпускаетъ обычно свою молотилку «въ заработки», т. е. отдаетъ ее во временное пользованіе другимъ хозяевамъ, не имѣющимъ молотилокъ, за условленное вознагражденіе». Въ иныхъ мѣстахъ среди небогатыхъ крестьянъ получили сильное распространеніе буккера, замѣнившіе прежніе рала (стр. 256).

Н. Карышевъ.

Новыя книги.

К. Бальмонтъ. Въ безбрежности. 1. За предѣлы.—2. Любовь и тѣни любви.—3. Между ночью и днемъ. Москва. 1895.

Эпиграфомъ къ новому сборнику своихъ стиховъ г. Бальмонтъ выбралъ слова Достоевскаго: „Землю цѣлуй, и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, ищи восторга и изступленія“. Эти слова Достоевскій, собственно, говоритъ не отъ себя, а устами старца Зосимы, и говоритъ, кажется, не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какой нуженъ г. Бальмонту, которому по этому случаю пришлось даже чуточку подправить Достоевскаго: старецъ Зосима говорилъ: ищи восторга и изступленія *сего*, а г. Бальмонтъ отбросилъ это лишнее словечко *сего*, очевидно, желая искать не только тѣхъ „восторговъ“, о которыхъ говорилъ старецъ; да и старецъ, вѣрно, имѣлъ въ виду не тѣ „изступленія“, которыя съ такимъ экстазомъ живописуетъ молодой поэтъ:

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты—солнце во мракѣ ненастья,
Ты—жгучему сердцу роса!
. . . .
За сладкій восторгъ упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя-бы цѣной преступленья—
Тебя я хочу!

Мы не остановились-бы на этомъ незначительномъ эпизодѣ,

если бы онъ не показался намъ знаменательнымъ въ другомъ отношеніи. Что, собственно, сдѣлалъ г. Бальмонтъ съ совершенно яснымъ поученіемъ Зосимы? Отнялъ эту ясность, сообщилъ ему болѣе смутный, общій и неопредѣленный оттѣнокъ. Это весьма характерно для г. Бальмонта, и намъ кажется, что онъ продѣлываетъ ту же жестокую операцію и надъ своими произведеніями. Въ его стихахъ также много неясности—неясности намѣренной, ненужной и невыразительной. Онъ не по безталанности мало понятенъ: онъ ищетъ этой туманности, ему чудится, что она внушаетъ что то особенное, что она подсказываетъ читателю нѣчто такое, чего не выразятъ никакіе опредѣленные образы, и въ этомъ его—и не его одного—роковая ошибка. Его творчество связано ложной теоріей, тяготѣющей надъ его безспорнымъ дарованіемъ.

Теорія символа въ томъ видѣ, какъ она излагается представителями новаго направленія въ поэзіи, есть сплошное недоразумѣніе. Поэзіи не символической нѣтъ. Поэзія безъ символовъ есть contradictio in adjecto, и вся современная поэтика строится на понятіи символа или образа. Никакая опредѣленность и ясность не мѣшаютъ истинно поэтическому произведенію имѣть многообразное, текучее, свободное значеніе. За немногими чертами этого замкнутаго цѣлаго и при посредствѣ ихъ можетъ раскрыться читателю безконечно многое, смотря по тѣмъ комплексамъ представленій, какіе приходятъ въ движеніе подъ вліяніемъ воспринятаго поэтическаго образа. Для того, чтобы образъ былъ многозначителенъ, суггестивенъ, какъ говоритъ новая поэтика, онъ не нуждается въ туманности. Всякая неясность есть лишь „свидѣтельство о бѣдности“.

Декадансъ пошелъ инымъ путемъ. Его представители думаютъ, что „достаточно все затемнить, чтобы все сдѣлать поэтическимъ, или уничтожить идеи, чтобы имѣть символы“. Ссылаясь на невозможность исчерпать въ словѣ содержаніе своей усложненной душевной жизни, поэты новаго направленія выражаютъ свои настроенія въ странныхъ образахъ, понятныхъ лишь имъ самимъ. Забывая, что „говорить значитъ примыкать своимъ индивидуальнымъ мышленіемъ къ общечеловѣческому“, они ищутъ въ живой рѣчи именно того, на что жалуются: разъединенія языка и мысли, возможно большей свободы воспринимающаго, при которой между значеніемъ образа для творца и содержаніемъ его для читателя не остается ровно ничего общаго. Всякій художникъ слова знаетъ, что его произведеніе почти неизбѣжно говоритъ читателю не совсѣмъ то, что онъ предполагалъ сказать,—но онъ болѣетъ этимъ; онъ надрывается въ исканіи исчерпывающаго выраженія своей мысли. А разнузданный индивидуализмъ мысли не добивается

того, чего страстно ищетъ всякій здоровый мыслитель: чтобы пониманіе читателя совпало съ его дѣйствительной концепціей; символизмъ не знаетъ „страданія, что мысль не пошла въ слова“: онъ надѣется, что услужливая мысль *его* читателя постарается хоть механически связать его неясные образы съ своими настроеніями, вложить въ его туманныя, расползающіяся схемы свое опредѣленное содержаніе, въ сущности, совершенно имъ чуждое. Въ практикѣ декаданса знаменитая формула Гумбольдта—„всякое пониманіе есть также непониманіе“—получаетъ обратный смыслъ: всякое непониманіе, всякое безсознательное и пассивное отношеніе съ неопредѣлимой симпатіей къ настроеніямъ поэта принимается теоретиками символизма за какое-то особенное высшее, мистическое пониманіе.

«Горящій атомъ, я лечу
Въ пространствахъ—сердцу лишь извѣстныхъ,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,
Который жнетъ въ поляхъ небесныхъ
Колосья мыслей золотыхъ
И съ неба зерна посылаетъ,
И въ этихъ зернахъ жизнь пылаетъ,
Сверканье блестокъ молодыхъ,
Огни для атомовъ мятежныхъ,
Что мчатся, такъ же, какъ и я,
Въ туманной мглѣ пустынь безбрежныхъ,
Въ бездонныхъ сферахъ бытія».

Повѣримъ поэту, что онъ, создавая это стихотвореніе, формулировалъ въ немъ свою мысль, а не сплеталъ въ ритмическую рѣчь ему самому неясные образы. Но неужто онъ думаетъ, что есть какая нибудь возможность *понять* это стихотвореніе такъ, какъ онъ хотѣлъ, раскрыть его дѣйствительный смыслъ, не толкуя его произвольно? Или ему это все равно?

Въ оцѣнкѣ лирики одинъ критерій выступаетъ особенно настойчиво на первый планъ—вопросъ объ искренности. Въ той области поэзіи, гдѣ мотивы такъ немногочисленны, гдѣ повторенія настроеній кажутся законными и продуктъ дѣйствительнаго вдохновенія легко смѣшивается съ компилятивнымъ перепѣвомъ, особенно умѣстно спросить: искренно-ли стихотвореніе, или, другими словами,—было-ли оно для поэта необходимымъ актомъ творчества, результатомъ непобѣдимаго порыванія дать выраженіе душевному напряженію, которое лишь въ этомъ процессѣ объективированія могло найти разрѣшеніе? Если нѣтъ, если иные мотивы движутъ творчествомъ, то цѣна его продуктамъ равна нулю и никакая красота формы не спасетъ ихъ отъ презрѣнія читателя.

Объ этомъ надо крѣпко подумать г. Бальмонту. Онъ свое-

образенъ и могъ-бы, оставаясь самимъ собою, меньше отдавать банальностью школы. Интересно, что лучшее въ этомъ сборникѣ стихотвореніе „Больной“ ничѣмъ не напоминаетъ вымученной оригинальности другихъ произведеній версификаторскаго таланта г. Бальмонта; оно нѣсколько банально по мотиву, но за то оно ясно, жизненно, просто, и очевидно вылилось изъ неподдѣльнаго настроенія. Отмежевавъ себѣ небольшую область, которую онъ отчасти намѣтилъ въ своемъ первомъ—болѣе удачномъ—сборникѣ, г. Бальмонтъ развернулъ бы въ ней свое небольшое, но несомнѣнное дарованіе шире, чѣмъ въ высокопарныхъ рѣшеніяхъ космологическихъ проблеммъ.

Все минется—и чайки, летящія „къ безднамъ свѣтлой безбрежности“, и туманныя заглавія, и игра звукоподражаніями, и выдуманные сюжеты, и изысканные эпиграфы на всевозможныхъ языкахъ, и манерные эпитеты вродѣ „осторожнаго ущелья“ или „чуткихъ скалъ“, и прочія уловки „высокаго штиля“, подражанія и кокетства—все минется: должна остаться одна правда. Что, если за вычетомъ всѣхъ этихъ ухищреній ея не окажется?

А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1896.

Сборнику своихъ статей проф. Кирпичниковъ предпосылаетъ „вмѣсто предисловія“ нѣсколько теоретическихъ замѣчаній объ объемѣ и задачахъ исторіи литературы. Значеніе науки онъ признаетъ только за сравнительной или всеобщей исторіей литературы, и матеріалъ, привлекаемый ею къ изслѣдованію, опредѣляетъ очень широко; это не только литературные памятники всѣхъ родовъ и видовъ, но и памятники юридическіе, археологическіе, языкъ, наконецъ, факты политической исторіи, поскольку во всемъ этомъ отражаются развитіе, взгляды, идеалы человѣчества. Многообразію матеріаловъ соотвѣтствуетъ и задача науки—„вывести общіе, незыблемые законы, по которымъ совершается движеніе человѣческой мысли, внутренній прогрессъ человѣчества“. Не трудно замѣтить, что формулы эти слишкомъ широки: отожествлять исторію литературы съ исторіей духовной жизни значитъ отказаться отъ желанія точно и ясно ограничить задачи и предметъ изслѣдованія своей науки. Исторія литературы имѣетъ дѣло только съ литературными произведеніями; древнѣйшіе памятники научнаго, бытового, юридическаго характера привлекаются ею къ дѣлу лишь постольку, поскольку имѣютъ литературный характеръ, поскольку служатъ для изученія элементарнаго литературнаго творчества въ области языка.

„Для эпохи, близкой къ намъ, замѣчаетъ проф. Кирпичниковъ, мы интересуемся прежде всего памятниками такъ называемой изящной литературы, но не потому, что они красивѣе другихъ, а потому, что въ нихъ убѣжденія современниковъ, степень ихъ развитія, а въ особенности идеалы выражаются яснѣе“. Едва-ли это такъ. Какъ-бы ясно ни были выражены правовые идеалы въ гражданскомъ и уголовномъ кодексахъ, исторія литературы не займется ими, если они не представятъ чисто литературнаго—въ данномъ случаѣ лингвистическаго или стилистическаго—интереса. Исторія въ своей совокупности служитъ необходимымъ подспорьемъ исторіи литературы, но не смѣшивается съ нею. Исторія литературы есть исторія словесныхъ формъ выраженія мысли и, какъ таковая, она начинается съ исторіи языка. Она можетъ поэтому ограничиться литературой одного народа и все же оставаться наукой, а не обращаться въ „предметъ преподаванія“, въ „извѣстную дисциплину“. Если бы исторія русской литературы была не наукой, а „предметомъ преподаванія“, какъ кажется автору, то она едва-ли могла бы дойти до „обобщеній и законовъ, обязательныхъ для всѣхъ племенъ и періодовъ“.

Однако, это недостаточно опредѣленное и слишкомъ многообъемлющее представленіе о задачахъ науки можетъ казаться неудобнымъ съ методологической точки зрѣнія, но читатели „Очерковъ“ будутъ все же благодарны проф. Кирпичникову за эту широкую и содержательную обработку литературно-историческихъ данныхъ. Сборникъ составленъ изъ статей и чтеній, которыя въ свое время предназначались для разнообразныхъ слоевъ публики—отъ аудиторіи народной („Н. В. Гоголь“) до университетской („Вмѣсто предисловія“), отъ пестрой толпы слушателей рѣчей при открытіи памятниковъ („В. И. Григоровичъ“, „Одесса и Пушкинъ“) до ученаго собранія спеціалистовъ въ московскомъ „Обществѣ любителей россійской словесности“ („Критическія и библіографическія замѣтки о Крыловѣ“). Различенъ поэтому тонъ, различно содержаніе чтеній, посвященныхъ то отдѣльнымъ писателямъ („А. В. Дружининъ“), то отдѣльнымъ литературнымъ явленіямъ („Московскія Вѣдомости 1789 г.“, „Горе отъ ума и Война и Миръ“), то исторіи умственной жизни своеобразнаго провинціальнаго города за все время его существованія. Спеціалистъ-историкъ найдетъ здѣсь любопытныя справки о забытыхъ литературныхъ дѣятеляхъ, о Кургановѣ, составителѣ знаменитаго „Письмовника“, объ Ант. Погорѣльскомъ (Перовскомъ), авторѣ нашумѣвшей въ свое время „Монастырки“; библіографъ порадуется новымъ варіантамъ къ пьесамъ и баснямъ Крылова; обыкновенный читатель узнаетъ много интересныхъ

фактовъ изъ внутренней жизни любимыхъ писателей, познакомится съ кой-какими сопоставленіями и указаніями, которыя, не представляя ничего особенно новаго, слишкомъ мало общеизвѣстны (рѣчь о Пушкинѣ).

Не лишены спеціальнаго интереса также лекціи о Достоевскомъ и Писемскомъ. Это, правда, не „сравнительная характеристика"—автору не удалось ни возсоздать сложные образы знаменитыхъ романистовъ, ни указать какія-либо основныя черты ихъ внутренняго сходства или различія, переходящія за предѣлы внѣшняго сопоставленія; онъ ограничился параллельными характеристиками отдѣльныхъ произведеній, такъ что остается невыясненнымъ главное,—почему для критической параллели подобранъ къ Достоевскому Писемскій, а не кто либо другой? Но и въ этой статьѣ много интересныхъ частностей, мелкихъ замѣчаній, напр. о языкѣ Достоевскаго, о его повтореніяхъ и излюбленныхъ образахъ, о значеніи „Дневника писателя" для выясненія процесса творчества поэта и т. д. Жаль только, что, подъ вліяніемъ нѣкоторой склонности къ панегирическимъ увлеченіямъ, факты общеизвѣстные принимаютъ въ освѣщеніи автора неожиданную окраску. Проф. Кирпичниковъ слышалъ знаменитую рѣчь о Пушкинѣ и „вмѣстѣ съ толпою безумствовалъ отъ восторга". Это, конечно, понятно; но неужто онъ искренно убѣжденъ, что съ пушкинскихъ дней 1880 года „нѣтъ на Руси ни ультрареалистовъ, доказывающихъ, что сапоги лучше Шекспира, ни ультраидеалистовъ, отдѣляющихъ китайской стѣною поэзію отъ жизни; нѣтъ вражды между руссофилами и космополитами западниками"? Неужто ему показалось, что отношенія Достоевскаго къ національному вопросу сводятся къ проповѣди „объединенія національныхъ и гуманныхъ стремленій, всеобщаго братства и народовъ, и сословій, и отдѣльныхъ людей"? Въ націоналистической проповѣди Достоевскаго было еще много такого, на что изслѣдователю закрывать глаза не приходится.

Н. Бѣлозерская. Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1896.

Читающая публика не имѣетъ до сихъ поръ надлежащаго представленія о Нарѣжномъ. „Его случайные читатели, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, могутъ теперь судить о немъ только съ эстетической, а не исторической точки зрѣнія, особенно важной въ данномъ случаѣ, и не смотря на безусловную талантливость его произведеній, должны неизбѣжно находить ихъ устарѣлыми, мѣстами скучными, и быть можетъ, иногда, даже лишенными смысла". Этотъ смыслъ удачно

возстановляетъ авторъ, ставя свое изслѣдованіе въ рамки историческаго изученія общаго хода нашей переводной и оригинальной литературы, предшествовавшей Нарѣжному, и обрамляя его произведенія данными, представляющими ихъ подчасъ въ совершенно неожиданномъ освѣщеніи. Такъ, романъ „Черный годъ или горскіе князья“,—по виду типичный „романъ приключеній“ съ сложной любовной исторіей, невѣроятными авантюрами и неправдоподобной развязкой,—въ связи съ характеристикой дѣятельности русскихъ властей въ Грузіи во время службы тамъ Нарѣжнаго, оказывается не фантастическимъ измышленіемъ, а нашимъ *первымъ самобытнымъ сатирическимъ романомъ* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Весьма интересна эта историческая справка, выясняющая, какая „благодать сошла на Грузію“ съ новымъ режимомъ. Романъ, вышедшій послѣ смерти автора и черезъ четверть столѣтія послѣ изображенныхъ въ немъ событій, не былъ, конечно, понятъ ни публикой, ни критикой.

Современная критика вообще не могла оцѣнить Нарѣжнаго и совершенно не замѣтила того новаго слова, которое несли съ собою его произведенія. На первыя попытки реальнаго изображенія дѣйствительности въ эпосѣ она отозвалась указаніями на „непонятныя“ выраженія вродѣ *смотрить во всѣ глаза* или *сегодня ночью* и совѣтами автору прочесть эстетическіе „Principes“ аббата Батте. Цензура также не благоволила къ Нарѣжному и его „Россійскій Жилблазъ“—характерное заглавіе, напоминающее французскій прототипъ реальнаго нравоописательнаго романа,—по выходѣ первой половины былъ запрещенъ „по вызову“ министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго. Это запрещеніе подѣйствовало на романиста настолько удручающимъ образомъ, что онъ на много лѣтъ оставилъ перо. Иначе отнеслись къ роману читатели, отчасти, быть можетъ, и соблазненные запретностью книги: черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ „Россійскій Жилблазъ“ считался библіографической рѣдкостью.

Критика, однако, шла также впередъ и новое, наиболѣе извѣстное произведеніе Нарѣжнаго, историческій и бытовой романъ „Бурсакъ“, встрѣтило при своемъ появленіи (1824 г.) уже серьезные и дѣльные критическіе отзывы, гдѣ подчасъ указывали даже на недостаточную точность въ изображеніи жизни, напр., на выдуманныя по старому канону эстетики имена. На слѣдующій романъ Нарѣжнаго „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ (1825 г.) отозвался и кн. П. А. Вяземскій такой характерной для своего времени оцѣнкой: „Нарѣжный побѣдилъ *первый* и покамѣстъ *одинъ* трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до него непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не

имѣетъ или имѣетъ мало оконечностей живописныхъ, кои могъ-бы охватить наблюдатель *для составленія русскаго романа...*" Въ этомъ отзывѣ авторъ не безъ основанія находитъ подтвержденіе грядущей оцѣнки Бѣлинскаго, который называлъ Нарѣжнаго „родоначальникомъ русскихъ романистовъ" и дарованіе его считалъ „замѣчательнымъ и оригинальнымъ".

Это мимолетное замѣчаніе Бѣлинскаго не напрасно выставлено эпиграфомъ къ изслѣдованію г-жи Бѣлозерской: въ этой книгѣ оно находитъ вѣское и солидное обоснованіе, въ чемъ всегда чувствовалась потребность. Романы Нарѣжнаго отжили свой вѣкъ и сослужили—вспомнимъ ихъ вліяніе на Гоголя—свою службу; перечитывать ихъ—кромѣ „Бурсака"—едва-ли станетъ кто-либо. Но всякій, въ комъ есть живой интересъ къ былымъ судьбамъ родной литературы, найдетъ въ новой книгѣ о Нарѣжномъ характерный и богатый содержаніемъ очеркъ жизни и трудовъ одного изъ столь многихъ незаслуженно забытыхъ русскихъ писателей.

М. В. Барро. Эмиль Золя, его жизнь и литературная дѣятельность. («Жизнь замѣчательныхъ людей». Ф. Ѳ. Павленкова). Спб. 1895. Ц. 25 к.

Полезная и, по замыслу, весьма удачная, „біографическая библіотека" Ф. Ѳ. Павленкова страдаетъ въ выполненіи нѣкоторыми недостатками. Отсутствіе общей редакціи повело къ противорѣчіямъ между отдѣльными біографіями, если не въ фактахъ, то въ настроеніяхъ и симпатіяхъ составителей; каждый изъ нихъ старался внушить какъ можно большую симпатію къ своему „замѣчательному человѣку"—иногда на счетъ другого, столь же замѣчательнаго и потому также получившаго мѣсто въ „біографической библіотекѣ"; въ книжкѣ, посвященной послѣднему, значеніе его является, конечно, уже въ нѣсколько иномъ видѣ; прямыя столкновенія между двумя дѣятелями получаютъ въ „библіотекѣ" подчасъ два діаметрально противоположныхъ освѣщенія. Случайность выбора—такъ какъ трудно подыскать основанія для многихъ пропусковъ—отразилась на полнотѣ „библіотеки"; трудно опредѣлить, почему, напримѣръ, пропущены Тэнъ, Фихте, Мюссе, Мендельсонъ-Бартольди, Гельмгольцъ, почему наряду съ Магометомъ и Буддой нѣтъ Моисея, наряду съ Канкринымъ нѣтъ Бецкаго, наряду съ Никитинымъ нѣтъ Ал. Толстого. Наконецъ—и это самое главное—біографіи весьма различны по достоинству. Вмѣстѣ съ совершенно самостоятельными трудами, основанными на сырыхъ матеріалахъ или даже имѣющихъ значеніе первоисточниковъ (напр., „Боткинъ" Бѣлоголоваго), вмѣстѣ съ до-

бросовѣстными компиляціями, въ основу которыхъ легло тщательное изученіе всей литературы предмета, изложеннаго съ вдумчивостью и вниманіемъ къ неопредѣленной, обширной и не высоко развитой массѣ читателей „библіотеки“,—въ ней, къ сожалѣнію, можно указать и на спѣшныя, ремесленныя работы, которыя не даютъ читателю не только того, что могли и должны-бы дать, но просто поражаютъ своимъ легкимъ отношеніемъ къ дѣлу—къ серьезному и отвѣтственному дѣлу составленія книги для средняго русскаго читателя.

Новая біографія Зола, вошедшая въ „библіотеку“, не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ. Составитель счелъ возможнымъ ознакомиться лишь съ незначительной долей литературы о Зола, и выборъ источниковъ, на которые онъ указываетъ, удивляетъ своей бѣдностью и произвольностью. Всѣ біографическія данныя онъ черпаетъ изъ одной книги и знаетъ лишь одно русское произведеніе, посвященное творчеству Зола. Онъ не указываетъ въ своемъ спискѣ ни де-Амичиса, у котораго можно было многимъ попользоваться, ни статей Арсеньева, Боборыкина (напр. его интересное „Письмо изъ Парижа“ въ В. Евр. 1882 г., а также статьи въ Отеч. Зап. 1876 г.), не говоря ужъ о множествѣ критическихъ статей, подписанныхъ наиболѣе выдающимися представителями западно-европейской критики—Брандесомъ, Брюнетьеромъ, Леметромъ, Пелисье. Вся эта упущенная изъ виду литература многому могла-бы научить автора—и не только въ области его теоретическихъ счетовъ съ эстетическими воззрѣніями Зола, но и по части подробностей изъ личной жизни автора „Ругонъ Макаровъ“. Но составитель ограничился свободнымъ изложеніемъ біографіи писателя по дружеской книгѣ Алекси, которому слѣдуетъ во всѣхъ мелочахъ—и годомъ выхода книги Алекси (1882) обрывается біографія—точно съ тѣхъ поръ вся жизнь Зола исчерпывается заглавіями его новыхъ книгъ. Событія, которыя могли въ свое время волновать друзей романиста, но теперь не представляютъ ни интереса, ни характерности, кажутся г-ну Барро настолько значительными, что онъ отводитъ, вслѣдъ за Полемъ Алекси, цѣлую главу изъ своей небольшой книжки разсказу о постановкѣ *Assomoir* на сценѣ (гл. VI: Исторія одной драмы). Мѣсто вообще не дорого составителю. Въ главѣ „Теорія экспериментальнаго романа“ изложенію и разбору этой теоріи отведено ровно три странички: остальное занято экскурсомъ о Ретифѣ де ла Бретонъ, который, по мнѣнію составителя, отнюдь не былъ учителемъ Зола и не оказалъ на него даже вліянія на разстояніи. Авторъ „Развращеннаго крестьянина“ несомнѣнно—оригинальная фигура и интересный писатель; но его неумѣстная біографія нисколько не

выясняетъ теорій Зола, генезисъ которыхъ пришлось бы искать въ иныхъ идеяхъ. Да и вообще у Зола было столько „предшественниковъ“ отъ Прево и Лесажа до Стендаля и Флобера, что новаторство его требуетъ болѣе сложнаго и нюансированнаго опредѣленія, чѣмъ огульныя формулы, столь ходкія у большой публики. Глава „Практика экспериментальнаго романа“ должна была ввести читателя въ процессъ творчества Зола и выяснить теперь уже общеизвѣстныя противорѣчія между теоріей и романами „іерофанта натурализма“. Но и этого не сдѣлалъ авторъ, отдѣлавшись замѣчаніемъ, что „вообще на практикѣ Зола очень часто побиваетъ свою теорію“. А между тѣмъ, вѣдь въ этомъ могъ бы быть лучшій отвѣтъ на ,,теорію экспериментальнаго романа“, столь слабую именно въ теоретическомъ отношеніи. Книжка г-на Барро кончается заявленіемъ, что ,,литературная вражда къ Зола теперь почти затихла“. Едва-ли это такъ, и недавняя полемика творца эпопеи „Ругонъ Макаровъ“ съ представителями новыхъ направленій въ литературѣ также знаменательна и характерна, какъ и его незабытыя еще выходки противъ ,,стариковъ“.

Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Г. А. Паперна.** Спб. 1895. Ц. 25 к.

Этотъ новый выпускъ біографической библіотеки, издаваемой г. Павленковымъ подъ заглавіемъ „Жизнь замѣчательныхъ людей“, представляетъ собою въ общемъ удовлетворительный очеркъ жизни и трудовъ знаменитаго французскаго математика и философа.

На какое либо самостоятельное значеніе эта брошюра претендовать, конечно, не можетъ, но составлена она по вполнѣ благонадежнымъ и доброкачественнымъ источникамъ. Жаль только, что авторъ (который, конечно, долженъ былъ имѣть въ виду лишь публику совершенно незнакомую съ ученіемъ Декарта) не достаточно выдвинулъ на первый планъ то, что въ ученіи Декарта дѣйствительно ново и истинно. Такъ методологическое значеніе „сомнѣнія“ Декарта очерчено блѣдно; не достаточно ясно указана важность его (въ сущности ошибочнаго) принципа: „Мыслю, слѣдовательно, существую“. Авторъ не постарался указать, какъ та своеобразная смѣсь истины и заблужденія, которая лежитъ въ основѣ этого принципа, неизбѣжно должна была сдѣлаться родоначальникомъ какъ справедливыхъ, такъ и ошибочныхъ гипотезъ послѣдующихъ философовъ. Наконецъ, авторъ, по нашему мнѣнію, очень слабо оттѣнилъ ту заслугу Декарта, которую особенно высоко цѣнилъ Огюстъ Контъ, т. е. полное и безповоротное подчиненіе

физики (употребляя это слово въ широкомъ его смыслѣ) механикѣ.

Несостоятельность научнаго матеріализма. Вильгельма Оствальда, проф. химіи Лейпцигскаго универ. Подъ редакціей проф. Рижскаго Политехн. училища П. И. Вальдена перевели студенты А. Эдельманъ и А. Подпалый. Рига 1896 г. Ц. 20 к.

Тѣ научные термины, на долю которыхъ выпадаетъ привиллегія обращать на себя усиленное вниманіе публики, обыкновенно, расплачиваются за эту честь потерею научной точности. А такъ какъ въ спискѣ этихъ популярно-научныхъ терминовъ терминъ „матеріализмъ" занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, то мы и не должны удивляться, замѣчая, что онъ далеко не всегда равенъ самому себѣ. Строго говоря, подъ матеріализмомъ слѣдуетъ понимать только то метафизическое ученіе, которое считаетъ матерію сущностью, лежащею въ основѣ всѣхъ явленій. Но въ популярномъ употребленіи этотъ терминъ получилъ значительное расширеніе. Мы не только слышимъ объ „экономическомъ матеріализмѣ", который, конечно, не имѣетъ никакой связи съ матеріализмомъ философскимъ; не только въ обыденной рѣчи называютъ „матеріалистомъ" человѣка, который придаетъ слишкомъ большое значеніе „земнымъ благамъ" (причемъ, какъ философъ, этотъ человѣкъ можетъ оказаться чистокровнѣйшимъ „идеалистомъ"); но еще и всѣ чисто философскія ученія, противорѣчащія спиритуализму и ортодоксальности, обыкновенно подвергаются обвиненію въ матеріализмѣ. Такъ наприм., противники позитивизма никогда не упускаютъ случая заявить, что позитивизмъ будто-бы не что иное, какъ замаскированный матеріализмъ. Насколько это обвиненіе справедливо, видно хотя-бы изъ того, что такой первоклассный позитивистъ, какъ Дж. Ст. Милль, учитъ, что матерія есть только „постоянная возможность ощущеній". А Гербертъ Спенсеръ говоритъ, что матерія должна быть истолкована въ терминахъ силы. Что-же касается нѣмецкихъ позитивистовъ, то эти наслѣдники лучшихъ сторонъ критицизма Канта, конечно, не могутъ впасть въ догматизмъ матеріалистической метафизики.

Авторъ разсматриваемой нами брошюры тоже употребляетъ терминъ „матеріализмъ" въ неточномъ смыслѣ: онъ, собственно, сражается не съ матеріализмомъ, а съ механическимъ міровоззрѣніемъ, защищая міровоззрѣніе энергетическое. Конечно, съ паденіемъ механическаго міровоззрѣнія долженъ пасть и матеріализмъ; но, съ другой стороны, можно быть сторонникомъ механизма, не будучи матеріалистомъ. Таковъ, напр., былъ Декартъ.

Сущность взгляда автора видна изъ слѣдующаго. Сказавши, что „наши органы чувствъ реагируютъ лишь на разницу энергій между ними и окружающею средою" (стр. 17), авторъ продолжаетъ: „прекрасно, въ этомъ вы готовы согласиться со мною. Но вы не захотите отказаться отъ матеріи, потому что вѣдь должна-же энергія имѣть *носителя?* Но я съ своей стороны спрошу: „для чего?" Если все, что мы познаемъ изъ внѣшняго міра, есть лишь различныя отношенія между родами энергіи, какое-же имѣемъ основаніе принимать въ мірѣ что либо такое, о чемъ ничего не знаемъ. „Да",—возразятъ мнѣ: „энергія все же нѣчто лишь придуманное, абстрактное, тогда какъ матерія есть нѣчто реальное". *Напротивъ,* отвѣчаю я, матерія именно и есть продуктъ мышленія, который мы себѣ построили и притомъ довольно несовершенно, съ цѣлью представить себѣ постоянное въ безпрерывной смѣнѣ явленій. Теперь, когда начинаемъ постигать, что дѣйствительное, т. е. то, что на насъ *дѣйствуетъ,* есть только энергія, мы должны разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи находятся оба эти понятія, и выводъ не подлежитъ сомнѣнію, что предикатъ реальности можетъ быть приписанъ лишь энергіи" (стр. 17—18).

Будетъ-ли предикатъ реальности приписанъ энергіи, или чему другому,—объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить; но несомнѣнно одно, что предикатъ реальности нельзя приписать матеріи—этому продукту догматической метафизики. Для догматически-мыслящаго ума матерія кажется необходимою, какъ носитель своихъ качествъ. Но что такое этотъ пресловутый носитель, помимо и сверхъ своихъ качествъ?! Ничто, совершенное ничто; та фантастическая „субстанція", опредѣленіе свойствъ которой такъ безпокоило философовъ, пока они не догадались, что единственное свойство субстанціи это — небытіе.

Этюды по философіи наукъ. А. Лаланда. Перев. съ франц. (Изданіе ред. журн. «Образованіе»). Спб. 1896. Ц. 75 к.

При первомъ взглядѣ на эту книгу, при обзорѣ ея содержанія по „оглавленію", можно подумать, что авторъ далъ намъ небольшую, но стройную, хорошо скомбинированную книгу.

Въ самомъ дѣлѣ, семь главъ, на которыя разбита эта книга, послѣдовательно посвящены слѣдующимъ вопросамъ: I) Науки. II) Классификація наукъ. III) Науки математическія. IV) Физическія и естественныя науки. V) Нравственныя науки. VI) Общія гипотезы. VII) Науки и разумъ. А вотъ содержаніе первой главы: „Первоначальный хаосъ ощущеній. — Какимъ образомъ въ нихъ воцаряется порядокъ.—Наука и ея цѣль. —

Ея средства: отвлеченіе и обобщеніе.—Значеніе символовъ и въ особенности языка.—Наука и авторитетъ.— Успѣхи наукъ".

И такъ, съ перваго взгляда, дѣло обставлено замѣчательно хорошо: авторъ начинаетъ съ теоріи познанія и съ разсмотрѣнія сущности и значенія науки; переходитъ затѣмъ къ вопросу о классификаціи наукъ; потомъ разсматриваетъ послѣдовательно всѣ науки одну за другою, и, наконецъ, заканчиваетъ общимъ философскимъ обзоромъ.

Однако, чтеніе самой книги скоро разочаровываетъ читателя. Не то, чтобы эта книга оказалась невѣжественною или бездарною; напротивъ, не отличаясь, правда, ни особенною ученостью, ни особеннымъ глубокомысліемъ, она, однако. и въ томъ и въ другомъ отношеніи вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ хорошей популярной книгѣ. Но ея внутреннее содержаніе представляетъ полный контрастъ ея внѣшности: будучи по внѣшности стройною и последовательною, она, въ сущности, имѣетъ содержаніе совершенно отрывчатое и случайное. Достоинства этой книги ограничиваются тѣмъ, что авторъ разсматриваетъ много интересныхъ вопросовъ, приводитъ по этому поводу мнѣнія различныхъ авторитетныхъ ученыхъ; однимъ словомъ, знакомитъ читателя съ состояніемъ нѣкоторыхъ современныхъ научныхъ вопросовъ. Недостатки-же ея имѣютъ троякій характеръ. Во-первыхъ, книга страдаетъ отсутствіемъ послѣдовательности и основательности. Авторъ касается множества вопросовъ изъ разныхъ областей знанія, но всюду онъ только „касается" ихъ слегка и переходитъ или, лучше сказать, *перескакиваетъ* дальше. Вторымъ недостаткомъ книги является непропорціональность отдѣльныхъ ея частей: число страницъ, удѣляемыхъ авторомъ тому или иному вопросу, не соотвѣтствуетъ значенію этихъ вопросовъ и имѣетъ случайный характеръ. Наконецъ, третьимъ и, быть можетъ, важнѣйшимъ недостаткомъ книги является довольно неудачное смѣшеніе самостоятельнаго изслѣдованія и компилятивной работы, или, лучше сказать, книга по внѣшности претендуетъ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе множества важнѣйшихъ вопросовъ, авторъ намѣчаетъ даже общую основную задачу книги: борьбу противъ эмпиризма и защиту правъ „разума" (раціонализма), — однако, всего этого онъ пытается достигнуть не столько самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, сколько приведеніемъ многочисленныхъ и порою огромныхъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ.

Нѣкоторые отдѣлы его книги сплошь заняты выписками и *не заключаютъ въ себѣ ни одного слова, принадлежащаго самому автору.* Такъ, напр., отдѣлъ, трактующій о „Гипотезѣ", занятъ *сплошь* выпискою изъ книги Клода Бернара: „Introduct. à l'étude de la médecine expérimentale". Выпискою изъ той-же

книги заняты *сплошь* и отдѣлы: „Опытное изслѣдованіе“ и „Экспериментальныя соображенія, относящіяся, въ частности, къ живымъ существамъ“, да сверхъ того огромныя выписки изъ того-же сочиненія встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ книги. Конечно, далеко не одинъ Клодъ Бернаръ доставляетъ такой обильный матеріалъ нашему автору: Паскаль, Руссо, Бэконъ, Жуффруа, Монтескье и многіе другіе тоже даютъ матеріалъ для цѣлыхъ отдѣловъ.

При такомъ отношеніи автора къ своей книгѣ, конечно, нельзя и говорить о значеніи этой книги для науки; достаточно будетъ сказать, что она во многихъ своихъ отдѣлахъ является интересною компиляціей.

Е. Лависсъ и А. Рамбо. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Виктора Михайловскаго. М. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Года три тому назадъ въ Парижѣ начала выходить отдѣльными выпусками предпринятая въ обширныхъ размѣрахъ „Всеобщая Исторія съ IV вѣка до нашихъ дней“, представляющая собою коллективный трудъ многихъ французскихъ ученыхъ съ Лависсомъ и Рамбо во главѣ. Второй томъ этого изданія, посвященный характеристикѣ средневѣкового феодализма и исторіи крестовыхъ походовъ, и послужилъ матеріаломъ для книги, заглавіе которой мы выписали. Именно, изъ шестнадцати главъ, входящихъ въ составъ этого тома, переводчикъ выбралъ пять, трактующихъ послѣдовательно о феодальной системѣ, церкви и папствѣ, коммунальномъ движеніи и происхожденіи городскихъ вольностей, о средневѣковой промышленности и торговлѣ (матеріальной культурѣ) и, наконецъ, о средневѣковой цивилизаціи (духовной культурѣ). Мысль ознакомить русскаго читателя по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ отдѣловъ мало доступнаго иностраннаго изданія, путемъ такой „выборки“, нельзя не признать довольно удачной. Замѣтимъ, однако, что для того, чтобы содержаніе выкроенной такимъ образомъ книги вполнѣ отвѣчало своему заглавію, слѣдовало бы дополнить ее нѣкоторыми параграфами изъ отдѣла, посвященнаго спеціально крестоносной культурѣ (которая, замѣтимъ въ скобкахъ, такъ обстоятельно изслѣдована и блестяще охарактеризована въ капитальномъ трудѣ Прутца *Kulturgeschichte der Kreuzzüge*), и заключительнымъ очеркомъ, въ которомъ бы выяснялась связь общаго культурнаго развитія среднихъ вѣковъ съ частнымъ культурнымъ движеніемъ, вызваннымъ крестовыми походами. Благодаря этому пробѣлу, читатель рѣшительно не въ состояніи вынести изъ составленной г. В. Михайловскимъ книги сколько-нибудь отчетливое представленіе

о роли крестовыхъ походовъ въ культурной эволюціи среднихъ вѣковъ. „Эпоха крестовыхъ походовъ" оказывается въ ней простой, съ боку пристегнутой, хронологической этикеткой, безъ всякаго внутренняго смысла, безъ малѣйшей органической связи съ содержаніемъ книги.

Переводъ вполнѣ приличный, но по части собственныхъ именъ переводчикъ не твердъ. Онъ то оставляетъ ихъ безъ транскрипціи, то пытается передавать русскими буквами — и въ обоихъ случаяхъ сплошь да рядомъ невпопадъ. Saint-Quentin, напр., онъ передаетъ *Санъ-Квентинъ* (!), Laon—*Лонъ* (стр. 158 и 207), вмѣсто Сэнъ-Кантэнъ и Ланъ. Или, наоборотъ, онъ совершенно невпопадъ оставляетъ французское начертаніе не-французскихъ именъ, или французскій переводъ не-французскихъ заглавій; напримѣръ, извѣстный средневѣковый писатель, *нѣмецъ* Cesarius, у г. В. Михайловскаго оказывается „гейстербахскимъ монахомъ *Césaire*" (стр. 272), а не менѣе извѣстные *Кентерберійскіе разсказы*, *Canterbury-Tales*, *англичанина* Чосера фигурируютъ въ *русскомъ* изданіи въ видѣ *французскаго* перевода—*Contes de Canterbury* (стр. 274). Подобная неряшливость тѣмъ менѣе извинительна, чѣмъ легче было бы избѣжать ея.

Въ концѣ каждой главы приложенъ обстоятельный указатель литературы предмета; жаль только, что переводчикъ не потрудился дополнить его указаніями на русскія сочиненія— оригинальныя и переводныя, что было бы вовсе нетрудно сдѣлать въ виду количественной ограниченности русской литературы по средневѣковой исторіи.

Историческія чтенія. **А. Е. Мерцаловъ. Очерки изъ исторіи Смутнаго времени.** Спб. 1895.

Судя по общему заглавію, поставленному надъ книжкой г. Мерцалова, можно думать, что она входитъ въ серію трудовъ, предназначенныхъ для популяризаціи историческихъ знаній среди большой публики. Авторъ „Очерковъ" несомнѣнно обладалъ необходимыми для успѣшнаго выполненія такой задачи средствами. Въ своемъ трудѣ онъ обнаруживаетъ знакомство съ спеціальной литературой, относящейся къ трактуемой имъ темѣ, равно какъ и съ нѣкоторыми болѣе важными источниками; разсказъ ведется имъ живо и интересно, его языкъ, за немногими исключеніями, простъ и ясенъ. Повидимому, однако, авторъ недостаточно уяснилъ себѣ основную цѣль своего труда и вмѣстѣ задался чѣмъ-то большимъ, нежели простая популяризація добытыхъ наукою данныхъ. Въ предисловіи къ книгѣ онъ такъ намѣчаетъ эту цѣль: „Одни изъ событій Смутной эпохи представляются особенно замѣчательными

по сопоставленію съ предъидущимъ и послѣдующимъ теченіемъ исторической жизни, другія же по ихъ загадочности и таинственности, которыхъ до сихъ поръ не можетъ разоблачить исторія. Въ то же время эта эпоха привлекаетъ вниманіе глубокимъ драматизмомъ и трагическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, представляя много благодарныхъ сюжетовъ и для поэта, и для художника. Эти именно стороны ея мы желали оттѣнить въ предлагаемыхъ очеркахъ". Изъ трехъ задачъ, поставленныхъ такимъ образомъ авторомъ своему труду, двѣ во всякомъ случаѣ остались недостигнутыми: все произведенное имъ сопоставленіе Смуты съ предшествовавшими ей теченіями русской жизни заключается въ указаніи на борьбу боярства съ царской властью, а сопоставленія Смутной эпохи съ послѣдовавшей за нею—въ книгѣ не имѣется вовсе; съ другой стороны, авторъ не указалъ новыхъ загадочныхъ событій въ Смутѣ, а извѣстныя раньше остаются столь же загадочными послѣ его книги, какъ были и до нея. Что касается оттѣненія „сюжетовъ, благодарныхъ и для поэта, и для художника", то можно усомниться, должно ли такое „оттѣненіе" входить въ число задачъ историка. Но, минуя все это, нельзя не замѣтить въ приведенныхъ строкахъ взгляда г. Мерцалова на свою книгу, какъ на самостоятельное изслѣдованіе, преслѣдующее вполнѣ оригинальную задачу, и такой взглядъ проходитъ черезъ все его изложеніе. Между тѣмъ положеніе автора относительно источниковъ трактуемой имъ эпохи и касающейся ея научной литературы врядъ-ли оправдываетъ подобное опредѣленіе его книги. Кругъ знакомыхъ г. Мерцалову источниковъ настолько тѣсенъ, что онъ вынужденъ, говоря объ очень извѣстныхъ событіяхъ, ссылаться на Карамзина, а цитаты изъ писемъ Грознаго заимствовать у Костомарова (81). Самое различіе между свидѣтельствомъ источника и разсказомъ или мнѣніемъ изслѣдователя такъ мало соблюдается г. Мерцаловымъ, что онъ, напримѣръ, для характеристики настроенія бояръ и народа при избраніи Годунова одинаково пользуется словами Петрея, Костомарова и г. Павлова (46—7); мнѣнію Костомарова о мотивахъ избранія боярами Владислава противопоставляетъ „свидѣтельство Карамзина" (137); или, оцѣнивая различныя мнѣнія о смерти царевича Димитрія, замѣчаетъ: „простое, безхитростное изложеніе Арцыбашева производитъ сильное впечатлѣніе на всякаго непредубѣжденнаго человѣка" (38—9), какъ будто Арцыбашевъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій. Литература вопроса также повидимому, не вполнѣ извѣстна автору, а иногда онъ пользуется ею изъ вторыхъ рукъ, ссылаясь, напримѣръ, на мнѣніе Погодина черезъ посредство г. Гутьяра (130).

Стремленіе къ самостоятельности, покоющееся на столь

шаткихъ основаніяхъ, составляетъ главный недостатокъ книги и онъ крайне неблагопріятно отразился на всемъ ея содержаніи. Прежде всего г. Мерцаловъ произвольно съузилъ свою задачу, болѣе, чѣмъ это позволяла имѣющаяся уже по Смутной эпохѣ литература. Въ первомъ изъ своихъ очерковъ онъ опредѣляетъ причины смуты и находитъ ихъ въ эгоистическихъ стремленіяхъ боярства, пытавшагося ограничить царскую власть вопреки интересамъ всего остального народа и въ усиліяхъ Польши ослабить Московское государство. Въ дѣйствительности, конечно, не одно боярство дѣлало смуту и не однѣ политическія идеи составляли ея содержаніе; тяжелое положеніе народной массы играло далеко не послѣднюю роль въ числѣ вызвавшихъ „великую розруху“ причинъ, хотя эта масса и не стремилась къ политическимъ реформамъ и хотя соціальныя условія ея быта не были измѣнены въ желательномъ для нея направленіи Смутою. Съ другой стороны, вмѣшательство Польши въ русскія дѣла было вызвано не только политическимъ разсчетомъ, но и религіознымъ фанатизмомъ. Всѣ эти черты, однако, совершенно опущены г. Мерцаловымъ и, оставаясь вѣрнымъ указанной точкѣ зрѣнія, онъ въ слѣдующихъ очеркахъ даетъ пересказъ исключительно политической стороны данной эпохи, лишь мимоходомъ посвящая нѣсколько словъ соціальной и экономической жизни народа, и то въ видѣ изложенія и оцѣнки мѣръ отдѣльныхъ правителей. Этотъ пересказъ, въ которомъ авторъ принялъ во вниманіе и новѣйшія пріобрѣтенія исторической литературы, составляетъ лучшую часть книги, хотя въ немъ не заключается ничего новаго, кромѣ предположеній, иногда заходящихъ черезъ-чуръ далеко, и хотя принятыя авторомъ рамки оказываются слишкомъ тѣсными для того, чтобы въ нихъ могло умѣститься все существенное содержаніе Смутной эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, въ силу того же стремленія къ самостоятельности, г. Мерцаловъ помѣстилъ въ своей книгѣ, и особенно въ первой ея главѣ, носящей характеръ общаго введенія, цѣлый рядъ весьма рискованныхъ, а порою и прямо фантастическихъ утвержденій. Такъ, мы узнаемъ отъ него, что въ удѣльный періодъ „положеніе народа было тяжкое, мало чѣмъ разнившееся отъ крѣпостного права XVIII вѣка“, и что, съ уничтоженіемъ удѣловъ, „народъ вздохнулъ свободно подъ единодержавною властью московскаго государя“ (2). Князь удѣльнаго періода, по увѣренію г. Мерцалова, „былъ главой одной своей дружины“ (3). Авторъ убѣжденъ также, что русское монашество „по самому положенію „не отъ міра сего“ естественно не могло играть самостоятельной роли“ среди общественныхъ классовъ московскаго періода (8). Иныя обобщенія г. Мерцалова такъ глубокомысленны, что ихъ трудно понять. „Говорятъ, замѣчаетъ

онъ по поводу московскаго самодержавія, что по своему невѣжеству народъ не зналъ другихъ, болѣе совершенныхъ формъ правленія. Однако, едва ли мы имѣемъ право предъявлять подобныя требованія къ народу и потому должны допустить, что онъ имѣлъ такой, исторически сложившійся образъ правленія, какой его удовлетворялъ въ данное время, т. е. земскаго царя и земскій соборъ" (9). Такую же оригинальность, какъ въ широкихъ обобщеніяхъ, проявляетъ порою авторъ и въ сужденіяхъ о конкретныхъ фактахъ, и даже въ передачѣ послѣднихъ. О Грозномъ, напр., мы узнаемъ, что онъ за все время своего царствованія „находилъ своихъ довѣренныхъ слугъ и думцевъ не въ средѣ боярства" (4), о Годуновѣ, что онъ „устройствомъ вѣковой (?) сторожевой грани на югѣ государства обнаружилъ свой чисто-русскій, крѣпко-стоятельный государственный умъ" (23); при В. Шуйскомъ бояре хотѣли „устроить около государя вліятельную думу на подобіе дружины удѣльнаго князя" (132), а патр. Гермогенъ „понималъ", что русское царство погибнетъ, „если русскіе люди не встанутъ крѣпко за домъ Пресв. Богородицы и за московскихъ чудотворцевъ" (138). Книгу г. Мерцалова заключаютъ двѣ главы, которыхъ могло бы въ ней и не быть, безъ всякаго ущерба для читателя. Въ одной изъ нихъ передается нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о набѣгахъ поляковъ на Вологодскій край, въ другой, носящей заглавіе: „Трагическій элементъ въ событіяхъ Смутнаго времени", читателю предлагается что-то вродѣ коротенькаго конспекта драмы, съ раздѣленіемъ на акты и съ описаніемъ наружности нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Если г. Мерцаловъ собирается самъ писать драму изъ Смутной эпохи, то напрасно онъ поторопился съ обнародованіемъ ея конспекта; если же онъ сочинилъ такой конспектъ для другихъ драматурговъ, то это, конечно, очень великодушно, но мы боимся, что такое великодушіе не будетъ оцѣнено по достоинству.

Въ общемъ можно пожалѣть, что г. Мерцаловъ такъ настойчиво погнался за славою изслѣдователя, а не удовольствовался болѣе скромною задачею популяризатора. Въ послѣднемъ случаѣ его книжка, несомнѣнно, много выиграла бы; теперь же она представляетъ собою довольно пеструю амальгаму недурно изложенныхъ фактовъ политической исторіи Смуты и удивительныхъ домысловъ автора.

А. Верещагинъ. У болгаръ и заграницей. 1881—1893. Воспоминанія и разсказы. Спб. 1896.

„Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты" сказалъ Левъ Толстой. „Простота хуже воровства" говоритъ русская народ-

ная пословица. Многое можно сказать въ защиту обоихъ этихъ афоризмовъ, но какъ примирить ихъ между собою? Но тутъ въ сущности нечего и примирять, потому что тутъ нѣтъ никакого логическаго противорѣчія, а есть только нѣкоторая сбивчивость въ терминологіи. „Простота" въ смыслѣ Толстого—это, конечно, отсутствіе всякой аффектаціи, всякой фальши и неискренности; „простота" въ смыслѣ народа—это, конечно, нѣкоторая умственная ограниченность, неспособность къ тому, что на языкѣ образованныхъ людей называется критическимъ мышленіемъ. Толстой имѣлъ въ виду чисто нравственную способность, народъ говоритъ очевидно о чисто умственномъ свойствѣ и каждый изъ нихъ правъ въ своемъ условномъ, ограничительномъ смыслѣ.

Г. Верещагинъ—очень простой писатель и книжка его—чрезвычайно простое произведеніе въ обоихъ, указанныхъ смыслахъ слова „простой". Ни малѣйшей рисовки, ни малѣйшаго желанія хоть чѣмъ-нибудь пустить читателю пыль въ глаза вы не подмѣтите у г. Верещагина. Это драгоцѣнное свойство. Весьма многіе авторы воспоминаній и разсказовъ пишутъ такъ, какъ Кармазиновъ („Бѣсы") Достоевскаго. „Вся статья Кармазинова (описаніе кораблекрушенія), довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлью выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: Интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты, Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза; не правда-ли, какъ это интересно?". Вотъ этой-то черты, этого самолюбованья у г. Верещагина нѣтъ и тѣни, и въ этомъ его главное писательское достоинство. Разсказываетъ онъ напр. о Скобелевѣ, вспоминаетъ свои съ нимъ отношенія: ужъ гдѣ бы и прихвастнуть, какъ не при такомъ удобномъ случаѣ? Помилуйте, такая знаменитость! Сколько писателей (какъ это, впрочемъ, и было) на мѣстѣ г. Верещагина разсказали-бы объ этомъ своемъ знакомствѣ въ тонѣ извѣстныхъ актерскихъ воспоминаній: „ты, говоритъ... да я, говоритъ... умремъ, говоритъ..." Но г. Александръ Верещагинъ—сама скромность и сама искренность и и вотъ какъ онъ изображаетъ свои отношенія къ Скобелеву: „Скобелевъ каждый разъ приходилъ въ великій азартъ отъ картины („Скобелевъ подъ Шейновымъ"), и ежели при этомъ народу въ залѣ было не особенно много, то бросался душить автора въ своихъ объятіяхъ. Я точно сейчасъ слышу, какъ онъ, обнимая брата, сначала мычитъ, а потомъ восклицаетъ:

„Василій Васильевичъ! Какъ я васъ люблю!“ а иногда, въ избыткѣ чувствъ, переходилъ на *ты* и кричалъ: „тебя люблю!“ Случалось, что, обнимая брата, генералъ нѣтъ-нѣтъ, да и меня обниметъ“. Этотъ маленькій образчикъ писательской манеры г. Верещагина даетъ понятіе о всей его книгѣ. Вы видите, во-первыхъ, что авторъ не только правдивъ, но и наблюдателенъ: вѣдь этотъ, столь безхитростно и простодушно разсказанный эпизодъ освѣщаетъ довольно яркимъ свѣтомъ личность знаменитаго генерала. Симпатиченъ или не симпатиченъ представится вамъ Скобелевъ въ этомъ освѣщеніи—это дѣло вашего вкуса или вашего разумѣнія, но тутъ *есть чему* симпатизировать или не симпатизировать, эпизодъ, разсказанный авторомъ, *содержателенъ*—вотъ что мы хотимъ подчеркнуть. Во-вторыхъ, въ приведенномъ отрывкѣ, какъ и во всей почти книгѣ, ясно сказывается нѣкоторое преклоненіе автора передъ его знаменитымъ братомъ—художникомъ. Преклоненіе это, разумѣется, совершенно напрасно—г. А. Верещагинъ обладаетъ литературнымъ талантомъ, котораго совершенно лишенъ г. В. Варещагинъ, хотя онъ и пишетъ повѣсти—но это преклоненіе интересно какъ психологическая черта, замѣтно вліяющая на... мы запнулись, потому что хотѣли было сказать: вліяющая на *творчество* г. А. Верещагина, тогда какъ надо сказать просто: вліяющая на *повѣствованіе* автора. „Творчество“—слишкомъ большое слово для таланта г. Верещагина, таланта, впрочемъ, несомнѣннаго. Изъ повѣствованія автора мы узнаемъ болѣе всего о его братѣ—художникѣ, о его частыхъ и блестящихъ успѣхахъ и рѣдкихъ неудачахъ, и только иногда, „нѣтъ-нѣтъ“, да и о себѣ разскажетъ что-нибудь скромный авторъ.

За то своими разсказами о себѣ г. Верещагинъ можетъ доставить читателю нѣсколько истинно отрадныхъ минутъ: простодушіе автора безгранично и на нашъ личный вкусъ иногда пресимпатично. Человѣкъ образованный, бывалый, да еще военный, да еще казакъ, г. Верещагинъ пресерьезно разсказываетъ, напр., какъ онъ робѣлъ передъ парижскими извозчиками. „Каждый разъ—разсказываетъ г. Верещагинъ—когда мнѣ случалось нанимать подобнаго господина, когда тотъ, закинувъ голову на кузовъ кареты, сложивъ по наполеоновски руки на груди, величественно отдыхалъ, и прежде чѣмъ согласиться везти, окидывалъ меня съ ногъ до головы своимъ высокомѣрнымъ взглядомъ, рука моя невольно тянулась къ шляпѣ, дабы извиниться, что я осмѣлился нарушить его спокойствіе“. Право же, это прелестно, безъ всякой ироніи говоря. Намъ думается, что капитанъ Тушинъ или капитанъ Тимохинъ („Война и миръ“), не знавшіе страха среди пыла самыхъ отчаянныхъ битвъ, точно также бы робѣли передъ

парижскими извозчиками, какъ и г. Верещагинъ. Это отнюдь не нравственная черта,—это просто культурный признакъ. Развѣ наши провинціалы не робѣютъ передъ величественными петербургскими швейцарами? Но, разумѣется, надо обладать простодушіемъ г. Верещагина, чтобы печатно повѣдать намъ о такого рода страхахъ своихъ. Иногда это простодушіе доходитъ до крайности, такъ что вызываетъ у читателя невольную улыбку, но не насмѣшливую все-таки, а... сострадательную, что-ли? Идетъ напр. г. Верещагинъ черезъ Дарьяльское ущелье и вотъ что ему „невольно приходило въ голову“: „ну, ежели эти скалы подадутся еще хоть чуточку одна къ другой, что тогда отъ всѣхъ насъ останется?“ Конечно, только мокренько останется... О, Господи, Господи! Или вотъ еще описываетъ г. Верещагинъ наружность одной своей героини: „она была такъ толста, что мнѣ кажется, если бы смѣрить ея окружность около плечъ, на животѣ и ниже, то діаметръ оказался бы одинъ и тотъ же“. Гмъ! Любопытный описательно-антропометрическій пріемъ...

Все это—т. е. простодушіе, откровенность, скромность и и т. д. автора—очень хорошо, пока рѣчь идетъ о предметахъ безобидныхъ по существу, о парижскихъ извозчикахъ, о Дарьяльскомъ ущельи, о діаметрѣ и объ окружности дамы, но тѣ же самыя качества г. Верещагина въ случаяхъ болѣе серьезныхъ вызываютъ нѣсколько нетерпѣливое и даже досадливое чувство. Вы начинаете думать, что благодушіе не всегда умѣстно, а скромность, доведенная до послѣдней степени, того и гляди выразится въ знакомой, старой формулѣ: въ моемъ чинѣ и въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть. Помилуйте, хочется вамъ сказать г. Верещагину, мы съ вамъ не ребята и чинъ вашъ совсѣмъ не маленькій: вы вѣдь имѣете чинъ писателя, по крайней мѣрѣ претендуете на него. Разсказываетъ напр. г. Верещагинъ о послѣдней русско-турецкой войнѣ и сообщаетъ нѣчто о порядкахъ, практиковавшихся въ нашей арміи. „Нѣкоторые командиры полковъ становились на войнѣ полными хозяевами и считали полкъ совершенно за свое имѣніе, которымъ они могли располагать какъ имъ угодно. Они разсчитывали и прикидывали на всѣ лады, какъ имъ выгоднѣе довольствовать лошадей: сдать-ли сотеннымъ командирамъ съ вычетомъ извѣстнаго процента, или какому-нибудь жиду-подрядчику, или, какъ всего чаще бывало, покупать самимъ фуражъ и затѣмъ разсылать въ сотни. При такомъ образѣ довольствія, командиры натурально болѣе всего заботились о томъ, чтобы имъ стоять со своей частью тамъ, гдѣ фуражу больше. Все это, разумѣется, шло въ разрѣзъ съ военными цѣлями и, конечно, служило одной изъ главныхъ причинъ тому, что наша кавалерія, случалось, въ

15—20 верстахъ передъ собою не имѣла достаточныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Но главное же зло состояло въ томъ, что, имѣя громадную выгоду отъ довольствія, эти начальники частей старались избѣгнуть огня и вообще столкновенія съ непріятелемъ". Все это чрезвычайно печально, конечно. Однако, какъ же съ этимъ быть? И кто въ этихъ неурядицахъ виноватъ? Г. Верещагинъ объ этомъ не дерзаетъ судить; дескать, не моего ума это дѣло. Онъ только иллюстрируетъ свое сообщеніе разсказомъ о своемъ разговорѣ съ однимъ изъ такихъ командировъ. „А чего я полѣзу теперь въ огонь? сказалъ г. Верещагину этотъ командиръ. Стоянка у меня отличная, фуражу вдоволь; дастъ Богъ, мѣсяца черезъ три докоплю свои сто тысячъ и тогда—гайда, поѣду домой. Вѣдь мы, батенька, войны-то 25 лѣтъ ждали, такъ неужели намъ съ пустыми руками домой-то воротиться? Чего я тутъ не видалъ? чтобы убили, а нѣтъ руку или ногу отстрѣлили!." И это—съ кроткимъ негодованіемъ замѣчаетъ г. Верещагинъ—говорилъ старикъ, коего вся грудь была увѣшана крестами и медалями за разные походы и кампаніи! Значитъ,—для удовлетворительнаго рѣшенія сложныхъ нравственныхъ и, въ особенности, соціальныхъ вопросовъ недостаточно одного чистосердечія, хотя бы самаго безукоризненнаго...

М. А. Берновъ. На ходу. Досуги русскаго пѣшехода, сдѣлавшаго 12,000 верстъ пѣшкомъ по бѣлу свѣту. Съ портретомъ и біографіей автора. Москва. 1896.

Мы чувствуемъ себя въ большомъ затрудненіи: о чемъ собственно намъ слѣдуетъ говорить—о головѣ или ногахъ г. Бернова? Передъ нами лежатъ разсказцы г. Бернова, правда, очень плохіе разсказцы, но все-таки представляющіе собою результатъ нѣкотораго умственнаго, *головного* труда; съ другой стороны, г. Берновъ не безъ помпы указываетъ на то, что имъ пройдено зачѣмъ то пѣшкомъ 12,000 верстъ,—подвигъ, дѣлающій честь только крѣпости ногъ автора. Мало того, г. Берновъ соединяетъ причинною связью трудъ своей головы съ работою своихъ ногъ, свои разсказы съ 12,000 верстами. Посвящая свою книжечку „милымъ, сердечнымъ людямъ, принимавшимъ меня, путника", г. Берновъ прибавляетъ: „безъ Васъ мнѣ бы не пройти столько свѣта, мнѣ бы не написать этихъ разсказовъ". Вотъ видите: если бы г. Берновъ не пѣшеходствовалъ, онъ бы и не писалъ, если бы не 12,000 верстъ, пройденныхъ предварительно, то не было бы и той сотни маленькихъ страничекъ, въ которыя уложились разсказцы г. Бернова. По ариѳметическому разсчету, для каждой странички жиденькихъ разсказцовъ автору

необходимо было отмахать пѣшкомъ ровно 120 верстъ—это болѣе чѣмъ трудолюбіе, это, можно сказать, самоотверженіе.

Основную идею для своихъ разсказовъ г. Берновъ обрѣлъ именно въ своихъ странствіяхъ и формулируетъ онъ ее такимъ образомъ: „Я много прошелъ странъ, много встрѣчалъ людей.. Люди эти научили меня любить человѣка, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, прежде всего—существо, не лишенное сердца. Мнѣ часто приходилось испытывать на себѣ проявленія этого сердца и я въ него глубоко вѣрю“ („Посвященіе“). Не напрасно, значитъ, г. Берновъ прошелъ 12,000 верстъ: онъ убѣдился, что „человѣкъ прежде всего существо, не лишенное сердца“. До тѣхъ поръ, г. Берновъ полагалъ вѣроятно, что человѣкъ—прежде всего существо, не лишенное ногъ. Что касается до самыхъ разсказовъ, то на торжественный вопросъ автора (въ „Посвященіи“): „хороши-ли они или худы?“ отвѣтъ мы уже дали.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Собраніе стихотвореній **В. Гюго** въ переводахъ русскихъ писателей подъ редакціей Н. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XII. Тифлисъ 96. Ц. 20 к.

Стихотворенія **Леонида Афанасьева**. Спб. 96. Ц. 1 р.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. М. 96.

Александръ Амфитеатровъ (Old Gentleman). Грезы и тѣни. М. 96. Ц. 1 р.

А. Е. Заринъ. Говорящая голова. Сборникъ разсказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Fantomoi. Raconto de **Wladimir Korolenko**. El la lingvo rusa tradukis V. Gernet. Odeso 96.

М. Гюйо. Принципъ искусства и поэзія. Перев. съ французскаго. Изданіе I. Юровскаго («Международная библіотека»). Спб. 96. Ц. 20 к.

Борьба и смѣна главнѣйшихъ теченій и направленій въ новой сербской словесности **А. I. Степовича**. (Оттискъ изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1895 г.). Кіевъ.

Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «Славянской взаимности» **А. I. Степовича**. Кіевъ 94.

Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики. Статья **Н. А. Шапошникова**. М. 96. Ц. 20 к.

Психологія народовъ и массъ **Густава Лебона**. Пер. съ франц. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р.

Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Короленко и В. И. Суходоевымъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями **В. Г. Короленко**. М. 96. Ц. 60 к.

Юридическая библіотека. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. **Я. Канторовича**. Спб. Ц. 1 р.

Гр. Джаншіевъ. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. По поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина». Приложеніе: Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя. 2-е дополненное изданіе. М. 96. Ц. 50 к.

А. Волгинъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ. Спб. 96. Ц. 2 р.

Н. Карѣевъ. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Матеріалы для исторіи и критики экономическаго матеріализма. Спб. 96. Ц. 1 р.

Проф. **Луйо Брентано**. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. (Къ морфологіи народнаго хозяйства). Спб. 96. Ц. 15 к.

Über die Elemente der politischen Ökonomie. Erster Teil. Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Waren. Von **Leo v. Buch**. Leipzig 96.

Политическая экономія **П. И. Георгіевскаго**. 2-е изд. Часть I. Спб. 93. Ц. 1 р. 75 к. Часть II, вып. первый. 95. Ц. 1 р. 25 к. Вып. второй. 96. Ц. 1 р.

Морисъ Вотье. Мѣстное управленіе Англіи. Перев. съ франц. В. В. Водовозова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96. Ц. 2 р.

Альфонсъ Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи. Историческій очеркъ. Спб. 96. Ц. 50 к.

В. М. Дубновъ. Іосифъ Флавій, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. Изд. книжнаго магазина Я. Х. Шермана («Наша старина»). Одесса 96. Ц. 20 к.

Открытіе новаго свѣта. Чтеніе для народа. Составилъ **Г. С. Вольтке**. Спб. Ц. 20 к.

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. **Е. Водовозовой**. Испанцы. Спб. 96. Ц. 40 к.

Очерки Астраханскаго края. Климатъ г. Астрахани и Астраханскаго края. Съ 24 графич. таблицами. **Ф. Шперка**. Спб. 95.

Объ уральскихъ горныхъ заводахъ. **И. Н. Стрижова**. Екатеринбургъ. 96.

Станиславъ Менье. Сравнительная геологія или геологія небесныхъ тѣлъ. Изданіе редакціи «Научнаго Обозрѣнія». Спб. 96. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

М. А. Антоновичъ. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. Съ біографіей и обзоромъ его сочиненій. Съ портретомъ. Изданіе А. К. Томашевскаго. Спб. 96. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Вирховъ. О цѣлительныхъ силахъ организма. Пер. съ нѣм. Изд. І. Юровскаго («Международная библіотека»). Спб. 95. Ц. 15 к.

О вліяніи сжатаго воздуха на обмѣнъ азота и усвоеніе азотистыхъ веществъ пищи. Диссертація на степень д-ра медицины **Н. А. Шмитцъ**. Спб. 95.

Dr. **Н. Закъ**. Внѣшнія качества нашихъ школьныхъ учебниковъ съ точки зрѣнія гигіены глазъ. М. 96.

Гигіена обученія письму. Д-ра мед. **Н. Закъ**. М. 96.

Г. Компэре. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Пер. съ франц. С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб. 96. Ц. 1 р.

Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Сочиненіе проф. **Се-**

ведъ Риббинга. Пер. д-ра Лейненберга. 3-е, удешевленное изданіе Н. Лейненберга. Одесса. 96. Ц. 50 к.

Объ употребленіи алкоголя. Общедоступная лекція д-ра **Г. Бунге.** Переводъ д-ра Э. Русановой. Спб. 96. Ц. 25 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Составилъ **С. И. Самборскій,** с.-петербургскій губернскій земскій ветеринарный врачъ. Спб. 96. Ц. 80 к.

По поводу проекта правилъ объ испытаніяхъ на степень доктора медицины проф. **Вл. Крылова** мнѣніе. Харьковъ. 96.

Ялта по однодневной переписи 15 дек. 1892 г. Обработано **П. П. Розановымъ.** Симферополь. 95.

Отчетъ о Таганрогской исправительной колоніи, образованной въ память 25-лѣтія Таганрогскаго окружнаго суда. Таганрогъ. 95.

Отчетъ о дѣятельности Коломенско-Адмиралтейскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ и находящихся въ вѣдѣніи отдѣла учрежденій за 1895 годъ. Спб. 96.

Отчетъ за 1895 г. Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библіотеки. Изъ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1896 г.

Отчетъ-ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1894 по 1 октября 1895 г. Кіевъ 95.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1894 г. Изданіе нижегородскаго губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 95. Ц. 1 р.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. VIII. Нижегородскій уѣздъ. Изданіе нижегородскаго губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. 1895. №№ 10, 11 и 12. Октябрь, ноябрь, декабрь. Изданіе черниговской губернской земской управы. Черниговъ 95.

По вопросу объ уравненіи обложенія губернскимъ земскимъ сборомъ земель Константиноградскаго уѣзда съ остальными уѣздами Полтавской губ. Доклады Полтавской губ. земской управы Полтавскому губ. земскому собранію. Полтава. 95.

Статистическіе матеріалы Пермской губ. Работы статистич. бюро, учрежденнаго при Пермской губ. земской управѣ. Вып. I. **Е. И. Красноперовъ.** Подворное изслѣдованіе экономическаго положенія сельскаго населенія Оханскаго уѣзда, произведенное въ 1890—91 гг. Пермь. 96.

Одна изъ главныхъ причинъ медленнаго хода работъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами. **И. П. Бѣлоконскаго.** Оттиски изъ «Южно-русской Сельско-хозяйственной газеты». 1896. Харьковъ.

Пришлые сельско-хозяйственные рабочіе на Николаевской ярмаркѣ въ м. Каховкѣ, Таврической губ. и санитарный надзоръ за ними въ 1895 г. Земскаго санитарнаго врача **П. Ф. Кудрявцева.** Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ 96.

Н. В. Тулуповъ. Народныя библіотеки и читальни. М. 96.

Счетоводство какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Составилъ **Ѳеодоръ Езерскій.** Изданіе 2-е. Спб. 96.

По поводу реформы табачнаго акциза. **В. С. Щербачевъ.** Спб. 96.

Литература и жизнь.

«Разными путями можно идти къ одной цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе, которымъ Вы боретесь—иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И Вы, и я окружены врагами, тѣмъ отраднѣе встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что Вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю Вамъ эту книгу — первыя ступени къ новой красотѣ, которая дорога намъ обоимъ».

Въ этихъ выраженіяхъ З. Н. Гиппіусъ (Мережковская) посвящаетъ А. Л. Волынскому собраніе своихъ разсказовъ, озаглавленное: «Новые люди».

Великое дѣло дружба, и даже отвергающій всѣ существующія общественныя узы Ницше говоритъ: «не любви къ ближнему учу я васъ, а любви къ другу; да будетъ для васъ другъ праздникомъ на землѣ и предчувствіемъ сверхъ-человѣка» (Also sprach Zarathustra, 2-е изд., 85). Но цѣнность дружбы имѣетъ свои степени, смотря по источнику. Она можетъ исходить изъ смутныхъ инстинктивныхъ влеченій, изъ простой привычки и, наконецъ, изъ сознанія общности цѣлей. Эту послѣднюю, самую высокую степень и представляетъ печатно заявленная и, слѣдовательно, подлежащая печатному обсужденію дружба г-жи Гиппіусъ и г. Волынскаго. Собственно обсуждать тутъ, пожалуй, и нечего. Одно можно сказать: дай Богъ всякому. Но изъ заявленія г-жи Гиппіусъ мы можемъ всетаки извлечь нѣкоторую пользу. Конечно, не вся эта польза связана съ аффишированною г-жею Гиппіусъ дружбою, а относится и къ широкой области «познанія всякаго рода вещей». Мы узнаемъ, напримѣръ, что г-жа Гиппіусъ «окружена врагами» и, разумѣется, проникаемся сочувствіемъ къ ея трудному положенію. Шутка въ самомъ дѣлѣ сказать: окружена врагами! И за что?! Рѣчь идетъ, конечно, не о какихъ нибудь личныхъ врагахъ, не объ Сидорѣ Карпычѣ какомъ нибудь или Дарьѣ Сидоровнѣ, до которыхъ читателю нѣтъ никакого дѣла, а о врагахъ на поприщѣ общественной дѣятельности. По всей вѣроятности, именно такого рода враговъ разумѣлъ даже Чичиковъ, когда говорилъ генералу Бетрищеву: «А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не съумѣютъ передать». Чичиковъ терпѣлъ «за правду». За что же терпитъ г-жа Гиппіусъ? Пишетъ она второго сорта безобидные разсказы, которые безпрепятственно печатаются въ разныхъ журналахъ, не вызывая большихъ восторговъ, но не вызывая и какихъ нибудь яростныхъ нападеній. Такъ себѣ, въ числѣ прочихъ. Откуда же враги и зачѣмъ они окружили г-жу Гиппіусъ? Оказывается, однако, что она не простые заурядные раз-

сказы пишетъ, а «ведетъ войну», и разсказы ея хотя дѣйствительно не совершенны, но только потому, что это еще «первыя ступени» къ «новой», доселѣ невиданной «красотѣ». Такимъ образомъ дѣятельность г-жи Гиппіусъ получаетъ новое и, согласитесь, неожиданное освѣщеніе. Сострадая горестному положенію г-жи Гиппіусъ, окруженной врагами, вы естественно сочувствуете и ея «отрадѣ» встрѣчи съ другомъ. Что касается этого друга, то и онъ окруженъ врагами, по свидѣтельству г-жи Гиппіусъ. Это уже не такъ неожиданно: критику и публицисту мудрено обойтись безъ враговъ, и г. Волынскій несомнѣнно «ведетъ войну». Но и друзьями онъ, повидимому, не бѣденъ. Я давно уже не читаю руководимаго г. Волынскимъ «Сѣвернаго Вѣстника»,—частію по чувству брезгливости, частію по убѣжденію, что потребное для этого время можно употребить съ большею пользою и удовольствіемъ. Но свѣдущій человѣкъ, бывшій редакторъ-издатель «Сѣвернаго Вѣстника», Б. Б. Глинскій разсказываетъ о г. Волынскомъ такое («Болѣзнь или реклама?» въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»), что онъ является напротивъ окруженнымъ друзьями. Да вотъ и г-жа Гиппіусъ считаетъ нужнымъ публично заявить, что она другъ г. Волынскаго. Ну, а совсѣмъ безъ враговъ нельзя,—у кого же изъ насъ ихъ нѣтъ?

Всѣмъ этимъ я отнюдь не хочу смягчить трагизмъ положенія г-жи Гиппіусъ среди враговъ или умалить отраду ея встрѣчи съ другомъ. Я беру факты въ собственномъ ея освѣщеніи, и такъ какъ это освѣщеніе для меня,—да, полагаю, и не для одного меня,—совершенно ново и неожиданно, то пересмотримъ книжку г-жи Гиппіусъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, не такъ бѣгло, какъ мы читали ея разсказы заурядъ съ другими въ журналахъ. Дѣло стоитъ труда, ибо мы узнаемъ въ результатѣ — съ кѣмъ и за что ведутъ войну г-жа Гиппіусъ и ея другъ, за что окружили ихъ враги и въ чемъ состоитъ та невиданная доселѣ красота, которая дорога имъ обоимъ. При этомъ получится еще та выгода, что, благодаря заявленію г-жи Гиппіусъ, мы познакомимся и съ г. Волынскимъ, не марая рукъ объ него самого: они вѣдь идутъ къ одной цѣли.

Въ книжкѣ г-жи Гиппіусъ есть, кромѣ разсказовъ, еще стихотворенія. Ихъ счетомъ двѣнадцать. Остановимся хоть на двухъ.

ПѢСНЯ.

Окно мое высоко надъ землею,
　　Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,
　　Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
　　Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
　　Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
　　Я умираю.
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
　　Не знаю...

И это желанье не знаю откуда
Пришло откуда.
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ.
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ—
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ...
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

Повидимому, содержаніе этого стихотворенія знакомо и старымъ поэтамъ, представителямъ и служителямъ старой красоты. Это — настроеніе безпредметной тоски, лишь осложненное у г-жи Гиппіусъ не то дѣтски, не то истерически-капризной нотой: «пусть будетъ то, чего не бываетъ, никогда не бываетъ; мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ». А что касается формы... Нынѣ много такихъ стиховъ пишутъ, и нѣкоторые изъ нихъ звучатъ красиво, вѣрнѣе звучали, въ прошедшемъ времени, потому что разъ красота сводится къ чисто техническимъ пріемамъ, она выдыхается, превращаясь въ шаблонъ. А техника подобныхъ стиховъ очень проста: изгнаніе ритма съ сохраненіемъ риѳмы и повтореніе или усиленіе послѣднихъ словъ предъидущей строки. Это еще Смердяковъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» практиковалъ. Помните:

Непобѣдимой силой
Привerженъ я къ милой.
Господи помилуй
Ее и меня!
Ее и меня!

Или еще:

Сколько ни стараться,
Стану удаляться,
Жизнью наслаждаться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить.
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣренъ тужить!

Конечно, Смердяковъ—лакей, настоящій, душой лакей, а потому и мысли у него лакейскія, притомъ же онъ человѣкъ малограмотный, а г-жа Гиппіусъ одушевлена высокими чувствами и вполнѣ грамотна. Но я говорю только о томъ, чисто техническомъ пріемѣ, который, если даже онъ дѣйствительно входитъ въ составъ «новой красоты», то годится развѣ именно только для «первой ея ступени» и долженъ очень быстро выдохнуться и надоѣсть.

Возьмемъ другое стихотвореніе: «Цвѣты ночи».

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,

Только странно живы цвѣты.
Темны, теплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня,
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ,
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ—
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ.
Все таинственно, все невѣрно—
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
Какъ враги за мною слѣдятъ,
Все, что думаю, знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ..,
О, часу ночному не вѣрьте,
Берегитесь злой красоты!
Въ этотъ часъ всѣ мы близки къ смерти—
Только странно живы цвѣты.

Мнѣ кажется, это лучшее произведеніе г-жи Гиппіусъ, и оно дѣйствительно очень хорошо, если видѣть въ немъ горячечный бредъ или монологъ больного, страдающаго маніей преслѣдованія. Самое отсутствіе ритма въ данномъ случаѣ чрезвычайно цѣлесообразно, придавая монологу безумно тревожный характеръ; понятны и умѣстны съ этой точки зрѣнія странныя сочетанія словъ въ родѣ «злая красота»; и если не понятны, то простительны совсѣмъ не нужныя строки въ родѣ: «тѣло нѣжное оживаетъ». Словомъ, стихотвореніе вполнѣ удовлетворяетъ тому очень старому эстетическому правилу, въ силу котораго форма и содержаніе должны соотвѣтствовать другъ другу. Иначе говоря, тутъ нѣтъ никакой новой красоты. Но я боюсь, что г-жа Гиппіусъ не согласится съ такимъ толкованіемъ «Цвѣтовъ ночи», что это для нея совсѣмъ не горячечный бредъ и не монологъ больного маніей преслѣдованія. Недаромъ же она сама, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, «окружена врагами», отъ которыхъ она, можетъ быть, тоже «ждетъ измѣны», которые ее «ненавидятъ» и «отравить хотятъ». Тогда дѣло совершенно измѣняется, и приходится опять припомнить «Братьевъ Карамазовыхъ», и въ нихъ слова старца Зосимы, обращенныя къ старику Карамазову. «Вѣдь обидѣться иногда очень пріятно, не такъ ли? И вѣдь знаетъ человѣкъ, что никто не обидѣлъ его, а что онъ самъ себѣ обиду навыдумалъ и налгалъ для красы, самъ преувеличилъ, чтобы картину создать, къ слову привязался и изъ горошинки сдѣлалъ гору, — знаетъ самъ это, а всетаки самый первый обижается, обижается до пріятно-

сти, до ощущенія большого удовольствія, а тѣмъ самымъ доходитъ и до вражды истинной». Ѳедоръ Карамазовъ вполнѣ соглашается съ этой характеристикой. Онъ говоритъ: «Именно, именно пріятно обидѣться. Это вы такъ хорошо сказали, что я и не слыхалъ еще. Именно, именно я то всю жизнь и обижался до пріятности, для эстетики обижался, ибо не токмо пріятно, но и красиво иной разъ обиженнымъ быть;—вотъ вы что забыли, великій старецъ: красиво!»

Не въ этихъ ли, по выраженію того же Зосимы, «ложныхъ жестахъ» состоитъ «новая красота»? Я думаю, что именно въ нихъ, и что стихотворенія г-жи Гиппіусъ составляютъ уже не первыя ступени къ ней, ибо таковыя уже даны разными декадентами. Надо, однако, замѣтить, что стихотворенія г-жи Гиппіусъ, въ отличіе отъ прочихъ декадентовъ, не вовсе лишены смысла. Совсѣмъ безсмысленнаго набора словъ у нея даже вовсе нѣтъ, но тѣмъ, можетъ быть, яснѣе выступаетъ общій родовой признакъ—«ложные жесты». Таково капризное требованіе того, «чего не бываетъ, чего никогда не бываетъ»: это «ложный жестъ», ибо г-жа Гиппіусъ довольствуется и тѣмъ, что бываетъ, ну хоть дружбой. «Ложный жестъ»—и картинно ужасное положеніе человѣка, окруженнаго врагами: по совѣсти говоря, нѣтъ вѣдь этихъ враговъ. «Ложный жестъ»—и «злая красота», хотя, къ сожалѣнію, этотъ пунктъ недостаточно ясенъ. Есть у г-жи Гиппіусъ стихотвореніе «Гризельда», по формѣ очень недурное и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ обыкновенное, то есть безъ всякихъ фокусовъ по части размѣра и риѳмы. Содержаніе же состоитъ въ томъ, что Гризельда, жена рыцаря, уѣхавшаго на войну, фактически устояла противъ любовнаго искушенія, которое оставило, однако, въ ея душѣ грѣховно-сладкую занозу. Исторія тоже очень обыкновенная, но дѣло въ томъ, что «искалъ надъ ней (Гризельдой) побѣды самъ Повелитель Зла: любовною отравой и дерзостной игрой, манилъ ее онъ славой, весельемъ, красотой». «Гризельда побѣдила, душа ея свѣтла, а все жъ какая сила у Духа лжи и зла!.. И снова сердце жаждетъ таинственныхъ утѣхъ. Зачѣмъ оно такъ страждетъ, зачѣмъ такъ любитъ грѣхъ? О, мудрый Соблазнитель, злой Духъ, ужели ты—непонятый Учитель великой красоты?» Какъ видите, и здѣсь мы имѣемъ какое то сочетаніе словъ «зло» и «красота», но что все это значитъ,—г-жа Гиппіусъ даетъ слишкомъ мало матеріала для отвѣта на этотъ вопрос и, можетъ быть, даже сама не уяснила себѣ того особеннаго пониманія «злой красоты» и «красоты зла», которое предъявляется нѣкоторыми «новыми людьми». Я буду вѣроятно имѣть случай вернуться къ этому пониманію по другому поводу. А теперь обратимся къ прозаическимъ произведеніямъ г-жи Гиппіусъ, гдѣ естественно ожидать большей ясности и меньшаго приложенія той манеры, которая такъ нравилась Фамусову въ современныхъ ему московскихъ барышняхъ: «словечка въ простотѣ не скажутъ, — все съ

ужимкой». Конечно, «ложные жесты» вполнѣ возможны и въ прозѣ, но тамъ они по крайней мѣрѣ не вуалируются сѣтью такъ называемыхъ поэтическихъ вольностей.

Мы имѣемъ дѣло съ разсказами, представляющими «первыя ступени къ новой красотѣ» и озаглавленными въ своей совокупности: «Новые люди»; значитъ, можемъ разсчитывать найти въ каждомъ изъ нихъ и новую красоту, и новыхъ людей. Разсмотримъ три-четыре разсказа на-удачу.

Разсказъ «Месть». Герой разсказа—восьмилѣтній мальчикъ Костя Антиповъ. По возрасту это, конечно, даже очень новый человѣкъ, но можетъ быть и не только по возрасту, а и въ томъ высшемъ смыслѣ, который должны намъ разъяснить «новые люди и первыя ступени къ новой красотѣ» г-жи Гиппіусъ. Восьмилѣтній Костя поражаетъ своею просвѣщенностью. Онъ знаетъ многое такое, чего мы, люди старые, въ восемь лѣтъ не знали. Не по части «наукъ» такъ свѣдущъ Костя, о, нѣтъ: «у него есть старая учительница ариѳметики и закона Божія, но она часто пропускаетъ уроки». Но за то «онъ зналъ, что ему восемъ лѣтъ, и зналъ, что это очень много, для мужчины въ особенности; женщины—тѣ могутъ киснуть хоть до двадцати лѣтъ, имъ все можно». Восьмилѣтній Костя зналъ, почему бывавшіе въ ихъ домѣ офицеры «любили больше маму, чѣмъ кузинъ,—это оттого, что мама считалась хорошенькой и была при другихъ веселой и доброй». Восьмилѣтній Костя зналъ, что «папа даетъ мамѣ деньги на офицеровъ, и если онъ разсердится, то можетъ не дать денегъ, офицеры не придутъ танцовать, и мамѣ будетъ скучно». Восьмилѣтній Костя «зналъ, что у него есть собственныя деньги, отъ дѣдушки, и что ни папа, ни мама не могутъ ихъ взять, хотя бы и пожелали». Вотъ какой просвѣщенный молодой человѣкъ! Правда, онъ не зналъ, откуда берутся дѣти, но и надъ этимъ вопросомъ задумывался.

При такой просвѣщенности, восьмилѣтній Костя отличался еще необыкновенною злобностью. Приставленная къ нему бонна всегда должна была отъ него ожидать «можетъ щипковъ, а можетъ и хуже». Къ отцу онъ питалъ «враждебность», мать «презиралъ». И когда, однажды, мать не взяла его съ собой на пикникъ, онъ нахмурилъ брови и сказалъ «съ достоинствомъ»: «Ты, пожалуйста, со мной такъ не разговаривай. Это вздоръ, что на козлахъ нѣтъ мѣста. Я хочу ѣхать на тройкахъ, почему я не могу, если вы ѣдете?» Не правда-ли, въ самомъ дѣлѣ, сколько твердости и «достоинства» и новой красоты въ этой репликѣ восьмилѣтняго новаго человѣка? И когда разозленная его «достоинствомъ» мать пригрозила ему, при гостяхъ, розгой, онъ естественно очень оскорбился и задумалъ «месть»,—ту самую «Месть», которая и въ заглавіи разсказа стоитъ. Онъ цѣлую ночь не спалъ, мечтая о мести. Онъ придумывалъ много и все не годилось. «Разбить вазы и весь фарфоръ въ будуарѣ? Опять будетъ исторія, на него станутъ кричать, а папа дастъ де-

негъ и выпишутъ новый фарфоръ изъ Москвы. Платье залить чернилами? То же самое. Осрамить ее? *Сказать офицерамъ, что у нея коса привязная? Да вѣдь у нея не привязная. Она распуститъ волосы и стыдно будетъ не ей, а Костѣ».* Замѣтьте опять, сколько познаній! Однако, на этотъ разъ Костя такъ ничего и не придумалъ. Но—«онъ зналъ, что унываютъ лишь слабые; и онъ поклялся себѣ, даже ножомъ на рукѣ знакъ сдѣлалъ, хотя больно было, что онъ отомститъ». Случай скоро представился. Костя нечаянно засталъ свою мать въ объятіяхъ офицера и сообразилъ, что это значитъ: «Мама цѣловала Далай-Лобачевскаго, а папа ей это воспрещаетъ, потому что жена, которая цѣлуется не съ мужемъ, а съ другимъ, измѣняетъ мужу. И папа долженъ очень разсердиться, если узнаетъ про это. Костя видѣлъ, какъ они цѣловались, и мама боится, что онъ скажетъ папѣ, а папа такъ разсердится, что, пожалуй, перестанетъ давать деньги. И у мамы не будетъ ни новыхъ платьевъ, ни колецъ, и она уже не дастъ ни одного вечера и не будетъ танцовать съ офицерами». И вотъ, однажды, за большимъ параднымъ обѣдомъ, улучивъ минуту, когда гости замолчали, Костя громко спросилъ мать: «Мама, скажи, отчего ты папу никогда такъ крѣпко не цѣлуешь, какъ Далай-Лобачевскаго?» Понятное дѣло, произошелъ скандалъ, которымъ маленькій негодяй—потому что надо, наконецъ, правду сказать: этотъ новый человѣкъ дѣйствительно негодяй—остался очень доволенъ. Но когда, на другой день, мать должна была уѣхать и прощалась съ сыномъ, то и въ этой танцовальщицѣ, и въ этомъ маленькомъ негодяѣ что-то проснулось: они плакали, ласкали другъ друга и, въ то же время, среди остраго горя, чувствовали какую то не совсѣмъ понятную имъ радость...

На этомъ разсказъ обрывается, и мы не знаемъ дальнѣйшей судьбы новаго человѣка. Радость его и матери, примѣшивавшаяся къ острому горю ихъ разставанья, была, конечно, радость ощущенія добрыхъ чувствъ, возникшихъ на почвѣ сознанія взаимной виноватости. Но это не гарантія добропорядочности Кости въ будущемъ, которое остается намъ во всякомъ случаѣ неизвѣстнымъ. И согласитесь, что еслибы не этотъ неожиданный и нѣсколько туманный конецъ разсказа, можно бы было думать, что г-жа Гиппіусъ пишетъ злую, даже черезъ чуръ злую сатиру на «новыхъ людей» и «новую красоту».

Разсказъ «Богиня». Здѣсь дѣйствуютъ люди старше восьмилѣтняго возраста: есть мальчикъ 10—11 лѣтъ, Амосъ Крестовоздвиженскій, есть ученикъ шестого класса реальнаго училища Викторъ, есть пятнадцатилѣтняя дѣвочка Женя Решъ, есть другія молодыя барышни, есть студентъ Апостолиди и т. д. Но мало быть молодымъ человѣкомъ, надо быть еще и новымъ человѣкомъ, съ задатками новой красоты или со стремленіями къ ней. Чтобы не утомлять, какъ себя, такъ и читателей, характеристиками всѣхъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, я прямо скажу, что новый человѣкъ

есть студентъ Апостолиди, обыкновенно называемый и остальными дѣйствующими лицами, и самимъ авторомъ «Пустоплюнди». Да не подумаетъ читатель, что, давая своему герою такое смѣшное и презрительное прозвище и самъ постоянно такъ его называя, авторъ уже тѣмъ самымъ выгоняетъ его изъ среды новыхъ людей и за предѣлы новой красоты. Судите сами, а мы пока будемъ называть героя его настоящимъ именемъ. Апостолиди—грекъ и по отцу и по матери, но еще груднымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Москву и почему то «никогда даже не зналъ хорошенько, гдѣ онъ родился». Такихъ «почему то» довольно много въ жизни Апостолиди. Такъ, «среди товарищей онъ прослылъ почему то за идеалиста, мечтателя и даже поэта, хотя никогда стиховъ не писалъ, не зналъ и не читалъ ихъ».—«Всегда только непонятное и необъяснимое имѣло силу давать ему радость. Онъ любилъ горячіе, самые горячіе лучи солнца и синее небо. Онъ часто лѣтомъ ложился на землю, на траву и смотрѣлъ въ самую глубину неба, гдѣ оно темное, темное... Онъ выбралъ себѣ мѣстечко въ паркѣ, на прогалинкѣ, между прямыми соснами. И высокіе, круглые, голые стволы этихъ сосенъ не мѣшали его радости, а даже увеличивали ее... Онъ точно вспоминалъ что-то, чего съ нимъ никогда не случалось, можетъ быть страны, которыхъ глаза его никогда не видѣли; онъ самъ не зналъ, чего ему хочется».

Апостолиди пріѣзжаетъ репетиторомъ въ семью, живущую на дачѣ; заводятся обыкновенныя дачныя знакомства, устраиваются общія прогулки. На одной изъ этихъ прогулокъ, въ старомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, Апостолиди увидалъ въ одной изъ комнатъ статую Вакха. «Когда другіе ушли изъ столовой, Пустоплюнди (это г-жа Гиппіусъ говоритъ), все стоялъ передъ Вакхомъ и смотрѣлъ на него. Пустоплюнди самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается въ этомъ домѣ. Ему казалось, что онъ вступаетъ въ какой то неизвѣстный міръ, чуждый даже его счастливому міру неба и прямыхъ сосенъ, но не менѣе прекрасный. Все ему нравилось здѣсь до слезъ, и онъ не могъ объяснить—почему». Но самая интересная встрѣча Апостолиди была не со статуей Вакха, а съ живой «богиней»,—хорошенькой барышней, въ которую онъ сразу влюбился. «Пустоплюнди не зналъ, какія бываютъ богини, онъ не видалъ ни одной и называлъ Попочку мысленно богиней, совершенно не отдавая себѣ отчета, что именно хотѣлось ему сказать, и всетаки выражался именно такъ». Онъ полюбилъ ее «неизвѣстно за что, неизвѣстно почему, но полюбилъ; вся она ему нравилась, и опять были въ этой любви у него невѣдомыя родныя и неясныя воспоминанія о томъ, чего онъ никогда не видѣлъ». Попочка была вообще хорошенькая, хотя и не всѣмъ нравилась. «Но самое удивительное у Попочки, это былъ ея цвѣтъ лица: не розовый и бѣлый, а какой-то прозрачный, не живой, удивительной чистоты и нѣжности, точно ея голова была сдѣлана изъ куска мрамора». «Всѣ движенія Попочки были странно

красивы, безъ граціи. Чаще всего она сидѣла совершенно неподвижно, даже не мигая рѣсницами, и такъ она была удивительно хороша». Но вотъ случилось несчастіе, не особенно, впрочемъ, значительное. Возвращаясь съ той самой прогулки, которая дала Апостолиди возможность полюбоваться Вакхомъ, Попочка упала въ узкую и неглубокую рѣчку, куда немедленно бросился ее спасать нашъ герой. Оба благополучно вышли изъ опасности, да и опасности никакой не было, но Попочка, мокрая, перепуганная, плачущая, была такъ некрасива, что Апостолиди рѣшилъ: «она равна всѣмъ; въ ней онъ не найдетъ того, что дорого сердцу». Но отъ поисковъ красоты Апостолиди не отказался. Онъ немедленно уѣхалъ съ мѣста своего обожанія и крушенія, но затѣмъ «хочетъ побывать на родинѣ, тамъ, гдѣ прямыя колонны изъ пожелтѣвшаго мрамора уходятъ въ синее жаркое небо, тамъ, гдѣ есть другое небо, которое люди называютъ моремъ, гдѣ онъ найдетъ то, чего не зналъ и всегда любилъ—красоту».

Читателю понятно теперь, почему я считаю именно Апостолиди новымъ человѣкомъ новой красоты. Надо замѣтить, что до встрѣчи съ Попочкой Апостолиди не только никѣмъ, а и ничѣмъ не интересовался. Въ молодомъ студентѣ естественно ожидать какого-нибудь отношенія къ наукѣ, если не въ смыслѣ стремленія къ истинѣ, то къ карьерѣ, наконецъ, просто къ куску хлѣба. Авторъ свидѣтельствуетъ, что ничего этого въ Апостолиди не было. Въ гимназіи «онъ учился машинально, безъ малѣйшаго интереса и пониманія», и такъ же продолжалъ и въ университетѣ. «У него не было ни самолюбія, ни честолюбія; кажется, не было даже эгоизма». О любви онъ тоже не думалъ. У него были только какія-то смутныя тяготѣнія къ «непонятному и необъяснимому», что, при встрѣчѣ съ Попочкой, вылилось въ нѣсколько болѣе опредѣленную форму «красоты». Попочка для него не женщина, а «богиня», все та же красота, ничего, кромѣ восторженнаго созерцанія, не вызывающая. И когда Попочка утрачиваетъ свою красоту, хотя бы лишь на короткое время, въ волнахъ рѣченки, онъ собирается уѣзжать на родину, въ Грецію, опять-таки не ради какихъ-нибудь тамъ патріотическихъ или научныхъ или еще какихъ интересовъ, а исключительно все ради той же красоты. Эта то исключительность, кажется, и составляетъ новизну Апостолиди. Доселѣ служители такъ называемой чистой красоты обнимали своимъ принципомъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя «житейскія волненья», главнымъ образомъ любовь, вслѣдствіе чего относились къ женщинѣ иногда очень возвышенно, иногда просто, какъ къ самкѣ, но не отвлекали отъ нея всетаки одну красоту. Если не всегда душу женщины, то хоть тѣло ея они цѣнили, какъ нѣчто живое и сложное, способное вызывать сложныя чувства. Нынѣ, для «новыхъ людей» г-жи Гиппіусъ, отъ женщины ничего не остается, кромѣ отвлеченной красоты, въ которой она уравнивается не только со статуей Вакха, но и съ мраморной колонной

или съ напоминающей ее своею обнаженностью и гладкостью сосной. Только ея положеніе рискованнѣе: мраморная колонна или сосна не подвергается той опасности, которая сразу и навсегда лишила бѣдную Попочку поклоненія Апостолиди.

Вотъ истинное пониманіе той «новой красоты», которая дорога г-жѣ Гиппіусъ и ея другу. Ея новизна состоитъ въ очищенности отъ всякихъ—высокихъ и низкихъ, но постороннихъ примѣсей. А вмѣстѣ съ тѣмъ многое въ біографіи Апостолиди совпадаетъ съ собственною исповѣдью г-жи Гиппіусъ въ стихотвореніи «Пѣсня». Помните: «Стремлюсь къ тому, чего я не знаю, не знаю... И это желанье не знаю откуда, пришло откуда... О пусть будетъ то, чего не бываетъ, никогда не бываетъ... Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ». Точно также и Апостолиди не зналъ, откуда пришло къ нему тяготѣніе къ красотѣ, онъ вспоминалъ о томъ, «чего онъ никогда не видѣлъ, чего съ нимъ никогда не случалось», его всегда тянуло къ себѣ «только непонятное и необъяснимое». И взявши во вниманіе все это, а также и вышесказанное, мы, кажется, объяснимъ себѣ многое.

Пока мы читали разсказы г-жи Гиппіусъ въ журналахъ заурядъ съ другими, мы могли видѣть въ исторіи Апостолиди заурядный же, но довольно забавный анекдотъ объ нѣкоторомъ молодомъ человѣкѣ, который разлюбилъ дѣвушку только потому, что она промокла или обмокла въ рѣчкѣ. Но теперь мы узнали, что авторъ «ведетъ войну»; онъ представляетъ въ этой войнѣ настолько значительную силу, что его «окружили враги», и если бы не мощная рука друга, то кто знаетъ—не предстояли-ли бы г-жѣ Гиппіусъ тѣ страшныя минуты, которыя такъ ярко описаны въ «Цвѣтахъ ночи». И мы, естественно очень заинтересованые, тревожно спрашиваемъ: кто враги? гдѣ враги? съ кѣмъ война? Если мы и не рѣшимъ этихъ вопросовъ такъ сразу, то получаемъ теперь по крайней мѣрѣ возможность съ большею увѣренностью думать, что искомые враги г-жи Гиппіусъ и ея друга суть вмѣстѣ съ тѣмъ враги Апостолиди, а войну г-жа Гиппіусъ и ея другъ ведутъ за него, Апостолиди, и подобныхъ ему новыхъ людей новой красоты, столь родственныхъ имъ самимъ. Чтобы привести къ одному знаменателю психологію Апостолиди и собственную свою поэтическую исповѣдь въ «Пѣснѣ», г-жа Гиппіусъ дѣлаетъ даже ничѣмъ не оправдываемыя натяжки. Въ самомъ дѣлѣ, Апостолиди грекъ, и отецъ, и мать его были греки, и онъ это знаетъ, но почему-то не знаетъ, гдѣ онъ родился, что даже совершенно невѣроятно, хотя бы уже потому, что въ русскія учебныя заведенія нельзя поступить безъ документовъ, въ которыхъ обозначается, между прочимъ, и мѣсто рожденія. Но г-жѣ Гиппіусъ нужна эта невѣроятность, чтобы заставить Апостолиди, подобно ей самой, стремиться неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда и хотѣть неизвѣстно чего. И вотъ, г-жа Гиппіусъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, какъ школьникъ това-

рищу при глухомъ учителѣ, подсказываетъ Апостолиди, откуда у него это молитвенное созерцаніе статуи Вакха, сосенъ, которыя такъ напоминаютъ греческія колонны, Попочки, которая такъ похожа на статую, что «голова ея была точно изъ куска мрамора сдѣлана» и «чаще всего» она сидѣла неподвижно, «даже не моргая рѣсницами». А глупый грекъ всетаки ничего не понимаетъ. Но вѣдь это все «ложные жесты», и, разочаровавшись въ красотѣ Попочки, Апостолиди вполнѣ сознательно собирается не въ иное какое мѣсто, а въ Грецію: онъ знаетъ, что онъ оттуда и что его тянетъ именно туда. Но г-жѣ Гиппіусъ нравятся «ложные жесты»...

Тѣмъ не менѣе Апостолиди глупъ. Это и г-жа Гиппіусъ удостовѣряетъ. Она разсказываетъ, что «онъ бродилъ по чернымъ дорожкамъ парка, странный и глупый, и перепутанныя, нелѣпыя мысли ему приходили въ голову». Апостолиди глупъ, и кромѣ того онъ—Пустоплюнди. И это меня чрезвычайно смущаетъ. «Апостолиди»—такое красивое имя, притомъ намекающее на какую-то высокую миссію, и оно такъ идетъ къ служителю новой, невиданной красоты, а г-жа Гиппіусъ передѣлала это благозвучное и многознаменательное имя въ «Пустоплюнди»! Добро бы служителя новой красоты такъ называли профаны или враги: нѣтъ, сама г-жа Гиппіусъ иначе его не называетъ. Не значитъ ли это, что друзья г-жи Гиппіусъ вообще «ходятъ странные и глупые», что въ головы имъ приходятъ «перепутанныя и нелѣпыя мысли» и что, обращаясь къ нимъ, мы можемъ сказать: «пустоплюнди вы, пустоплюнди!..»

Вотъ тутъ и разбирайся. То намъ новыхъ людей и новую красоту представятъ въ лицѣ несчастнаго человѣка, страдающаго маніей преслѣдованія, то въ видѣ маленькаго злобнаго негодяя, то, наконецъ, — просто пустоплюнди! И подумать, что это еще только первыя ступени...

Еще разсказъ—«Голубое небо». Здѣсь очень недурна фигура нѣкоего Антона Антоныча, молодого начальника почтово-телеграфной станціи, чистенькаго, аккуратнаго, добросовѣстнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ узколобаго и самодовольнаго. Но не Антонъ Антонычъ составляетъ центръ разсказа, а двадцати-двухлѣтняя дѣвица Людмила, долженствующая представлять собою новаго человѣка и новую красоту.

Въ творчествѣ г-жи Гиппіусъ есть одна любопытная наивная черта. Ее, какъ и Пустоплюнди, тянетъ ко всему таинственному, необъяснимому, неясному, и ей хочется и читателю своему внушить почтеніе къ этимъ туманамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она чрезвычайно торопливо и въ высшей степени антихудожественно раскрываетъ свои неясности. Мы видѣли, какъ назойливо подсказывала она въ «Богинѣ»: Пустоплюнди грекъ и оттого-то ему милы Попочка, сосна, статуя Вакха. Глупый Пустоплюнди этому не внималъ, но читатель то сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Такъ и въ «Голу-

бомъ небѣ». Ужъ на что прозрачный, мало таинственный писатель былъ дѣдушка Крыловъ, столь пригодный для дѣтскаго чтенія, а и тотъ зналъ, что «наружность иногда обманчива бываетъ». А г-жа Гиппіусъ обманчивыхъ наружностей, кажется, совсѣмъ не признаетъ. По крайней мѣрѣ, объ дѣвицѣ Людмилѣ, какъ только она показывается въ разсказѣ, авторъ сообщаетъ: «При черныхъ бровяхъ и рѣсницахъ глаза были неожиданно свѣтлые, безъ всякаго цвѣта. странно прозрачные. Такая бываетъ вода въ очень глубокихъ чистыхъ прудахъ въ тихую погоду». По поводу этихъ глазъ нѣкто когда-то сказалъ Людмилѣ: «Знаете, я бы искренно боялся сдѣлаться вашимъ супругомъ. Съ вашими глазами лгать легко. Я бы не умѣлъ узнать по нимъ — обманываете вы меня или нѣтъ». И дѣйствительно, — дѣвица Людмила лжетъ и обманываетъ постоянно, сознательно, по принципу. Видите, значитъ, какъ любезно: обманщица даже вполнѣ исключительная, а наружность-то у нея всетаки не обманчива. Но это любезность торопливо-подсказывающей г-жи Гиппіусъ, а не самой Людмилы, которой, несмотря на сразу раскрытыя авторомъ карты, удается обманывать многихъ.

Попросту говоря, Людмила—кокетка, но кокетка изъ принципа. Вотъ какъ излагаетъ она этотъ принципъ одному изъ тѣхъ, которымъ она подавала очень опредѣленныя надежды на взаимность и супружеское счастіе: «Да, я лгала. А развѣ можно и нужно всегда говорить только правду? Лжи столько же на свѣтѣ и она такъ же необходима, какъ правда. Зачѣмъ ее презирать?.. Я не знаю дѣйствительно ли хорошо хорошее и честно честное. Докажите мнѣ, что я должна подчиняться вашему долгу. Мнѣ не страшно и не скучно подчиняться, я только не вѣрю... не вѣрю въ ваши обязательства и нравственные законы... Это не я одна дѣлаю, а всѣ, всѣ дѣлаютъ, или почти всѣ, только они дѣлаютъ безсознательно, а я сознательно и обдуманно. Я поняла, что нѣтъ людей на свѣтѣ. Людей нѣтъ, а есть мужчины и женщины, и есть вѣчная, непрестанная борьба между ними. Иногда побѣждаетъ мужчина, и тогда женщина принадлежитъ ему, а иногда наоборотъ. Побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе. Я борюсь много и много побѣждаю, и наслаждаюсь побѣдой и униженіемъ противника... Для каждой побѣды, для каждаго торжества надо лгать, хитрить, притворяться. И я дѣлаю это, все равно, какъ на войнѣ заряжаютъ ружья и спускаютъ курки. И чѣмъ больше убьешь, тѣмъ больше тебѣ славы».—Побѣдоносная дѣвица Людмила не отрицаетъ, что ей можетъ встрѣтиться мужчина сильнѣе ея, и тогда она влюбится, но, прибавляетъ она, «полюблю я, если только встрѣчу не мужчину, а человѣка; да если и встрѣчу, то не повѣрю». И она мститъ мужчинамъ за то, что они не хотятъ или даже не могутъ видѣть въ женщинѣ человѣка. Въ теченіи разсказа она встрѣчается съ нѣкіимъ Елецкимъ, который ей кажется «такимъ, какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ», настоящимъ «человѣкомъ», и она со страхомъ отгоняетъ возможность сближенія,

наговоривъ однако Елецкому много разнаго туманнѣйшаго и претенціознаго вздора, отъ котораго впрочемъ сейчасъ же отреклась: это, говоритъ, я все лгала...

Въ разсужденіяхъ дѣвицы Людмилы надо различить двѣ стороны. Одна—общая, гдѣ она поднимается до высшихъ ступеней отрицанія или сомнѣнія, задумываясь надъ вопросомъ дѣйствительно ли хорошо хорошее и честно честное. Объ этомъ (равно какъ и о вышеупомянутой «красотѣ зла») надо не съ дѣвицей Людмилой разговаривать, тѣмъ болѣе, что въ концѣ разсказа она оказывается совсѣмъ не демономъ зла какимъ нибудь, а даже доброй дѣвушкой, только ужъ очень легкомысленной. Другая часть исповѣданія вѣры дѣвицы Людмилы, менѣе общая и отвлеченная, касается отношеній между мужчинами и женщинами. И вотъ, значитъ, какъ смотритъ на эти отношенія новый человѣкъ женскаго пола. Отчаявшись въ возможности мужчины—«человѣка», Людмила и сама не думаетъ стать женщиной—«человѣкомъ», а напротивъ укрѣпляется въ позиціи спеціально женскихъ побѣдъ и одолѣній, во ожиданіи мужчины, который въ свою очередь побѣдитъ ее. Съ этою возможностью она считается, хотя, понятно, не желаетъ ея и боится; но боится, хотя и очень желаетъ, она и другой возможности,—не влюбиться, а полюбить, и не мужчину, а человѣка. Боится потому, что считаетъ эту возможность невозможностью. Это именно то, «чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ». Ей показалось, какъ уже упомянуто, что Елецкій—«такой, какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ», но она сейчасъ же хватается за мысль, что и онъ — «какъ и всѣ», а потому прогоняетъ его, желая сохранить въ чистотѣ тѣ минуты великаго счастія, которыя она пережила въ недолгое время своей иллюзіи. Къ сожалѣнію, совершенно не видно, по какимъ основаніямъ она признала, хотя бы на минуту, Елецкаго человѣкомъ, «какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ». Онъ является мелькомъ, и читателю извѣстно объ немъ только то, что онъ—«магистръ». Это еще не очень опредѣлительно, ибо о магистрахъ нельзя все таки сказать, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ. Надо впрочемъ замѣтить, что Людмила и до встрѣчи съ Елецкимъ испытывала мгновенія, когда къ ней приходило «счастье и непонятная радость, и волненіе»,—она «не знаетъ откуда и почему». Послѣднее не удивительно, такъ какъ вообще герои и героини г-жи Гиппіусъ идутъ неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда, зачѣмъ и почему. Но удивительны нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, приводившихъ дѣвицу Людмилу въ состояніе счастія и непонятной радости и волненія. Она разсказываетъ, напримѣръ: «Помню, у меня въ дѣтствѣ была большая книга съ картинками, и на одной была нарисована скала, гдѣ сидѣлъ пингвинъ, и скала и пингвинъ рѣзко выдѣлялись на голубомъ небѣ. И вдругъ опять вернулось ко мнѣ то чувство счастія»... Пингвинъ есть одна изъ самыхъ глупыхъ птицъ,—онъ иначе такъ и называется «глупышъ»,—а потому одинаковость хотя бы и очень возвышеннаго настроенія, вызываемаго

имъ и Елецкимъ, не можетъ, повидимому, быть особенно лестною для послѣдняго. Тѣмъ не менѣе Елецкій удовлетворенно заявляетъ, что онъ вполнѣ понимаетъ Людмилу, а та, поигравши съ нимъ въ пингвина и другія загадочности, объясняетъ, что все это она «выдумала»...

Странный новый человѣкъ дѣвица Людмила; странный, непріятный, въ общежитіи неудобный. Но въ книжкѣ г-жи Гиппіусъ ей есть противовѣсъ въ лицѣ героини разсказа «Миссъ Май».

Жилъ былъ молодой человѣкъ Андрей, у него была невѣста Катя. Они росли вмѣстѣ, чуть не съ самаго ранняго дѣтства считались женихомъ и невѣстой и любили другъ друга. Но тутъ замѣшалась миссъ Май Эверъ, англичанка, компаньонка тетки Андрея. Май съ перваго же раза произвела сильное впечатлѣніе на Андрея. Онъ смотрѣлъ на англичанку, «прямую и всю необычайную и только удивлялся, почему другіе не удивляются и не недоумѣваютъ, какъ онъ». И впослѣдствіи, когда они нѣсколько сблизились, Андрей говоритъ Май: «Какая ты необыкновенная». Удивительность и необыкновенность Май выражались какъ въ ея наружности и даже костюмахъ, которые авторъ описываетъ съ большою тщательностью, такъ и въ ея душевныхъ качествахъ. Май любитъ Андрея, но рѣшительно отказывается стать его женой и рекомендуетъ ему жениться на Катѣ. «Я не жена»,—говоритъ она. Она не создана для «житейскаго, мелкаго». Андрей далъ ей короткое, но высшее счастіе экстаза, которое дѣвицѣ Людмилѣ далъ пингвинъ на скалѣ, и больше ей ничего не нужно. Она уѣзжаетъ, а Андрей женится на Катѣ, которую онъ не переставалъ любить обыкновенною, «житейскою» любовью.

Почему миссъ Май англичанка? То-есть почему г-жа Гиппіусъ сочла нужнымъ выписать изъ Англіи героиню для своего разсказа? Я думаю, единственно потому, что имя «Май» звучитъ такъ красиво и, согласно общему характеру творчества г-жи Гиппіусъ, такъ не загадочно подчеркиваетъ загадочную эфирность героини. Помните: «какъ май ароматный, веселье весны». Когда Андрей однажды осмѣлился обнять миссъ Май, то «подъ руками его было тонкое, почти несуществующее тѣло, почти призракъ»... Этому соотвѣтствуетъ и высшая духовная тонкость миссъ Май, которая нѣсколько компенсируетъ грубую лживость и воинственность дѣвицы Людмилы. Едва ли однако все таки была дѣйствительная надобность выписывать героиню изъ Англіи, ибо въ томъ же разсказѣ одинъ чисто русскій человѣкъ высказываетъ совершенно тѣ же взгляды на отношенія между мужчинами и женщинами, что и почти не существующая миссъ Май. Человѣкъ этотъ — лакей Андрея, Тихонъ.

Въ наружности Тихона нѣтъ ничего необыкновеннаго или эфирнаго, у него «черствая и унылая физіономія». Но онъ могъ бы сказать о себѣ, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго:

«душа моя изъ тонкихъ парфюмовъ соткана». Параллельно—съ художественной точки зрѣнія слишкомъ параллельно—роману Андрея—Кати—Май идетъ романъ лакея Тихона, прачки Василисы и другой прачки Пелагеи. Какъ Андрей Катю, такъ Тихонъ Василису любитъ и ею любимъ, и жениться они собираются. Но подобно тому, какъ миссъ Май вторглась съ своею удивительностью въ романъ Андрея и Кати, прачка Пелагея побѣдила сердце лакея Тихона такою же удивительностью. Онъ ей говоритъ: «Ты меня, дѣвка, коли хочешь знать, вотъ какъ приворожила. Я безъ тебя теперь ни ступить. Повернешься ты—мила мнѣ, слово скажешь—еще милѣе... И сладко вотъ мнѣ, и сладко, и самъ я не знаю, что мнѣ сладко. Главное — *вся ты для меня удивительная*, вотъ что главное». Но—и въ этомъ отступленіе отъ параллелизма двухъ романовъ—Пелагея не похожа на почти не существующую Май: она требуетъ, чтобы Тихонъ женился на ней, Пелагеѣ, а не на Василисѣ. Но Тихонъ не согласенъ. Онъ возражаетъ: «Съ Васенкой у насъ обѣщанье, давнишнее, я ее, Васену, вдоль и поперекъ знаю, она славная жена будетъ. Можетъ и ты славная жена будешь—да жалѣю я тебя смертно въ жены взять. Ты теперь, Поля, такая мнѣ удивительная и сладкая, какъ бы мнѣ отъ Бога ниспосланіе, а тогда что? Какъ Васена и будешь. Жена что? Жена всегда жена. Для духа нѣтъ простора, умиленія нѣтъ».

Чрезвычайно краснорѣчивъ этотъ новый человѣкъ лакейскаго званія, и хотя онъ, по всѣмъ видимостямъ, обремененъ тѣломъ, но въ пареніи духа нисколько не уступаетъ почти безтѣлесной миссъ Май, а ужъ тѣмъ болѣе вѣчно лгущей дѣвицѣ Людмилѣ...

Что же это однако значитъ? Новые люди г-жи Гиппіусъ оказываются то маленькими злобными негодяями, то глупыми «пустоплюндями» съ нелѣпыми мыслями въ головѣ, то лгуньями, приходящими въ экстазъ при видѣ пингвина на скалѣ, то почти не существующими англичанками и едва ли существующими въ дѣйствительности лакеями. Если бы мы не знали, что всѣ эти негодяи, лгуньи, пустоплюнди и лакеи представляютъ собою первыя ступени къ новой красотѣ, которая дорога г-жѣ Гиппіусъ и ея другу, мы бы естественно подумали, что она безпощадно воюетъ съ этою странною бандой, а потому и нажила себѣ въ ней лютыхъ враговъ. Но такъ какъ это «первыя ступени новой красоты», то, спрашивается,—съ кѣмъ же ведетъ войну г-жа Гиппіусъ и кто враги, окружившіе ее? Очевидно, наша надежда отвѣтить на эти вопросы была преждевременна. Поживемъ—увидимъ, а пока послѣ достаточно, кажется, тщательнаго изслѣдованія, ничего опредѣленнаго сказать не можемъ, кромѣ развѣ слѣдующаго.

Объ одномъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ г-жа Гиппіусъ говоритъ: «Женю можно бы было назвать хорошенькой дѣвочкой, еслибы она иначе себя держала. Но она слишкомъ рано поняла,

что она хорошенькая, и стала нестерпимо кривляться». Г-жа Гиппіусъ не лишена литературнаго дарованія, но она слишкомъ высоко оцѣнила это свое маленькое дарованіе (въ одномъ изъ ея стихотвореній есть такая строка: «люблю я себя, какъ Бога»), и пустилась въ разныя вычурности на тему объ томъ, «чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ». Но и этого ей показалось мало. При всемъ своемъ презрѣніи къ тому, что есть на свѣтѣ, она всетаки пожелала занять на этомъ свѣтѣ извѣстное общественное, притомъ воинствующее положеніе; и тотчасъ же, по щучьему велѣнью, по ея прошенью. ее окружили враги, хотя можетъ быть именно ихъ то и нѣтъ на свѣтѣ. Но разъ они, по щучьему велѣнью, явились, надо воевать. Воевать же занимательнѣе всего подъ знаменемъ чего нибудь новаго, новаго вообще, говоря нѣмецкимъ философскимъ языкомъ,—новаго, какъ таковаго, а что именно представляетъ собою это новое: негодяйство восьмилѣтняго Кости, неустанную лживость Людмилы, экстазъ при видѣ пингвина на скалѣ, наконецъ, просто пустоплюнди,—это не важно...

О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?

Ник. Михайловскій.

Дневникъ Журналиста.

О прогрессѣ и объ армянахъ.

I.

Подведя общій историческій итогъ минувшему 1895 году въ нашемъ январскомъ *Дневникѣ*, въ февральскомъ мы остановились на южно-африканскихъ событіяхъ съ цѣлью дать детальную иллюстрацію одному изъ любопытныхъ историческихъ теченій современности, именно вліянію экономическаго фактора на судьбы человѣчества въ наше время. Невозможно болѣе обнажить дѣйствіе этого фактора, какъ то случилось въ событіяхъ, совершившихся въ 1895 году въ Южной Африкѣ. Поэтому мы и выбрали это событіе для лучшаго уясненія общаго историческаго теченія, поскольку оно зависитъ отъ изолированнаго воздѣйствія экономическихъ силъ въ ихъ современномъ фазисѣ развитія. Такую же любопытную и изолированную отъ иныхъ факторовъ страничку развитія политическаго фактора представляетъ вопросъ армянскій, такъ много и долго волновавшій цивилизованное человѣчество въ томъ же недавно минувшемъ 1895

году. Вопросъ не сошелъ съ очереди и по настоящее время, но наступила временная отстрочка, завершившая цѣлый любопытный періодъ и дозволяющая оглянуться на этотъ періодъ съ нѣкоторою надеждою получить болѣе или менѣе цѣльную и законченную картину этого очень яркаго историческаго эпизода, какъ нельзя лучше обнажившаго обыкновенно скрытыя пружины тѣхъ историческихъ явленій, которыя принято называть политическимъ факторомъ общественной жизни.

Богатство, капиталъ, цѣнность суть явленія культуры, входящія въ составъ того, что мы называемъ экономическимъ факторомъ. Власть, законъ, право являются составными культурными частями политическаго фактора. И какъ капиталъ и цѣнность суть лишь выдѣлившіяся и самоопредѣлившіяся явленія того же богатства, совершенно такъ же законъ и положительное право являются лишь особыми формами, въ которыхъ обнаруживается и проявляется то же основное политическое начало, государственная власть. «Все куплю, сказало злато; все возьму, сказалъ булатъ»—это вѣковѣчное соперничество злата и булата и резюмируетъ основное различіе экономическаго и политическаго началъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на основное заблужденіе, свойственное служителямъ злата и служителямъ желѣза. Ибо далеко не все можетъ купить злато и далеко не все можетъ взять и булатъ. Правда, злато не разъ покупало самый булатъ, а булатъ не однажды забиралъ и самое злато, но никогда злато не купило и никогда булатъ не отнялъ совѣсти; никогда злато и булатъ не породили генія, не купили и не вынудили подвига, ни творческихъ идей... Тѣмъ не менѣе, злато очень многое можетъ купить, а булатъ взять. Поэтому одинаково важно и интересно слѣдить за проявленіемъ того и другого въ современной исторіи. О дѣятельности «злата» мы уже бесѣдовали въ двухъ послѣднихъ *Дневникахъ*; сегодня остановимъ наше вниманіе на «булатѣ» въ его современномъ убранствѣ.

Въ прежнее время мнѣ случалось не однажды по разнымъ поводамъ заниматься политической исторіей и ея посильнымъ истолкованіемъ; поэтому, давая на страницахъ «Русскаго Богатства» общее историческое обозрѣніе 1894 года, и затѣмъ недавно и 1895 года, я меньше и не такъ подробно останавливался на этой сторонѣ современной исторіи. Оборотъ историческихъ событій однако снова призываетъ наше вниманіе въ эту сторону, которая снова и снова выдвигается на первый планъ, заслоняя собою другія историческія теченія, готовыя, казалось было, возобладать въ рѣшеніи судебъ современнаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если вопросы венецуэльскій и южно-африканскій развивались и обострялись преимущественно подъ давленіемъ экономическаго фактора; если тому же фактору надо отвести очень значительное мѣсто въ возбужденіи японо-китайской войны; если, наконецъ, колебанія въ международной политикѣ Германіи должно приписать не только личнымъ свойствамъ герман-

скаго императора, но и пертурбаціонному вліянію экономическихъ интересовъ, то засимъ всѣ послѣднія событія въ Арменіи, Болгаріи, Абиссиніи, Китаѣ, Кореѣ, на Кубѣ, на Мадагаскарѣ и соотносительная имъ группировка историческихъ силъ Европы свершились и свершаются внѣ прямого вліянія экономическаго фактора, порою прямо вопреки этому вліянію. Между тѣмъ, въ настоящее время эти событія опредѣляютъ собою историческое положеніе и властно подготовляютъ будущее державъ и народовъ. Я уже упомянулъ, что особенно характерно обнажаются скрытыя пружины современной исторіи въ событіяхъ, соединяемыхъ подъ названіемъ вопроса армянскаго. Этотъ вопросъ есть, однако, только составная часть обширнаго и сложнаго вопроса восточнаго, вскрывшагося въ 1895 году отъ береговъ Адріатики на западѣ до береговъ Тихаго Океана на востокѣ и отъ береговъ Дуная и Аракса на сѣверѣ до гористыхъ плато Верхняго Нила и Экваторіальной Африки на югѣ. На основной сущности восточнаго вопроса мы и должны остановиться прежде всего, чтобы подготовить себя къ пониманію его частностей, въ томъ числѣ и горестныхъ перипетій армянскаго кризиса, разыгравшагося на нашихъ азіятскихъ границахъ и находящаго себѣ тягостные отголоски и въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ.

II.

Нерѣдко приходится слушать или читать разсужденія на тему объ «естественности» того или другого историческаго явленія. Такъ для однихъ борьба за существованіе въ средѣ людей и гибель не устоявшихъ въ этой борьбѣ представляется естественнымъ проявленіемъ законовъ природы. Для другихъ такимъ же естественнымъ проявленіемъ законовъ экономическихъ является развитіе кулачества и раззореніе народной массы. Для третьихъ столь же естественнымъ кажется подавленіе мелкихъ народностей крупною и господствующею. И т. д. и т. д. Въ недавнее время столь же естественнымъ казалось рабство низшихъ расъ, рабство женщины... Многое изъ естественнаго уже стало неестественнымъ и человѣчество убѣдилось, что борьба съ «естественностью» вовсе уже не такъ невозможна и безразсудна, какъ то склонны думать пиндары естественной эволюціи. Многое, что несомнѣнно является естественнымъ продуктомъ данныхъ условій, вовсе не есть необходимость, и перемѣна условій измѣняетъ и самое эволюцію. Человѣчество убѣдилось, сказали мы. Лучше было бы сказать, что оно должно было убѣдиться, потому что если не человѣчество, то многіе, претендующіе поучать его и объяснять ему его судьбы и его задачи, никакъ не могутъ усвоить эту простую истину и вмѣсто однихъ фетишей естественности выдвигаютъ, изобрѣтаютъ или открываютъ другихъ. Это очень старая исторія, тоже естественная и тоже постепенно отмѣняемая медлен-

нымъ ростомъ человѣческаго самосознанія, глубже понимающаго свои задачи и лучше уясняющаго свои силы. Тѣмъ не менѣе и теперь во всѣхъ сферахъ исторической жизни существуютъ болѣе или менѣе сильныя теченія, которыя преклоняются передъ «естественнымъ ходомъ вещей», не дерзаютъ совѣтовать человѣчеству взять свои судьбы въ свои собственныя человѣческія руки, всегда готовы покориться «печальной неизбѣжности».

Если разбилась или опрокинулась лодка и въ воду попадали люди, не умѣющіе плавать, то совершенно естественно, чтобы люди эти утонули... Не безразсудно ли съ ихъ стороны хватать окоченѣлыми руками обломки лодки и взывать о помощи? Не безразсудна ли будетъ и эта сама помощь, дерзающая сопротивляться естественному ходу вещей? Безумцы не признающіе этого естественнаго хода вещей, всегда, однако, найдутся, и они, эти безумцы, «по невѣжеству-ли, по недомыслію или по случайности», но не рѣдко спасаютъ утопающихъ. Они находятъ даже, что неестественно было бы не спасать...

Если загорѣлся деревянный домъ въ деревянномъ городѣ, то совершенно естественно сгорѣть не только загорѣвшемуся дому, но и всей подвѣтренной части города. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ разные невѣжды, не понимающіе и не признающіе естественнаго хода вещей, сопротивляются ему, спѣшатъ гасить пожаръ, спасать людей и имущество, отстаивать сосѣдей. Къ удивленію, они нерѣдко этого достигаютъ! Въ тѣхъ же случаяхъ, когда городъ построенъ *цѣлесообразно* въ пожарномъ отношеніи, а пожарная часть *цѣлесообразно* организована, это «безразсудное» стремленіе измѣнить естественное развитіе всегда достигаетъ цѣли, съ большимъ или меньшимъ трудомъ. Оказывается, что *цѣлесообразность* въ сооруженіяхъ, въ организаціи и въ трудѣ можетъ отмѣнять *естественность*. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что цѣлесообразность по необходимости не естественна, а естественность всегда не цѣлесообразна. Изъ этого слѣдуетъ только, что въ человѣческой жизни, частной, общественной, и исторической проявляется между прочимъ разумная воля, которая дѣйствуетъ цѣлесообразно и вноситъ измѣненія въ неразумные процессы, физическіе и органическіе. Было бы вполнѣ не естественно, если бы эта разумная воля, отличающая человѣка, не оказывала бы своей доли вліянія на ходъ вещей, какъ онъ сложился до появленія этой разумной воли. Этотъ то ранѣе сложившійся ходъ вещей и принято называть естественнымъ и въ этомъ смыслѣ только и можно говорить о противоположеніи цѣлесообразности и естественности.

Я преднамѣренно остановился на очень элементарныхъ примѣрахъ, указывающихъ, какъ вмѣшательство разумной воли человѣка можетъ измѣнить то, что называется естественнымъ ходомъ вещей. Эти элементарные примѣры едва-ли могутъ возбудить разногласіе. По крайней мѣрѣ можно надѣяться на это... Постепенно

осложняя примѣры, мы, однако, увидимъ, что въ существенномъ формы проявленія «естественныхъ» и цѣлесообразныхъ силъ остаются тѣ же и въ тѣхъ же между собою отношеніяхъ. Очень сложная проблемма замѣнить въ Арменіи естественную политическую эволюцію целѣсообразною, но основаніе проблеммы все въ томъ же печальномъ противуположеніи и въ еще болѣе печальномъ заблужденіи, будто естественный ходъ вещей самъ собой можетъ творить добро безъ цѣлесообразнаго вмѣшательства разумной человѣческой воли. Объ этомъ, однако, ниже, а теперь вернемся къ вопросу объ отношеніяхъ между естественностью и цѣлесообразностью въ менѣе сложныхъ случаяхъ.

Когда народъ занимаетъ горную территорію, его исторія, конечно слагается изъ комбинаціи его собственнаго развитія и дѣятельности съ одной стороны и развитія и состоянія территоріи съ другой. *Естественное* развитіе народа вызываетъ его размноженіе и переходъ отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому. *Естественное* развитіе всякой горной территоріи ведетъ, какъ извѣстно, къ постепенному углубленію всѣхъ руслъ, по которымъ стекаютъ воды; къ постепенному засоренію горныхъ водоемовъ, все менѣе способныхъ вмѣщать значительныя массы воды; къ постепенному смыву почвы, покрывающей склоны, а слѣдственно и къ постепенному обнаженію этихъ склоновъ отъ растительности. Остановившись покуда только на этихъ явленіяхъ естественной эволюціи горной страны, мы уже замѣтимъ, что углубленіе руслъ, смывъ почвы, обнаженіе склоновъ отъ растительности одинаково ведутъ къ болѣе быстрому скатыванію влаги съ горъ, а засореніе горныхъ озеръ и уменьшеніе растительности ослабляетъ силу, задерживающую хотя бы часть этой влаги. Естественная эволюція горной страны ведетъ стало быть къ учащенію и увеличенію наводненій. Согласно съ этимъ воздѣйствуетъ на страну и дѣятельность народонаселенія, подчиняющаяся лишь естественному ходу вещей. Вырубка лѣсовъ, скашиваніе травы на альпійскихъ лугахъ, вытаптываніе этихъ луговъ стадами, протаптываніе тропинокъ, постепенно выростающихъ въ овраги; распашка склоновъ, засореніе озеръ отбросами городской жизни, раскинувшейся на ихъ берегахъ; постепенное и неотступное расширеніе этихъ процессовъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія и умноженіемъ его потребностей, все это столь же естественныя проявленія человѣческой исторіи, сколько и условія постепеннаго вырожденія страны, все болѣе бѣдной почвой и растительностью, все болѣе опустошаемой наводненіями. Таково естественное развитіе горной страны, ускоряемое естественнымъ развитіемъ населяющаго ее человѣчества. Когда такая горная страна, уже испытавшая цивилизацію и густое населеніе, попадаетъ въ руки варваровъ, она быстро обращается въ мерзость запустѣнія. Естественные процессы торжествуютъ. Такова судьба, напримѣръ, всей Передней Азіи послѣ того, какъ она изъ рукъ цивилизованныхъ эллиновъ, финикіянъ,

халдеевъ, армянъ попала въ руки турокъ. Но не такова судьба Швейцаріи, горныхъ территорій Франціи и Германіи, Верхней Шотландіи, Норвегіи и др. Цивилизованные народы своевременно замѣчаютъ начинающуюся деградацію родины и этому естественному процессу противуполагаютъ цѣлесообразное воздѣйствіе своей разумной воли, своего труда, своего знанія. Въ горныхъ странахъ цивилизованнаго міра растительность горныхъ склоновъ не уменьшается, а расширяется; голыя скалы покрываются почвою и травою; русла укрѣпляются и регулируются; сооружаются новые горные водоемы и т. д. и т. д. Въ результатѣ, напр., въ Швейцаріи постепенно устранены прежде столь опустошительныя наводненія, а площадь, покрытая почвою и растительностью, значительно расширена. То же и во всѣхъ выше перечисленныхъ горныхъ странахъ цивилизованнаго міра, гдѣ цѣлесообразность противопоставлена неразумной естественности и гдѣ разумная воля человѣка торжествуетъ надъ естественнымъ ходомъ вещей. Нѣкогда же богатѣйшія горныя страны Передней Азіи прошли всѣ стадіи естественнаго хода вещей, и благодаря тому, что уже около тысячелѣтія тому назадъ прекратился разумный уходъ за природой, являютъ собою печальный примѣръ вырожденія и запустѣнія. Исторія горныхъ странъ Европы доказываетъ, что это естественное вырожденіе не есть необходимость и неизбѣжность.

Не только горныя, но и равнинныя континентальныя страны склонны къ естественному вырожденію. Въ самой глубинѣ Сахары, въ Ливійской пустынѣ къ югу отъ Феццана, гдѣ теперь разстилаются безплодныя и безводныя каменистыя, глинистыя и песчаныя равнины, съ трудомъ проходимыя даже верблюдами, недавно открыты въ пещерахъ и на скалахъ изображенія жизни нѣкогда обитавшаго здѣсь народа: растеній, которыя онъ разводилъ, животныхъ, которыхъ онъ здѣсь воспитывалъ, въ томъ числѣ стада быковъ и коровъ, нынѣ безусловно не могущихъ обитать въ этой пустынѣ, даже проходить черезъ нее. Это было очень давно, но и болѣе позднія, уже историческія свидѣтельства рисуютъ картину этой Ливійской равнины, далеко не столь мертвенную и безотрадную. Тутъ проходили цѣлыя арміи, кочевали и кормились не малочисленныя скотоводческія племена, водились разнообразныя породы дикихъ животныхъ; фараоны сюда выѣзжали для охоты. Все это преданія и Сахара стала едва ли не самымъ печальнымъ угломъ земной суши. Пустыня побѣдила жизнь и оттѣснила человѣка, недостаточно цивилизованнаго, чтобы вступить въ борьбу съ естественнымъ ходомъ вещей. Пришелъ, однако, съ сѣвера цивилизованный человѣкъ и основался сначала на границѣ пустыни. То были французы въ Алжирѣ. Теперь они подчинили себѣ всю западную, большую часть Сахары. Это подчиненіе считается всего нѣсколько лѣтъ, но нѣкоторая часть, пограничная Алжиріи, занята французами уже нѣсколько десятилѣтій и здѣсь пустыня уже по

всей линіи отступила передъ разумною волею человѣка, его знаніемъ, цѣлесообразно направленнымъ трудомъ. Изъ подъ земли добыта вода; другая проведена съ горъ; третья задержана разумною системою запрудъ и водоемовъ; закрѣплены сыпучіе пески; найдена растительность, пригодная для этого сухого климата и безъ орошенія; подъ орошеніемъ раскинуты роскошныя плантаціи; подъ вліяніемъ всего этого самъ климатъ увлажнился, начали перепадать прежде совсѣмъ незнаемые дожди, появилась новая дикая растительность, колодцы и родники стали богаче влагою, а все это облегчаетъ дальнѣйшее наступленіе цѣлесообразной разумной воли и дальнѣйшее отступленіе естественнаго хода вещей. Французы не останавливаются передъ этою побѣдою и, открывъ въ глубинѣ Сахары обширную котловину, лежащую ниже уровня моря, проектируютъ провести каналъ и наполнить котловину водою, что должно еще увлажнить климатъ и дать новыя силы для борьбы съ пустыней. Французы приняли страну уже выродившуюся. Борьба была бы много легче, если бы они явились въ нее раньше. Аналогическая проблемма не допустить вырожденія нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ степей стоитъ и передъ нами и было бы непростительнымъ малодушіемъ отчаяваться въ возможности рѣшить этотъ вопросъ въ благопріятномъ для жизни смыслѣ. Много способовъ борьбы уже намѣчено, другое ждетъ изслѣдованія; третье уже осуществляется.

Въ этихъ двухъ примѣрахъ столкновенія цѣлесообразности и естественности уже гораздо шире захватывается этотъ вопросъ. Передъ нами уже не два человѣка, одинъ утопающій, а другой—спасающій. Передъ нами постепенная естественная эволюція страны, зависимая отъ сложнаго сочетанія физико-географическихъ, геологическихъ и астрономическихъ условій. Рядомъ съ этимъ передъ нами естественное историческое развитіе народовъ, дѣйствующее въ одномъ направленіи съ этимъ природнымъ условіемъ и ускоряющее вырожденіе странъ. Далѣе, наконецъ, передъ нами не изолированный подвигъ добраго человѣка, но упорная, основанная на знаніи и громадномъ комбинированномъ трудѣ историческая цѣлесообразная дѣятельность націи, которая медленно, мало по малу, но несомнѣнно преобразуетъ это естественное развитіе страны, и законъ вырожденія замѣняется закономъ возрожденія. Естественное обсыханіе и обезлѣсеніе равнинъ, естественное обнаженіе горъ, естественныя наводненія, естественные пожары, нашествія саранчи, распространеніе эпидемій, движеніе сыпучихъ песковъ, обмеленіе судоходныхъ рѣкъ, все это естественно, какъ и многое другое, и всему этому даетъ отпоръ цѣлесообразная дѣятельность человѣка, его разумная воля, его критическая и творческая мысль, его трудъ и энергія. Цѣлесообразность, такимъ образомъ, состоитъ въ предупрежденіи или устраненіи естественныхъ, но вредныхъ человѣчеству явленій и въ согласованіи человѣческой дѣятельности для до-

стиженія этой задачи, въ интересахъ общества, своихъ собственныхъ и своихъ ближнихъ. Цѣлесообразность зависитъ, такимъ образомъ, отъ развитія мысли и нравственнаго чувства (согласованія дѣятельности въ общихъ интересахъ). Вредны человѣчеству, однако, не одни естественныя явленія физической природы, о которыхъ мы до сихъ поръ преимущественно вели рѣчь, но и многія въ томъ же смыслѣ естественныя явленія исторической эволюціи, столь же естественно влекущія къ вырожденію и упадку.

III.

Тѣ «естественные» процессы, которые призвана устранить цѣлесообразная дѣятельность человѣчества (сама по себѣ тоже вполнѣ естественная), отличаются отъ цѣлесообразныхъ, строго говоря, тѣмъ, что вызываются тѣми сторонами человѣческой природы и человѣческой культуры, которыя не считаются ни съ нравственнымъ чувствомъ, ни съ общественнымъ и національнымъ самосознаніемъ, поднимающимся выше исключительнаго личнаго самосознанія. Вырубить сосѣдніе лѣса можетъ быть очень выгодно данному поколѣнію, но для будущихъ поколѣній оно можетъ превратить родину въ страну необитаемую: въ горахъ вслѣдствіе опустошительныхъ наводненій и обваловъ, на континентальныхъ равнинахъ—вслѣдствіе засухъ, движенія песковъ, размноженія мелкаго гнуса. Такимъ образомъ, только на стадіи съ относительно развитымъ нравственнымъ чувствомъ и при относительно высокомъ уровнѣ знанія и предвидѣнія становится возможна та цѣлесообразная дѣятельность человѣчества, которая способна ограничить, ослабить или даже отмѣнить естественный ходъ вещей въ тѣхъ или иныхъ его проявленіяхъ. Для цѣлесообразной борьбы съ естественною историческою эволюціей и нравственнаго чувства и просвѣщенія надобно еще больше, чѣмъ для борьбы съ естественною эволюціей физической природы.

Жизнь развивалась и до появленія на землѣ разумной воли, направляемой творческою мыслью и нравственностью. Жизнь развивается и послѣ возникновенія этихъ новыхъ факторовъ. Поскольку она не подчиняется новымъ факторамъ, она должна хранить въ своихъ процессахъ черты прежней эволюціи. Будетъ полезно поэтому остановиться на этихъ чертахъ. Я боюсь касаться этого вопроса во всемъ его объемѣ. Боюсь, чтобы не увлечься слишкомъ далеко отъ сюжета. Остановлюсь поэтому на нѣкоторыхъ деталяхъ, очень значительныхъ и важныхъ, но не претендующихъ на общее истолкованіе органическаго начала въ общественномъ процессѣ, потому что названіе «органическое» начало (или факторъ) наиболѣе приличествуетъ совокупности тѣхъ общественныхъ процессовъ, которые унаслѣдованы человѣчествомъ и его обществами отъ предыдущихъ стадій органической жизни.

У хищныхъ млекопитающихъ мы находимъ безразличное смѣ-

шеніе половъ, у дикихъ травоядныхъ—довольно правильно организованную полигамію. Послѣднее замѣчается и среди обезьянъ. Отъ безразличнаго смѣшенія половъ къ организованной полигаміи—вотъ, стало быть, «естественная» эволюція формъ генезиса. Натуралисты объясняютъ и причины такого состоянія. Для насъ, однако, важенъ самъ фактъ. Именно такую эволюцію унаслѣдовало человѣчество отъ того періода, когда разумная цѣлесообразная воля и совѣсть не вмѣшивались въ естественный ходъ вещей. Таковъ долженъ быть этотъ «естественный» ходъ и для человѣчества, когда оно еще не предусматриваетъ его опасности и еще не внемлетъ голосу совѣсти. Такимъ мы и видимъ этотъ ходъ въ давній періодъ человѣческой исторіи. «Гетеризмъ» или безразличное смѣшеніе, какъ самая древняя форма брака, и экзогамическая полигамія, какъ слѣдующая стадія развитія, не являются-ли господствующимъ процессомъ? Отклоненія въ сторону поліандріи, скоро устраненныя «желѣзнымъ закономъ» органической «необходимости», были слишкомъ раннимъ и неудачнымъ мятежомъ человѣческой воли противъ естественныхъ процессовъ, подсказанныхъ и испытанныхъ уже дочеловѣческою жизнью. Что же принесли человѣчеству эти естественные процессы? И почему цивилизованное человѣчество такъ отклонилось отъ «естественности» и такъ полно упразднило и гетеризмъ и полигамію?

Мы знаемъ тотъ процессъ, которымъ человѣчество пришло отъ гетеризма къ полигаміи. Недостатокъ пищи вызвалъ дѣтоубійство, преимущественно дѣвочекъ (не усиливающихъ военную силу племени); недостатокъ женщинъ вызвалъ ихъ похищеніе изъ сосѣднихъ племенъ; насильственное похищеніе и полная отчужденность отъ мужнинаго племени превратили жену въ рабыню и работницу; быстрое увяданіе такой женщины, порабощенной и изнуряемой и работою и материнствомъ, и выгоды удерживать ее въ качествѣ работницы породили стремленіе похищать новыхъ, не истребляя прежнихъ. Экзогамическая полигамія и порабощеніе женщины—таковы были плоды естественной эволюціи догосударственнаго періода. Государство застало это положеніе вещей и сначала лишь укрѣпило и узаконило. Государство, однако, должно было воспротивиться открытому насилію. Оно осталось практикою лишь господствующихъ классовъ. Рядомъ съ насиліемъ явилась купля женъ. Она была возможна тоже лишь для господствующихъ классовъ. Для народной массы моногамія стала единственною фактически возможною формою брака. Первое законное огражденіе общества отъ внутренняго насилія (хотя съ исключеніемъ господствующихъ классовъ), т. е. первое цѣлесообразное дѣйствіе государства въ интересахъ человѣка косвенно отразилось нарушеніемъ естественной эволюціи. «Естественность» эта сосредоточилась лишь въ господствующемъ меньшинствѣ. Тѣмъ ярче и интенсивнѣе сказались здѣсь ея вліяніе, ходъ и исходъ. Дикарь пріобрѣталъ вторую жену, потому что первая увяла; онъ не умерщвлялъ и не съѣдалъ первой

жены (нерѣдко, впрочемъ, практикуя и этотъ методъ), потому что она годилась въ работницы. Такимъ образомъ, сластолюбіе столько же, сколько разсчетъ выгоды руководили дикаремъ въ его полигамическихъ склонностяхъ. Для господствующихъ классовъ варварскаго народа элементъ выгоды отпадалъ: они имѣли достаточно рабовъ и рабынь. Жена естественно становилась только предметомъ для удовлетворенія сластолюбія. Такая же рабыня, какъ прежде, она не могла подняться до значенія подруги и товарища. Необходимая только въ качествѣ самки, она подчинялась режиму, воспитывающему и сохраняющему красоту ея тѣла, сосредоточивающему всѣ ея помыслы и чувства на половой страсти, отнимающему у нея всѣ душевныя свойства, способныя отвлечь ее отъ страсти или вызвать сопротивленіе. Она лишалась даже радостей материнства. Ея дѣтей, наслѣдниковъ ея супруга, воспитывали другіе. Единственная утѣха и единственное содержаніе ея жизни была половая любовь. Ея супругъ и господинъ принялъ всѣ мѣры, чтобы это было не иначе и чтобы эта страсть вся принадлежала ему одному. Гаремы, евнухи и безпощадная кара нарушительницъ гаремнаго строя явились законченною системою и необходимымъ продуктомъ естественной эволюціи формъ генезиса, не испытывающихъ на себѣ воздѣйствія критической мысли и нравственнаго чувства. Всѣ эти восточные монархи, сатрапы, военачальники занимались государственными дѣлами вдали отъ своей семьи (если только гаремъ позволительно называть семьей). Они творили судъ и расправу, нападали и оборонялись, благодѣтельствовали и угнетали народъ, грабили и растрачивали, держали совѣтъ, интриговали, бунтовали, составляли заговоры, совершали преступленія и подвиги, словомъ, дѣлали исторію и несли порою огромный трудъ, но все это проходило мимо ихъ домашнихъ пенатовъ, гдѣ они въ наслажденіи и упоеніи страсти находили отдыхъ отъ своихъ государственныхъ дѣяній. Женщина этихъ государственныхъ классовъ жила и развивалась совершенно вдали отъ всякой государственной, общественной или умственной дѣятельности, отъ всякой даже личной и семейной дѣятельности, кромѣ мечтаній о любви, когда супругъ занятъ, и утѣхъ страсти, когда онъ отдыхаетъ въ гаремѣ. Тѣхъ, которыя не ограничивались этимъ, устраняли и казнили. Большинство развивало въ себѣ только чувственность, теряя всякую умственную самостоятельность, всякую способность къ критикѣ и творчеству, всякое нравственное сознаніе, даже способность къ физическому труду и энергическому усилію, за единственнымъ исключеніемъ энергіи, вызываемой страстью. Только такія женщины сохранялись и подбирались гаремами, потому что только такія женщины удовлетворяли задачамъ гарема. Эти женщины, однако, были матерями слѣдующихъ поколѣній, вливая въ кровь дѣтей своихъ, и не только дочерей, но и сыновей, тѣ же качества умственной вялости, нравственной тупости, тѣлесной изнѣ-

женности и чудовищной чувственности. Изъ поколѣнія въ поколѣніе эти качества естественно должны были рости и увеличиваться, пока вялое, тупое, изнѣженное и порочное поколѣніе оказывалось уже неспособнымъ отстаивать государство отъ нападенія сосѣднихъ варваровъ или отъ мятежа подавленной и озвѣрѣлой собственной черни, не прошедшей, однако, эволюціи этого отупѣнія и деморализаціи. Тогда государства падали и начиналась исторія съизнова. Снова оказывались во главѣ полудикіе, полные энергіи и силы господствующіе классы, снова искавшіе отдохновенія и утѣхи въ замкнутыхъ гаремахъ и, если критическая мысль и совѣсть не вмѣшивались въ исторію и не отмѣняли пагубнаго строя, то снова и снова повторялась сказка про бѣлаго бычка, снова и снова естественный ходъ вещей приводилъ къ вырожденію и упадку. Исторія такихъ высоко талантливыхъ народовъ, какъ иранскій, аравійскій, халдейскій, мавританскій, не однажды создававшихъ могущественныя государства, служитъ горестнымъ, но неотразимымъ примѣромъ этого естественнаго хода вещей. Такимъ образомъ, гетеризмъ, унаслѣдованный человѣчествомъ отъ дочеловѣческихъ стадій жизни, естественно развивается (какъ и на прежнихъ стадіяхъ) въ фактическую экзогамическую полигамію; послѣ возникновенія государства она естественно преобразуется въ законную полигамію господствующихъ классовъ и фактическую моногамію массы; законная полигамія, при данныхъ условіяхъ жизни и дѣятельности господствующихъ классовъ и при рабствѣ женщины, унаслѣдованномъ отъ догосударственной эпохи, естественно выростаетъ въ гаремъ и ведетъ къ умственному и нравственному вырожденію женщины; это же вырожденіе естественно влечетъ и вырожденіе мужского потомства; упадокъ государства становится вполнѣ естественно результатомъ естественнаго хода вещей. Человѣчество, однако, сознало и опасность и недостойность этого строя. За исключеніемъ мусульманскаго міра, полигамія и гаремъ, эти крайнія формы порабощенія женщины и самыя неотразимыя орудія вырожденія и деморализаціи, уже повсюду отмѣнены человѣчествомъ, живущимъ въ организованныхъ обществахъ. Изъ полуторамилліарда человѣчества едва ли сто милліоновъ еще одобряетъ эту форму, причемъ и среди этой одной пятнадцатой человѣчества лишь господствующее меньшинство фактически осуществляетъ ее.

Естественнный ходъ вещей, однако, не такъ скоро сдается передъ разумною и цѣлесообразно направленною волею человѣка. Онъ возобновляетъ естественную эволюцію все въ новыхъ и новыхъ формахъ, снова и снова встрѣчая отмѣну въ критической и творческой мысли и совѣсти человѣчества, или, если этой отмѣны не встрѣчаетъ, опять и опять вызывая вырожденіе и упадокъ. Тѣ же естественные инстинкты сластолюбія и господства надъ женщиною вызываютъ уже при моногаміи созданіе терема, затворничество женщины и ея законное подчиненіе. Когда же и эта смягченная форма гарема и рабства падаетъ передъ голосомъ разума и совѣсти,

тѣ же естественные инстинкты создаютъ салонъ и свѣтскость съ ихъ женскою полуобразованностью, кокетствомъ въ качествѣ главнаго содержанія жизни и совершенною житейскою несамостоятельностью женщины при видимомъ ей поклоненіи. «Естественный ходъ вещей»—громадная сила, но велика и сила цѣлесообразной разумной воли человѣчества, потому что эта воля въ концѣ концовъ, какъ мы видимъ, торжествуетъ. Безъ этого торжества «естественный ходъ вещей» есть законъ историческаго циклизма и явное противорѣчіе прогрессу.

IV.

Мы остановились на одной сторонѣ многообразнаго проявленія органическаго фактора. Если бы вмѣсто исторіи формъ генезиса мы избрали напр., законъ органическаго дифференцованія, какъ онъ сказывается въ исторіи, то увидѣли бы приблизительно тѣ же этапы развитія. Унаслѣдованный отъ дочеловѣческой и дообщественной эпохи, проявлявшійся тамъ (въ органическомъ прогрессѣ) въ процессѣ дивергенціи (т. е. въ созданіи новыхъ видовъ и породъ), этотъ законъ сказался въ человѣческомъ обществѣ распаденіемъ историческихъ народовъ на касты, сословія и классы съ одной стороны, на племена и нарѣчія—съ другой. Послѣднее есть простое продолженіе процессовъ зоологической эволюціи, обязанное большею частью или вліянію физическихъ условій, или не одинаковому смѣшенію расъ, вошедшихъ въ составъ народа, или общей совокупности продолжительныхъ историческихъ условій. Это дробленіе и сліяніе національностей, ихъ возникновеніе, взаимная нетерпимость и взаимная притязательность принесли много горя и страданій человѣчеству, которое и до сихъ поръ принуждено бороться съ инстинктами, пробуждаемыми этими неразумными органическими тяготѣніями и отраженіями. Если, однако, мы вспомнимъ то взаимное омерзѣніе, которое раздѣляло нѣкогда египтянина отъ іудея, іудея отъ халдея, халдея отъ перса, перса отъ индуса, индуса отъ китайца, то нынѣшнія національныя антипатіи, всѣ эти фильства и фобства, представятся намъ скорѣе пережиткомъ былого глубоко дифференцованнаго состоянія человѣчества, нежели образованіемъ, на столько живучимъ, чтобы можно было предсказать ему будущность. Прошедшее же этихъ историческихъ теченій отразилось на исторіи самыми пагубными плодами, нерѣдко приводя высоко-культурные народы къ вырожденію и упадку. «Естественный ходъ вещей» въ томъ смыслѣ, какъ выше опредѣлено это выраженіе, вездѣ и всегда является основною причиною періодическаго вырожденія и упадка.

Естественная національная эволюція можетъ явиться этою причиною и долго являлась неодолимою въ этомъ отношеніи силою, потому что ничто другое, какъ именно націонализмъ, не раздѣляетъ такъ народы и не препятствуетъ въ той степени ихъ общенію и

сближенію, общенію и сближенію ихъ культуръ, объединенію ихъ интересовъ и міросозерцанія. Исключительный національзмъ царилъ въ древнемъ мірѣ. Народы жили замкнутою, изолированною жизнью, не понимая другъ друга, гнушаясь другъ другомъ, съ презрѣніемъ и ненавистью въ сердцѣ. Это питало постоянный антагонизмъ и постоянную вражду. Война была закономъ международныхъ отношеній древняго міра; истребленіе или порабощеніе—закономъ войны этого міра. Эта постоянная и не прекращающаяся опасность гибели, разоренія, рабства, вытекая изъ крайняго развитія національнаго чувства, предоставляла громадную власть военному и жреческому сословію, какъ единственнымъ защитникамъ народа на землѣ и на небесахъ. Народъ готовъ былъ терпѣть какое угодно угнетеніе, чтобы спастись отъ иноплеменнаго нашествія, тогда гораздо болѣе пагубнаго, чѣмъ самое деспотическое господство туземныхъ властителей. Народъ и не могъ не терпѣть этого господства, потому что онъ оставался независимъ лишь тамъ, гдѣ господствующіе классы успѣли организовать грозную военную силу для обороны отъ иноплеменниковъ. Эта грозная сила одинаково служила и для подчиненія народа. Такимъ образомъ выдѣленіе военной и жреческой кастъ, ихъ деспотическое господство надъ массою, рабство этой массы являлись естественнымъ послѣдствіемъ естественнаго развитія національзма. Оно ведетъ къ циклизму и непосредственно, потому что въ той крайней формѣ, въ которой мы его наблюдаемъ въ древнемъ мірѣ, оно требуетъ побѣды или разрушенія. Такъ Ассирія поколебала Египетъ и разрушила Іудею, Мидія разрушила Ассирію, Персія—Мидію и Египетъ, Македонія — Персію и т. д. Изолированный и замкнутый національзмъ былъ впервые поколебленъ съ одной стороны распространеніемъ просвѣщенія, умственнаго творчества и критической мысли вмѣстѣ съ элленизаціей и романизаціей высшихъ слоевъ древняго міра, а съ другой стороны пробужденіемъ нравственнаго чувства, связаннымъ съ распространеніемъ всемірныхъ религій, буддизма, христіанства, ислама. Струя гуманизма и просвѣщенія, внесенная греко-римской мыслью, скоро изсякла подъ пескомъ новаго варварства; она возродилась почти черезъ тысячелѣтіе въ новой Европѣ. Въ этотъ промежутокъ глубокое преобразованіе въ чувства человѣческія внесли всемірныя религіи, казалось было, изгнавшія національзмъ изъ человѣческой исторіи. Но это только казалось. На самомъ дѣлѣ національзмъ принялъ новую форму и сталъ искать союза съ сектантствомъ религіознымъ. Отложеніе ереси монофизитовъ (нынѣшняя копто-абиссинская церковь) было въ сущности возрожденіемъ египетскаго національзма, возставшаго противъ элленизаціи, которой служила господствующая греческая церковь. Точно также армянскій національзмъ нашелъ себѣ опору противъ элленизаціи въ ереси грегоріанской, а семитическій національзмъ—въ несторіанствѣ. Позднѣе германскіе на-

роды отдѣлились отъ католическихъ романскихъ, создавъ протестантство. Недолговѣчное литовское національное возрожденіе въ XVI—XVII вѣкахъ связало свое дѣло съ реформатствомъ, какъ чехи—съ гусситствомъ. На нашихъ глазахъ отложеніе болгарскаго экзархата, объявленнаго со стороны вселенской патріархіи схизмою, совершалось тоже на почвѣ націонализма. Въ мусульманскомъ мірѣ иранцы отложились отъ арабовъ и турковъ подъ знаменемъ шіизма. Все это отчасти возрождало ту національную исключительность и жестокій антагонизмъ, который былъ одною изъ основныхъ причинъ послѣдовательнаго паденія древнихъ цивилизацій. Возрожденіе однако было въ сильно смягченномъ видѣ и скоро встрѣтило новый отпоръ со стороны ново-европейской критической мысли, все глубже объединяющей человѣчество, его міросозерцаніе, его нравственное пониманіе. Національная нетерпимость, все еще продолжая существовать, какъ пережитокъ опаснаго прошлаго, все еще внося много напраснаго горя въ жизнь народовъ, являясь между прочимъ одною изъ содѣйствующихъ причинъ крайняго милитаризма нашего времени, уже не можетъ однако почитаться въ числѣ тѣхъ могучихъ факторовъ, которые властно руководятъ судьбами цивилизованнаго человѣчества. Печальное наслѣдіе печальныхъ эпохъ, крайности націонализма и далеко не такія крайности, какъ были нѣкогда, и далеко не такъ могущественны, чтобы считать ихъ въ числѣ первостепенныхъ факторовъ исторіи. Критическая и творческая мысль и нравственное чувство одержали эту побѣду и ослабили значеніе историческаго начала, нѣкогда едва-ли не самаго могущественнаго, властно распоряжавшагося судьбами державъ и народовъ и являвшаго собою неодолимую силу, предрѣшавшую циклизмъ и не допускавшаго непрерывности историческаго прогресса. Конечно и теперь сила эта дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, но не она уже является серьезною опасностью для прогресса. Это торжество разума и совѣсти надъ стихійною органическою силою такъ очевидно и такъ плодотворно, что отрицать его едва-ли рѣшатся самые слѣпые трубадуры естественнаго хода вещей. Значеніе критической мысли и нравственнаго чувства въ этой во всякомъ случаѣ очень значительной эволюціи такъ очевидно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ явно могущественно, что усвоеніе смысла этого процесса развѣ очень мало сложнѣе простыхъ случаевъ цѣлесообразной борьбы съ естественностью, о которыхъ мы говорили въ началѣ прошлаго параграфа этого «Дневника», случаевъ тушенія пожара и спасенія утопающихъ. Я надѣюсь поэтому, что и этотъ примѣръ не вызоветъ сомнѣнія, а между тѣмъ и онъ обнаруживаетъ и всю живучесть естественнаго хода вещей, и всю его опасность, и полную возможность устранить эту опасность черезъ цѣлесообразное вмѣшательство разума и совѣсти, но и всю необходимость постояннаго и неустаннаго бодрствованія со стороны тѣхъ, кто считаетъ своею обязанностью служить человѣчеству

и роднић, слѣдуя указаніямъ ихъ цѣлесообразно направленной разумной воли. Дѣйствительно, стихійные взрывы антисемитизма, полонофобства, финнофобства, а въ послѣднее время совершенно неожиданно и армянофобства не доказываютъ-ли и этой живучести, и этой опасности, и этой обязанности?

Еще болѣе страданій и горя, нежели національное дифференцованіе, принесло человѣчеству дифференцованіе политическое и экономическое. Касты и сословія суть порожденія дифференцованія политическаго, классы—экономическаго. И тѣ и другіе и третьи являются вмѣстѣ съ тѣмъ и дифференцованіемъ органическимъ, творя новые органическіе типы, разводя органическіе (физіологическіе и психологическіе) признаки. Я не намѣренъ слѣдить за этою естественною эволюціей, начавшею свою печальную исторію съ созданія кастъ съ ихъ замкнутостью, кастовою нетерпимостью, взаимнымъ непониманіемъ и омерзеніемъ, кастовою моралью и кастовою неподвижностью, естественно приводящими къ вырожденію и упадку. Циклизмъ для кастовыхъ обществъ является столь же несомнительнымъ закономъ, какъ и для полигамическихъ *). И какъ естественный ходъ вещей, выразившійся въ полигаміи и гаремѣ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему творческою мыслью и совѣстью, отстаиваетъ свои позиціи, порождая тѣ же явленія въ смягченномъ видѣ, теремъ и салонъ, совершенно также и органическое дифференцованіе, устраненное въ формѣ касты, пытается возродиться въ смягченномъ видѣ, въ формѣ сословій и классовъ. Оно конечно и въ этихъ формахъ встрѣчается съ цѣлесообразною дѣятельностью человѣчества, если человѣчество сознаетъ опасность дифференцованія и его несправедливость. Для цѣлей сегодняшняго нашего анализа это дифференцованіе имѣетъ меньше значенія, нежели національное дифференцованіе и развитіе «естественныхъ» формъ генезиса. Поэтому, ограничиваюсь этими немногими строками по исторіи кастъ и классовъ; столь же мало, лишь для полноты обзора, остановлюсь я и на «естественной» эволюціи экономическаго начала, потому что и его роль, какъ и значеніе классовъ, въ современномъ восточномъ вопросѣ вообще, въ армянскомъ — въ особенности, незначительна, если не ничтожна.

Экономическій факторъ является какъ бы естественнымъ культурнымъ продолженіемъ органическаго фактора. Изъ послѣдняго возникаютъ всѣ историческіе факторы, экономическій не болѣе, нежели политическій, умственный или нравственный. Здѣсь не мѣсто

---

*) Не слѣдуетъ думать, что касты и полигамія развиваются параллельно. Индія живетъ и понынѣ въ кастовомъ быту, но браманизмъ не знаетъ полигаміи, ни древній веддаизмъ, ни буддизмъ. Древній Египетъ, типическая кастовая нація, тоже не зналъ полигаміи. Между тѣмъ, полигамическій исламъ не знаетъ кастъ. Совпаденіе кастъ и полигаміи у халдеевъ было уже исторической роскошью. Довольно и одного изъ этихъ факторовъ, чтобы циклизмъ проявилъ свое дѣйствіе.

для анализа этого возникновенія, но совершенно умѣстно указать, что начало умственное и нравственное большею частью, а политическое начало нерѣдко вступаютъ въ антагонизмъ съ органическою эволюціей, изъ которой сами возникли. Менѣе всего это можно сказать о факторѣ экономическомъ. Оттого соціологическіе и практическіе выводы трубадуровъ органическаго развитія такъ совпадаютъ съ теоріями бардовъ экономическаго фактора. Въ этомъ двойномъ смыслѣ я и говорю объ этомъ факторѣ, какъ культурномъ продолженіи органическаго. Мы ихъ уже видѣли за совмѣстною работою надъ развитіемъ естественнаго хода вещей и при куплѣ женъ, и при обязательной женской праздности господствующихъ классовъ, и при образованіи классовъ. Большею частью этотъ союзъ и не нарушается. Только въ однихъ случаяхъ виднѣе и ярче проявляется органическая эволюція, въ другихъ—экономическая. Вспомнимъ, напр., что органическій факторъ размноженія (въ геометрической прогрессіи) положенъ въ основу самыхъ важныхъ теоремъ политической экономіи, закона заработной платы, закона ренты, гипотезы о смѣнѣ экономическихъ формъ, Мальтусовой теоріи необходимой нищеты, вообще всѣхъ такъ называемыхъ «желѣзныхъ законовъ экономической необходимости». Все это гипотетическіе законы, выведенные въ предположеніи совершеннаго отсутствія всѣхъ остальныхъ историческихъ факторовъ, но это-то и важно и поучительно для насъ, потому что устанавливаетъ, что экономическій факторъ, самъ по себѣ, взятый изолированно, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ и органическая эволюція, еще не преобразованная подъ вліяніемъ разума и совѣсти *). Совершенно понятно послѣ этого, что тѣ стадіи развитія, черезъ которыя проходитъ экономическая исторія при естественномъ ходѣ вещей, имѣютъ очень много общаго со стадіями развитія органической эволюціи и подобно имъ ведутъ къ циклизму, если не встрѣчаютъ ограниченія и преобразованія со стороны другихъ факторовъ общественной жизни.

Мы уже видѣли, какъ естественная органическая эволюція, оперируя на рычагѣ національнаго и кастоваго органическаго дифференцованія, естественно приводитъ къ рабству, институту политическому, поскольку даруетъ власть одной части населенія надъ другою, но вмѣстѣ съ тѣмъ институту экономическому, организующему трудъ и промышленность и являющемуся орудіемъ для распредѣленія богатства, созданнаго трудомъ и промышленностью. Рабство естественно возникаетъ изъ національной нетерпимости и спеціализаціи занятій, но столь же естественно оно приводитъ націю къ

---

*) Богатство и капиталъ, эти основные элементы экономической культуры, могутъ тоже служить и цѣлесообразнымъ общественнымъ процессамъ, но для этого они должны сочетаться съ дѣйствіемъ другихъ историческихъ факторовъ. Вполнѣ понятно, что экономисты, изучающіе экономическій факторъ изолированно, склонны не замѣчать этого, и многіе видятъ одну только «естественность».

вырожденію и упадку. Это столько разъ было доказано историками и мыслителями самыхъ различныхъ школъ и доктринъ. Едва ли мы должны повторять здѣсь эти доказательства. Напомнимъ только, что съ экономической точки зрѣнія рабская организація труда характеризуется тремя основными признаками, именно: во-первыхъ, несамостоятельностью, обязательностью труда, во-вторыхъ тѣмъ, что управляется и организуется трудъ не самими трудящимися и въ третьихъ тѣмъ, что плоды труда, произведенное имъ богатство, поступаетъ въ пользу не трудившихся надъ его производствомъ. Въ этихъ трехъ основныхъ признакахъ лежитъ и экономическая причина естественнаго вырожденія и деморализаціи и рабовъ и рабовладѣльцевъ. Противъ нихъ-то и возстаетъ съ теченіемъ времени критическая мысль и нравственное чувство. На протяженіи всего древняго міра, подъ перекрестнымъ деградирующимъ вліяніемъ національной исключительности, развитія кастъ и порабощенія женщины, разумъ и совѣсть были безсильны справиться съ рабствомъ, хотя сознаніе передового человѣчества и возвышалось до стремленія положить предѣлъ этому явленію, дѣлающему историческою необходимостью циклизмъ, періодическое вырожденіе и упадокъ. Деградирующее вліяніе рабства тѣмъ пагубнѣе, что оно распространяется не на одни высшіе дирижирующіе классы, но и на народную массу, обращенную въ рабство. Гдѣ сохранялось свободное среднее сословіе, не рабовладѣльческое, но работающее, тамъ только нашлась сила, которая подъ вліяніемъ критической мысли и нравственнаго чувства явилась орудіемъ для отмѣны рабства. Древній міръ не дождался этой отмѣны. Онъ палъ, его культура выродилась, его народы вымерли или переродились, не дождавшись этой отмѣны, безусловно необходимой, чтобы законъ прогресса могъ замѣнить собою законъ циклизма. Новый міръ нашелъ въ себѣ элементы и силы для уничтоженія рабства и, вмѣстѣ съ утвержденіемъ моногаміи, освобожденіемъ женщины, упраздненіемъ кастъ и ослабленіемъ національной обособленности, устранилъ важнѣйшіе органическіе и экономическіе факторы, дѣлавшіе циклизмъ закономъ исторіи древняго міра. Мы видѣли, однако, что полигамію и гаремъ естественная эволюція пытается замѣнить сначала затворничествомъ и теремомъ, затѣмъ салономъ и свѣтскостью. Мы видѣли такъ же, что тотъ же естественный ходъ вещей, принужденный уступить касты, пробуетъ ихъ возродить въ смягченныхъ формахъ сословій и экономическихъ классовъ, а національную исключительность—въ формахъ національнаго антагонизма, маскирующаго свою сущность союзомъ съ религіознымъ сектантствомъ и другими явленіями. Мы вправѣ ожидать того же и отъ естественной эволюціи экономической. Дѣйствительно, рабство замѣняется монопольною организаціей труда, а монопольная—капиталистическою. И въ монопольной организаціи труда, и въ капиталистической мы находимъ всѣ тѣ три признака, которые отличаютъ рабскую: и принудительность

труда (хотя не юридическую), и управленіе трудомъ со стороны, безъ участія трудящихся, и поступленіе плодовъ производительности въ пользу классовъ, надъ производствомъ не трудившихся. Понятно, что и естественныя послѣдствія должны быть такія же, какъ и плоды рабской организаціи труда. Если однако современныя капиталистическія общества не являютъ собою примѣра вырожденія, деморализаціи и упадка, то во-первыхъ и рабскія общества имѣли свои иногда продолжительные періоды процвѣтанія, во-вторыхъ, дѣйствіе капитализма много слабѣе вліянія рабства, какъ вліяніе салона много слабѣе дѣйствія гарема, и въ-третьихъ, запасы разума и совѣсти, накопленные обществами, съумѣвшими упразднить рабство и монополію, гаремъ и теремъ, касты и сословія, національное изувѣрство и сектантски-національную нетерпимость, конечно, безъ всякаго сравненія огромнѣе и могущественнѣе, нежели въ обществахъ, не способныхъ отдѣлаться даже отъ рабства. Въ этихъ-то огромныхъ запасахъ разума и совѣсти лежитъ причина, ограничивающая пагубное вліяніе салонной жизни женщины, классоваго антагонизма, національнаго соперничества, а въ томъ числѣ и капиталистической организаціи труда. Останавливаться долѣе на этихъ важныхъ истинахъ мы не будемъ, потому что онѣ намъ нужны были лишь для полноты обзора. Непосредственно важнѣе для насъ слѣдующая группа естественныхъ явленій историческаго развитія, именно группа явленій политическихъ.

V.

Милитаризмъ и сильное развитіе государственности, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ явленіямъ общественной жизни, вмѣстѣ съ рабствомъ и кастами, являются естественнымъ плодомъ того органическаго дифференцованія, которое само является плодомъ органической эволюціи, не умѣряемой вліяніемъ иныхъ историческихъ силъ. Восточный деспотизмъ и былъ политическимъ плодомъ этого естественнаго хода вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ новою самостоятельною причиною восточнаго циклизма. Вырожденіе и упадокъ совершенно неизбѣжны при такомъ строѣ, основанномъ на переразвитіи государственнаго начала, на проникновеніи всей жизни націи принудительностью, на полномъ отсутствіи гражданской свободы, гражданской самодѣятельности и самоуправленія. Исчезновеніе навыковъ самодѣятельности дѣлаетъ націю инертною массою, мало способною къ самозащитѣ, еще менѣе способной къ самосовершенствованію. Застой, потомъ упадокъ, наконецъ паденіе подъ ударами не дремлющихъ враговъ - сосѣдей— такова обычная грустная исторія восточныхъ и древнихъ націй, нерѣдко начинавшихъ свою исторію подъ многообѣщающими пред-

знаменованіями. Стоитъ вспомнить для этого исторію Эллады, Іудеи, Рима, арійской веддической Индіи. Много великаго и славнаго совершили эти высокоталантливые и многопотрудившіеся народы; богатое наслѣдство оставили они человѣчеству, такое богатое наслѣдство, что только оно и дало возможность отмѣнить историческій циклизмъ и замѣнить его прогрессомъ; сами народы эти не могли выбиться изъ сѣтей циклизма и пали жертвою общаго положенія вещей древности. Даже Греція кончила македонскимъ милитаризмомъ и римскимъ владычествомъ, открывшимъ ее ударамъ варваровъ. Такова «естественная» политическая эволюція, какъ она выростаетъ изъ органической эволюціи и какъ она развивается въ согласіи съ эволюціей экономической. Еще древній міръ явилъ примѣры временной отмѣны этой политической «естественности». Исторія упомянутыхъ четырехъ націй доставляетъ тому поучительные примѣры. Исторія Финикіи, а на раннихъ стадіяхъ исторія Ирана можетъ быть цитирована въ тѣхъ же видахъ. Исторія Греціи и Рима долго и для новой Европы служила образцомъ въ этомъ отношеніи. Однако, эта отмѣна политической естественности, даже соединенная съ моногаміей и отсутствіемъ кастъ, не могла принести классическому міру всѣхъ плодовъ, потому что законъ взаимнаго истребленія и порабощенія народовъ господствовалъ надъ международными отношеніями и выдвигалъ на первый планъ военную силу и власть военной организаціи. Спартанскій, а потомъ македонскій милитаризмъ явились послѣдствіемъ персидскихъ войскъ и причиною подавленія прогрессивной аѳинской гражданственности, какъ изъ пуническихъ войнъ выросли военныя диктатуры Марія, Суллы, Помпея, Цезаря, кончившіяся окостенѣніемъ въ имперію Нероновъ и Коммодовъ. Такъ по необходимости кончилъ древній міръ. Иныя судьбы выпали по счастью на долю міра новаго. Единая христіанская религія, однородность культурнаго строя и близость расъ, породившихъ новые народы, вмѣстѣ взятыя, явились почвою, на которой національной исключительности могло быть положено ограниченіе, война могла перестать быть единственнымъ закономъ международныхъ отношеній, а истребленіе и порабощеніе перестали быть закономъ войны. Новые народы могли, не рискуя своею независимостью, ограничить преобладаніе военнаго класса. Географическія условія, облегчающія взаимныя сношенія и общенія народовъ, взамѣнъ географическихъ условій древности, затруднявшихъ общеніе, дополняютъ собою списокъ фактовъ, опираясь на которые человѣчество могло настолько побороть естественный ходъ вещей въ политическихъ отношеніяхъ, что въ самомъ политическомъ факторѣ, нерѣдко уже подчиняющемся указаніямъ разума и совѣсти, нашло новое могущественное орудіе для борьбы съ естественностью экономическаго и органическаго развитія... Все зависитъ однако отъ роста и накопленія запасовъ разума и совѣсти, и пока это накопленіе составляетъ несомнительное явле-

ніе современнаго цивилизованнаго міра, до тѣхъ поръ можно не сомнѣваться въ томъ, что политическій факторъ, такъ долго служившій «естественному ходу вещей» и такъ долго бывшій и главною опорою всяческой естественности и главнымъ врагомъ критической мысли и голоса общественной совѣсти, окажется, наконецъ, новымъ могучимъ орудіемъ мысли и совѣсти. Человѣчество инстинктивно понимало, что среди всѣхъ этихъ естественныхъ эволюцій, такъ удручавшихъ его, именно политическая эволюція можетъ быть превращена изъ орудія вырожденія въ орудіе возрожденія. Человѣчество понимало, что именно здѣсь оно должно одержать первую побѣду и что безъ этой побѣды тщетны будутъ частные успѣхи въ другихъ областяхъ. Обезпеченіе частнаго и публичнаго права, личная и имущественная безопасность, гражданская свобода, самодѣятельность и самоуправленіе — это и есть тѣ краеугольные камни прогрессивнаго строя жизни, безъ которыхъ никакой прочный прогрессъ невозможенъ и безъ чего даже очень значительные успѣхи въ экономической и семейной организаціи окажутся по необходимости эфемерными.

Мы знаемъ, что въ области органическаго и экономическаго развитія на мѣсто однихъ образованій, отмѣняемыхъ разумомъ и совѣстью человѣка, естественный ходъ вещей неизмѣнно пробуетъ ставить другія, аналогичныя, хотя и въ смягченной формѣ. Мы вправѣ ожидать того же и въ политической области. Исторія свидѣтельствуетъ, что это ожиданіе не напрасно. Фанатическій до болѣзненности абсолютизмъ Іоанна IV и Филиппа II; болѣе тонкій, но не менѣе растлѣвающій режимъ Людовика XIV; цезаризмъ Бонапартовъ, іезуитовъ, маккіавелизмъ Меттерниха, грубое «Kraft macht Recht» желѣзнаго канцлера, еще доживающаго свой вѣкъ въ родовыхъ помѣстьяхъ Помераніи,—все это разныя смягченныя формы того же явленія переразвитія государственности. Всѣ они возникаютъ изъ международнаго антагонизма и всѣ они, подавляя другія стороны общественной жизни (которыми только и живо общество) влекли бы къ вырожденію и упадку, если бы не находили ограниченія въ уже могущественныхъ иныхъ силахъ историческихъ, а такъ же въ той самой международной борьбѣ, изъ которой возникли и которою питаются. Объ этомъ оригинальномъ историческомъ побѣгѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе для пониманія восточнаго вопроса, мы подробнѣе побесѣдуемъ ниже, а теперь обратимся къ остальнымъ историческимъ факторамъ, разсмотрѣніе которыхъ съ занимающей насъ точки зрѣнія тоже необходимо для нашей задачи.

Какъ изъ органической эволюціи естественно возникаютъ національности, касты, рабство, деспотизмъ и другіе первобытные экономическіе и политическіе институты и явленія, совершенно также изъ той же органической эволюціи возникаютъ и первобытныя естественныя религіи, миѳы, пѣсни, языки. Эти явленія умственной

жизни продолжаютъ и далѣе во многихъ отношеніяхъ подчиняться законамъ органической эволюціи. Это очень любопытная сторона первоначальной исторіи умственнаго фактора, но сегодня она лежитъ внѣ горизонта нашего вниманія. Намъ необходимо отмѣтить только тѣ соотношенія, которыя очень скоро устанавливаются между государственною организаціей и умственнымъ факторомъ, поскольку онъ выражается въ естественныхъ религіяхъ. Физическія условія страны, въ которой живетъ народъ, выступающій на историческое поприще; его раса, это резюме всего доисторическаго страшно долгаго періода его развитія; языкъ, спеціально резюмирующій умственную жизнь этого долгаго періода; вліянія сосѣдства дикихъ и цивилизованныхъ сосѣдей, развившихъ свои системы религіознаго міровоззрѣнія, — вотъ тѣ главные естественные факторы, изъ которыхъ складывается и развивается и національная религія новаго историческаго народа. Ея значеніе и власть надъ народомъ достигаютъ силы, совершенно непонятной для нашего времени и нашего общественнаго состоянія. Религія является единственнымъ ограниченіемъ военнаго деспотизма и народнаго порабощенія, единственною защитницею права и справедливости, единственною заступницею за слабаго и угнетеннаго. Въ этомъ громадная историческая заслуга даже самыхъ изувѣрныхъ и суевѣрныхъ національныхъ религій и въ этомъ огромная политическая роль ея служителей, жреческаго сословія. Не даромъ борьба между кастами воиновъ и жрецовъ наполняетъ собою лѣтописи всѣхъ древнихъ народовъ,—индусовъ, египтянъ, иранцевъ (между магами Мидіи и воинами Персиды), вавилоно-ассиріянъ (между жреческимъ Вавилономъ и военною Ниневіей), вплоть до грандіозной борьбы имперіи и папства въ средніе вѣка. Этотъ политическій активъ духовно-политической организаціи, очень рано возникающей рядомъ съ военно-политическою организаціей, болѣе чѣмъ компенсируется огромнымъ политическимъ пассивомъ. Возставая противъ военнаго произвола во имя вѣчныхъ законовъ, эта духовно-политическая организація дѣйствительно почитаетъ законы эти вѣчными, незыблемыми, не подлежащими ни новому творчеству, ни критикѣ. Мысль человѣческая ставится въ самыя тѣсныя рамки истолкованія древнихъ миѳовъ, и умственному прогрессу поставляется тѣмъ большая преграда, чѣмъ сильнѣе и совершеннѣе духовно-политическая организація. Подавленная военнымъ деспотизмомъ народная масса невѣжественна и суевѣрна; не менѣе суевѣренъ и невѣжественъ и самъ господствующій военный классъ, презирающій всякое иное занятіе, кромѣ войны, охоты, пировъ и утѣхъ гинекея. Такимъ образомъ, критическая и творческая мысль можетъ проснуться только въ средѣ самого жреческаго сословія, которое и фанатично, и полно традиціи, и хорошо понимаетъ всю опасность для своего господства пробудившейся мысли. Оно и устраняетъ ее безпощадно. Жрецы

древняго Египта и Вавилона, маги Ирана, брамины Пенджаба, Ауда и Беггара также жестоко преслѣдовали и уничтожали разномыслящихъ, какъ калифы Ислама или инквизиторы Испаніи. Это состояніе подавленной критической и творческой мысли принято называть *системою опеки*. Изслѣдованію ея пагубнаго вліянія Бокль посвятилъ оба тома своего знаменитаго труда. Напомню только, что критическая и творческая мысль является вмѣстѣ съ совѣстью именно тѣмъ орудіемъ, которое только и можетъ естественный ходъ вещей во всѣхъ его проявленіяхъ замѣнить историческимъ развитіемъ, цѣлесообразно направленнымъ къ народному самосохраненію и самосовершенствованію, къ счастью и справедливости. Понятно, что подавленіе опекою критической и творческой мысли въ корнѣ подрываетъ прогрессивность и цементируетъ всѣ остальные устои цикличности. Отсутствіе свѣтскаго просвѣщенія, такъ характерно отличающее древнія восточныя цивилизаціи Египта, Вавилоно-Ассиріи, Ирана, Іудеи и новую цивилизацію Ислама (за исключеніемъ очень короткаго періода аравійскаго процвѣтанія), можетъ служить внѣшнимъ показателемъ полнаго господства системы опеки, совершеннаго подавленія критической и творческой мысли, законченнаго типа цикличной культуры. Присутствіе свѣтскаго просвѣщенія, къ сожалѣнію, не доказываетъ совершеннаго упраздненія системы опеки. Эта система, какъ и другія порожденія естественнаго хода вещей. не однажды возрождается въ исторіи и послѣ того, какъ ея первоначальная грубая форма уже устранена нравственною силою разума и совѣсти. Она возрождается, конечно, въ новыхъ болѣе смягченныхъ формахъ. Система опеки при Людовикѣ XIV, конечно, уже не та, что при Филиппѣ II или Фердинандѣ Католическомъ и министры Великаго Короля не походили на Торквемаду, но сущность явленія и его историческое значеніе оставались тѣ же, точно также подрывая самые корни прогрессивности, цивилизаціи и самаго существованія націи и государства.

Мы только что показали, какъ сама мысль человѣческая, подчиняясь естественнымъ законамъ органической эволюціи, костенѣетъ въ господствующій духовный авторитетъ и, опираясь на союзъ съ политическимъ факторомъ, является орудіемъ не цѣлесообразности и прогрессивности, но циклизма и естественнаго хода вещей. Намъ остается показать тотъ же процессъ и внутри нравственнаго фактора. И мораль, эта вторая историческая сила рядомъ съ мыслью, преобразующая естественное теченіе органической эволюціи, тоже можетъ подчиниться этому естественному теченію, и моральное чувство можетъ явиться орудіемъ угнетенія и деморализаціи, новою причиною циклизма. Самые благородные, самые высоко нравственные императоры Рима были ожесточенными преслѣдователями христіанъ; Торквемада и Лойола были тоже благородными и высокодобродѣтельными людьми; самые благородные калифы были безпощадными истребителями невѣрной райи; даже основате-

ли такихъ изувѣрныхъ сектъ, какъ самосожигатели, хлысты, скопцы, отличались отъ презираемаго ими грѣховнаго «міра» своими несомнѣнными добродѣтелями, порою доблестями и подвигами. Такихъ примѣровъ въ исторіи можно набрать множество и въ первомъ томѣ труда Бокля они искусно сгруппированы съ цѣлью доказать незначительность вліянія нравственнаго фактора и преобладаніе фактора умственнаго. Тезисъ, выставленный Боклемъ, эти факты не доказываютъ, потому что всѣ они цитируютъ разныя проявленія нравственнаго начала лишь въ видѣ частностей, дополняющихъ проявленія умственнаго фактора. Естественно нравственность и явилась лишь дополненіемъ. Причина явленій лежала преимущественно въ умственныхъ заблужденіяхъ эпохи, въ той системѣ опеки, о которой мы говорили выше. Нравственное начало было довольно безразлично въ этихъ событіяхъ. Угнеталъ христіанъ благородный Маркъ Аврелій, но угнеталъ ихъ не менѣе того и Неронъ. Благородный Адріанъ былъ терпимъ, какъ и недостойный сынъ Марка Аврелія Коммодъ. Истреблялъ невѣрную райю добродѣтельный Омаръ, но благородный Саладинъ былъ исполненъ терпимости. Факты, цитированные выше, не доказываютъ тезиса Бокля, но они показываютъ, что система опеки поселяетъ не только умственныя, но и нравственныя заблужденія и создаетъ строй духовной жизни народа, при которомъ голосъ совѣсти не протестуетъ противъ несправедливости, угнетенія и жестокости...

Мы уже знаемъ, какъ органическое дифференцованіе создаетъ національности и касты и порождаетъ національную и кастовую исключительность. Мы знаемъ также, что на этой же почвѣ развиваются и національныя религіи, тоже исполненныя нетерпимости и исключительности. На этой же почвѣ выростаетъ и національная мораль, тоже исключительная и нетерпимая (какъ ни мало вяжутся эти эпитеты съ понятіемъ морали). Выростаетъ на ней и кастовая мораль, отличающаяся тѣми же качествами, только въ слабѣйшей степени. Военная мораль, преимущественно сводящаяся къ культу чести, предписываетъ и убійство, и насиліе, и всяческую несправедливость для служенія этому культу. Мораль служителей религіи тоже допускаетъ убійства, насилія, несправедливость для спасенія душъ, прегрѣшившихъ противъ господствующаго догмата. Купеческая мораль ограничиваетъ честность своею средою, а за нею смѣло одобряетъ принципъ «не обманешь, не продашь». Всѣ эти моральныя односторонности глубоко минируютъ саму основу морали, совѣсть, которая не можетъ уживаться ни съ практикою насилія, ни съ практикою обмана, ни съ практикою собачьей преданности и собачьяго терпѣнія. Рано или поздно, или совѣсть, или эти моральныя явленія должны одержать верхъ въ нравственномъ строѣ народа, а окончательное торжество кастовой морали есть окончательное безповоротное закрѣпленіе кастоваго строя, со всѣми его послѣдствіями, съ циклизмомъ въ томъ числѣ.

Еще исключительнѣе, нетерпимѣе и вредоноснѣе національная мораль. «Нѣсть ни эллинъ, ни іудей» — когда были произнесены эти великія слова? Не въ концѣ-ли многихъ тысячелѣтій человѣческой исторіи? А раньше для нравственнаго чувства человѣка было совершенно не одно и то же эллинъ или іудей. Каждый имѣлъ свою мораль. Персъ свою, индусъ и іудей тоже свои, не распространяемыя на другихъ. Недозволительное по отношенію къ своимъ было дозволено относительно чужихъ. «Ближній» былъ единоплеменникъ. Остальные—что то въ родѣ двуногаго скота, столь же мало включаемые въ кругъ моральнаго долга, какъ волки или лисицы. Отсюда возникало представленіе объ избранности своего народа. Всѣ народы древности считали себя избранными, почитая остальное человѣчество отверженнымъ небесами и обязаннымъ служить избранному народу, черезъ котораго совершается воля божества и черезъ котораго могутъ въ будущей жизни спастись и другіе народы. И это послѣднее добавленіе явилось уступкою новымъ историческимъ силамъ. Эта идея мессіанизма представляется тою смягченною модификаціей естественной эволюціи, которую мы прослѣдили выше и на исторіи другихъ факторовъ. Въ еще болѣе смягченной формѣ идею мессіанизма можно наблюдать въ цивилизованномъ мірѣ и въ XIX вѣкѣ. Вспомнимъ Мицкевича и Достоевскаго, нѣкоторыя современныя теченія въ просвѣщенномъ еврействѣ, недавнюю полемику В. С. Соловьева и покойнаго Страхова. Все это пережитокъ отдаленной эпохи, когда вѣра въ свою избранность владѣла сердцами всѣхъ историческихъ народовъ и питала собою нравственное чувство въ сторону не солидарности и любви, а раздора и угнетенія. Трудно представить себѣ все то море крови и слезъ, которое пролило человѣчество, благодаря этому естественному развитію морали, естественному, потому что естественно вытекающему изъ того же дифференцованія, которое само является продуктомъ естественнаго хода вещей

Изъ борьбы возникло дифференцованіе, какъ изъ дифференцованія крѣпнетъ и усиливается борьба. Изъ борьбы же и изъ дифференцованія естественно развиваются всѣ выше перечисленныя историческія явленія, органическія, экономическія, политическія, умственныя и нравственныя, утверждающія законъ историческаго циклизма и сопротивляющіяся закону историческаго прогресса. Вкратцѣ по пути мы укажемъ и на тѣ историческія силы, которыя возстаютъ противъ историческаго циклизма и замѣняютъ его прогрессивностью. Я уже упомянулъ, что въ настоящихъ условіяхъ европейской цивилизаціи сама международная борьба, эта печальная причина всѣхъ печальныхъ явленій выше перечисленныхъ, содѣйствуетъ прогрессивнымъ историческимъ силамъ въ ихъ торжествѣ надъ историческими цикличными силами, все еще не безсильными и въ самыхъ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, не говоря о болѣе отсталыхъ. Эта любопытная счастливая комбинація заключается прежде

всего въ томъ, что европейская цивилизація настолько переросла мусульманскую, буддійскую и браминскую, что борьба съ этими глубоко отличными цивилизаціями уже не можетъ вызывать чрезмѣрнаго напряженія силъ со всѣми пагубными послѣдствіями такого напряженія. Затѣмъ, внутри самой Европы борьба идетъ между народами въ сущности единой культуры, только болѣе или менѣе подвинувшейся впередъ. При этихъ условіяхъ исчезаетъ необходимость борьбы à outrance, а тѣ пораженія и потери, которыя несутъ соперничающія стороны, зависятъ именно отъ степени прогрессивности и культурности. Отсталость не выгодна и надо равняться по возможности по передовымъ націямъ. Борьба за гегемонію смѣнила собою борьбу за существованіе народовъ и въ этомъ и состоятъ тѣ особыя условія европейской современности, которыя саму борьбу, эту основную причину циклизма, заставляютъ служить прогрессу и укрѣпленію прогрессивнаго типа.

Какое все это имѣетъ отношеніе къ армянскому вопросу, можетъ спросить читатель, который не забылъ моего обѣщанія посвятить этотъ *Дневникъ* армянскому вопросу. Однако, мы именно этотъ вопросъ и обозрѣвали на предыдущихъ страницахъ и разбирали его элементы, только не затемняя анализа деталями мѣста и времени. Весь Востокъ до сихъ поръ живетъ въ условіяхъ историческаго циклизма и вся сущность восточнаго вопроса заключается въ проблеммѣ замѣнить условія цикличности условіями прогрессивности. Эта проблемма отнюдь не есть утопія сама по себѣ. Допетровская Русь жила въ типическихъ условіяхъ историческаго циклизма. Отсутствіе свѣтскаго просвѣщенія, отсутствіе гражданской самодѣятельности, законченная система опеки, рабство земледѣльческой массы, сословный духъ, затворничество женщины, вѣра въ свою избранность и презрѣніе къ басурманамъ и нѣмцамъ, что еще нужно прибавить для цикличнаго типа? Втеченіе двухъ столѣтій многое преобразилось: выросло свѣтское просвѣщеніе; вѣра въ избранность проглядываетъ кое-гдѣ лишь въ видѣ пережитка и въ формѣ почти больной мысли; терема открыли свои двери и женщина получила право гражданства и участія въ общественной и умственной жизни; пало, наконецъ, и рабство, а съ нимъ одновременно и нѣкоторыя другія явленія крѣпостного строя; умственное творчество, критическая мысль, голосъ совѣсти—не пустой звукъ и не порожнее мѣсто въ современной Россіи. Созданы такимъ образомъ очень существенныя черты прогрессивнаго быта. Остается, конечно, въ нашемъ бытѣ и нашихъ нравахъ еще очень много «естественнаго», но если русскіе люди будутъ не столько полагаться на «естественный ходъ вещей», сколько на разумъ и совѣсть, на дѣятельный трудъ согласно велѣніямъ этого разума и этой совѣсти, то нельзя сомнѣваться въ ко-

нечномъ торжествѣ прогрессивнаго строя надъ остатками (хотя и значительными) цикличности, этимъ печальнымъ наслѣдіемъ татарской эпохи.

Перемѣщеніе Россіи изъ исторической области восточнаго циклизма въ область западной прогрессивности, изъ варварскаго состоянія въ цивилизованное, весьма поучительно, потому что относится къ громадной исторической массѣ, требующей для перемѣщенія и громадной силы, и много времени. Перемѣщеніе меньшихъ массъ совершается скорѣе и легче. Примѣромъ могутъ служить Греція, Сербія, Румынія, на нашихъ глазахъ Болгарія, Японія и кажется, Абиссинія. Такимъ образомъ, проблемма восточнаго вопроса не есть утопія, но самыя легкія составныя ея части уже пройдены и методъ рѣшенія, пригодный на Дунаѣ, можетъ оказаться затруднительнымъ на Араксѣ и Евфратѣ. Предыдущее разсужденіе подготовило насъ къ пониманію всѣхъ составныхъ элементовъ проблеммы, а обзоръ современнаго состоянія страны и культуры, сопоставленный съ этимъ теоретическимъ расчлененіемъ проблеммы, долженъ намъ дать и это искомое пониманіе.

Въ слѣдующій разъ мы этимъ и займемся.

С. Южаковъ.

Изъ Германіи.

На одномъ изъ засѣданій рейхстага въ текущую сессію, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ г. Маршаллъ-фонъ-Биберштейнъ заявилъ, что Германія вывозитъ ежегодно болѣе чѣмъ на 2,500 милліоновъ марокъ нѣмецкихъ фабрикатовъ: «Въ этихъ милліонахъ, прибавилъ г. Маршаллъ, заключено много и заработной платы, такъ какъ работа, потраченная на экспортъ,—это большей частью высоко оплаченная работа. Нѣмецкая торговля и нѣмецкое судоходство, экспортируя нѣмецкіе продукты за границу, возвѣщаютъ повсюду рѣдкую мощь и прилежаніе германскаго народа. Мы имѣемъ, полагаю, всѣ основанія гордиться тѣмъ признаніемъ, которое наше отечество снискиваетъ себѣ этимъ путемъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ свѣта»... Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что эти чрезвычайно лестныя для отечества слова г. министра нашли полный отзвукъ въ сердцахъ истинно-патріотическихъ членовъ рейхстага. Слова г. Маршалла пришлись въ частности очень по сердцу той группѣ патріотовъ, которые въ послѣднія 15—20 лѣтъ заняли почетное мѣсто въ ряду экспортирующихъ предпринимателей. Я разумѣю предпринимателей по такъ называемой здѣсь конфекціонной части,

т. е. по части производства готоваго мужского, женскаго и дѣтскаго платья. Изъ указанной министромъ цифры вывоза, въ 1892 г. приходилось на долю фабрикатовъ конфекціонной отрасли 212 милл. марокъ. Если прибавить къ этому внутренній сбытъ фабрикатовъ этого рода, измѣряющійся цифрой свыше 400 милл. марокъ, то мы поймемъ, что и господа конфекціонеры имѣютъ вмѣстѣ съ г. министромъ всѣ основанія гордиться достигнутыми результатами. И дѣйствительно, въ органѣ фабрикантовъ готоваго платья: «Konfektionär» мы читаемъ, между прочимъ: «Основатели конфекціонной индустріи гордятся тѣмъ, что они настоящіе «Self made men», что они пришли въ Берлинъ бѣдными молодыми людьми, вся собственность которыхъ заключалась въ узелкѣ за спиной. Какъ могли они создать индустрію, которая владѣетъ всѣмъ міромъ, которая ворочаетъ сотнями милліоновъ? Да просто потому, что они поняли задачи и потребности своего времени, что они умно и безъ устали холили дорогое для нихъ дѣло. Всѣ истинные друзья отечества могутъ искренно радоваться тому тріумфу, съ какимъ конфекціонная индустрія выступила на поприщѣ хозяйственнаго развитія Германіи за послѣднюю четверть вѣка»...

Если вы хотите знать, во что превратились эти бѣдные «Self made men», то сходите въ Берлинъ на такъ называемый Hausvoigteiplatz или на Kaiser-Wilhelmstrasse. На названной здѣсь площади сосредоточены склады женскаго готоваго платья, по преимуществу дамскихъ мантилій; на улицѣ императора Вильгельма концентрируются магазины мужского и дѣтскаго готоваго платья. Эти громадные, многоэтажные дома, нижніе этажи которыхъ отведены подъ элегантные магазины; эти обширныя зеркальныя окна, въ которыхъ выставлены изящнѣйшія принадлежности одежды; этотъ все затопляющій блескъ электричества и пр.—все это радуетъ каждаго друга отечества и все это составляетъ имущество, котораго—увы!—ужъ не унесешь въ узелкѣ за спиной. Поэтому жаль, трижды жаль, что электрическій свѣтъ не всегда пріятно слѣпитъ ваше зрѣніе, что патріотическая радость нарушается порой вторженіемъ образовъ, обыкновенно забываемыхъ, скрытыхъ гдѣ-то на задахъ преуспѣвающаго отечества; что за каждой дамской мантилькой изъ бархата и шелка, за каждымъ гогенцоллеровскимъ плащемъ, гордо красующимися въ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ, мерещатся чахоточныя фигуры портного, преждевременно состарѣвшейся швеи, малыхъ ребятъ, отдающихъ свой внѣшкольный досугъ для всесвѣтной славы германской конфекціонной индустріи. Такую отраву радости пришлось испытать ликующимъ сердцамъ по поводу происходившей въ февралѣ, мѣстами еще продолжающейся стачки нѣмецкихъ портныхъ и швей.

Расцвѣтъ конфекціонной индустріи вызванъ и вызывается съ одной стороны потребностью рабочей массы въ дешевомъ товарѣ.

Поэтому то производство готоваго платья имѣетъ свой внутренній сбытъ главнымъ образомъ въ средѣ рабочаго населенія. Съ другой стороны, поиски внѣшнихъ рынковъ увѣнчались для германскихъ предпринимателей неслыханнымъ успѣхомъ, частью благодаря покровительственной системѣ, обставляющей дорогими пошлинами ввозъ англійскихъ товаровъ, по преимуществу же благодаря самому широкому примѣненію въ этой отрасли производства такъ называемой Schwitz-System (по англійски: Sweating System), т. е. системы высасыванія рабочаго пота. На почвѣ этой системы конфекціонная индустрія Германія, особенно послѣ войны 1870—71 года, достигла цвѣтущихъ размѣровъ, по части же производства дамскихъ мантилій она прямо пользуется монополіей на всемірномъ рынкѣ. По производству мантилій послѣ Берлина слѣдуетъ Эрфуртъ, какъ наиболѣе важный центръ. По фабрикаціи мужского и дѣтскаго (собственно для мальчиковъ) платья—рядомъ съ Берлиномъ могутъ быть названы Бреславль, Штетинъ, Данцигъ, Гамбургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Мюнхенъ и болѣе мелкіе города. На главныхъ улицахъ этихъ городовъ прежде всего бросаются въ глаза элегантные магазины готоваго платья. Во всѣхъ частяхъ свѣта можно встрѣтить нѣмецкихъ комивойяжеровъ, предлагающихъ мантильи, жакеты и всякаго рода готовое платье крупнѣйшихъ нѣмецкихъ фирмъ. Реклама въ конфекціонной отрасли достигла рѣдкихъ размѣровъ изобрѣтательности. Нѣмецкія фирмы дѣлаютъ прекрасныя сдѣлки на заморскихъ рынкахъ, потому что никакія иностранныя фирмы не въ силахъ конкуррировать съ нѣмецкими. Почему? Да, конечно, не потому, что конфекціонная индустрія оперируетъ высокооплачиваемой работой, а напротивъ, потому что въ этой цвѣтущей отрасли господствуетъ самая жалкая, самая нищенская оплата труда.

Не смотря на указанный выше расцвѣтъ конфекціонной индустріи, она остается еще далеко не на высотѣ современной техники портняжнаго дѣла. Между тѣмъ всѣ условія для этого на лицо: изобрѣтены прекрасно устроенныя закройныя и утюжныя машины, имѣются превосходныя швейныя машины, машины для прокалыванія петель и многія другія приспособленія, способныя поставить швейное дѣло на высокую степень техническаго развитія. И однако, въ отрасли фабрикаціи готоваго платья сохраняются, за немногими исключеніями, самые отсталые пріемы производства. Это оказывается возможнымъ только при условіи самой безпощадной эксплуатаціи такъ называемыхъ домашнихъ рабочихъ и работницъ.

При раздачѣ работы на дому занятымъ рабочимъ предприниматели заинтересованы въ томъ, чтобы имѣть дѣло съ возможно меньшимъ числомъ людей. Это повело прежде всего къ крайнему увеличенію рабочаго дня и параллельно съ этимъ къ росту претензій со стороны хозяевъ фирмъ. Домашнему мастеру ничего другого не оставалось, какъ принанять рабочихъ. Естественнымъ по-

слѣдствіемъ этой системы было все большее увеличеніе числа лицъ, не имѣющихъ прямого сношенія съ первоначальными работодателями. Изъ домашняго мастера получился мастеръ-посредникъ, Zwischenmeister, котораго вскорѣ окрестили именемъ Schwitzmeister; этому посреднику предприниматели платили, однако, отнюдь не больше того, что онъ получалъ въ качествѣ домашняго рабочаго. Но съ рангомъ посредника у него явились и нѣкоторые новые расходы: содержаніе мастерской для рабочихъ, у него занятыхъ, освѣщеніе, отопленіе и пр. Его личный доходъ зависѣлъ отъ того остатка, который получался отъ вычитанія получаемой его рабочими заработной платы изъ получаемой имъ самимъ платы отъ хозяевъ предпринимателей. Понятно, что этотъ остатокъ могъ рости только сокращеніемъ вычитаемаго. А такъ какъ на сторонѣ хозяевъ фирмъ и посредниковъ l'appetit vient en mangeant, то вычитаемое, т. е. заработная плата подлиннаго труженика приняла съ теченіемъ времени размѣры прямо таки невѣроятные.

Въ процессѣ развитія конфекціонной индустріи (кромѣ фабрикаціи готоваго платья можно еще имѣть въ виду и фабрикацію бѣлья) замѣчаются три различныхъ формы производства, изъ которыхъ каждая послѣдующая росла на счетъ предъидущей. Мы имѣемъ, во-первыхъ, сравнительно ничтожное число заведеній, въ которыхъ производство платья и бѣлья совершается на фабричныхъ началахъ. Въ этомъ случаѣ работницы (разумѣется, женщины составляютъ въ указанной отрасли производства подавляющую часть рабочей силы) заняты въ стѣнахъ фабрики и пользуются всѣми правами установленной законодательной защиты. Далѣе слѣдуетъ другая форма, при которой работницы заняты въ мастерскихъ посредниковъ. Здѣсь начинается широкое поле для беззастѣнчивой эксплуатаціи, не смягчаемой достаточно энергическимъ вмѣшательствомъ законодательнаго контроля. Наконецъ, третья и самая распространенная форма, при которой трудъ работницы хотя и регулируется посредникомъ, но представляется уже въ видѣ изолированной домашней работы, совершенно ускользающей отъ какого бы то ни было контроля. Это-то и есть прославленная домашняя индустрія. Занятый въ ней рабочій работаетъ у себя на дому, чѣмъ и отличается отъ фабричнаго рабочаго. Но онъ отличается также и отъ ремесленника, потому что работаетъ не по заказу непосредственнаго потребителя, а на крупнаго предпринимателя черезъ посредника, или даже черезъ цѣлый рядъ посредниковъ.

Посредникъ, смотря по обстоятельствамъ, представляетъ болѣе или менѣе безполезное звено въ процессѣ производства. Съ хорошей профессіональной подготовкой имѣются посредники-мастера лишь въ болѣе изящныхъ отрасляхъ портняжнаго дѣла. Въ среднихъ же и низшихъ отрасляхъ закройка производится въ помѣщеніи самихъ хозяевъ, такъ что на обязанности посредниковъ лежитъ лишь раздача приклада на руки рабочимъ, доставка въ магазинъ

и т. п. Понятно поэтому, что среди посредниковъ встрѣчаются не только ученые портные, но и люди всякихъ иныхъ профессій: столяры, кузнецы, приказчики, аптекаря, музыканты, полицейскіе и пр. Женится такой человѣкъ, напримѣръ, на мантильщицѣ, устроитъ на небольшія деньги небольшую и незатѣйливую мастерскую, подъучится несложной операціи сношеній между хозяевами и рабочими и дѣлаетъ часто прекрасныя дѣла. Вотъ краснорѣчивый примѣръ, который я заимствую изъ дебатовъ, происходившихъ въ концѣ истекшаго мѣсяца въ германскомъ рейхстагѣ въ связи съ портняжной стачкой *):

Одинъ изъ посредниковъ Берлина работаетъ въ теченіи сезона съ помощью 15 работницъ, занятыхъ у себя на дому сшиваніемъ отдѣльныхъ частей жакета. Каждая изъ нихъ среднимъ числомъ приготовляетъ два такихъ экземпляра въ день и получаетъ за нихъ по 40 пфениговъ. Другія 15 работницъ также у себя на дому заняты исполненіемъ другой половины работы и получаютъ отъ посредника по 50 пфен. за штуку. Самъ посредникъ получаетъ отъ своего принципала по 1 маркѣ и 60 пфен. за штуку. Недѣльный доходъ посредника ясенъ изъ слѣдующаго разсчета:

При 6 рабочихъ дняхъ въ недѣлю 15 работницъ первой категоріи исполняютъ 180 частей своей работы по 40 пфен., всего	72 марки
15 работницъ второй категоріи получаютъ по 50 пфен. за штуку	90 »
Исправляющій утюжную часть въ самомъ помѣщеніи посредника получаетъ въ недѣлю	21 »
Итакъ посредникъ выплачиваетъ рабочей платы—всего	183 марки

*) Кстати назову главнѣйшія работы по интересующему насъ здѣсь вопросу:

1) Prof. Werner Sombart: Hausindustrie. Handwörterbuch der Staatswissenschaften von Konrad etc. Bd. 4.

2) Его-же. Die Hausindustrie in Deutschland: Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik von Dr. Braun. Bd. IV.

3) Karl Straup: Die Hausindustrie im Deutschen Reiche. Konrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Bd. XIV.

4) Stülpnagel: Uber Hausindustrie in Berlin und den nächstgelegnen Kreisen. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Bd. XLII.

5) Ergebnisse der Ermittelungen über die Lohnverhältnisse in der Wäschefabrikation und der Konfektionsbrauche etc. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen des Reichstags. Session 1887.

6) Johannes Timm: Das Sweating-System in der deutschen Konfektionsindustrie. 1895.

7) Его-же. Sociale Bilder aus des Berliner Konfektion. Socialpolitisches Centralblatt, von Dr. H. Braun. Jahrgang IV.

8) Oda Olberg: Das Elend in der Hausindustrie der Konfektion. Leipzig. 1896.

9) Отчеты фабричныхъ инспекторовъ.

От своего хозяина онъ получаетъ за штуку 1 мар. 60 пфенн., за 180 . . . . 288 мар.

Его недѣльный доходъ равняется такимъ образомъ . 105 мар.

Изъ барыша слѣдуетъ, правда, вычесть ничтожные расходы на уголь для утюга, на освѣщеніе и пр. Но съ другой стороны, если и закройная часть лежитъ на обязанности посредника, то онъ получаетъ лишніе 20 пфениговъ за штуку.

Рабочіе и работницы, занятые въ мастерской посредника, рѣдко рѣшаются на солидарный образъ дѣйствій противъ своего предпринимателя. Посредникъ предупреждаетъ такой образъ дѣйствій тѣмъ, что на совершенно произвольныхъ основаніяхъ платитъ различнымъ работницамъ различно. До какой удивительной нормы падаетъ наиболѣе плохо оплачиваемый трудъ при этой классической системѣ: divide et impera,—показываетъ разбирательство одного дѣла штутгартскимъ промысловымъ судомъ. Швея обжаловала своего Schwitz-мастера за то, что онъ удержалъ ея заработную плату за пять дѣтскихъ костюмовъ. Задержанная сумма равнялась 1 маркѣ 25 пф.—60 копѣйкамъ! Система посредничества въ портняжной отрасли характеризуется паразитствомъ цѣлаго класса людей на счетъ класса тружениковъ, относительно которыхъ, по выраженію проф. Зомбарта, практикуется использованіе человѣческихъ силъ уже сверхъ всякихъ размѣровъ, которыхъ бѣдность и жалкое положеніе такъ велико, что они прямо физически не способны на борьбу съ угнетающимъ ихъ зломъ.

Трудно съ точностью сказать, какъ велико число лицъ, вынужденныхъ работать подъ этимъ режимомъ. Это покажутъ неопубликованные еще результаты профессіональной переписи прошлаго года. Судя по послѣдней стачкѣ, въ одномъ Берлинѣ число «домашнихъ» портныхъ и швей достигаетъ 90,000 душъ. Сравнивая настоящее положеніе вещей съ данными профессіональной переписи 1882 года, приходишь къ убѣжденію, что домашняя индустрія значительно расширилась и притомъ не только пропорціонально росту портняжнаго дѣла вообще, но въ гораздо большемъ размѣрѣ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ даютъ намъ разгадку этого явленія. Такъ гамбургскій фабричный инспекторъ въ своемъ отчетѣ за 1892 годъ, говоря о благодѣтельномъ вліяніи новыхъ положеній по ограниченію женскаго труда, замѣчаетъ, между прочимъ: «жаль только, что домашняя индустрія съ объявленіемъ новыхъ положеній стала снова рости, потому что эти положенія на домашнихъ рабочихъ не распространяются и еще потому, что домашняя индустрія освобождаетъ хозяевъ отъ тратъ на мастерскія, отопленіе, освѣщеніе, далѣе отъ расходовъ по установленному закономъ обезпеченію рабочихъ на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости и неспособности къ труду»... Берлинскій фабричный инспекторъ и инспектора другихъ промышленныхъ округовъ точно такимъ-же образомъ объясняютъ мотивы роста

домашней индустріи. Законодательная защита рабочихъ и связанная съ этимъ система принудительнаго страхованія обходится предпринимателями. Отъ тягостей, наложенныхъ на нихъ государствомъ, они ищутъ спасенія подъ сѣнью домашняго производства, куда еще не проникаетъ бдительное око закона и гдѣ царитъ полная свобода безграничной эксплуатаціи труда.

Основнымъ зломъ домашней индустріи является крайне низкій размѣръ заработной платы. При этой формѣ производства устраняется не только контроль закона, но и контроль общественнаго мнѣнія надъ отошеніями предпринимателя къ его рабочимъ. Кто знаетъ и видитъ этихъ разсѣянныхъ по угламъ городскихъ трущобъ тружениковъ? Ихъ много разсѣяно по отдаленнымъ деревнямъ, куда посредники, въ виду особенной дешевизны деревенскаго труда, сдаютъ часто наиболѣе простую работу. Всю эту массу рабочихъ и самъ предприниматель въ глаза не видитъ,—какая же тутъ можетъ быть жалость къ нимъ. Что ему до того, что по прошествіи сезона работа впроголодь прекращается и наступаетъ голодная безработица... Эта тяжелая доля домашнихъ рабочихъ ухудшается еще отъ конкурренціи дочерей и женъ изъ состоятельныхъ семей чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и пр. Женщины этихъ слоевъ берутъ нерѣдко работу по приготовленію бѣлья или одежды, лишь бы только имѣть карманныя деньги или средства на всякаго рода мишуру, требуемую ихъ «сословнымъ положеніемъ». Въ довершеніи ко всему приходитъ еще конкурренція самаго дешеваго труда: тюремнаго.

Въ 1887 году министерство внутреннихъ дѣлъ по иниціативѣ рейхстага нарядило изслѣдованіе о положеніи труда въ отрасляхъ производства готоваго платья и бѣлья. Результаты этого оффиціальнаго изслѣдованія были затѣмъ доложены рейхстагу. Приведу нѣкоторыя цифры изъ этого отчета, ограничиваясь при этомъ главнѣйшими центрами конфекціонной индустіи. Относительно Берлина отчетъ сообщаетъ, что въ 1887 году за дюжину манжетъ платили отъ 60 до 110 пфениговъ, за дюжину воротниковъ—отъ 50 до 85 пфен.; за дюжину мужскихъ сорочекъ съ готовыми манишками, манжетами и воротниками швея получала отъ $2^1/_2$ марокъ до $6^1/_2$. Дюжина рукой приготовленныхъ петель оплачивалась 10 прфен. При такой нормѣ заработной платы,—продолжительность рабочаго дня не упоминается,—швея могла, согласно отчету, въ недѣлю зарабатывать отъ 12 до 15 марокъ. По части фабрикаціи готоваго платья отчетъ только сообщаетъ, что способная мантильщица могла зарабатывать отъ 8 до 9 марокъ въ недѣлю, менѣе способная—отъ 4 до 5 марокъ въ недѣлю. При этомъ отчетъ отмѣчаетъ, что рабочій сезонъ длится только 5 мѣсяцевъ.

Послѣ Берлина слѣдуетъ Эрфуртъ, какъ важнѣйшій центръ производства мантилій. Средній заработокъ швеи за ручную работу

лишь въ исключительныхъ случаяхъ превышалъ 6 марокъ въ недѣлю. Менѣе способныя работницы заработывали въ недѣлю до $2^1/_2$ марокъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и меньше. Если разсчитать средній годовой заработокъ хорошей швеи, то при постоянной работѣ приходится на недѣлю 5 марокъ заработка, включая же и безработную пору—съ небольшимъ 4 марки.

Штетинъ работаетъ главнымъ образомъ для внѣшняго рынка. Въ оффиціальномъ отчетѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія нормы заработной платы для работницъ, занятыхъ на фабрикахъ. Работницы въ отрасли производства бѣлья получали отъ 4,80 до 9,60 марокъ, въ отрасли производства мантилій—отъ 4,50 до 9,00 м., въ отрасли мужского платья—отъ 3,60 до 5,00 м., наконецъ въ отрасли дѣтскаго платья заработокъ колебался между 3,00 и 3,60 марками въ недѣлю! О заработкѣ домашнихъ работницъ отчетъ сообщаетъ лишь слѣдующія данныя: за дюжину дѣтскихъ костюмовъ, состоящихъ изъ жакета, брюкъ и жилетки платилось отъ 3 до 5 марокъ; за дюжину мужскихъ брюкъ—отъ 1 марки до $1^1/_2$. При очень продолжительномъ рабочемъ днѣ чистый заработокъ могъ достигать отъ 50 до 80 пфен. въ день.

Изъ Дюссельдорфа отчетъ приводитъ слѣдующій примѣръ: домашняя работница работаетъ ежедневно отъ 9 до 13 часовъ для магазина готоваго бѣлья. Въ 16 мѣсяцевъ она заработала 419 марокъ 47 пфен. На нитки и починку машины она израсходовала за это время 26 марокъ 97 пфен. За вычетомъ этой суммы остается недѣльный заработокъ въ размѣрѣ 5 м. 95 пфен. Но за одну квартиру пришлось въ 16 мѣсяцевъ заплатить 292 марки. На остающіяся деньги работницѣ-вдовѣ слѣдовало кормить и одѣвать себя и своихъ двухъ ребятъ.

Приведенныя данныя характеризуютъ вознагражденіе женскаго труда, который поддается гораздо большей эксплуатаціи, чѣмъ трудъ мужчины. Оплата женскаго труда достигаетъ часто размѣровъ недостаточныхъ для поддержанія физіологическаго существованія, и женщинѣ остается единственный выходъ въ формѣ побочнаго, дополнительнаго заработка съ помощью проституціи. Этотъ побочный заработокъ женщины косвенно понижаетъ заработокъ мужчины и ведетъ къ очень распространенному въ настоящее время предпочтенію женскаго труда передъ мужскимъ.

Со времени оффиціальнаго изслѣдованія 1887 года прошло уже 9 лѣтъ. Между тѣмъ интересующая насъ отрасль промышленности за этотъ періодъ времени значительно увеличилась. Выше я приводилъ цифру вывоза и внутренняго сбыта за 1892 годъ Понятно, что такіе колоссальные обороты нуждаются въ громадномъ числѣ рабочихъ рукъ. Эти послѣднія и дѣйствительно возросли; особенно возросло число домашнихъ рабочихъ: полагаютъ, что оно удвоилось за девятилѣтній періодъ. Спрашивается однако, улучшилось ли матеріальное положеніе этихъ рабочихъ, занятыхъ въ самой цвѣту-

щей индустріи и доставившихъ ей милліонные барыши? Въ этомъ отношеніи имѣются масса очень надежныхъ данныхъ частныхъ изслѣдователей и фабричныхъ инспекторовъ.

За дюжину воротниковъ платятъ въ настоящее время въ Берлинѣ отъ 50 до 80 пфен., за дюжину манжетъ отъ 60 до 110 пфен., за дюжину рукой приготовленныхъ петель 10 пфен. Въ фабрикаціи бѣлья установился порядокъ, въ силу котораго посредники отсутствуютъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что заработокъ домашнихъ работницъ въ этой отрасли немногимъ, или совсѣмъ не отличается отъ заработка фабричныхъ работницъ. Приведенныя только что данныя заимствованы у фабричнаго инспектора Штюльпнагеля. Обратимся къ еще болѣе надежному источнику, къ органу фабрикантовъ готоваго платья «Konfektionär». Говоря о самой цвѣтущей отрасли фабрикаціи готоваго платья,—о фабрикаціи дамскаго платья, «Konfektionär» замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ за конецъ прошлаго года: «эти дешевые размѣры заработной платы достигли теперь той точки, которую ужъ нельзя превзойти... Въ прежнее время мантильщица зарабатывала много, теперь же за дамскій жакетъ она получаетъ только 90 пфен., часто и того меньше; за дамскій дождевой плащъ 1 марку 25 пфен... Начинающая работница зарабатываетъ въ недѣлю отъ 5 до 8 марокъ, между тѣмъ какъ старая способная швея свой недѣльный заработокъ можетъ довести до 9—12 марокъ. Но подъ способной работницей понимаютъ въ Берлинѣ очень много. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ дамскихъ мантилій способныя швеи зарабатываютъ и до 15 марокъ въ недѣлю, но въ этомъ случаѣ имъ необходимо къ дневной работѣ присоединить и работу до полуночи...» Мужъ и жена работаютъ у себя на дому для одной берлинской фирмы дамскаго платья съ 5 часовъ утра до 11 часовъ вечера и зарабатываютъ вмѣстѣ 9 марокъ въ недѣлю. Въ 1892 году ферейнъ военныхъ и статскихъ портныхъ доносилъ прусскому правительству, что за приготовленіе цѣлаго костюма почтоваго чиновника (брюки, мундиръ и фуражка) подрядчики-хозяева платятъ всего 5 марокъ. Болѣе дешевыя вещи сдаются обыкновенно домашнимъ рабочимъ. Посредникъ за сюртукъ беретъ отъ хозяина 3—3,50 марокъ, а домашнему рабочему платятъ 2—2,50. Домашняя швея за брюки получаетъ 20—25 или 30—35 пфен. Въ фабрикаціи дѣтскаго платья (для мальчиковъ) Sweating-System составляетъ общее правило. Здѣсь работница получаетъ за цѣлый костюмъ 1,30 до 2 марокъ. Недѣльный заработокъ колеблется между 3 и 10 марками. Тиммъ (самъ портной) въ одной изъ указанныхъ въ примѣчаніи статей (Socialp. Centralblat) сообщаетъ о двухъ работницахъ, 6 лѣтъ работающихъ на одну фирму дѣтскаго платья и получающихъ за дѣтскій костюмъ 65 пфен. При большой опытности и при 12 часахъ ежедневной работы имъ удается въ недѣлю сшить 20 такихъ костюмовъ и добиться заработка въ 13 марокъ въ недѣлю.

Я боюсь утомить читателя нагроможденіемъ цифровыхъ данныхъ о размѣрѣ заработной платы интересующей насъ категоріи рабочихъ. Приведенныя цифры даютъ представленіе о предѣлахъ. въ которыхъ заработокъ колеблется. Не лучше обстоятъ дѣла и въ другихъ городахъ, какъ Бреславль, Эрфуртъ, Штетинъ и др. Однако, раньше чѣмъ мы обратимся къ другимъ сторонамъ быта портныхъ и швей, не лишне отмѣтить въ двухъ словахъ эксплуатацію дѣтскаго труда въ указанной отрасли. Чрезмѣрное пользованіе дѣтскимъ трудомъ въ домашнемъ производствѣ само собою разумѣется вслѣдствіе того крайне низкаго заработка, который достается взрослымъ членамъ семьи. Но о горѣ этихъ малыхъ ребятъ могутъ быть сдѣланы лишь догадки; оно скрыто отъ постороннихъ глазъ и о немъ не имѣется еще точныхъ свѣдѣній. Родители, вынужденные пользоваться трудомъ своихъ дѣтей, стѣсняются говорить объ этомъ третьим лицамъ. Что же касается подростковъ, занятыхъ въ мастерскихъ посредниковъ, то о нихъ имѣются кое-какія свѣдѣнія. Такъ фабричный инспекторъ Дюссельдорфа доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ, что у тамошнихъ посредниковъ молодая дѣвушка въ первый годъ ничего не получаетъ, во второй отъ 2 до 3 марокъ въ недѣлю, въ третій до 4 марокъ, наконецъ въ пятый годъ достигаетъ высшаго размѣра въ 6 марокъ въ недѣлю. Во всѣхъ этихъ случаяхъ она должна кормиться или у родныхъ, или на свой счетъ.

Низкая заработная плата обусловливаетъ и остальныя невзгоды домашняго производства, спеціально въ портняжномъ промыслѣ. Недостачу въ заработкѣ приходится прежде всего нагонять увеличеніемъ продолжительности труда. По нѣмецкому промысловому уставу всякая фабрика обязана имѣть извѣстный рабочій распорядокъ, гдѣ точно должны быть указаны начало и конецъ работы на фабрикѣ. Домашній рабочій свободенъ отъ такихъ ограниченій и можетъ въ теченіи сезона надрываться сколько ему угодно, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи сезона быть совершенно предоставленнымъ на произволъ безработицы. Дѣтей ниже 13 лѣтъ промысловый уставъ не допускаетъ къ работѣ на фабрикахъ. Подростки между 13 и 14 годами могутъ работать не свыше 6 часовъ въ день, подростки между 14 и 16 годами не свыше 10 часовъ. Эти положенія, какъ и тѣ, которыя охраняютъ трудъ женщины, стоятъ далеко позади соотвѣтственныхъ пунктовъ англійскаго и швейцарскаго законодательства. Но и эти скромныя ограниченія не распространяются на массу женщинъ и дѣтей въ домашнемъ производствѣ. На мастерскія посредниковъ эти положенія распространяются лишь въ томъ случаѣ, если въ мастерской работаетъ не меньше 20 рабочихъ, что ее сравниваетъ уже съ фабрикой. Оффиціальный отчетъ 1887 года даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о продолжительности рабочаго дня у домашнихъ рабочихъ. Это и понятно,

такъ какъ какое же оффиціальное лицо способно проникнуть въ интимную святыню домашняго очага. Тѣмъ не менѣе относительно Эрфурта, Штетина, нѣкоторыхъ городовъ Саксоніи и Вюртемберга встрѣчаются указанія на рабочій день, достигающій 18 часовъ. Это было 9 лѣтъ тому назадъ. Теперь стало не лучше, если не хуже. Проф. Зомбартъ (статья въ Handwörterbuch) говоритъ о рабочемъ днѣ отъ 14 до 18 часовъ, какъ о распространенномъ явленіи. Особенно во время сезона работа только тогда прекращается, когда не станетъ силъ ее продолжать. Ода Ольбергъ сообщаетъ о типичномъ изъ наблюденныхъ ею явленій: женщина шьетъ бѣлье для одной лейпцигской фирмы, работая съ 8 час. утра, послѣ того какъ она управилась съ кое какими домашними дѣлами, до 10½ часовъ вечера. Ея 11-лѣтній мальчикъ готовитъ для матери и двухъ младшихъ дѣтей обѣдъ, такъ какъ мать не хочетъ отрываться отъ работы... Но довольно и этихъ примѣровъ.

Спрашивается теперь, какъ обставлены помѣщенія, въ которыхъ приходится работать съ этимъ напряженіемъ силъ? Если для фабричныхъ помѣщеній имѣются опредѣленныя требованія, на исполненіи которыхъ настаиваетъ фабричный инспекторъ, то домашній рабочій и въ этомъ отношеніи пользуется неограниченной свободой, не стѣсняемой ни требованіями закона, ни требованіями гигіены. Относительно мастерскихъ посредниковъ упомянутый выше портной Тиммъ даетъ слѣдующее описаніе изъ типическихъ берлинскихъ порядковъ: «помѣщеніе имѣетъ въ длину 6 метровъ, въ ширину 4 метра и въ вышину 3, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ 72 куб. метра воздуха и кромѣ того снабжено однимъ окномъ. При входѣ замѣчаешь на право плиту, на которой грѣется утюгъ и готовится пища для семьи. Противъ плиты, отдѣленной узкимъ проходомъ, стоитъ утюжный столъ. Человѣкъ, работающій утюгомъ, стоитъ такимъ образомъ, чтобы свѣтъ изъ окна, находящагося противъ дверей, падалъ на его работу. Между утюжнымъ столомъ и оконной стѣной стоитъ кровать, на которой ночуетъ служанка посредника. У окна же помѣщается во время сезона отъ 5 до 6 мантильщицъ, работающихъ въ этомъ помѣщеніи отъ 7 час. утра до 8 час. вечера...» Одинъ берлинскій врачъ описываетъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ: «Нерѣдко приходится въ медицинской практикѣ встрѣчаться съ случаями заболѣванія корью безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Ни одинъ изъ членовъ данной семьи не приходилъ въ соприкосновеніе съ больными такого рода; во всемъ кругѣ знакомыхъ ничего подобнаго нѣтъ. Стоишь передъ загадкой. Между тѣмъ было бы такъ легко открыть причину болѣзни въ семьѣ того портного, который работалъ платье для семьи паціента. Но заказчикъ беретъ свой изящный костюмъ изъ роскошнаго магазина и представленія не имѣетъ о той зараженной трущобѣ, гдѣ готовился его сюртукъ...» Слѣдуетъ описаніе квартиры портного: На второмъ дворѣ, на пятомъ этажѣ стараго дома мужъ, жена и чет-

веро дѣтей занимаютъ комнату и небольшую коморку. Въ этой послѣдней помѣщается кухня, но имѣется также и кровать. Въ самой комнатѣ большую часть пространства занимаетъ рабочій столъ, служащій также и для принятія пищи. Въ комнатѣ стоятъ еще двѣ кровати, изъ которыхъ одна занята больнымъ скарлатиной ребенкомъ. Мать ухаживаетъ за ребенкомъ, а въ промежуткахъ готовитъ пищу, помогаетъ мужу въ работѣ, или относитъ уже готовую работу къ своему посреднику. Нерѣдко этотъ владѣлецъ собственнаго помѣщенія пріютитъ у себя нѣсколькихъ безквартирныхъ рабочихъ и тогда въ комнатѣ становится болѣе чѣмъ людно...»

Какъ же складывается вообще жизненный обиходъ рабочаго въ портняжномъ промыслѣ? Это не трудно себѣ представить, принявъ въ разсчетъ размѣры заработной платы. Нѣкоторые конкретные примѣры все таки нагляднѣе изобразятъ эту сторону вопроса. Я заимствую ихъ изъ книжки г-жи Оды Ольбергъ,—книжки, удостоившейся на-дняхъ самаго лестнаго отзыва въ Правительственномъ Вѣстникѣ (Reichs-Anzeiger), который настоятельно рекомендовалъ ее вниманію дамъ высшихъ слоевъ общества.

Беремъ сначала разсчетную книжку одного изъ способнѣйшихъ портныхъ, работающаго уже 6 лѣтъ для всесвѣтной фирмы. За 10 мѣсяцевъ, съ марта по декабрь 1895 года онъ всего заработалъ 1,139 марокъ 90 пфен., причемъ высшій заработокъ въ 162 марки падаетъ на ноябрь, низшій въ 37 марокъ на декабрь. Этотъ заработокъ добытъ при средней продолжительности рабочаго дня въ 14 часовъ по буднямъ и 7 часовъ по воскресеньямъ. Съ апрѣля по конецъ октября въ работѣ помогала и жена около 6 часовъ въ день. Кромѣ того въ концѣ октября и весь ноябрь пришлось прибѣгнуть къ помощи двухъ дѣвушекъ. Побочные расходы, связанные съ работой, какъ-то: прикладъ (70,03 марки), мастерская за 10 мѣсяцевъ (75 марокъ), использованіе машины (12,08 марокъ), помогавшимъ дѣвушкамъ (6 и 35 марокъ), на прокормленіе одной изъ нихъ (18 марокъ), уголь для утюга, отопленіе (49,45 марокъ), освѣщеніе (25,80 м.) равняется всего: 291,36 марки, или 25,56$^0/_0$ заработка. Остается 848,54 марки, или 84,85 марки ежемѣсячно. Портному 49 лѣтъ, у него пятеро дѣтей, старшему 17 лѣтъ, младшему 2 года. Хозяйка не ведетъ счета расходамъ на питаніе, но другіе расходы за 10 мѣсяцевъ измѣряются слѣдующимъ образомъ:

Квартира (не считая мастерской) . . .	100	марокъ	—	пф.
Освѣщеніе и отопленіе собственной кварт.	100	»	—	»
Одежда и обувь	150	»	—	»
Налоги (Государств. подоход. налогъ за полгода 8,80 марки, городской подоход. налогъ 10,80 м., прочія статьи 2,30 м.)	36	»	50	»
Церковный налогъ	3	»	33	»

Взносы въ больничную кассу, страхованіе отъ старости и неспособности къ труду (для мужа)—43 недѣльныхъ взноса по 1,02 марки	43	»	86 пф.
Всего. . . .	433	марокъ	69 пф.

Для питанія 3 взрослыхъ членовъ семьи и 4 дѣтей въ теченіи 10 мѣсяцевъ остается: 414 марокъ 85 пф.

Гигіенистъ Флюге опредѣляетъ минимальную стоимость ежедневнаго питанія для рабочаго въ 60 пфен. При этомъ предполагается, что хозяйка умѣетъ дѣлать выборъ пищи, соотвѣтствующій требованіямъ здоровья и питательности. Въ нашемъ случаѣ имѣется 3 взрослыхъ, и 4 дѣтей равныхъ 1½ взрослымъ. На одно питаніе должно было бы по разсчету Флюге уходить 2 м. 70 пф. въ день, въ 10 мѣсяцевъ—826 м. 20 пф. Имѣется же въ распоряженіе всего 414 м. 85 пф., т. е. половина того, что требуется для физіологическаго существованія. Другими словами—наша семья голодала.

Между тѣмъ, приведенный здѣсь портной принадлежитъ къ способнѣйшимъ, прилежнѣйшимъ и работающимъ лишь лучшіе сорта платья. Г-жа Ольбергъ приводитъ далѣе примѣръ менѣе ученаго портного, работающаго средніе сорта платья. Семья состоитъ изъ столькихъ же членовъ. Но отецъ вырабатываетъ меньше и потому экономитъ еще больше. Онъ и въ больничную кассу ничего не платитъ, и отъ страхованія отказываетъ себѣ. Онъ не ходитъ въ трактиръ, не куритъ сигаръ, не читаетъ газеты. Его жизнь—сплошная напряженная работа для фирмы, которая извѣстна далеко за предѣлами Германіи... А если опуститься еще ниже по лѣстницѣ различныхъ категорій заработка, то тамъ васъ встрѣчаютъ смущенныя лица, отмалчивающіяся на ваши вопросы, уклоняющіяся отъ прямыхъ отвѣтовъ, не показывающія разсчетныхъ книжекъ, потому что стыдятся ихъ показывать: здѣсь 6—8 марокъ въ недѣлю составляютъ предѣльный заработокъ семьи.

Здоровье портныхъ знакомо всякому, кто хоть разъ сталкивался съ ними лицомъ къ лицу. Извѣстно также, что сидячее и согбенное положеніе портного дѣлаетъ его особенно излюбленной жертвой для болѣзней легкихъ. Д-ръ Зоммерфельдъ *) говоритъ, что въ нѣмецкихъ городахъ съ болѣе чѣмъ 15,000 жителей съ 1883 по 1892 г. изъ всего числа умершихъ въ среднемъ 13% умерло отъ чахотки и 11,41% отъ острыхъ заболѣваній дыхательныхъ органовъ. Между тѣмъ, въ періодъ времени отъ 1885 по 1893 г. изъ портныхъ берлинской больничной кассы (мужскіе и женскіе рабочіе) 56,34% всѣхъ умершихъ скончалось отъ чахотки, отъ болѣзней легкихъ вообще—62,70%. Больничная касса женщинъ-работницъ на 100 смерт-

*) Dr. Th. Sommerfeld: «Das Schwindsucht der Arbeiter, ihre Ursachen Häufigkeit und Verhütung». Berlin. 1895.

ныхъ случаевъ отмѣчаетъ 58,24 отъ чахотки и 62,70 отъ болѣзней легкихъ вообще.

Послѣ этого небольшого уклоненія въ сторону профессіональныхъ болѣзней и смертей портняжнаго промысла, остается еще сказать о самомъ распространенномъ типѣ тружениковъ, о такъ называемой самостоятельной работницѣ—швеѣ. Фабричный инспекторъ Штюльпнагель дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ дневныхъ расходовъ швеи:

Уголъ (Schlafstelle)	0,20	марки.
Второй завтракъ (бутербродъ) .	0,15	»
Обѣдъ	0,30	»
Полдникъ	0,15	»
Ужинъ	0,20	»
Двѣ бутылки пива	0,20	»
Всего . .	1 марка 20 пф.	

Самостоятельной швеѣ необходимо, такимъ образомъ, 8 м. 40 пф. въ недѣлю на прокормленіе и квартиру. Здѣсь не внесено еще ни одного пфенига на одежду, на чистку бѣлья, на чистку собственнаго тѣла. Между тѣмъ, констатировано, что заработокъ швеи въ главныхъ центрахъ швейной индустріи едва достигаетъ указанной суммы, чаще колеблется около 5—6 марокъ у наименѣе ловкихъ работницъ. Какъ при такихъ условіяхъ жить?.. И вотъ въ упомянутомъ оффиціальномъ отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1889 г. безъ всякихъ обиняковъ сказано: жалкая заработная плата гонитъ этихъ женщинъ въ ряды проституціи. То же самое на разные лады доносили министерству большинство фабричныхъ инспекторовъ. А фабричный инспекторъ Дюссельдорфа, Нейса, Бармена, Эльберфельда и Гладбаха отмѣчаетъ, что «дѣвушкамъ приходится здѣсь сильно страдать отъ того, что молодые люди лучше оплачиваемую работу даютъ тѣмъ женщинамъ, которыя не очень жеманятся». И затѣмъ прибавляетъ: «Самостоятельныя молодыя дѣвушки ни въ одной изъ отраслей швейнаго производства не могутъ обойтись безъ побочнаго заработка». При крайней неудовлетворительности статистики проституціи трудно опредѣлить точно ея зависимость отъ уровня заработной платы. Въ Берлинѣ къ тому же въ отчетахъ полиціи лишь изрѣдка встрѣчаешь данныя на счетъ прошлаго проститутки. Согласно работамъ д-ра Шенланка по этому предмету, слѣдуетъ имѣть въ виду, что контролируемая проституція относится къ неконтролируемой какъ $1/4 : 3/4$. Онъ же приводитъ нѣсколько, правда, сравнительно старыхъ цифръ: изъ 296 вновь поступившихъ подъ надзоръ проститутокъ въ 1855 г. было 73 фабричныхъ работницы, 62 швеи, 16 гладильщицъ, 23 рукодѣльницъ, 32 домашнихъ работницы и 22 служанки. Въ 1874 г. изъ 2,224

записанныхъ въ берлинской полиціи проститутокъ 6,3% занимались раньше въ качествѣ продавщицъ, 16,6% — фабричной работой, 35,7%—въ домашнемъ услуженіи, 42%—домашней индустріей. Послѣ франко-прусской войны Берлинъ и на этомъ печальномъ поприщѣ сдѣлалъ громадные успѣхи: контролируемая и неконтролируемая проституція измѣряется теперь въ немъ цифрой приблизительно въ 50—60,000.

Поводомъ къ предъидущимъ страницамъ послужила стачка портныхъ и швей, занимавшая втеченіи послѣдныхъ недѣль преимущественное вниманіе общества, печати и правительства. Еще въ январѣ прошлаго года организованные въ профессіональные союзы портные Германіи созвали конференцію въ Берлинѣ, которая избрала коммиссію изъ пяти лицъ для формулировки главныхъ требованій. Эти требованія были затѣмъ представлены на разсмотрѣніи особой конференціи, которая состоялась въ ноябрѣ прошлаго года въ Эрфуртѣ, куда собрались депутаты отъ 27 главнѣйшихъ центровъ конфекціонной индустріи. Требованія заключались въ слѣдующемъ: 1) Установленіе и признаніе тарифовъ заработной платы сообразно съ характеромъ данной отрасли швейнаго производства. 2) Устройство мастерскихъ при фабрикахъ. 3) Учрежденіе коммиссіи для улаженія споровъ; коммиссія должна состоять изъ одинаковаго числа представителей отъ рабочихъ и хозяевъ. 4) Приличное и человѣка достойное обращеніе съ рабочими; устраненіе грубыхъ словъ и оскорбленій дѣйствіемъ. 5) Принятіе и сдача работы безъ проволочекъ; вынужденный ждать свыше часа получаетъ 40 пф. за часъ вознагражденія. 6) Разсчетъ по меньшей мѣрѣ каждую недѣлю (въ концѣ ея). 7) Признаніе посредническихъ бюро для доставленія работы, руководимыхъ рабочими.

Согласно постановленію прошлогодней конференціи приведенныя здѣсь требованія были 1 февраля текущаго года предъявлены хозяевамъ фирмъ и посредникамъ-мастерамъ. Съ этой стороны послѣдовала лишь презрительная насмѣшка. Коммиссія пяти лицъ созвала 3 февраля 12 народныхъ собраній, чтобы сообщить о безуспѣшности своихъ переговоровъ съ хозяевами. Раздраженіе собравшихся было очень велико, но коммиссіи всетаки удалось добиться отсрочки рѣшительной мѣры, чтобы продолжить попытки соглашенія. 9 февраля было назначено крайнимъ срокомъ, послѣ котораго въ случаѣ неудачи переговоровъ должна была быть объявлена стачка.

Въ эти дни событія шли съ необыкновенной быстротой. Всѣ газеты (за исключеніемъ пресловутой оффиціозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которая еще не знала, что и правительство на сторонѣ рабочихъ требованій) напечатали сочувственныя для рабочихъ статьи. Правительство поручило члену промысловаго суда сдѣлать попытки для соглашенія. Обербургомистръ старался урезонить

хозяевъ. Нѣмецкое общество этической культуры со своимъ президентомъ дѣйств. тайн. совѣт., профессоромъ Ферстеромъ во главѣ созвало публичное собраніе для выраженія симпатій требованіямъ портныхъ и швей... Ничто не дѣйствовало на хозяевъ. Пришелъ послѣдній срокъ 9 февраля, переговоры коммиссіи по прежнему ни къ чему не привели, и 10 февраля, на 14 громадныхъ собраніяхъ, куда собралось около 40,000 народу, была объявлена стачка.

Въ такихъ случаяхъ массовой стачки въ Берлинѣ происходитъ особенное оживленіе. Громадный контингентъ рабочихъ встаетъ на работу на часъ-полтора раньше обыкновеннаго: до прихода на фабрику или на заводъ каждому приходится еще обѣгать десятокъ назначенныхъ ему домовъ и у каждой двери всѣхъ этажей дома оставить летучій листокъ или воткнуть его въ почтовый ящикъ. Въ этихъ листкахъ, розданныхъ избранной на народныхъ собраніяхъ стачечной коммиссіей, излагаются обстоятельства дѣла, повешія къ объявленію стачки. Ничего не стоитъ, конечно, оставить такіе листки на лѣстницахъ рабочихъ кварталовъ и бойкихъ торговыхъ улицъ. гдѣ жизнь начинается уже спозаранку. Но есть кварталы и части города, гдѣ ложатся позже и встаютъ не рано и куда проникнуть стоитъ большого труда. Въ Берлинѣ эти кварталы сосредоточены около роскошнаго Тиргартена, гдѣ ютится либеральная буржуазія, денежная и потомственная аристократія. Между тѣмъ каждая стачка, особенно та, о которой идетъ рѣчь, заинтересована въ сочувствіи этихъ кварталовъ. Въ виду этого туда командируются съ летучими листками лишь наиболѣе ловкіе работники и работницы, которые ужъ навѣрное съумѣютъ «то ласками, то сказками» подѣйствовать на слабую пролетаріатскую струнку швейцара и довести до свѣдѣнія господъ назрѣвшую злобу дня.

Ужъ подлинно: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Казалось бы, что ни для кого не новость положеніе труда въ портняжномъ дѣлѣ: изслѣдованія профессоровъ Зомбарта, Бюкера, д-ра Шенланка о домашней индустріи, оффиціальное изслѣдованіе мин. внутр. дѣлъ отъ 1887 г. и др. работы достаточно краснорѣчиво доносили обо всемъ. И вотъ только теперь, когда изнуренной, изголодавшей, на $^3/_4$ неорганизованной массѣ тружениковъ иглы стало больше не въ мочь и она, побросавъ свои разсѣянныя рабочія берлоги, рѣшилась на отчаянную борьбу со своей нуждой,—теперь стали повсюду вопить о помощи и спасеніи. Приведенныя выше данныя о положеніи швей блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что пришлось въ эти дни выслушать изъ собственныхъ устъ работницъ. На многочисленныхъ собраніяхъ портныхъ и швей, во время стачки, можно было воочію видѣть, что вся опостылѣвшая жизнь поставлена на карту во имя лучшей доли въ будущемъ, и нерѣдко слышались изъ среды работницъ слова: «мы готовы теперь голодать, побросавши работу; это былъ нашъ удѣлъ и тогда, когда приходилось маяться съ нею!..» Это не былъ капризъ, не какія нибудь

классовыя претензіи, а культурная борьба въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, борьба противъ физическаго и нравственнаго вырожденія. Этого не хотѣло понять только бездушіе туго набитой мошны, не хотѣло даже и тогда, когда на болѣе серьезныхъ требованіяхъ, какъ устройство мастерскихъ, не настаивали и все вертѣлось на повышеніи заработной платы. Къ счастью, противъ заинтересованной группы въ 400 предпринимателей на этотъ разъ сталъ весь Берлинъ на сторону 90,000 тружениковъ. Мѣстные ученые съ профессоромъ Шмоллеромъ во главѣ, наиболѣе извѣстные адвокаты, духовныя лица, дамы старались добиться уступокъ со стороны хозяевъ. Группа писателей съ Шпильгагеномъ, Зудерманомъ, фонъ Вильденбрухомъ и другими опубликовали воззваніе, симпатизирующее требованіямъ портныхъ и приглашавшее общество оказать имъ матеріальную и нравственную поддержку. То же сдѣлалъ комитетъ «Всеобщаго союза нѣмецкихъ женщинъ»; образовались бюро для сбора средствъ въ пользу стачечниковъ, многія газеты предоставили для этой цѣли свои конторы въ распоряженіе публики. Тѣмъ временемъ стачка распространилась и на другіе города, служащіе главными центрами производства готоваго платья. И въ этихъ городахъ общество дѣйствовало по примѣру Берлина.

Кульминаціоннымъ моментомъ этой возбужденной поры были засѣданія рейхстага, посвященныя злобѣ дня. Въ прежнія сессіи соціалъ-демократическая фракція неоднократно, но тщетно вносила предложенія о распространеніи законодательной защиты на домашнихъ рабочихъ. На этотъ разъ печальницею горя младшей братьи выступила націоналъ-либеральная фракція. Это былъ, конечно, ловкій въ тактическомъ отношеніи шагъ для партіи, которая въ послѣднее время такъ сильно себя дискредитировала. Извѣстно, что націоналъ-либеральная фракція представляетъ въ рейхстагѣ интересы капитала par excellence. Но у буржуазіи, проникнутой сознаніемъ своей высокой національной миссіи, должна была наконецъ заболѣть совѣсть при мысли, что въ ея средѣ есть собратья, работающіе такими средствами, какъ фабриканты готоваго платья.

Интерпеляція націоналъ-либеральной фракціи, ссылаясь на оффиціальное изслѣдованіе 1887 г. и на происшедшее съ тѣхъ поръ ухудшеніе въ условіяхъ труда портныхъ и швей, дѣлала правительству запросъ: какія законодательныя мѣры намѣрено оно принять для защиты здоровья и нравственности работницъ, занятыхъ въ швейномъ производствѣ и эксплуатируемыхъ системой поштучнаго труда и посредничества.

Излагать дебаты рейхстага значило бы воспроизвести въ существенныхъ чертахъ уже сказанное на предъидущихъ страницахъ Ни одинъ изъ ораторовъ не рѣшился затушевать какимъ бы то ни было образомъ горькую правду портняжнаго быта. Со всѣхъ сторонъ слышалось настоятельное требованіе реформы указанной области. Но всего примѣчательнѣе тотъ энергическій тонъ, въ которомъ

высказались представители правительства, статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ имперіи д-ръ фонъ-Беттихеръ и министръ торговли фонъ-Берлепшъ. Высказавшись вполнѣ въ духѣ приведенныхъ выше требованій рабочей коммиссіи, г. Берлепшъ выразилъ надежду, что если общественное мнѣніе будетъ солидарно съ только-что высказаннымъ мнѣніемъ рейхстага, то это останется не безъ вліянія на стачку. «Мы уже часто имѣли случай наблюдать,—заключилъ свою рѣчь министръ,—какъ настроеніе общественнаго мнѣнія обезпечивало побѣду за стачкой, если она была вызвана серьезными мотивами и ставила справедливыя требованія. Переживаемая нами теперь стачка принадлежитъ, по моему убѣжденію, безусловно къ этой категоріи». Г. фонъ-Беттихеръ съ своей стороны довольно внушительно призывалъ представителей капитала къ благоразумію въ ихъ отношеніи къ труду.

Въ дебатахъ былъ также затронутъ тѣсно связанный со всей матеріей вопросъ о женской фабричной инспекціи. Недавно были опубликованы данныя объ успѣшной дѣятельности первыхъ четырехъ женщинъ фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи. Въ Сѣверной Америкѣ ихъ имѣется уже 28. И въ Германіи принципіально вопросъ этотъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, хотя болѣе въ пользу женскихъ ассистентовъ при фабричныхъ инспекторахъ. Практически суждено вѣроятно провести впервые эту мѣру герцогству Гессенъ-Дармштадтскому, гдѣ недавно обѣ палаты высказались за введеніе института женской фабричной инспекціи. Предполагается назначать для этой цѣли женщинъ-врачей, которыхъ теперь въ Германіи покуда еще не полный десятокъ.

Министръ не ошибся въ своемъ предположеніи на счетъ вліянія общественнаго мнѣнія. Уже дней 10 послѣ начала стачки хозяева перемѣнили гнѣвъ на милость и начали понемногу сдаваться. Любопытно между прочимъ, что съ теченіемъ стачки и многіе посредники присоединились къ стачечникамъ. Промысловый судъ, взявшій на себя роль примирителя сторонъ, добился того, что изъ представителей хозяевъ, посредниковъ и рабочихъ была составлена коммиссія, долженствовавшая выработать условія мира. Правительство распорядилось теперь, чтобы имперская коммиссія по статистикѣ труда отложила всѣ прочія дѣла въ сторону и занялась тщательнымъ ислѣдованіемъ портняжнаго производства. Покуда что, примирительная коммиссія сошлась на слѣдующемъ: 1) установленъ минимальный тарифъ заработной платы, увеличивающій прежнія нормы на $12^1/_2$—30%; 2) тарифы вывѣшены на фабрикахъ и въ мастерскихъ посредниковъ и заработная плата ни подъ какимъ видомъ не должна быть ниже тарифной; въ противномъ случаѣ работа у провинившагося посредника или фабриканта прекращается; 3) разсчетъ обязателенъ разъ въ недѣлю; 4) не допускаются никакія притѣсненія; 5) примирительная коммиссія продолжаетъ заниматься дальнѣйшей формулировкой тарифовъ и

выработкой нормъ для регулированія отношеній сторонъ. Стачка же объявляется прекращенной.

Стачка, являясь послѣ бойкота, коалиціи и т. п. однимъ изъ законныхъ средствъ борьбы для рабочихъ, есть дѣло очень рискованное и дорогое. Рабочіе союзы въ Англіи располагаютъ куда большими средствами, чѣмъ нѣмецкіе, и то результаты бываютъ не всегда утѣшительные. По даннымъ англійскаго департамента труда число стачекъ равнялось: въ 1892 г. = 700; 1893 = 782; 1894= 1061; 1895 = 778. Сравнивая напр., 1893 и 1895 гг., увидимъ, что въ первомъ случаѣ съ полнымъ успѣхомъ кончились 62,9%. во второмъ 20,1% всѣхъ стачекъ; съ частичнымъ успѣхомъ: 24,7% и 41,9%. Остальныя окончились неудачей. Въ Германіи стачки послѣднихъ пяти лѣтъ стоили рабочимъ союзамъ 3.209,953 марки. Изъ нихъ одна горная стачка 1890—1891 гг. проглотила $2^1/_2$ мил. марокъ. Во время послѣдней стачки портныхъ сумма поступившихъ въ Берлинѣ частныхъ пожертвованій достигла 70,000 марокъ.

Мнѣ пришлось въ этомъ письмѣ нѣсколько разъ упоминать и цитировать портного Тимма. Тимма въ Берлинѣ, да и во всей Германіи, хорошо знаютъ. Въ болѣе тѣсномъ кругу его знаютъ за хорошаго портного, въ болѣе широкомъ — за умнаго, энергичнаго и разсудительнаго руководителя своего портновскаго сословія. Кто изъ посѣщавшихъ рабочія собранія не встрѣчалъ красиваго блѣднаго лица, обрамленнаго черными кудрями и круглой черной бородой. Звучная, плавная рѣчь, рѣшительный, но отнюдь не вызывающій тонъ, близкое знакомство съ бытомъ рабочихъ, искренняя преданность ихъ интересамъ — все это сдѣлало хромого Тимма любимцемъ рабочихъ массъ и ихъ признаннымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ третьими лицами: предпринимателями, властями и т. п. И въ послѣдней стачкѣ Тиммъ былъ душою всего движенія. Въ каждомъ номерѣ центральной рабочей газеты можно было встрѣчать его извѣщенія, донесенія, воззванія, въ которыхъ онъ сообщалъ о ходѣ стачки, о поступленіи средствъ, о переговорахъ съ хозяевами (онъ былъ въ примирительной коммиссіи) и гдѣ онъ настоятельно требовалъ отъ стачечниковъ спокойствія и благоразумія въ дѣйствіяхъ. Тиммъ, наравнѣ съ иглой, владѣетъ бойко словомъ и перомъ. Среди нѣмецкихъ рабочихъ нерѣдко вырабатываются такого рода публицисты. Обыкновенно этотъ родъ дѣятельности идетъ у нихъ параллельно съ занятіемъ своей профессіей. Иной-же втянется въ писательство до того, что при случаѣ броситъ привычное орудіе и съ мозольными руками примется редактировать какой нибудь провинціальный рабочій листокъ. Эти «нештудированные» редакторы составляютъ довольно значительный контингентъ въ редакціонномъ персоналѣ нѣмецкой рабочей прессы.

Тиммъ и ему подобные—это, такъ сказать, представители ра-

бочей прозы. Я хочу нѣсколько словъ сказать о представителяхъ рабочей поэзіи. Это явленіе можетъ, между прочимъ, служить признакомъ той необыкновенной жажды знанія и образованія, которая даетъ себя теперь такъ сильно чувствовать въ народныхъ массахъ. Рабочая поэзія въ ея настоящемъ видѣ, конечно, менѣе всего обязана своимъ возникновеніемъ художественнымъ интуиціямъ. Ея художественное значеніе не всегда стоитъ на надлежащей высотѣ. Ея центръ тяжести заключенъ гораздо болѣе въ непосредственномъ содержаніи.

Предо мною лежатъ пять небольшихъ сборниковъ, изящно изданныхъ въ Штутгартѣ Дитцомъ подъ названіемъ: «Deutsche Arbeiterdichtung». Здѣсь собраны стихотворенія Адольфа Леппа, Андрея Шей (Scheu), Макса Кегель, Карла Фроме, Рудольфа Лаванта, Вильгельма Газенклевера и Якова Аудорфа. Изъ нихъ только Газенклеверъ вкусилъ немного гимназической мудрости. Но затѣмъ онъ былъ долгое время простымъ рабочимъ-кожевникомъ, покуда не попалъ депутатомъ въ рейхстагъ. Газенклеверъ занялъ въ качествѣ депутата очень выдающееся положеніе, благодаря своимъ дарованіямъ. Но еще раньше онъ проявилъ способности ѣдкаго, талантливаго фельетониста, а на его стихотвореніяхъ лежитъ несомнѣнная печать лирическаго поэта. Газенклеверъ кончилъ свою жизнь помѣшательствомъ. Близко къ Газенклеверу стоитъ по своему таланту Фроме, сначала слесарь и машинистъ, а теперь депутатъ рейхстага и редакторъ рабочей газеты «Hamburger Echo». Адольфъ Леппъ по профессіи сигарочный рабочій, Шей—чертежникъ, Кегель—наборщикъ. Всѣхъ способнѣе—Аудорфъ. Будучи очень хорошимъ слесаремъ и машинистомъ, онъ работалъ въ Швейцаріи, Англіи, Франціи, затѣмъ побывалъ въ Россіи вплоть до Тифлиса. Въ это время онъ прекрасно изучилъ языки этихъ странъ, а изъ Россіи даже увезъ себѣ жену и живетъ теперь въ Германіи.

Широкій кругозоръ, который Аудорфъ добылъ себѣ во время странствованій, сказывается и на его стихотвореніяхъ. Между ними попадаются перлы истиннаго поэтическаго вдохновенія. Въ нихъ виденъ широкій полетъ мысли, развитое чувство природы, рѣдкое одушевленіе. Во многихъ стихотвореніяхъ самыя интимныя детали изъ быта рабочихъ облечены въ заманчивыя поэтическія формы. Наконецъ, всякому, посѣщавшему рабочія собранія, извѣстна рабочая пѣсня, написанная Аудорфомъ.

Кромѣ указанныхъ сборниковъ имѣется одинъ, изданный въ Мюнхенѣ и содержащій въ себѣ стихотворенія еще молодыхъ рабочихъ поэтовъ: Эдуарда Фукса, Карла Кайзера и Эрнста Клара. Фуксъ самый молодой изъ нихъ: ему всего 26 лѣтъ: Онъ былъ раньше приказчикомъ, но любовь къ чтенію было его страстью уже съ дѣтскихъ лѣтъ. Это чрезвычайно живой и способный парень, у котораго все еще находится въ неперебродившемъ состояніи и котораго многія стихотворенія носятъ на себѣ печать преувеличеннаго

паѳоса. Эрнстъ Кларъ—наборщикъ. Карлъ Кайзеръ, первоначально столяръ фабрики роялей, чрезвычайно оригинальная фигура. Такъ мастерски владѣть языкомъ улицы, массы, мастерской можетъ только очень одаренная натура, лично пережившая всю совокупность своихъ поэтическихъ образовъ.

Въ настоящее время всѣ трое издаютъ въ Мюнхенѣ сатирическій рабочій листокъ «Süddeutscher Postillon», одинъ изъ лучшихъ листковъ этого рода.

А. Ковровъ.

Изъ Франціи.

Карнавалъ... Политическій горизонтъ, выражаясь возвышеннымъ слогомъ газетчиковъ, былъ подернутъ тучами: «конфликтъ» между Сенатомъ и Палатой; разговоры о таинственномъ, но во всякомъ случаѣ ужасномъ будущемъ, куда увлекало Францію радикальное министерство; негодованіе людей солидныхъ и имущихъ на политику нынѣшняго правительства. А на заправскомъ небѣ сіяло почти совсѣмъ весеннее солнышко, и весь Парижъ предавался въ теченіе трехъ дней самому искреннему веселью. Знаменитый «жирный быкъ», отошедшій было за погромомъ Имперіи въ область прошлаго, снова разъѣзжалъ тріумфаторомъ въ праздничной колесницѣ по улицамъ, въ сопровожденіи карнавальнаго кортежа, и старый и малый густыми толпами сбѣгались на это зрѣлище. Пущенныя въ ходъ года три тому назадъ узкія ленты изъ разноцвѣтной бумаги *(serpentins)*, которыя навертываются въ видѣ диска и, брошенныя въ воздухъ, разматываются длинной спиралью, обвивали, словно ліаны, деревья на бульварахъ, образовали цѣлую блестящую сѣтку между домами и падали съ иныхъ балконовъ настоящими каскадами. Конфетти *(confetti)*, что снѣгъ, носились по воздуху, покрывая дурачащихся прохожихъ голубыми, красными, зелеными, золотыми блестками, и въ иныхъ мѣстахъ лежали на тротуарахъ и мостовой цѣлыми сугробами въ два-три вершка.

Да, смотря на эту трезвую, но опьяненную весельемъ толпу, трудно было представить себѣ, что Франція переживала рѣшительную въ парламентской исторіи минуту. Во всей этой праздничной обстановкѣ, декораціяхъ, маскахъ, увеселеніяхъ я лично нашелъ лишь одинъ довольно забавный намекъ на политику. Въ числѣ разныхъ рекламныхъ колесницъ отъ торговыхъ домовъ, магазиновъ, кафе-шантановъ, разъѣзжала большая фура, разво-

зившая особый родъ арбалетовъ для бросанья уже упомянутыхъ бумажныхъ лентъ. Эту новинку изобрѣтательный фабрикантъ пропагандировалъ громадной надписью черными буквами на бѣломъ полотняномъ фонѣ: «лентометы (*spiroboles*), принятые и одобренные сенатомъ въ войнѣ противъ министерства». А самъ Парижъ, всецѣло ушедшій въ веселье и не думавшій въ этотъ моментъ о политикѣ, былъ подобенъ манекену каскадной танцовщицы, которая стояла на верху рекламной колесницы отъ увеселительнаго заведенія Bullier, поднимая ногу прямо въ небо, словно вызовъ шиллеровскому Зевсу...

И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ,

невольно проносилось у меня въ головѣ, и сердце сжималось при воспоминаніи о всевозможныхъ злоключеніяхъ, которыя столько разъ выносилъ беззаботный и жизнерадостный, но героическій Парижъ, и страстно хотѣлось проникнуть въ будущее, которое судьба готовитъ великому городу...

Я вернулся съ карнавальной прогулки, рѣшивъ посвятить эту корреспонденцію типу француза-горожанина, и именно жителя Парижа, который и придаетъ, главнымъ образомъ, своеобразный отпечатокъ исторической жизни страны и опредѣляетъ блескъ, красоту, интересъ и въ то же время неустойчивость, непослѣдовательность, порою комическій элементъ этой мощной драмѣ... Попытка очень заманчивая, но и очень трудная. Я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ за ея несовершенство и начну съ того, что сдѣлаю нѣсколько оговорокъ.

Теорія устойчивыхъ расъ и прочныхъ физическихъ и психическихъ чертъ, характеризующихъ ту или другую національность, сдана въ архивъ, если не ошибаюсь, окончательно. Можно лишь говорить о нѣкоторомъ довольно эластичномъ и измѣняющемся типѣ, который чаще другихъ прокидывается въ данной странѣ и объясняется главнымъ образомъ ея соціальнымъ строемъ и ея исторіей. И въ этомъ смыслѣ можно разсуждать о типѣ француза, который яснѣе всего выступаетъ въ шумномъ и напряженно-живущемъ Парижѣ, гдѣ стираются и исчезаютъ мѣстныя различія провинціаловъ, стекающихся со всей Франціи въ ея главный торговый и политическій центръ. Старинныя поговорки продолжаютъ еще отмѣчать хвастовство гасконца, скупость и страсть къ наживѣ обитателя Оверни, хитрость и практическую сметку нормандца, упорство бретонца, эгоизмъ жителя Лотарингіи и простодушіе жителя Шампани. Но эти черты, которымъ можно и въ прошломъ придавать лишь очень условное значеніе, все болѣе и болѣе стираются въ процессѣ объединяющей и перемѣшивающей ихъ цивилизаціи. А въ Парижѣ этотъ процессъ идетъ особенно быстро и дѣятельно. Въ сущности, парижанинъ представ-

ляетъ идеальный типъ француза, наиболѣе затронутаго цивилизацiей страны, наиболѣе участвующаго въ ея исторической жизни.

Сопоставьте восторженные отзывы о французской нацiи ея поклонниковъ и крайне рѣзкiя сужденiя о ней ея хулителей. Французъ—великодушенъ; французъ—эгоистъ; французъ—энтузiастъ; французъ—разсчетливъ и себѣ на умѣ; французъ ревностно служитъ прогрессу; французъ—консерваторъ и рутинеръ; французъ способенъ чувствовать сильно и долго; французъ почти совершенно лишенъ аффективной стороны. Онъ стоитъ за семью и семейный очагъ; нѣтъ, онъ рабъ чувственности и развращенъ до мозга костей. Онъ—трудолюбивъ; нѣтъ, онъ любитъ лишь праздничную сторону жизни. Онъ—безкорыстенъ; какое безкорыстенъ: онъ скопидомъ и къ деньгамъ питаетъ большую нѣжность. Онъ—демократъ и сторонникъ равенства; будто? а кто больше его властолюбивъ и гонится за орденами и знаками отличiя? Онъ тяготѣетъ къ спокойной и мирной жизни; онъ вѣчно гонится за миражемъ военной славы. И такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ можно было бы набрать многое множество. Я думаю, что и въ восхваленiи, и въ осужденiи французовъ есть доля правды, и что положительныя и отрицательныя стороны характеристики съ извѣстной точки зрѣнiя не только примиряются, но даже представляются необходимыми. Эта точка зрѣнiя—крупная разница между французомъ, взятымъ въ отдѣльности, и французомъ, наблюдаемымъ въ толпѣ.

Если человѣка называютъ животнымъ общественнымъ, то француза придется признать животнымъ общественнымъ по преимуществу. Въ обществѣ себѣ подобныхъ онъ вибрируетъ настолько усиленно, отражаетъ настроенiе толпы настолько удачно и въ свою очередь влiяетъ на нее такъ могущественно, что группа французовъ развиваетъ качества, которыхъ вы никакъ не выведете изъ простой суммы свойствъ отдѣльныхъ личностей. Въ силу этой особенности французу приходится прощать многое за его неутомимую работу въ области общественности и солидарности. Какъ бы вы ни относились отрицательно къ тѣмъ или другимъ сторонамъ его, въ этомъ-то смыслѣ ему ужъ несомнѣнно принадлежитъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ дѣятелей прогресса. Скажу прямо мысль, которая вотъ уже нѣсколько минутъ просится подъ перо: французъ въ отдѣльности далеко не такъ симпатиченъ, какъ французъ въ общенiи съ другими; французское общество рѣшительно лучше отдѣльнаго француза. Возьмите для сравненiя хотя бы русскаго. Взятый отдѣльно, онъ часто можетъ поражать васъ и серьезностью, и теоретическимъ безстрашiемъ мысли, и умѣньемъ войти въ чужой ему психическiй мiръ, и отзывчивостью на запросы ума и сердца. А взгляните на наше общество: вялое, сонное, бредущее въ разныя стороны, оно положительно напоминаетъ кучу песку. Дунулъ

вѣтеръ—и разнесъ всѣ эти несвязанныя ничѣмъ между собой пылинки; ударила гроза—и ничего не осталось, кромѣ жалкой грязи. Подойдите теперь къ французу, особенно съ той мѣркой «прекраснаго, душевнаго человѣка», которая неистребимо заложена въ каждомъ порядочномъ россіянинѣ. Разочарованіе ждетъ васъ на первыхъ же порахъ: французъ и суховатъ, и разсчетливъ, и туго какъ будто понимаетъ сокрушающіе васъ вопросы о служеніи идеалу, о долгѣ передъ народомъ, и развертываетъ передъ вами совсѣмъ буржуазныя картины личной жизни. Но вотъ какое-нибудь, зачастую пустое, обстоятельство возбудило общественное мнѣніе, и смотришь, все это многомилліонное море человѣческихъ существъ зашевелилось, всколыхалось... Волна опирается на волну, валъ подымается за валомъ, и глядишь, тотъ самый господинъ, котораго вы вчера клеймили въ глубинѣ своей чуткой и гуманной души прозвищемъ «буржуа» и «уравновѣшенной натуры», сегодня уже очутился на публичномъ собраніи, въ избирательномъ комитетѣ, въ редакціи газеты, на улицѣ, словомъ, какъ сказалъ бы Успенскій, «въ числѣ драки», волнуясь, кипя, ораторствуя, пропагандируя, забывая свои личныя дѣла, махая рукой на перспективы буржуазнаго благополучія, тратя тѣ самыя денежки, которыя онъ такъ ловко и аккуратно копилъ...

Французъ—дитя:
Онъ вамъ шутя
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ,

звучатъ въ вашихъ ушахъ насмѣшливые стихи, и теперь ваша критика обрушивается на француза уже не за его разсчетливость, за низменность его идеаловъ, а за лишнюю, по вашему мнѣнію, отзывчивость на общественное теченіе, за легкомысліе и смѣшной энтузіазмъ, за пренебреженіе своими насущными интересами... Вотъ на этой двойственности французской натуры мнѣ и хотѣлось бы остановиться.

Отрицательныя стороны французской психологіи главнымъ образомъ вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ особенностей соціальной и культурной жизни страны. Практичность, сухость, эпикуреизмъ и матеріальность сремленій средняго француза, короче сказать, его уравновѣшенность, объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что и населеніе и характеръ этой страны тоже пришли въ устойчивое равновѣсіе. Говоря это, я нисколько не думаю о той предустановленной мистической гармоніи между національностію и окружающею ее средой, которая одно время была въ модѣ даже и между серьезными географами. Я хочу сказать лишь слѣдующее. Франція—идеалъ умѣренныхъ странъ по естественнымъ богатствамъ, плодородію почвы, климату. Осѣвшее въ ней населеніе уже довольно рано и безъ особенныхъ усилій успѣло развить производительныя силы страны въ такой степени, что можетъ

жить безбѣдно и счастливо,—насколько это, конечно, возможно въ предѣлахъ современной цивилизаціи. Когда вы въѣзжаете во Францію, васъ поражаетъ веселый, жизнерадостный видъ жителей: говорю, конечно, сравнительно. Франція въ цѣломъ не мачиха, а мать для своихъ дѣтей. Оттого французъ не любитъ разставаться со своей родиной, тоскуетъ по ней, не находя, что называется, мѣста себѣ за границей. Взгляните на француза, котораго судьба забросила за предѣлы отечества. Какъ онъ ждетъ не дождется той поры, когда обстоятельства позволятъ ему вернуться въ «милую Францію»! (слова автора рыцарской «пѣсни о Роландѣ»). Съ какой жадностью онъ слушаетъ ваши разсказы о томъ, что дѣлается въ его «дорогомъ Парижѣ»! Какъ плохо онъ умѣетъ приспособляться къ новымъ условіямъ и входить въ интересы временно пріютившей его страны! Съ другой стороны, что за могущественное притяженіе Франція оказываетъ на окружающія національности! И я говорю не о привиллегированныхъ классахъ, не о людяхъ, живущихъ интересами мысли и развитія и не о представителяхъ международнаго шалопайства. Я имѣю въ виду простыхъ рабочихъ, всѣхъ этихъ бельгійцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, испанцевъ, которые цѣлыми сотнями тысячъ живутъ во Франціи, въ то время какъ на ихъ родинѣ вы едва-ли найдете одного осѣвшаго француза на десять эмигрировавшихъ оттуда во Францію жителей. И какъ легко французскій строй жизни втягиваетъ этихъ людей въ интересы страны, и какъ быстро Франція становится для нихъ новымъ и лучшимъ отечествомъ. Вотъ что я и разумѣлъ, говоря о равновѣсіи между Франціей и французами, объ ихъ эгоистическомъ эпикуреизмѣ, ихъ довольствѣ судьбой и нежеланіемъ летѣть за вами на крыльяхъ идеала далеко отъ этой земли, на которой имъ такъ сравнительно легко живется...

Но я упомянулъ еще раньше и теперь снова упоминаю о «сравнительности» этого счастія. Современная цивилизація даетъ себя таки знать, и другія несимпатичныя стороны французской «души» объясняются особыми формами, въ которыя эта цивилизація облечена во Франціи *). Поклонники свободной конкурренціи и ожесточенной борьбы личныхъ интересовъ намъ уши прожужжали, говоря о высотѣ типа этой цивилизаціи, о благодѣтельности ея и для индивидуума и для вида. Она-де развиваетъ умъ, укрѣпляетъ характеръ, усиливаетъ энергію, словомъ, надѣляетъ людей всяческими великими и богатыми милостями. Нѣтъ ничего поучительнѣе для сторонниковъ этой теоріи, какъ поѣздка

*) Собственно говоря, эта цивилизація создала даже нѣсколько довольно различныхъ «душъ», смотря по классамъ. Но перебирать ихъ одна за другой въ этой статьѣ было бы слишкомъ сложно и долго.

во Францію съ цѣлью хорошенько присмотрѣться къ здѣшней жизни. Здѣсь современная культура приняла наиболѣе привлекательныя и потому наиболѣе опасныя формы. Франція во многихъ отношеніяхъ есть классическая страна буржуазіи. Конечно, нѣкоторыми своими сторонами цивилизація Франціи отстала отъ «послѣдняго слова» человѣческой эксплуатаціи, какъ мы наблюдаемъ ее хотя бы въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но французская жизнь въ цѣломъ несомнѣнно представляетъ идеальный типъ общества, основаннаго на борьбѣ личныхъ интересовъ. Подумайте: здѣсь капиталъ нашелъ не только своихъ практическихъ представителей и поборниковъ, своихъ пророковъ и философовъ, но онъ создалъ блестящихъ художниковъ и поэтовъ, которые подобно добродѣтельнымъ сыновьямъ Ноя прикрываютъ одеждами наготу своего отца,—мало того, что просто прикрываютъ, стараются о красотѣ этихъ одеждъ, объ изяществѣ ихъ складокъ.

Конечно, все это есть вездѣ. Но нигдѣ это не проявляется съ такимъ подчеркиваніемъ эстетическаго, возвышеннаго элемента. Какъ вы думаете, какой аргументъ чаще всего пускается здѣсь въ ходъ сторонниками классовой цивилизаціи въ борьбѣ противъ ея враговъ? Скука и монотонность иного строя, упадокъ чувства прекраснаго, уничтоженіе изящной роскоши! Я живо помню, какъ одинъ изъ бульварныхъ газетчиковъ, истощивши въ полемикѣ съ «новыми варварами» запасъ всѣхъ своихъ рѣжущихъ, колющихъ и разрывныхъ орудій борьбы, побѣдоносно заключилъ свою забавную, но нелѣпую статью слѣдующимъ наивнымъ этюдомъ съ натуры. Принцесса де Саганъ (Saħan) пригласила своихъ друзей и знакомыхъ къ себѣ на яхту погостить нѣсколько дней. Обѣдали на закатѣ солнца у береговъ Нормандіи, затѣмъ былъ отданъ приказъ капитану плыть по направленію къ Англіи. И вотъ, лишь наступила темнота, какъ яхта освѣтилась тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ, музыканты, скрытые въ мачтахъ, дружно ударили въ смычки и трубы, и по палубѣ завертѣлись изящныя пары, кавалеры и дамы, носящіе самыя старинныя фамиліи Франціи. И такъ великосвѣтскій балъ затянулся далеко за полночь, и яхта, залитая огнями, тихо подвигалась, чуть натягивая паруса на легкомъ тепломъ вѣтеркѣ, и еле-еле билась въ ея грудь волна Ламанша... Но вотъ загорѣлась заря, вотъ показалось и солнце, освѣщая мѣловыя скалы уже близкой Англіи, и изъ каюты важно вышелъ на палубу духовникъ принцессы, приглашая навеселившихся гостей почтить Творца солнца, моря и всей природы умиленной утренней молитвой. И не одна граціозная головка, согрѣшившая мыслями и желаніями во время бала, касалась бѣлымъ лбомъ платка, брошеннаго на палубу, и роняла слезы раскаянія... Разсказавъ все это съ надлежащими подробностями, газетчикъ вдругъ торжественно выпаливаетъ: «такъ вотъ, господа, когда вы

будете въ состояніи въ вашемъ идеальномъ обществѣ устроивать такія и увеселительныя, и назидательныя прогулки, мы рѣшимся продолжать съ вами діалогъ насчетъ сравнительныхъ достоинствъ нашей, уже существующей и вашей, утопической цивилизаціи... а до тѣхъ поръ да здравствуетъ принцесса де Саганъ и ея волшебная экскурсія въ Англію!...»

Недавно же одна медицинская газета, борясь въ спеціальной области съ проектируемымъ подоходнымъ налогомъ, который приводитъ въ негодованіе большинство имущихъ, разсказала въ поученіе своимъ читателямъ слѣдующій «фактъ». Въ Парижѣ двѣ самыхъ крупныхъ медицинскихъ знаменитости (изъ нихъ одна—хирургъ) заработываютъ ежегодно свыше 300,000 фр. Теперь квартирныхъ, личныхъ и прочихъ налоговъ онѣ платятъ около 4,000 фр. Но если войдетъ въ силу ужасный прогрессивный налогъ на доходъ, то каждый изъ ученыхъ спеціалистовъ будетъ принужденъ платить тысячъ по 17. Такимъ образомъ цѣлыхъ 13 тысячъ будетъ взято безжалостнымъ фискомъ изъ личныхъ расходовъ «бѣдныхъ» продолжателей Гиппократа и Галена. Но, восклицаетъ патетически авторъ статьи, знаете-ли вы, куда главнымъ образомъ идутъ доходы этихъ «умственныхъ работниковъ»? На покупку статуй, картинъ, изящныхъ изданій, словомъ всего, что дѣлаетъ нашу жизнь выше, благороднѣе, человѣчнѣе... «О, вандалы!»...

Я привелъ первые пришедшіе мнѣ въ голову примѣры. Но такихъ можно было бы набрать сколько угодно. Вы уже изъ нихъ можете заключить, какую эстетическую, опасную для слабыхъ головъ и чувствительныхъ душъ струну затрогиваютъ во Франціи сторонники современной цивилизаціи.

Посмотримъ же сначала на тѣ непривлекательныя стороны француза, которыя вытекаютъ изъ современнаго строя, основаннаго на борьбѣ интересовъ и прикрытаго здѣсь самыми привлекательными оболочками. Французъ любитъ деньги, любитъ тотъ золотой дождь, который осаждаетъ насыщенная капитализмомъ общественная атмосфера. И любитъ главнымъ образомъ не ради самихъ денегъ, а ради того, что онѣ доставляютъ. У англо-саксонской расы преобладаетъ неугомонное желаніе дѣйствовать, спекулировать, пускать капиталы все дальше и дальше въ ходъ и громоздить средства производства на средства производства. У жизнерадостнаго француза, живущаго въ богатой и веселой странѣ, деньги играютъ преимущественно роль аладиновой магической лампы, которая при такомъ или иномъ поворотѣ можетъ доставлять ея владѣльцу всевозможныя блага жизни. Всякій мало-мальски потершійся въ свѣтѣ парижанинъ знаетъ, что здѣсь у самыхъ знаменитыхъ дѣльцовъ промышленнаго и биржевого міра

прокидывается вмѣстѣ съ тѣмъ и самый яркій эпикуреизмъ: лошади, картинныя галлереи и танцовщицы парижскихъ финансистовъ славятся во всей Европѣ и даже за предѣлами ея. Но посмотрите, что за слѣдствія вытекаютъ для рядового француза изъ такого отношенія къ деньгамъ. Живя въ странѣ очень высокой культуры, замѣчательно утонченной роскоши и изящной техники, французъ рано привыкаетъ подставлять мысленно извѣстной суммѣ денегъ, которая находится у него въ рукахъ, соотвѣтствующій ей эквивалентъ въ разныхъ «потребительныхъ стоимостяхъ», предметахъ удобства, комфорта и роскоши. «У меня осталось на рукахъ лишнихъ сто франковъ», говоритъ себѣ какой-нибудь служащій или чиновникъ: «я могу на это купить или зеркальный шкафъ для бѣлья, или часы для камина съ двумя канделябрами по бокамъ, или висячую лампу въ салонъ». И по поводу предстоящей покупки происходитъ цѣлое семейное совѣщаніе, въ теченіе котораго исчерпываются всевозможные «идеальные моменты» будущей операціи: логическіе, эстетическіе и соціальные стимулы пріобрѣтенія лампы, часовъ или шкафа. Будетъ-ли или нѣтъ куплена вещь на этотъ разъ, это другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ, семейная жизнь француза слагается въ значительной степени изъ процесса благопріобрѣтенія, который идеализируется вплоть до превращенія въ нѣкотораго рода долгъ передъ самимъ собой, своей семьей, отечествомъ и чуть-ли не человѣчествомъ. Замѣчу при этомъ, что французъ очень хорошій отецъ семейства и держитъ своихъ дѣтей, въ противоположность англо-саксонцамъ, что называется въ хлопочкѣ...

Дойдя до извѣстнаго предѣла, эта идеализація направляется уже не столько на прямое пріобрѣтеніе имущества, сколько на цѣлый систематическій планъ сдѣлаться рантье, т. е. человѣкомъ, который не только пріобрѣтаетъ средства къ жизни такимъ или инымъ занятіемъ, но который своимъ «накопленнымъ трудомъ» и своими сбереженіями поставляется въ возможность жить совершенно праздно. Отсюда та рѣдкая, разумная, цѣлесообразная разсчетливость,—именно разсчетливость, а не скупость,—которая дѣлаетъ изъ француза истиннаго виртуоза по части накопленія. Отсюда слишкомъ буквальное выполненіе имъ знаменитаго изреченія Вольтера: «дѣло не въ томъ, чтобы было много людей, а въ томъ, чтобы они были счастливы», и страшно медленный ростъ, а въ иные года и положительное уменьшеніе народонаселенія. Надо, впрочемъ, сдѣлать важную оговорку въ пользу рабочаго, который довольно равнодушенъ по части сбереженій и не особенно боится многочисленной семьи. Капиталы же накопляются, а дѣти почти не рождаются не только среди настоящей буржуазіи, но и среди тѣхъ классовъ населенія, которые близко стоятъ къ ней или находятся подъ ея вліяніемъ: чиновниковъ,

служащихъ, прикащиковъ, прислуги (я оставляю въ сторонѣ крестьянъ въ этой корреспонденціи).

Быть рантье—идеалъ не только крупнаго, но и мелкаго буржуа; идеалу этому приносятся въ жертву лучшіе годы и лучшіе порывы души. Не покладая рукъ, средняя французская семья трудится цѣлыми десятками лѣтъ, ловко и цѣлесообразно ведя свою барку къ желанной пристани. Но не забывайте, это плаваніе по морю житейскому продѣлывается безъ ожесточеннаго скопидомства, безъ излишней скупости. Эпикуреизмъ не теряетъ при этомъ своихъ правъ: онъ лишь размѣнивается на мелкую, правильно издерживаемую монету. Какой-нибудь лавочникъ ходитъ опредѣленное число разъ въ году въ театръ, водитъ туда свою жену и дѣтей. По праздничнымъ днямъ онъ старается, если возможно, отправиться въ окрестности Парижа, чтобы провести цѣлый день на воздухѣ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Онъ отъ времени до времени даетъ обѣды своимъ пріятелямъ и самъ любитъ ходить на таковые. Но попробуйте придти къ французу безъ предупрежденія въ обѣденное время: это вѣрнѣйшее средство оставить у него непріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, французъ не любитъ ѣсть какъ попало: у него за обѣдомъ полагается и супъ, и жаркое, и саладъ, и дессертъ, и сыръ (я напомню лишь французскую поговорку: «обѣдъ безъ сыру—что невѣста безъ глазу»), и, конечно, вино, по большей части красное, которое онъ пьетъ маленькими глотками, разбавляя водой. Но всего этого у него въ обрѣзъ: вашъ приходъ выбиваетъ его изъ колеи и онъ въ душѣ посылаетъ васъ ко всѣмъ чертямъ,—посылаетъ не изъ-за прямой скупости, а изъ-за того, что вы нарушаете регулярный, разъ навсегда установленный имъ образъ жизни, въ которомъ бюджетная отчетность соблюдается строго. У него отчислена на угощеніе друзей и знакомыхъ извѣстная сумма въ мѣсяцъ,—большая или меньшая, смотря по средствамъ. Сошлись вы съ нимъ или нужны по дѣлу, милости просимъ къ нему по приглашенію!.. О, тогда онъ угоститъ васъ съ честью, достанетъ лучшаго вина изъ своего погреба, откупоритъ бутылку стараго коньяку, предложитъ ароматнаго кофе, тонкую сигару, самъ будетъ наслаждаться всѣмъ этимъ и искренно будетъ радъ за васъ, если угощеніе вамъ придется по душѣ. Но опять таки повторяю: постарайтесь попасть въ статью его обыкновеннаго бюджета; сверхсмѣтныя назначенія мѣшаютъ правильному осуществленію его плана сдѣлаться рантье...

И вотъ, проработавши, такимъ образомъ, надъ этой задачей двѣ трети своей жизни, французъ-буржуа дѣлается рантье и начинаетъ наслаждаться отдыхомъ. Жалкая задача—и жалкій отдыхъ! Мнѣ нѣсколько разъ подолгу приходилось говорить съ этими рантье, и несмотря на разницу въ количествѣ ихъ рентъ, у всѣхъ нихъ я находилъ одну общую черту: это поразительное измельча-

ніе міровоззрѣнія и съуженіе интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе своей трудовой жизни французъ-буржуа такъ послѣдовательно приспособлялъ свой физическій, а главное психическій механизмъ къ задачѣ накопленія, что въ концѣ-концовъ видитъ въ игрѣ задерживающихъ центровъ нормальную дѣятельность нервной системы. Присмотритесь къ образу жизни средняго рантье, сколотившаго трудомъ капиталецъ· безцѣльная, дѣтски-наивная, невообразимо-монотонная, она тянется изо-дня въ день, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, и надо быть жизнерадостнымъ французомъ, эпикурейцомъ на франкъ, чтобы не повѣситься отъ такого времяпрепровожденія на первомъ же гвоздѣ, вбитомъ имъ на своемъ новосельѣ. Утро. Весь рабочій улей Парижа уже давно жужжитъ. Наши Филемонъ и Бавкида, удалившіеся отъ дѣлъ, потягиваются на постели и всячески стараются оттянуть время вставанья: въ душѣ и по привычкѣ имъ, что называется, не терпится; тридцать-сорокъ лѣтъ жизни прошло у нихъ въ раннемъ вставаньѣ и вѣчной суетнѣ. Но noblesse oblige: рантье полагается по штату вставать позже, онъ и встаетъ такъ, а иначе сосѣди засмѣютъ: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ будетъ та соціальная черта раздѣленія, которая должна отграничивать рантье отъ человѣка, живущаго своимъ трудомъ?... Безконечно тянется утренній кофе. Наконецъ, почтенная пара встаетъ изъ-за него. Madame отправляется на рынокъ, въ лавку, отчасти, чтобы не дать уворовать шустрой прислугѣ, отчасти, чтобы убить время въ разговорахъ съ поставщицами, кумушками и, вообще, всей улицей. Monsieur выходитъ тоже на свѣтъ Божій, до ближайшаго кафе, гдѣ спроситъ кружку пива или сиропа съ сельтерской водой и будетъ раскладывать гранъ-пассьянсъ или играть въ домино съ такимъ же, какъ онъ, рантье. Затѣмъ возвращеніе домой и завтракъ. Послѣ завтрака, если погода хороша, растворяется окно, и почтенные гражданинъ и гражданка помѣщаются въ удобной позѣ для наблюденія всего, что происходитъ на улицѣ. А тамъ происходитъ, что и должно происходить въ большомъ городѣ. Бѣжитъ занятой людъ. Снуютъ экипажи. Фланируетъ денежный иностранецъ. Катится тяжелый возъ, запряженный цѣлымъ цугомъ громадныхъ нормандскихъ лошадей, и тутъ же рядомъ бѣжитъ, надрываясь отъ постоянныхъ криковъ hue! huhau! dia! усталый возница, стараясь пролавировать среди этого водоворота пѣшеходовъ, колясокъ, велосипедистовъ. А на углу важно стоитъ полицейскій и за сто франковъ въ мѣсяцъ охраняетъ, не жалѣя при случаѣ своей шкуры, интересы благоустроеннаго общества, наблюдая, чтобы и экипажи катились, какъ слѣдуетъ, и возницы надрывались по чину, и наши рантье наслаждались видомъ улицы, безпрепятственно переваривая пищу... Ибо всякій порядочный французъ не терпитъ никакихъ послабленій пороку и преступленію, нару-

шающему это пищевареніе. Охраненіе «законныхъ интересовъ»— его идеалъ...

Я незамѣтно перешелъ къ новой чертѣ француза, выросшей изъ современнаго строя. Это—его безсердечный формализмъ и жестокое отношеніе къ тому, кто преступилъ уголовный и гражданскій кодексъ. Я разумѣю, конечно, явное нарушеніе той или иной статьи: кражу, грабежъ, убійство. Спору нѣтъ, сами по себѣ эти вещи способны лишь возмутить здоровое нравственное чувство. Но самое крайнее возмущеніе не препятствуетъ, казалось бы, человѣку брать фактъ преступленія въ его обстановкѣ, съ тѣми, если не оправдывающими, то объясняющими условіями, которыя дѣлаютъ часто изъ преступника скорѣе орудіе, чѣмъ самостоятельный факторъ общественнаго процесса. Чѣмъ чутче нравственное пониманіе личности, чѣмъ она сама дальше отъ совершенія того или иного проступка, тѣмъ гуманнѣе она отнесется къ преступнику. Но средній французъ въ этомъ отношеніи удивительно прямолинеенъ и своей формальной жестокостью напоминаетъ римлянина временъ Десяти таблицъ.

Стоитъ только припомнить, какую яростную полемику возбудила здѣсь такая невинная реформа, какъ законъ Беранже, г которому неважные проступки влекутъ лишь условное наказаніе (примѣняемое въ случаѣ повторенія). А та свирѣпость, съ какой раздаются судомъ наказанія за самыя ничтожныя кражи! А тотъ паѳосъ никогда не грѣшившихъ праведниковъ, съ какимъ буржуазные газетчики требуютъ въ иныхъ случаяхъ смертной казни и злорадно, что называется въ засосъ, описываютъ на слѣдующій день всѣ перипетіи «акта правосудія»! А сама толпа, собирающаяся на площади и жадно поджидающая гильотины!

Я нисколько не забываю того, что во французской литературѣ раздались уже давно самые краснорѣчивые протесты противъ смертной казни, какіе когда-либо выражалъ человѣческій языкъ. Знаю также, что все больше и больше въ лучшихъ группахъ рабочихъ усиливается отвращеніе къ формальному и жестокому отношенію къ преступнику. Но вѣдь надо брать среднюю ноту. А эта нота несомнѣнно выражаетъ безсердечный взглядъ на преступника. Очевидно, буржуазія успѣла внушить болѣе или менѣе всей націи, что страхъ судьи и жандарма есть начало премудрости въ современномъ обществѣ, и что стянуть, напримѣръ, булку такъ же преступно «само по себѣ», какъ совершить самое тяжелое преступленіе. Я не могу до сихъ поръ забыть одной сцены, которую устроила одному моему пріятелю консьержка дома, гдѣ онъ жилъ, за то, что этотъ господинъ не захотѣлъ жаловаться на стекольщика, укравшаго у него нѣсколько ложекъ, а лишь отобралъ ихъ и отпустилъ вора съ миромъ. «Да какъ же вамъ не стыдно, а еще вы порядочный человѣкъ! Развѣ можно потакать

ворамъ? Не въ цѣнѣ украденнаго дѣло, а въ поступкѣ, а въ преступленіи... Oh, oui, monsieur, c'est un crime, un grand crime!.. Какъ же было не арестовать его? Сейчасъ видно, что вы—иностранецъ», неслись бурныя рѣчи изъ устъ привратницы...

Не совсѣмъ такъ мнѣ представляется иная черта француза, въ которой его и друзья, и враги видятъ дѣйствительно выраженіе національнаго характера: я говорю о той выдающейся роли, какую играетъ въ личной жизни француза «наука страсти нѣжной». Отъ меня, впрочемъ, далека мысль предаваться по этому поводу нравоучительнымъ разсужденіямъ и обличеніямъ «французской невоздержности»: очень ужъ противны тѣ учителя морали, которые пріѣзжаютъ съ разныхъ концовъ свѣта въ Парижъ и, подъ предлогомъ изучить поближе порокъ, окунаются здѣсь въ самую безпутную жизнь, а затѣмъ громятъ «современный Вавилонъ». Мнѣ хотѣлось бы по возможности объективно указать на эту сторону французскаго характера, которую нельзя уже обойти молчаніемъ, говоря о французѣ вообще, а о парижанинѣ въ особенности. Она проходитъ красною нитью черезъ исторію французской культуры, особенно начиная съ эпохи возрожденія, когда плоть, сдавливаемая въ теченіе среднихъ вѣковъ тисками аскетизма, заявила о своихъ неотъемлемыхъ правахъ. Характеръ журнальной статьи позволяетъ мнѣ лишь очень вскользь останавливаться на той или другой сторонѣ французской психологіи. Но достаточно нѣсколькихъ самыхъ бѣглыхъ штриховъ, чтобы указать на то значеніе, какое имѣетъ здѣсь отношеніе между полами.

Конечно, этотъ пунктъ играетъ до сихъ поръ выдающуюся роль у всѣхъ націй. Но ни одна изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, между цивилизованными, не пропагандируетъ его важности такъ ярко и съ такимъ наивнымъ фанфаронствомъ. Нечего особенно углубляться въ исторію, ни выискивать литературные и жизненные факты, подтверждающіе эту мысль. Когда живешь во Франціи и въ самыхъ приблизительныхъ чертахъ знакомишься съ исторіей ея культуры, эти факты просто подавляютъ васъ. Какіе выбрать, на какихъ остановиться для этихъ двухъ-трехъ страницъ,—вотъ лишь въ чемъ трудность. И въ памяти возстаютъ различныя фигуры и разныя явленія. Вотъ Маргарита Наварская, въ жизни очень добродѣтельная дама, а въ то же время сочинительница Гептамерона, въ которомъ она подражала Декамерону Боккачіо. Вотъ великій Корнейль, авторъ «Сида» и «Горацієвъ», которому, наоборотъ, возвышенность его произведеній не мѣшала прибѣгать въ разговорѣ къ очень плоскимъ и скабрезнымъ шуткамъ, въ родѣ его восклицанія на замѣчаніе одного изъ друзей, поздравлявшихъ его съ многочисленной семьей: croyez-vous que je tire jamais à boulet perdu? Вотъ Лафонтенъ, гривуазные разсказы котораго

цѣнятся во Франціи едва ли не больше, чѣмъ «Басни». Вотъ Кребильйонъ-сынъ, сочинившій пресловутую «Софу». А Монтескье, разсудительный, проницательный Монтескье, который въ своихъ «Персидскихъ письмахъ» говоритъ о Богѣ и о вѣчной справедливости и тутъ же рядомъ о разныхъ довольно непристойныхъ инструментахъ, употребляемыхъ въ гаремѣ? А самъ страстный искатель истины, почти геніальный пропагандистъ Дидро, изъ подъ пера котораго вышелъ, къ сожалѣнію, не одинъ «Сонъ д'Аламбера», а и «Нескромные алмазы»? А Парни и его «Война боговъ»? А въ этомъ вѣкѣ Шатобріанъ съ его откровенными и самодовольными признаніями (въ «Загробныхъ мемуарахъ») насчетъ «испепеленныхъ его титанической натурой поклонницъ»! А вся романическая литература, которую Прудонъ, въ порывѣ демократическаго гнѣва, обозвалъ «идеализаціей течки»? А смѣнившее ее натуралистическое направленіе, въ которомъ такую непропорціональную роль играетъ отношеніе между полами? А, наконецъ, современное театральное искусство? Въ тотъ самый моментъ, какъ я пишу эти строки, въ различныхъ театрахъ Парижа играется съ полдюжины пьесъ, гдѣ фигурируетъ такъ или иначе все таже софа Кребильйона, только перекрытая новой матеріей. И говоря такъ, я не думаю выражаться фигурально: нѣтъ, съ перваго акта и до послѣдняго дѣйствіе вертится вокругъ постели, которая и ставится предупредительно на сценѣ; а въ иныхъ пьесахъ актеры тутъ же раздѣваются передъ глазами публики и остаются въ нижнемъ бѣльѣ. Въ одной пьесѣ («Чековая книжка сатаны») соль заключается во временной болѣзни дьявола, отъ которой простые смертные лечатся у спеціалистовъ водой и электричествомъ. Въ другой («Прожигатели жизни») постельный вопросъ напоминаетъ о своемъ существованіи довольно оригинально: публика присутствуетъ не при процессѣ возлаганія на одрѣ героя и героини, а при примѣриваніи платьевъ нѣсколькими красивыми женщинами, ибо дѣйствіе происходитъ у шикарнаго дамскаго портного.

Но всего поразительнѣе это —сама жизнь и разговоры съ французами. Наиболѣе серьезные между ними жалуются сами, что, объ чемъ бы вы ни заговорили съ соотечественникомъ, на десятомъ словѣ онъ переведетъ рѣчь на женщинъ, и на женщинъ со спеціальной точки зрѣнія. Филологъ отъ разговора о реформѣ классическаго образованія перейдетъ къ Марціалу и будетъ съ паѳосомъ читать вамъ скабрезное обращеніе In Gallam. Историкъ и литераторъ примется повѣствовать о знаменитыхъ куртизанкахъ,—напомню недавно умершаго Арсэна Гуссэ, который до самой смерти носился мышинымъ жеребчикомъ за кулисами. Антропологъ прочтетъ вамъ самую подробную лекцію о... пріемахъ любви у различныхъ дикихъ народовъ, и т. д. Я уже не говорю о живописцахъ и скульпторахъ, у которыхъ женское тѣло, въ особенности въ послѣднее время, начинаетъ играть роль центральнаго пункта

искусства. Вѣдь, кажется, что такое рекламная афиша? А, между тѣмъ, французскіе художники даже и въ эту коммерческую сферу перенесли женскій торсъ, повертывая его на разные лады и разными сторонами передъ проходящей публикой, и вы, напримѣръ, увидите объявленіе о газовомъ рожкѣ Ауэра, о какомъ-нибудь новомъ ликерѣ, о передвижной выставкѣ непремѣнно во образѣ невозможно перегнувшейся, невозможно одѣтой, вѣрнѣе раздѣтой— и невозможно соблазнительной феи-парижанки.

Наконецъ, присмотритесь къ личной жизни зауряднаго француза. Послѣ интересовъ накопленія и семейнаго благоустройства, половой вопросъ имѣетъ для него первостепенное значеніе. Замѣтьте, это на мирномъ-то положеніи... Но разъ страсть вышибла эту разсчетливую, уравновѣшенную натуру изъ колеи, трудно сказать, гдѣ она остановится подъ вліяніемъ маніи. Сколько ведеръ сѣрной кислоты выливается другъ на друга пылкими любовниками, сколько людей рѣжутся, стрѣляются, прибѣгаютъ къ самоубійству вдвоемъ! Стоитъ развернуть любой номеръ газеты...

Было бы долго и рискованно отыскивать историческія и культурныя причины этого преобладанія «полового типа» между французами. Но приходится во всякомъ случаѣ констатировать этотъ фактъ, и не столько въ судъ и осужденіе французамъ, сколько съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Ибо сейчасъ же является вопросъ: почему у этой націи, такой трезвой, разсудочной, трудолюбивой, бережливой, выработавшей вообще столь цѣлесообразно устроенные задерживающіе центры въ психическомъ механизмѣ, почему роль этихъ центровъ такъ сравнительно слаба въ сферѣ отношеній между полами? Ссылки на утонченность, комфортъ, техническую высоту французской культуры мало что объясняютъ. Французы во всякомъ случаѣ не римляне временъ Имперіи, какъ злостно аргументируютъ ихъ враги. Лично меня поражаетъ у этой націи ея сравнительное гармоничное развитіе, ровность отправленій ея психическаго аппарата, ея жизнерадостность и общая сумма энергіи, которую она развиваетъ изо дня въ день.

Читатель жестоко ошибется, если подумаетъ, что я отрицательно отношусь къ французамъ. Напротивъ, мнѣ ужасно нравится эта нація, и если почему я указывалъ до сихъ поръ на ея, такъ сказать, тѣневыя стороны, то лишь потому, что говорилъ о французѣ, взятомъ въ отдѣльности. Но когда я перехожу къ французу, какъ члену общества, я не могу достаточно налюбоваться на его блескъ и нравственную красоту. Сами недостатки его въ этой сферѣ являются лишь обратной, вогнутой стороной его выпуклыхъ, рельефныхъ достоинствъ. Я не боялся довольно долго останавливаться на его отрицательныхъ свойствахъ именно потому, что они съ лихвой возмѣщаются его крупными привле-

кательными качествами. Такъ нѣкоторыя неправильныя черты на любимомъ лицѣ придаютъ лишь большій аффективный характеръ той прелести, которая исходитъ отъ него. И мнѣ лишь хотѣлось бы сообщить читателю хоть долю того идейнаго энтузіазма, который охватываетъ меня, когда приходится имѣть дѣло съ французомъ—общественнымъ дѣятелемъ, съ французомъ—живымъ членомъ великаго цѣлаго.

Пропагандистъ, агитаторъ, ораторъ—вотъ основная черта француза, наблюдаемаго въ обществѣ. Служеніе общественной правдѣ, приложеніе идеи и убѣжденія къ жизни—вотъ его настоящая стихія, въ которой онъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ рыба въ водѣ. Всего лучше эта сторона француза выступаетъ на видъ, когда его сравниваешь съ другими націями. Возьмите какой-нибудь вопросъ практической политики и отношеніе къ нему, скажемъ, нѣмца, англичанина и француза. Для нѣмца важно прежде всего отыскать философское основаніе своей дѣятельности. Онъ не прибѣгнетъ къ какому-нибудь пріему, прежде чѣмъ не проанализируетъ его теоретической правомѣрности. Раньше чѣмъ занесть топоръ на это дерево, онъ займется изслѣдованіемъ того, изъ чего топоръ сдѣланъ, и почему такъ сдѣланъ, и кто его такъ сдѣлалъ, и годится-ли онъ для операціи, которая предстоитъ. И случается порою такъ, что весь запасъ своей нервной силы онъ истратитъ на анализъ топора, а вокругъ дерева, которое предполагалось подрубить, поднимется въ это время цѣлая стѣна, и для разрушенія ея придется пускать въ ходъ уже другіе инструменты. Подобно одному изъ своихъ геніевъ, нѣмецъ начинаетъ съ «критики чистаго разума» и затѣмъ уже приступаетъ къ «критикѣ практическаго разума». И бываетъ такъ, что и не дойдетъ до послѣдней.

Поставьте подъ деревомъ англичанина съ топоромъ. Онъ посмотритъ на дерево и задастся прежде всего вопросомъ, какимъ задавался въ свое время Маколей, говоря о «многовѣковомъ, неправильномъ, но мощномъ и тѣнистомъ деревѣ англійской конституціи»: надо-ли рубить его подъ корень? Не ровенъ часъ: упадетъ и раздавитъ самого подрубающаго! Не лучше-ли подчистить вотъ эту сторону, отрубить вотъ этотъ сукъ, пригнуть вонъ ту вѣтвь? И вотъ англичанинъ энергично и настойчиво принимается за эту частную, спеціальную работу и подчищаетъ, отрубаетъ, пригибаетъ, заботясь о своемъ удобствѣ, о временной цѣлесообразности своего дѣйствія, отстаивая право свое на него.

Подошелъ къ дереву и французъ, взглянулъ на него и сейчасъ же рѣшилъ пустить его на срубъ, а на его мѣстѣ построить зданіе, планъ котораго онъ тутъ же придумалъ. Но передъ тѣмъ, какъ взмахнуть топоромъ, онъ созвалъ сосѣдей, постарался воспламенить ихъ негодованіе ко всѣмъ вѣковымъ деревьямъ, кото-

рыя лишаютъ свѣта и отнимаютъ влагу у молодыхъ побѣговъ, изукрасилъ топоръ лентами, надписалъ на немъ «смерть старому лѣсу и прочимъ тиранамъ», и съ пѣснями, полный надеждъ и экстаза, въ веселой компаніи, застучалъ лезвіемъ по стволу, не обращая вниманія на то, куда летятъ щепки, въ какую сторону накренилось вѣтвистое дерево...

Нѣмецъ—философъ и даже ради практической вещи начинаетъ съ пересмотра теоріи. Англичанинъ—практическій дѣлецъ, ходатай, адвокатъ и на частный вопросъ ищетъ частнаго отвѣта, который какъ разъ подходитъ къ его трезвому, «кусочному уму» (fragmentary intellect, какъ признался мнѣ въ разговорѣ одинъ очень умный англичанинъ). Французъ—пропагандистъ и ораторъ и отъ частнаго факта восходитъ къ общему положенію, но не ради критики чистаго разума, а для практическаго же, хотя общаго указанія. Станьте на эту точку зрѣнія, и съ нея различныя свойства француза объясняются очень просто. Ораторъ долженъ быть увѣренъ въ себѣ: французъ догматиченъ; вещь вѣрна для него не только въ данномъ случаѣ, но всегда и вездѣ; мало есть націй, у которыхъ такъ слабо была бы развита историческая точка зрѣнія. Ораторъ долженъ апеллировать къ общимъ, распространеннымъ мыслямъ и чувствамъ толпы: у француза необходимо должна прокинуться нѣкоторая поверхностность мысли, нѣкоторая банальность чувства. Ораторъ долженъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на толпу, бить на нее эффектомъ, гипнотизировать ее образомъ, жестомъ, раскатомъ голоса: французъ нѣсколько театраленъ, ходуленъ, склоненъ къ декламаціи, и какъ опытный актеръ, раздвояющійся во время игры и наблюдающій и за собой и за публикой, до извѣстной степени неискрененъ.

Но отсюда же его чарующія качества. Его догматизмъ, его увѣренность въ истинѣ дѣлаетъ его величайшимъ энтузіастомъ идеи, способнымъ возвышаться до крайнихъ предѣловъ героизма. Враги его идеи — его личные враги; онъ не можетъ объяснить себѣ ихъ противодѣйствія ни чѣмъ инымъ, кромѣ злой воли да прямаго нежеланія понять величіе того идеала, за который онъ готовъ съ восторгомъ сложить голову, бросить весь комфортъ, принесть въ жертву семейное гнѣздо и даже разбить свои планы копленія. Но его догматизмъ, его вѣра въ глубокую истинность того, во что онъ вѣритъ въ данный моментъ, не исключаетъ его удивительной отзывчивости на все происходящее кругомъ его и совершающееся въ человѣчествѣ. Одно божество довольно часто смѣняется другимъ на его алтарѣ, но каждому онъ приноситъ жертву съ искреннимъ энтузіазмомъ. Его сердце учащенно бьется при каждомъ крупномъ историческомъ движеніи, гдѣ бы оно ни проявилось. Изъ каждаго такого движенія онъ беретъ его общечеловѣческую сторону, отбрасывая частности, мѣстный колоритъ, и творчески переработы-

ваетъ его въ популярную формулу жизни, которая пойдетъ гулять по всему свѣту. Много самородковъ драгоцѣнныхъ металловъ вы найдете у другихъ націй; но они становятся всемірной монетой, лишь когда пройдутъ черезъ кипящую энтузіазмомъ душу француза, которая наложитъ на нихъ свой штемпель.

Возьмите Вольтера, можетъ быть самаго типичнаго представителя французской мысли. Философы и критики произвели самый тщательный химическій анализъ его міровоззрѣнія: между первоначальными элементами тутъ были найдены и Локкъ, и Шэфтсбери, и Ньютонъ. Но Вольтеръ творчески переработалъ, сплавилъ въ огнѣ своего энтузіазма эти различные матеріалы и далъ міру то колоссальное созданіе ума, чувства и вмѣстѣ практической философіи, которое произвело одно изъ самыхъ сильныхъ броженій въ человѣчествѣ. Вотъ ужъ, можно сказать, кто отозвался на все въ мірѣ, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ Гете, который былъ и глубже и всестороннѣе его въ сферѣ идейной и эстетической, но для котораго чувства и общественная страсть были положительно книгой съ семью печатями. «Всѣ вкусы сразу вошли въ мою душу», вылилось въ одномъ пламенномъ стихѣ у Вольтера. И въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ настаиваетъ на этой высокой отзывчивости, этомъ пониманіи всего, что происходитъ въ человѣчествѣ: «Да, надо придавать своей душѣ всевозможныя формы. Это огонь, который Божество вручило намъ; мы должны питать его всѣмъ, что только найдемъ драгоцѣннаго въ мірѣ. Надо внести въ душу всѣ способы сознанія, какіе только мы можемъ вообразить, надо открыть всѣ двери души всѣмъ наукамъ и всѣмъ чувствамъ: лишь бы это не входило какъ попало и безъ порядка, а то найдется мѣсто для всего міра». Но всего типичнѣе для Вольтера и для француза вообще заключительныя строки этого письма: «Я хочу учиться и хочу любить васъ (письмо было адресовано къ одному изъ друзей Вольтера); я хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ, чтобы вы такъ же понимали эту философію, какъ вы умѣете любить людей».

Вотъ это «я хочу учиться, хочу любить васъ и хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ» можетъ быть лучше характеризуетъ француза, чѣмъ цѣлые томы разсужденій. Эта жажда знанія, но съ цѣлью пропаганды, эта страсть пропаганды, но въ виду улучшенія живыхъ людей, которые насъ окружаютъ, является могущественнымъ двигателемъ французской націи. Поневолѣ отступаютъ на задній планъ ея недостатки. Вольтеръ порою очень неглубокъ, французъ зачастую хватаетъ верхи. Но какъ вы хотите, чтобы самая лучшая энциклопедія была одинакова хороша во всѣхъ частяхъ? Какъ вы хотите, чтобы, отдавая весь свой умъ на усвоеніе всевозможныхъ знаній, и все свое сердце на пропаганду воспринятаго, я не былъ мѣстами и поверхностенъ, даже баналенъ, и не сводилъ сложный вопросъ къ черезчуръ простой

и потому невѣрной формѣ. За то, грѣша этими частностями, французъ незамѣнимъ въ роли общаго пропагандиста. Обрѣзая у идеи ея сложныя особенности, какъ онѣ выросли въ извѣстной странѣ, породившей эту идею, французъ, очевидно, съуживаетъ и до нѣкоторой степени искажатъ послѣднюю. Но въ то же время, онъ увеличиваетъ дальность полета этой упрощенной, облегченной отъ подробностей общей идеи.

Мнѣ здѣсь непремѣнно надо остановиться на французскомъ языкѣ, этомъ орудіи бросанія въ мірѣ идей, потому что въ немъ какъ нельзя лучше отразилась нація. Французскій языкъ не годится для очень точной передачи сложныхъ, смутныхъ, неопредѣленныхъ оттѣнковъ аффективной жизни, для тѣхъ неуловимыхъ переливовъ сознанія, которые укладываются удобно въ формы германскихъ и отчасти русскаго языковъ. Микрологическія тонкости психическаго анализа, а особенно ихъ художественное воспроизведеніе, не въ духѣ французскаго языка. Здѣсь все ясно, ярко, опредѣленно: тѣнь такъ тѣнь, свѣтъ такъ свѣтъ, сама полутѣнь имѣетъ опредѣленный характеръ. Гибкость языка достигаетъ удивительнаго совершенства въ передачѣ обыкновенныхъ переходовъ отъ свѣта къ тѣни. Но за этой гаммой видимыхъ цвѣтовъ, тамъ въ области психическихъ, такъ сказать, лучей Рентгена, французскій языкъ рѣшительно пассуетъ. И это не прямая бѣдность въ словахъ, это рѣшительный отказъ языка отъ неподходящей ему сферы: «все что не ясно, не по французски», говаривалъ еще Ривароль. Оттого, можетъ быть, французская поэзія кажется черезчуръ разсудочной, слишкомъ мало таинственной нѣмцу, англичанину и русскому, привыкшимъ къ своеобразной прелести неопредѣленныхъ, но могущественныхъ въ самой неопредѣленности своей сложныхъ движеній души. Съ этой послѣдней точки зрѣнія и знаменитый дневникъ Аміо (впрочемъ, не француза, а швейцарца) въ общемъ имѣлъ очень мало успѣха во Франціи, но въ Англіи, Германіи и Россіи объ немъ писалось много. Гамлетъ-созерцатель не по душѣ пропагандисту.

Возьмите съ другой стороны французскій языкъ, какъ орудіе пониманія и орудіе распространенія идеи, возьмите въ особенности научную и политическую французскую прозу. Насколько недостатки французской поэзіи чувствуются вами немедленно же при сравненіи съ поэзіей нѣмецкой, англійской и русской, настолько же французская проза представляетъ идеалъ человѣческой прозы вообще. И въ ней какъ нельзя лучше сказывается характеръ француза, — пропагандиста, желающаго дѣйствовать на отдѣльныхъ личностей, и оратора, зажигающаго толпу. Научный языкъ—верхъ совершенства: всякій научный трактатъ, хорошо переведенный на французскій, несомнѣнно выигрываетъ; написанный же на французскомъ, онъ кладетъ на мысль отпечатокъ ясности и точности, которая не утрачивается совсѣмъ даже и въ

плохомъ переводѣ на другіе языки. А ораторскій языкъ? Я думаю, здѣсь французъ открылъ настоящую тайну вліянія на толпу. Мысль ясна, нѣсколько абстрактна, но исходитъ изъ общаго положенія, которое раздѣляется или отрицается, но во всякомъ случаѣ понятна слушателямъ. Она развивается не слишкомъ быстро, что могло бы вызвать въ толпѣ взрывъ сильныхъ, но хаотическихъ чувствъ, и стало быть не произвести опредѣленнаго практическаго результата. Она не развивается и слишкомъ медленно, что могло бы ослабить впечатлѣніе толпы и заставить ее истратить запасъ нервной энергіи по частямъ. Отъ времени до времени теченіе короткихъ, но изящныхъ фразъ прерывается, и эффектный, декоративный образъ ярко выдвигается на фонѣ нарочно удлиненнаго періода передъ толпой, возбуждая ея аффектъ. Заключительное слово почти всегда резюмируетъ основную идею оратора и разсчитано на то, чтобы разрядить разомъ политическую страсть слушателей и бросить ихъ въ дѣйствіе подъ горячимъ впечатлѣніемъ именно этой идеи...

Всего лучше свойства французской прозы, и въ частности ораторской, выступаютъ по сравненію съ нѣмецкой или англійской. Нѣмецкая проза, съ ея длинными вставными періодами, съ второстепенными грамматическими частями предложенія, отдѣляющими подлежащее отъ сказуемаго, съ ея конечными частицами, измѣняющими смыслъ глагола, и съ отрицаніемъ, которое зачастую приготовляетъ цѣлый сюрпризъ слушателю въ самомъ заключеніи фразы, несомнѣнно мало беретъ въ разсчетъ психическій аппаратъ толпы. Развѣ можетъ безнаказанно эта толпа бросаться за ораторомъ на окольныя дорожки вставныхъ предложеній, запоминать ограниченія мысли, которыя ораторъ тутъ же мимоходомъ предлагаетъ слушателямъ, и, наконецъ, терпѣливо ждать конца, чтобы знать, съ плюсомъ ли или съ минусомъ взять возбуждаемыя рѣчью чувства? Книжникъ и философъ, культурный нѣмецъ, создававшій свою прозу, гнался за глубиной, сложностью и анализомъ мысли, полагая, что все прочее приложится. Оттого еще недавно ораторскія рѣчи нѣмцевъ напоминали знаменитую фразу, брошенную въ похвалу великому герцогу баденскому въ началѣ 1849 г.: o du, der du die das badische Volk beglückende Constitution gegeben hast! Оттого, въ послѣднее время, когда массы все болѣе и болѣе втягиваются въ политическую жизнь, рѣчи народныхъ ораторовъ и популярная брошюра въ Германіи все больше и больше отклоняются отъ классической конструкціи фразы.

Англичанинъ грѣшитъ другой крайностью: практическій человѣкъ, адвокатъ, или даже вѣрнѣе ходатай по дѣламъ своей партіи, онъ на первомъ планѣ ставитъ краткость, фактическій аргументъ, практическое указаніе, какъ надо дѣйствовать въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ, не заботясь объ общихъ горизонтахъ, которые могутъ раскрываться съ высоты общей идеи

и ораторскаго энтузіазма. Нѣкоторыя его выраженія поражаютъ замѣчательною силою и лаконизмомъ. To dog означаетъ у него «слѣдить за кѣмъ-нибудь, какъ *собака бѣжитъ* по слѣдамъ за дичью»; to cut равносильно выраженію: «сдѣлать видъ, что не узнаешь кого-нибудь, чтобы *отрѣзать* дальнѣйшее непріятное знакомство». У американцевъ, въ особенности, этотъ лаконизмъ доходитъ до поразительныхъ предѣловъ: you get,—говоритъ фермеръ Западныхъ Штатовъ, цѣлясь ружьемъ въ забравшагося къ нему вора; you bet, отвѣчаетъ тотъ, убѣгая. Діалогъ этотъ въ переводѣ на обыкновенный языкъ гласитъ: «убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, а иначе»...—«можете биться объ закладъ, что вторично вамъ не зачѣмъ меня просить объ этомъ». Но рядомъ съ этой экономіей словъ, даже у лучшихъ англійскихъ ораторовъ преобладаетъ сухой и дѣловой пріемъ доказательствъ, который обращается къ пониманію слушателей, даже къ ихъ спеціальнымъ знаніямъ. И стремленіе сказать только дѣло, оставляя по возможности въ сторонѣ красоту и яркость формы, приводитъ порою къ чудовищной небрежности, какъ доказываетъ знаменитая фраза, въ которой длинная цѣпь «что» не имѣетъ, кажется, себѣ подобной ни на какомъ другомъ языкѣ. My lords, with humble submission *that that* I say is this, *that that that that* gentleman has advanced is not *that that* he should have proved to your lordships...

Французъ инстинктивно проходитъ между этими подводными камнями. Его фраза ясна, энергична и достаточна сжата; и въ то же время она прекрасно построена и заключаетъ массу тѣхъ яркихъ выраженій, которыя дѣлаются «историческими словами»,—вѣрный признакъ того, что мысль тронула толпу и пошла гулять по свѣту, разнося извѣстную идею. Разверните любую исторію какого-нибудь движенія во Франціи, начиная отъ Фронды и вплоть до послѣднихъ лѣтъ: васъ поразитъ неимовѣрное обиліе этихъ словъ, которыя усиливаютъ драматизмъ событій. Пройдитесь по улицѣ: порою вы невольно встрепенетесь отъ живописнаго и мѣткаго выраженія, брошеннаго какимъ-нибудь ламповщикомъ или подросткомъ-рабочимъ. И не забудьте, что для француза, съ его легко воспламенимымъ въ толпѣ воображеніемъ, слово зачастую является лозунгомъ дѣйствія, какъ дѣйствіе почти никогда не совершается безъ словъ...

Я, такимъ образомъ, перехожу къ послѣдней сторонѣ француза, какъ общественнаго дѣятеля, сторонѣ, въ которой его часто упрекаютъ: это—его театральности. Но это опять таки лишь обратная сторона его достоинствъ. Французъ въ обществѣ, въ толпѣ находится въ приподнятомъ состояніи: наэлектризованный присутствіемъ другихъ, электризуя ихъ, онъ несомнѣнно чувствуетъ въ этотъ моментъ, что онъ не совсѣмъ тотъ будничный Пьеръ или Поль, который любитъ хорошую обстановку, семейный уголъ и деньги. И онъ чувствуетъ, что его измѣнившемуся существу

должно соотвѣтствовать измѣненіе и въ его словахъ, и въ жестахъ, и въ пріемахъ. Онъ чувствуетъ себя въ эту пору однимъ изъ актеровъ въ обширной драмѣ, и чѣмъ могущественнѣе захватываетъ его эта драма, тѣмъ большую потребность онъ ощущаетъ взять и на себя роль, и играть вполнѣ добросовѣстно, не жалѣя уже самыхъ насущныхъ интересовъ. «Французъ театраленъ», продолжаютъ настаивать холодные наблюдатели. Можетъ быть, но вѣдь эта театральность не мѣшаетъ ему заходить въ игрѣ вплоть до принесенія ей въ жертву такой реальной вещи, какъ жизнь. «Можно умирать, и не рисуясь». Конечно, можно, но все-таки лучше умѣть умирать съ рисовкой, чѣмъ оставаться вѣчно въ роли холоднаго наблюдателя. Не забывайте же, что театральность француза сама собою подразумѣваетъ толпу, въ которой онъ и актеръ, и зритель, и что въ этой толпѣ взаимная рисовка актеровъ создаетъ изъ обыкновенныхъ будничныхъ людей настоящихъ героевъ. Такъ ужъ позвольте французу, падающему въ борьбѣ за свой идеалъ, выбрать въ утѣшеніе картинную позу и умереть на какомъ-нибудь «историческомъ словѣ», ибо это слово превращается уже тогда въ дѣло, въ орудіе человѣческаго прогресса.

Пора кончать. Новыя и новыя черты французской психологіи просятся подъ перо, и я жалѣю, что не могъ упомянуть о томъ и о другомъ. Но для этого понадобился бы цѣлый томъ. Пусть же проститъ читатель эту крайне неполную попытку обрисовать типъ француза, который можно, конечно, критиковать, но у котораго, право же, не мѣшаетъ кой-что и позаимствовать.

Н. К.

Хроника внутренней жизни.

I.

Государственная роспись на 1896 годъ и ея комментаріи.

Народно хозяйственная жизнь всегда представляетъ собою очень сложный процессъ; но въ особенности эта сложность возростаетъ въ эпохи переходныя, когда рядомъ съ развитіемъ и усиленіемъ однихъ элементовъ хозяйственной организаціи идетъ разрушеніе и упадокъ другихъ. Всѣ основныя стороны экономической жизни, конечно, находятся между собою въ тѣсной и неразрывной связи, но это не значитъ еще, чтобы движеніе ихъ всегда шло параллельно. Всего менѣе такой параллельности можно ожидать въ такіе критическіе періоды, когда на смѣну одному типу, одному порядку хо-

зяйственныхъ отношенiй складывается другой, основанный на рѣзко отличныхъ отъ прежняго началахъ. Подобный переходный перiодъ переживаетъ наше отечество въ настоящее время. Наша народно-хозяйственная жизнь полна глубокихъ и рѣзкихъ внутреннихъ противорѣчiй. Эти противорѣчiя въ *фактахъ* неизбѣжно вызываютъ и противорѣчiя въ распространенныхъ *мнѣнiяхъ* объ этихъ фактахъ.

Всякаго, кто слѣдилъ за теченiями нашей общественной мысли послѣдняго времени, не могла не поражать быстрая смѣна или даже и одновременное существованiе совершенно противоположныхъ взглядовъ на характеръ и значенiе явленiй, происходящихъ въ области нашего народнаго и государственнаго хозяйствъ. И при этомъ каждое изъ этихъ противоположныхъ воззрѣнiй имѣетъ подъ собою извѣстную фактическую подкладку, опирается на извѣстныхъ данныхъ непререкаемыхъ и не подлежащихъ сомнѣнiю. Но только очень часто выводы изъ правильно установленныхъ фактовъ строятся въ формѣ слишкомъ абсолютной и распространяются гораздо далѣе тѣхъ предѣловъ, которые намѣчаются ихъ фактическою основою. Между тѣмъ большая сложность хозяйственныхъ отношенiй и хозяйственныхъ процессовъ, характеризующихъ настоящiй моментъ экономической жизни нашей страны, обязываетъ къ особой осторожности въ заключенiяхъ объ общемъ ходѣ этой жизни и дѣлаетъ особенно рискованнымъ перенесенiе выводовъ, составленныхъ по наблюденiямъ надъ одною категорiею фактовъ, и на другiя. При такомъ перенесенiи необходимо предполагается извѣстный параллелизмъ между развитiемъ всѣхъ главныхъ сторонъ хозяйственнаго организма, а именно этотъ-то параллелизмъ и представляется всего болѣе спорнымъ и всего болѣе нуждающимся каждый разъ въ особомъ доказательствѣ.

Яркою иллюстрацiею къ приведеннымъ общимъ соображенiямъ могутъ служить недавнiе толки, вызванные опубликованiемъ государственнаго бюджета на текущiй годъ.

Еще очень недалеко отъ насъ то время, когда государственное хозяйство переживало тяжелыя испытанiя. Равновѣсiе расходовъ съ приходами въ государственномъ бюджетѣ поддерживалось только экстренными поступленiями; платежные источники представлялись напряженными и истощенными до послѣдней степени; а между тѣмъ непрерывный ростъ государственныхъ расходовъ требовалъ отъ страны все новыхъ жертвъ и затруднялъ осуществленiе тѣхъ преобразованiй въ устарѣлой налоговой системѣ, которыя настоятельно вызывались не только потребностями плательщиковъ, но и интересами самаго фиска. За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ мы наблюдаемъ совершенно иную картину. Несмотря на продолжающееся возрастанiе расходнаго бюджета, поступленiе государственныхъ доходовъ идетъ настолько успѣшно, что далеко обгоняетъ ростъ расходовъ. Мѣсто хроническихъ дефицитовъ заступаютъ крупные из-

лишки доходовъ, дозволяющіе покрывать громадныя экстренныя затраты на счетъ обыкновеннаго бюджета, не прибѣгая къ процентнымъ займамъ или спеціальнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Наступаетъ эпоха финансоваго благополучія. А вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются впередъ и различныя истолкованія причинъ этого благополучія и его значенія. И, какъ это часто бываетъ, эти толкованія идутъ много далѣе предѣловъ, которые указываются собственно бюджетными фактами. Выводы переносятся на сферу отношеній гораздо болѣе широкихъ. Благополучіе фиска начинаетъ отожествляться съ общимъ экономическимъ благополучіемъ страны, или, по крайней мѣрѣ, разсматривается какъ наиболѣе вѣрный и твердый признакъ и показатель этого общаго благополучія.

Всего опредѣленнѣе и категоричнѣе эта точка зрѣнія проводится въ комментаріяхъ къ росписи за текущій годъ.

Одновременно съ этимъ мы встрѣчаемся и съ другимъ, совершенно противоположнымъ теченіемъ общественной мысли,—точно также имѣющимъ подъ собою подкладку извѣстныхъ фактическихъ наблюденій. Если на данныхъ о благопріятныхъ итогахъ государственной росписи послѣднихъ лѣтъ строится общее заключеніе о благопріятномъ ходѣ и всей экономической жизни страны, то наблюденія надъ явленіями, происходящими въ сельской жизни и въ области сельскаго хозяйства являются основою для выводовъ совершенно другого характера. Упадокъ сельскаго хозяйства, прогрессирующее обѣдненіе крестьянскихъ массъ и хроническія затрудненія помѣстнаго землевладѣнія—все это выставляется какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію и характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ критическое состояніе всего народнаго и государственнаго хозяйства, главною опорою котораго до сихъ поръ является земледѣльческая промышленность. И здѣсь опять таки также какъ въ изображеніи общаго и народно-хозяйственнаго благополучія, отражающагося на бюджетныхъ итогахъ, въ подкрѣпленіе высказываемыхъ заявленій, выдвигается рядъ цифръ и фактовъ, которые сами по себѣ по большей части не могутъ возбуждать сомнѣній въ своей правильности.

Этою послѣднею группою мнѣній мы займемся въ другой разъ; теперь же намъ хотѣлось бы разобраться нѣсколько въ бюджетныхъ цифрахъ и въ коментаріяхъ, ими вызываемыхъ. Мы начнемъ съ изложенія главнѣйшихъ результатовъ росписи 1896 г. (которые и сами по себѣ представляютъ не малый интересъ), а затѣмъ постараемся выяснить, какіе выводы относительно общаго состоянія народнаго хозяйства могутъ быть сдѣланы на основаніи бюджетныхъ данныхъ — при соблюденіи того (къ сожалѣнію часто нарушаемаго) правила, чтобы въ заключеніи не было больше того, что есть въ посылкахъ.

Въ 1896 году на надобности, покрываемыя на счетъ государственнаго бюджета, предполагается истратить всего 1.361,6 милл. рублей.

По принятой у насъ системѣ государственные расходы раздѣляются на *обыкновенные*, предназначенные на удовлетвореніе текущихъ государственныхъ потребностей каждаго года, и *чрезвычайные*, которые вызываются какими нибудь экстренными, необычными обстоятельствами (войною, крупнымъ неурожаемъ, эпидеміею и т. п.) или же крупными затратами на капитальныя предпріятія, разсчитанныя на много лѣтъ (сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, заготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ крупныхъ размѣрахъ и т. п.). Соотвѣтственно съ этимъ и въ доходной смѣтѣ существуетъ дѣленіе поступленій на *обыкновенные доходы* и *чрезвычайные рессурсы*,—выходящіе изъ рубрикъ текущихъ ежегодныхъ бюджетныхъ поступленій.

На 1896 г. *обыкновенные* расходы исчислены въ 1.231,1 мил. р. По чрезвычайному бюджету предположено израсходовать 130,5 мил. р.

Для того, чтобы можно было составить себѣ болѣе конкретное представленіе о томъ, что значатъ эти общія цифры, нужно сопоставить обороты государственнаго хозяйства съ данными о другихъ сторонахъ нашей хозяйственной жизни, поддающихся числовому выраженію. Всего правильнѣе и всего нагляднѣе было бы, конечно, сличить бюджетные итоги съ общими итогами годового дохода страны. Тогда можно бы видѣть, какая часть всего того, что выработано за годъ трудомъ всего населенія, должна идти на удовлетвореніе потребностей фиска. Но при наличныхъ матеріалахъ нашей экономической статистики, вычисленіе общаго годового дохода народнаго хозяйства было бы и затруднительно, и рискованно. Поэтому приходится удовлетвориться болѣе грубыми сравненіями.

До сихъ поръ еще главное наше богатство составляетъ хлѣбъ. Если мы возьмемъ общую сумму валового сбора четырехъ наиболѣе распространенныхъ въ Россіи хлѣбовъ (ржи, пшеницы, овса и ячменя), въ среднемъ за 10-лѣтній періодъ 1881—1890 г., и оцѣнимъ ее по среднимъ цѣнамъ 1 четверти каждаго хлѣба, тоже за десятилѣтній періодъ, то общая стоимость всего количества составитъ 1.265,8 мил. рублей. Это почти столько же, сколько составитъ бюджетъ *обыкновенныхъ* расходовъ (1.231,1 мил.) Иными словами, изъ общаго годового дохода страны, государство поглощаетъ такую же долю, которую составляетъ въ этомъ доходѣ стоимость четырехъ главнѣйшихъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства. Приведемъ еще двѣ параллели, изъ другихъ областей хозяйственной жизни. Общая стоимость производства всѣхъ фабрикъ и заводовъ (кромѣ обложенныхъ акцизомъ) измѣрялась въ 1890 г. 1090 м. р. Обороты внѣшней торговли, по ввозу и по вывозу въ среднемъ за

10 лѣтъ 1885—94 г. опредѣлялась 1.071,7 м. р. Оба приведенныхъ итога *ниже* суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Мы отнюдь не думаемъ настаивать на абсолютной точности взятыхъ нами для сравненія съ бюджетными итогами цифръ. Не только по всей вѣроятности, но и навѣрное и въ исчисленіяхъ общей стоимости сбора главнѣйшихъ хлѣбовъ, и въ опредѣленіи размѣровъ фабричнаго производства, и въ оцѣнкѣ ввоза и вывоза предметовъ внѣшней торговли есть извѣстныя ошибки и допущенія, не вполнѣ отвѣчающія дѣйствительности. Вѣроятно, во всѣхъ трехъ случаяхъ поправки слѣдуетъ сдѣлать въ сторону нѣкотораго увеличенія итоговъ. Но какой бы приблизительный характеръ ни носили на себѣ всѣ эти параллели, онѣ во всякомъ случаѣ съ достаточною ясностью подчеркиваютъ ту крупную роль, которую играютъ обороты государственнаго хозяйства въ хозяйственной жизни страны. При тѣхъ относительныхъ размѣрахъ, какіе имѣетъ нашъ государственный бюджетъ, вліяніе его, и прямое, и косвенное, на народное хозяйство не можетъ не быть велико. Чрезъ посредство своего расходнаго бюджета государство даетъ извѣстное, опредѣленное назначеніе весьма крупной долѣ всѣхъ добываемыхъ національнымъ трудомъ цѣнностей. Съ другой стороны, система государственныхъ налоговъ, затрогивая тѣ или иные элементы національнаго дохода, можетъ являться очень существеннымъ факторомъ въ общемъ его распредѣленіи между различными классами населенія. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что взятыя съ плательщиковъ въ видѣ налоговъ деньги опять возвращаются въ населеніе въ формѣ разнообразныхъ государственныхъ платежей и выдачъ. Деньги только проходятъ чрезъ государственную кассу. Но возвращаются онѣ уже не въ тѣ руки, изъ которыхъ были взяты. Такимъ образомъ, государственный бюджетъ играетъ роль очень большого механизма, при посредствѣ котораго происходитъ перераспредѣленіе денежныхъ средствъ между различными группами населенія. Они убываютъ у плательщиковъ и наростаютъ у кредиторовъ казны. Если въ общемъ правилѣ тѣ и другіе принадлежатъ къ разнымъ классамъ населенія, то государственный механизмъ съ неуклонною правильностью будетъ работать для увеличенія различій въ имущественномъ положеніи этихъ классовъ. Такой результатъ можетъ, конечно, смягчаться или сглаживаться, если государственныя затраты идутъ на производительныя надобности, поднимающія платежныя силы тѣхъ классовъ населенія, которыя выдерживаютъ на себѣ главную тяжесть обложенія. Но мыслимъ также и обратный случай. Чѣмъ большую относительную долю всѣхъ доходовъ страны поглощаетъ государственный бюджетъ, тѣмъ сильнѣе и чувствительнѣе должны сказываться разнообразныя вліянія его на всѣхъ сторонахъ народно-хозяйственной жизни.

Обратимся къ росписи 1896 г. и посмотримъ ближе, на какія

потребности и въ какихъ доляхъ идутъ государственныя средства и изъ какихъ источниковъ они получаются.

Въ опубликованной государственной росписи всѣ обыкновенные государственные расходы распредѣлены на 168 статей; всѣ эти статьи сгруппированы и сведены въ общіе итоги по министерствамъ и главнымъ управленіямъ, въ завѣдываніи которыхъ состоятъ покрываемыя на счетъ означенныхъ статей государственныя потребности, но классификація расходовъ по министерствамъ не совпадаетъ съ классификаціею ихъ по *предметамъ назначенія*, такъ какъ нерѣдко однородныя потребности (напр. школьное дѣло) вѣдаются нѣсколькими министерствами. Къ сожалѣнію, бюджетная классификація расходовъ страдаетъ и другимъ недостаткомъ, гораздо болѣе затрудняющимъ правильную группировку занесенныхъ въ роспись цифръ. Если однородныя статьи разбиты нерѣдко по разнымъ отдѣламъ росписи, въ зависимости отъ распредѣленія дѣлъ между министерствами, то съ другой стороны иногда въ одной и той же статьѣ соединены въ общемъ итогѣ расходы, имѣющіе разное назначеніе и различный характеръ. Поэтому распредѣлить всѣ государственные расходы по ихъ назначенію (на основаніи указанной общей государственной росписи) можно только съ приблизительною точностью и въ крупныхъ итогахъ.

Съ этою оговоркою мы можемъ свести всѣ статьи расходной росписи 1896 г. въ такія общія рубрики.

	милл. р.
1. Платежи по государственнымъ займамъ	269,2
2. Императорскій дворъ, высшія государственныя установленія, внѣшнія сношенія	16,8
3. Войско и флотъ (внѣшняя безопасность)	331,4
4. Внутренняя безопасность:	
а) Общее управленіе и полиція	50,7
б) Юстиція; тюремная часть	41,9
5. Финансовое управленіе	120,3
6. Потребности матеріальной культуры:	
а) Сельское хозяйство и лѣсоводство; горное дѣло; управленіе госуд. имуществами; государственное коннозаводство	30,2
б) Почта и телеграфъ	23,5
в) Пути сообщенія	203,8
7. Духовныя потребности:	
а) Народное просвѣщеніе	44,9
б) Церковь	13,6
8. Пенсіи и пособія разнаго рода; расходы на счетъ возврата	72,7
9. Запасный кредитъ на не предвидимыя надобности	12,0
	1231,1

Самою крупною категоріею расходовъ являются издержки на содержаніе *военной силы*, онѣ поглощаютъ собою болѣе 1/4 части всего бюджета обыкновенныхъ расходовъ (26,9%). На второмъ мѣстѣ стоятъ расходы по *государственному долгу* (21,9%). На оба эти подраздѣленія бюджета вмѣстѣ идетъ, такимъ образомъ, почти половина (48,8%) всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. Платежи по государственнымъ займамъ разбиваются на двѣ категоріи; часть ихъ относится къ общегосударственнымъ потребностямъ, часть же выплачивается по долгамъ, сдѣланнымъ за счетъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Государство является въ данномъ случаѣ только посредникомъ, но посредникомъ отвѣтственнымъ: выполненіе тѣхъ обязательствъ, которыя оно приняло на себя предъ кредиторами по займамъ, выпущеннымъ на потребности желѣзнодорожныхъ обществъ, лежитъ на немъ безусловно, все равно окажутся или не окажутся съ своей стороны исправными предъ казною желѣзнодорожныя общества. На 1896 г. платежей по долгамъ, подлежащимъ возмѣщенію съ желѣзныхъ дорогъ, назначено 51,7 м. р.; остальные 217,6 м. представляютъ безвозвратный расходъ казны.

Третью крупную группу бюджетныхъ расходовъ составляютъ всѣ вообще издержки на *матеріальныя культурныя потребности*. Относя сюда пути сообщенія, почты и телеграфъ, государственныя имущества, земледѣліе и коннозаводство,—получимъ въ общей суммѣ 257,5 мил. руб. или 20,9%, т. е. почти столько же, сколько идетъ на платежи по государственному долгу. Главная часть показанной общей суммы идетъ на желѣзныя дороги (172,1 м. р.).

Расходы, сгруппированные нами въ общемъ итогѣ матеріальныхъ культурныхъ издержекъ, носятъ на себѣ двойственный характеръ: значительная ихъ часть представляетъ собою не затраты государства на мѣропріятія, направленныя на поддержаніе или развитіе матеріальной культуры страны, а издержки взиманія государственныхъ доходовъ или расходные обороты по веденію хозяйственныхъ операцій казны. Сюда относятся расходы по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, почтовыя и телеграфныя издержки, значительная часть расходовъ по управленію государственными имуществами и т. д. Для правильнаго и раздѣльнаго представленія о характерѣ государственнаго бюджета было бы необходимо точно разграничить расходы на удовлетвореніе прямыхъ потребностей государственнаго управленія, расходы взиманія государственныхъ доходовъ и, наконецъ, расходы по операціямъ казны, какъ собственника и предпринимателя. Къ сожалѣнію, существующая классификація бюджетныхъ статей не даетъ матеріаловъ для такой группировки. Мы должны поэтому ограничиться только замѣчаніемъ, что изъ общаго итога расходовъ, отнесенныхъ нами къ числу матеріальныхъ культурныхъ издержекъ, во всякомъ случаѣ *наибольшая* доля принадлежитъ къ двумъ послѣднимъ категоріямъ государственныхъ расходовъ, т. е.

имѣетъ своею прямою цѣлію полученіе извѣстнаго дохода для фиска, а не поднятіе матеріальной культуры страны.

На седьмомъ мѣстѣ стоятъ расходы на *потребности духовной культуры*—народное просвѣщеніе и церковь.

Въ группу расходовъ на *народное просвѣщеніе* въ широкомъ смыслѣ слова мы отнесли, кромѣ расходовъ, исчисленныхъ въ росписи по смѣтѣ собственно министерства народнаго просвѣщенія, также и всѣ тѣ назначенія на учебныя, научныя или художественныя цѣли, которыя имѣются въ смѣтахъ остальныхъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ составилась общая сумма 44,9 мил. р. слагающаяся изъ слѣдующихъ частей: а) расходы общей администраціи—3,4 м. р., б) расходы на ученыя и учебныя заведенія вѣдомства м. н. пр.—21,5 мил. руб.; в) школы духовнаго вѣдомства—5,6 м. р., г) военныя и морскія учебныя заведенія—8,7 м. р , д) спеціальныя учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства—2,4 м. р. и е) учрежденія, содержимыя на счетъ смѣты императорскаго двора (императорскіе театры, академія художествъ, археологическая коммиссія)—3,3 м. р. *). Всѣ эти расходы на общую и спеціальную школу, научныя и художественныя учрежденія и администрацію народнаго просвѣщенія составляютъ 3,6% общей суммы государственныхъ расходовъ—почти столько же, сколько причитается на суды и тюрьмы (3,4%) и нѣсколько менѣе расходовъ, падающихъ на общее управленіе (вѣдомства м. вн. дѣлъ) и полицію. Если къ школьнымъ расходамъ присоединить и церковные, то общій итогъ затратъ на *духовныя потребности* опредѣлится въ 58,5 м. р., что составитъ 4,7% всего расходнаго бюджета.

Откуда же берется тотъ милліардъ съ четвертью рублей, который долженъ покрыть всѣ перечисленныя выше категоріи государственныхъ расходовъ?

Всѣхъ государственныхъ доходовъ по росписи на 1896 г. предположено 1241,7 милл. руб. Изъ нихъ 2,2 м. р. (вклады въ государственный банкъ на вѣчное время) причислены къ «рессурсамъ чрезвычайнымъ», остальные 1.239,5 м. р. составляютъ «обыкновенный» доходный бюджетъ.

Въ общей суммѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ можно различить три главныхъ составныхъ части: 1) налоги, 2) доходы отъ собственнаго хозяйства казны и отъ казенныхъ имуществъ, 3) платежи, поступающіе въ возмѣщеніе сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ расходовъ, и разные мелочные доходы. Самую крупную часть бюджета составляютъ налоги. По росписи 1896 г. общій ихъ итогъ (относя къ налогамъ также пошлины и

*) Въ этомъ числѣ заключается 1 м. р., назначенный на единовременные расходы названныхъ учрежденій собственно въ текущемъ году.

выкупные платежи) исчисленъ въ 798,3 милл. руб. Это равняется 64,4% всей суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Доходы отъ частнаго хозяйства казны простираются до 371 м. р. (29,9% всего доходнаго бюджета). На остальную третью категорію государственныхъ доходовъ приходится 70,2 милл. руб. или 5,7% общаго итога обыкновеннаго бюджета.

Главную долю налоговъ въ нашемъ бюджетѣ составляютъ налоги *косвенные*. На 1896 г. ихъ насчитано 539,5 м. р. (43,6% всего обыкновеннаго бюджета). На первомъ планѣ между косвенными налогами стоитъ налогъ *питейный*, который долженъ дать 284,3 м. р., затѣмъ идутъ *таможенные* сборы—153,9 м. р., акцизъ *сахарный*—42,3 м. р., *табачный*—32,5 м., *нефтяной*—19 м. и *спичечный*—7,5 м. р. Иными словами *налоги на потребленіе* продуктовъ внутренняго производства покрываютъ собою 31% всѣхъ государственныхъ доходовъ *) и *таможенныя* пошлины на *ввозные товары*—12,6%. Обложенные предметы потребленія въ наибольшей своей части составляютъ или предметы первой необходимости или во всякомъ случаѣ предметы массового потребленія,—развѣ одинъ сахаръ, благодаря существующей на этотъ продуктъ искусственной дороговизнѣ, не подходитъ къ этой категоріи. Такимъ образомъ, главнѣйшая доля налоговъ на потребленіе въ нашемъ бюджетѣ падаетъ на массы населенія. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно налога таможеннаго. Самая значительная его часть падаетъ на ввозъ сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ, которые перерабатываются затѣмъ въ издѣлія, расчитанныя на массовой сбытъ (на первомъ мѣстѣ между предметами ввоза этой категоріи стоитъ *хлопокъ*). За сырьемъ и полуфабрикатами идутъ «жизненные припасы». Здѣсь главное мѣсто занимаетъ *чай* и притомъ преимущественно дешевые его сорта, вошедшіе уже въ народное потребленіе, въ особенности въ восточной окраинѣ.

Прямые налоги по росписи на 1896 г. исчислены въ суммѣ 104,5 м. р., а если присоединить къ нимъ и *выкупные платежи* (89 м. р.), которые въ настоящее время носятъ на себѣ вполнѣ характеръ государственнаго налога, то общій итогъ прямого обложенія составитъ 193,5 милл. рублей, или 15,5% всей суммы обыкновенныхъ доходовъ, т. е. менѣе общаго итога косвенныхъ налоговъ въ 2³/₄ раза. Это рѣшительное преобладаніе косвеннаго обложенія надъ прямымъ является одною изъ характерныхъ чертъ нашего бюджета.

По принятой въ государственной росписи классификаціи, прямые налоги разбиты на 3 статьи: 1) налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати, 2) сборъ съ торговли и промысловъ, 3) сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ. Раздѣлить

*) Въ томъ числѣ налогъ на вино—22,9%, на сахаръ—3,4%, табакъ—2,6%, керосинъ—1,5%, спички—0,6%.

первую изъ этихъ статей на ея составные элементы—данныя государственной росписи не позволяютъ; но мы можемъ сдѣлать это приблизительно, руководствуясь цифрами подробнаго отчета объ исполненіи государственной росписи за 1894 г. (при предположеніи, что и за нынѣшній годъ относительныя доли налоговъ поземельнаго, съ недвижимыхъ имуществъ и податей сохраняются тѣ же, что и въ 1894,—что во всякомъ случаѣ близко къ дѣйствительности). Тогда общая сумма прямыхъ налоговъ разобьется на слѣдующія категоріи.

		Милл. р.	
А.	Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ	13,2	
	Сборъ съ торговли и промысловъ	43,3	
	Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ	9,8	
	Государственный квартирный налогъ	2,6	
			68,9
Б.	Поземельные налоги	22,0	
			22,0
В.	Подати	13,6	
	Выкупные платежи	89,0	
			102,6

Первые четыре вида налоговъ падаютъ въ большей своей части на относительно достаточные классы населенія, хотя и не исключительно, такъ какъ налогъ на недвижимыя имущества и промысловый сборъ затрагиваютъ также и малосостоятельныя группы городского и частію сельскаго населенія. Поземельный налогъ. взимаемый съ земель всѣхъ сословій (пропорціонально земскому обложенію) въ большей своей долѣ уплачивается крестьянскими землями, наконецъ, подати и выкупные платежи цѣликомъ лежатъ на крестьянской массѣ. Такимъ образомъ, и въ прямомъ обложеніи обнаруживается тотъ же характеръ, что и въ косвенномъ: главная тяжесть его выдерживается массою населенія; основнымъ источникомъ налога является доходъ отъ крестьянскихъ земель и крестьянскихъ заработковъ. Если принять даже, что на крестьянскія земли падаетъ только половина всѣхъ поземельныхъ сборовъ, и тогда доля налога, уплачиваемая крестьянствомъ, будетъ не менѣе 58% всей суммы прямого обложенія.

Третью группу поступленій налогового характера составляютъ такъ наз. *пошлины*. По росписи 1896 г. ихъ насчитывается 65,3 милл. руб. Отличіе пошлины отъ налога въ тѣсномъ смыслѣ заключается въ томъ, что пошлина разсматривается, какъ оплата извѣстной спеціальной услуги государства и уплачивается тѣми именно лицами, которыя услугою этою пользуются, тогда какъ налогъ составляетъ взносъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей вообще и не соразмѣряется съ какими нибудь осо-

быми услугами, которыя тотъ или иной плательщикъ получаетъ отъ государства. Это оплата за всю ту сумму благъ, прямыхъ и косвенныхъ, которыми каждый, живущій подъ охраною законовъ, пользуется или долженъ пользоваться. Самою крупною категоріею пошлинъ въ нашемъ бюджетѣ являются пошлины *гербовыя* (и соединенныя въ одну съ ними группу: судебныя, канцелярскія и съ записи документовъ). Ихъ по росписи 1896 г. исчислено 28,9 милл.; затѣмъ идутъ пошлины съ *перехода имуществъ* (т. е. крѣпостныя при куплѣ-продажѣ недвижимыхъ имуществъ и пошлины съ наслѣдствъ), всего 15,4 милл., пошлины съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ—8 милл. руб.; сборъ съ паспортовъ—3,5 милл. руб.; пошлинъ со страхованія имуществъ—2,3 милл. руб. и наконецъ пошлины разныхъ наименованій *) 7,2 милл.

Приведенныя цифры показываютъ, что пошлины вообще не играютъ большой роли въ нашемъ бюджетѣ. Сколько нибудь серьезное значеніе принадлежитъ только двумъ первымъ изъ перечисленныхъ видовъ пошлинъ (гербовымъ и съ перехода имуществъ), на которые вмѣстѣ приходится около 3,6% общей суммы обыкновенныхъ доходовъ. Остальные сборы этой категоріи не представляютъ крупныхъ цифръ, что не мѣшаетъ однако довольно обременительному характеру нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это слѣдуетъ прежде всего замѣтить относительно паспортнаго сбора, а затѣмъ и сборовъ съ желѣзно-дорожныхъ перевозокъ (главная доля которыхъ падаетъ на пассажировъ III класса). При небольшомъ фискальномъ значеніи названныхъ видовъ пошлинъ, удержаніе ихъ въ бюджетѣ имѣетъ очень мало основаній. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что данный отдѣлъ доходнаго бюджета вообще отличается довольно случайнымъ характеромъ. Пошлины съ перевозимыхъ пассажировъ и грузовъ, точно также какъ и пошлины съ застрахованія имуществъ, были установлены въ одинъ изъ трудныхъ бюджетныхъ годовъ, когда необходимо было найти какіе нибудь новые источники доходовъ для сведенія баланса росписи. На нераціональность затруднять желѣзнодорожное передвиженіе прибавками къ его стоимости (которыя шли параллельно съ крупными бюджетными затратами на развитіе желѣзнодорожнаго дѣла) указывалось уже тогда; точно также возбуждала сомнѣнія и цѣлесообразность обложенія страхованія имуществъ: пошлина, хотя и не большая, налагалась въ данномъ случаѣ на хозяйственную предусмотрительность и заботливость. Но въ то время фискальная необходимость заставляла закрывать глаза на всѣ эти недостатки вновь вводимыхъ видовъ обложенія. Теперь этой необходимости давно уже не существуетъ, но налоги, къ которымъ пришлось прибѣг-

*) Это очень пестрая группа разнообразныхъ по характеру и размѣрамъ своимъ сборовъ.

нуть въ трудную пору, съ неизмѣнностью существуютъ и въ эпоху финансоваго благополучія. За послѣдній годъ въ законодательствѣ о пошлинахъ сдѣлано было только одно измѣненіе, касающееся сборовъ съ перехода имуществъ: въ виду стѣсненнаго положенія землевладѣльцевъ для нихъ были установлены извѣстныя льготы въ исчисленіи крѣпостныхъ пошлинъ при переходахъ земельныхъ имуществъ и пошлинъ съ наслѣдствъ. Стоимость этихъ льготъ для государственнаго бюджета исчисляется суммою въ 3.750.000 р. ежегодно—на 150.000 р. болѣе общей суммы паспортнаго сбора, назначеннаго по росписи 1896 г. (3.600.000 р.).

Какъ было указано выше, помимо налоговъ (прямыхъ, косвенныхъ и пошлинъ), извѣстная часть государственныхъ потребностей удовлетворяется на счетъ доходовъ отъ казенныхъ предпріятій и государственныхъ имуществъ.

Отъ монопольныхъ предпріятій казны или такъ называемыхъ по нашей бюджетной терминологіи «правительственныхъ регалій», по росписи 1896 г. предположено получить 76 милл. руб. Но не вся эта сумма можетъ считаться чистымъ доходомъ казны. Изъ нея нужно вычесть расходы по веденію этихъ предпріятій, занесенные въ расходный бюджетъ. На основаніи данныхъ опубликованной государственной росписи это можно сдѣлать только приблизительно и не для всѣхъ видовъ доходовъ отъ правительственныхъ регалій. Самую крупную категорію этихъ доходовъ составляютъ доходы отъ почтъ, телеграфовъ и телефоновъ, въ общей сложности простирающіеся до 40 милл. рублей. Расходы на почты и телеграфы мы исчислили выше въ 23,5 милл. руб. *); такимъ образомъ чистый доходъ отъ почтово-телеграфной операціи составитъ около 16—17 милл. рублей. Второе мѣсто по размѣру принадлежитъ доходамъ отъ казенной продажи питей. Въ доходную роспись они внесены въ суммѣ 31,2 милл. рубл. Соотвѣтствующія назначенія въ расходномъ бюджетѣ составляютъ 47,7 милл. рубл., но въ этой суммѣ заключается расходъ въ 19,1 милл. рубл., на подготовительныя работы по введенію и распространенію казенной продажи питей, который нельзя вводить въ балансъ даннаго года. За исключеніемъ этихъ 19,1 милл., текущіе годовые расходы по продажѣ питей составятъ 28,6 милл.; противъ ожидаемаго дохода эта сумма меньше на 2,6 милл. рубл. Такимъ образомъ винная монополія по предположеніямъ росписи должна дать извѣстный плюсъ, хотя во всякомъ случаѣ финансовые результаты этой мѣры оказываются еще пока очень скромными. Валовой доходъ отъ двухъ остальныхъ

---

*) Эта цифра приблизительная: такъ какъ въ росписи расходы на центральную и мѣстную администрацію почтъ и телеграфовъ показаны въ общей суммѣ соотвѣтственныхъ расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то мы ввели въ нашъ расчетъ расходы на администрацію въ цифрахъ, показанныхъ въ отчетѣ объ исполненіи росписи за 1894 годъ.

правительственныхъ регалій, горной и монетной составляетъ въ общей суммѣ 4,8 милл. рубл.

Гораздо болѣе крупныя цифры, нежели доходъ отъ правительственныхъ регалій, даетъ другой отдѣлъ частно хозяйственныхъ операцій казны, именно доходъ отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ. Общая его сумма (причисляя сюда и доходъ отъ продажи недвижимыхъ имуществъ казны,—0,8 милл. рубл.) составляетъ 294,1 милл. рубл., т. е. 23,8% общаго итога всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Самая большая часть этой суммы приходится на доходы отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ — 232,4 милл. рубл.

И здѣсь, также какъ при опредѣленіи дохода отъ казенныхъ монополій, слѣдовало бы изъ валовой суммы, занесенной въ доходную роспись, вычесть сумму расходовъ, связанныхъ съ эксплуатаціей данныхъ видовъ казенныхъ имуществъ. Тогда получился бы итогъ тѣхъ прибылей, которыя доставляютъ государству его имущества и капиталы, или же, наоборотъ, итогъ тѣхъ затратъ изъ общихъ государственныхъ средствъ, которыя требуются для покрытія дефицитовъ по казенному хозяйствованію. Но цифры государственной росписи, въ ея опубликованной формѣ, не даютъ всѣхъ элементовъ для такого вычисленія. Его нельзя произвести даже для самой крупной изъ операцій казны—именно для оборотовъ казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Правда, въ расходной росписи есть данныя о предполагаемой стоимости собственно эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но по отношенію къ другимъ категоріямъ издержекъ, доля, причитающаяся собственно на казенныя дороги, не можетъ быть точно выдѣлена изъ общей суммы соотвѣтственныхъ расходовъ, предположенныхъ для всей желѣзнодорожной сѣти *).

Послѣднюю крупную категорію государственныхъ доходовъ составляютъ поступленія *въ возвратъ* произведенныхъ государственнымъ казначействомъ расходовъ и доходы разнаго рода. Въ общей сложности эта группа доходовъ составляетъ — какъ уже было сказано выше—70,2 милл. р. или 5,7 проц. всего доходнаго

*) Приблизительный балансъ можетъ быть подведенъ только для всѣхъ вообще желѣзнодорожныхъ оборотовъ казны. Приблизительный потому, что въ него не можетъ быть включена стоимость центральной администраціи желѣзнодорожнаго дѣла. За этимъ исключеніемъ соотвѣтственныя цифры представляются въ такомъ видѣ: 1) *доходы* казны: а) отъ казенныхъ дорогъ (сборы)—232,3 м. р., б) отъ частныхъ (обязательные платежи и прибыли отъ участія казны въ доходахъ) 16,5 м.; всего 248,8 м. р., 2) *расходы:* а) эксплуатація казенныхъ дорогъ 147,4 м. р., б) расходы по „усиленію и улучшенію ж. дор.—18,7 м. р., в) платежи по жел. дор. бумагамъ—76,9 м. р.; г) приплаты по гарантіи—1,8 м. р., всего расходовъ—244,8 м. р. Доходъ превышаетъ расходъ на 4 милл. р. Такимъ образомъ, если предположенія росписи оправдаются, въ общемъ результатѣ желѣзнодорожнаго хозяйства казны долженъ оказаться нѣкоторый плюсъ, но во всякомъ случаѣ очень скромный.

бюджета. Эта часть государственнаго бюджета, вообще, довольно колеблющаяся и непрочная. Большая ея доля составляется изъ обязательныхъ платежей желѣзныхъ дорогъ и уплатъ по ссудамъ. Исправное поступленіе и тѣхъ и другихъ находится въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, и, въ свою очередь, легко можетъ оказывать вліяніе на тотъ или иной балансъ росписи.

Соединимъ главнѣйшія изъ приведенныхъ цифръ, для наглядности, въ одну общую табличку, показывающую основные элементы доходнаго бюджета 1896 г.

	Милл. руб.	%
А. *Налоги.*		
1. Косвенные	539,5	43,6
2. Прямые	104,5	8,4
3. Выкупные платежи	89,0	7,1
4. Пошлины.	65,3	5,3
Итого. . .	**798,3**	**64,4**
Б. *Частное хозяйство казны.*		
1. Казенныя монополіи.	76,0	6,1
2. Казенныя имущества и капиталы	294,9	23,8
Итого. . .	**370,9**	**29,9**
В. *Прочія поступленія.*	**70,2**	**5,7**
Всего. . .	1239,5	100

Сопоставленіе доходовъ съ расходами даетъ *балансъ* росписи. На 1896 г. балансъ этотъ по росписи «обыкновенныхъ» доходовъ и расходовъ представляется вполнѣ благопріятнымъ: доходы должны превысить расходы (1239,5 — 1231,1) на 8,4 милл. р. Такъ какъ всѣ доходныя предположенія составлены очень осторожно (какъ можно судить по сравненію ихъ съ дѣйствительными поступленіями ближайшихъ предшествующихъ годовъ), то на самомъ дѣлѣ этотъ избытокъ будетъ, по всей вѣроятности, гораздо больше.

Излишки по обыкновенному бюджету предположено обратить на покрытіе расходовъ чрезвычайныхъ.

Въ 1896 г. «чрезвычайные» расходы опредѣлены въ суммѣ 130,5 милл. р. Предназначаются они исключительно на потребности желѣзнодорожнаго дѣла, главнымъ образомъ на сибирскую желѣзную дорогу (84,7 м. р.).

Въ доходномъ отдѣлѣ чрезвычайнаго бюджета предположены поступленія только на 2,2 м. р. (вклады въ банкъ на вѣчное время); но, благодаря остаткамъ, накопившимся отъ заключенныхъ росписей за рядъ прошлыхъ лѣтъ, балансъ чрезвычайнаго бюджета можетъ быть сведенъ, не прибѣгая къ займамъ.

Къ 1 января 1896 г. «свободная наличность государственнаго казначейства» (т. е. суммы, оставшіяся отъ поступленій прежнихъ годовъ и не имѣющія опредѣленнаго назначенія), составляла 271 м. руб. Изъ этого фонда предположено отчислить на чрезвычайные расходы 1896 г. 119,9 милл. р.; вмѣстѣ съ 2,2 милл. чрезвычайныхъ доходовъ, имѣющихъ поступить въ текущемъ году и 8,4 м. р. избытковъ по бюджету обыкновенному—это составитъ 130,5 м. р., т. е. всѣ чрезвычайные расходы будутъ покрыты полностью и затѣмъ въ фондѣ «свободной наличности» остается еще около 150 милл. рубл., не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія.

Всѣ эти данныя совершенно ясно и опредѣленно говорятъ о благопріятномъ положеніи нашего финансоваго хозяйства въ настоящій моментъ. Но на вопросъ о томъ, можно-ли считать это положеніе прочнымъ и установившимся, или оно является результатомъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ—данныя за одинъ финансовый годъ не могутъ дать удовлетворительнаго отвѣта, поэтому, намъ необходимо прослѣдить *движеніе* бюджетныхъ итоговъ за сколько нибудь продолжительный періодъ времени.

Составъ нашего государственнаго бюджета очень часто и очень существенно измѣнялся; поэтому, точныя сопоставленія цифръ за много лѣтъ потребовали бы большихъ объясненій. Мы ограничимся послѣднимъ десятилѣтіемъ, за которое имѣются сведенные отчеты государственнаго контроля (1885—94 г.г.). За этотъ періодъ бюджетныя данныя представляютъ собою величины въ значительной мѣрѣ однородныя.

Результаты бюджета обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ за каждый годъ названнаго десятилѣтія представляются въ такомъ видѣ *).

Годы.	Обыкн. доходы.	Обыкн. расходы.	Разность (+ или —).
	(Милліоны	рублей).	
1885	771,2	813,5	— 42,3
1886	779,1	839,7	— 60,6
1887	824,9	830,9	— 6,0
1888	881,5	826,4	+ 55,1
1889	918,6	842,7	+ 75,9
1890	934,8	867,8	+ 67

---

*) Данныя для этой таблички, точно также, какъ и большая часть остальныхъ приводимыхъ ниже свѣдѣній о движеніи государственныхъ доходовъ за 1885—94 гг. заимствованы нами изъ книги г. Кашкарова: «Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе (1885—94)». Спб. 1895 г. Изд. министерства финансовъ. Къ этой интересной работѣ мы расчитываемъ еще вернуться особо.

1891	894,2	875,3	+ 19,9
1892	970,1	910,7	+ 59,4
1893	1035,7	939,5	+ 96,2
1894	1153,8	991,2	+162,6

Мы видимъ, что превышеніе доходовъ надъ расходами въ обыкновенномъ бюджетѣ замѣчается непревывно изъ года въ годъ, начиная съ 1888 г., и, что представляется особенно важнымъ,—исключеніе изъ этого правила не составляетъ голодный 1891 годъ. Такимъ образомъ, фактъ благопріятнаго бюджетнаго баланса можно считать довольно постояннымъ и не имѣющимъ случайнаго характера.

Чѣмъ же онъ объясняется?

Если мы обратимъ вниманіе на нашу табличку, то найдемъ, что оба элемента, вліяющіе на балансъ росписи—и государственные доходы и государственные расходы—показываютъ возрастаніе, почти не прерывавшееся (въ движеніи государственныхъ расходовъ только одинъ—1887,—а въ движеніи доходовъ одинъ 1891 г., когда сумма поступленій была ниже года предшествовавшаго, составляютъ исключеніе изъ такой постоянной прогрессіи). Но при этомъ ростъ доходовъ обгоняетъ возрастаніе расходовъ. Этимъ быстрымъ и постояннымъ ростомъ доходнаго бюджета и обусловливались благопріятные балансы ежегодныхъ росписей, начиная съ 1888 г. Не смотря на не останавливавшійся ростъ государственныхъ потребностей, государственное хозяйство всегда находило источники для покрытія новыхъ расходовъ, не прибѣгая къ займамъ и другимъ экстреннымъ мѣрамъ; наоборотъ оно имѣло даже возможность отдѣлять значительную часть обыкновенныхъ средствъ на удовлетвореніе потребностей чрезвычайныхъ (какъ было въ голодные 1891—92 гг., когда на помощь нуждающемуся населенію отпущено было изъ государственнаго казначейства болѣе 154 милл. руб.). Платежныя силы страны,—еще недавно представлявшіяся до крайности истощенными,—оказывались теперь какъ бы неисчерпаемыми. Все это вмѣстѣ создавало почву для предположенія, что параллельно съ ростомъ государственнаго хозяйства идетъ и прогрессивный ростъ всего народнаго хозяйства, результаты котораго и отражаются въ бюджетныхъ цифрахъ.

Этотъ взглядъ съ особенною категоричностью проведенъ былъ въ комментаріяхъ къ государственной росписи текущаго года.

«Прочные финансовые успѣхи—читаемъ мы въ этихъ комментаріяхъ—могутъ проистекать лишь при наличности условій благопріятныхъ и для народнаго хозяйства. Это — правило, которое должны признать всѣ, независимо отъ личныхъ настроеній; оно выше всякаго пессимизма и всякаго оптимизма, выше недоброжелательной воркотни перваго и неумѣренныхъ увлеченій второго».

Это общее соображеніе подкрѣпляется затѣмъ и нѣсколькими

болѣе частными разсужденіями, относящимися къ особенностямъ нашего бюджета. Именно изъ разсмотрѣнія состава и движенія государственныхъ доходовъ всего яснѣе могутъ быть обнаружены независимые отъ субъективной произвольности взглядовъ, явные признаки для сужденія о ростѣ народнаго благосостоянія за послѣднее время. Въ составѣ нашихъ государственныхъ доходовъ лишь очень незначительная часть относится къ числу прямыхъ взносовъ, взимаемыхъ съ населенія до извѣстной степени принудительно, независимо отъ перемѣнъ, происходящихъ въ его благосостояніи. Огромнѣйшая же часть нашихъ податныхъ доходовъ относится къ категоріи косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, *уплачиваемыхъ лишь по такимъ поводамъ, которые находятся въ существенной зависимости отъ степени народнаго благосостоянія.* Такой характеръ присущъ косвеннымъ налогамъ и пошлинамъ у насъ гораздо болѣе, нежели въ большинствѣ европейскихъ странъ, гдѣ до настоящаго времени существуютъ налоги на соль и пошлины на хлѣбъ, т. е. облагается безусловно необходимое потребленіе, не могущее служить точнымъ показателемъ степени народнаго благосостоянія. Еще болѣе вниманія заслуживаютъ въ качествѣ такихъ показателей неподатныя статьи нашего государственнаго бюджета—доходы отъ желѣзныхъ дорогъ, государственныхъ имуществъ, почтово-телеграфныхъ учрежденій и т. п. Если населеніе страны *въ такой серьезной степени и такъ регулярно усиливаетъ потребленіе облагаемыхъ продуктовъ,* умножаетъ количество и обороты торгово-промышленныхъ заведеній, усиливаетъ пользованіе желѣзными дорогами, почтою и телеграфами, возвышаетъ доходность государственныхъ имуществъ и т. д., то можно ли при такихъ обстоятельствахъ говорить о хозяйственномъ обѣднѣніи? Всѣ эти факты, въ сущности, всѣмъ хорошо извѣстны, но только иногда почему то упускаются изъ виду, когда заходитъ рѣчь объ ихъ значеніи, какъ *указателей параллельности, съ которою идетъ у насъ успѣшное развитіе государственнаго и народнаго хозяйства*».

Мы привели эту длинную выписку, такъ какъ въ ней ясно сформулировано положеніе о параллельности роста государственнаго и народнаго хозяйства и указаны тѣ признаки — *въ самыхъ бюджетныхъ данныхъ*—которые свидѣтельствуютъ о такой параллельности.

Обратимся же къ разсмотрѣнію тѣхъ фактическихъ матеріаловъ, которые даютъ намъ въ этомъ отношеніи цифры отчетовъ по исполненію государственныхъ росписей.

Если сравнить между собою главнѣйшія цифры доходныхъ росписей двухъ крайнихъ годовъ десятилѣтія 1885—94, то общій итогъ росписи послѣдняго изъ этихъ годовъ по отношенію къ первому представитъ *возрастаніе* на 382,6 милл. руб.

Это возрастаніе въ неравной мѣрѣ распредѣляется между разными отдѣлами росписи. Всего болѣе возвысился доходъ отъ косвенныхъ

налоговъ (на 219 м. р.) и отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ (почти на 120 м. р.). Между косвенными налогами наибольшее по абсолютнымъ размѣрамъ возрастаніе падаетъ на таможенный доходъ (86,1 м. р.), питейный (66,1 м. р.) и сахарный (27,4 м. р.). Увеличеніе дохода отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ въ главнѣйшей своей части вызвано расширеніемъ казенной желѣзнодорожной сѣти и происходящимъ оттого возрастаніемъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ, поступающихъ въ казну. Въ 1885 г. отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ поступило 10,6 м. р., въ 1894 г. эти поступленія доходили уже до 116 м. р., т. е. общая ихъ сумма превысила доходъ 1885 г. на 105,4 м. р. (на 1896 г., какъ мы видѣли выше, доходъ отъ казенныхъ дорогъ предполагается уже въ размѣрѣ 232,3 м. р.).

Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе причинъ, которыми обусловливалось, за помянутое десятилѣтіе, движеніе всѣхъ крупныхъ статей доходнаго бюджета. Остановимся для примѣра только на четырехъ выше отмѣченныхъ видахъ поступленій (доходы таможенный, питейный, сахарный и отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ), на которые въ общей сложности падаетъ почти 75% общаго превышенія доходовъ по росписи 1894 года сравнительно съ росписью за 1885 г. Ростъ поступленій отъ налоговъ *на потребленіе* (къ категоріи которыхъ можно отнести всѣ три названные налога) можетъ зависѣть отъ двухъ главныхъ причинъ: съ одной стороны, отъ увеличенія *самыхъ размѣровъ потребленія,* а съ другой отъ измѣненія *въ нормахъ обложенія.* Въ свою очередь измѣненія въ размѣрахъ потребленія могутъ зависѣть отъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ того или иного года (напр., отъ размѣровъ урожая) или же представлять собою постоянное и непрерывное возрастаніе. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ ростъ налога, обусловленный такимъ постояннымъ возрастаніемъ потребленія, можетъ являться признакомъ повышенія экономическаго благосостоянія тѣхъ классовъ населенія, коими уплачивается данный налогъ.

Всмотримся въ причины возростанія упомянутыхъ налоговъ въ нашемъ бюджетѣ.

По отношенію къ доходу *таможенному* въ разсматриваемое десятилѣтіе обѣ указанныя выше причины—и увеличеніе суммы торговыхъ оборотовъ и возвышеніе ввозныхъ пошлинъ дѣйствовали одновременно. Въ 1885 г. по Европейской границѣ ввезено было товаровъ на сумму 380,7 м. р., причемъ въ среднемъ на каждый рубль кред. стоимости товаровъ приходилось 15,5 коп. мет. пошлины *) (т. е по курсу 1 р. 50 к. кред. за 1 р. металл. пошлина составляла 23% со стоимости); въ 1895 г. ввозъ увеличился до

*) Всѣ приводимыя цифры взяты изъ книги г. Кшакарова, цитированной выше.

484,6 м. р. стоимости, но и среднее обложеніе тоже возросло до 21 к. мет. съ каждаго рубля кред. (т. е. до 31,5%). Вліяніе размѣровъ пошлинъ и размѣровъ ввоза на поступленіе таможенныхъ доходовъ будетъ яснѣе, если мы возьмемъ для сравненія не десятилѣтіе 1885—94 г., а пятнадцатилѣтіе 1880—94 г. Разбивая этотъ періодъ на 3 пятилѣтія, получаемъ для каждаго изъ нихъ слѣдующія среднія величины: стоимость ввоза (въ милл. р. кред.), размѣровъ обложенія (въ коп. зол. на 1 р. кред.), и общей суммы поступившихъ пошлинъ (въ милл. р. золот.).

	Привозъ.	Среднее обложеніе	Общая сумма пошлины.
1880—84	514,3	11,7	66,4
1885—89	359,1	17,1	61,6
1890—94	381,6	21,3	81,1

Сравнивая послѣднее пятилѣтіе съ первымъ, мы видимъ уменьшеніе размѣровъ ввоза, увеличеніе нормы обложенія и въ зависимости отъ этого увеличенія и *поступленія большей суммы пошлинъ съ меньшаго количества товаровъ.*

Этотъ результатъ выразится еще рельефнѣе, если мы возьмемъ не общую массу привоза по Европейской границѣ, а нѣкоторые отдѣльные предметы ввоза. Самую крупную статью таможенныхъ пошлинъ дастъ ввозъ *чая.* Для ввозимаго по Европейской границѣ чая среднія цифры стоимости ввоза, нормы обложенія и количества поступившихъ пошлинъ, въ каждое изъ разсматриваемыхъ пятилѣтій таковы:

	Привозъ.	Среднее обложеніе.	Сумма пошлинъ.
1880—84	51,7	28,9	14,9
1885—89	21,8	70,4	15,3
1890—94	16,8	101,6	17,0

Мы видимъ изъ этой таблицы систематическое *паденіе потребленія* чая, систематическое *возростанія* его *обложенія* и обусловленное имъ *повышеніе общей суммы* поступившихъ *пошлинъ,*—хотя и ослабляемое рѣзкимъ сокращеніемъ потребленія.

Питейный налогъ въ періодъ съ 1885 по 1894 г. возросъ на 66,2 милл. р. (съ 231,2 до 297,4 м. р.). Въ теченіе этого періода норма обложенія поднималась нѣсколько разъ что касается размѣровъ потребленія, то они пали. Въ 1885 г. въ среднемъ на каждую душу потреблялось 28 градусовъ спирта, въ 1894 г. эта средняя опустилась до 23,2 градуса. Такимъ образомъ, причиною возростанія питейнаго дохода нельзя считать увеличеніе потребленія спирта.

Сахарный доходъ въ разсматриваемое десятилѣтіе возросъ почти втрое (на 197,4%),—но, конечно, такое возростаніе никакъ нельзя приписать усиленію *потребленія* сахара. Мы знаемъ, что для того, чтобы держать это потребленіе въ должныхъ границахъ, былъ пред-

принять систематическій рядъ мѣръ, направившихъ «излишки» производимаго у насъ сахара заграницу. На внутреннемъ рынкѣ должно было оставаться только такое количество сахара, при которомъ цѣна на него держалась бы на высотѣ достаточной, чтобы покрывать убытки отъ дешевой продажи вывозимыхъ «излишковъ» и очищать для сахарозаводчиковъ извѣстную норму прибыли. Въ первый же годъ десятилѣтія, о которомъ мы говоримъ—1885, въ видахъ поощренія вывоза сахара заграницу установлена была особая премія на вывозъ (сверхъ возврата акциза). Съ 1887 по 95 г. дѣйствовалъ пресловутый сахарный синдикатъ, имѣвшій своею спеціальною цѣлью сдерживать выпускъ сахара на внутренній рынокъ и регулировать цѣны на этомъ рынкѣ.

Благодаря всѣмъ такимъ мѣрамъ, потребленіе сахара оставалось все время на уровнѣ почти неподвижномъ. Что касается другого фактора, которымъ опредѣляется размѣръ дохода съ предметовъ потребленія—высоты обложеніе, то въ немъ далеко не замѣчалось такой неподвижности. Въ началѣ періода акцизъ съ 1 пуда сахарнаго песку составлялъ 65 к., въ концѣ—1 р. 75 к. Едва ли возможно при такихъ обстоятельствахъ затрудняться отвѣтомъ на вопросъ: на счетъ котораго изъ двухъ названныхъ факторовъ должно быть отнесено возростаніе сахарнаго дохода за десятилѣтіе 1885—94 г.

Ограничимся приведенными примѣрами. Мы думаемъ, ихъ достаточно, чтобы показать, что ростъ косвенныхъ налоговъ *въ главной своей части* никакъ не можетъ быть объясненъ постояннымъ *расширеніемъ потребленія* предметовъ, обложенныхъ этими налогами. Напротивъ, есть извѣстныя данныя, указывающія даже на сокращенія такого потребленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Большее поступленіе косвенныхъ сборовъ въ казну зависѣло значитъ не отъ того, чтобы сборы эти взимались съ большого числа единицъ обложенія, а отъ того, главнымъ образомъ, что съ каждой единицы уплачивается теперь большая сумма налога. Если бы народное хозяйство было при этомъ совершенно неподвижно, производительность труда не возростала и въ зависимости отъ нея не понижались бы цѣны продуктовъ—всю прибавку налога долженъ бы вынести на себѣ потребитель. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. По отношенію къ большей части продуктовъ, обложенныхъ акцизами и таможенными сборами, рядомъ съ повышеніемъ обложенія, шло (внѣ всякой отъ него зависимости) и извѣстное удешевленіе производства, благодаря успѣхамъ техники или инымъ условіямъ. Поэтому усиленіе обложенія не вело за собою увеличенія продажныхъ цѣнъ, въ соотвѣтственныхъ налоговымъ прибавкамъ размѣрахъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ удешевленіе стоимости товаровъ могло даже сдѣлать совершенно незамѣтнымъ вліяніе обложенія на продажныя цѣны. Только благодаря этому, потребленіе обложенныхъ товаровъ могло оставаться въ прежнихъ размѣрахъ, несмотря на усиленіе нормы обложенія. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ удешевленіе производства

не имѣло мѣста, повышеніе налога должно было неизбѣжно повести къ рѣзкому сокращенію потребленія. Примѣромъ этого могутъ служить приведенныя выше данныя о размѣрахъ ввоза и обложенія чая.

Итакъ, разсмотрѣніе данныхъ о поступленіи косвенными налоговъ не доставляетъ еще матеріаловъ для утвержденія о *ростѣ общаго благосостоянія*, параллельномъ съ ростомъ бюджетныхъ цифръ. Если бы мы могли установить на основаній этихъ данныхъ, что «населеніе страны» регулярно «усиливаетъ потребленіе облагаемыхъ предметовъ», у насъ была бы извѣстная почва для заключеній о такой параллельности; но, къ сожалѣнію, цифры говорятъ намъ другое. Мы видимъ только, что населеніе до сихъ поръ *выдерживаетъ* тяжесть обложенія (облегчаемую въ извѣстной мѣрѣ ростомъ производительности, ведущимъ къ пониженію стоимости производства облагаемыхъ продуктовъ), но ничто не указываетъ, чтобы у него прибавлялись средства для постояннаго расширенія потребленія, которое въ свою очередь создавало бы твердую почву для дальнѣйшаго роста государственныхъ доходовъ.

Такихъ указаній не даетъ и анализъ неподатныхъ статей нашего бюджета. Здѣсь самымъ крупнымъ фактомъ является огромное увеличеніе цифры поступленій отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Но обусловливается оно ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ увеличеніемъ сѣти дорогъ, принятыхъ въ казну. Это прирощеніе дохода скорѣе счетное, чѣмъ дѣйствительное. Если въ доходномъ отдѣлѣ росписи фигурируютъ крупныя цифры поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ, то не менѣе крупныя цифры издержекъ эксплуатаціи этихъ дорогъ появляются и въ другомъ, расходномъ отдѣлѣ. Мы имѣемъ сведенные итоги результатовъ желѣзнодорожнаго хозяйства казны до 1893 г. Они даютъ постоянно минусъ; т. е. къ тому, что поступало отъ дорогъ, приходилось для покрытія всѣхъ расходовъ ежегодно прибавлять еще нѣчто изъ общихъ бюджетныхъ средствъ. Выше мы попробовали произвести подобный учетъ для всѣхъ поступленій и выдачъ на желѣзныя дороги (какъ казенныя, такъ и частныя) по росписи 1896 г. Результаты получились хотя и положительные, но весьма скромные *). Точно также очень небольшое еще пока финансовое значеніе имѣетъ другая крупная хозяйственная операція казны—винная монополія. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, какъ бы хорошо ни торговала казна, отсюда ничего еще нельзя заключить о томъ, насколько благоденствуетъ населеніе.

Гораздо большее значеніе для заключенія объ общихъ успѣ-

---

*) Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что когда говорится о расширеніи сѣти казенныхъ дорогъ, дѣло идетъ только о переходѣ въ завѣдываніе казны нѣкоторыхъ дорогъ, а не объ увеличеніи самого *протяженія* желѣзнодорожной сѣти.

хахъ хозяйственной и культурной жизни страны могутъ представить данныя объ усиленіи доходовъ казны отъ такихъ монополій, которыя — какъ почта, телеграфы, телефоны — имѣютъ въ виду удовлетвореніе культурныхъ потребностей; а также ростъ пошлинъ и поступленій отъ торговли и промысловъ. Но во 1-хъ, не на этихъ видахъ поступленій держится главная тяжесть бюджета; поэтому наличность благопріятныхъ для ихъ развитія экономическихъ фактовъ не имѣетъ еще рѣшающаго значенія для общей устойчивости государственнаго хозяйства. Во 2-хъ, какое бы значеніе ни приписывать тѣмъ указаніямъ, которыя даются возрастаніемъ названныхъ статей доходнаго бюджета, — мы можемъ построить на ихъ основаніи только выводъ о несомнѣнности извѣстнаго движенія и развитія хозяйственной жизни страны, отражающагося и на государственномъ хозяйствѣ. Но признаніе такого движенія, какъ неоспоримаго факта, не подвигаетъ еще насъ къ рѣшенію проблеммы о зависимости успѣховъ государственнаго хозяйства отъ параллельнаго съ нимъ роста народнаго благосостоянія. Оживленіе оборотовъ торгово-промышленныхъ предпріятій, усиленіе имущественныхъ сдѣлокъ, сопряженныхъ съ уплатою гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ, точно также какъ и расширеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній и передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ—не тожественно еще съ ростомъ благосостоянія и платежныхъ силъ народныхъ массъ. А для объясненія «естественнаго» возростанія бюджетныхъ поступленій — опирающихся, главнымъ образомъ, на обложеніи предметовъ массоваго потребленія — необходимо доказать не только самый фактъ такого подъема общаго благосостоянія, но также и то, что подъемъ этотъ шелъ *тѣмъ же темпомъ*, какъ и ростъ бюджета, параллельно съ нимъ.

Мы видѣли, что *положительныхъ* указаній въ такомъ направленіи не даетъ ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ нами отдѣловъ доходнаго бюджета. Наоборотъ, въ самыхъ бюджетныхъ цифрахъ мы можемъ найти кое-какіе *отрицательные* признаки, показывающіе, что тяжесть государственнаго бюджета оказывается уже непосильною для платежныхъ силъ страны. Если эти силы растутъ, то ростъ бюджетныхъ требованій во всякомъ случаѣ ихъ перегоняетъ.

Такіе признаки мы видимъ прежде всего въ весьма крупныхъ и при томъ прогрессирующихъ размѣрахъ *недоимокъ* по окладнымъ сборамъ вообще и выкупнымъ платежамъ въ частности. Къ началу десятилѣтія 1885—94 г. сумма всѣхъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ составляла 49,9 м. р., къ концу 1894 она увеличилась уже до 149,9 м. р. Самую главную часть всѣхъ податныхъ недоимокъ составляютъ недоимки по выкупнымъ платежамъ. Къ концу 1891 г. сумма такихъ недоимокъ составляла 72% годового ихъ оклада, къ концу слѣдующаго года, это отношеніе поднялось до 93%; къ концу 1894 недоимка равнялась уже 102% годового оклада платежей. По отдѣльнымъ губерніямъ это отношеніе было гораздо болѣе рѣз-

кое (въ Оренбургской и Самарской губ. недоимка превышала доходъ въ 4 раза, въ Казанской въ 3½, въ Уфимской слишкомъ въ 3 раза, въ Нижегородской въ 2½, въ Симбирской и Пензенской болѣе чѣмъ вдвое и т. д.)

Эти темныя пятна на свѣтломъ фонѣ финансоваго благополучія очень многозначительны и краснорѣчивы. Если прибавить къ нимъ еще отмѣченную выше неподвижность или даже сокращеніе въ потребленіи нѣкоторыхъ категорій продуктовъ, дающихъ крупный доходъ фиску—мы должны будемъ признать, что въ тѣхъ сферахъ народнаго хозяйства, которыми поддерживается прочность и развитіе хозяйства государственнаго, не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это можетъ казаться съ перваго раза.

Значитъ, изъ-за блестящихъ результатовъ росписей нельзя забывать о настоятельной необходимости широкаго пересмотра всей системы нашего обложенія; а главное нельзя обольщаться увѣренностью, что платежныя средства страны растутъ такъ же быстро, какъ и требованія, къ нимъ предъявляемыя, и могутъ являться неисчерпаемымъ источникомъ для расширенія государственнаго бюджета.

Н. Анненскій.

II.

Прискорбные случаи изъ области суда.—Значеніе этихъ явленій: старыя и новыя начала.—Отношеніе къ нимъ ретроградной прессы. — Любопытное продолженіе елабужскаго дѣла.—Новыя данныя въ дѣлѣ Тальмы.

Судебнымъ учрежденіямъ очень не везетъ, или быть можетъ вѣрнѣе будетъ сказать: очень везетъ въ послѣднее время. Выборъ термина зависитъ отъ вкуса, фактъ же состоитъ въ томъ, что въ послѣднее время приходится очень много слышать и читать о судѣ по разнымъ случаямъ и что случаи эти принадлежатъ къ категоріи «прискорбныхъ». Есть, однако, одна очень характерная черта и самыхъ случаевъ, и толковъ, ими вызываемыхъ, которая значительно смягчаетъ пессимистическое чувство наблюдателя, внимательно вдумывающагося въ это явленіе.

Еще не такъ давно самыя основы «судебныхъ уставовъ» подвергались чрезвычайно оживленной бомбардировкѣ по всей линіи консервативной прессы. Чуть не каждый день приносилъ какой нибудь новый поводъ для яростныхъ нападокъ, причемъ упомянутыя основы объявлялись несогласными съ нашимъ государственнымъ строемъ и духомъ нашей исторіи. Теперь порой раздаются еще тѣ-же рѣчи, но онѣ какъ-то прислушались и потеряли силу. Вслѣдъ за этимъ обнаружено было нѣсколько частію дѣйствительныхъ, частію

же только тенденціозно раздутыхъ случаевъ произвола судебныхъ слѣдователей, практикующихъ «личное задержаніе уважаемыхъ лицъ» съ чрезвычайно легкимъ сердцемъ. Въ одномъ случаѣ г. Е. Марковъ доказывалъ печатно, что задержаніе имѣло будто бы мѣсто послѣ пари между судебнымъ слѣдователемъ и его пріятелемъ. Послѣдній усомнился въ возможности столь неосновательнаго ареста, а судебный слѣдователь доказалъ, что для него нѣтъ невозможнаго въ этой области. Такъ какъ рѣчь шла о задержаніи «уважаемыхъ въ уѣздѣ личностей», то консервативная пресса сочла это новымъ поводомъ для канонады уже со стороны «возмутительнаго произвола» представителей новаго суда, и мы имѣли рѣдкій случай слышать патетическія нападки на «произволъ»—со стороны приверженцевъ весьма своеобразно понимаемой «сильной власти». Къ своему удивленію, однако, послѣдніе скоро замѣтили, что такъ называемая «лже-либеральная» пресса вмѣсто того, чтобы взять гг. судебныхъ слѣдователей подъ свою защиту и восторгаться неосновательнымъ задержаніемъ извѣстныхъ въ уѣздѣ персонъ,—сама заняла ту же позицію и даже пошла нѣсколько дальше, указывая на то, что, если такъ поступаютъ съ людьми въ уѣздѣ замѣтными, то люди незамѣтные по причинѣ своего ничтожества и многочисленности—должны претерпѣвать во сто кратъ больше непріятностей отъ проявленій того же произвола.

Это обстоятельство вызвало въ консервативномъ лагерѣ нѣкоторое раздумье, послѣ котораго, какъ то незамѣтно, нападки еще болѣе понизились въ тонѣ и смолкли. И теперь, когда вся остальная пресса такъ много говоритъ о тѣхъ или другихъ конкретныхъ случаяхъ «прискорбнаго» свойства,—пресса консервативная вовсе не торопится эксплуатировать ихъ въ своемъ излюбленномъ направленіи.

Это совершенно понятно. Всякое дѣйствительно живое, развивающееся явленіе, выходя изъ прошлаго, устремляется въ будущее, унося съ собой вмѣстѣ съ зародышами дальнѣйшаго развитія также и омертвѣлыя частицы стараго, съ элементами разложенія и регресса. Вся задача его жизни сводится такимъ образомъ къ укрѣпленію того, что подлежитъ дальнѣйшему развитію, и къ освобожденію отъ чуждыхъ элементовъ отжившей старины, которой оно пришло на смѣну. Сообразно съ этимъ и нападки на всякое новое учрежденіе возможны, почти даже неизбѣжны съ двухъ различныхъ сторонъ. Одни нападаютъ на все то новое, что данное учрежденіе внесло въ жизнь, т. е. на самую его душу, другіе преслѣдуютъ въ немъ тѣ остатки старыхъ началъ, которыя мѣшаютъ послѣдовательному и полному обнаруженію его собственныхъ основныхъ положеній.

Понятно, поэтому, что, нападая на «судъ улицы», какъ имъ угодно было называть судъ присяжныхъ, на самостоятельность судебныхъ дѣятелей, наши консервативы были до извѣстной степени послѣдовательны: они отстаивали бюрократическую опеку надъ об-

ществомъ. Но нападки на «произволъ» и требованіе его ограниченія являлись въ этомъ хорѣ нотой, рѣжущей ухо и неустойчивой, такъ какъ, во-1-хъ, попадали въ униссонъ совсѣмъ другому концерту, а во 2-хъ, рѣзко диссонировали съ собственнымъ камертономъ.

Мнѣ очень и очень жаль, что въ настоящую минуту я не могу привести точной цитаты и сдѣлать точныя ссылки, но я помню и многіе, вѣроятно, вспомнятъ также очень яркія статьи, напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и сочувственно перепечатанныя въ «Гражданинѣ», или наоборотъ, напечатанныя въ «Гражданинѣ» и сочувственно-перепечатанныя «Вѣдомостями». Въ этихъ замѣткахъ, очень характерныхъ и колоритныхъ, какой-то исправникъ или становой, вообще старый полицейскій служака, дѣлился своими воспоминаніями и очень зло иронизировалъ надъ «новыми порядками дознанія и слѣдствія». Къ сожалѣнію, опять таки, долженъ ограничиться блѣдной передачей своими словами, но смыслъ этой ретроспективной критики заключался въ томъ, что, когда *его*, т. е. вора и мошенника, приводятъ къ слѣдователю, то «молодой человѣкъ, недавно сошедшій со школьной скамьи», обращается къ нему съ любезнымъ вопросомъ: «не угодно ли Вамъ, милостивый государь, сознаться въ томъ, что вы такого-то числа изволили взломать замокъ и сочли возможнымъ присвоить себѣ непринадлежащія Вамъ деньги. Впрочемъ, считаю долгомъ предупредить Васъ, милостивый государь, что Вы въ правѣ и не признаваться—это вполнѣ зависитъ отъ собственнаго Вашего усмотрѣнія». Разумѣется, старый служака не можетъ говорить объ этомъ безъ крайняго сарказма и даже негодованія. Ну, нѣтъ! Грѣшный человѣкъ, въ свое время онъ поступалъ не такъ! Вотъ приводятъ бывало *его*, подлеца, и ставятъ передъ ясныя очи. Говори! Чуть скосилъ глазами—въ зубы. Разумѣется, онъ прежде всего озадаченъ и до извѣстной степени даже потрясенъ. Онъ начинаетъ понимать, что *его* привели не для шутокъ.—«Признавайся, куда спрятаны».—Не могу знать, ваше благородіе.—Другой разъ! Приходитъ, постепенно, въ чувство, а за третьимъ разомъ раскрываетъ всю душу. И не обижались, потому что русскій человѣкъ любитъ простоту и откровенный образъ дѣйствій.

Разумѣется, послѣ сочувственныхъ комментаріевъ къ такому разсказу простого, русскаго, полицейскаго человѣка,—очень неудобно продолжать нападки на произволъ гг. «судебныхъ слѣдователей». Очевидно, основное положеніе, изъ котораго исходитъ старый служака, состоитъ въ томъ, что разъ *его* (подлеца) привели, то значитъ онъ непремѣнно виноватъ, ибо порядочныхъ людей приводить не станутъ. А значитъ, и церемониться съ нимъ нечего,—весь вопросъ въ томъ, какъ вызвать въ немъ надлежащее расположеніе духа. Но и судебные слѣдователи въ аналогичныхъ случаяхъ исходили изъ такого же положенія, нѣсколько даже смягченнаго: разъ

человѣка посадили, значитъ виновенъ, ибо, вообще говоря, напрасно сажать не станутъ. А послѣ этого останется лишь трудъ «собиранія доказательствъ». Очевидно, это явленія родственныя, совершенно одного порядка, имѣющія корни въ отдаленной старинѣ, въ томъ добромъ старомъ времени, когда съ *ними* церемонились еще меньше и для наилучшаго узнанія истины прямо приступали къ разспросу съ пристрастіемъ. Понятно также, почему консервативная пресса очень скоро оставляетъ скользкій путь нападокъ на этой почвѣ, и дальнѣйшій разговоръ о «прискорбныхъ явленіяхъ» въ этомъ родѣ идетъ уже въ другомъ лагерѣ, въ средѣ приверженцевъ судебныхъ уставовъ, при сдержанномъ молчаніи ихъ принципіальныхъ противниковъ.

Въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства» мы приводили уже случай, имѣвшій мѣсто въ Елабугѣ, когда трое крестьянъ сознались въ убійствѣ четвертаго и въ утопленіи его трупа. Уже послѣ преданія суду обнаружилось, при содѣйствіи весенняго солнца, что убитый не убитъ и не утопленъ, а найденъ въ полѣ замерзшимъ и занесеннымъ снѣгомъ. На вопросъ сознавшимся: для какой цѣли они вводили правосудіе въ обманъ своимъ сознаніемъ, мнимые убійцы разсказали нѣкоторыя подробности «о способахъ узнанія отъ нихъ истины», которымъ они были подвергнуты въ полицейскомъ управленіи гор. Елабуги и полная достовѣрность которыхъ подтверждалась, повидимому, вполнѣ осязательнымъ фактомъ. Трудно думать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы люди «сознавались» въ такихъ вещахъ добровольно и для собственнаго удовольствія, а присутствіе замерзшаго не въ рѣкѣ, а въ полѣ, и безъ признаковъ насильственной смерти говоритъ ясно, что это сознаніе было ложно. И такъ, для чего же эти люди дали ложное сознаніе, изъ-за котораго рисковали каторгой? Черта,—на которую мы просимъ обратить особенное вниманіе читателя: если исключить изъ дѣла трупъ убитаго, какъ вещественное доказательство невинности этихъ сознавшихся людей,— то все остальное, цѣлый рядъ свидѣтелей съ полицейскими во главѣ рисовали картину мнимаго убійства съ необыкновенной точностью и такъ правдоподобно, что осужденіе подсудимыхъ было болѣе чѣмъ вѣроятно. Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. Нужно сказать, однако, что въ этомъ помогли имъ не данныя предварительнаго слѣдствія и не процедура суда, даже не медицинская экспертиза, такъ какъ экспертъ, уѣздный врачъ, покорно слѣдовалъ за обвинителемъ во всѣхъ его гипотезахъ, боровшихся съ прямой очевидностію,—а вмѣшательство весенняго солнца и безмолвное свидѣтельство трупа, найденнаго не въ рѣкѣ, а въ полѣ, и не убитымъ, а замерзшимъ. Подробности этого суда, на которомъ обвинитель стремился поддержать обвиненіе во что бы то ни стало и вопреки прямой очевидности, пассивность, съ которой сарапульскій судъ отнесся къ оправдательному приговору, не считая, повидимому, нужнымъ возбудить вопросъ о «способахъ дознанія», даютъ

такую горестную для всякаго приверженца праваго суда картину, которою, повидимому, должны были бы воспользоваться панегиристы дореформенныхъ порядковъ и порицатели судебныхъ уставовъ. Но дѣло было напечатано и обсуждалось только въ либеральной прессѣ, и опять совершенно понятно почему: все мрачное въ этомъ дѣлѣ есть именно наслѣдіе восхваляемаго прошлаго: елабужскій исправникъ Таширевъ и его команда дѣйствовали по рецепту цитированнаго нами выше браваго служаки старыхъ временъ (изъ нижняго земскаго суда), а сарапульскіе судьи отнеслись къ дѣлу съ формализмомъ, которому могли бы позавидовать подъячіе прежнихъ приказовъ или судьи и подсудки бывшихъ уѣздныхъ судовъ. Такимъ образомъ, осудить елабужскую полицію и равнодушіе сарапульскихъ судей—значитъ осудить все то, что обращено къ прошлому въ новомъ судѣ и апеллировать къ развитію тѣхъ новыхъ началъ, которыя внесены, къ сожалѣнію, недостаточно полно и послѣдовательно именно судебными уставами!

По поводу нашей замѣтки въ январьской книжкѣ мы получили отъ мѣстныхъ жителей очень интересное дополненіе къ этому дѣлу, которымъ считаемъ нелишнимъ подѣлиться съ нашими читателями, хотя это опять очень прискорбное явленіе изъ той же области дорогого намъ учрежденія. Оказывается, что, какъ въ интересныхъ романахъ съ захватывающей завязкой—дѣло это вердиктомъ присяжныхъ, сказавшихъ «нѣтъ, не виновны», еще далеко не вполнѣ закончено. Правда, подсудимые оправданы безповоротно Дѣло, однако, въ томъ, что въ то же самое время и въ томъ же закрытомъ помѣщеніи елабужской полиціи тѣ же трое подсудимыхъ, которые стремились ввести правосудіе въ очевидное заблужденіе своимъ собственнымъ сознаніемъ,—сдѣлали еще оговоръ на непріятнаго полиціи по разнымъ причинамъ старшину, который будто-бы, зная объ убійствѣ и утопленіи Чернышева, помогалъ сокрытію преступленія, взявъ съ подсудимыхъ 170 рублей взятки. Такъ какъ это уже преступленіе по должности, то старшину выдѣлили изъ дѣла, и ему предстоитъ дать отвѣтъ въ судебной палатѣ. Итакъ, благодаря усердію елабужской полиціи, намъ предстоитъ еще одна изумительная судебная процедура, на которой обвиняемаго придется спрашивать: «признаете-ли себя виновнымъ въ томъ, что взяли съ такихъ-то взятку за сокрытіе убійства, котораго впрочемъ никто не совершилъ, и утопленія трупа, который впрочемъ найденъ замерзшимъ въ полѣ?» Положеніе, въ которомъ оказалась судебная палата, вынужденная производить подобнаго рода судебныя дѣйствія, наводитъ, разумѣется на размышленія.

Между тѣмъ, передъ читателемъ, слѣдящимъ за проявленіями общественной жизни въ прессѣ, уже стоитъ новое дѣло, на этотъ разъ прошедшее всѣ инстанціи, совершенно законченное, по которому правосудіе, въ лицѣ кассаціоннаго сената, произнесло свое послѣднее слово. Я говорю о дѣлѣ Тальма, обвиненнаго въ убій-

ствѣ Болдыревой. Оно еще такъ свѣжо въ памяти всѣхъ по длиннымъ и обстоятельнымъ газетнымъ отчетамъ, что я не считаю нужнымъ возстановлять здѣсь всѣ обстоятельства. Присяжные, послѣ внимательнаго обсужденія вынесли, обвинительный вердиктъ. Защитникъ съ глубокимъ волненіемъ обратился къ суду, прося примѣненія статьи, по которой единогласное постановленіе суда отмѣняетъ приговоръ,—но судъ эту просьбу не уважилъ. 22 декабря прошлаго года дѣло было назначено къ слушанію (въ одинъ день съ дѣломъ мултанскихъ вотяковъ), но докладъ въ этотъ день не состоялся, и уже совсѣмъ недавно, въ нынѣшнемъ году, состоялось опредѣленіе сената, которымъ жалоба защиты оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ въ дѣлѣ существенныхъ судопроизводственныхъ нарушеній не найдено. Такимъ образомъ приговоръ вступилъ въ законную силу.

Повидимому, не было особыхъ причинъ сомнѣваться въ правильности приговора присяжныхъ по существу. Слѣдствіе доставило массу данныхъ, которыя рисовали внутреннія отношенія семьи въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ и говорили за то, что преступленіе было вполнѣ возможно. Таково было повидимому господствующее впечатлѣніе отъ этого процесса, даже болѣе, казалось, что обвинительный вердиктъ еще недостаточенъ, въ томъ смыслѣ, что онъ не охватываетъ всѣхъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ. Правда, нѣкоторыя, довольно тонкія, чисто психологическія черты шевелили отчасти сомнѣніе и легкое колебаніе совѣсти, которое находило подтвержденіе въ пренебреженныхъ слѣдствіемъ обстоятельствахъ. Такъ, въ ночь убійства, на усадьбѣ, сосѣдней съ домомъ Болдыревой, слышенъ былъ сильный лай собакъ. Отъ забора оказалась оторванной доска и у доски былъ замѣченъ бо́льшой слѣдъ ноги, что было удостовѣрено показаніемъ учителя гимназіи г. Пличала. Далѣе, при первомъ-же осмотрѣ двора Тальмы, 28-го марта 1894 г., было установлено, что у забора, отдѣляющаго дворъ отъ проулка, между флигелями Тальмы и сосѣднимъ, близь помойной ямы, находился остовъ отъ дрогъ, на передней подушкѣ котораго и на концѣ лѣвой дрожины замѣчено восемь кровяныхъ пятенъ засохшихъ; анализъ этой крови для провѣрки заявленія свидѣтелей, что кровь *могла произойти* отъ зарѣзанной на дрогахъ курицы, сдѣланъ не былъ. (Какъ это напоминаетъ щепочки въ мултанскомъ дѣлѣ, на которыхъ тоже была кровь и которыя уничтожены приставомъ, какъ ничего незначущія). Между тѣмъ, если это была человѣческая кровь, то фактъ приближенія дрогъ къ заборчику и оставленные на немъ слѣды служили прямымъ указаніемъ на то, что убійцы скрылись черезъ заборъ въ проулокъ, каковое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, удостовѣренномъ предварительнымъ слѣдствіемъ обстоятельствѣ, что по проулку въ ночь преступленія пробѣжалъ человѣкъ.

Еще далѣе; въ Москвѣ, въ полицейскомъ участкѣ 9 іюля 1894 года лишилъ себя жизни посредствомъ отравленія нѣкто Ко-

робовъ, который передъ смертью заявилъ, что онъ знаетъ убійцъ Болдыревой, а можетъ быть и самъ участвовалъ въ преступленіи. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что Коробовъ дѣйствительно находился въ Пензѣ во время убійства. Наконецъ, бывшій военный слѣдователь, а нынѣ членъ казанскаго военнаго окружнаго суда, полковникъ Панкратовъ, еще во время производства предварительнаго слѣдствія довелъ до свѣдѣнія прокуратуры, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1894 г., проходя около 12 часовъ ночи по Поперечно-Покровской улицѣ г. Пензы, онъ нагналъ около церкви Покрова двухъ неизвѣстныхъ мужчинъ и услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ своему спутнику: «Жаль мнѣ Тальму, если бы я только одно слово сказалъ, его сейчасъ же выпустили бы». На это другой отвѣтилъ: «Оставь; какъ посадили, такъ и пускай сидитъ, а то еще и тебя посадятъ». Когда полковникъ Панкратовъ хотѣлъ вмѣшаться въ разговоръ, неизвѣстные разбѣжались, причемъ задержать ихъ, за отсутствіемъ извозчиковъ или городовыхъ, Панкратову не удалось.

Сведенныя здѣсь въ одно цѣлое эти мелкія указанія производятъ нѣкоторое впечатлѣніе, намекая на таинственное присутствіе неразъясненныхъ обстоятельствъ и какой то невѣдомой руки, которая могла совершить то же, въ чемъ обвиняютъ Тальму. Слѣдственныя власти, убѣжденныя сразу въ виновности именно Тальмы,—не обратили на нихъ вниманія и въ дѣлѣ они потонули подъ грудой обвинительнаго матеріала, имѣвшаго правда характеръ косвенный, но совершенно подавлявшаго своимъ обиліемъ и, такъ сказать, своей массой. Присяжные сказали: «*да, виновенъ*», и приговоръ вступилъ въ законную силу.

Но вотъ одинъ изъ послѣднихъ №№ газеты «Новости» внезапно приноситъ намъ совершенно неожиданное извѣстіе о томъ, что сенату приходится опять заняться этимъ дѣломъ, «по вновь открывшимся обстоятельствамъ». Такими новыми обстоятельствами, читаемъ мы въ указанной газетѣ (№ 62)—жена осужденнаго Александра Тальмы считаетъ показаніе пензенской жительницы, нѣкоей Битяевой, которое проливаетъ яркій свѣтъ на убійство генеральши Болдыревой.

Битяева (нынѣ ей 19 лѣтъ) поселилась въ качествѣ завѣдующей хозяйствомъ въ семействѣ нѣкоего Олигера, который въ г. Пензѣ считался человѣкомъ весьма состоятельнымъ (домъ Олигера находится по близости дома Тальмы, въ которомъ была найдена убитой генеральша Болдырева). Въ половинѣ января 1894 года къ Битяевой на улицѣ присталъ неизвѣстный молодой человѣкъ, предложившій проводить ее и назвавшійся Борисомъ Николаевичемъ Леонтьевымъ. Послѣ этого между молодыми людьми стали происходить частыя свиданія. О себѣ г. Леонтьевъ говорилъ, что онъ—круглый сирота, холостой и ищетъ въ Пензѣ занятій; пріѣхалъ-же онъ сюда по очень трудному, но выгодному дѣлу. Во время одного

изъ свиданій онъ проговорился, что познакомился на пирушкѣ съ нѣкіимъ Коробовымъ (отравившимся впослѣдствіи въ Москвѣ) и видится съ нимъ. 27 марта, т. е. наканунѣ убійства Болдыревой, Битяева получила отъ Леонтьева письмо, въ которомъ онъ проситъ ее на свиданіе въ этотъ день не приходить, такъ какъ онъ очень занятъ, а придти 28-го. Явившись въ этотъ день, Леонтьевъ заявилъ Битяевой, что онъ вчера, наконецъ, обдѣлалъ то выгодное, но трудное дѣло, о которомъ онъ говорилъ, и теперь у него много денегъ и векселей. Въ это время какъ разъ молодые люди проходили мимо дома Тальмы, и Битяева въ шутку предложила своему поклоннику вопросъ: «Не Болдыреву-ли вы убили, что сразу разбогатѣли?»—«Моментально,—пишетъ Битяева въ своемъ показаніи,—лицо его измѣнилось, испугъ и страхъ запечатлѣлись на немъ; онъ судорожно, до боли сжалъ мою руку и, задыхаясь, прошепталъ: «Молчите, молчите!». Эти мгновенія я подробно описать не могу, но звукъ его голоса, этотъ порывъ, этотъ ужасъ, проявившійся у человѣка, который держалъ себя всегда такъ спокойно и ровно,—словомъ, все вмѣстѣ взятое, подсказало моей совѣсти, что я вижу передъ собою виновника или участника этого звѣрскаго убійства».

Несмотря, однако, на такое подозрѣніе, г-жа Битяева продолжала сношенія съ своимъ поклонникомъ. Въ одно изъ свиданій Леонтьевъ предложилъ Битяевой въ подарокъ аметистовыя сережки (такія-же сережки были похищены у убитой), но дѣвушка отказалась принять ихъ. Романъ этотъ закончился тѣмъ, что Леонтьевъ предложилъ Битяевой обокрасть Олигеровъ, или, если она не можетъ сама этого сдѣлать, то чтобы впустила его ночью въ квартиру, а когда возмущенная дѣвушка отвѣтила отказомъ, Леонтьевъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ вы мнѣ больше не нужны, мы съ вами больше не увидимся».

Несмотря на увѣренность, что ея новый знакомый—одинъ изъ соучастниковъ убійства Болдыревой, Битяева колебалась доносить, боясь раскрытіемъ своихъ свиданій съ нимъ скомпрометтировать себя въ глазахъ Олигеровъ. «Я все надѣялась,—пишетъ она въ своемъ заявленіи прокурорскому надзору и въ письмѣ къ двоюродному брату осужденнаго Тальмы, полковнику Тальмѣ,—что Тальму оправдаютъ и что мое молчаніе не принесетъ никому вреда. По крайней мѣрѣ, всѣ мои знакомые вѣрили въ оправданіе Тальмы, противъ котораго совершенно не было уликъ». И только послѣ осужденія Тальмы, она рѣшилась все открыть судебнымъ властямъ. Въ доказательство сношеній своихъ съ Леонтьевымъ она представила двѣ записки послѣдняго.

Приступлено было къ дознанію о личности Леонтьева, которое выяснило, что лицо, выдававшее себя передъ Битяевой за Леонтьева, въ дѣйствительности—пензенскій житель Шиллетъ, служащій на сызранско-вяземской желѣзной дорогѣ. Показанія Битяевой

съ указаніемъ на факты, не бывшіе вовсе въ разсмотрѣніи суда, были признаны г. прокуроромъ саратовской судебной палаты достаточнымъ поводомъ къ возобновленію дѣла. По распоряженію прокурора судебной палаты, на мѣстѣ было начато разслѣдованіе подъ ближайшимъ руководствомъ прокурора пензенскаго окружнаго суда.

Дѣло Тальмы пріобрѣтаетъ такимъ образомъ двойной интересъ. Это во 1-хъ еще одна поразительная психологическая картина, вскрывающая удивительные изгибы сложной человѣческой природы. Уже одна любовь этой дѣвушки, убѣдившейся, что любимый человѣкъ убійца, и въ то же время продолжающей щадить его, пока не вынуждаетъ ее къ познанію гибель неповиннаго человѣка; далѣе эта семья, въ которой жертва, какъ старый Карамазовъ въ романѣ Достоевскаго, является наименѣе симпатичной изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; Тальма — настоящій снимокъ, заимствованный дѣйствительностію изъ того же романа, такъ же несправедливо обиженный и, повидимому, питавшій такія же сложныя чувства къ обидчицѣ и жертвѣ; его судьба на судѣ, когда «возможность» и вѣроятность вмѣнены ему, какъ совершеніе преступленія,—наконецъ этотъ неизвѣстный Коробовъ, таинственный, нашедшій въ преступленіи одно отчаяніе, кончающій самоубійствомъ и все таки только намекающій на невинность Тальмы,—развѣ это не Смердяковъ, раздѣлившій только свою роль съ мнимымъ Леонтьевымъ...

Однако, насъ здѣсь, разумѣется, занимаютъ главнымъ образомъ не психологическія сближенія, тѣмъ болѣе, что послѣ неожиданнаго признанія Битяевой, вся эта слѣдственно-обвинительная психологія является весьма проблематической, а психологическая проницательность ея авторовъ должна возбудить значительныя сомнѣнія.

Жена подсудимаго, тотчасъ по обнаруженіи «новыхъ обстоятельствъ», запаслась копіями показаній Битяевой и обратилась въ сенатъ съ просьбой о пересмотрѣ дѣла и пріостановкѣ приговора. Сенатомъ эта просьба оставлена безъ послѣдствій. Это не значитъ, конечно, что сенатъ считаетъ признаніе Битяевой неправильнымъ по существу. Это значитъ только, что для пересмотра дѣла, по которому произнесенъ окончательный приговоръ, нуженъ новый приговоръ надъ новымъ обвиняемымъ. Только этимъ ключомъ можно открыть дверь тюрьмы и каторги, грозящей обвиненному Тальмѣ.

Это совершенно законно и иначе не можетъ дѣйствовать никакое судебное учрежденіе. Въ поведеніи суда, повидимому, тоже не было существенныхъ погрѣшностей, которыя бы подали поводъ къ кассаціи. Присяжные... Кто изъ читавшихъ отчеты по дѣлу, положа руку на сердце, скажетъ, что онъ не присоединился къ ихъ вердикту, на основаніи даннаго имъ матеріала?

Дѣло Тальмы, въ этомъ отношеніи, счастливо только этой слу-

чайностью, наступившей, какъ бы для вящшаго эффекта, послѣ того, какъ процессъ закончилъ всѣ свои стадіи. Но кто скажетъ, что это—наиболѣе яркое проявленіе недостатковъ нашей слѣдственной процедуры, въ основѣ которой фактически все еще лежитъ не всестороннее разъясненіе истины, а лишь собираніе «доказательствъ виновности заподозрѣннаго». Громкое и все еще нерѣшенное мултанское дѣло даетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе яркую картину. Въ другихъ странахъ, считаютъ, что вопросъ о томъ, *какъ* ведется то или другое дѣло, часто становится болѣе существеннымъ, чѣмъ вопросъ о самомъ фактѣ виновности или невинности даннаго лица. Намъ очень важно,—говоритъ своему суду англичанинъ,—чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ. Но намъ еще важнѣе, чтобы вы искали виновнаго только правильными и законными путями. Очень жаль, если преступникъ не будетъ обнаруженъ въ данномъ случаѣ. Но, если вы посягнете ради успѣха на выработанныя закономъ нормы,—то порча самаго аппарата, которымъ дѣйствуетъ правосудіе страны, принесетъ вредъ въ тысячу разъ большій.

У насъ, повидимому, нѣтъ еще этого взгляда, и вотъ почему вопросъ, напримѣръ, о виновности или невиновности данныхъ семи лицъ въ мултанскомъ дѣлѣ для насъ является также какъ бы вопросомъ объ одобреніи или оправданіи слѣдственныхъ порядковъ этого дѣла. И неужели только удачей или неудачей, въ смыслѣ достиженія обвинительнаго приговора, можетъ опредѣляться достоинство слѣдствія и позволительность или непозволительность нарушеній закона...

Мы имѣемъ въ виду еще не разъ вернуться къ вопросамъ этого порядка на страницахъ нашего журнала, причемъ надѣемся дать мѣсто мнѣніямъ лицъ, болѣе компетентныхъ въ юридическихъ вопросахъ; теперь же, въ качествѣ журналиста, обязаннаго слѣдить за конкретными фактами текущей дѣйствительности, я могу только констатировать, что приведенные выше эпизоды громко стучатся въ дверь и требуютъ общественнаго вниманія. Смыслъ ихъ, повторяю, одинъ: измѣните слѣдственные порядки, сдѣлайте еще шагъ въ направленіи, указанномъ духомъ судебныхъ уставовъ, отрѣшитесь отъ пережитковъ давно осуждаемаго инквизиціоннаго процесса. Вотъ мораль этихъ прискорбныхъ эпизодовъ въ области правосудія, и не нужно быть спеціалистомъ для того, чтобы намѣтить и существеннѣйшій шагъ въ этомъ направленіи: допущеніе защиты не только на судѣ, но и на слѣдствіи. Безъ сомнѣнія, это должно сильно затруднить гг. слѣдователей и въ особенности гг. прокуроровъ, имѣющихъ теперь возможность безпрепятственно создавать матерьялъ для будущихъ своихъ судебныхъ рѣчей. Но во 1-хъ, цѣль правосудія—не одно облегченіе ихъ работы, а во 2-хъ, можно думать, что теперь исполненіе ихъ задачи уже слишкомъ легко, такъ легко, что можно собрать доказательства не только того, что было, но нерѣдко даже и того, чего не было вовсе.

О. Б. А.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство"

по сбору пожертвованій на исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ.

Остатокъ къ 1-му Марта 1896 г.	1047 р. 10 к.
Поступило въ Мартѣ:	
От *Елизаветы Ечинацъ*, изъ гор. Омска . .	1 » — »
Итого.	1048 р. 10 к.

Кружокъ лицъ, взявшихъ на себя заботу объ исправленіи памятниковъ на могилахъ писателей на Волковомъ кладбищѣ, получилъ, кромѣ мелкихъ пожертвованій, 1,000 р. отъ К. Т. Солдатенкова послѣ того, какъ первоначальная ближайшая задача была уже исполнена: памятники Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева исправлены, на могилѣ Рѣшетникова положена новая плита. Новыя пожертвованія будутъ направлены уже не на исправленіе могилъ, а на постановку новыхъ памятниковъ, и не на Волковомъ только кладбищѣ. Безъ памятниковъ доселѣ остаются такіе писатели, какъ Н. Д. Заіончковская (Вс. Крестовскій псевдонимъ), В. С. Курочкинъ (редакторъ «Искры» и переводчикъ Беранже), Н. С. Курочкинъ, М. В. Авдѣевъ (авторъ «Подводнаго камня»), недавно умершій П. В. Павловъ.